

Академия наук Республики Татарстан
Институт истории им. Ш. Марджани

Средневековые тюрко-татарские государства

Выпуск 5

**Вопросы источниковедения и
историография истории средневековых
тюрко-татарских государств**

ББК 63.3
С 75

Редакционная коллегия:

*Р.С. Хакимов, И.К. Загидуллин (отв. ред. и сост.), Д.Н. Маслюженко, И.А. Мустахимов,
В.В. Трепавлов, С.Г. Бочаров, И.В. Зайцев, Б.Р. Рахимзянов, А.Г. Ситдиков*

Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Выпуск 5: Вопросы источниковедения и историография истории средневековых тюрко-татарских государств. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013. – 228 с. + 8 с. цв. вкл.

ISBN 978-5-94981-175-7

© Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2013
© Авторы публикаций, 2013

Предисловие

Ежегодник «Средневековые тюрко-татарские государства» впервые в своей истории был подготовлен по конкретной проблематике – посвящен вопросам источниковедения и историографии. Этому есть объяснение. Одним из ключевых проявлений развития современной исторической науки в целом, и изучения средневековых тюрко-татарских государств, в частности, является выявление новых и анализ имеющихся источников. Новые научные изыскания исследователей по этой области исторических знаний привлекательны для специалистов и будут способствовать усилению внимания к источниковедческим проблемам.

Важнейшем источником по политической истории и международной деятельности средневековых тюрко-татарских государств являются русские исторические нарративы. В представленных вниманию читателей статьях молодых историков *А.В.Аксанова* («Покорение Казани глазами русских летописцев: герменевтический анализ известий») и *А.В.Парунина* («Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства») предпринята попытка на основе трудов предшественников и анализа русских летописей определить новые аспекты ряда исторических сюжетов по московско-татарским отношениям.

Новизну представленной *Д.В.Сень* темы («Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т. Разиным») во многом обусловили вводимые впервые в научный оборот материалы дипломатической переписки донских казаков в XVII в. с соседними государствами, в том числе с крымскими ханами. В статье казачество представлено и как активный участник международных отношений в Восточной Европе, и как объект пристального внимания соседних государств, стремящихся использовать казачий фактор в своих интересах.

Новые наработки известного историка *Ю.С.Худякова* («Изображения оружия татарских и русских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи») свидетельствуют о том, что критический анализ отдельных деталей источников превращается под чутким взглядом ученого-специалиста в репрезентативный материал для успешной реконструкции вооружения татарских воинов Сибирского ханства. Статья казанских исследователей *Н.Х.Халитова* и *Н.Н.Халитова* («Двухглавый орёл в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве») определяет ареалы распространения и время появления образа двухглавого орла в мировом искусстве, в том числе в средневековых тюрко-татарских ханствах и в Московском государстве. В статье общеизвестный символ в связке с историческими сюжетами превращается в неотъемлемый элемент политической культуры и повседневной жизни многих поколений.

Важным направлением изучения отдельных аспектов средневековой истории становится широкое привлечение карт и планов конца XVII – XVIII вв. Такие изыскания, по сути, являются междисциплинарными исследованиями, максимально использующими открытия современных источниковедов, археологов и других специалистов, и, конечно же, все доступные письменные источники. Такие реконструкции позволяют по-новому прочитать писцовые книги, или же становятся веским доводом в решении отдельных локальных дискуссионных вопросов. Представленные вниманию читателей труды омского исследователя *С.С.Тихонова* («Карты С.У. Ремезова и записки Г.Ф. Миллера как источники по изучению системы расселения и численности сибирских татар») и казанского архитектора-градостроителя *С.П.Саначина* («Историческое изыскание Свяжского Городища», «Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни»), свидетельствующие о значительных возможностях картографических источников, позволили их авторам выработать новые подходы к лакунам в истории средневековых государств.

Единственной историографической статьей, посвященной изучению истории термина различных «партий» в Казанском ханстве, является работа молодого московского историка *М.В.Моисеева* («Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники»). Благодаря глубокому анализу корпуса источников, автор сумел убедительно обосновать свою точку зрения на эту проблему.

В статье *Иштвана Вашари* («Крымское ханство и Великая Орда (1440–1500 годы). Борьба за первенство») речь идет о смене политического лидера в тюрко-татарском мире, продолжавшем существовать на развалинах Золотой Орды.

Малочисленным источникам на тюркских языках посвящены статьи молодых авторов *И.А.Мустакимова* («Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея», «Арабографичные нарративные источники по истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.») и *Ж.М.Сабитова* («Муизз ал Ансаб»: восстановительная критика»).

В раздел «Наследие» помещена переведенная на русский язык статья турецкого тюрколога *З.В.Тогана* и текст введенного им в научный оборот произведения Шарифи «Зафер наме-и вилайет-и Казан».

По случаю 460-летия падения Казани в 1552 г. нами был проведен опрос среди специалистов средневековой истории по актуальным проблемам (*1. Какие причины, на Ваш взгляд, предопределили победу Московского государства над Казанским и другими средневековыми тюрко-татарскими государствами? 2. Какие мифы и несоответствующие историческим фактам суждения существуют сегодня по поводу казанско-московских отношений первой половины XVI века? 3. Если оценивать прошедшие исторические события с высоты начала XXI века, какими потерями и приобретениями ознаменовалась для татар и для России ликвидация татарской национальной государственности?*). Ответы историков на эти сложные вопросы свидетельствуют о происходящих качественных изменениях в оценке событий прошлого и существующих разногласиях по третьему вопросу между российскими и татарстанскими историками.

Несомненный интерес для источниковедов представляет подготовленный *А.В.Беляковым* текст важного источника рубежа XVI–XVII в., позволяющего реконструировать более ранние страницы истории региона – писцовой книги мордовских сел Кадомского уезда 1629/30 года, извлеченной из фондов Российского государственного архива древних актов, с предисловием автора.

В завершающем сборник разделе «Новые книги» представлены: рецензия *М.В.Моисеева* на монографию *А.В.Белякова* «Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование» (Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с.), отзыв *Д.Н.Маслюженко* на книгу *А.В.Матвеева* и *С.Ф.Татаурова* «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории» (Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.) и обзор *Р.Г.Галляма* монографии *Ш.Ф.Мухамедьярова* «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)» (Казань: Изд-во «Ихлас», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 276 с.).

И.К.Загидуллин

Покорение Казани глазами русских летописцев: герменевтический анализ известий

Ключевые слова: завоевание Казани, Русское государство, Казанское ханство, герменевтика.

Аннотация. В статье с помощью методов герменевтики анализируются известия о завоевании Казани. Делается вывод, что летописцы, осмысливая события через призму идей наиболее авторитетных произведений своего времени, сравнивали завоевание Казани с падением Иерусалима и Константинополя. Они пытались показать торжество православной веры и обретение царства. Завоевание Казанского ханства подтверждало царский титул Ивана IV и открывало дорогу для присоединения Поволжья, Урала и Сибири к России.

Ученые, намереваясь воссоздать картину завоевания Казани, неоднократно обращались к событиям 1552 г. [Худяков, 1991; Алишев, 1995; Бахтин, 2001; Котляров, 2005], однако малоизученной оставалась тема репрезентации казанского похода в источниках. Эта проблема актуализировалась и в связи с обновлением методологического инструментария историков. И.Н.Данилевский, В.Н.Рудаков и некоторые другие исследователи апробировали герменевтический подход, благодаря которому обнаружили пласты новой информации в источниках, изученных многими предшественниками [Данилевский, 2004; Амельченко, Селезнев, 2006. Рудаков, 2009]. Настоящая работа – попытка выявить особенности восприятия «Казанского взятия» с помощью методов герменевтики. Самое раннее описание похода 1552 г. содержится в Летописце начала царства. Оно было создано в 1553 г. и вскоре вошло в состав всех официальных сводов [Лавров, 1927, с.89; Зимин, 1958, с.31; Данилевский, 1998, с.215].

Согласно официальным летописям, в апреле 1552 г. начался сбор русских войск для похода на Казань: новгородцам и жителям других дальних городов повелевалось собираться в Коломне и Кашире, «а Московским городом» – в Муроме [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.178; т.13, ч.2, с.477; т.20, с.493–494; т.29, с.73, 172]. В послании «всему воинству» митрополит Макарий и участники церковного собора призывали на помощь Архистратига Михаила, благодаря которому Авраам победил содомского царя, Иисус Навин взял Иерихон, Геден завоевал Медиан, а Иезекииль разгромил ассирийцев. По заверению священнослужителей, всем, кто прольет свою кровь за православие, уготовано прощение грехов и царство небесное [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.183, 193–196; т.13, ч. 2, с.482, 490–493; т.20, с. 499, 507–510; т.29, с.78, 87, 175, 183].

Упомянутое послание имеет много общего с посланием Вассиана Ростовского к Ивану III. И в том, и другом случае наблюдается обращение к опыту ветхозаветных пророков и правителей, одолевших своих врагов с помощью небесных сил [ПСРЛ, т.12, с.210–211; т.13, ч.1, с.193–194]. Оба послания содержат слова Апостолов и высказывания из Евангелия [ПСРЛ, т.12, с.211–212; т.13, ч.1, с.195–196], смысл которых сводится к тому, что смирение перед Господом и усердие в его делах приведет к ратным успехам [Лк. 1: 52; Иак. 4: 6; 1 Пет. 5: 5]. Иными словами, во время стояния на Угре, как и в 1552 г., духовные лидеры не просто призывали русское воинство к мужеству, а, напоминая о военных подвигах Иисуса Навина, Гедена и других праведников, указывали на предрешенность победы в борьбе за веру.

Летописцы вложили в уста самодержца слова, раскрывающие религиозный смысл военного противостояния: воевать против «нечестивых варвар» означало страдать, подобно первым мученикам и апостолам, а за это Господь мог даровать не только земное царство, славу и благополучие, но и бесконечную, небесную «радость» [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.185. См. также: т.13, ч.2, с.483; т.20, с.500; т.29, с.79, 177]. По наблюдениям М.Л.Шмыковой, «мысль о святости воинов, павших за веру, генетически восходила к «Сказанию о Мамаевом побоище», «Посланию на Угру» Вассиана Рыло, а также к летописному сказанию о походе хана Сафа-Гирея на Русь в 1541 г., то есть памятникам, посвященным борьбе с татарами» [Шмыкова, 2008, с.290].

Автор «Казанской истории» создал оригинальные сообщения, указывающие на Божье благословение «Казанского взятия». Ключевым сюжетом в нем является беседа митрополита с царем, когда Иван IV получил от Макария, вместо видимого оружия, крест Христов, то есть благословле-

ние от Вседержителя небесного, а вместе с тем, храбрость и мужество Александра Македонского [Казанская история, с. 391].

Царственная книга и Александро-Невская летопись, в отличие от наиболее ранних официальных летописей, содержат ряд известий, связанных с чудесами и знаменами, произошедшими во время казанского похода 1552 года [ПСРЛ, т.13, ч.2, с.502–503; т.29, с.193–194]. Подобные сообщения сохранились и в Степенной книге, автор которой подчеркнул, что русские по дороге в Казань питались уготованной Богом пищей: на полях росло много овощей, реки были богаты рыбой, из леса на заклание выходили лоси, а с неба прилетали птицы [ПСРЛ, т.21, с. 643]. Следовательно, поход на татар и завоевание Казанского ханства благословил сам Господь. Для подтверждения данного тезиса составитель книги привел несколько статей, повествующих о видениях, предрекавших победу. К служителям церкви и воинам являлись апостолы, Николай Чудотворец и преподобный Даниил. Православные святые, сообщая о том, что Господь передает Казань в руки царя, поддерживали христиан и призывали их к более решительным действиям [ПСРЛ, т.21, с.643–646].

Автор «Казанской истории», противореча Степенной книге, привел сообщение о засухе, от которой в походе умерло много людей. Причем засуха была ниспослана казанцам за их грехи. По словам книжника, пересохшие реки и болота позволили русским войскам беспрепятственно, гоня перед собой скот, развезжать по казанским землям [Казанская история, с.413–416]. М.Б.Плюханова обнаружила сходство данного сообщения с известием о походе Ивана III на Новгород в 1471 году [Плюханова, 1995, с.200]. В Новгородской летописи рассказывается, что «болота непроходимы от солнечного зноя пересхоша: бо везде у них ратнии полцы великого князя, ничим же удержими, по всей Новгородской зимли воеваху невозбранно, и скоти гнаху отвсяду непроходимыми месты и болоты, а все по суху». Новгородский летописец сравнил поход великого князя с нашествием Навоходоносора на Иерусалим [Новгородские летописи, 1879, с.291–292].

Таким образом, автор «Казанской истории» заимствовал целый сюжет из Новгородской летописи. Сопоставляя взятие Казани с падением Иерусалима и покорением Новгорода, он включил в повествование похода 1552 г. описание засухи, противоречащее в конкретно-историческом смысле данным других источников. Напротив, А.М.Курбский информировал, что царским войскам пришлось переправляться через многочисленные реки и болотца [Курбский, 2001, с.328–329].

Официальная хроника гласит, что 23 августа царские полки расположились близ Казани и, развернув хоругви и водрузив «животворящий крест Дмитрия Донского», совершили молебен. Здесь же Иван IV обратился к войску с речью, призывая их «единодушно пострадати за благочестие, за святые церкви и за нашу православную христианскую веру» и «за единородную нашу братию», страдающую от «безбожных Казанцов». Царь заявил, что он готов пожертвовать собственной жизнью, а тех, кто последует его примеру, пообещал «жаловати великим жалованием». Князь Владимир Андреевич и другие полководцы ответили государю, что намерены воевать «за православие не щядя себя» [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.204; см. также: т.13, ч.2, с.500; т.20, с.517; т.29, с.96, 191].

По замечанию М.Л.Шмыковой, «воплощением идеи божественного покровительства и образа крестоносной власти в казанском походе было боевое царское знамя, так называемый «Спас Нерукотворный», сопровождавшее по преданию Дмитрия Донского на Куликовом поле и развернутое Иваном IV под стенами Казани» [Шмыкова, 2008, с.291].

Отчаянное сопротивление защитников Казани удалось сломить лишь 2 октября 1552 года. Взрыв городских стен стал сигналом к началу штурма. Первыми на приступ устремились казаки, стрельцы и боярские дети. Согласно официальным летописям, православные ринулись с кличем: «с нами Бог», а татары – с призывом: «вси помрем за юрт» [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.217; см. также: т.13, ч.2, с.512; т.20, с.528; т.29, с.106, 202].

Тем временем Иван IV находился на литургии, а взрыв, по замечанию летописца, прогремел сразу вслед за произнесением дьяконом заключительной строки Евангелия: «И будет едино стадо и един пастырь». Дважды царя просили выехать к войску, но он, отказываясь прерывать пение, со слезами на глазах молил Христа, Богоматерь и преподобного Сергия о помощи. И только после окончания литургии, получив благословение от протопопа Андрея, государь поехал к своему полку [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.217; т.13, ч.2, с.511–512; т.20, с.528–529; т.29, с.106–107, 201–202].

Некоторые исследователи на основе буквальной интерпретации данного известия сделали вывод о личностных качествах Ивана IV. Так, например, по мнению Р.Г.Скрынникова, «в ходе военных действий царь не выказал больших дарований», «промедление Ивана дало пищу для неблагоприятных толков в полках» [Скрынников, 1983, с. 47].

Однако представленное сообщение имеет ряд семантических параллелей с известиями о воинских подвигах праотцев царя, на фоне которых актуализируются другие смыслы. Действия Ивана IV сильно напоминают поведение Дмитрия Донского накануне Куликовской битвы и Ивана III перед походом на Угру. Предки царя также, откладывая выступление, со слезами на глазах подолгу молились Христу, Богородице и православным святым [ПСРЛ, т.11, с.56, 58; т.12, с.200].

Ключ к пониманию подобного промедления сокрыт в тексте «Сказания о Мамаевом побоище». Когда великий князь Дмитрий Иванович приехал в Троицкий монастырь за благословением, ему сообщили, «яко уже приближаются погании половци». Великий князь стал торопиться и просить настоятеля монастыря Сергия отпустить его, на что старец ответил: «Се ти замедление сугубо ти поспешение [«Поспешение» – помощь, содействие. См.: Словарь, 1991, с.214] будет. Не уже бо ти, господине, еще венець сия победы носити, нь по минувших летех, а иным убо многим ныне венци плетутся» [Сказание, 1999, с.150]. Другими словами, согласно Сергию, промедление в ратном деле поможет князю Дмитрию Ивановичу одержать победу и вернуться живым.

Уже в разгар Куликовской битвы, когда инициатива стала переходить к противнику, князь Владимир Андреевич порывался выйти с засадным полком на помощь основным силам. Но воевода Дмитрий Боброк-Волынский, развивая мысль Сергия Радонежского, остановил князя словами: «Беда, княже, велика, не уже пришла година наша: начинай без времени, вред себе приемлеть» [Сказание, 1999, с.180]. В.Н.Рудаков, проанализировав различные списки «Сказания», заключил, что Дмитрий Боброк-Волынский ждал определенного часа, когда придет «дух южный», знаменовавший «собой сошествие на помощь русским «силы Святого Духа»» [Рудаков, 2009, с.159].

Таким образом, летописцы, говоря о промедлении царя во время штурма Казани, не пытались показать его малодушие, а стремились разъяснить читателю, что государь проявил мудрость: поступил согласно совету преподобного Сергия и по примеру великих праотцев – дождался часа снисхождения Божьей помощи, обретя победу над врагом. Вместе с тем, это еще один элемент, связывающий события из разных веков. Такое сопоставление давало понять, что Иван IV завершил дело, начатое русскими князьями в 1380 г., то есть Куликовская битва, стояние на Угре и взятие Казани – это сражения одной войны за православную веру.

Автора «Казанской истории» несколько иначе представил последний штурм города. Г.З.Кунцевич, сравнивая известия «Казанской истории» с данными разрядных книг, указал на неточности описания воеводских позиций [Кунцевич, 1905, с.416–418]. Он обнаружил некоторые расхождения автора «Казанской истории» с официальными летописцами. Это касается таких сведений, как датировка похода, время пути русских войск к Казани, дислокация царских полков во время осады, количество ворот в крепостных стенах и ряд других вопросов [Кунцевич, 1905, с.420–506]. По мнению А.Г.Ситдикова, топонимика событий 1552 г., представленная в «Казанской истории», не выдерживает критики [Ситдинов, 2002, с.164]. С.Х.Алишев заметил, что автор «Истории» не жил в Казани, поскольку он «не упоминает ни одного городского строения или объекта, не знает многие события и факты, достоверно сообщаемые другими источниками, а если знает, то многие извращает и толкует по-своему» [Алишев, 2001, с.39].

Возможно, автор «Казанской истории» действительно никогда не бывал в Казани. Однако в ходе нашего исследования и трудами предшественников установлено, что в его распоряжении был широкий круг источников, и при желании он мог привести точное описание «Казанского взятия». Вероятнее всего, книжник не стремился представить подлинную, с точки зрения современной науки, картину произошедшего и свою главную задачу видел в аллегорическом истолковании событий. Буквальное понимание текста «Казанской истории» лишает нас возможности выявить наиболее актуальные смыслы произведения, привнесенные автором, порой с помощью намеренного искажения действительности, путем заимствования сюжетных композиций из источников, казалось бы, вовсе не связанных с объектом повествования.

Еще А.С.Орлов и Г.З.Кунцевич проследили сюжетную связь сообщений «Казанской истории» с «Повестью о взятии Царьграда турками в 1453 году» [Орлов, 1908, с.344–379; Кунцевич, 1905, с.511–516]. М.Б.Плюханова справедливо полагала, что рассказ «Казанской истории», главным образом, заимствован из официального летописания, за исключением известий о последней осаде Казани, в основе которых лежала «Повесть о взятии Царьграда». По ее замечанию, «использование «Повести» не ограничивается заимствованием живописных воинственных сцен... и расстановка сил, и последовательность событий, и характер их в описании взятия Казани оказываются подчиненными духу «Повести»» [Плюханова, 1995, с. 182].

Например, оба произведения сходным образом, вплоть до текстуальных совпадений, рассказывают о многократном превосходстве сил нападающей стороны, об обращении за помощью к соседним народам (в «Повести» за военной поддержкой обращались к фрягам, а в «Истории» – к ногайцам), о гигантских пушках и ядрах, бьющих по стенам, и о других фактах. Одинаково оценивается и поведение осажденных, в том и другом случае, настроенных на решительное сопротивление, при этом не менее храбрыми представляются нападающие [Плюханова, 1995, с.183–184].

Автор «Истории», репрезентируя взятие города, соединил летописные сведения с известиями «Повести о взятии Царьграда», чтобы сравнить завоевание Казани с покорением Царьграда, символизировавшим получение царской власти. Таким образом, мифопоэтическая функция Царьграда была перенесена на Казань, взятие которой осмыслялось как обретение царства и воцарение. И это не домыслы отдельно взятого летописца – представленная идея лежала в основе идеологии Московского царства. Если в официальных летописях сказано лишь, что Иван IV «царство и град многолюдной Казанской въсприят» [ПСРЛ, т.13, ч.1, с.218. См. также: т.13, ч.2, с.513; т.20, с.530; т.29, с.108, 203], то в дипломатических документах прослеживается теория обретения царства через завоевание Казани. Так, русские послы при дворе польско-литовских королей объясняли происхождение царского титула Ивана IV, в том числе, и тем, что ему покорилось «Казанское царство» [Сборник, т.59, с.476, 499–500, 505, 519, 528].

В целом «Казанская история» изобилует оригинальными сюжетами и сведениями, почерпнутыми из наиболее авторитетных произведений того времени, вместе с тем, ее текст настолько близок к официальным летописям, что в ряде случаев можно наблюдать дословные совпадения.

Составитель Степенной книги дважды сравнивает Иван IV с пророком Моисеем. Царь, подобно Моисею, освободившему евреев от Фараона, вывел «новый Израиль», то есть православных, из татарского плена. Во время последнего штурма Казани он молился, помогая русским воинам одержать победу, что было содеяно по примеру Моисея, который воздвигнул руки к небу и молитвой помог своему народу одолеть врагов [ПСРЛ, т.21, с.646–647].

Более близка к официальным летописям «Троицкая повесть, о взятии Казани», содержащая все основные известия летописания в переработанном и сокращенном виде. Автор «Повести» представил уникальное сообщение о приходе под Казань монахов Троицкой обители. Во время осады иноки Адриан Ангелов и Гурий принесли к Ивану IV иконы, просфору и святую воду из Троицкого монастыря, «и от того дни православному царю нашему вся радость и победы на враги от Господа даяшеся». Монастырский книжник сравнил это с приходом посланцев Сергия Радонежского к Дмитрию Донскому накануне Куликовской битвы и оценил как божественное благословление [Троицкая повесть, с.556–561. Близкое по смыслу сообщение содержится лишь в Софийской второй летописи [См.: ПСРЛ, т.6, с.312]. Схожий сюжет сохранился и в рассказе о стоянии на Угре. Митрополит Геронтий отправил к Ивану III на Угру «вошаницу» и святую воду, что помогло русским отразить наступление татар [ПСРЛ, т.12, с.201]. Следовательно, перед нами еще один эпизод, устанавливающий смысловые параллели между Куликовской битвой, стоянием на Угре и походом 1552 года.

Анализ сведений о «Казанском взятии», в первую очередь, заставляет говорить об «общих местах» в восприятии событий. Официальные летописцы сопоставили казанский поход 1552 г. с военными победами ветхозаветных пророков над язычниками, с Куликовской битвой и стоянием на Угре. Автор «Казанской истории» сравнил завоевание Казани с важнейшими событиями истории: с вавилонским покорением Иерусалима и падением Константинополя в 1453 году. Таким образом, взятие Казани в сознании русских летописцев знаменовало торжество православия и обретение царства – начало нового этапа московской государственности.

Список источников и литературы

Казанская история, 2001 – Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т.10. СПб.: Наука, 2001. С.252–509.

Новгородские летописи, 1879 – Новгородские летописи (Так названные Новгородская вторая и Новгородская третья летописи). СПб.: Типогр. Императорской Академии наук, 1879. – 488 с.

Курбский, 2001 – Курбский А.М. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси. Т.11. СПб.: Наука, 2001. С.310–479.

ПСРЛ, т.6 – Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 6. Софийские летописи. СПб.: В типографии Эдуарда Праца, 1853. – 358 с.

ПСРЛ, т.11 – ПСРЛ. Т.11. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типогр. И.Н.Скорородова, 1897. – 258 с.

ПСРЛ, т.12 – ПСРЛ. Т.12. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типогр. И.Н.Скорородова, 1901. – 267 с.

- ПСРЛ, 13, ч.1 – ПСРЛ. Т.13. Ч.1. Патриаршая или Никоновская летопись. СПб.: Типогр. И.Н.Скорородова, 1904. – 302 с.
- ПСРЛ, т.13, ч.2 – ПСРЛ. Т.13. Ч.2. Дополнение к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб.: Типогр. И.Н. Скорородова, 1906. – 532 с.
- ПСРЛ, т.20, ч.2 – ПСРЛ. Т. 20. Львовская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2005. – IV + 704 с.
- ПСРЛ, т.21, ч.2 – ПСРЛ. Т.21. Ч.2. Книга степенная царского родословия. СПб.: Типогр. М.А. Александрова, 1913. – 675 с.
- ПСРЛ, т.29 – ПСРЛ. Т.29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александр-Невская летопись. Лебедевская летопись. М.: Наука, 1965. – 390 с.
- Сборник, т.59 – Сборник Русского исторического общества. Т.59. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т.П. (1533–1560 г.). СПб.: Типогр. Ф.Елионского и К^о, 1887. – 629 с. + 98 стб. + V с.
- Сказание, 1999 – Сказание о Мамаевом побоище // Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т.6. СПб.: Наука, 1999. С.138–189.
- Троицкая повесть, 2000 – Троицкая повесть о взятии Казани // БЛДР. Т.10. СПб.: Наука, 2000. С. 556–561.
- Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения XV–XVI вв. Казань: Татар. кн. изд-во, 1995. – 160 с.
- Алишев, 2001 – Алишев С.Х. Источники и историография города Казани. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани, 2001. – 75 с.
- Бахтин, 2001 – Бахтин А.Г. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV–XVI веках: Дис. ... д.и.н. М., 2001. – 567 с.
- Данилевский, 1998 – Данилевский И.Н. Исторические источники XI–XVII веков // Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С.171–317.
- Данилевский, 2004 – Данилевский И.Н. Повесть временных лет: Герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. – 384 с.
- Зимин, 1958 – Зимин А.А. И.С. Пересветов и его современники. М.: Изд-во АН СССР, 1958. – 498 с.
- Котляров, 2005 – Котляров Д.А. Московская Русь и народы Поволжья в XV–XVI вв.: У истоков национальной политики России. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2005. – 314 с.
- Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец: Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типогр. И.Н. Скорородова, 1905. – 682 с.
- Лавров, 1927 – Лавров Н.Ф. Заметки о Никоновской летописи // Летопись занятий археографической комиссии. Вып. 1. Л., 1927. С.55–90.
- Орлов, 1908 – Орлов А.С. О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI–XVII вв. // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т.13. Кн.4. СПб.: Императорская Академия наук, 1908. С.344–379.
- Плюханова, 1995 – Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995. – 336 с.
- Рудаков, 2009 – Рудаков В.Н. Монголо-татары глазами древнерусских книжников середины XIII – XV вв. М.: Квадрига, 2009. – 248 с.
- Ситдинов, 2002 – Ситдинов А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Материалы научного семинара «Казанское ханство: актуальные проблемы исследования». Казань: Фэн, 2002. С.160–206.
- Скрынников, 1983 – Скрынников Р.Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. – 250 с.
- Худяков, 1991 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М.: ИНСАН, 1991. – 320 с., карт.
- Словарь, 1991 – Словарь русского языка XII–XVII вв. Вып. 17. М.: Наука, 1991. – 298 с.
- Шмыкова, 2008 – Шмыкова М.Л. Идеологическое обоснование внешней политики Русского государства в середине XVI века (на примере присоединения Казанского и Астраханского ханств) // Россия и Удмуртия: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства (г. Ижевск, 20–22 мая 2008 г.). Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2008. С.284–294.

Ә.В. Әксанов

**РУС ЕЛЪЯЗМАРЫНЧА КАЗАННЫ ЯУЛАП АЛУ:
ХӘБӘРЛӘРГӘ ГЕРМЕНЕВТИК АНАЛИЗ**

Ачкыч сүзләр: Казанны яулап алу, Рус дәүләте, Казан ханлыгы, герменевтика.

Аннотация. Мәкаләдә, герменевтика методларын кулланып, Казанны яулап алу турындагы хәбәрләргә анализ ясала. Елъязмачылар, Казанны яулап алу турындагы вакыйгаларны уйлаганда, аны ул заманның иң авторитетлы әсәрләре аша Иерусалимны һәм Константинопольне җимерелүенә тиңлиләр. Алар, шулай итеп, православие диненең тантанасын һәм патшалыкка ия булуны күрсәтергә омтылалар. Казан ханлыгын яулап алу Иван IVнченең патша титулын раслый һәм Идел буен, Урал төбәген һәм Себерне Россиягә кушарга юл ача.

A.V. Aksanov

**CONQUEST OF KAZAN BY EYES OF THE RUSSIAN CHRONICLERS:
GERMENEUTIC ANALYSIS OF MESSAGES**

Keywords: conquest of Kazan, Russian state, the Kazan khanate, hermeneutics.

Annotation. In the article by means of hermeneutics methods messages on the conquest of Kazan are analyzed. The author came to the conclusion that the chroniclers strived to interpret the events in the light of ideas of authoritative compositions of the Middle Ages. They compared the conquest of Kazan to the capture of Jerusalem and Constantinople and tried to show the victory of Orthodoxy and the transformation of Russian state. The conquest of the Kazan khanate confirmed Ivan's IV imperial title and opened the road for accession of the Volga region, the Urals and Siberia to Russia.

Аксанов Анвар Васильевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета (г.Тюмень).

E-mail: hananvar@rambler.ru

Әксанов Әнвәр Васил улы – тарих фәннәре кандидаты, Төмән дәүләт университеты ватан тарихы кафедрасының өлкән укытучысы (Төмән шәһәре).

Aksanov Anwar Vasilyevich – candidate of historical sciences, the senior teacher of chair of national history of the Tyumen state university (Tyumen).

Крымское ханство и Большая Орда (1440–1500-е годы). Борьба за первенство*

Ключевые слова: Золотая Орда, Крымское ханство, Большая Орда, Шейх-Ахмед.

Аннотация. В статье освещаются сложные процессы передачи во второй половине XV века полномочий лидера и наследника распавшейся евразийской державы Золотой Орды после ликвидации Большой Орды Крымскому ханству через освещение взаимоотношений этих двух государственных образований, а также воздействия на эти процессы Московского Великого княжества, Литовского Великого княжества и Польского королевства.

Со смертью Эдигея в 1419 году, восприятие Золотой Орды как единого целого исчезло раз и навсегда. Некогда могучая татарская власть, Джучиев Улус, погрузилась во внутреннюю анархию с 1360 по 1380 годы; на какое-то время она была реанимирована и объединена амбициозным ханом Токтамышем, но в 1390 году получила смертельный удар от Тимура, после которого она уже никогда не смогла оправиться. Даже Эдигей, не чингизид по происхождению, будучи талантливым главой мангытского племени, смог только замедлить, но не остановить тенденции децентрализации и экономического упадка империи. Спустя век, начиная с 1419 года, наблюдалось отделение периферийных территорий и последующее их формирование в новые центры татарской власти. Новые татарские государства были основаны вокруг Казани – на севере, Крыма – на юге, Астрахани и Ногайской Орды – на востоке. Маленькое независимое дополнительное татарское государство – Касимовское ханство – было основано сепаратистами Казанского ханства. Как ни парадоксально, даже постепенный распад великого татарского государства не ослабил власти над русскими княжествами, так как каждое новое татарское государство считало себя законным преемником наследия Золотой Орды и попыталось управлять русскими, как подданными, которые были обязаны платить дань. Единственной разницей по сравнению с более ранними временами было то, что русские княжества, особенно растущее Московское княжество, имели широкие возможности для политического маневрирования с новыми татарскими государствами и их западным политическим врагом – Польско-Литовским королевством.

В то время как периферия постепенно отделялась, центр Золотой Орды продолжал существовать как государство со столицей в городе Сарай в низовьях Волги. Его территория состояла из всех центральных степных районов Золотой Орды, на западе граница проходила по Днепру (порой Днестра) и по Волге – на востоке. Астрахань и узкая полоска на левом берегу Волги были частью Орды, а к востоку от Волги была сформирована Ногайская Орда (появившаяся из мангытского племени, возглавляемого Эдигеем). До 1420 года, как татары, так и русские называли Золотую Орду просто «Ордой»¹, но термин *орда*, в дополнение к тому, что он означает татарское государство, сохранил свое первоначальное значение «лагерь хана; столица», а также «армия». Во времена анархии, когда на свет появилось несколько орд, имена возглавлявших их лидеров были использованы для того, чтобы различать орды между собой, например, Орда Мамаева «Мамаева Орда» (1380) и Орда Ахмета «Ахмедова Орда»². Начиная с 1430 года центральная часть той территории, которая когда-то считалась Золотой Ордой, стала упоминаться в источниках как: Большая Орда, Волжская Орда или Большая Орда по-русски³. Были приложены очевидные усилия, чтобы отличать основ-

* Опубликовано: István Vásáry. The Crimean Khanate and the Great Horde (1440s–1500s). A Fight for Primacy // *Das frühneuzeitliche Krimkhanat (16.–18. Jahrhundert) zwischen Orient und Okzident* / Ed. by Meinolf Arens – Denise Klein. – Wiesbaden: Harrassowitz, 2012, pp. 13–26. Перевод с английского А.З.Давледгареевой.

¹ По данным тринадцатого – пятнадцатого веков, см.: И.И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 3+1 тт. СПб., 1893–1903 [Дополнения. СПб., 1912], вып. 2, с. 705–706.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. В 28 т. / под ред. Г.А.Богатова. М., 1975–2008, под словом *орда-базар*.

³ Там же, под словом *орда*. Термин «Золотая Орда» обычно используется в более поздней русской и европейской литературе, впервые появился только в шестнадцатом веке, в «Казанской истории». По истории термина см.: Г.А. Богатова. Золотая Орда // Русская речь, 1970, №1, с. 70–77.

ную территорию Орды от вновь отделившихся татарских *улусов*. Тот факт, что она была названа Большой Ордой, Улуг Ордой или Улу Улусом по-татарски явно указывает на то, что ханы оставшихся центральных областей считали себя законными наследниками ханов некогда выдающейся Золотой Орды. Естественно, что в их неустанной борьбе за власть, новые татарские *улусы* также пытались представить себя в качестве законных наследников Золотой Орды. Большая Орда включала в себя центральную часть наряду со столицей в городе Сарай, следовательно, она сохраняла законность Золотой Орды, и задачей новообразовавшихся татарских *улусов* было доказать обратное, а именно, что они были настоящими потомками Орды. Неотъемлемой частью самоидентификации татарских новообразований были оппозиция и конфронтация Большой Орде. В этих условиях не удивительно, что Большая Орда, хотя и являлась законным наследником Золотой Орды, столкнулась с наихудшими условиями для выживания: она была окружена одними врагами, которые хотели раздавить ее, как будто она находилась в осажденной крепости. Её заклятые враги в лице русских и Польско-Литовского государства, а также новых «братских» татарских *улусов* постоянно бросали вызовы и надеялись на её падение. Неудивительно, что при таком количестве врагов, Большая Орда смогла продержаться только семьдесят лет, если бы у нее не было одной из самых больших армий для тех дней, этот промежуток времени оказался бы гораздо короче.

Невозможно точно установить момент окончательного поражения и исчезновения Большой Орды как государства. Русское научно-историческое общество приписывает исчезновение Большой Орды к 1480 году, который ознаменовался «стоянием на реке Угра», когда хан Ахмед отступил, не вступая в открытый бой⁴ с русской армией. В то время как большинство западных ученых, следуя за идеями Бертольда Шпулера, считают, что последним ханом Большой Орды⁵ был Шейх-Ахмед, чья армия была разбита Менгли-Гиреем, крымским ханом, в 1502 году. Невозможно ответить однозначно были ли это русские в 1480 году или крымские татары в 1502 году, кто сокрушил Золотую Орду: оба эти события, а также другие более или менее значимые факторы, способствовали падению Большой Орды.

Целью написания этой статьи было представить и разъяснить одну причину этого длительного распада, а именно: роль Крымско-Татарского *улуса*, участвующего в окончательном уничтожении Большой Орды. Хотелось бы подчеркнуть, что этот длительный процесс был не более чем *передачей полномочий*: в конце концов, Большая Орда была физически уничтожена, а Крымское ханство взяло на себя и защищало все требования чингизидов и наследие Золотой и Большой Орд на протяжении более чем трехсот лет. Крымское ханство, практически с момента своего создания, находилось в состоянии постоянной борьбы с Большой Ордой. Отношение двух татарских *улусов* может быть охарактеризовано как семидесятилетняя вражда, и было бы справедливо утверждать, что Хаджи-Гирей и его сын Менгли-Гирей, первый правитель Крыма, были заклятыми врагами Сайид-Ахмеда, Ахмеда и его сыновей. И только в 1783 году Русь, являющаяся еще одним законным наследником империи Чингисхана и заявившая свои права на присоединение Казанского, Астраханского и Сибирского ханств (1552, 1556, 1598), одержала верх и подчинила Крымское ханство, которое было последней оставшейся династией Чингисхана в Европе.

Во-первых, давайте проследим в общих чертах историю взаимосвязи Крымского ханства и Большой Орды с самого ее основания. В 1420 году одним из главных претендентов на престол Золотой Орды был знаменитый Улуг Мухаммад, один из потомков Уруса, который впоследствии стал основателем Казанского ханства. В 830 году по мусульманскому календарю (2 ноября 1426 года – 21 октября 1427 года), он был правителем Крыма и прилегающих к нему территории, но в марте 1427 года по данным аль-Айни, в египетский суд мамлюков пришло письмо от Давлет-Берды, чьей собственностью был Крым. Татарский посланник, вручавший письмо Мамлюк султану, сообщил о больших беспорядках в Дешт-и Кыпчаке, где имелись целых три претендента на

⁴ А.Н.Насонов. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М., 1940; Б.Д.Греков, А.Ю.Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М., 1950; К.В.Базилевич. Внешняя политика централизованного Русского государства. Вторая половина XV века. М., 1952; М.Сафаргалиев. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй XV–XVI в. М., 1996 [Саранск, 1960], с. 277–526; И.Б.Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв. М., 1963; его же. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975; А.Л.Хорошкевич. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.

⁵ Joseph von Hammer-Purgstall, Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland, Pest 1840; Berthold Spuler. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502, 2nd ed., Wiesbaden, 1965 [Leipzig 1943].

престол: Давлет-Берды в Крыму, хан Мухаммад – в Сарае и Барак – в восточных землях, граничащих с территориями Тимура. В 832 (октябрь 1428 года – сентябрь 1429 года) и 847 годах по мусульманскому календарю (май 1443 – апрель 1444 года) хан Мухаммад снова в Крыму⁶. Иными словами, в период с марта 1427 года по октябрь 1428 года, Давлет-Берды временно изгнал Улуг Мухаммада из Крыма, но последний вернулся. Это было первым знаком того, что его противник, в данном случае Давлет-Берды, попытался перенять власть в Крыму.

В августе 1449 года, после долгой борьбы и путаницы, Хаджи-Гирею, брату Давлет-Берды, удалось захватить власть в Крыму и вытеснить навсегда Сайид-Ахмеда, хана Большой Орды. Эту дату традиционно принято считать началом основания независимого Крымского улуса⁷. Новый крымский хан Хаджи-Гирей был в отличных отношениях с Казимиром IV (1447–1492), с польским королем и с литовским великим князем, и только после 1461 года крымско-литовские отношения немного ухудшились. Например, в 1465 году Казимир придерживался политики нейтралитета, когда крымские татары столкнулись с армией Сайид-Ахмеда⁸. Тем не менее, противостояние и вражда с Большой Ордой характеризует весь период правления Хаджи-Гирея. В июле и августе 1465 года, крымские войска сражались с той частью Большой Орды, которая располагалась на Дону, и Хаджи-Гирей разгромил войска Сайид-Ахмеда⁹. Спустя год, в августе 1466 года, Хаджи-Гирей скончался¹⁰, и первый период соприкосновения Крымского ханства с Большой Ордой закончился. Основными характеристиками этого периода были крымско-польско-литовская дружба и крымско-большеордынская вражда, которая часто приводила к вооруженным конфликтам.

После относительно короткого периода, старший сын Хаджи-Гирея, Нур-Девлет, захватил власть на два года. В 1468 году другой сын Хаджи-Гирея, Менгли-Гирей, вступил на престол и занял господствующее положение на политической сцене на следующие полвека с перерывом в четыре года, с 1474 по 1478 годы.

В 1465 году политические изменения также коснулись и Большой Орды, когда хан Ахмед лишил трона своего брат Махмуда. С правлением Ахмеда (1465–1481) начинается предпоследняя глава истории Большой Орды. Махмуд отправился в Астрахань и заложил основы новой династии. При отделении Астрахани и ее окрестностей, Большая Орда потеряла свои восточные территории; этот регион поддерживал тесную связь с Большой Ордой, хотя эта связь в основном выражалась через междоусобные войны между Ахмедом и Махмудом и их потомствами. После падения Большой Орды в 1502 году, некоторые из потомков Ахмеда захватили Астраханское ханство и заняли престол¹¹.

Менгли-Гирей следовал основным доктринам внешней политики, составленными его отцом, а именно, ведение открытого противоборства против Большой Орды, но с двумя отличиями¹². Одно из них было связано с изменениями его отношения к полякам и русским. Крым и Польша с Литвой постепенно стали отчуждаться друг от друга, так как польско-большеордынские и крымско-русский связи укреплялись. Трудно сказать, какой процесс начался первым, по-видимому, они развивались одновременно. Россия играла ключевую роль в инициировании обоих этих процессов. Московскому великому князю Ивану III (1462–1505) пришлось столкнуться с двойным фронтом: на юге была постоянная опасность от походов и мародерских набегов татар Большой Орды, а на западе располагались Великое княжество Литовское и Польское королевство. Король польский

⁶ В.Г.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящийся к истории Золотой Орды. В 2 т. Т.1. СПб., 1884, с. 501–502 (арабский текст), 533–534 (русский перевод).

⁷ Ludwik Kolankowski. Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów. Warszawa, 1930, vol. 1, p. 264–266; Berthold Spuler. Die Goldene Horde, p. 168. On Hacı Giray's reign, see also Muzaffer Ürekli, Kırım Hanlığının kuruluşu ve Osmanlı himayelerinde yükselişi (1441–1569). Ankara 1989, s. 9–14.

⁸ Maciej Strykowski, Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja, 2 vols., Warszawa, 1846 [repr. 1985], vol. 1, p. 267, 271; В.Д.Смирнов. Крымское ханство под верховенством Оттоманской порты до начала XVIII века. М., 2005 [СПб., 1887], с. 244; Berthold Spuler. Die Goldene Horde, p. 173–174.

⁹ См. № 8.

¹⁰ The Annals of Jan Długosz: Annales seu cronicae incliti regni Poloniae; An English abridgement, abr. trans. Maurice Michael, comment. Paul Smith, Charlton, 1997, p. 563.

¹¹ Об этих событиях см.: И.В. Зайцев. Большая Орда, Крымское ханство и Османская империя в 50–70-х гг. XV в. Источниковедческий обзор // И.В. Зайцев. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская Империя (начало XV – первая половина XVI в.). М., 2004, с. 66–81; Его же. Астраханское ханство. 2 изд. ред. М., 2006 [2004], с. 30–62.

¹² О правления Менгли-Гирея (1468–1474, 1478–1514) см.: Смирнов. Крымское ханство, стр. 209–295; Ürekli, Kırım Hanlığının kuruluşu, s. 16–20, 21–24.

Казимир IV понял, что в его борьбе против русских, большеордынские татары, непосредственно соседствовавшие с русскими землями, смогли бы обеспечить ему большую помощь, чем удаленное Крымское ханство. В 1470 году представитель Большой Орды посетил Казимира, а в следующем году польский король отплатил ответным визитом, отправив своего посла в Большую Орду, основной целью которого было натравить татар Большой Орды на русских¹³. С того времени, как поляки все больше и больше становились на сторону большеордынских татар, их отношения с крымским ханом становились холоднее и менее радушными. Этот процесс был ускорен попыткой Ивана III Московского, который воспользовался возможностью завязать дружбу с ханом Менгли-Гиреем, предложив ему союз. Первое русское посольство во главе с князем Беклемишевым было направлено в Крым в 1474 году. В последствии обмен посольствами стал установившейся практикой, оставшейся на века¹⁴. За 122 года (1474–1596) было составлено двадцать два тома так называемых «посольских книг», они хранятся в Российском государственном архиве древних актов (фонд 123) в Москве, подтверждая важность этих отношений¹⁵. Начиная с 1474 года, русские могли рассчитывать на крымских татар в своей борьбе с Большой Ордой и Польско-Литовским государством. Например, в 1475 году, в первый год русско-крымского союза, хан Менгли-Гирей попросил Ивана III отправить татарских *царевичей* Даньяара и Муртазу, которые были на службе у великого князя, сражаться против их общего врага большеордынского хана Ахмеда. Менгли-Гирей обещал так же помочь Ивану справиться с королем Казимиром¹⁶. В связи с этим, Менгли-Гирей полностью сохранял внешнюю политику Хаджи-Гирея: хотя его приоритетом и оставалось уничтожение Большой Орды, но предан он стал России, а не Польше.

За 1475 годом последовало несколько лет бурных событий, которые сформировали самый смутный период раннего Крымского ханства. Вот лишь некоторые из наиболее важных событий тех лет: свержение с престола Менгли-Гирея и его последующая иммиграция в Стамбул (или, возможно, удержание в плену); захват Генуэзской Кафы Османской империей в 1475 году; недолгое правление (1476–1478) претендовавшего на престол Джаныбека, очевидно, хан-марионетка хана Ахмеда¹⁷; второе восхождение Менгли-Гирея на крымский престол в 1478 году, на этот раз при помощи и с последующей опекой Османской империи. Моментом, доказавшим свое ключевое значение в последующих событиях, стало введение османов на политическую арену в Крыму. После нескольких лет политической нерешительности, турки поняли, что наряду с включением Кафы в состав Османской империи, лучшим способом контролировать торговлю на Черном море, а так же Крым было присвоение крымскому хану титула, который бы находился на иждивении и в вассальном подчинении у султана. Поддержка Османской империей крымских Чингизидов, семьи Гирея, против большеордынских Чингизидов означала, что Большая Орда потеряла моральную поддержку Османской империи, и что ее единственными оставшимися союзниками были удаленные земли Литвы и Польши¹⁸.

Тем не менее, Большая Орда получила меньше пользы от союза с Польшей, чем Крымское ханство от русских. Несколько лет спустя, в 1480 году, это было ясно продемонстрировано в известном «стоянии на реке Угра». Начиная с 1476 года, хан Ахмед становится все более надменным с русским великим князем, не соблюдая выплату дани. Наконец, он привел свою армию к реке Уг-

¹³ Полное собрание русских летописей. В 31 т. СПб., 1846–1968, т. 18, с. 241; т. 22, с. 474; Berthold Spuler. Die Goldene Horde, pp. 175–176.

¹⁴ For the formation of Muscovite diplomacy in Ivan III's rule, see Robert M. Croskey, Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III, New York, 1987.

¹⁵ Н.М.Рогожин. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990; Его же. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994, с. 37–43. Хорошее описание первого и самого старого выпуска книг крымских посланников см.: М.Н.Бережков. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // Известия Таврической ученой комиссии, 1894, т.21, с. 27–51. Публикацию первых двух книг крымских послов см.: Г.Ф.Карпов, Г.Ф.Штендман. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Т. 1: 1474–1505, СПб., 1884; Т. 2: 1508–1521, СПб., 1895 (Сборник Императорского Русского Исторического Общества. № № 41 и 95).

¹⁶ Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел. В 5 т. М., 1813–1894, т. 5:2, с. 2; Б.Б.Вельяминов-Зернов. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. М., 1853, с. 87.

¹⁷ Подробнее о Джаныбеке см.: István Vásáry. A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-Yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal 26 (1982), pp. 289–300; Переиздано в: István Vásáry. Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries, Aldershot, 2007, № XIV.

¹⁸ Подробнее о роле Османской империи в те десятилетия см.: И.В.Зайцев. Большая Орда, с. 66–81.

ра, где он надеялся объединиться с польскими войсками, посланными от Казимира. Помощь не прибыла, и хан, решив избежать открытого боя с русскими, отступил со своим войском¹⁹.

Это своеобразное событие считается символическим концом «татарского ига» как русскими летописцами и духовными лицами, так и современными русскими историками. Эта идея стала частью русского национального мифа, хотя Большая Орда продолжала существовать и была далека от своего полного распада. В действительности, ведущую роль в заключительном этапе истории Большой Орды сыграло Крымское ханство. Следует понимать, что постоянно велась борьба среди татарских улусов за господство в различных джучидской родах и семьях. Ни ханы Большой Орды, ни крымские улусы не отказывались от своих требований стать настоящими и законными правителями «Великого Улуса» (Улуг Улус). Несмотря на свою значимость, этот вопрос, по крайней мере, после 1419 года был лишь теоретическим в свете фактического распада Золотой Орды и одновременного образования множества ханств. В 1481 году, через год после «стояния на реке Угра», хан Ахмед был убит, его сыновья (их было семь, упоминавшиеся как *Ахметевы дети* в русских источниках)²⁰ продолжали жить на наследство своего отца, а один из них, Шейх-Ахмед, стал последним правителем Большой Орды. В последние два десятилетия, Лесли Коллинз и Илья Зайцев исследовали и описали историю приключений Шейх-Ахмеда, последнего хана Большой Орды, и распад его Орды (Зайцев, к сожалению, не знал о статье Коллинза)²¹.

В связи с этим отличным исследованием, нет никакого смысла в пересказе подробностей этой истории, достаточно краткого изложения событий, которые привели к упадку Большой Орды. Количество современных источников относительно событий первого десятилетия шестнадцатого века, как повествовательного, так и дипломатического характера, весьма много. Наиболее важными из них являются *De duabus Sarmatiis* Матвея Меховского (1517)²², Хроника Бернарда Ваповского (1450–1535)²³, соответствующие тома русских летописей²⁴, дипломатическая переписка между Москвой и Крымским ханством²⁵ и литовская метрика²⁶. Опираясь на эти и некоторые другие источники, можно составить довольно целостную картину последних лет Большой Орды. С 1501 по 1502 год Шейх-Ахмед сделал несколько усилий, чтобы убедить своего союзника великого князя литовского Александра, прислать ему военную помощь для сражения с крымским ханом. Александр не смог выполнить эту просьбу вовремя, так как он был занят внутренними проблемами в Литве и Польше: в частности, смертью своего брата Иоанна Альберта I, короля Польши (1492–1501),

¹⁹ Более подробно об этом событии и его последствиях см.: А.Е. Пресняков. Иван III на Угре. Сборник в честь С. Ф. Платонова. СПб., 1911, с. 280–298; И.М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (летописные повести о нашествии Ахмеда и литературная история этого нашествия) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Вып. 1. М., 1961, с. 23–67; В.В. Каргалов. Конец Ордынского ига. М., 1980; G.E Orchard. The Stand on the Ugra // *New Review* 5:1 (1965), pp. 34–43. Сравни также работы, процитированные в № 4. Сомнительный ярлык Ахмед хана относительно «Стояние на Угре» сохранился в современном русском переводе см.: К.В. Базилевич. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // *Вестник Московского государственного университета*, 1948, №1, с. 29–46; Edward L. Keenan. The Jarlyk of Ahmed-xan to Ivan III. A New Reading; A Study in Literal Diplomatica and Literary Turcica // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics*. 12 (1969), pp. 33–47.

²⁰ Об Ахметевых детях в русских источниках см.: István Vásáry, *The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources* // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 61 (2008), pp. 365–372, at p. 370.

²¹ Leslie Collins, *On the alleged «destruction» of the Great Horde in 1502*, in: Anthony Bryer (ed.), *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571*, Amsterdam, 1991, pp. 361–399; И.В.Зайцев. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // *От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера*. М., 2003, с. 99–120; Его же. *Между Москвой и Стамбулом*, с.99–120.

²² Mathias de Miechow. *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana et de contentis in eis*, Kraków, 1521 [1517; Augsburg 1518]. Хорошее критическое издание и русский перевод с комментариями: Матвей Меховский. *Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод, комментарии С.А. Аннинского*. М., 1936. (<http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/t2s/index.html>, на 1 марта 2011 года).

²³ *Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochonic. Część ostatnia czasy podługoszowskie obejmująca (1480–1535)*, Kraków, 1874. Хроника Стрыйковского (см. прим. 8), опубликованная впервые в 1582 г., хотя очень полезна и содержит ценные данные, она не современна с событиями, обсуждаемыми в нашей статье.

²⁴ Полное собрание русских летописей. Более подробную информацию см.: № 13.

²⁵ Карпов Г.Ф., Штендман Г.Ф. Указ. соч. Более подробную информацию см.: № 15.

²⁶ Для надежного критического издания этих документов см.: Egidijus Banionis (ed.), *Lietuvos metrika (1427–1506)*, Knyga Nr. 5. Vilnius 1993. Документы относительно татарских метрик были ранее изданы Kazimierz Pułaski, *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515)*, Kraków, 1881.

умершего в 1501 году. Александр был избран на польский трон, поэтому он должен был спешить в Краков на коронацию, в то время как Шейх-Ахмед в небольшом сражении между Черниговом и Киевом разгромил крымские войска Менгли-Гирея. Зимой и весной 1502 года Шейх-Ахмед шел вдоль левого берега Днепра, напрасно ожидая литовско-польской помощи. Он отчаянно умолял Александра прислать ему войска, в противном случае ему пришлось бы встретиться лицом к лицу с двумя врагами одновременно²⁷. Зима выдалась очень холодной и суровой²⁸, и возникла серьезная проблемы обеспечения войск. Войска начали покидать его, укрываясь у крымского хана, но самым большим ударом для него оказался неожиданный уход его жены и семьи, на которых повлиял Менгли-Гирей, искавшие пристанище наряду с многочисленными воинами в Крыму²⁹. Это событие в 1502 году может считаться бесспорным закатом Большой Орды, хотя это еще не было концом самого Шейх-Ахмеда. Менгли-Гирей с гордостью сообщил о поражении Шейх-Ахмеда как его союзнику, московскому великому князю Ивану III, так и его врагу, королю Александру³⁰.

После своего поражения и бегства войска Шейх-Ахмед укрылся в Аккермане (Белгород Днестровский) сопровождаемый тремястами всадниками, надеясь на помощь Османской империи. Узнав, что султан Баязид выдал ордер на его арест, он с пятидесятью кавалеристами повернул обратно в направлении Киева. Киевский князь схватил его и отправил в Вильнюс, Литва, куда он был вновь доставлен после успешного побега и содержался под стражей в качестве политического пленного (или, более вежливо, в качестве эмигранта)³¹. В руках поляков, он стал инструментом, присутствие которого всегда можно было использовать в качестве политической угрозы крымского хана. В дипломатической переписке Крымского ханства в первые два десятилетия шестнадцатого века есть достаточное количество свидетельств того, что сыновья Ахмеда (*Ахметевы дети*), среди которых был Шейх-Ахмед, представляли реальную угрозу Крыму³². Наконец, в 1527 году, после четверти века проведенного в заключении, Шейх-Ахмед был освобожден и отправлен обратно в Астрахань, где старый бывший хан и умер вскоре³³. С его смертью скончался один из последних очевидцев, заставших период величия и падения Большой Орды.

Жизнь и история Шейх-Ахмеда, хотя и не лишены трагизма, но не являлись настоящей трагедией, поскольку трагедией представляется лишь печальный распад и смерть некогда мощной империи. Даже его современники, татары наравне с поляками, возможно, испытывали некую симпатию к несчастному Шейх-Ахмеду, родившемуся не в том месте в то время, и прозвали его «бедный Шейх-Ахмед»³⁴.

Исчезновение Большой Орды с политической арены в начале 1500 года было по-разному оценено потомками. Различные группы татар: из Казани, Астрахани, Касимова, Сибири и Крыма никогда не жаловались на исчезновение Большой Орды, так как в их сознании она сохранилась в лице их соб-

²⁷ «Мендли Кгерей здавна нам неприятел, Иван сильный неприятель. У Днепра, на той стороне, стоим, на tych мест на конь бы есте войском ужели а борзо б есте прыехали. Ино tych дву неприятелей одно будем воевати. А естли не прыйдете, тогды межы дву воин не могу поседети» (*Lietuvos metrika* 5, p. 178).

²⁸ «Зима тверда стала, снег велик напал, люди ходити не могли, слуги и влуси далеко стали» (*Lietuvos metrika* 5, p. 178).

²⁹ «Жена его, не вытерпев холода и голода, по тайному зову императора Перекопского, бежала в Перекоп от мужа своего Шиахмета с большой частью войска» (*Mathias de Miechow, De duabus Sarmatiis, Lib. I, tract. I, cap. VIII, in: Матвей Меховский. Указ. соч., с. 65, 146*).

³⁰ Ивану III: «И ты бы, брат мой, то доброе наше дело и те добрые наши вести слышал, велел бы если был и обрадовался» (Карпов Г.Ф., Штендман Г.Ф. Указ. соч., т. 1, с. 420); к Александру: «Хвала Богу, на неприятеля своего, на Шыг Ахмата царя, пришед со многим войском, Шы Ахмата царя прогнал, цара отца столец взял, и вси люди Бог нам дал» (*Lietuvos metrika* 5, p. 181).

³¹ «Он был разбит и с тремястами коней бежал к Баязету, императору турок. Когда он прибыл в Бялыгород у Понтийского моря, что значит белый замок, он узнал, что по приказу императора Баязета его должны взять в плен. Тогда он стремглав бежал назад с пятидесятью конями и вышел на поля близ Киева. Правитель киевский, узнав о нем через разведчиков, окружил его, захватил и отправил в Вильню к литовцам. Оттуда он несколько раз бежал, его догоняли, схватывали и приводили обратно». (Матвей Меховский. Указ. соч., с.65, 146).

³² И.В.Зайцев. Шейх-Ахмед, с. 109–111.

³³ О его жизни и связях, находясь в изгнании в Литве см.: Зайцев. Шейх-Ахмед, с. 108–103; С.В.Думин. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989, с. 108–113.

³⁴ Согласно Матвею Меховскому, «Татары прозвали его Сахмет, то есть замученный Ахмет, потому что он взят был в плен литовцами и содержится в тюрьме в Ковно» и «По справедливости Шиахмет прозван у своих мучеником» (Матвей Меховский. Указ. соч., с. 65, 66, 145, 146).

ственных государств. Татары Казанского, Астраханского и Крымского ханств были одинаково убеждены, что они были законными наследниками Чингизидов, и в том, что все они находились под властью династии Чингизидов, все они были правы. Позже русская и европейская историческая наука была разделена на два лагеря в соответствии теми точками зрения, которых они придерживались. Большинство русских ученых отмечало это событие как окончание Большой Орды, но в их глазах такое событие как «Стояние на Угре» (1480) не могло быть оставлено в тени, потому как стало знаковым символом русской национальной мифологии. В этом отношении мнение Базилевич является характеристикой русской и советской науки: «Разгром Орды сыновей Ахмед хана в 1502 году был последним ударом, который положил конец Большой Орде, основному сохранившемуся компоненту распадающейся Золотой Орды. Золотая Орда не смогла оправиться от него, и в течение двадцати лет она непрерывно приближалась к своему концу. Ранение, нанесенное Иваном III ранее в 1480 году, оказалось смертельным. В течение того времени Иван III с большим усилием и хорошим мастерством вынуждал Менгли-Гирея раздавить его худшего противника. Уничтожение Большой Орды было большим достижением внешней политики России. Русское государство было навсегда освобождено от врага, который был прямым наследником Золотой Орды»³⁵.

Хотя Иван III был талантливым государственным деятелем, оценка, которую ему дал Базилевич является упрощенной и преувеличенной, отражая ограниченность националистической историографии. Точно так же, Юрекли отражает турецкие националистические настроения: «Уничтожение города Сарай в 1502 году было одним из крупных промахов Менгли-Гирея, так как это действие сыграло на руку русским, которые охотились за такой возможностью»³⁶. Не обращая внимания на фактические ошибки, как то, что Менгли-Гирея никогда не разрушил Сарай³⁷, весьма проблематично оценить исторические события и людей в свете современного национализма. Как будто Менгли-Гирея можно обвинить и задним числом сделать его ответственным за поддержку Ивана III и русских, а не его татарских родственников в Большой Орде!

Наиболее подходящей оценкой, кажется, была та, что дана Лесли Коллинзом, утверждавшим, что Большая Орда «не была уничтожена, а была заново унаследована»³⁸ именно Крымским ханством. Действительно, с исчезновением Большой Орды, наследие Улуса Джучи было на самом деле передано Крыму, хотя другие татарские государства (улусы) как Казань, Касимов, Сибирь и Астрахань имели одинаковые основания считать себя настоящими наследниками Золотой Орды. Тем не менее, Крымское ханство имело самый внушительный довод выражать свои требования, поскольку оно появилось в качестве нового татарского государства в борьбе с Большой Ордой. Это не случайно, что крымские ханы определили и считали себя правителями «Великого Улуса» (Улуг Улус) или «Великой Орды» (Улуг Орда). Эти термины используются в оригиналах официальных татарских документов первым крымским ханом Хаджи-Гиреем, уже в 1453 году, и впоследствии другими ханами (1502, 1520: Мехмед-Гирей; 1524: Саадат-Гирей; 1550: Девлет-Гирей; 1592: Гази-Гирей II)³⁹.

В целом, Крымское ханство имело полное право считать себя наследником государства Чингизидов на столетия вперед. Как ни парадоксально, Российская империя, чьи правители, после присоединения татарского ханства в шестнадцатом веке, украшали свои титулы при помощи слова «царь» Казанский, Астраханский и Сибирский, имели одинаково убедительные доводы, чтобы считать себя государством-преемником Чингизидов, с равным правом присоединения Крыма в 1783 году.

³⁵ Базилевич. Внешняя политика централизованного Русского государства, с. 490.

³⁶ Ürekli, *Kırım Hanlığının kuruluşu*, p. 23.

³⁷ Разрушение Сарая в 1502 году кажется неисправимой ошибкой в прежней литературе. См.: Греков. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV–XVI вв., с. 150; Halil İnalcık/ Kırım Hanlığı // *İslam Ansiklopedisi*, vol. 6, İstanbul, 1954, p. 747; Alan Fisher. *The Crimean Tatars*. Stanford, 1978, s. 15. Опровержение этого взгляда см. Collins. On the alleged “destruction” s. 369–370.

³⁸ Collins. On the alleged “destruction,” p. 399.

³⁹ Akdes Nimet Kurat. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler*. İstanbul, 1940, p. 65; В.В.Вельяминов-Зернов (и Х.Фаизханов). *Материалы для истории Крымского ханства*. СПб., 1864, с. 2, 9, 13 и др. [repr. A. Melek Özyetgin & İlyas Kamalov (eds.): *V.V.Velyaminov-Zernov. Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıklar ve hatlar. Kırım Hanlığı Tarihine Dair Kaynaklar*, Ankara 2009]; Санкт-Петербург, Институт востоковедения РАН, рукописный отдел, Т. 373а, Д–222, Т. 311.

Список источников и литературы

Источники

- Banionis Egidijus (ed.), *Lietuvos metrika (1427–1506)*, Knyga Nr. 5. Vilnius, 1993.
- Карпов Г.Ф., Штендман Г.Ф.. Памятники дипломатических сношений Московского государства с азиатскими народами: Крымом, Казанью, Ногайцами и Турцией. Т. 1: 1474–1505, СПб., 1884; Т. 2: 1508–1521, СПб., 1895 (Сборник Императорского Русского Исторического Общества. № № 41 и 95).
- Kroniki Bernarda Warowskiego z Radochoniec. Cześć ostatnia czasy podługoszowskie obejmująca (1480–1535). Kraków, 1874.
- Kurat Akdes Nimet. *Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler*. İstanbul, 1940.
- Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / Введение, перевод, комментарии С.А. Аннинского. М., 1936 (<http://www.myslenedrevo.com.ua/studies/t2s/index.html>, на 1 марта 2011 года).
- Miechow Mathias. *Tractatus de duabus Sarmatiis, Asiana et Europiana et de contentis in eis*. Kraków, 1521 [1517; Augsburg, 1518].
- Полное собрание русских летописей. В 31 т. СПб., 1846–1968.
- Pułaski Kazimierz. *Stosunki z Mendli-Girejem chanem Tatarów Perekopskich (1469–1515): Akta i listy*. Kraków, 1881.
- Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Коллегии иностранных дел. В 5 т. М., 1813–1894.
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. 3 +1 тт. СПб., 1893–1903 [Дополнения. СПб., 1912].
- Strykowski Maciej. *Kronika polska, litewska, żmódzka i wszystkiój Rusi Macieja Strykowskiego*, 2 vols., Warszawa, 1846 [repr. 1985].
- The Annals of Jan Długosz: Annales seu cronicae incliti regni Poloniae; An English abridgement*, abr. trans. Maurice Michael, comment. Paul Smith, Charlton, 1997.
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. В 2 т. СПб., 1884.
- Вельяминов-Зернов В.В. (и Х.Фаизханов). Материалы для истории Крымского ханства. СПб., 1864. repr. A. Melek Özyetgin & İlyas Kamalov (eds.). *Kırım yurtuna ve ol taraflarga dair bolgan yarlıglar ve hatlar*. Kırım Hanlığı Tarihine Dair Kaynaklar. Ankara 2009.
- ### Литература
- Базилевич К.В. Ярлык Ахмед-хана Ивану III // Вестник Московского государственного университета, 1948, №1, с. 29–46.
- Базилевич К.В. Внешняя политика централизованного Русского государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
- Бережков М.Н. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474–1505 гг.) // Известия Таврической ученой комиссии, 1894, т. 21, с. 27–51.
- Богатова Г.А. и соавт. (ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. В 28 т. М., 1975–2008.
- Богатова Г.А. Золотая Орда // Русская речь, 1970, №1, с. 70–77.
- Collins Leslie. On the alleged “destruction” of the Great Horde in 1502 // *Manzikert to Lepanto: The Byzantine World and the Turks, 1071–1571* / ed. by Anthony Bryer. Amsterdam, 1991, pp. 361–399.
- Croskey Robert M. *Muscovite Diplomatic Practice in the Reign of Ivan III*, New York, 1987.
- Думин С. В. Татарские царевичи в Великом княжестве Литовском (XV–XVI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1987. М., 1989, с. 108–113.
- Fisher Alan. *The Crimean Tatars*, Stanford, 1978.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1950.
- Греков И.Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV в.). М., 1975.
- Joseph von Hammer-Purgstall. *Geschichte der Goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland*, Pest, 1840.
- Хорошкевич А.Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI вв. М., 2001.
- İnalçık Halil. *Kırım hanlığı* // *İslam Ansiklopedisi*, vol. 6, İstanbul, 1954.
- Каргалов В.В. Конец Ордынского ига. М., 1980.
- Keenan Edward L. *The Jarlyk of Axmed-xan to Ivan III: A New Reading; // A Study in Literal Diplomatica and Literary Turcica*, International Journal of Slavic Linguistics and Poetics 12 (1969), pp. 33–47.
- Kolankowski Ludwik. *Dzieje Wielkiego Księstwa Litewskiego za Jagiellonów*, Warszawa, 1930.
- Кудрявцев И.М. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы (летописные повести о нашествии Ахмеда и литературная история этого нашествия) // Исследования и материалы по древнерусской литературе. Вып. 1. М., 1961, с. 23–67.
- Насонов А.Н. Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси). М., 1940.
- Назаров В.Д. Конец Золотоордынского ига // Вопросы истории, 1980, №10, с.104–120.
- Orchard G.E. The Stand on the Ugra // *New Review* 5:1 (1965), p. 34–43.

- Пресняков А.Е. Иван III на Угре. Сборник в честь С.Ф. Платонова. СПб., 1911, с. 280–298.
- Рогожин Н.М. Обзор посольских книг из фондов-коллекций, хранящихся в РГАДА (конец XV – начало XVIII в.). М., 1990.
- Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII в. М., 1994.
- Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... Из опыта образования и распада империй XV–XVI в. М., 1996 [Саранск, 1960], с. 277–526.
- Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII века. М., 2005 [СПб., 1887].
- Spuler Berthold. Die Goldene Horde. Die Mongolen in Rußland 1223–1502, 2nd ed., Wiesbaden, 1965 [Leipzig 1943].
- Ürekli, Muzaffer. Kırım Hanlığının kuruluşu ve Osmanlı himâyelerinde yükselişi (1441–1569). Ankara, 1989.
- István Vásáry. A Contract of the Crimean Khan Mängli Giräy and the Inhabitants of Qırq-Yer from 1478/79 // Central Asiatic Journal 26 (1982), pp. 289–300.
- István Vásáry. Turks, Tatars and Russians in the 13th–16th Centuries, Aldershot, 2007, no. xiv. – The Tatar Ruling Houses in Russian Genealogical Sources // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae 61 (2008), pp. 365–372.
- Вельяминов-Зернов Б.Б. Исследование о Касимовских царях и царевичах. Ч. 1. М., 1853.
- Зайцев И.В. Астраханское ханство. 2 изд. ред. М., 2006 [2004].
- Зайцев И.В. Большая Орда, Крымское ханство и Османская империя в 50–70-х гг. XV в. Историко-этнографический обзор // Зайцев И.В. Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская Империя (начало XV – первая половина XVI в.). М., 2004, с. 66–81.
- Зайцев И.В. Шейх-Ахмад – последний хан Золотой Орды (Орда, Крымское ханство, Османская империя и Польско-Литовское государство в начале XVI в.) // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф. Миллера. М., 2003, с. 99–120.

Иштван Вашари

**КЫРЫМ ХАНЛЫГЫ ҺӘМ ОЛЫ УРДА (1440-1500-НЧЕ ЕЛЛАР).
БЕРЕНЧЕЛЕК ӨЧЕН КӨРӘШ**

Ачкыч сүзләр: Алтын урда, Кырым ханлыгы, Олы Урда, Шәех Әхмәт.

Аннотация. Мәкаләдә XV гасырның икенче яртысында Евразия державасы булган Алтын Урда таралганнан соң Олы Урда һәм Кырым ханлыгы арасында аның мирасының дәвамчысы һәм әйдәмане булу өчен барган катлаулы көрәш яктыртыла, һәм бу вакыйгаларга Мәскәү Бөек кенәзлеге, Литва Бөек кенәзлеге һәм Польша корольлеге йогынтысы күзәтелә.

István Vásáry

**THE CRIMEAN KHANATE AND THE GREAT HORDE (1440S–1500S).
A FIGHT FOR PRIMACY**

Keywords: the Golden Horde, the Crimean khanate, the Great Horde, Sheikh Ahmed.

Annotation. In article difficult processes of transfer are covered in the second half of the XV century of powers of the leader and the successor of the broken-up Euroasian power of the Golden Horde after elimination of the Great Horde to the Crimean khanate through covering of relationship of these two state educations, and also impacts on these processes of the Moscow grand duchy, the Lithuanian Grand duchy and the Polish kingdom.

Вашари Иштван – доктор исторических наук, профессор, Будапештский университет (Венгрия, Будапешт).

E-mail: vasaryi@gmail.com

Вашари Иштван – тарих фәннәре докторы, Будапешт университеты профессоры (Венгрия, Будапешт).

Vásáry István – doctor of historical sciences, professor, the Budapest university (Hungary, Budapest).

Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники

Ключевые слова: казанская знать, русско-казанские отношения, «казанская война».

Аннотация. В статье рассмотрена история формирования в науке представления о характере политической борьбы в Казанском ханстве, как борьбы партий. Автор доказывает, что деление группировок казанской элиты на «русскую», «крымскую», «ногайскую» и «шибанскую» партии восходит к Г.И.Перетятковичу, однако это не подтверждается источниками. В работе на основе анализа летописей и посольских книг выделено порядка 50 персон, активно участвовавших в русско-казанских отношениях. Используя биографический и просопографический метод исследования, автор показывает, что реальная геополитическая дифференциация казанской аристократии наметилась лишь к 1530-м годам. Причем первоначально можно говорить лишь о партии «войны» и «мира». Только в 1545 г. произошел раскол знати на непримиримые группировки, а появление собственно «крымской» и «русской» партий имело место в 1549 г.

Изучение русско-казанских отношений имеет развитую историографическую традицию. Этому вопросу уделяли внимание и авторы XVI–XVII вв., и ученые последующих столетий. В ходе своих изысканий исследователи отметили участие в этих связях аристократии Казанского ханства, причем это участие имело сложный характер. Позиция казанского нобилитета вызывала противоречивые эмоции, ярче всего они характеризуются словами ханике Нур-Султан: «Казанская земля – злая». В чем причина столь негативной оценки? Каков характер деятельности казанской элиты? Что мы вообще знаем об этом? Этим и другим вопросам мы и посвящаем нашу работу.

Историография.

Для заметного большинства авторов история русско-казанских отношений неразрывно связана с перипетиями внутренней борьбы казанской знати. Еще Н.М.Карамзин отмечал, что «Казань сделалась театром несогласия и мятежа чиновников...» [Карамзин, 1989, стб.114]. О «казанских смутах» писал и С.М.Соловьев, но он уже разглядел в этом серьезные геополитические условия, позволявшие вмешиваться во внутренний ход жизни ханства [Соловьев, 1989, с.68]. Впрочем, в этих работах русско-казанские отношения всего лишь один из многих элементов большого полотна истории России. Одним же из немногих исследователей специально обратившимся к истории Поволжья, стал Г.И.Перетяткович. Его труд для своего времени был, без сомнений, новаторским, автор не ограничился анализом только одного вида источников и не стал делать один из них основным, а остальные факультативными. Он, напротив, постарался построить свое исследование на основе изучения комплекса документов, как нарративных, так и делопроизводственных. В итоге Г.И.Перетяткович дал ряд содержательных очерков истории и быта мордвы, Ногайской Орды, Астраханского и Казанского ханств. Одним из первых русских историков он начал изучение элит постзолотоордынского мира, в частности, Казани¹. Конечно, ряд его объяснений и гипотез уже имеют лишь историографический интерес, но некоторые из них оказали заметное воздействие на последующую историографию. К таким идеям, без сомнения, можно отнести его представления о характере внутренней борьбы казанской знати, которые были связаны с его наблюдением о том, что власть казанского хана «была сильно ограничена многочисленным высшим дворянством...» [Перетяткович, 1877, с.126]. Именно поэтому внутренняя борьба это не просто «несогласие и мятеж чиновников», а нечто большее. Пусковой момент в спорах элит историк усмотрел во вмешательстве сопредельных стран, спровоцировавших «своекорыстие» аристократии [Перетяткович, 1877, с.129]. Исходя из этой концепции, автор выделял в Казани несколько партий: ногайскую, московскую, шибанскую и крымскую. Начало образованию «партий» было положено в конце XV века борьбой сыновей хана Ибрагима: Илгاما (Али) и Мухаммад-Эмина. Илгам имел поддержку у ногаев, а Мухаммад-Эмин у Москвы – так появились ногайская и московская «партии» [Перетятко-

¹ Г.И.Перетяткович уделил много внимания значению казанских «князей», указал на наследственный характер их доходов. Указал на тот факт, что в чрезвычайных случаях казанский сейид мог стать во главе исполнительной власти ханства [Перетяткович, 1877, с.125–127]. В целом новаторский характер исследования позволил ему сохранять долгое время научное значение, а позднее вызывать высокие оценки нынешних историков [Трепавлов, 2002, с.8].

вич, 1877, с.151]. Образование шибанской партии автор относил к 1490-м гг. [Перетяткович, 1877, с.153–154]. Интересно, что, по всей видимости, московская и крымская партии действовали вместе, лишь позднее разъединившись – именно так можно понять построения Г.И.Перетятковича. Во всяком случае, автор писал следующее: «...со смертью Летифа общность выгод крымских и русских в отношении к Казани рушится и каждая партия начинает преследовать отдельно свои интересы» [Перетяткович, 1877, с.159]. Именно противоборство двух этих партий во многом и составляло политическую жизнь ханства [Перетяткович, 1877, с.130]. Интересно, что кроме этих двух факторов истории автор писал о сохранении силы ногайской партии все время жизни ханства, которая ограничивала почти все свое влияние едва ли не единственно брачными отношениями между казанскими ханами и ногайскими аристократами [Перетяткович, 1877, с.152–153, 166, 171, 172]. По сути, Г.И.Перетяткович создал «политологию» Казанского ханства, в котором шла ожесточенная борьба между различными партиями, но что понимал исследователь под «партиями»? К сожалению, прямого ответа читателю автор не дал, но по ряду суждений можно сделать следующее предположение. Во-первых, все без исключения партии связаны с династической борьбой. Так, шибанская партия – это та, что поддерживает притязания сибирских Чингизидов, а крымская, соответственно, – Гиреев [Перетяткович, 1877, с.130, 159 и др.]. Во-вторых, интересно, что на силу партии оказывают такие факторы, как близость кочевания и приток людей из соседних стран. Так, объясняя силу «ногайской партии», Г.И.Перетяткович пишет о близости к Казани кочевания ногаев [Перетяткович, 1877, с.171], а усиление крымской – с «прибывшими крымцами» [Перетяткович, 1877, с.166]. То есть, очевидно, что под партиями исследователь подразумевал различные группировки знати, при чем не только казанской, но и пришлой, которая боролась за свое влияние на хана, именно поэтому заботы ногайской партии чаще всего не идут дальше брачной политики. Сама идея «партийной власти» у Г.И.Перетятковича появилась в результате его научных штудий, но необходимо заметить, что он почти не касался персонального состава казанской знати, не анализировал их деятельность, поэтому его концепция имела чисто теоретический и гипотетический характер. Однако, не смотря на это, «партийная концепция» политической борьбы в Казанском ханстве получила в последующей историографии весьма большое распространение.

Дальнейшее развитие теории Г.И.Перетятковича получила в исследовании М.Г.Худякова, который заметно удревнил начало появления партийных направлений в Казанском ханстве, отнеся их к 60-м гг. XV века. Характер же этой дифференциации он усматривал в личных противоречиях [Худяков, 1991, с.37–38]. С конца же XV века политическое расслоение было более глубоким и определившимся, солью же этой дифференциации стала торговля. Так, та часть «торгового капитала», что была в тесной зависимости от русского рынка – составляла русскую партию, ну а те, что были связаны со среднеазиатским рынком – восточную [Худяков, 1991, с.45–46]. Легко заметить, что М.Г.Худяков модернизировал «партийную концепцию» дореволюционного историка, уменьшив число партий с 4-х до двух и объяснив интересы партий торговой ориентацией, в духе концепции М.Н.Покровского. После исследования М.Г.Худякова историки, изучавшие внешнюю политику Казани, упоминали уже две партии, хотя и не признавали торгового характера «партийной дифференциации» [Смирнов, 1948, с.19]. И.И.Смирнов, давший в работе, опубликованной в 1948 году, яркий очерк восточной политики Василия III, особо остановился на характеристике политической борьбы казанской аристократии. Борьба эта, в изложении автора, имела довольно противоречивый характер. С одной стороны, исследователь ее определяет как «...типичное проявление феодальных усобиц, как борьбу феодальных родов за власть» [Смирнов, 1948, с.19], с другой – выявляет группировку «блока с Русским государством» и группу, ориентировавшуюся на Крым и Турцию, которые могли бы оказать «мощную поддержку Казани в ее борьбе с Россией и укрепить позиции Казанского ханства, претендовавшего на политическую гегемонию в Поволжье» [Смирнов, 1948, с.18]. И.И.Смирнов попытался выяснить и социальные корни этих «партий». Так, первоначально их трудно определить, но с конца 1540-х гг. «можно прощупать изменение природы казанских политических группировок». Интересно, что, согласно автору, за союз с Москвой в это время выступали «казанцы меньшие», под которыми он видел широкие слои городского населения [Смирнов, 1948, с.19]. Еще одним любопытным наблюдением И.И.Смирнова стало его суждение о роли в этих событиях Ширинов. Он писал об особой роли этой родо-племенной группы (которая держалась «московской ориентации») во взаимоотношениях Русского государства, Казанского и Крымского ханств [Смирнов, 1948, с.33–34]. Впрочем, многие наблюдения И.И.Смирнова оказались недостаточно документированными и, следовательно, уязвимыми для критики. Важно, что автор уловил сложность реальной политической борьбы в Казани, но в рамках данной статьи не провел ее досконального исследования.

В 1952 г. с критикой части построений И.И.Смирнова выступил К.В.Базилевич. Исследователь отвел как несостоятельное суждение о наличии в Казани в 1496 г. группировки, ориентированной на Крымское ханство и Турцию. По его мнению, в это время не было «...политической борьбы между различными группами феодальной знати, одна из которых ориентировалась бы на Москву, а другая – на враждебные ей силы татарской орды». Исследователь события 1496 г. объяснял феодально-династическим характером [Базилевич, 2001, с.352–353]. Впрочем, справедливости ради надо отметить, что в этом случае критика была мимо цели, так как И.И.Смирнов, рассматривая историю прихода к власти в Казани Мамука, тоже объяснял это придворными интригами [Смирнов, 1948, с.20–21]. Однако, полемизируя с коллегой, К.В.Базилевич сам, касаясь истории казанского переворота 1505 г., отдал должное модной тогда теории о большой международной игре в Восточной Европе, усмотрев в этих событиях далеко идущую дипломатическую комбинацию не только Ногайской Орды, но и Великого княжества Литовского, а также Турции [Базилевич, 2001, с.480–482].

Изучение русско-казанских отношений продолжил С.О.Шмидт, который тоже писал о двух партиях «московской» и «восточной», синонимом которой выступает название «крымская» [Шмидт, 1954, с.225, 235]. В основу партийной дифференциации он также положил не торговый (что естественно после разгрома «школы Покровского»), а политический принцип. С.О.Шмидт писал об ожесточенной борьбе России с ее противниками на Востоке, при чем Казанское ханство «...являлось своеобразным фокусом, в котором концентрировались враждебные Русскому государству силы» [Шмидт, 1954, с.216, 217, 255, 257].

С.Х.Алишев указывал, что борьба казанских феодалов между собой за власть проявлялась и во внешней политике деятельностью двух группировок «промосковской» и «восточнокрымской» [Алишев, 1990, с.52–53]. Позднее автор развил свои взгляды на предмет рассмотрения, сохранив двухчастное разделение казанской знати на промосковскую и восточную партии, указав сильное влияние ногаев на политику Казанского ханства [Алишев, 1995, с.53]. При этом любопытно, что восточная партия для автора это «партия пришлых феодалов из Крыма и ногаев» [Алишев, 1995, с.59]. Итак, автор частично связывает партии с пришлым элементом, что, без сомнений, является возвращением к взглядам Г.И.Перетятковича. Еще одним интересным моментом в изучении «партийной борьбы» в Казани стало суждение Д.М.Исхакова о связи политических симпатий казанской знати «с существованием у них родственников, игравших важную роль в Касимовском ханстве» [Присоединение, 2003, с.60]. Впрочем, это наблюдение переключается со сходной гипотезой Смирнова [Смирнов, 1948, с.33–34].

Таким образом, в историографии произошла эволюция понятия «партия» в рамках политической истории Казанского ханства. Если для Г.И.Перетятковича «партии» это группировки знати, объединяющиеся для достижения власти в рамках придворной борьбы, то в XX веке это уже (для многих историков) объединения аристократов с очевидными политическими и экономическими идеями. Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что «партийная теория» политической борьбы в Казанском ханстве, созданная Г.И.Перетятковичем сохранила свое влияние до сегодняшнего времени, но у этой гипотезы есть очевидные слабые стороны. Важнейшая заключается в том, что ни ее создатель, ни его последователи никогда не анализировали персональный состав участников «партий» и их деятельность. Все это делает теорию Г.И.Перетятковича уязвимой и требует нового анализа источников для того, чтобы уяснить были ли партии или нет, а так же понять какова была роль самой казанской элиты в политической борьбе.

Источники.

События русско-казанских отношений нашли отражение в различных источниках: нарративных и делопроизводственных, русских и восточных, записках европейских дипломатов и купцов. Однако сохранность источников оставляет желать лучшего. Почти полностью погибли казанские документы, исчезли посольские книги по связям России и Казанского ханства. В таких условиях едва ли не единственным источником информации стали русские летописи. Единственным, но надежным ли? Подозрения к ним, естественно, небеспочвенны, однако, долгое время исследователи активно их использовали. Недавно вопросом о репрезентативности летописей задался Б.Р.Рахимзянов [Рахимзянов, 2005, с.248–251]. Итоговый вывод автора неутешителен: «Летописи ... часто искаженно описывают отношения с татарскими ханствами и к тому же конъюнктурны» и, следовательно, пользоваться ими необходимо с большой осторожностью [Рахимзянов, 2005, с.250–251]. Наблюдение во многом верное, но означает ли оно, что летописи как источник почти бесполезны? Известно старое утверждение нарратологов: «Тексты лживы», причем, это суждение актуализирует новые методики и подходы к изучению различных нарративов. В нашем случае, мы должны понять характер искажения первоначальной информации, иначе говоря, уяснить характер «письма», а затем выявить его «нулевую степень», то есть лишенное идеологического содержания. Существенным моментом в характе-

ристике «политического письма», а летописи XVI века именно к этому типу и относятся, является необходимость «...в один прием соединить реальность фактов с идеальностью целей» [Барт, 2008, с.63]. Проще говоря, надо понять, что именно хочет обосновать летописец, как он выстраивает текст, а затем выявить факты, которыми он оперирует – на этом этапе мы получаем относительно «чистый продукт», с которым можно работать.

После этих теоретических рассуждений (уверен, далеко не беспорных) обратимся к конкретному материалу. Разрабатывая концепцию восточной политики, в Москве искали прецеденты для включения постзолотоордынского мира в русскую историю в победном контексте. Вероятно, в связи с этими исканиями в XV – начале XVI века появляется теория о «Всеволодовой дани», согласно которой князь Всеволод Юрьевич «...на тотарех дань имал, и владея всею землею Рускою и до моря Волгою» [ПСРЛ, т.22, с.388; УЛС, с.44]. Официальные летописи в это время предлагают значительное удревнение момента сложения зависимых (даннических) отношений волжских болгар с Русью, относя его к правлению князя Владимира Святославича, и даже ранее, в эпоху легендарного князя Кия. Причем, в своде митрополита Даниила волжские болгары отождествляются с казанцами [Pelenski, 1974, p.97–103; Клосс, 1980, с.101; Ерусалимский, 2006, с.317]. Вместе с тем, эта теория так и не приняла законченного характера, более того, её использование в дипломатическом процессе имело ограниченный характер.

С 1520-х гг. в русском политическом нарративе становится общераспространенным представление об изначальной принадлежности Среднего Поволжья русским правителям. Эта точка зрения проводится и в официальном летописании. Более того, эта концепция распространяется и на Ногайскую Орду. Общим источником для памятников официального летописания послужил Летописец 1541 года [Морозов, 2005, с.35]. Для всех произведений этого круга (Воскресенская летопись, Летописец начала царства, Никоновская и Львовская летописи) характерна определенная структура передачи известий, связанных с восточной политикой Русского государства. Эта структура хорошо прослеживается на материалах статей, посвященных русско-ногайским отношениям. При их анализе нами выделены (условно) два формуляра. Формуляр 1 (далее – ф1.) представлял собой короткое сообщение, составленное следующим образом: «(дата) приидоша к великому князю (имя) послы Нагайские (от кого; кто) бил (били) челом, чтобы князь великий жаловал (чем именно)». Формуляр 2 (далее – ф2.) отличался большей развернутостью текста, причем он сохранял ф1, а затем сообщались определенные подробности миссии. Приблизительно по такой же схеме составлены и летописные статьи о русско-казанских отношениях.

Характерной особенностью летописных статей, в отличие от материалов посольских книг, следует признать их направленность. Летописям свойственно придание русско-ногайским контактам вида отношений вассала с сюзереном. Ногайские послы бьют русскому государю челом, «чтобы их князь великий жаловал и велел в свои государства ходити с торгом» или «чтобы князь великий жаловал, дружбу свою дрѣжал». Такой же идеи подчинено и летописное изложение отношений Русского государства и Казанского ханства.

Существенным моментом при построении летописного нарратива, посвященного русско-казанским отношениям, являлось то, что отбирались в основном те случаи, в которых казанцы либо просили себе «царя», либо просили «проступку» отдать. В результате подобной редакторской правки вся полнота дипломатических контактов России и Казанского ханства сужалась до вопросов престолонаследия [подробнее см.: Моисеев, 2010, с.395–397].

Эти наблюдения позволяют с уверенностью выявить характер «политического письма» официальных русских летописцев по поводу отношений с Казанью. Однако, создавая «идеальный текст», было важно выстроить его на достаточно прочных основаниях. Поэтому довольно важен вопрос: откуда черпались факты. Очевидно, что таким источником могли служить только посольские материалы, впрочем, скорее всего при создании таких компендиумов, как, например, Никоновская летопись, летописцы пользовались промежуточным источником типа «Выписки», сделанным с посольских документов. Для такого рода источников характерна унификация описаний, среди элементов которых было точное упоминание послов, посланников, гонцов [Моисеев, 2010, с.397–398]. Это обстоятельство в определенной степени помогает в решении нашей задачи изучения политической борьбы казанской знати. Дело в том, что создавая «идеальную историю» русско-казанских отношений, официальные летописи старательно фиксировали участие представителей казанской элиты в дипломатических контактах с Москвой, в смещении и приглашении на престол ханов. Все это позволяет нам выделить круг лиц, втянутых в эти процессы. Анализ летописных текстов позволяет нам с достаточной уверенностью судить о деятельности около 50 представителей аристократии Казанского ханства. Естественно, что это «капля в море», но в нашем случае, важно, что эти данные достаточно надежные, так как именно они и являются тем самым «нулевым

уровнем письма», о котором писалось выше, так как это та самая реальность фактов, необходимая для выстраивания идеологического текста.

Вторым видом источников, дополняющим сведения летописей, являются посольские книги. Учитывая, что книг по связям с Казанским ханством не сохранилось, ведущее значение получают ногайские посольские книги, в которых отложился ряд материалов, связанных с Казанью.

Кроме русских источников сохранился ряд казанских материалов. В данной работе мы, в первую очередь, будем использовать данные «Зафар-наме-и вилайет Казан», так как в этом тексте сохранились важные для нашего исследования данные. Другие казанские источники (шеджере, ярлыки) требуют пристального внимания, однако, их анализ выходит за рамки нашей работы, посвященной решению важной, но все-таки узкой проблемы.

Борьба казанской знати.

Противоречия в среде казанской знати наиболее очевидно проявились в 80-е гг. XV века, во время борьбы хана Илгана (Али) с Мухаммад-Эмином. Как известно, последний получил военную поддержку в Москве и в 1487 г. был возведен на ханский престол. Часть сторонников Илгана подверглась репрессиям, но некоторым удалось скрыться. Из русско-ногайской дипломатической переписки нам известны их имена: Али-гази, Бегеш, Утеш и Касим-сейид. Они укрылись в ногайских степях, кочевали с сибирским ханом Ибаком. Русское правительство их призывало на свою службу, и, надо сказать, они были не против выехать в Русское государство. Конечно, данные об их деятельности чрезвычайно скудны, однако, можно отметить одно их сопротивление Москве – это сопротивление верных вассалов своего хана, но не игры политических агентов какого-либо соседнего.

Большое внимание в историографии уделялось событиям 1496 г. Так, С.М.Соловьев связывал этот переворот с чинимыми Мухаммад-Эмином «...насилием и бесчестием женам их [казанских феодалов – М.М.]» [Соловьев, 1989, с.69]. Г.Перетяткович считал, что здесь сыграла свою роль «партия шибанских татар во главе с Ураком». Его точку зрения поддержал А.А.Зимин [Перетяткович, 1877, с.130; Зимин, 1982, с.108]. М.Г.Худяков полагал, что в действиях героев тех событий главная роль «принадлежала личным мотивам» [Худяков, 1991, с.54–55]. К.В.Базилевич отмечал тесную связь Ибака и Мамука с ногаями, но отрицал наличие политической борьбы в Казани в то время. По его мнению, «...борьба с Мухаммад-Эмином носила феодально-династический характер» [Базилевич, с.353]. С.Х.Алишев и Х.Б.Салиева находят в этих событиях деятельность «ногайской партии» [Алишев, 1995, с.45–46; Салиева, 2004, с.22]. В.В.Трепавлов связывает поход Мамука на Казань с тем, что он лишился Тюменского юрта, и Ямгурчи настоял на Казанском ханстве как достойной замене утерянного. По мнению исследователя, немалую роль в перевороте сыграли казанские беки, укрывавшиеся у Ибака и Ямгурчи [Трепавлов, 2002, с.118, 137]. Таким образом, отечественные историки, рассматривая этот сюжет, так и не пришли к какому-либо единению. Важным было подчеркивание сиюминутных настроений или роли партии «шибанских татар». Все это требует нового рассмотрения. Во-первых, партии шибанских татар, как некоего сообщества, преследующего определенные политические цели, в то время не было, как впрочем, и любой иной «партии». В 1495 г. сибирские Шибаниды лишились своего коренного юрта и, соответственно, вряд ли могла быть партия, отстаивающая их интересы в Казанском ханстве. Интерес ряда казанских беков к персоне Мамука определялся не тем, что он был Шибанид, а тем, что – он Чингизид. Это легко понять, если принять во внимание тот факт, что их не устраивал Мухаммад-Эмин. Другой законный претендент на казанский престол Абдуллатиф находился в России. Илган и его братья были заточены в Карголоме. Крымский хан Менгли-Гирей поддерживал детей своей жены Нур-Султан: Мухаммад-Эмина и Абдуллатифа. Таким образом, улуг-мухаммедовичи по тем или иным соображениям не удовлетворяли казанскую знать. Оставались ахмедовичи и сибирские Шибаниды. В связи с общей ситуацией в Дешт-и Кипчак не подходили им и потомки хана Большой Орды Ахмеда. С другой стороны, сибирские Шибаниды были идеальной кандидатурой на престол: лишенные юрта они вряд ли могли диктовать свои условия. Следовательно, интерес казанского нобилитета к персоне Мамука очевиден. Такой же интерес, вероятно, к нему испытывали и ногаи, а именно Ямгурчи. Как известно, для легитимизации своей власти ногайским аристократам был необходим хан-чингизид, чье положение, как правило, было зависимым [Трепавлов, 2002, с.101–103]. Как отмечает, В.В.Трепавлов, Ямгурчи возвел Мамука на «ногайский престол». После этого, упрочив свое положение (до этого на рубеже 1491–1492 гг. в орде шла борьба между Мусой и им), появилась возможность бросить ресурсы Ногайского юрта на решение «казанской проблемы». Сомнений в том, что поход Мамука на Казань в 1496 г. был ногайским по исполнению и частично по замыслу не может быть никаких. Иоасафовская летопись в статье, посвященной событиям 1496 г., аттестовала Мамука как царя шибанского «с многою силою» [ИЛ, с.131], но, как известно, к тому времени Сибирский юрт ему не принадлежал, следовательно, «многоя сила» летописи должна была черпаться из иных источников. В.Н.Татищев, опираясь на летописные

известия, расшифровывал это сообщение как «со многою силою ногайскою и казанские князи» [Татищев, 1996, с.86]. Разрядные книги 1475–1606 и 1493–1611 гг. именуют Мамука царем ногайским [РГАДА, ф.181, оп.1, д.17, л.10об.], но, как справедливо отмечает В.В.Трепавлов, сибирский хан «...мог распоряжаться по своему усмотрению населением и ресурсами Сибирского юрта», с ногами же, номинально подчинявшимися Шибанидам, ситуация была иная: ногайские бии диктовали своим ханам политическую стратегию [Трепавлов, 1997, с.183]. Так было при Ибаке, так оставалось, если не усиливалось, и при Мамуке. Учитывая историю сибирско-ногайских отношений, ясно, что войско было ногайским, и решение принимали ногайские аристократы. В то время лидером Ногайской Орды являлся Ямгурчи. У него были все основания желать смещения Мухаммад-Эмина, что явилось бы реваншем за смещение в 1487 г. его зятя – хана Илгана. Более определенно о роли Ямгурчи в событиях 1496 г. позволяет судить грамота Мусы, привезенная в Москву в марте 1497 г. По этому документу события шли в следующей последовательности. Сначала Муса «на братью свою прогневавшись, в Туркмен ездил», затем его «братья» упросили вернуться. В орде его ждали серьезные изменения: «Ямгурчей царь на Казань пошли оступити», но Муса бил царю челом «Ивана князя для» и вернул войско назад. После этого поход был повторен, как писал Муса: «И нынеча с казанскими князи содиначився, царя взявши на Казань пошли оступити». Муса в ответ на это послал в погоню сына с 2000 человек, велел ему «дом пограбити». Эта грамота, учитывая время пути гонцов из Ногайской Орды в среднем в 3–4 месяца, была написана не ранее ноября-декабря 1496 г. Данная датировка позволяет определить и время возвращения Мусы из Средней Азии в орду. Исходя из текста, это произошло в мае (самое раннее апреле) 1496 г., так как именно в это время Ямгурчи и Мамук начали поход на Казань, закончившийся их возвращением в орду с казанскими заговорщиками. После этого поход был возобновлен в сентябре 1496 г. (по времени близко к датировке написания грамоты). Ответные действия Мусы не отразились в иных источниках, но история Казанского ханства в это времени вообще слабо отражена в документах. Таким образом, Ямгурчи и казанским бекам принадлежала центральная роль в этих событиях, Мамук же фигура в значительной степени зависимая («царя взявши», как пишет Муса о нем, словно неодушевленном предмете). Русские летописи сохранили имена казанских беков, сторонников Мамука: Калимет, Урак, Садырь, Агиш [ПСРЛ, т.8, с.231]. Интересно, что летописи лидером заговора видят Кель-Ахмеда (Калимета), но при этом Урак явно обладает высоким статусом. Так, в Воскресенской летописи в статье 7007 года, посвященной неудачному набегу Агалак-султана – брата Мамука – Урак упоминается как «князь казанских князей» [ПСРЛ, т.8, с.237], очевидно, это калька с титула беклярбек/амир аль умара. В целом, события 1496 года со стороны казанской знати можно реконструировать следующим образом. Верхушка ханства, выступая против Мухаммад-Эмина и не обращаясь в Москву с жалобами на него и просьбами прислать нового хана, явно стремилась избавиться от опеки северо-западного соседа. Причем, выбирая хана без ханства, казанские беки надеялись обеспечить над ним полное влияние и суверенитет ханства от любого сопредельного государства. Однако, как известно, расчет не удался и Кель-Ахмед (Калимет) возглавил оппозицию уже своей недавней креатуре.

Таким образом, переворот 1496 г. был следствием внутренних противоречий между Мухаммад-Эмином и казанской знатью, а не борьбы между «русской» и «шибанской» партией. Так, что И.И.Смирнов и К.В.Базилевич правы в том, что в этих событиях не видели борьбы партий [Смирнов, 1948, с.19; Базилевич, 2001, с.352–353], однако, вместе с тем нельзя согласиться с ее характеристикой, как «феодально-династической». Данную точку зрения вряд ли можно принять в силу того, что из-за своеобразия сложившейся ситуации любая политическая борьба в регионе неизбежно приобретала «династический характер». Ни Ямгурчи, ни казанские беки не могли не учитывать «русский фактор», так властно вмешивавшийся в течение дел с 1480-х гг. Более того, позиция России была ясно выражена в мае 1496 г. Само обращение за ханом в иной источник, кроме России, где были и другие претенденты на престол, например Абдуллатиф, достаточно ясно вскрывает позицию казанских противников Мухаммад-Эмина, как антироссийскую. Только разочарование в союзе с ногами и их подопечными Шибанидами привело главу заговора Кель-Ахмеда к пророссийской позиции, когда после изгнания Мамука, он просил хана у Ивана III с единственным требованием, чтобы это был не Мухаммад-Эмин. Это условие было выполнено: в Казань отправили недавно приехавшего из Крыма Абдуллатифа б. Ибрагима [ПСРЛ, т.12, с.235].

В 1505 году Казанскому ханству удалось избавиться от московской опеки. В этом перевороте ногаи приняли активное участие. По версии автора «Казанской истории» ведущая роль в измене Мухаммад-Эмина великому князю принадлежала его жене Каракуш. По его словам, она была Мухаммад-Эмину «люба ... бысть велми братняя (хана Ибрагима. – М.М.)». Именно она подстрекала хана отложиться от Ивана III [КИ, с.280]. Косвенным свидетельством в пользу версии автора «Ка-

занской истории» может служить обеспокоенность Ямгурчи за судьбу своей дочери Каракуш, отмеченная в грамотах ногайского посольства сентября 1504 г. [Посольская, 1984, с.52].

К.В.Базилевич, разбирая этот сюжет, пришел к однозначному выводу о решающей роли Ногайской Орды в перевороте в Казанском ханстве. Роль Каракуш в этих событиях он снижает, но в целом связывает антимосковские настроения у ногаев с Ямгурчи и его потомством [Базилевич, 2001, с.480]. По мнению исследователя, ногаи в годы борьбы Москвы с Большой Ордой поддерживали «Ахмедовых детей». Только после поражения Шейх-Ахмеда ногаи начали движение к замирению с Россией. В целом К.В.Базилевич был склонен видеть за событиями 1505 г. далеко идущую дипломатическую комбинацию не только Ногайской Орды, но и Великого княжества Литовского, а также Турции [Базилевич, 2001, с.480–482]. Тезис о враждебности Ногайской Орды России и поддержки ногаями Большой Орды не выдерживает критики по ряду причин. Ногаи враждовали с Большой Ордой задолго до того, как откочевали на Яик. В период с конца 1420 г. до конца 1430 г. ногаи при бие Ваккасе начали вытеснение большеордынцев с их кочевий в Волго-Яицком междуречье [Трепавлов, 2002, с.127]. Среди мангытов Большой Орды (родственников основной этнической группы Ногайской Орды) ногаи надолго стали символом зла [Сикалиев, 1994, с.51]. В 1481 г. ногаи напали на ставку хана Ахмеда и убили его. Согласно автору «Казанской истории», это событие произошло «по московском воинстве» [КИ, с.262], то есть ногаи воспользовались плачевным положением большеордынцев после известных событий 1480 г. Последующие события также не позволяют заподозрить ногайскую верхушку в симпатиях к «Ахмедовым детям». Борьба с Большой Ордой стала той точкой сближения, на которой начали строиться русско-ногайские отношения. Только серьезные осложнения во внутривосточной борьбе вынудили Мусу искать сближения с ордынцами. Ямгурчи, по известным документам, был последовательным противником Большой Орды. В целом сложно считать ногаев союзниками «Ахмедовых детей». Автор «Казанской истории» считал, что именно от ногаев Большая Орда запустела: они вытеснили ее с кочевий и заняли их [КИ, с.270]. Конфликты ногаев с Россией возникали на почве различных представлений о будущем Казанского ханства. Здесь особо заметна роль Ямгурчи. Он поддерживал смещенного в 1487 г. хана Илгана (Али), в 1496 г. возвел на казанский престол Мамука, в 1500 г. совместно с Мусой осаждал Казань. Однако за этим не скрывалось долгосрочной, фундаментальной внешнеполитической программы. Главная цель Ямгурчи была достичь определенного контроля над Казанью, поэтому выдача за Мухаммад-Эмина его дочери прекратила воинственные акции беспокойного ногайца. Турецкий же фактор в тех событиях вообще отсутствовал. По наблюдениям современных специалистов, Россия и Турция в конце XV – начале XVI вв. проходили период узнавания друг друга, накапливания информации и по этому базы для активной политики против какого-либо участника двусторонних отношений пока еще не было [Зайцев, 2002, с.74–78; Мейер, 2003, с.95, 107].

В целом, можно считать, что казанский переворот 1505 г. был следствием развития международных отношений в Поволжском регионе основных стран участниц: России, Ногайской Орды и самого Казанского ханства. Главной же целью переворота было добиться независимости для своего ханства. То есть, и здесь нет оснований видеть борьбу «партий» казанской знати.

В целом, вплоть до 30-х гг. XVI века говорить о казанских «партиях» затруднительно. В это время казанская знать группировалась, по видимому, не по геополитическим симпатиям. Характер внешнеполитической дифференциации вскрывает летописное сообщение о казанском перевороте 1531 г. Весной этого года Сафа-Гирей попытался свернуть русско-казанские переговоры о мире, убив русского дипломатического представителя Ивана Полева. В ответ на это казанская знать во главе с Ковгоршад-ханике, Кичи-гали-мирзой и Пулад-беком ширином объединилась и не дала совершить убийство дипломата. Хан был смещен и выслан из Казани, а ряд его советников (среди них Раст-бек, Али Шокуров сын) казнены. Причину их убийства русские летописи передают следующим образом «думали царю на лихо» [ПСРЛ, т.13, с.56–57; т.20, с.410]. Очевидно, что в «объяснения» России казанскую элиту толкнули не столько симпатии к ней, сколько не желание вести долгую войну. То есть, в это время мы, скорее, видим партии войны и мира («ястребов» и «голубей»), чем сторонников Москвы и Крыма.

В правительство нового хана, московского ставленника Джан-Али, вошли Пулад-бек и Табай-бек [ПСРЛ, т.13, с. 69]. Табай летом 1529 г. возглавлял казанское посольство в Москву о мире и урегулировании отношений [ПСРЛ, т.13, с.46; т.20, с.406; т.8, с.272]. В тяжелые дни осады Казани в июне 1530 г. именно он был главой переговорной комиссии, ведшей переговоры о прекращении артобстрела Казани и заключении перемирия [ПСРЛ, т.13, с.47; т.20, с.406]. В 1531 г. Табай вновь возглавил посольство в Москву о мире, но Сафа-Гирей начал затягивать переговорный процесс. Подобное поведение хана крайне опечалило бека и поставило его в затруднительное положение. Русским переговорщикам он заявил, что Сафа «нас [послов – М.М.] забыл, а того не похотел, на

чем мы сделали». Подобное поведение Табай объяснял, что хана окружают крымцы, ногаи и «тутошные лихие люди». Свою речь дипломат завершил следующим: «...тому ли быть царю на Казани или иного государь царя пожалует на Казань пошлет» [ПСРЛ, т.13, с.55]. Итак, позиция Табай-бека прозрачна. Сафа-Гирей нарушил план, выработанный казанской аристократией, ориентированной на заключение мирного договора с Россией. Именно это оттолкнуло его с единомышленниками от Сафа-Гирея. Таким образом, Табай-бек, представляется нам сторонником компромисса с Русским государством, поэтому тому, что он вошел в правительство русского ставленника Джан-Али, удивляться не приходится. После нового переворота 25 сентября 1535 г., в результате которого Джан-Али был убит, а на престол возведен Сафа-Гирей, Табай ездил в Ногайскую Орду за женой Сафа-Гирея, дочерью Мамайя. Исполнив эту миссию, бек в Казань не вернулся. В Никоновской летописи сохранилась интересная ремарка, весьма похожая на фразу из посольского отчета: «а того ведома нет, где ся дел» [ПСРЛ, т.13, с.105, стб.1]. Впрочем, позднее из русско-ногайской переписки становится известно, что Табай-бек в 1548 г. находился в России [ПКСРНО, с.320, 324].

Еще интересней представляется деятельность карачи-бека Пулада ширина. Еще в начале 1519 г. он входил в состав казанского посольства, просившего дать на казанский престол Шах-Али [ПСРЛ, т.8, с.206]. Затем, летописи молчат о нем вплоть до 1530 г., когда он входил в переговорную комиссию о прекращении артобстрела Казани и заключении перемирия [ПСРЛ, т.13, с.47; т.20, с.406]. В 1531 г. вел секретные переговоры с Москвой о смещении Сафа-Гирея и, в итоге, возглавил переворот. В 1533 г. возглавил казанское правительство [ПСРЛ, т.13, с.56–57, 69]. Казалось бы, вот он глава «русской партии», о которой так много писалось в историографии. Однако в 1535 г. Пулад не просто участвует в перевороте, в результате которого погиб Джан-Али [ПСРЛ, т.13, с.88], а на самом деле был его инициатором: присылал к Сафа-Гирею грамоту и привел его в Казань, «утаив земли» [ПКСРНО, с.293]. Впрочем, «крымский роман» для карачи-бека не стал долгим. Уже в 1541 г. он вновь начинает заигрывать с Москвой, начав переговоры о смещении Сафа-Гирея [ПСРЛ, т.13, с.99], а марте 1542 г. отсылал посольство о мире [ПСРЛ, т.13, с.142].

Приведенные данные заставляют нас усомниться в том, что в 1530 – начале 1540-х гг. в Казани были «партии», имевшие четкие геополитические симпатии. Для того, чтобы уяснить, появились ли они позднее, рассмотрим события и персоналии деятелей 1540-х гг.

События 1542–1545 гг. привели к углублению противоречий внутри Казанского ханства, особую роль сыграл поход русских войск на казанские земли весной 1545 г. Ханству был нанесен серьезный ущерб, Сафа-Гирей отреагировал на неудачи весьма жестко. Хан предположил, что в этих событиях виновна местная знать: «деи приводили вьевод великого князя» и начал против нее репрессии, которые вызвали отток аристократов в Россию и другие сопредельные страны [ПСРЛ, т.13, с.146–147]. Эту ситуацию русские летописцы оценили однозначно: «оттоле начаша рознь бытии в Казани» [ПСРЛ, т.13, с.147]. Данный комментарий, на мой взгляд, зафиксировал поляризацию казанского населения. Именно с этого момента уже можно отчетливо выделить «партии» казанской знати.

Репрессии хана Сафа-Гирея привели к мятежу, в результате которого хан лишился в очередной раз престола. В Москву о смещении хана направили посольство в составе Биюрган-сейид, Кадыша-бека и Чюры Нарыкова [ПСРЛ, т.13, с.148], являвшихся, по всей видимости, лидерами партии противников Сафа-Гирея. Низвергнутый хан не смирился с поражением. Вскоре, при поддержке Юсуф-мирзы ему удалось вернуть власть. Именно русско-ногайская дипломатическая переписка дает нам дополнительную информацию о событиях конца 1545–1546 гг. Так, послание Юсуфа, доставленное в Москву в июле 1549 года, расширяет список казанцев, бежавших в Россию. Среди эмигрантов перечисляются: Кул-чюра, Бурнаш, Тягрикул, Кебек, Ислам, Аликей-мирза, Хусейн-бек, Келди-мирза, Шах-чюра, Табай-бек, Аз-берди-оглан [ПКСРНО, с.294, 320]². Кроме этого часть казанцев укрылась в Ногайской Орде. Среди них упоминались Биюрган-сейид, Илеман-бек, Абдулла-бакши, Хосров-бек [ПКСРНО, с.294, 297]. Причем текст грамоты Юсуфа позволяет предположить, что этим число беженцев не ограничивалось. Так, предлагая план совместного наступления на Казань, он пишет еще о каких-то «казанских князьях», кроме перечисленных [ПКСРНО, с.294]. Дипломатическая переписка же содержит любопытную информацию о событиях, непосредственно связанных 1546–1549 гг. В грамоте Ивана IV Хосров-беку сообщается следующее. Крымцы, находившиеся в Казани, захотели его убить за то, что он «учал нам [великому князю – М.М.] служить». Тогда Хосров «ушел» из города, собрал людей и атаковал Казань, бился с крымцами, после чего ушел в Ногайскую Орду [ПКСРНО, с.301–302]. Описанная ситуация имела место, ско-

² В Никоновской летописи сообщается о бегстве Кулуш-бека, Тереула, Бурнаша и братьев Чюры Нарыкова. Всего эмигрантов насчитывалось 76 человек [ПСРЛ, т.13, с.149].

рее всего, после скоропостижной смерти Сафа-Гирея³, когда его приближенным было необходимо решить вопрос о его наследнике. Кандидатура малолетнего сына Сафы – Утямыш-Гирея – поначалу ими не рассматривалась. Как писал Юсуф: «...те бадраки⁴, которые живут в Казани», отправили посольство в Крым «царя просити», которое было перехвачено ногаями. Позднее из Казани было направлено еще одно посольство. Впрочем, к тому времени ногаи перерезали пути сообщения с Крымом [ПКСРНО, с.295- 296]. Инициаторами приглашения крымского султана выступали Мамай-бек ширин, Енбарс-мирза Растов [Зайцев, 2004, с.159, 165–166]. Очевидно, именно этим планам воспротивился Хосров-бек. Таким образом, его выступление мы можем отнести к зиме-весне 1549 г. В августе этого же года он оказался в Ногайской Орде.

В целом можно заметить следующее. Вернувшись на престол в том же 1546 г., Сафа-Гирей провел широкие репрессии против казанской знати. Острые преследований было направленно на Чюру Нарыкова и его клан. Сам Чюра казнен, как и другой участник переворота Кадыш-бек. Все это привело к утере влияния на политику Казани «группы Чюры», склонной к мирным отношениям с Москвой. Именно к 1549 г. можно говорить уже об окончательном формировании того явления, которая позднейшая историография назовет «крымской партией».

Ее лидером был Бейбарс-бек Растов, ставший после смерти Сафа-Гирея главной фигурой в Казанском ханстве. Он сосредоточил в своих руках основные нити управления. Согласно Шерефи Хаджитархани, он «...городской бек, правитель Булгарского вилайета, ..., управитель делами областей султана, завоеватель ханской казны...» [Хаджитархани, 1995, с.90]. Сын Пулад-бека ширин – Мамай – наследовал власть своего отца и также разделял идеалы крымской партии. Кроме них большую роль играли те крымцы, которые к этому времени перебрались в Казань. Среди них известные Кучак-оглан и Ак-Мухаммад-оглан.

Именно, в 1549 г. начинается активное формирование и русской партии. Московские дипломаты направляют в Ногайскую Орду «опасные грамоты» для казанских эмигрантов, вызывая их в Россию. Благодаря этим документам мы можем частично восстановить деятельность некоторых из них, не отраженную в летописях. Так, Табай-бек, потерянный из виду летописцами, в 1548 г. находился в России [ПКСРНО, с.320, 324]. Туда же в итоге уехали и Илеман-бек с Хосров-беком, Бижурган-сейид же покинул ногайские степи и удалился в Бухару [ПКСРНО, с.323].

Крайняя поляризация казанской знати, явно обозначившаяся в 1545–1549 гг., привела к формированию партий: «русской» и «крымской». «Русская» партия – понятие весьма условное. По сути, это «клуб эмигрантов», боровшихся за право вернуться домой. Их идеи – это компромисс с Русским государством. В «крымской» же партии того времени заметен пришлый элемент, что неоднократно отмечалось в историографии. Эта группировка знати была ориентирована на Крымское ханство и конфронтацию с Москвой. Успехи «крымцев» оказались недолгими. После побед 1549, 1550 гг. пришли поражения, закончившиеся ликвидацией «крымской партии». Последней же мятеж 1552 г., устроенный Чапкун-мирзой, нам представляется не связанным ни с какой из партий. Это было сочетание патриотизма и личных амбиций.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Говорить о геополитической ориентации казанской знати затруднительно. Мне представляется, что в основе этой борьбы лежало стремление разных аристократических группировок влиять на хана, на его внешнюю политику. Отметим, что в 1530–1540 гг. в Казани сложилось три мощные группировки. Первая возглавлялась ширинскими карачи-беками, которые являлись главами всей племенной аристократии ханства. Другие группировки – это «Нариковы», глава Чюра и «Растовы», (основатель Раста-бек). Видимо, именно в недрах этих кланов можно обнаружить геополитическую ориентацию. Растовы более отчетливо связаны с Крымским ханством, а Нариковы, во всяком случае, с 1545 г. – с Россией. Репрессии хана Сафа-Гирея привели к падению роли Нариковых и вообще казанской знати. Уже в конце существования Казанского ханства Шах-Али подорвал влияние Растовых [ПСРЛ, т.13, с.172].

Стоит заметить, что процесс этого «партогенеза» был долгим. Так, для 1530 – начала 1540-х гг. мы можем говорить о партиях мира и войны. Дальнейшие события привели к углублению противоречий внутри ханства. С 1545 г. мы можем определенно судить о расколе казанской элиты на

³ Сообщение о смерти хана в Москву было доставлено 21 марта 1549 г. [ПСРЛ, т.20, с.475].

⁴ «Бадраки» – термин, значение которого не до конца ясно. И.В.Зайцев приводит ряд значений: крымские татары, один из ногайских родов [Зайцев, 2004, с.164–165]. Впрочем, последнее значение в контексте этого документа нам представляется сомнительным. Существуют данные также о служивых батраковских татарах, проживавших в Рязанском уезде [Азовцев, 2002, с.31; Зайцев, 2004, с.165].

непримиримые, враждующие группировки. К 1549 г. можно со всей ответственностью засвидетельствовать рождение русской и крымской партий.

Приведенные наблюдения показывают, что концепция о партиях, созданная Г.И.Перетятковичем, не находит убедительных подтверждений в русских источниках вплоть до 1540-х гг. и является попыткой создать теорию, объяснявшую на тот момент историю Казанского ханства и русско-казанских отношений. Впрочем, эта гипотеза оказалась настолько удачной, что последующая историография восприняла ее весьма охотно.

Список источников и литературы

Азовцев, 2002 – Азовцев А.В. Личные имена Рязанского уезда конца XVI в. (По материалам писцовых книг) // Рязанская Старина. № 1. М., 2003. С.14–48.

Алишев, 1990 – Алишев С.Х. Исторические судьбы народов среднего Поволжья. XVI – начало XIX вв. М., 1990. – 269 с.

Алишев, 1995 – Алишев С.Х. Казань и Москва: Межгосударственные отношения в XV–XVI вв. Казань, 1995. – 160 с.

Базилевич, 2001 – Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 2001.

Барт, 2008 – Барт Р. Нулевая степень письма. М., 2008.

Ерусалимский, 2006 – Ерусалимский К.Ю. Исторические ехемпра Посольского приказа // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С.307–328.

Зайцев, 2002 – Зайцев И.В. Мнимый протекторат: Казанское ханство и Османская империя в середине 20-х годов XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. М., 2002. С.74–78.

Зайцев, 2004 – Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2004.

Зимин, 1982 – Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI веков. (Очерки социально-политической истории). М., 1982.

ИЛ – Иоасафовская летопись. М., 1957.

Карамзин, 1989 – Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. II. Т. VI. М., 1989.

КИ – Казанская история // Библиотека литературы Древней Руси. Т.10. СПб., 2004.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.

Мейер, 2003 – Мейер М.С. Россия и Османская империя от начала XVI в. до 1569 г.: Формирование общих границ двух государств // От Стамбула до Москвы. Сборник статей в честь 100-летия профессора А.Ф.Миллера. М., 2003. С.91–116.

Моисеев, 2010 – Моисеев М.В. Обоснование прав на Казанское ханство в русском средневековом нарративе // Мининские чтения. Нижний Новгород, 2010. С.395–402.

Морозов, 2005 – Морозов В.В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

Перетяткович, 1877 – Перетяткович Г.[И]. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

ПСРЛ, т.8 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1859. Т.8.

ПСРЛ, т.12 – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т.12.

ПСРЛ, т.13 – Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т.13.

ПСРЛ, т.20 – Полное собрание русских летописей. М., 2005. Т.20.

ПСРЛ, т.22 – Полное собрание русских летописей. СПб., 1911. Т.22.

Посольские, 1984 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. М., 1984.

ПКСРНО – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой 1489–1549 гг. Махачкала, 1995.

Присоединение, 2003 – Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века. М., 2003.

Рахимзянов, 2005 – Рахимзянов Б.Р. Летописные известия о правлении касимовских ханов в Казани в первой половине XVI в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. IV Чтения памяти доктора исторических наук Александра Александровича Зимина. Тезисы докладов. М., 2005. Ч.1. С.248–251.

Салиева, 2004 – Салиева Х.Б. Ногайская Орда во взаимоотношениях России с Казанским ханством в конце XV – середине XVI в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2004.

Сикалиев, 1994 – Сикалиев А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994.

Смирнов, 1948 – Смирнов И.И. Восточная политика Василия III // Исторические записки. М., 1948. Т.27. С.18–66.

Соловьев, 1989 – Соловьев С.М. Сочинения. Кн.3. Т.5–6. М., 1989.

Татищев, 1996 – Татищев В.Н. Собрание сочинений. М., 1996.

Трепавлов, 1997 – Трепавлов В.В. Сибирско-ногайские отношения в XV–XVII вв. (основные этапы и закономерности) // *Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность*. Кн.2. М.; Иркутск; Тэгү: Иркут. гос. пед. ун-т, 1997. С.180–186.

Трепавлов, 2002 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.

УЛС – Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л., 1950.

Шмидт, 1954 – Шмидт С.О. Предпосылки и первые годы «Казанской войны» (1545–1549) // *Труды Московского государственного историко-архивного института*. Т.6. М., 1954. С.187–256.

Хаджитархани, 1995 – Шерефи Хаджитархани. Зафер наме-и вилает-и Казан / пер. Ф.Хакимзянова // *Газетлар авазы*. № 1. Казань, 1995.

Худяков, 1991 – Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Pelenski, 1974 – Pelenski J. *Russia and Kazan: Conquest and Imperial Ideology*. Paris – The Hague Mouton, 1974.

М.В. Моисеев

КАЗАН АКСӨЯКЛӘРЕ СӘЯСИ КӨРӘШЕНЕН ИСТОРИОГРАФИЯДӘ ҺӘМ РУС ЧЫГАНАКЛАРЫНДА ЧАГЫЛЫШЫ

Ачкыч сүзләр: казан аксөякләре, рус-казан мөнәсәбәтләре, «казан сугышы».

Аннотация: Мәкаләдә историографиядә Казан ханлыгында барган сәяси көрәшнә бәяләү барышы яктыртыла. Автор казан аксөякләрен «рус», «крым», «нугай», «шәйбан» группировкаларына бүлеп карау Г.И.Перетяткович тарафыннан кертелгән, ләкин мондый бүленеш чыганаclar белән расланмый, дигән фикер уздыра. Хезмәттә рус-казан мөнәсәбәтләрендә актив катнашкан һәм елъязмаларда һәм илчеләр кенәгәләрегдә чагылыш тапкан 50 якын шәхес исемнәре атала. Биографияләрне өйрәнәп һәм просопография методларны файдаланып, автор казан аксөякләре арасында геополитик бүленеш фәкәт 1530-нчы елларда гына күзәтелә башлый дип раслый. Беренче вакытта фәкәт «сугыш» һәм «тынычлык» фиркаләре генә була. Автор бары тик 1545 елда кына казан аксөякләре бер берсе белән килешә алмаслык, капма-каршы, төркемнәргә бүленә, ә «крым» һәм «рус» партияләре фәкәт 1549 елда гына барлыкка килә, дип күрсәтә.

M.V. Moiseyev

THE POLITICAL STRUGGLE OF THE NOBILITY OF KAZAN: RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND SOURCES

Keywords: nobility of Kazan, Kazan-Russian relations, «Kazan war».

Annotation. The article reviews the history of science in the formation of ideas about the nature of the political struggle in the Kazan Khanate, as the struggle of parties. The author argues that the division of the elite groups of Kazan on the «Russian», «Crimean», «Nogai» and «shibanskuyu» party back to the G.I. Peretyatkovich, but this is not confirmed by the sources. In the paper, based on the analysis of the chronicles and books of the embassy has allocated about 50 persons who actively participated in the Kazan-Russian relations. Using biographical and prosopographic method of research, the author shows that the real geopolitical differentiation Kazan aristocracy there has been only to the 1530th year. And initially we can only talk about the party of the «war» and «peace.» Only in 1545 was split into irreconcilable factions of the nobility, and the appearance of the actual «Crimea» and «Russian» parties took place in 1549.

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова (г.Москва).

E-mail: maksimoiseev@yandex.ru

Моисеев Максим Владимирович улы – тарих фәннәре кандидаты, М.А. Шолохов исемдәге Мәскәү дәүләт гуманитар университеты тарих, фәлсәфә, культурология кафедрасының өлкән укытучысы (Мәскәү шәһәре).

Moiseyev Maksim Vladimirovich – candidate of historical sciences, the senior teacher of chair of history, philosophy and cultural science, M.A.Sholokhov Moscow State University for the Humanities (Moscow).

Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея

Ключевые слова: Казанское ханство, Сахиб-Гирей-хан, тюрко-татарская дипломатика, татары, башкиры.

Аннотация. Статья подготовлена в продолжение исследований тюрко-татарской дипломатики. Казанский ярлык хана Сахиб-Гирея 1523 г. был обнаружен и введен в научный оборот около столетия назад. Сравнение данного ярлыка с выявленными с того времени актами на тюркском и персидском языках показало сходство стилистики казанского документа со среднеазиатско-шибанидскими, а также неджучидскими актами. Обнаружение предшествующими исследователями новых русских и тюркоязычных документов второй половины XVII – начала XIX вв. о роде держателей ярлыка позволило высказать новые соображения об истории бытования этого ярлыка в русское время, эволюции сословной принадлежности потомков держателей ярлыка.

Вниманию читателей предлагается уточненный с учетом новых источников текст ярлыка и его перевод.

Ярлык, изданный ханом Сахиб-Гиреем в 929/1523 г., нельзя назвать памятником малоизученным. Одно из последних исследований казанского ярлыка хана Сахиб-Гирея было опубликовано в 2003 г. и принадлежит автору этих строк [Мөстәкыймов, 2003]¹. Материалы (в том числе оригинал ярлыка), с которыми нам удалось ознакомиться за последние годы, позволяют внести в прежние чтения и интерпретации документа ряд поправок и дают возможность нового толкования некоторых связанных с ним сюжетов. Отметим, что довольно плохая сохранность ярлыка и малое количество достоверных источников по социально-экономической истории Казанского ханства делают любые построения в значительной степени умозрительными, и наши не являются исключением.

Остановимся на двух сюжетах. Во-первых, хотелось бы поделиться некоторыми наблюдениями об археографических особенностях и тексте документа. Во-вторых, на основе некоторых позднейших документов рассмотреть вопрос об этносоциальной принадлежности потомков держателей этого ярлыка.

1.

Археографическое введение. Документ составлен на двух склеенных листах бумаги, состоит из 23 строк тюркского арабографичного текста. Место склейки находится между строками 15 и 16 (частично захватывает строку 16). В настоящее время документ состоит из двух фрагментов: 1-й фрагмент размером 459х180 мм, включает в себя строки 1–18; 2-й фрагмент размером 298х180 мм, включает в себя строки 19–23 и оттиск квадратной печати. Документ ветхий, содержит следы воды, тления, имеет разрывы по краям и в центре листов. Как показало сопоставление современного оригинала со снимком начала 1920-х гг. [Вахидов, 1925, вклейка между с.32 и 33], за истекшее время, очевидно, вследствие ветхости документа, была утрачена часть ярлыка, включая концы строк 1–3. Документ содержит следы клея, остатки нитей синего цвета по краям и единичный фрагмент нити бежевого цвета на 1-м фрагменте.

На обороте 1-го фрагмента в верхней части запись синими чернилами (вероятно, шариковой ручкой) «ГМТР 5757». На обороте 2-го фрагмента в нижней части справа запись синими чернилами (вероятно, шариковой ручкой) «НМРТ 5757»; в нижней части слева вертикально ориентированная запись черными чернилами:

سهييد عهبدو لمه ننان ئوعلى واحدى².

Бумага ярлыка содержит хорошо различимые вержеры, что указывает на ее, скорее всего, европейское происхождение³. Вместе с тем, выявить понтюзо не удалось (возможно, они приходятся на места сгибов ярлыка). Обнаружить филигрань также не удалось. Возможно, это связано со сравнительно небольшим размером документа, либо его не вполне хорошей сохранностью. Не исключено, что часть филиграни сохранилась на втором фрагменте, однако полной уверенности в том, что это именно водяной знак, нет.

¹ Там же см. обзор более ранних публикаций этого документа.

² Сэйид Габделмәннан углы Вахиди.

³ М.А.Усманов считает бумагу документа восточной [Усманов, 1979, с.37].

Чернила железо-галловые, черные. Внизу ярлыка оттиск квадратной печати, выполненный красными чернилами (киноварью?). Размер печати 135 (высота) x 134 (ширина) мм. Перед строкой 15 находится небольшое пятно такого же цвета.

В тексте документа диакритическая пунктуация в целом проставлена, но не всегда последовательно. В ряде случаев она опущена (например, в слове *بسیج* в строке 20 диакритика отмечена только у буквы «джим»). Иногда, наоборот, использованы дополнительные точки, уточняющие чтение некоторых букв, в более поздних арабографических манускриптах, происходящих из Волго-Уральского региона, диакритических точек не имеющих (три точки под буквой «син», две точки под буквой «йа», находящейся в конечной или изолированной позиции, одна точка под буквой «сад»⁴). Эти особенности при публикации текста ярлыка нами специально не оговорены.

В некоторых словах (например, послелого *بيله* «с») диакритические точки под буквой *йа* *يا* опущены.

Еще одной особенностью правописания ярлыка, характерной и для других ранних арабографических текстов, является передача отсутствующего в арабском языке звука *ч* посредством буквы *джим*.

Культуру исполнения ярлыка нельзя назвать высокой. Тексту свойственно искаженное написание некоторых слов и выражений арабского происхождения, внесение весьма значительного количества исправлений в написанный текст (см. Приложение 1).

Некоторые археографические особенности документа мы не смогли отразить по техническим причинам. К таковым относятся:

1) использование марказ (основы буквы арабского алфавита) в виде зубца без диакритической пунктуации в качестве второй буквы в словах *بيز* (строка 8) и *بيله* (строки 15 и 17). Эта орфографическая особенность наблюдается и в некоторых словах на мусульманских надгробиях XVI в. с территории Казанского ханства. По предположению А.Рахима, этот символ мог передавать татарские узкие гласные «е» и «ы» [Рахим, 2008, с.239–240]. Данный символ передан нами как *بي*;

2) в слове *نقصان* (строка 17) под буквой *ص* поставлена диакритическая точка в качестве дополнительного признака этой буквы;

3) в слове *بسیج* (строка 19) диакритическая пунктуация имеется только у буквы *ج*. Диакритическая пунктуация в восточном наборном тексте восстановлена нами без оговорок;

4) в некоторых случаях под буквой *син* *س* в качестве дополнительного признака этой буквы проставлены три диакритические точки. Эти случаи нами специально не оговариваются.

В остальных случаях сохранена орфография оригинала, в том числе варианты написания буквы *кяф* в конечной позиции (*ك-ك*) и написание буквы *йа* в конечной и раздельной позициях с диакритическими точками и без них (*ي-ي*).

Слова и фрагменты, заключенные в квадратных скобках, воспроизводятся нами на основе факсимиле ярлыка в публикации С.Г.Вахидова [Вахидов, 1925, вклейка между с.32 и 33], сохранившем недошедшие до нас фрагменты документа. Слова и фрагменты, заключенные в фигурные скобки, уже отсутствовали к моменту публикации ярлыка С.Вахидовым и являются нашей конъектурой. Отточиями отмечены те фрагменты, реконструировать которые нам не удалось.

Стилевые особенности документа. Обращает на себя внимание то, что текст адресата ярлыка Сахиб-Гирея довольно существенно отличается от адресата дошедших до нас позднезолотоордынских и крымских ярлыков. Во-первых, в языке ярлыка ощущается очень сильное влияние персидского языка (персидский аффикс мн.ч. одушевленных объектов *-ان*, наличие большого количества арабо-персидских заимствований). Во-вторых, в адресате ярлыка встречаются термины и обороты, неизвестные нам по актам позднезолотоордынских и крымских правителей, тогда как эти элементы обнаруживаются в актах ильханов Ирана, шибанидских правителей Средней Азии, а также нечингизидских государей Среднего Востока второй половины XV – XVI вв. (Узун Хасана, Исмаила Сефеви и др.).

Например, окончание адресатов некоторых ильханских указов (в современном татарском произношении) выглядит следующим образом: *...вә гомуме әһали вә жәмһуре мөтәваттыйнаны вилайаты мәмалике мәхрүсә* «всем обитателям и всем жителям вилайетов богохранимых пределов» [Мухаммад, 1976, с.12, 13]. Это практически идентично окончанию адресата нашего ярлыка *...вә жәмһуре сәкәнә вә гомуме әһалие вилайаты*⁵ *Газан вә мәмалике мәхрүсә...* («...всем жителям и

⁴ Встречается один раз в слове *نقصان* в 17 строке.

⁵ Отметим, что слово *вилаят* (ولایات) является правильной формой множественного числа от арабского *вилаят* (ولاية ~ ولايت). Написание *вилаиты Газан* «казанские вилайеты (области)» могло быть ошибкой

всем обитателям казанских вилайетов и богохранимых пределов...»). Терминологическую пару *велат ва хөккям* («наместники и губернаторы») мы находим в грамоте шаха Исмаила Сефевии 1509 г. [Fekete, 1977, Dok. № 40], терминологическое сочетание *арбаб ва калантаран* («старейшины и градоначальники») обнаруживаем в указах бухарского Шибанида Убайдулла-хана от 1513 и 1538 гг. [Fekete, 1977, Dok. № 47; Таарих, 1905, с.289⁶], а также шаха Исмаила Сефевии от 1513 г. [Fekete, 1977, Dok. № 48]. Отдельные термины и обороты, несвойственные известным нам джучидским ярлыкам, зато известные по документам тимуридских, шибанидско-среднеазиатских, османской канцелярий, встречаются и в других частях казанского ярлыка. К таковым относится, например, арабская фраза *فردا من الافراد ووجهها من الوجوه* *фәрдән минәл-әфрәд ва вәҗһән минәл-вәҗһүһ* 'никто и никоим образом' (в документе передана в искаженном виде: *فرد من الآفات ووجه من الوجوه* *фәрдән минәл-афат ва вәҗһән минәл-вәҗһүһ*) [НМ РТ, редкий фонд, № 5757, стрк. 12].

Результатом среднеазиатско-тюркского влияния, очевидно, является использование в ярлыке послелога 'с' в форме *بيله*, нехарактерной для подавляющего большинства дошедших до нас джучидских ярлыков⁷ и практически не встречающейся в источниках, составленных в Волго-Уральском регионе.

Прежние исследователи ярлыка Сахиб-Гирея обычно искали (и успешно находили) доказательства тождественности этого документа с другими джучидскими актами [см., например: Рәхим, Газиз, 1925, с.65–66]. В частности, М.А.Усманов пришел к обоснованному выводу о том, что данный ярлык «несмотря на свои внешне-стилистические особенности адресата, соответствует основным требованиям джучидской практической дипломатики» [Усманов, 1979, с.223]. Тем более, что, по справедливому замечанию Л.Ф.Абзалова, ограниченность актового материала золотоордынского периода не позволяет нам исключить возможность бытования в рамках общеджучидской канцелярской культуры разных ее вариантов⁸. Возможно, что в русле одного из таких (региональных?) вариантов составлены тюркоязычные акты бухарских Джучидов-Шибанидов XVI в., имеющие терминологические и стилистические отличия как от наиболее распространенных джучидских жалованных грамот (ярлыков Тохтамыша, Тимур-Кутлуга и крымских Гиреев), так и от документов тимуридских и ильханских канцелярий.

Вместе с тем полагаем, что попытка объяснить элементы рассматриваемого нами казанского ярлыка, несвойственные другим дошедшим до нас джучидским документам, исключительно делопроизводственной традицией Улуса Джучи или из т.н. «местных» домонгольских традиций [см., например: Усманов, 1979, с.211–212], не обращаясь к документам неджучидских канцелярий, является по нашему мнению, некоторым упрощением проблемы. Прежде всего потому, что, как уже отмечалось исследователями (в частности, А.П.Григорьевым), документы, вышедшие из канцелярий Чингизидов (Джучидов, Чагатаидов, Угедеидов, Толуидов) и канцелярий, зависимых от чингизидской делопроизводственной традиции (например, Тимуридов), обладают типологическим, а иногда и текстуальным сходством [Григорьев, 1978].

Вполне очевидно, что на составителя ярлыка Сахиб-Гирея оказала влияние либо тюркоязычная канцелярская традиция, испытывавшая сильное воздействие персоязычного делопроизводства, либо повлияла какая-то персоязычная канцелярская традиция. В первом случае это могла быть традиция, сформировавшаяся на основе тюркоязычной, но испытывавшей сильное персидское влияние письменной культуры Хорезма и культурно связанных с ним городов по нижнему течению Сырдарьи (Сыгнака, Дженда, Барчынлыгкенда). Эти города В.П.Юдин обоснованно считает одним из оплотов мусульманской учености в Восточном Дешт-и Кипчаке [Юдин, 2001, с. 19]. Возможно, в культуре этих городов в первую очередь следует искать истоки делопроизводственной традиции среднеазиатских Шибанидов (преемников Мухаммед-Шейбани-хана в Мавераннахре, Арабшахидов в Хорезме)⁹.

писца, и, может быть, это словосочетание следует читать *вилайәте Газан*, т.е. «Казанский вилайет» (Казанская страна, Казанское государство), что, по всей видимости, являлось официальным наименованием Казанского ханства.

⁶ Перевод этого документа на русский язык см. [Молла, 1969, с.488–489].

⁷ Интересно, что написание *بيله* встречается в двух дошедших до нас уйгурописьменных позднезолотоордынских документах: послании хана Токтамыша польскому королю Ягайле и тарханном ярлыке хана Тимур-Кутлуга [Ярлык, 1850, с.49, стрк. 9; Березин, 1851, с.4, 5, 6].

⁸ Это замечание было высказано нам Л.Ф.Абзаловым в электронном письме от 23.03.2012 г.

⁹ Образцы тюркоязычных документов, изданных среднеазиатскими шибанидами, см. [Fekete, 1977, Dok. № 47 (ярлык шибанида Убайдулла-хана от 1513 г.); Таарих, 1905, с. 289 (ярлык шибанида Убайдулла-хана от

Во втором случае, очевидно, следует вести речь о среднеазиатско-хорасанском, в своей основе тимуридском, влиянии. В свою очередь, канцелярии Тимуридов находились под непосредственным влиянием делопроизводства чингизидских канцелярий, в первую очередь чагатайских и, возможно, ильханских [см.: Григорьев, 1978, с.100 и сл.]. В данном случае тимуридское влияние на составителя ярлыка Сахиб-Гирея могло быть как прямым, так и опосредованным канцеляриями среднеазиатских Шибанидов. После завоевания тимуридских владений в Мавераннахре и Хорасане Мухаммед-Шейбани-ханом и при его преемниках на делопроизводство шибанидских канцелярий должна была оказать определенное влияние и тимуридская традиция.

Между прочим отметим, что З.В.Тоган в одной из своих работ высказал мнение о прямом влиянии «культуры периода Ильханов» на культуру тюркских народов Среднего Поволжья, в частности, на культуру собственно Казани. Это влияние, по его предположению, берет начало в период правления в Иране, Хорасане и Закавказье ильхана Махмуда Газана. Да и само название города Казань, по его мнению, связано с именем ильхана Газана. Не вдаваясь сейчас в подробный разбор его аргументов, отметим, что нам они представляются весьма спорными [Тоган, 1966, с.181–182].

Итак, возникают три вопроса: 1) Отразилась ли в стиле оформления ярлыка Сахиб-Гирея казанская делопроизводственная традиция, или этот ярлык был продуктом творчества одного писца, впитавшего «чужеземные» влияния? 2) Если стиль ярлыка соответствовал некоей казанской традиции, то в какое время этот стиль сформировался? 3) Если ярлык составлен под влиянием неджучидской традиции, насколько соответствуют перечисленные в нем должности, налоги и повинности реально существовавшим в Казанском ханстве, вообще и в момент издания ярлыка в частности?

К сожалению, крайняя скудость аутентичных документов по истории Казанского ханства (а ярлык хана Сахиб-Гирея на сегодня является единственным документом этого государства, который со значительной степенью уверенности можно считать подлинником) не позволяет однозначно ответить на эти вопросы. Тем не менее, рискнем высказать свои соображения по этим вопросам.

1) Скорее всего, писец не являлся новатором. На это указывает, прежде всего, то, что в орфографии арабо-персидских заимствований довольно много ошибок. Если бы эти термины и обороты были введены составителем ярлыка, мы были бы вправе ожидать от него более грамотной работы. Некоторые особенности ошибок указывают на то, что ярлык мог быть написан на слух (под диктовку), либо писец взял за образец другой, не вполне грамотно составленный документ.

2) Если стиль ярлыка продиктован следованием традиции, то мы с достаточно большой степенью вероятности можем говорить о времени формирования данной традиции. В качестве предположения выскажем, это период правления хана Мухаммед-Амина (1487–1495, 1502–1518). Источниками достоверно зафиксировано существование тесных связей между Средним Поволжьем и Средней Азией в этот период¹⁰. В определенной (а может быть, и в значительной) степени это было обусловлено личными весьма приязненными отношениями между казанским ханом Мухаммед-Амином и узбекским Мухаммед-Шейбани-ханом. Заки Валиди Тоган упоминает стихотворение Мухаммед-Шейбани-хана, посвященное победе Мухаммед-Амина над войском московского великого князя в 1505 г. [Тоган, 1981, с.133]. Как отмечает в своих мемуарах Тимурид Бабур, Шейбани-хан направил ко двору казанского хана Мухаммед-Амина «сочинителя музыки» Гуляма Шади [Бабер-наме, 1857, с.230]. (В.П.Юдин высказал предположение, что этот Гулям Шади мог быть тем же лицом, что и Мулла Шади – автор персоязычной стихотворной хроники «Фатх-наме», посвященной описанию деяний Мухаммеда Шейбани-хана [Юдин, 1969, с.44–45]). Во-вторых, исследователями отмечается влияние произведений чагатайских поэтов на творчество казанских поэтов Мухаммедьяра и Шарифа Хаджи-Тархани, творивших во второй трети XVI в.

Вообще, эпоха Мухаммед-Амина самими казанцами, похоже, рассматривалась как «золотой век» Казанского государства (подобно тому, как «золотым веком» в источниках позднего ордынско-постордынско-золотоордынско-постордынско-времени считался период правления золотоордынского хана Джанибека). Не случайно казанский поэт XVI в. Мухаммедьяр называл себя смотрителем гробницы Мухаммед-Амина, а Иван IV сразу после завоевания Казани повелел, чтобы с «черных людей» Луговой стороны вимались такие же ясаки, «как было при Магмелелиме царе» [Димитриев, 1956, с. 110].

3) Также правомерной нам представляется постановка вопроса о соответствии перечисленных в ярлыке должностей, налогов и повинностей реально существовавшим в Казанском ханстве.

1538 г.); Самаркандские, 1974, с. 311–315 (ярлык бухарского хана шибанида Абд ал-Латифа б. Кучкунджи от 950/1543 г.).

¹⁰ Это, конечно, не отрицает наличие таких связей и ранее.

В результате анализа обширного круга джучидских жалованных актов XIV–XVI вв. М.А.Усманов пришел к несколько противоречивому выводу относительно соответствия упоминаемых в ярлыках налогов и повинностей реально взимавшимся и исполнявшимся. С одной стороны, перечень налогов и повинностей в этих актах, по мнению исследователя, «соответствовал действительному положению, хозяйственным интересам жалуемых лиц» [Усманов, 1979, с. 240]. Определенные различия в номенклатуре налогов и повинностей в жалованных актах, по мнению исследователя, могли быть связаны также с традиционностью отдельных поборов для одних регионов Джучиева Улуса и, соответственно, отсутствием таковых в других регионах Золотой Орды [Усманов, 1979, с. 244].

С другой стороны, М.А.Усманов признает, что с течением времени определенные налоговые институты устаревали, но наименования отошедших в прошлое налогов и повинностей некоторое время продолжали упоминаться в ярлыках в силу «относительной архаичности части социально-политической терминологии ярлыков XVI в.». Именно устареванием части традиционных джучидских налоговых институтов он объясняет, например, исчезновение целого ряда налоговых терминов в крымских ярлыках середины и второй половины XVI в. [Усманов, 1979, с. 244–245].

Полагаем последнее соображение М.А.Усманова весьма обоснованным. Продолжая его мысль, можно высказать предположение о том, что с распадом Золотой Орды могли уйти в прошлое не только некоторые налоги, но и некоторые должности, упоминаемые в позднейших джучидских ярлыках. Причиной исчезновения этих должностей могла быть неуклонная деградация городской культуры и государственности в Джучиевом Улусе, начавшаяся во второй половине XIV в. На большей части территории Джучиева Улуса (в том числе и в Среднем Поволжье) городская жизнь в полной мере не восстановилась и после распада Золотой Орды и образования отдельных тюрко-татарских государств.

Если тарханский ярлык подразумевал освобождение держателей ярлыка от всех видов налогов и повинностей, то в этом документе без ущерба для его содержания могли быть упомянуты и несуществующие в данной местности в тот период налоги и повинности. А поскольку адресатами ярлыка, помимо перечисленных в нем должностных лиц, названы «все жители казанских вилайетов» (или «Казанского вилайета»), то среди перечисленных чиновников, по нашему мнению, вполне могли быть упомянуты и в действительности несуществующие в Казанском ханстве к моменту составления ярлыка чины.

2.

В 1950–60-е гг. было выявлено несколько документов, проливающих свет на судьбу ярлыка Сахиб-Гирея вплоть до XIX в.

В 1956 г. в деревне Исламбахты было обнаружено рукописное шеджере (родословная запись), датированное временем после 1817 г. [Башкирские, 2002, с.253] и содержащее помету о получении упомянутым в данном шеджере «Шейх-Ахмедом сыном Мухаммеда с семьей человеками» «грамоты» хана Сахиб-Гирея [НА УНЦ РАН, ф.3, оп.93, д.1, л.45; Башкирские, 2002, с.255]. Рукопись позволила уточнить шеджере этого же рода, опубликованное в журнале «Шура» в 1910 г. [Шура, 1914, обложка].

С 1960-х годов исследователями были выявлены и частично опубликованы новые русские документы конца XVII в. – начала XIX в., связанные с земельной тяжбой владельцев ярлыка и башкир племени иректе.

Полагаем, что обнаружение вышеупомянутых документов позволяет высказать новые соображения относительно чтения двух сомнительных мест в ярлыке.

Во-первых, полученные данные с большей или меньшей степенью достоверности позволили уточнить состав держателей ярлыка и части их потомков (см. Приложения 2 и 3).

В частности, в тексте ярлыка в числе пожалованных лиц упоминается племянник Шейх-Ахмеда, имя которого большинство исследователей вроде бы обоснованно читало как «Буланс». Однако такое имя неизвестно по другим источникам и никак не этимологизируется. Поэтому мы, учитывая сведения шеджере и русских документов, склоняемся к чтению «Буляк» (т.о., последний знак следует читать как букву ك к, а не буквосочетание نس нс). Учитывая, что ярлык составлен не очень аккуратно с точки зрения внешнего оформления и орфографии, такая ошибка представляется нам не лишенной вероятности. Другая проблема заключается в том, что остаются сомнения относительно верной передачи количества поколений в шеджере и русских документах. Как известно, в науке одно поколение приравнивается к 25–30 годам. Между выдачей ярлыка (1523 г.) и временем земельной тяжбы (1678 г.) прошло 155 лет. Таким образом, за это время должно было смениться как минимум 3–4 поколения. Согласно же шеджере мы наблюдаем смену лишь двух поколений.

Возможно, 1–2 поколения выпали из шеджере, что не является редкостью для такого рода источников (см. ниже).

Во-вторых, привлечение русских документов, связанных с земельной тяжбой владельцев ярлыка и башкир племени иректе, позволяет нам предложить новое объяснение слова اق, использованное во фразе *اق ва аб-зэминларенэ дәст тэтавел кылмасыннар* ‘их воды и земли захватывать пусть не покушаются’ (строка 14). Как правило, исследователи читали это слово «ак» (фраза звучала *ак ва аб-зэминларенэ дәст тэтавел кылмасыннар*) и всегда затруднялись с объяснением его значения в данном контексте. При ознакомлении с подлинником документа выяснилось, что это слово вписано над строкой другой рукой и другими чернилами. Сочетание «алиф» и «каф» обычно читается как «ак» (белый), хотя может читаться и как «ок» или «ык». Именно последний вариант, по-татарски и по-башкирски обозначающий реку Ик, представляется нам верным. Во-первых, такое написание этого гидронима мы встречаем в других татаро-башкирских арабографических рукописях. Во-вторых, в последней трети XVII в. потомки держателей ярлыка – ясашные татары – вели тяжбу за земли по реке Ик с башкирами племени иректе, причем в качестве одного из доказательств своих прав на спорные земли татарами был представлен данный ярлык. Проблема заключалась в том, что в ярлыке Сахиб-Гирея, являющемся тарханым, совершенно не обозначено местонахождение владений его держателей. По-видимому, один из владельцев ярлыка того времени, для усиления доказательности своей позиции, хотел сделать приписку к выражению *аб-зэминларенэ дәст тэтавел кылмасыннар* («их воды и земли захватывать пусть не покушаются») вроде такой: «*Ык буендагы аб-зэминларенэ дәст тэтавел кылмасыннар*» («их воды и земли по реке Ик захватывать пусть не покушаются»), однако, написав «Ик», почему-то отказался от своего намерения.

Весьма обсуждаемой уже несколько десятилетий в научных кругах Башкортостана и Татарстана проблемой является этническая/родоплеменная принадлежность грамотчиков.

Большая часть татарстанских публикаторов и исследователей данного документа причисляет получателей этого ярлыка к татарам. Что касается исследователей из Башкортостана, то большинство из них сходятся во мнении, что грамотчики были башкирами¹¹.

В 1960-е гг. в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде¹² в фонде Межевого департамента Правительствующего Сената Ш.Ф.Мухамедьяровым были выявлены дела, связанные с земельным спором конца XVIII – начала XIX в. Согласно документам одного из дел, в 1678 г. в спорном деле о земле между башкирами Ирехтинской волости Уфимского уезда и ясашными татарами деревни Мушуги Казанской дороги Уфимского уезда ясашными татарами была представлена тарханная грамота Сахиб-Гирея 929 (1523) г. «татарского письма» на имя Шейх-Ахмеда «с товарищи», содержание которой совпадает с содержанием казанского ярлыка Сахиб-Гирея [Мухамедьяров, 1967, с.106]. Позже эти документы были опубликованы в статье Ш.Ф.Мухамедьярова и И.Вашари [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.199–206]. Кажется, Ш.Ф.Мухамедьяров же первым высказал мнение о тождестве получателей ярлыка – лиц, упоминаемых в документах начала XIX в., и лиц, упоминаемых в шеджере, обнаруженном в дер. Исламбахты [Мухамедьяров, 1967, с.106]. Мы склонны согласиться с этим мнением Ш.Ф.Мухамедьярова.

На основании сходства двух имен в шеджере племени иректе (Ахмед-Шейх и его сын Абдал) и двух грамотчиков, упомянутых в ярлыке хана Сахиб-Гирея (Шейх-Ахмед и его сын Абдал), а также предложенной им же этимологии этнонима «иректе», Р.Г.Кузеев отнес держателей ярлыка к башкирам-иректинцам [Кузеев, 1974, с.319–320]. Шеджере рода держателей ярлыка Сахиб-Гирея, обнаруженное в дер. Исламбахты, было определено Р.Г.Кузеевым как «иректинское шежере», наряду с двумя другими списками, известными исследователю. К выводам Р.Г.Кузеева о принадлежности держателей ярлыка к башкирам-иректинцам присоединились и некоторые другие исследователи [Хамидуллин, 2008, с.84]. Однако, как показало сопоставление так называемых «иректинских шеджере» и родословной записи из дер. Исламбахты, они совершенно отличаются по содержанию и ономастикону [Башкирские, 2002, с.253–258, 357–388]. Отмеченное Р.Г.Кузеевым сходство имен в шеджере племени иректе и имен двух грамотчиков, упомянутых в ярлыке хана Сахиб-Гирея также сомнительное, т.к. во всех списках и вариантах «иректинских шеджере» имя отца Абдала последовательно приводится как Ахмед-Шейх, а не Шейх-Ахмед, как в ярлыке Сахиб-Гирея и шеджере из Исламбахты. Кроме того, ни в одном «иректинском шеджере» не говорится о получении

¹¹ Из новейших исследований см. [Асфандияров, 2006, с. 13; Юсупов, 2007, с. 326–328]. Правда, в одной из последних своих работ в вопросе этнической атрибуции грамотчиков А.З.Асфандияров уже не столь категоричен [Асфандияров, 2009, с. 226].

¹² Ныне – Российский государственный исторический архив (РГИА).

предками иректинцев каких-либо ханских ярлыков. Предложенная Р.Г.Кузеевым этимология этнонима «иректе» также весьма ненадежна [Мустакимов, 2010, с.165–167].

В исследовании Н.Б.Бургановой по умолчанию предполагается, что получатели ярлыка жили в той же местности, где был найден ярлык [Бурганова, 1982, с.41].

М.И.Ахметзянов, вслед за Ш.Ф.Мухамедьяровым, высказал мнение о тождестве получателей ярлыка и лиц, упоминаемых в шеджере, обнаруженном в дер. Исламбахты (М.И.Ахметзянов называет эту родословную запись «шеджере Кайкы (~Кайгы)-бия»). Исследователь считает держателей ярлыка Сахиб-Гирея выходцами с территории современных Пестречинского, Сабинского и Тюлячинского районов Татарстана, переселившихся после 1552 г. в бассейн р. Ик. Он отвергает мнение Р.Г.Кузеева о принадлежности «шеджере Кайкы-бия» к «башкирскому племени иректе», ссылаясь на материалы эпиграфики и тарханный ярлык Сахиб-Гирея, обнаруженный С.Вахиди [Ахметзянов, 1985, с.63–64; Ахметзянов, 1991, с.52–53; Әхмәтжанов, 1995, с.83–84; Әхмәтжанов, 2012, с.122–126]. В качестве основного доказательства своего тезиса о проживании грамотчиков в Заказанье М.И.Ахметзянов приводит наличие надгробия Аюба б. Мухаммеда, умершего в 1472 г. и захороненного возле дер. Большие Нырсы Сабинского района и Тевеккеля б. Саэт Ахмеда (Сеид-Ахмеда), умершего в возрасте 23 лет в 1491 г. и захороненного близ дер. Татарское Ходяшево Пестречинского района, а также географическую близость названных деревень к месту обнаружения ярлыка – дер. Мамалаево Сабинского района Татарстана [Ахметзянов, 1991, с.53; Әхмәтжанов, 2012, с.125–126]. Полагаем, что эти доводы не могут быть признаны достаточно убедительными. Во-первых, имена Мухаммед и Сеид-Ахмед были довольно широко распространены в средневековом тюрко-татарском антропонимиконе; во-вторых, в шеджере из дер. Исламбахты ни Аюб б. Мухаммед, ни Тевеккель б. Сеид-Ахмед не упоминаются.

Д.Б.Рамазанова и Д.М.Исхаков упоминаемый в источниках и исследованиях в трех разных контекстах ярлык Сахиб-Гирея (публикуемый ниже), по-видимому, рассматривают как три разных документа [Рамазанова, 2001, с.14–15; Исхаков, Измайлов, 2005, с.22].

Очевидно, с этим связана некоторая противоречивость в построениях Д.М.Исхакова. Данный исследователь развил гипотезу Р.Г.Кузеева об иректинском происхождении получателей ярлыка Сахиб-Гирея, воздержавшись от этнической («татарской» или «башкирской») атрибуции иректинцев [Исхаков, 1998а, с.89; Исхаков, 1998б, с.147]. Д.М.Исхаков попытался примирить гипотезу Р.Г.Кузеева с мнением М.И.Ахметзянова: «Но некоторые родственники получателя ярлыка Мухаммеда-Амина (чит. Сахиб-Гирея. – И.М.) жили во второй половине XV в. вблизи Казани – на территории Ногайской даруги Казанского ханства» [Исхаков, 1998б, с.168, примеч. 60]. В другой своей работе Д.М.Исхаков также солидаризируется с М.И.Ахметзяновым, считающим держателей ярлыка Сахиб-Гирея выходцами с территории современных Сабинского и Пестречинского районов Татарстана [Исхаков, 1998а, с.89; Исхаков, Измайлов, 2005, с.22], однако отвергает доводы М.И.Ахметзянова, будто бы усомнившегося в том, что иректинцы не могли жить в 1523 г. в бассейне р. Ик [Исхаков, 1998а, с.90, примеч. 5]¹³. При этом Д.М.Исхаков никак не прокомментировал упомянутый в другой своей статье факт того, что в земельном споре 1670-х гг. между представителями Иректинской волости и ясашными татарами деревни Мушуги Казанской дороги Уфимского уезда тарханная грамота Сахиб-Гирея 1523 г. была представлена именно ясашными татарами, а не иректинцами [Исхаков, 1985, с.43].

И Д.М.Исхаков, и Д.Б.Рамазанова почему-то считают, что «землями по бассейну реки Ик владели на основе тарханного ярлыка Сахиб-Гирей-хана выданного в 1522–1523 гг., выходцы из современных Пестречинского и Сабинского районов Татарстана» [Исхаков, 1998а, с. 89; Исхаков, Измайлов, 2005, с.22; Рамазанова, 2001, с.14], ссылаясь при этом на исследование М.И.Ахметзянова, который, однако, не увязывает факт владения предполагаемых им выходцев из указанных районов землями по реке Ик с получением их предками в 929/1523 г. тарханного ярлыка хана Сахиб-Гирея.

Р.М.Булгаковым и М.Х.Надергуловым шеджере, обнаруженное в деревне Исламбахты, было отнесено к родословным записям башкир племени минг и опубликовано под заголовком «Родословная аула Имян Сарылы-Мингской волости от Малика до Габдулгани, составленная Губайдуллой, сыном Исламкула» [Башкирские, 2002, с.253–258]. Основанием для такой атрибуции источника Р.М.Булгаков и М.Х.Надергулов называют упоминание в родословной аула Имян, в середине XIX в. входившего в 19-ю юрту Сарылы-Мингской волости в 11-м Башкирском кантоне. Вместе с тем, как и

¹³ На самом деле М.И.Ахметзянов отрицает лишь связь грамотчиков и их потомков с башкирским племенем иректе, не касаясь правомерности утверждения Р.Г.Кузеева о проживании иректинцев в 1523 г. в бассейне р. Ик [Ахметзянов, 1985, с.63–64].

в случае с «иректинскими шеджере», бросается в глаза существенная разница в содержании и ономастиконе между шеджере из дер. Исламбахты и другими родословными мингов [Башкирские, 2002, с.259–310]. Указанные различия связаны, прежде всего, с тем, что «иректинские» и «мингские» шеджере представляют собой запись родоплеменных преданий, тогда как «исламбахтинское» шеджере является типичной семейно-фамильной генеалогической записью по классификации, предложенной М.А.Усмановым [Усманов, 1972, с.168–173] (Р.М.Булгаковым и М.Х.Надергуловым предложена несколько иная классификация этих шеджере [Башкирские, 2002, с.413]).

Традиция отнесения держателей упоминаемого в русских источниках XVII в. ярлыка Сахиб-Гирея (который ныне вполне уверенно можно отождествить с ярлыком этого хана, ныне хранящимся в Национальном музее РТ) к башкирам берет начало в дореволюционный период, когда в научный оборот были введены сведения о земельном споре между иректинцами и «ясашными татарами и чувашами». Кажется, первым об этом деле упомянул уфимский краевед конца XIX в. Д.С.Волков: «...В спорном деле между башкирцами Ирехтинской волости и чувашами Чувашайкой Тураевым и ясашным¹⁴ татаринном Акешкой Доскеевым с товарищи о земле представлена в 7187 (1678 г.) в Москву тарханная грамота 929 (1522) года следующего содержания: «Адказы Саиб-Гирей-Хан велел быть в тарханах Шиг-Ахмету с товарищи семи человекам и до животов их и до земель, чем они владеют и в воды их никому не вступаться». Почему и последовала от царя Федора Алексеевича в 7188 (1679) году в Уфу окольниковому и воеводе Петру Дмитриевичу Скуратову грамота. Хотя ж в тарханной грамоте Саиб-Гирея и не означено где жил Шиг-Ахмет, но по нескольким сделанным повальным обыскам доказано, что он жил на реке Ику, а наконец по большому повальному обыску, – сделанному всем тогдашним Уфимским уездом, оказалось, что Шиг-Ахмет был один из предков башкирцев Ирехтинской волости» [НА УНЦ РАН, ф.23, оп.1, д.2, л.16 об. – 17]¹⁵. К сожалению, Д.С.Волков не указал источник своей информации. Позднейшие исследователи истории башкирского народа, как правило, апеллировали к этому фрагменту работы Д.С.Волкова [Филоненко, 1913, с.204–205; Филоненко, 1915, с.27–28; Усманов, 1982, с.53–54; Асфандияров, 2006, с.13].

Однако, как следует из грамоты царя Федора Алексеевича уфимскому воеводе П.Д.Скуратову от 26 февраля 7188/1680 г., копия которой была обнаружена и опубликована Ш.Ф.Мухамедьяровым [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.203–206], в упомянутой Д.С.Волковым грамоте Федора Алексеевича воеводе П.Д.Скуратову отразился лишь один из этапов земельного спора между «ясашными татарами» и «чувашами» с одной стороны, и «башкирцами Ирехтинской волости» с другой стороны.

Как следует из опубликованного в статье Ш.Ф.Мухамедьярова и И.Вашари документа, ярлык Сахиб-Гирея в подтверждение своих прав на спорные земельные владения представили «Уфимского уезда Казанские дороги деревни Мушуги ясашные татары Акешка Доскеев с товарищи», а не иректинцы [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.204]. В результате разбирательства права на вотчину по р. Ик были признаны за «Акешкой с товарищи» и закреплены царской грамотой от 26 февраля 1680 г.

Таким образом, имеющиеся факты не позволяют однозначно относить получателей ярлыка к какому-либо этносу.

Во-первых, этническая принадлежность не является неизменяемой данностью. «Нации и прочие значительные по размеру сообщества, включая досовременные, являются воображаемыми и по своей природе существуют не в диахронном, а в синхронном пространстве; их границы и свойства постоянно меняются» [Уяма, 2003, с.16–17]. По словам другого исследователя: «Как мы убедились... содержание исторических этнонимов часто не соответствовало их современному содержанию... они переплетались друг с другом и с понятиями социального и регионального характера... Это значит, что невозможно отождествить современные этнонимы и этнонациональные группы с тогдашними наименованиями и сообществами, и что нельзя проецировать современные (современные. – *И.М.*) нации в прошлое. Сегодняшние мари или башкиры не идентичны людям, которые в источниках XVI–XVIII вв. называются черемисами или башкирами» [Каппелер, 2012, с.19]. Иначе говоря, вовсе не обязательно, что предки или потомки лиц, скажем, в XVII в. проживавших на определенной территории и относивших себя к башкирам (татарам, чувашам и т.п.), являлись/будут соответственно башкирами (татарами, чувашами...).

Во-вторых, при изучении этнокультурной истории исследователи, по нашему мнению, в первую очередь должны учитывать те категории, которые были значимы для самих представителей изучае-

¹⁴ В док. «ивашным».

¹⁵ Сохранена пунктуация оригинала.

мого исторического периода и общества. Как известно, первостепенной важностью для представителей мусульманских и христианских этносов средневековья являлась конфессиональная принадлежность (мусульманин или христианин), а для тюрко-мусульманского населения Дешт-и Кипчака (в том числе Волго-Уральского региона: башкир, ногаев, отчасти – предков современных татар) – еще и родоплеменная и этносословная принадлежность. Вплоть до начала XX в. разные этнические, субэтнические и этносословные группы мусульманского населения Волго-Уральского региона и Сибири рассматривали себя как единую общность – «мусульмане». Таким образом, попытки рассмотрения истории той или иной группы нерусского населения Волго-Уральского региона и Сибири периода Средневековья (и даже Нового времени) исходя из концепции об их «башкирском», «чувашском» или «татарском» происхождении, на наш взгляд, выглядят не вполне корректно.

В-третьих, как уже отмечалось исследователями, содержание термина «башкир», по крайней мере в Восточном Закамье в XVII–XVIII вв., было не строго этническим, а сословно-этническим [Рамазанова, 2001, с.12 и сл.; Рамазанова, 1980, с.142–158; Рамазанова, 1984, с.23, примеч. 8, с.33–51, 75–82; Исхаков, 1985, с.44; Каппелер, 2012, с.24, 25]. По-видимому, также этносословное значение в XVI–XVII вв. имел термин «чуваш» [Исхаков, 1985, с.43–44; Рамазанова, 2001, с.64–65, примеч.1; Каппелер, 2012, с.16–17]. Термин «татар» по крайней мере до XIX в. также являлся не только этнонимом, но и соционимом [Каппелер, 2012, с.16]. В зависимости от своих интересов представители разных поколений одного рода (и даже одного поколения одного рода) могли последовательно выступать как «чуваш», «татары» и «башкиры». В зонах интенсивных контактов представителей этих этнических групп смена своего социального/этнического самоназвания не была редкостью. Как пишет Р.Г.Кузеев об одной из таких зон (долине р. Ик), «Свидетельства различных эпох настолько смешаны в этом районе, что на основании только историко-этнографических материалов многие из них невозможно дифференцировать хронологически и этнически... Переход из одной этнической (или этносоциальной) группы в другую был вполне возможен и зависел от изменения размеров земельного надела» [Кузеев, 1974, с.317, 323]¹⁶. Собственно, это явление прекрасно иллюстрируется документами XVII и XIX вв., связанными с потомками держателей казанского ярлыка Сахиб-Гирея. Так, в деле по челобитью одного из потомков грамотчиков – Юкачая До[с]кеева от 7166/1658 г. челобитчик «с товарищи» выступают как «есашные бобыли чуваш» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.468]. В деле по челобитью брата Юкачая – Акеша Доскеева¹⁷ (очевидно, также «с товарищи») от 7186/1678 г. челобитчики выступают как «татары» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.720]. Копия с грамоты «о бесспорном владении землею по речкам Вую, Ику и по другим урочищам» от 7188/1680 г. была составлена по челобитью «Ирехтинской волости башкирцов», с одной стороны, и «Казанской дороги чуваш и ясашных татар Акеша Доскеева с товарищи», с другой стороны [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.765]. В четырех других русских документах от того же 7188/1680 г. фигурируют «татары (ясашные татары)» Акеш Доскеев и Мурзакай Юкачиев «с товарищи» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.766, 767, 769, 775]. А потомки Акеша Доскеева и Мирзакай Юкачиева Гадылыша Субанаев, Ахмет Ильметев, Зюбеир Масагутов и Абдулхалик Яхиев в своем прошении на имя императора Александра I от 1817 г. не только аттестуют себя как «происходящие из тарханского роду башкирцы», но и Акеша Доскеева и Мирзакай Юкачиева именуют «башкирами», хотя в приложенном к прошению списке грамоты царя Федора Алексеевича от 26 февраля 7188/1680 г. Акеш и Мирзакай именуются «ясашными татарами» [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.203–206]. Согласно грамоте, права на «вотчину» признаются за «Акешкой с товарищи», а не за «башкирами»¹⁸. Такая же трансформация сословной принадлежности («чуваш» – «татары» –

¹⁶ Р.Г.Кузеев периодом активного башкиро-татарского смешения называет XIX–XX вв., однако ниже он признает, что «тенденция башкиро-татарской взаимной ассимиляции» в данном районе стала возрастать уже с XVII–XVIII вв. [Кузеев, 1974, с. 317, 323]. См. также [Рахматуллин, 1981, с.6–7].

¹⁷ Согласно шеджере потомков грамотчиков, дошедшем до нас в фиксации XIX в., Акеш б. Дускай и Мирзакай б. Юкачай были двоюродными братьями [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 93, д. 1, л.45]. Однако данные русских документов XVII в. свидетельствуют о том, что Мирзакай приходился Акешу племянником: Акеш и отец Мирзакай Юкачай являлись сыновьями Доскея Белякова (Дуская б. Буляка).

¹⁸ «...Уфимскаго уезду разных деревень и волостей башкирцов и чуваша и черемиса сто дватцать один человек сказали по своей вере по шерти, что де о которой вотчине у уфимских башкирцов у Каракуски Аканаева с товарищи с ясашными татары с Акешкою Доскеевым с товарищи спор и та вотчина Акешкова с товарищи, а не башкирская, и владели изстари деды и отцы их Акешков с товарищи ево, а после оных де реттинских [т.е. «ирехтинских». – И.М.] башкирцов вотчины по реке Ику нет, и не знают...» [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.203–205].

«башкиры») на протяжении XVII–XVIII вв. прослежена Д.М.Исхаковым на примере «башкир» Саралиминской волости [Исхаков, 1985, с.43–44].

Несколько отступая от рассмотрения ярлыка, отметим, что некоторые исследователи утверждают, будто тарханство в Казанском ханстве было исключительной (или почти исключительной) прерогативой башкир (см., например [Асфандияров, 2006, с.16; Юсупов, 2009, с.16, 20]). При этом ими почему-то упускается из виду тот факт, что оба известных на сегодня тарханных ярлыка ханского времени, относящихся к Волго-Уральскому региону (ярлыки ханов Ибрагима и Сахиб-Гирея), в обоснование своих прав русским властям в XVII в. представлены именно «татарами» [РГАДА, ф.1173, оп.1, д.196, л.5; РГИА, ф.1350, оп.56, д.563, ч.1, 1823 г., л.439–441; Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.190, 205–206]. Впрочем, как мы уже постарались показать выше, попытки выяснить «истинную» этническую принадлежность тех или иных представителей средневекового нерусского населения Волго-Уральского региона представляются нам контрпродуктивными.

Из контекста прошения Гадьльши Субанаева, Ахмета Ильметева, Зюбеира Масагутова и Абдулхалика Яхиева следует, что термин «башкиры» имеет в этом документе значение «вотчинники»¹⁹.

Можно предположить, что держатели ярлыка действительно принадлежали к племени иректе, но их потомки, в интересах сохранения за собой льгот, дарованных ярлыком, впоследствии отрицали свою связь с иректинцами. Но данное предположение представляется чересчур натянутым и никак не опровергающим предположение о неиректинском (и, возможно, вообще небашкирском) происхождении грамотчиков.

Несколько настораживает несоответствие количества лет и поколений по родословной, приведенной в челобитной (а также ее самостоятельным вариантом). Принятый в исторической науке расчет возраста одного генеалогического поколения в 25–30 лет [Кузеев, 1960, с.206, 210 и др.; Усманов, 1972, с.177, примеч. 39] показывает, что на период между временем выдачи ярлыка (1523 г.) и временем составления челобитной (1678 г.) должно было прийтись 4–5 поколений, тогда как в родословной потомков держателей ярлыка эти более чем 150 лет занимают 3 поколения. В этой связи нельзя не отметить наблюдение А.З.Асфандиярова. Как отметил указанный исследователь, сравнение данной родословной с материалами ревизий по деревне Исламбахты (основанной не позднее 1742 г. представителем одного из ответвлений рода грамотчиков) показало, что имена в родословной перепутаны, искажены или ошибочны [Асфандияров, 1993, с.199]. Случай с шеджере потомков держателей ярлыка Сахиб-Гирея не единственный, где явно «выпали» одно или несколько поколений. По утверждению владельца ярлыка хана Ибрагима Кутлу-Мухаммеда Кутлугушева, подавшего в 1684 г. челобитную на включение его в тарханское сословие, «отец его Кутлугуш при прежних бусурманских царях был в тарханех», а упомянутые в ярлыке, датированном последней третью XV в., Гульбустан-хатун, Мухаммед-Али и Мухаммед-Азиз приходились ему соответственно «прабабой» и «дедами родными» [Мустакимов, 2010, с.155–156]. Согласно генеалогии Алдар-тархана (жил в конце XVII – 1-й пол. XVIII в.), его прадед Бабахты будто бы жил в XVI в. в эпоху «древних ханов» [Туған, 1994, с.100].

Несмотря на это, приведенные выше данные источников, на наш взгляд, достаточно надежно свидетельствуют о наличии на руках Юкачая Доскеева и Акеша Доскеева публикуемого ниже тарханного ярлыка хана Сахиб-Гирея и, соответственно, о родственной связи Юкачая и Акеша с получателями ярлыка Сахиб-Гирея 1523 г., с одной стороны, и «держателями» шеджере из деревни Исламбахты XIX–XX вв., с другой стороны²⁰.

Что касается места проживания получателей тарханного ярлыка Сахиб-Гирея, то на основе имеющихся сегодня источников достоверно установить его представляется невозможным. Как следует из русских документов последней трети XVII в., в то время документ находился на руках у жителей деревни Мушуги Казанской дороги Уфимского уезда. Когда и каким образом ярлык оказался в одной из деревень Мамадышского уезда Казанской губернии? Полагаем, что после получения царской грамоты 1680 г., подтвердившей права потомков держателей ярлыка на спорные земли, ярлык потерял свою практическую значимость. В прошении потомков Акеша Доскеева и Мирзакая Юкачиева – Гадьльши Субанаева, Ахмета Ильметева, Зюбеира Масагутова и Абдулхалика Яхиева – поданном на имя императора Александра I в 1817 г. о наличии у них на руках ярлыка Сахиб-Гирея уже не упоминается. Естественно, не было его и у лица, записавшего шеджере, обнаруженное в дер. Исламбахты, ибо в шеджере упомянут факт выдачи «крепи» (т.е. подтверждения владельческих прав на

¹⁹ См. [Muhamedyarov, Vasary, 1987, p.199–202]. Об использовании социально-этнического названия «башкир» (*башкорт*) в значении «вотчинник» в селениях долины р. Ик см. [Кузеев, 1974, с.322].

²⁰ См. также [Асфандияров, 2006, с.13].

землю) Гадьльше [Субанаеву] в 1817 г. [НА УНЦ РАН, ф.3, оп.93, д.1, л.44; Башкирские, 2002, с.257].(т.о., шеджере составлено после 1817 г.). Следовательно, в период между концом XVII – началом XIX в. документ и мог оказаться в Заказанье, где его обнаружил С.Вахиди. Возможно, ярлык забрал с собой перебравшийся в Заказанье представитель/представительница рода Акеша Доскеева и Мирзакая Юкачевева.

Полагаем, что при изучении этносоциальной истории Волго-Уральского региона для получения более адекватной картины необходимо уделять больше внимания источникам XVI – начала XVIII в. При этом следует иметь в виду то, что важнейшим фактором идентификации для тюркоязычного населения региона являлись религиозная, родовая (родоплеменная) и сословная принадлежность. В этих условиях попытки, руководствуясь сегодняшними реалиями, определить «истинную» («татарскую», «башкирскую», «чувашскую») этническую принадлежность тех или иных групп нерусского населения указанного периода могут оказаться непродуктивными.

В заключение считаю своим приятным долгом выразить благодарность за помощь и ценные советы при подготовке настоящей статьи Э.И.Амерхановой, И.К.Загидуллину, С.Ю.Измайловой, Р.Ф.Марданову, Д.А.Мустафиной.

Приложение 1

929 г., сафара 13 = 1523 г., января 1. – Тарханный подтверждающий ярлык, выданный казанским ханом Сахиб-Гиреем группе лиц.

НМ РТ, редкий фонд, № 5757. Подлинник

- (1) [بغازی¹] صاحب کرای [بهادر خان سوزوم]
- (2) *...² * و حکام³ و سلا[طین عظام و قضاة اسلام...]
- (3) و موالي * ذو الاحترام⁴ و ارباب و *کلان⁵[تران و مقیمان و ایلجیان و یامجیان]
- (4) و کشتی بانان و کذربانان و توتقالان و تمغاجیان و جمهور سکنه و عم[وم اهالی]
- (5) *ولایات⁶ غزان و ممالک محروسه *حمت⁷ عن الآفات و البلیات لارغه⁸ بو نشان
- (6) یتکاج سوز اولکیم بو محمد اوغلی شیخ احمد⁹ * داغی شیخ احمدنیک اوغلی
- ابدال¹⁰ داغی سید احمد⁹ * انسی محموتک¹¹ اوغلی موسی
- (7) سید اوغلی یعقوب⁹ * انسی بولانس داغی انسی نورسید¹² بو یدی¹³ کیم ایرسا بزکا کلیب
- باش اوردی لار
- (8) اول خان اغالاریمزدان ترخان بولغان کشی لار ایکاندور بیз داغی سیورغاب
- (9) بو مذکور کیم *ایریسه لارنی¹⁴ تنکری تعالی رضاسی و تقی محمد رسول الله شفاعتی او جون
- (10) тархан قلдім من بعد بو مشار الیهм لارغه یول لарیندا و ایزларیندا
- (11) سفرларیندا¹⁵ و حضرларیندا اولتورغان لарیندا و تورغان لарیندا کشی لарینه
- (12) و قرالарینه یوکларینه و جاروالарینه *فرد من الآفات و وجه من الوجوه¹⁶
- (13) دخل و *تقارض¹⁷ قلماسون لار یساق قلان سالیغ مسمى سالماسون لار قولوش
- (14) قلتقه باج و *خرج قراجات¹⁸ دیب تیلاماسون لار مال و *الماک لарینه¹⁹ اق²⁰ و آب زمین لарینه
- (15) دست تطاول قیلماسون لار اوی لарینه²¹ کوچ بیله ایلجی قوناق قوندورماسون لار
- (16) صلہ خرجی یر *خیلهسی²² توتون ساننی دیب الماسون لار سویسون علوفه تیلاماسون لار
- (17) قایوما یانددین نقصان ضرر تیکورماسون لار اوز فراغتی بیله اولتوروب
- (18) شام و صباح و غدو و *رواج²³ بزکا و بزنیк اوروغیمزغه دعا و القیش
- (19) قیلسون لار و هر نوع دین کوچ بسیج زحمت ینجوغ تیکورماسون لار بسا
- (20) بولایو تیو تورغاج یرلیغ تینکلایماي کوچ بسیج زحمت ینجوغ تیکورکان کشی لارنیک
- (21) اوزلارینه نی یخشیسی بولغای دیب آل نشان لیغ یرلیغ یریلدی
- (22) تاریخ توقوز یوز یکرمی توقوزدا *موباراک سفر آینی نیک²⁴ اون او جونحی کون
- (23) ایردی

1. Должно быть: ابو الغازی (?).

*2. Истерлись 3–4 буквы; над первой или второй после у утраченной буквой стоит *мадда*. Реконструируем это слово как *ولآة*.

- *3. Написание первой буквы допускает чтение данного фрагмента и как *و حکام*, и как *احکام*.
- *4. Должно быть: *ذوی الاحترام*
- *5. Возможно, *کلات*.
- *6. Возможно, должно быть: *ولایت*.
- *7. Должно быть: *حمیت*.
8. Слово *البلیات لارغه* написано как *اللیات لارغه*, но под первым «ламом» стоит диакритическая точка, очевидно, подразумевающая наличие буквы *ب* между двумя «ламами».
9. Значок вставки.
- *10. Написано на правом поле перпендикулярно основному тексту напротив строк 4–6.
- *11. Написано над строкой.
- *12. Написано на правом поле перпендикулярно основному тексту напротив строк 7–9.
13. Слово *یدی* писано чуть выше строки, кажется, по чищенному.
- *14. Должно быть: *ایرسه لارنی*.
15. В слове *سفر لاریندا* буква *ن* закрыта чернильным пятном, диакритическая точка над ней смазана.
- *16. Должно быть: *فردا من الافراد و وجهها من الوجوه*.
- *17. Должно быть: *تعرض*.
- *18. Сначала было написано *خراجات*, затем между *خر* и *ا* вписано *ج*, над *ج* вписано *قر*. Должно быть: *خرج خراجات*.
- *19. В слове *الماک لارینه* буква *ه* отчетливо не прописана, написание буквы *ن* напоминает начертание букв *ف* и *ز*. Кажется, эта буква позднее обведена другими (коричневыми) чернилами. Возможно, вместо *الماک لارینه* должно быть: *املاک لارینه*.
20. Слово *اق* вписано над буквами *نه* слова *الماک لارینه* другими (коричневыми) чернилами и, кажется, другой рукой.
21. В слове *اوی لارینه* над *و* другими (коричневыми) чернилами поставлено три точки. Буква *ه* отчетливо не прописана, написание буквы *ن* напоминает начертание букв *ف* и *ز*.
- *22. Должно быть: *خبلهسی (?)*.
- *23. Должно быть: *رواح*.
- *24. Должно быть: *مبارک صفر آیی نیک*.

Перевод

- [1] ...воителя Сахиб-Гирей [хана слово]
- [2] наместникам (*вали*), губернаторам (*хаким*), великим сул[танам, мусульманским кадиям],
- [3] почтенным муллам, старейшинам, градоначальникам, представителям [на местах], гонцам, зрителям ямов,
- [4] досмотрщикам судов, стражникам на дорогах, сборщикам дорожной пошлины, сборщикам тамги, всем жителям и всем обитателям
- [5] *казанских вилайетов²¹ и богохранимых пределов – да будут они оберегаемы от бед и несчастий! – этот указ,
- [6] когда придет, слово [наше] таково: этот Шейх-Ахмед сын Мухаммеда, и сын Шейх-Ахмеда Абдал, младший брат Сейид-Ахмеда²² Махмутек, его сын Муса,
- [7] сын Сейида Якуб, его младший брат Буланс²³, его [же] младший брат Нур-Сейид, – эти семеро, явившись к нам, били челом
- [8] [в том, что они] являются людьми, которые произведены в тарханы нашими старшими братьями ханами. Мы, также пожаловав,
- [9] дабы доволен был Господь Всевышний и еще ради заступничества Мухаммада – Посланника Аллаха, этих вышеназванных лиц
- [10] произвели²⁴ в тарханы. Отныне сим вышеозначенным на дорогах и тропах,
- [11] в пути и на месте пребывания, при нахождении их [где-либо] и при отбытии, слугам их

*21 Возможно, ошибка или описка, и вместо *ولایات غزان* *вилайаты Газан* ‘казанских вилайетов’ должно быть *ولایت غزان* *вилайате Газан* ‘Казанского вилайета’ (здесь: «Казанской страны», «Казанского государства», «царства Казанского»).

²² Должно быть: «Шейх-Ахмеда» (?).

²³ Должно быть: «Буляк» (?).

²⁴ В тексте: «произвел».

[12] и рабам их, поклажам их и скоту их никто и никоим образом

[13] вмешательства и притеснений пусть не чинит, ясака, калана и *подушного налога²⁵ пусть не накладывают,

[14] запросы, пошлины и сборы на издержки пусть не требуют, скот их и *подводы²⁶, воды и земли [по реке] Ик²⁷ (?)

[15] захватывать пусть не покушаются, силой в дома их посланников и гонцов на постоя пусть не ставят,

[16] сельский налог, земельные ссуды (?), подымный налог пусть не берут, провизии и фуража [при постоях] пусть не требуют;

[17] пусть им ни с чьей стороны не причиняется вред и ущерб. Пребывая в покое,

[18] вечером и утром, на рассвете и на закате нам и нашему роду молитвы и благословения

[19] пусть воссылают. И пусть не причиняют [им] никаких насилий и обид. После

[20] вышесказанного тем, кто, не внимая ярлыку, причинит [им] насилия и обиды,

[21] самим ничего хорошего не будет. О том выдан ярлык с красной печатью

[22] в год девятьсот двадцать девятый тринадцатого дня благословенного месяца сафара

[23] [это] было.

Нишан (печать)

Внешний квадрат:

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ (Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного);

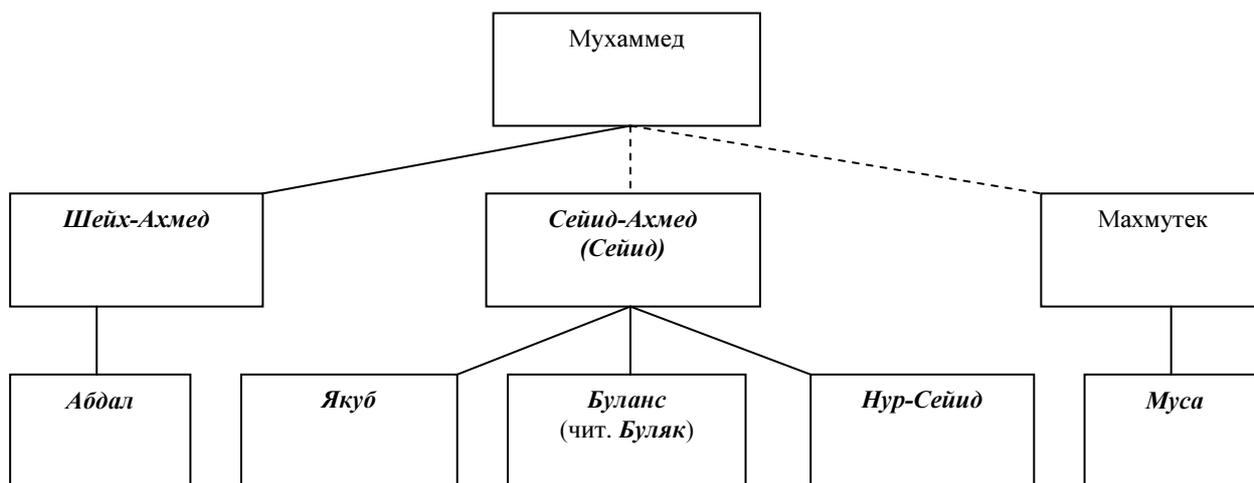
لا اله الا الله محمد رسول الله (Нет Бога кроме Аллаха, Мухаммад – Пророк Аллаха)²⁸.

Внутренний квадрат:

السلطان الاعظم عز الدنيا و الدين ابو المظفر صاحب كراي بهادر خان خلد الله مملكته و ايد سلطنته (Государь величайший, слава мира и веры, победоносный Сахиб-Гирей бахадур хан – да увековечит Аллах державу его и да укрепит власть его!).

Приложение 2

Предполагаемый состав держателей ярлыка хана Сахиб-Гирея и их родственные связи (по данным ярлыка хана Сахиб-Гирея 1523 г.)

Примечания:

1) Полу жирным курсивом выделены имена получателей ярлыка Сахиб-Гирея, пунктирной линией – предположительное родство;

2) Одним из получателей ярлыка был либо Сейид-Ахмед (Сейид), либо Махмутек.

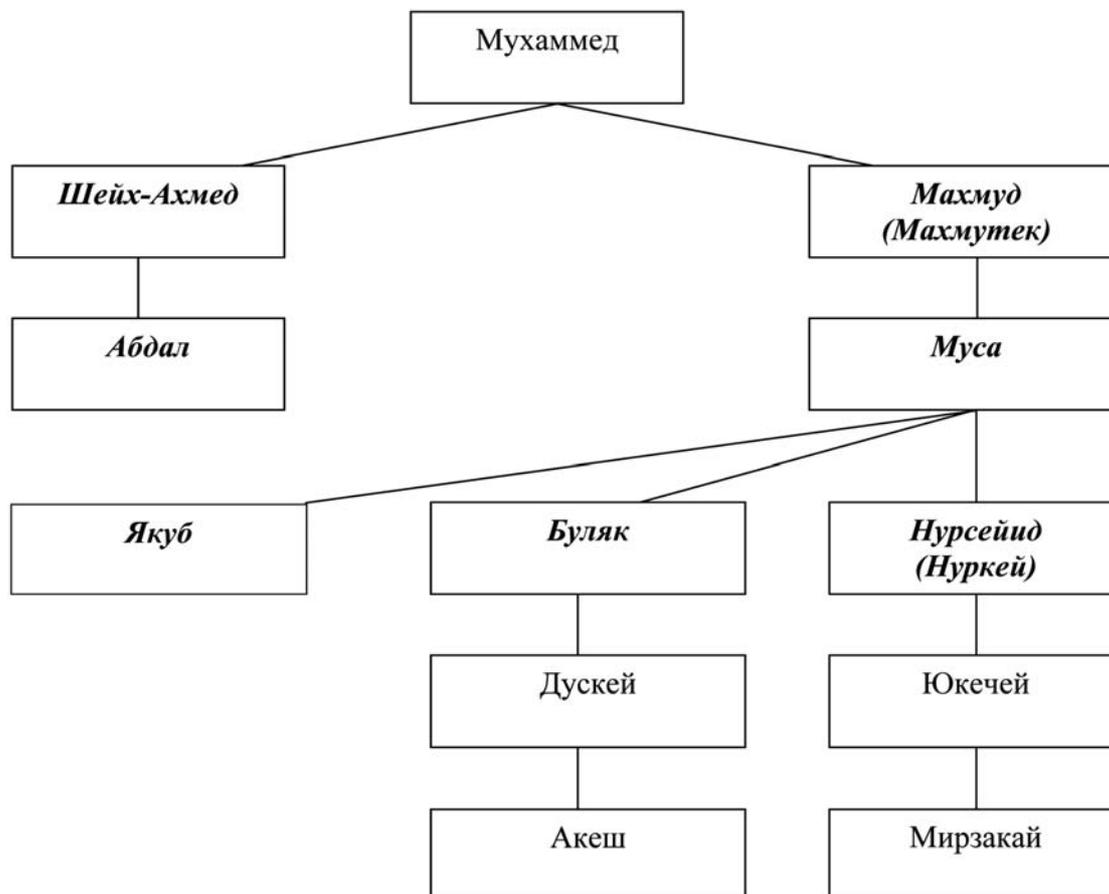
²⁵ *Салыг мөсәммә*. Букв. 'именуемое «салыг»'.

²⁶ В тексте: *الماكلارينه* *әлмәкләрәнә*. Возможно, должно быть *املاك لارينه* *әмлякләрәнә* 'имущество их'.

²⁷ Слово «Ик» (?) вписано другими чернилами и другой рукой.

²⁸ Фраза повторена трижды.

**Состав держателей ярлыка хана Сахиб-Гирея
и их потомков до конца XVII в.
(по данным шеджере из деревни Исламбахты)**

Источники: [НА УНЦ РАН, ф. 3, оп. 93, д. 1, л.45 – 44 об.; Шура, 1914, обложка].

Примечание: полужирным курсивом выделены имена предполагаемых получателей ярлыка Сахиб-Гирея.

Список источников и литературы

Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук (далее – НА УНЦ РАН), ф. 3, оп. 93, д. 1.

НА УНЦ РАН, ф. 23, оп. 1, д. 2.

Национальный музей Республики Татарстан (НМ РТ), редкий фонд, № 5757.

Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА), ф. 1173, оп. 1, д. 196.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 468.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 720.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 765.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 766.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 767.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 769.

РГАДА, ф. 1173, оп. 1, д. 775.

Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1350, оп. 56, д. 563, ч. I, 1823 г.

Асфандияров, 1993 – Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 3: Справочная книга. Уфа, 1993.

Асфандияров, 2009 – Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа, 2009.

Асфандияров, 2006 – Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа, 2006.

- Ахметзянов, 1985 – *Ахметзянов М.И.* К этнолингвистическим процессам в бассейне р. Ик (по материалам шеджере) // К формированию языка татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1985.
- Ахметзянов, 1991 – *Ахметзянов М.И.* Татарские шеджере (Исследование татарских шеджере в историко-лингвистическом аспектах по спискам XIX–XX вв.). Казань, 1991.
- Әхмәтҗанов, 1995 – *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәҗәрәләре. Казан, 1995.
- Әхмәтҗанов, 2012 – *Әхмәтҗанов М.И.* Татар шәҗәрәләре: 1 т. Казан, 2012.
- Бабер-наме, 1857 – Бабер-наме или Записки султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н.И[льминским]. Казань, 1857.
- Башкирские, 2002 – Башкирские родословные / Сост., предисл., поясн. к пер. на рус. яз., послесловие и указатели Р.М.Булгакова, М.Х.Надергулова. Уфа, 2002. Вып. 1.
- Березин, 1851 – *Березин И.* Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
- Бурганова, 1982 – *Бурганова Н.Б.* О системе народного праздника джиен у казанских татар // Исследования по исторической диалектологии татарского языка (материалы и исследования). Казань, 1982.
- Вахидов, 1925 – Вахидов С. Ярлык хана Сахиб-Гирея // Вестник Научного общества татароведения. 1925. № 1–2.
- Григорьев, 1978 – *Григорьев А.П.* Монгольская дипломатика XIII–XV вв. (чингизидские жалованные грамоты). Л., 1978.
- Димитриев, 1956 – *Димитриев В.Д.* О ясажном обложении в Среднем Поволжье // Вопросы истории. 1956. № 12.
- Исхаков, 1985 – *Исхаков Д.М.* Из этнической истории татар восточных районов Татарской АССР до начала XX века // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985.
- Исхаков, 1998а – *Исхаков Д.М.* Идел-Урал буе һәм Себер татарларының этник тарихларындагы уртаклыклар // Мирас. 1998. № 3.
- Исхаков, 1998б – *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам Нового времени. Казань, 1998.
- Исхаков, Измайлов, 2005 – *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Введение в историю Казанского ханства. Казань, 2005.
- Каппелер, 2012 – Каппелер А. Как классифицировали русские источники XVI – середины XIX вв. этно-религиозные группы Волго-Уральского региона // Исповеди в зеркале: Межконфессиональные отношения в центре Евразии (на примере Волго-Уральского региона XVIII–XXI вв.). Н.Новгород, 2012.
- Кузеев, 1960 – *Кузеев Р.Г.* Башкирские шежере. Уфа, 1960.
- Кузеев, 1974 – Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974.
- Молла, 1969 – *Молла Муса б. Молла Айс-ходжа Сайрами.* Та'рих-и амния // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.
- Мөстәкыймов, 2003 – *Мөстәкыймов И.* Сахиб-Гәрәй хан ярлыгы // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2003. № 3/4.
- Мустакимов, 2010 – *Мустакимов И.А.* Некоторые замечания к чтению и интерпретации ярлыка хана Ибрагима // Актуальные проблемы истории и культуры татарского народа: Материалы к учебным курсам: в честь юбилея академика АН РТ М.А.Усманова / Сост. Д.А.Мустафина, М.С.Гатин; науч. ред. И.А.Гилязов. Казань, 2010.
- Мухамедьяров, 1967 – *Мухамедьяров Ш.Ф.* Тарханный ярлык казанского хана Сахиб-Гирея 1523 г. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967.
- Мухаммад, 1976 – *Мухаммад б. Хиндушах Нахчивани.* Дастан ал-катиб фи та'йин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней) / Критич. текст, предисл. и указатели А.А.Али-заде. Т. 2. М., 1976.
- Рамазанова, 1980 – *Рамазанова Д.Б.* Функционирование терминов «мешеряки», «башкиры», «тептяри» в Западной Башкирии // Исследование языка древнеписьменных памятников. Казань, 1980.
- Рамазанова, 1984 – *Рамазанова Д.Б.* Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. Казань, 1984.
- Рамазанова, 2001 – *Рамазанова Д.Б.* Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. Казань, 2001.
- Рахим, 2008 – *Рахим А.* Татарские эпиграфические памятники XVI в. // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик җыентык / Төз. Р. Мәрданов, И. һадиев. Казан, 2008.
- Рахматуллин, 1981 – *Рахматуллин У.Х.* Крестьянское заселение Башкирии в XVII–XVIII вв. // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа, 1981.
- Рәхим, Газиз, 1925 – *Рәхим Г., Газиз Г.* Татар әдәбияты тарихы. Феодализм дәвере: Икенче басма. Казан, 1925.
- Самаркандские, 1974 – Самаркандские документы XV–XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане) / Факсим., критич. текст, перев., введ., примеч. и указатели О.Д.Чехович. М., 1974.
- Таарих, 1905 – Таарих-и Эмэние. История владельцев Кашгарии, сочинение муллы Мусы, Бен мулла Айс, Сайрамца / Изд. Н.Н.Пантусов. Казань, 1905.

- Туған, 1994 – *Туған З.В.* Башкорттардың тарихы. Өфө, 1994.
- Усманов, 1982 – *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982.
- Усманов, 1972 – *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.
- Усманов, 1979 – *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева Улуса XIV–XVI вв. Казань, 1979.
- Усманова, 1964 – *Усманова М.Ю.* О термине *куругмал* // Народы Азии и Африки. 1964. № 4.
- Утемиш-хаджи, 1992 – *Утемиш-хаджи.* Чингиз-наме / Факсим., перев, транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г. Баранова; коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. – А.-А., 1992. – 296 с.
- Уяма, 2003 – *Уяма Т.* От «булгаризма» через «марризм» к националистическим мифам: дискурсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Под ред. К. Мацузато. Саппоро, 2003.
- Филоненко, 1913 – *Филоненко В.* История Башкирии с древнейших времен до подданства России // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913 год. Уфа, 1913.
- Филоненко, 1915 – *Филоненко В.* Башкиры. Уфа, 1915.
- Хамидуллин, 2008 – *Хамидуллин Б.Л.* Казан ханлыгы халыклары. Казан, 2008.
- Шура, 1914 – Шура. 1914. № 1.
- Юдин, 1969 – *Юдин В.П.* [Введение к публикации отрывков из «Фатх-наме» Шади] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.
- Юдин, 2001 – *Юдин В.П.* Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII веков // Юдин В.П. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.
- Юсупов, 2007 – *Юсупов Ю.М.* Башкиры в этно-сословной структуре Казанского ханства // Россия и Башкортостан: история отношений, состояние и перспективы. Материалы международной научно-практической конференции посвященной 450-летию добровольного вхождения Башкортостана в состав России (Уфа, 5–6 июня 2007). Уфа, 2007.
- Юсупов, 2009 – *Юсупов Ю.М.* Башкортостан XV – первой половины XVI вв.: социально-политический аспект: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2009.
- Ярлык, 1850 – Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392–1393 года / Изд. кн. М.А.Оболенским. Казань. 1850.
- Fekete, 1977 – *Fekete, L.* Einführung in die Persische Palaeographie. 101 Persische Dokumente. Budapest, 1977.
- Muhamedyarov, Vasary, 1987 – *Muhamedyarov, Sh., Vasary, I.* Two Kazan Tatar Edicts (Ibrahim's and Sahib Girey's Yarliks) // Between the Danube and the Caucasus. Budapest, 1987.
- Togan, 1981 – *Togan, A.Z.V.* Bugünkü Türki (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1981.
- Togan, 1966 – *Togan, Z.V.* Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü (Kanunî zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966. Vol. III. Parts 3–4. 1959–1960.

И.А. Мөстәкыймов

ЯНӘ САХИБ-ГЭРЭЙ ХАННЫҢ КАЗАН ЯРЛЫҒЫ ТУРЫНДА

Ачкыч сүзләр: Казан ханлыгы, Сахиб-Гэрэй хан, төрки-татар дипломатикасы, татарлар, башкортлар.

Аннотация. Мәкалә моннан йөз ел элек табылган һәм фәнни әйләнешкә кертелгән Сахиб-Гэрэй ханның 1523 елгы Казан ярлыгын өйрәнүнең дәвами булып тора. Бу ярлыкны шул заманга караган төрки һәм фарсы телендәге актлар белән чагыштыру, Казан документының стилистикасы Урта Азия Шыбаниларының рәсми кәгазьләренә, шулай ук Ючылыларныкы булмаган актларга охшаш булуын расларга мөмкинлек бирә. Мәкаләдә бу ярлыкны тотучылар нәселә хакында XVII йөзгә икенче яртысы – XIX йөз башына караган, галимнәр тарафыннан табылган яңа рус һәм төрки телле документларны анализлап, ярлыкның Рус дәүләте чоры тарихы, аны тотучы нәсел дәвамчыларының сословие торышларындагы үзгәрешләр турында кайбер күзәтүләр ясала һәм фаразлар әйтәләр.

Укучылар игътибарына чыганаclarдагы яңа мәгълүматларны файдаланып төзәтелгән ярлык тексты һәм аның русчага тәржемәсе дә тәкъдим ителә.

I.A. Mustakimov

ONCE AGAIN ABOUT THE KAZAN YARLIGH OF KHAN SAHIB GIRAY

Keywords: the Kazan Khanate, Sahib Giray Khan, Turkic-Tatar Diplomatics, Tatars, Bashkirs.

Annotation. Article is prepared throughout researches of the Turkic-Tatar diplomatics. The Kazan *yarligh* (decree) of khan Sahib Giray of 1523 was found and introduced into scientific circulation about a century ago. Comparison of this document with the acts revealed since then in Turkic and Persian languages showed similarity of stylistics of the Kazan document with Central Asian Shibaniid, and also non-Djuchid acts. Detection of new Russian and Turkic documents of the second half of 17th – beginning of 19th centuries about a family of holders of the *yarligh* allowed to make new observations about history of an existing of this *yarligh* in the Russian epoch, evolution of estate accessory of the descendants of *yarligh* holders.

The text of the *yarligh* specified taking into account new sources and its transfer is offered to attention of readers.

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ (г.Казань).

E-mail: imus@rambler.ru

Мөстәкыймов Ильяс Альфред улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР Министрлар Кабинеты каршындагы Баш архив идарәсе архив документларын файдалану һәм халыкара элемтэләр секторы мөдире (Казан шәһәре).

Иyas A. Mustakimov – candidate of historical sciences, chief of the Department for archival documents publishing, exhibitions and exterior relations, General Archival Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Арабографичные нарративные источники по истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.

Ключевые слова: тюрко-татарские государства, источниковедение, арабографичные нарративные источники, история татар.

Аннотация. В статье приводится обзор основных арабографичных нарративных источников по истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. на тюркском, арабском и персидском языках. Приводится краткая характеристика источников, краткая история их изучения, указаны их основные публикации.

Подавляющее большинство восточных источников по истории постзолотоордынских (позднеджучидских) тюрко-татарских государств составляют источники арабографичные, причем большая часть из них написана на тюркских языках.

Распад Джучиева улуса на отдельные «юрты» (государственные и протогосударственные образования), фактически завершившийся к середине XV в., привел к постепенному формированию в них локальных историографических традиций или их зачатков. Одной из характерных особенностей этих традиций в каждом из юртов было большое влияние на них отмеченной В.В.Трепавловым по другому поводу «инерции» прежнего единства распавшегося Джучиева улуса» [Трепавлов, 2011, с. 10]. Существовали оживленные политические, культурные и экономические контакты между тюрко-татарскими юртами, возникшими на развалинах империи Джучидов. Среди прочего происходил обмен устными и письменными историческими нарративами, Поэтому в хрониках, созданных в том или ином постордынском юрте, нередко встречаются сведения, относящиеся к истории всего Джучиева улуса или ранней истории других юртов.

Другой особенностью локальных историографических традиций, распространенных на территории постзолотоордынских тюрко-татарских государств, была большая, иногда ведущая, роль в их формировании устных источников (исторических преданий¹, реже, при описании более близких автору той или иной хроники событий – свидетельств очевидцев). В первую очередь это относится к источникам, созданным в Волго-Уральском регионе. В связи с этой особенностью хроник, созданных в русле познеджучидских традиций, находится и редкость использования в них конкретных дат применительно к событиям поздне- и постзолотоордынского периода. Если же даты каких-либо событий этого времени и упоминаются, они часто бывают неточны. В плане хронологии, как правило, более информативны сочинения, созданные османскими авторами или крымцами, испытавшими влияние османского историописания («Теварих-и Дешт-и Кипчак» Абдуллаха б. Ризвана, «Ассеб о-ссейяр» сеида Мухаммед-Ризы и др.).

В отличие от золотоордынского периода, когда среди арабографичных источников по истории и географии Джучиева Улуса превалировали сочинения, составленные вне Золотой Орды персидскими и египетскими авторами соответственно на персидском и арабском языках, от постзолотоордынского периода мы имеем значительное число источников, составленных на территории бывшей Золотой Орды на тюркском языке, и сравнительно небольшое число сочинений, написанных вне тюрко-татарских юртов (в основном османских).

Для большего удобства мы предполагаем рассмотреть дошедшие до нас арабографичные источники, разбив их на три группы по принципу происхождения: среднеазиатские и хорасанские, поволжские, крымские и османские. Разумеется, деление это во многом условное.

Среднеазиатские и хорасанские источники

В начале XVI в. внук Абу-л-Хайр-хана Мухаммед-Шейбани вытесняет Тимуридов из Мавераннахра и Хорасана и создает государство Шибанидов. Мухаммед-Шейбани-хан выступил ини-

¹ Последняя особенность, по-видимому, была характерна и для золотоордынской (и, шире, монгольской), и домонгольской тюркской (в том числе болгарской) историографических традиций. Как отмечал В.В.Бартольд, «до понимания различия между историей и легендой из всех тюркских народов дошли только османы» [Бартольд, 1963, с. 100–101].

циатором написания ряда сочинений «шейбанидского круга», задачей которых было его возвеличение [Юдин, 2001, с. 48]. В создании некоторых из них он принимал непосредственное участие.

Одним из самых ранних и крупных дошедших до нас тюркоязычных источников, доносящих чингизидскую традицию (в ее «джучидско-шибанидском изводе»), является составленная в начале XVI в. (предположительно 1502–1504 гг.) анонимная хроника «Таварих-и гузида – Нусрат-наме», составленная по указанию и при участии создателя государства Шибанидов в Мавераннахре и части Хорасана. В сочинении приводятся ценные (хотя часто лапидарные) сведения о предыстории и ранней политической истории Сибирского юрта, Большой и Ногайской Орд, Булгарского вилайета. Особо следует отметить содержащуюся в «Таварих-и гузида» подробную информацию о генеалогии Джучидов до начала XVI в., в том числе правителей постордынских юртов. «Таварих-и гузида» послужила основным источником сведений о периоде правления восточодештского хана Абу-л-Хайра и его внука Мухаммед-Шейбани-хана для позднейших памятников шейбанидской и, частично, аштарханидской историографии [Юдин, 2001, с. 36–37]. В частности, уникальное сообщение «Таварих-и гузида» о том, что власть Абу-л-Хайра распространялась на Среднее Поволжье, в несколько видоизмененном виде содержится в хронике придворного историографа бухарского хана Абдуллы II Хафиз-и Таныша «Шараф-наме-йи шахи» (или «Абдулла-наме», сост. в 1580-х гг.) и сочинении аштарханидского хрониста Мухаммед-Юсуф-мунши «Тарих-и Муким-хани» (сост. в начале XVIII в.) [Мустакимов, 2010, с. 25–27]. При описании событий XV – начала XVI вв. составитель «Таварих-и гузида», как видно, пользовался воспоминаниями очевидцев, в том числе самого заказчика этого сочинения – Мухаммед-Шейбани-хана. А.М.Акрамовым был подготовлен критический текст [Таварих, 1967], В.П.Юдиным [Таварих, 1969] и И.А.Мустакимовым [Мустакимов, 2009а, с. 214–232; Мустакимов, 2011, с. 228–248] – переводы извлечений из «Таварих-и гузида» на русский язык.

Сокращенным вариантом «Таварих-и гузида» некоторые исследователи считают анонимное тюркоязычное сочинение «Шейбани-наме», впервые опубликованное И.Н.Березиным [Библиотека, 1849]. Составителем «Шейбаниады» добавлены более подробные сведения о представителях племени кунграт.

Между 1504 и 1510 гг. персоязычный писатель и музыкант Камал ад-Дин Бинаи (Камал ад-Дин (Шир-)Али Бинаи Устад Мухаммадхан-(сабз)ми'мар Харави) составил хроники «Шейбани-наме» и «Футухат-и хани», причем последнее сочинение является расширенной редакцией его же «Шейбани-наме». Сведения о Восточном Дашт-и Кипчаке в «Шайбани-наме» в основном совпадают с известиями «Таварих-и гузида». Однако «Шайбани-наме» содержит и некоторые уникальные известия, по-видимому, заимствованные из каких-то иных источников [Юдин, 1969б, с. 91–96].

Сюжет и информацию «Таварих-и гузида» во многом повторяет персоязычная стихотворная хроника придворного литератора Мухаммед-Шейбани-хана Муллы Шади «Фатх-наме», также составленная в начале XVI в. (изложение событий доводится до 1501 г.). Однако «Фатх-наме» содержит и такие сведения, которые отсутствуют в «Таварих-и гузида». Это тем более удивительно, что обе хроники были составлены по личному указанию и, очевидно, под непосредственным контролем самого Шейбани-хана [Юдин, 1969а, с. 44–50]. Между прочим, В.П.Юдин высказал не лишнее вероятности предположение о том, что автор «Фатх-наме» мог быть той же личностью, что и музыкант Гулям Шади, по воспоминаниям Бабура, отправленный Мухаммед-Шейбани-ханом ко двору казанского хана Мухаммед-Амина [Юдин, 1969а, с. 44–45]².

Составленный в середине XVI в. на персидском языке труд Масуда б. Усмана Кухистани «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани» в заключительной своей части также во многом повторяет сведения «Таварих-и гузида». Вместе с тем, хроника Кухистани содержит более полные сведения о представителях династийной и родоплеменной аристократии (огланах и беках) – приближенных Абу-л-Хайра, а также отсутствующие в «Таварих» подробности политической истории Восточного Дешта XV в. [Юдин, 1969в, с. 136–138]. К таковым, например, относится сообщение Кухистани о деталях вступления правителя Восточного Дешт-и Кипчака XV в. Абу-л-Хайр-хана в Туру (Чимги-Туру, сибирскую Тюмень), которую этот хан сделал своей столицей [Кухистани, 1969, с. 144–145].

В Хорезме, на престоле которого укрепилась иная, нежели в Мавераннахре и Хорасане, ветвь Шибанидов, сложилась своя историография. В середине XVI в. Утемишем-хаджи б. мавлана Мухаммедом-Дости была составлена хроника, известная в историографии под названиями «Чингиз-

² О направлении Мухаммед-Шейбани-ханом Гуляма Шади ко двору Мухаммед-Амина см.: [Бабер-наме, 1857, с. 230].

наме» и «Тарих-и Дост-султан»³. В настоящее время известно всего два списка этого сочинения. Один из них – ташкентский – неполон; его транскрипция, перевод на русский язык и факсимиле, подготовленные В.П.Юдиным, были опубликованы после его смерти [Утемиш-хаджи, 1992]. На основе ташкентского списка подготовлены издания этого источника в Казахстане [Қазақстан, 2005], Японии [Ötamiş, 2008], Узбекистане [Ўтамиш, 2009] и Турции [Ötamiş, 2009]. Другой список находился в личной библиотеке Ахмет-Заки Валиди (З.В.Тогана). В настоящее время эта рукопись находится в одном из частных собраний в Турции.

Как пишет сам Утемиш-хаджи, он старался собрать и записать сведения, отсутствовавшие в письменных хрониках. Однако использовал он и письменные источники, которые, скорее всего (по крайней мере в части, касающейся золотоордынской истории), в основном также представляли собой запись произведений устного творчества – дастанов, легенд и преданий.

Ташкентский список сочинения Утемиш-хаджи обрывается на сообщении о восшествии хана Токтамыша на золотоордынский престол, однако содержит пусть и краткие, но ценные сведения по истории Большой Орды и Астраханского ханства. Судя по работам исследователей, имевших возможность использовать находившийся у З.В.Тогана список «Чингиз-наме» Утемиш-хаджи, он более полный и содержит ценнейшие сведения о событиях периода распада Улуса Джучи и становления постзолотоордынских юртов [Туған, 1994, с. 25–26, 149, примеч. 98; Togan, 1981a, с. 136, 161; Togan, 1981b, с. 353, 492, примеч. 176; Togan, 1999, с. 39–64]. К сожалению, этот список до сих пор не введен в широкий научный обиход. Сопоставление сведений «тогановского» списка «Чингиз-наме» с одним из крупных произведений крымской историографии XVIII в. – «Умдат ал-ахбар» Абд ал-Гаффара Кырыми показало, что при описании событий золотоордынского периода и периода образования отдельных тюрко-татарских государств Кырыми мог широко использовать хронику Утемиш-хаджи.

Писавший веком позже царственный земляк Утемиша-хаджи – хивинский хан Абу-л-Гази (1603–1663) – является автором двух исторических сочинений, одно из которых («Шаджара-и тюрк ва могул») содержит ценный материал по истории Хивинского ханства; его сведения о других постордынских юртах носят фрагментарный характер [Aboul-Ghazi, 1871; Абуль-Гази, 1906; Әбелгазый, 2007].

Несколько особняком стоят хроника основателя династии Великих Моголов Захир ад-Дина Мухаммеда Бабура (1483–1530). Сочинение Бабура, за которым утвердилось название «Бабур-наме», написано на чагатайском языке. Оно носит в основном автобиографический характер и отражает историю народов Средней Азии, Афганистана и Индии в конце XV – начале XVI в. В этой хронике имеются и некоторые сведения о тюрко-татарских государствах того времени. В частности, говорится о брачных связях правителей Большой Орды с Тимуридами [Бабур-наме, 1958, с. 189–190], содержится небольшая, но ценная информация о тесных связях между правителем «кочевых узбеков» Мухаммед-Шейбани-ханом и казанским ханом Мухаммед-Амином [Бабур-наме, 1857, с. 230]⁴.

В 1438 г. – в год изгнания с золотоордынского престола Улуг-Мухаммеда, когда обозначился окончательный распад Улуса Джучи и началось формирование Большой Орды, город Сарай с торговой поездкой посетил ширазский купец Шамс ад-Дин Мухаммад. Отчет о его поездке, содержащий сведения о ценах и ассортименте товаров на сарайском рынке, включил в свое персоязычное сочинение «Шамс ас-сийак» гератский автор Али б. Мухаммад ал-Куми (содержание этого отчета см. [Заходер, 1967, с. 166–167]).

Некоторую информацию о ногаях («узбеках»), Астраханском и Крымском ханствах содержит персоязычное агиографическое сочинение Шариф ад-Дина Хусайна Шарифи «Джадат ал-ашикин» (сост. в 966/1573 г.), посвященное жизнеописанию своего отца Хусайна Хорезми – шейха суфийского братства Кубравийа (ум. в 958/1551 г.) [Муминов, 2012]. В 957/1550 г., направляясь в хадж, шейх со своими приближенными проехал через Сарайчук, Астрахань и Крым, о пребывании в которых лаконично сообщает автор сочинения [Шарифи, 1390, с. 39–43].

³ О проблеме источников хроники, ее названии и месте среди других произведений постордынской историографии см.: [Кавагучи, Нагаминэ, 2010, с. 44–52; Миргалеев, 2011, с. 14–19].

⁴ Еще одним свидетельством тесных контактов между двумя этими правителями является стихотворение Мухаммед-Шейбани-хана, посвященное победе Мухаммед-Амина над войском московского великого князя в 1505 г. [Togan, 1981a, с.133].

Поволжские источники

...Зимой 1550 г. русские войска очередной раз осадили Казань. Однако мужественная и умелая оборона города (по данным русских летописей – плохие погодные условия) заставили царское войско отступить. Эти события нашли отражение в литературно-публицистическом сочинении «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» («Реляция о победе Казанского государства⁵»). Автором «Реляции» был некий Шариф Хаджи-Тархани, рядом исследователей отождествляемый с последним казанским сеидом Кул-Шарифом. Как показывает нисба «Хаджи-Тархани», автор «Зафар-наме» был как-то связан с Астраханью (возможно, происходил оттуда). Единственный дошедший до нас, сравнительно ранний (XVI в.) список данного сочинения был обнаружен в составе рукописного сборника в библиотеке Зейтиногуллары, что в уезде Тавшанлы (провинция Кютахья в Турции) и опубликован З.В.Тоганом в восточном наборном тексте с введением и историческим комментарием [Togan, 1965, с. 179–204]. Работа З.В.Тогана послужила основой для сокращенной публикации этого источника и публикации его сокращенного перевода на турецкий язык А.Н.Курата [Kurat, 1972, с. 361–372] и работы современной турецкой исследовательницы А. Мелек Озйетгин, подготовившей современную турецкую транскрипцию, турецкий перевод и филологическое исследование источника [Özyetgin, 1993, с. 321–413]. В свою очередь, турецкий перевод А.М.Озйетгин стал основой для русского перевода этого источника, подготовленного Ф.С.Хакимзяновым [Шерифи, 1995, с. 83–92], а сокращенная публикация А.Н.Курата – основой для современного татарского перевода, подготовленного М.И.Ахметзяновым [Шәриф, 1995, с. 12–16; Кол Шәриф, 1997, с. 76–93; Кол Шәриф, 2005, с. 16–22; Мәңгелеккә, 2006, с. 16–23]. В последнее время был опубликован татарский перевод источника, осуществленный с турецкого перевода А.М.Озйетгин [Үзйәтгин, 2013, с. 7–13]. «Зафар-наме-и вилайет-и Казан» является самым ранним дошедшим до нас историческим нарративом, созданным в Поволжье.

В целом мусульманская историографическая традиция Волго-Уральского региона появилась только в XVII в., т.е. после вхождения этого региона в состав России [Франк, 2008, с. 27]. По крайней мере, к этому времени относятся наиболее ранние дошедшие до нас произведения поволжской мусульманской историографии. В то же время, как отмечается исследователями, местные хроники опирались на более ранние источники. Очевидно, прав А. Франк в своем предположении о том, что исламская историография в Волго-Уральском регионе «основана на народных исторических преданиях, которые были постепенно записаны и объединены в... исторические трактаты» [Франк, 2008, с. 27]. Использовались авторами местных хроник и письменные источники. В то же время, для этих источников представляется справедливым замечание А. Франка, характеризующее источники самого раннего дошедшего до нас сочинения поволжской мусульманской историографии: «даже если [Кадыр-Али-бек]... использовал в своей работе письменные источники, ясно то, что они, в свою очередь, в значительной степени были основаны на народных исторических преданиях» [Франк, 2008, с. 29].

Итак, в 1602 г. приближенным касимовского хана Ураз-Мухаммеда, выходцем из племени джалаир Кадыр-Али-беком было написано историческое сочинение, оригинальное название которого не сохранилось. В науку вошло его условное название, предложенное первым исследователем источника И.Н. Березиным – «Сборник летописей». Хроника состоит из введения, посвящения царю Борису Годунову, сокращенного переложения «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина и 9 дастан-повестей – оригинальных повествований, посвященных личностям и родам ханов Уруса, Токтамышша, Тимур-Кутлуга, Хаджи-Гирея, Хаджи-Мухаммеда, Абу-л-Хайра, Ядгара, Ураз-Мухаммеда и бека Эдиге (в дастане о Тимур-Кутлуге приведены также сведения о потомках Улуг-Мухаммеда). Оригинальные дастаны «Сборника летописей», по-видимому, в значительной мере основаны на данных устных источников. М.А. Усманов считает, что в основе оригинальных дастанов «Сборника» лежат тюркоязычные исторические сочинения; в то же время памятники фольклора служили «большим подспорьем для автора» [Усманов, 1972, с. 53]. Последний дастан, посвященный Ураз-Мухаммед-хану, написан Кадыр-Али-беком в качестве очевидца. Эта часть является основной, остальные части служат для нее фоном (подробнее об источнике см. [Усманов, 1972, с. 33–96]). Первая публикация на языке оригинала (тюрко-татарском) была подготовлена

⁵ Термин «вилайет» применительно к территории обычно имеет значение «область, страна». Однако в данном контексте выражение «вилайет-и Казан», несомненно, является официальным наименованием Казанского ханства, и его следует интерпретировать именно как «Казанское государство» («Царство Казанское» средневековых русских источников).

И.Н.Березиным [Библиотека, 1854]. За последнюю четверть века увидели свет переложения этого сочинения на современные казахский и татарский алфавиты и его переводы на казахский и татарский языки [Кадырғали, 1997; Сыздыкова, 1989; Сыздыкова, Қойгелдиев, 1991; Мирастан, 2011, с. 8–36⁶].

Другим крупным произведением поволжской мусульманской историографии является анонимный сборник «Дафтар-и Чингиз-наме» (конец XVII в.). Он состоит из шести глав-дастанов: «Глава повести о роде Чингиз-хана», «Глава повести об Аксак-Тимуре», «Глава повести об Амате сыне 'Айсы», «Глава повести об Идиге-беке», «Глава повести о местопребываниях и владениях», «Глава повести по истории» (подробнее об источнике см. [Усманов, 1972, с. 97–133]). Основу «Дафтар...» составили устные источники. Третья, пятая и шестая «главы» содержат некоторые сведения по истории Казанского юрта.

Текст «Дафтар...» неоднократно публиковался в оригинале и переводе на татарский язык, также публиковались тексты и переводы его отдельных дастанов⁷. В 2002 г. М.А.Усмановым и М.Иванич был издан критический текст «Дафтар-и Чингиз-наме» [Ivanics, Usmanov, 2002].

Недавно на основании одного из списков «Дафтар» было высказано предположение о том, что существует еще одна версия (редакция?) этой хроники, отличающаяся от более распространенной версии количеством и содержанием дастанов (в том числе содержащей иные сведения по истории тюрко-татарских государств, в частности, о предыстории Крымского юрта: «Когда [хан] Токтамыш попал в трудное положение, двух его сыновей воспитывал [некто] по имени Гирей-бай. Взяв этих двух его сыновей, возвели на ханство в Крыму. Имена этих двух сыновей – Исскандер и Абу Са'ид») [Мустакимов, 2009б, с. 122–131]. Данное предположение подтверждается существованием еще одной рукописи «Дафтар-и Чингиз-наме», отложившейся в древлехранилище ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова, которая по содержанию весьма похожа на вышеупомянутый список «Дафтар...». В частности, в этой версии зафиксированы оригинальные сведения по истории Астраханского ханства (к сожалению, список дефектен): «...Астрахань неверные взяли у хана Уз-Тимура, Казань взяли у хана Саф[а]-Гирея. Когда неверные брали Астрахань, Хаджим-султан с тридцатью людьми ушел казаковать⁸. Они сели на судно, [но] оно утонуло. Хаджим-султан остался один [с] тремя людьми, он направился к бухарскому хану. Бухарский хан пожаловал (букв. «дал») Хаджим-султану Ургенч. Что касается [ханов] Аккубека и Ямгу[рчи]...⁹ Битва хана Уз-Тимура произошла в день [нрзб.]. Погибло девять султанов и девяносто карачей. Все это произошло из-за Исмаила¹⁰. Исмаил помог неверным» [ОРНАФ, л. 44аб].

Интересным памятником поволжско-мусульманской историографии является анонимная хроника на персидском языке под условным названием «Хикайат» [Салахетдинова, 1965, с. 147–154], составленное во второй половине XVIII в. Его начальная часть имеет сходство с некоторыми дастанами «Дафтар-и Чингиз-наме», однако содержит и оригинальную информацию, отсутствующую в других известных нам мусульманских источниках. Было высказано мнение о том, что это сочинение является списком недошедшей до нас хроники «Фарханг-наме» [Мустакимов, 2008, с. 144–145].

Важными источниками татарского летописания являются хроникальные записи (как правило, весьма лаконичные), не имеющие определенного обозначения в источниках (в исследованиях их обычно называют «вакаи'-наме» или «летописями»). Один из ранних образцов таких «вакаи'-наме» вошел в качестве последней главы в рассмотренный выше сборник «Дафтар-и Чингиз-наме». Ряд образцов «летописей» опубликован в специальной работе А. Рахима [Рахим, 2008, с. 125–192].

В качестве комментария к хронике начала XIX в. «Таварих-и Булгария» Хисамутдина Муслими казанский мулла Хусаин Амирханов написал свое сочинение под тем же названием, в которой содержатся и сюжеты из истории Казани и казанских ханов [Эмирхан, 1883; Амирханов, 2010]. Однако приводимые в ней сведения в подавляющем своем большинстве легендарны, поэтому, по видимому, представляют лишь историографический интерес.

⁶ В последнем издании опущены разделы, представляющие собой переложение «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина.

⁷ Последнюю публикацию см. [Мирастан, 2011, с. 38–94]. Обзор более ранних публикаций и выявленных списков «Дафтар-и Чингиз-наме» см. [Усманов, 1972, с. 98–104].

⁸ Т.е. скитаться.

⁹ Фраза обрывается.

¹⁰ Очевидно, имеется в виду ногайский правитель Исмаил (в 1545–1554 гг. – нурадин, в 1554–1563 гг. – бий Ногайской Орды).

Мы оставляем за пределами нашего рассмотрения такие памятники волго-уральской мусульманской историографии, как «Таварих-и Булгария» Хисамутдина Муслими и «Тарих-наме-и Булгар» Таджетдина Ялчигула как практически не содержащие сведений, относящихся к истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв. (подробнее об этих источниках см. [Усманов, 1972; Кемпер, 2008; Франк, 2008]).

Крымские и османские источники

Крымская историография подробно разобрана в одной из работ И.В.Зайцева, к которой и отсылаем читателей [Зайцев, 2009]. Вкратце рассмотрим лишь те источники, которые остались вне его внимания.

Вхождение Крымского юрта в сферу власти Османской империи в качестве вассала, произошедшее в начале последней четверти XV в., связанная с этим активизация контактов между Крымом и османами, наряду с важным геополитическим положением этого татарского владения привлекало внимание османских хронистов.

Ценные сведения по истории тюрко-татарских государств, почерпнутые из разных письменных источников, содержит хроника османского автора ал-Джаннаби (ум. в 999/1590–1591), написанная на арабском языке. В частности, для периода до середины XV в. он пользовался недошедшей до нас персоязычной хроникой хафиза Мухаммеда Ташкенди «Тарих-и ал-и Чингиз». Извлечения из сочинения ал-Джаннаби были опубликованы В.В.Вельяминовым-Зерновым и В.Г.Тизенгаузенем [Вельяминов-Зернов, 1863, с. 374–376; ал-Джаннаби, 1884, с. 535–538].

В 1556 г. через Дешт-и Кипчак проезжал османских адмирал Сиди Али-реис, в своих записках оставивший некоторые сведения о ногаях [Seydi, 1313, с. 71–73; Seydi, 1999, с. 137–139].

Очень краткие сведения о хане Кучуме и Сибирском ханстве содержатся в сочинении «Таварих» османского историка XVI в. Сейфи Челеби. Перевод извлечения из его труда, содержащий сведения об «области Тура», опубликован Т.И. Султановым [Султанов, 2005, с. 261].

Одним из ценных османских источников по истории Крымского ханства является «Сейахатнаме» («Книга путешествий») турецкого путешественника XVII в. Эвлии Челеби (о нем см. [Крачковский, 2004, с. 624 и сл.]). «Неоднократно бывавший на [Крымском] полуострове, Эвлия в целом очень точно передавал увиденное и услышанное» [Зайцев, 2009, с. 218]. Автор приводит сведения о современном ему Крымском ханстве, а также пересказывает услышанные им предания [Эвлия, 1996; Эвлия; 1999; Эвлия, 2008].

Некоторые важные сведения о Крымском ханстве содержатся в сочинении османского автора второй половины XVII в. Хюсейна Хезарфенна [Орешкова, 1990, с. 228–305; Hezarfen, 1998].

В.Д.Смирнов отмечает выдающееся значение для изучения истории Крымского ханства, в особенности крымско-османских отношений, труда османского историка конца XVII – начала XVIII в. Мехмеда Фындыклылы [Findikli, 1928].

Сугубо формально к османским источникам нами отнесено сочинение Павла Алеппского «Путешествие патриарха Макария» [Крачковский, 2004, с. 687 и сл.]. Павел Алеппский вместе со своим отцом, антиохийским патриархом Макарием, дважды бывал в Московском государстве. О первой своей поездке он оставил путевые заметки на арабском языке. Направляясь в Россию в 1653 г. и возвращаясь в 1656 г., Макарий и Павел проезжали по территории Молдавии и Украины. В своих записях Павел Алеппский приводит некоторые сведения о крымских татарах, крымско-казацких и крымско-московских отношениях, как со слов очевидцев из христиан, так и бесед с татарами и собственных наблюдений. Как очевидец он приводит краткие, но интересные сведения о Касимовском царстве, о крещении касимовского правителя Сеид-Бурхана [Муркос, 1898].

Список источников и литературы

ОРНАФ – Отдел рукописей, научный и архивный фонд ИЯЛИ им. Г.Ибрагимова АН РТ, ф. 39, ед. хр. 6403, л. 44аб.

Абуль-Гази, 1906 – *Абуль-Гази*. Родословное древо тюрков / перев. и предисл. Г.С.Саблукова. Казань, 1906.

Амирханов, 2010 – *Амирханов Хусаин*. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / пер. со старотат., вступ. ст. и коммент. А.М.Ахунова. М., 2010.

Эбелгазый, 2007 – *Эбелгазый Баһадир хан*. Шәжәрәи төрек. Казан, 2007.

Әмирхан, 1883 – *Әмирхан углы Хөсәен*. Тәварихы Болгария, өнтөхибә минәт-тәварихил-мөтәгадидә вә минәр-рисаләтил-мөтәгадидә. Казан, 1883.

- Бабер-наме, 1857 – Бабер-наме или Записки султана Бабера / Изд. в подлинном тексте Н.И.[льминским]. – Казань, 1857.
- Бабур-наме, 1958 – Бабур-наме. Записки Бабур / Перев. М.А.Салье. Таш., 1958.
- Бартольд, 1963 – *Бартольд В.В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Академик В.В.Бартольд. Сочинения. Т. 1. М., 1963.
- Библиотека, 1849 – Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н.Березиным. Т. I: Шейбаниада. История монголо-тюрков. Казань, 1849.
- Библиотека, 1854 – Библиотека восточных историков, издаваемая И. Березиным. Т. II. Ч.1: Сборник летописей: Татарский текст с русским предисловием. Казань, 1854.
- Вельяминов-Зернов, 1863 – *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 1. СПб., 1863.
- ал-Джаннаби, 1884 – *Абу Мухаммад Мустафа ал-Джаннаби.* Тухфат ал-ариб ва хадиййат ал-адиб // Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884.
- Зайцев, 2009 – *Зайцев И.В.* Крымская историографическая традиция XV–XIX веков: пути развития: рукописи, тексты и источники. М., 2009.
- Заходер, 1967 – *Заходер Б.Н.* Ширазский купец на Поволжье в 1438 г. // Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. 2: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенеги, русы, славяне. М., 1967.
- Кавагучи, Нагаминэ, 2010 – *Кавагучи Т., Нагаминэ Х.* Некоторые новые данные о «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 3. Казань, 2010.
- Қадырғали, 1997 – *Қадырғали Жалаир.* Шежірелер жинағы. [Шағатай-казак тілінен аударып, алғы сөзін жазғандар Н.Мингулов, Б.Көмеков, С.Өтениязов. Жалпы редакциясын қараған М.Мағауин]. Алматы, 1997.
- Қазақстан, 2005 – Қазақстан тарихы туралы түркі деректемелері. I том: Өтеміс қажы. Шыңғыс-наме. Алматы, 2005.
- Кемпер, 2008 – *Кемпер М.* Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане: исламский дискурс под русским господством. Казань, 2008.
- Кол Шәриф, 1997 – *Кол Шәриф.* И, күнел, бу дөнъядыр... Казан, 1997.
- Кол Шәриф, 2005 – Кол Шәриф һәм аның заманы = Кул Шариф и его время. Казань, 2005.
- Крачковский, 2004 – *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. М., 2004.
- Кухистани, 1969 – *Масуд б. Усман Кухистани.* Тарих-и Абу-л-Хайр-хани // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.
- Мәңгелеккә, 2006 – Мәңгелеккә аяк басканда = Навстречу вечности. Казань, 2006.
- Мирастан, 2011 – Мирастан биш сәхифә: XVII–XIX гасырлар әдәби-тарихи ядкярләре / [транскр. эшләүче, хәзерге татар әд. теленә күчерүче, иск. һәм сүзл. төз., кереш мәкаләләр авт. С. Гыйләжетдинов]. Казан, 2011.
- Миргалеев, 2011 – *Миргалеев И.М.* «Чингиз-наме» Утемиша-хаджи: перспективы изучения // Золотоордынская цивилизация. Сборник статей. Вып. 4. Казань, 2011.
- Муминов, 2012 – *Муминов А.* Суфизм в древних рукописях // Казахстанская правда. 9 ноября 2012 г. – <http://www.kazpravda.kz/print/1352422834> .
- Муркос, 1898 – *Муркос Г.А.* Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3 (189). М., 1898.
- Мустакимов, 2008 – *Мустакимов И.* Термин «Золотой престол» в Поволжье по данным арабографических источников (К вопросу о статусе г. Булгара на ордынском и постордынском пространстве) // Гасырлар авазы = Эхо веков. 2008. № 1.
- Мустакимов, 2009а – *Мустакимов И.А.* Владения Шибана и Абу-л-Хайр-хана по данным «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» // Национальная история татар: теоретико-методологическое введение. Казань, 2009.
- Мустакимов, 2009б – *Мустакимов И.А.* Об одном списке «Дафтар-и Чингиз-наме» // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 1. Казань, 2009.
- Мустакимов, 2010 – *Мустакимов И.А.* Владения Шибана и Шибанидов в XIII–XV вв. по данным некоторых арабографических источников // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. Вып. 2. Казань, 2010.
- Мустакимов, 2011 – *Мустакимов И.А.* Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010. М., 2011.
- Орешкова, 1990 – *Орешкова С.Ф.* Османский источник второй половины XVII в. о султанской власти и некоторых особенностях социальной структуры османского общества // Османская империя: государственная власть и социально-политическая структура. М., 1990.
- Рахим, 2008 – *Рахим А.* Новые списки татарских летописей // Гали Рәхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик хыянтык / төз. Р.Мәрданов, И.Һадиев. Казан, 2008.
- Салахетдинова, 1965 – *Салахетдинова М.А.* Об одном неизвестном персидском сочинении по истории народов Поволжья // Страны и народы Востока. География, этнография, история. М., 1965. Вып. IV.

Султанов, 2005 – Султанов Т.И. Известия османского историка XVI в. Сейфи Челеби о народах Центральной Азии // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.

Сыздыкова, 1989 – Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами ат-таварих» Жалаири. А.-А., 1989.

Сыздыкова, Қойгелдиев, 1991 – Сыздықова Р., Қойгелдиев М. Қадырғали би Қосымұлы және оның жылнамалар жинағы. Алматы, 1991.

Таварих, 1967 – Таварих-и гузида – Нусрат-наме / Исслед., критич. текст, аннот. огл. и табл. свод. огл. А.М.Акрамова. – Таш., 1967.

Таварих, 1969 – Таварих-и гузида-йи нусрат-наме // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.

Трепавлов, 2011 – Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань, 2011.

Туған, 1994 – Туған Ә.В. Башкорттардың тарихы. Өфө, 1994.

Усманов, 1972 – Усманов М.А. Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. Казань, 1972.

Ўтамиш, 2009 – Ўтамиш Хожи ибн Мухаммад Дустиий. Ўтамиш Хожи тарихи (XVI асрга оид тўркий тилда ёзилган тарихий манба). Тошкент, 2009.

Утемиш-хаджи, 1992 – Утемиш-хаджи. Чингиз-наме / Факсим., перев, транскр., примеч., исслед. В.П.Юдина; подгот. к изд. Ю.Г. Баранова; коммент. и указ. М.Х. Абусеитовой. А.-А., 1992.

Үзйәтгин, 2013 – Үзйәтгин М. Әстерханлы Шәрифинең 1550 елда язган «Зафәрнамә»се // Чын Мирас. 2013. № 5.

Франк, 2008 – Франк А.Дж. Исламская историография и «булгарская» идентичность татар и башкир в России. Казань, 2008.

Шарифи, 1390 – Шариф ад-Дин Хусайн Шарифи. Джаддат ал-ашикин / Бе-кушеш-и Расул Джафарийан // Пайам-и Бахарестан. Осень 1390/2011 г. (на перс. яз.). – <http://79.132.205.27/files/payam/p13-0002.pdf>.

Шәриф, 1995 – Шәриф Хажитархани. Казан вилайетенең жиңүе // Идел. 1995. № 1.

Шерифи, 1995 – Шерифи Х. «Зафер наме-и Вилайет-и Казан» // Гасырлар авазы = Эхо веков. Май 1995.

Эвлия, 1996 – Эвлия Челеби. Книга путешествий Эвлии Челеби. Походы с татарами и путешествия по Крыму (1641–1667 гг.). Симферополь, 1996.

Эвлия, 1999 – Эвлия Челеби. Книга путешествий. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666–1667 гг.) / перев. и коммент. Е.В.Бахревского. Симферополь, 1999.

Эвлия, 2008 – Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) / Вступит. ст., перев. с османского яз., коммент. Е.В.Бахревского. Изд. 2-е. Симферополь, 2008.

Юдин, 1969а – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Фатх-наме» Шади] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.

Юдин, 1969б – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Шайбани-наме» Камал ад-Дина Али Бинаи] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.

Юдин, 1969в – Юдин В.П. [Введение к публикации отрывков из «Тарих-и Абу-л-Хайр-хани»] // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. А.-А., 1969.

Юдин, 2001 – Юдин В.П. Персидские и тюркские источники по истории казахского народа XV–XVIII веков // В.П.Юдин. Центральная Азия в XIV–XVIII веках глазами востоковеда. Алматы, 2001.

Aboul-Ghazi, 1871 – Aboul-Ghazi Behadour Khan. Histoire des Mogols et des Tatares. Publ. par P.Desmaisons. T. I: Texte. St.-Petersbourg, 1871.

Findıklılı, 1928 – Silâhdâr Findıklılı Mehmed Ağa. Silâhdâr Tarihi. İstanbul, 1928. Cild I-II.

Hezarfen, 1998 – Hezarfen, Hüseyin Efendi. Telhisü'l-beyan fi kavanin-i Al-i Osman / Haz. S. İlgürel. Ankara, 1998.

Ivanics, Usmanov, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Däftär-i Čingiz-nämä). [Bd.] I. Szeged, 2002.

Kurat, 1972 – Kurat, A.N. IV–XVIII yy. da Karadeniz kuzeyindeki Türk kavimleri ve devletleri. Ankara, 1972.

Ötämiş, 2008 – Ötämiş Hâjî. Čingiz-Näma / Introduction, annotated translation, transcription and critical text by Takushi Kawaguchi, Hiroyuki Nagamine. Tokyo, 2008.

Ötemiş, 2009 – Ötemiş Hacı. Çengiz-Name / Haz. İ. Kamalov. Ankara, 2009.

Özyetgin, 1993 – Özyetgin, A.M. Astrahanlı Şerifi'nin 1550 Tarihli Zafer-name'si // Türkoloji Dergisi. XI. Cilt. 1. Sayı. Ankara, 1993.

Seydi, 1313 – Seydi Reis. Mir'atü'l-Memalik. Der-i Saadet, 1313/1895–1896.

Seydi, 1999 – Seydi Ali Reis. Mir'atü'l-Memalik / İnceleme-Metin-İndeks / Dr. Mehmet Kiremit. Ankara, 1999.

Togan, 1965 – Togan, Z.V. Kazan Hanlığında İslam Türk Kültürü // İslam Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1965. C. III. Sayı 3/4.

Togan, 1981a – Togan, A.Z.V. Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Cilt I: Batı ve Kuzey Türkistan. İstanbul, 1981.

Togan, 1981b – *Togan, A.Z.V. Umumi Türk Tarihine Giriş. Cild I: En eski devirlerden 16. asra kadar. İstanbul, 1981.*

Togan, 1999 – *Togan, İ. Altınordu Çözülürken: Kırım'a Giden Yol // Türk-Rus İlişkilerinde 500 Yıl (1491–1992). Ankara, 1999.*

И.А. Мөстәкыймов

**XV–XVIII ГАСЫР ТӨРКИ-ТАТАР ДӘҮЛӘТЛӘРЕ ТАРИХЫНА
КАРАГАН ГАРӘП ГРАФИКАСЫНДАГЫ НАРРАТИВ ЧЫГАНАКЛАР**

Ачкыч сүзләр: төрки-татар дәүләтләре, чыганаclarны өйрәнү фәне, гарәп графикасындагы нарратив чыганаclar, татар тарихы.

Аннотация. Мәкаләдә XV–XVIII гасыр төрки-татар дәүләтләре тарихына караган төрки, гарәп, һәм фарсы телләрендәге нарратив чыганаclar баян ителә. Аларга кыскача бәяләмә бирелә, өйрәнү тарихы турында сөйләнә һәм бу чыганаclar турында басмалар атала.

I.A. Mustakimov

**ARABOGRAFICHNYE NARRATIVE SOURCES ON STORIES
OF THE TYURKO-TATAR STATES OF THE XV–XVIII CENTURIES**

Keywords: Turko-Tatar states, source studies, Arabic script narrative sources, history of Tatars.

Annotation. The review of the main arabografichny narrative sources on history of the Tyurko-Tatar states of the XV–XVIII centuries in Turkic, Arab and Persian languages is provided in article. The short characteristic of sources, short history of their studying is provided, their main publications are specified.

Мустакимов Ильяс Альфредович – кандидат исторических наук, заведующий сектором научного использования архивных документов и международных связей Главного архивного управления при Кабинете Министров РТ (г.Казань).

E-mail: imus@rambler.ru

Мөстәкыймов Ильяс Альфред улы – тарих фәннәре кандидаты, ТР Министрлар Кабинеты каршындагы Баш архив идарәсе архив документларын файдалану һәм халыкара элементләр секторының мөдире (Казан шәһәре).

Ильяс А. Мустакимов – candidate of historical sciences, chief of the Department for archival documents publishing, exhibitions and exterior relations, General Archival Department under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства

Ключевые слова: Шибаниды, летописи, источники, источниковедение.

Аннотация. Данная статья содержит в себе опыт источниковедческого анализа основных событий в истории Тюменского ханства конца XV – начала XVI вв. В сравнительном ключе были рассмотрены сведения, содержащиеся в русских летописях; проведена краткая классификация летописных сводов, привлечены данные об их происхождении.

Корпус источников, отражающих историю Тюменского ханства на данном этапе исследований, представляется весьма фрагментарным. Это обстоятельство вполне коррелируется с тем, что Тюменское ханство, возглавлявшееся потомками Шибана, пятого сына Джучи, наименее известно среди прочих аналогичных тюрко-татарских ханств и имеет немалое количество «белых пятен» в своей истории. Наибольшая удаленность от Московского великого княжества, слабые внешние контакты, неразвитость политических структур обеспечили слабое отражение его истории в отечественном летописании.

Между тем, вместе с восточными источниками, материалами из записок западноевропейских путешественников XV–XVI вв., дипломатической перепиской, русские летописи являются наиболее крупной информационной базой, в которой, однако, неравномерно размещены сведения по истории ханства второй половины XV – начала XVI вв.

Информацию из русских летописей можно условно поделить на две категории. Первая – прямые данные. Это события 1475, 1480–1481, 1496–1497, 1499, 1505 гг. Здесь содержатся непосредственные данные, отражающие «внешнюю» историю ханства. Вторая – косвенные. К ним можно причислить события 1483–1484 и 1487 гг. Здесь летописцами были отмечены факты касательно похода московских полков в Сибирь, и смещение казанского хана Илгاما, ставшее камнем преткновения на переговорах Москвы и Тюмени в 1489-м году.

Условно русское летописание XVI века можно подразделить на основное московское (или общерусское), или локальное (вологодско-пермское, западнорусское, северорусское и др.). Наиболее крупным летописным сводом середины XVI века стала Никоновская летопись, написанная на основе нескольких десятков списков, доводящая свое повествование вплоть до 1560 года [Клосс, 1980, с.10]. К ней примыкают такие своды, как Симеоновская летопись, Иоасафовская и др. Еще одним общим сводом, законченным в последнем десятилетии XV века, стал Московский летописный свод, в котором большое внимание было уделено взаимоотношениям Московского великого княжеств и Новгорода [ПСРЛ, т.25, с.3].

Вологодско-Пермское летописание можно назвать одним из крупнейших локальных. М.Н.Тихомиров, исследуя списки, пришел к выводу, что все они были составлены в середине XVI века [Тихомиров, 1979, с.139–140]. Исследуя летописные известия, историк обратил внимание, что статьи летописи за XII–XIV вв. содержат заимствования из Софийской I и Симеоновской летописей [Тихомиров, 1979, с.141–143], однако интересующие нас отрывки (разгром хана Ахмата, поход русских войск в Сибирь и др.), по мнению М.Н.Тихомирова, исходят «из третьего источника». Автором было выдвинуто предположение, что сведения взяты «из каких-то летописных заметок, составленных на севере Руси при дворе епископа Пермского Филофея», или «из летописных известий московского происхождения, большей частью в редакции продолжения Симеоновской летописи (до 1493 г.)» [Тихомиров, 1979, с.143]. Б.М.Клосс, исследовавший краткие вологодско-пермские летописи, некоторые фрагменты из которых не вошли основной свод, отметил влияние московского летописания [Клосс, 1976, с.267]. Таким образом, эта локальная ветвь имела заимствования как из центрального летописания, так и самостоятельные источники информации, прежде всего данные о сибирских походах. Отметим, что сравнительный анализ известий из Вологодско-Пермской и Симеоновской летописей показал отсутствие в последней данных о приведении в подданство югорских князей. Тем не менее, сведения, касающиеся событий в Московском княжестве, фактически идентичны в обоих сводах [Тихомиров, 1979, с.143–144].

Локальным является и Устюжское летописание, содержащее в себе схожие с вологодско-пермским сводом известия 1483–1484 гг. К.Н.Сербина, занимавшаяся его исследованием, отметила в качестве протографа местную устюжскую летопись, не сохранившуюся до наших дней, которая выступала как хроника с кратким перечислением всех важнейших событий региона. По мнению исследовательницы, в ней же были размещены и результаты походов на Югру и Обь 1483–1484 и 1499 гг. [Сербина, 1985, с.10–11]. Из этой местной летописи в первой половине XVI века был сформирован Устюжский летописный свод, ставший впоследствии основной для Архангелогородского летописца, который наряду со списком Мациевича был в 1982-м году опубликован в ПСРЛ. А.А.Шахматов, А.Н.Насонов, а затем и К.Н.Сербина полагали, что в основе Устюжского свода лежали общерусский и ростовский своды [Сербина, 1985, с.50–51].

К.Н.Сербина обратила внимание и на местную версию «стояния на Угре», в которой «с одной стороны, нет обвинения в измене братьев и показана растерянность Ивана III, а с другой – не содержится осуждения Софии и бывших с ней в «бегах». В качестве объяснения ей было предложена версия о составлении данного отрывка уже после примирения Ивана III с Софьей [Сербина, 1985, с.63]. При этом автор не обратила внимания на обстоятельства смерти хана Ахмата и последующего визита посла хана Ибака князя – Чюмгура [ПСРЛ, т.37, с.95]. Примечательно, что этот момент более нигде не отражен в летописании. Несомненно, по итогам посольства была составлена посольская книга, материалы которой каким-то образом попали именно в провинциальный свод, а не общерусский; сама книга не сохранилась.

Среди фрагментарных известий о Тюменском ханстве нельзя не отметить события русского похода на Обь в 1483 году, которые нашли отражения в Архангелогородском летописце [ПСРЛ, т.37, с.95], Вологодско-Пермской летописи [ПСРЛ, т.26, с.275] и Вычегодско-Вымской летописи [Вычегодско-Вымская, 1958, с.262], причем в первом летописце фигурирует фраза: «А воиводы великаго князя отошли вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирьскую землю» [ПСРЛ, т.37, с.95]. Отметим, что упоминание о походе весьма обширно, но не нашло отражения в центральном летописании. По мнению К.Н.Сербиной, подобные «записи вполне могли дать и устюжские попы, которые вместе с устюжанами принимали участие в походах», используя в качестве примера поход устюжан на Казань в 1469 г., в числе которых был поп Иван, гипотетический автор наблюдений о походе [Сербина, 1985, с.10]. Схожая ситуация могла возникнуть и при составлении рассказов об экспедиции на Обь.

К указанному походу относится и обширная историография [Каргалов, 1983, с.177–182; Рябина, 2007, с.37–38; Маслюженко, 2008, с.94; Парунин, 2010, с.268; Маслюженко, 2011, с.35–50], по разному трактующая итоги и этапы данного похода. Интересные подробности приводит Б.М.Клосс, анализирующий в своей статье краткие летописцы, предшествующие основному вологодско-пермскому летописанию. В одном из них, описывающим событие до 1489 года, упомянуто буквально следующее: «В лето 6992. Великого князя воеводы ходили князь Федор Курьбской да Иван Салтык Травин на Вогуличи, на Асыку да на Юмшана, с Вологжаны да со Устюжаны. И бияся Юмшан и убежа в лес; и побиша многа татар Тюмеских и Сибирь плениша и одолеша» [Клосс, 1976, с.270]. Упоминание о «побиша многа татар Тюмеских» придает иной контекст походу, результаты которого, видимо, не отразились на отношениях Тюменского ханства и Ивана III.

Русское летописание характерно тем, что предоставляет и косвенные данные, позволяющие очертить некоторые аспекты внешней политики Сибирских Шибанидов в конце XV века. С этим напрямую связаны события вокруг смещения казанского хана Илгана. Сам факт политического переворота в Казанском ханстве нашел отражение практически во всех летописных сводах [ПСРЛ, т.12, с.218; т.25, с.331; т.39, с.164; Книга, 1850, с.4 и др.]. Эта история получила продолжение в дипломатических отношениях Москвы и Тюмени. Во время визита осенью 1489 года посольства от ногаев и Сибирских Шибанидов во главе с князем Чюмгуром прозвучало следующее требование со стороны представителя хана Ибака: «С Алегамом царем меж вас крепкая правда и слово было, и тебя, к слову пряма, слышел есми; и яз ныне тех слов правду познаю: Алегама царя ко мне отпустите, оба одного отца дети» [Посольская книга, 1984, с.18]. Нежелание Ивана III отпустить бывшего хана стало камнем преткновения на переговорах, и не позволило разрешить проблемную ситуацию, в итоге отношения Москвы и Тюменского ханства не претерпели изменений. Таким образом, дополняющие друг друга косвенные и прямые сообщения источников позволили глубже заглянуть не только во внешнеполитические перспективы потомков Шибана, но и отметить некоторые детали во взаимоотношениях Московского великого княжества и тюрко-татарских ханств.

Обширные сведения содержатся также в общерусских сводах. В них нашло отражение походы младшего брата Ибак-хана-Мамука – на Казань весны – поздней осени 1496 года. Причем этот сюжет получил наибольшее отражение в источниках [Летописец, 1781, с.158–159; ПСРЛ, т.12, с.242–243; т.24, с.213; т.26, с.290; т.39, с.170–171; Иоасафовская летопись, 1957, с.131–132 и др.]. Примечательно, что все события, так или иначе касающиеся политических событий в Казани, находили максимальное отражение в летописях, особенно временная потеря контроля зависимого ханства.

Никоновский свод и Иоасафовская летопись оставили наиболее подробные свидетельства о произошедшем. Оба источника подвергались тщательному изучению. Один из первых крупных исследователей Иоасафовской летописи – А.А.Шахматов предположил, что вторая часть рукописи, освещающая события с 1437 г. по 1520 г., явилась основой при составлении Никоновской летописи [Шахматов, 1904, с.70–71]. Б.М.Клосс в своей монографии о Никоновском своде, приводя разноречивые мнения коллег¹, все же пришел к следующему выводу: «Иоасафовская летопись была специально написана для использования в качестве источника в завершающей части основной редакции Никоновской летописи» [Клосс, 1980, с.74].

Интересным представляется появление практически идентичного упоминания о походах Мамука в Софийской Первой летописи. Так, по мнению Б.М.Клосса, помимо сведений Иоасафовской летописи, в Никоновский свод была включена начальная часть Воскресенской летописи с известиями до 1521 года [Клосс, 1980, с.8]. В одной из своих более поздних работ исследователь, анализируя Воскресенскую летопись и Список Царского, пришел к выводу, что отредактированный в первой половине XVI в. текст Списка явился основой для составления Воскресенской летописи [Клосс, 1984, с.25–37; ПСРЛ, т.39, с.3]. Таким образом, единый текст, посвященный походу на Казань, стал возможен благодаря генетическому единству общерусских летописных сводов, источниками которых являлись протографы друг друга. Впоследствии рассказ в укороченном виде попадает в Типографскую и Вологодско-Пермскую летописи. Примечательно, что один и наиболее ранних (начало XVI в.) вологодско-пермских летописцев, приводя сведения 1490-х гг., ни разу не упоминает о рассматриваемом нами походе [Клосс, 1976, с.278–282]. Походы на Казань первоначально не нашли отражения в локальном летописании, появившись лишь после оформления их в общерусских сводах.

После не слишком удачного казанского похода, вероятно, дипломатические отношения прекратили свое оформление, и история Тюменского ханства в источниках постепенно сходит на нет, за исключением нескольких фрагментов. Одним из них является упоминание об Агалаке царевиче «Мамуковом брате», чей поход упоминается в Никоновской и Софийской летописях [ПСРЛ, т.12, с.250; т.39, с.172]. Интересен и тот факт, что устюжско-вологодская летописная традиция не упоминает об этом походе, который, кстати, закончился неудачей и больше представлял из себя обычный набег. Зато осталось упоминание о практически единовременном приходе на Казань ногаев, которые «стояша ... под Казанью три недели и, граду не успев ничто же, возвратишася во свояси» [ПСРЛ, т.12, с.253; т.26, с.294]. Но в местном, устюжском летописании, был зафиксирован еще один случай набега со стороны Шибанидов: «А приехал в неделю цветную, а в понедельник на страстной недели рать пришли без вести ис Тюмени, Кулук салтан Ивака царев сын з братьею и з детми. Города не взяли, а землю Нижнюю извоивали, а Усолье на Каме русаков вывели и высекли» [ПСРЛ, т.37, с.99]. Упоминание представляется уникальным, поскольку иные сообщения отсутствуют. Вероятно, это было связано с географической локализацией набега, в итоге ставшего фактом лишь для местных летописей. После этого всяческие упоминания в русских летописях о Тюменском ханстве отсутствуют.

Фрагментарные сведения о Шибанидах последних лет XV века находятся в корпусе сибирских летописей, ставших оригинальным источником, имеющим абсолютно иную природу происхождения известий по истории средневековой Сибири, а также времени ее завоевания русскими войсками. В сибирском летописании, в котором наиболее ранней является Есиповская летопись, фиксируются легендарные известия о якобы местной татарской династии Тайбугидов и ее взаимоотношении с потомками Шибана. Происхождение и источники Есиповской и ряда других летописей, а также известий в них стали объектом пристального изучения. В частности, из современных работ можно отметить исследования Я.Г.Солодкина и Д.Н.Маслюженко [Маслюженко, 2010, с.5–33, Маслюженко, 2010а, с.9–21; Солодкин, 2005, с.48–53; Солодкин, 2007, с.77–84 и др.].

¹ Так, А.Е.Пресняков предположил, что не сама Иоасафовская летопись была источником для Никоновской, а ее протограф. Затем его поддержал А.А.Зимин, выявивший некоторые разночтения в статьях указанных источников. Б.М.Клосс, разобрав доводы оппонентов, счел их незначительными [Клосс, 1980, с.30–31].

Один из первых исследователей сибирского летописания Г.Ф.Миллер отмечал в качестве их источников устные предания, «которые сибирские татары получили от своих предков». По мнению исследователя, эти «предания вскоре после завоевания Сибири были записаны и вошли в состав сибирских летописей» [Миллер, 1999, с.185]. К числу этих преданий принадлежит и Тайбугидская легенда, которая, по версии Д.Н.Маслюженко, стала попыткой легитимизации своего правления в Сибири и поднятия статуса в глазах соседних тюрко-татарских ханств [Маслюженко, 2008, с.104–105; Маслюженко, 2010а, с.9–10]. В связи с этой гипотезой автором также была предпринята попытка с схожей позиции исследовать отношения Тайбугидов и Шибанидов [Парунин, 2011, с.72–77], кратко упоминаемые в Есиповской летописи [ПСРЛ, т.36, с.32, 47, 81, 108 и др.]. Несмотря на некоторые источниковедческие сложности, неясность происхождения оригинального источника, сибирское летописание уникально благодаря своей независимости от общерусского, и в связи с этим упомянутые сведения не могут быть проигнорированы, несмотря на ряд сомнений в их достоверности.

В качестве заключения нельзя не отметить еще один оригинальный летописный свод – История о Казанском царстве, или Казанский летописец. Наше внимание здесь привлёк следующий абзац, посвященный смерти казанского хана Сафа-Гирея в 1549 году: своим трем женам он «роздели имение свое равно царское и отпустит повеле во отечество свое: болшая поиди въ Сиберь, ко отцу своему Сиберскому царю; другая же в Асторохань, ко царю своему отцу; 3 же въ Крымъ, къ братей своей, княземъ Ширинскимъ» [ПСРЛ, т.19, стб.56; Трепавлов, 2009, с.370–395]. В связи с этим свидетельством В.В.Трепавлов предположил, опираясь еще на одни косвенные данные², что речь идет о потомке хана Ибака – Кучуме либо же о его отце Муртазе [Трепавлов, 2009, с.383], которые могли в то время находиться (или править) Чимги-Турой. Д.М.Исхаков, указав на известие Казанского летописца, допустил возможность присутствия Муртазы в Чимги-Туре на момент смерти Сафа-Гирея, вместе с тем подчеркнул неясность политического статуса сибирских территорий в середине XVI века. По мнению исследователя, Тайбугиды могли находиться в зависимости либо от Шибанидов, сидящих в Чимги-Туре в то время, либо подчиняться узбекским Шибанидам Бухары [Исхаков, 2010, с.46]. Откровенно говоря, подобные выводы представляются весьма сомнительными: даже если мы допустим факт существования «царей» в Чимги-Туре, из-за фрагментарности известия не совсем ясно свидетельство ли это легитимного статуса конкретных правителей-династов из дома Шибана либо это упоминание о князьях из династии Тайбугидов. Вполне возможно, что источник сведений не был в курсе происходивших событий и отметил факт государственности северо-восточных соседей казанского хана, не вникая в детали.

Прояснить некоторые спорные моменты в данном случае помогает определение идеологической позиции Казанского летописца, основным сюжетом повествования которого стали взаимоотношения Казанского ханства и Москвы в середине XVI века, приведшие в итоге к поражению первого. Д.Н.Альшиц, анализируя летопись, отмечает, что «конструкция произведения должны были подчеркнуть, что разгром и уничтожение Казанского царства являются справедливым и даже гуманным возмездием за разгром и унижение Руси, учиненные татарами в прошлом» [Альшиц, 1974, с.289]. На схожие мотивы обратила внимание Г.Н.Моисеева, отметив также, что автор Казанской истории демонизирует образ ханства, выставляя его подданных заговорщиками, поддерживающих врагов формирующегося самодержавия и лично Ивана IV [Моисеева, 1953, с.268–269]. Здесь видим своего рода социальный заказ эпохи, где формируется идеологический вектор «правильного» отношения уже царской Москвы к осколкам некогда враждебной Золотой Орды. Естественно, тенденциозность сюжета распространилась и на оставшиеся ханства, о чем свидетельствует упомянутый выше отрывок, где жены Сафа-Гирея удобно отправляются в Астраханское Крымское и Сибирское ханства, неся тем самым отпечаток враждебного настроения по отношению к бывшему даннику татар. Немаловажным представляется и время написания сочинения – 1570-е гг.³ – время ухудшившихся отношений Москвы с лидером Сибирского ханства Кучумом, начавшим нападения на вотчины Строгановых. Эти факты вполне мог использовать автор при написании летописи, од-

² Как пишет исследователь, «в русской дипломатической документации конца XVI в. встречаются упоминания о существовании неких «царей» «на государстве Сибирском» еще во времена Василия III (первая треть XVI в.) – и до взятия власти Кучумом» [Трепавлов, 2009, с.383].

³ Г.З.Кунцевичем, чья монография вышла в 1905 году, отмечено 152 списка Казанской истории [Кунцевич, 1905, с.12], некоторые из которых составлены в первой половине XVII века, либо в середине [Кунцевич, 1905, с.13–18]; большинство списков датируется XVIII-м веком [Кунцевич, 1905, с.19–43].

нако, чтобы не нарушать хронологию изложения, он лишь туманно намекнул на преемственность «супостата» Казани в лице беспокойных соседей.

Подводя некоторые итоги, стоит отметить следующие обстоятельства. Во-первых, образ Тюменского ханства в отечественном летописании представляется «внешним», т.е. отмечающим глубоко внешнеполитическую деятельность (в основном, военные походы и набеги): составители летописных списков не касались внутренней жизни периферийных политических объединений. Исключение может составлять сообщение Архангелогородского летописца о дипломатическом визите посла хана Ибака – князя Чюмгура – в Москву в 1481-м году, после разгрома большеордынского хана Ахмата, где князь великий «посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честью, а царю Иваку теш послали». Эта важная деталь позволила зафиксировать дипломатические отношения между двумя государствами, дарообмен, и социальную стратификацию в лице «князя» Чюмгура. В целом же, иные свидетельства летописей представляются стереотипными, даже несмотря на довольно подробное описание правления хана Мамука в Казани.

Во-вторых, разность известий, обуславливаемая географическим фактором и сложившейся традицией летописания в центре (Москве) и на периферии (Пермь, Вологда и др.). С этим фактором связаны прежде всего сибирские походы русских ратей в конце XV века. По мнению специалистов, источниками в данном случае могли являться представители духовенства, сопровождавшие войско и отмечавшие детали похода. Однако плюсом центрального летописания (например, Никоновский свод) являлось пристальное внимание за деятельностью Казанского ханства, в контроле за которым были заинтересованы и Шибаниды. Все это приводит к мысли о желании хана Ибака и его преемников участвовать в региональной политике, что и подтверждается иными аутентичными источниками – посольскими книгами.

В-третьих, некоторые интересные детали добавляют косвенные свидетельства (к примеру, пленение казанского хана Али), а также летописи, в основе которых лежали оригинальные известия (сибирский свод и Казанский летописец), фиксация которых могла быть связана как с тенденциозностью повествования, так и легендарным происхождением оригинальных статей.

Список источников и литературы

Альшиц, 1973 – Альшиц Д.Н. «Слово о гибели Рускыя земли» и «Казанская история» // Летописи и хроники. 1973 г. М.: Наука, 1974. С.286–292.

Вычегодско-Вымская, 1958 – Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С.257–271.

Иоасафовская летопись. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 243 с.

Исхаков Д.М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. Сборник статей. / Б.Р. Рахимзянов [отв. ред.]. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.43–47.

Клосс, 1976 – Клосс Б.М. Вологодско-Пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники 1976. М.Н.Тихомиров и летописеведение. М.: Наука, 1976. С.264–282.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М.: Наука, 1980. – 313 с.

Клосс, 1984 – Клосс Б.М. Список Царского Софийской I летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М.: Наука, 1984. С.25–37.

Книга, 1850 – Книга, глаголемая Летописец Федора Кирилловича Нормантского // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн.5. М., 1850. С.3–148.

Корецкий, 1981 – Корецкий В.И. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. В.И. Татищев и изучение русского летописания. М.: Наука, 1981. С.223–243.

Кунцевич, 1905 – Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. Опыт историко-литературного исследования. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1905. – 682 с.

Летописец, содержащий в себе Российскую историю. М., 1781. 196 с.

Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Курган: Изд-во Курган. гос.ун-та, 2008. – 168 с.

Маслюженко, 2010 – Маслюженко Д.Н. Возможности использования Сибирских летописей для реконструкции идеологии Сибирского княжества Тайбугидов // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории. Коллективная монография. Ч.5 / Под общей ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск, 2010. С.5–33.

Маслюженко, 2010а – Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. / Б.Р. Рахимзянов [отв. ред.]. Вып.2. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.9–21.

- Маслюженко, 2011 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Поход 1483 г.: летописные реалии и исторические реалии // Сибирский сборник. Вып.1. Казань: Яз, 2011. С.35–50.
- Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. Т.1. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – 630 с.
- Моисеева, 1953 – Моисеева Г.Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. IX. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. С.266–288.
- Молявина, 2007 – Молявина Е.Ю. Источниковая база исследований по истории Сибирского юрта во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Сулеймановские чтения: материалы X Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 18–19 мая 2007 г.) / А.П. Ярков [ред.]. Тюмень: СИТИ ПРЕСС, 2007. С.57–58.
- Парунин, 2010 – Парунин А.В. Дипломатические контакты Московского великого княжества и Тюменского ханства в 1480-е – начало 1490-х гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Сб. статей. Вып. 2 / Р.С. Хакимов и др. [ред.]. Казань: Изд-во «Ихлас», 2010. С.266–274.
- Парунин, 2011 – Парунин А.В. Дискуссионные моменты гибели лидера сибирских Шибанидов Ибакхана // Сулеймановские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Тюмень, 13–14 мая 2011 года) / под ред. А. П. Яркова. Тюмень: Универсальная типогр. «Альфа-Принт», 2011. С. 72–77.
- Посольская книга, 1984 – Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой 1489–1508 гг. / В.И. Буганов [отв. ред.]. М.: Институт истории СССР, 1984. – 87 с.
- ПСРЛ, т.11 – ПСРЛ. Т.11. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897. – 258 с.
- ПСРЛ, т.12 – ПСРЛ. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршей, или Никоновской летописью. СПб., 1901. – 266 с.
- ПСРЛ, т.18 – ПСРЛ. Т.18. Симеоновская летопись. М.: Знак, 2007. – 328 с.
- ПСРЛ, т.19 – ПСРЛ. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. – 303 с.
- ПСРЛ, т.24 – ПСРЛ. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921. – 275 с.
- ПСРЛ, т.25 – ПСРЛ. Т.25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. – 458 с.
- ПСРЛ, т.26 – ПСРЛ. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1959. – 416 с.
- ПСРЛ, т.36 – ПСРЛ. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. – 383 с.
- ПСРЛ, т.37 – ПСРЛ. Т.37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1982. – 235 с.
- ПСРЛ, т.39 – ПСРЛ. Т.39. Софийская Первая летопись по списку И.Н.Царского. М.: Наука, 1994. – 209 с.
- Рябинина, 2007 – Рябинина Е.А. Сибирский поход 1483 года: к проблеме взаимоотношений России с Тюменским ханством // Емельяновские чтения: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Курган, 2007. С.37–38.
- Сербина, 1985 – Сербина К.Н. Устюжское летописание XVI–XVIII вв. Л.: Наука 1985. – 137 с.
- Солодкин, 2005 – Солодкин Я.Г. «...А се написах к своему исправлению» (Синодик «Ермаковым казкам» и Есиповская летопись) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. №2 (20). С.48–53.
- Солодкин, 2007 – Солодкин Я.Г. «Краткое описание о Сибирстей земли...»: место возникновения и соотношение с новым летописцем // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. №1 (27). С.77–84.
- Тихомиров, 1979 – Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. – 387 с.
- Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (замечки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран / С.Г. Кляшторный [ред.]. М.: Восточная литература, 2009. С.370–395.
- Шахматов, 1904 – Шахматов А.А. Иоасафовская летопись // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1904, май. СПб., 1904. С.69–79.
- Шмидт, 1951 – Шмидт С.О. Продолжение хронографа редакции 1512 года // Исторический архив. Т. VII. М.-Л.: 1951. С.258–299.

А.В. Парунин

РУС ЕЛЪЯЗМАЛАРЫ ТӨМӨН ХАНЛЫГЫН ӨЙРӘНҮДӘ ЧЫГАНАК БУЛАРАК

Ачкыч сүзләр: Шәйбанитлар, елъязмалар, чыганаclar, чыганаclarны өйрәнү фәне.

Аннотация. Мәкаләдә XV гасыр азагы – XVI гасыр башында Төмән ханлыгында булган төп вакыйгалар яктыртылган чыганаclarга анализ бирелә. Төрле рус елъязмаларында теркәлгән Төмән ханлыгы турындагы мәгълүматлар чагыштырма планда анализлана: елъязмаларның язылу тарихы һәм аларның бүленеше бирелә.

A.V. Parunin

**THE RUSSIAN CHRONICLES AS A SOURCE
ON HISTORY OF THE TYUMEN KHANATE**

Keywords: Shibaniids, chronicles, sources, source study.

Annotation. This article comprises experience of the source study analysis of the main events in the history of the Tyumen khanate of the end of XV – the beginnings of the XVI centuries. In a comparative key the data containing in the Russian chronicles were considered; short classification of the annalistic arches is carried out, data on their origin are attracted.

Парунин Алексей Владимирович – кандидат исторических наук (г. Шадринск, Курганская обл.).

E-mail: therion12399@gmail.com

Парунин Алексей Владимирович – тарих фәннәре кандидаты (Шадринск шәһәре, Курган өлкәсе).

Parunin Alexey Vladimirovich – candidate of historical sciences (Shadrinsk, Kurgan Region).

«Муизз ал Ансаб»: восстановительная критика

Ключевые слова: «Муизз ал Ансаб», генеалогии джучидов, критика происхождения, источниковедческий анализ.

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о связи между разными списками «Муизз ал Ансаб». В 2006 году Шодмон Вохидов выдвинул версию о том, что парижский список «Муизз ал Ансаб» является той версией, которая наиболее близка к оригиналу. С нее, по его мнению, сделали копию, которая потом стала основой для появления двух индийских и британского списка. По нашему мнению, данное утверждение не верно. 2 индийские и британский список восходят к общему списку «Муизз ал Ансаб» времен Шахруха. Парижский список был дополнен при Абу Сеиде и Хусейне Байкаре, в то время как в других списках этих дополнений нет. Таким образом, парижский список не является источником сведений для остальных списков. Для понимания структуры «Муизз ал Ансаб» времен Шахруха требуется критическое издание текста на основе всех 4 рукописей.

В данной статье автор собирается рассмотреть недостатки восстановительной критики текста «Муизз ал Ансаб» и подвергнуть сомнению некоторые высказывания авторов перевода, выдвинув при этом свои гипотезы касательно связи разных списков «Муизз ал Ансаб».

В начале статьи хотелось бы остановиться на методологических аспектах ввода новых источников в научный оборот.

Согласно методологическим замечаниям Ш.В.Ланглуа и Ш.Сеньобоса, первой задачей историков является поиск и сбор письменных источников. Они называют этот вид деятельности эвристикой. Когда документы оказываются в распоряжении специалистов, начинается деятельность, которую Ш.-В.Ланглуа и Ш.Сеньобос называют внешней критикой источников или подготовительной их критикой. Существуют два вида внешней (подготовительной) критики: 1) восстановительная критика и 2) критика происхождения [Ланглуа, 2004, с.5].

«Документы, относящиеся к более или менее отдаленным временам, редко представляют собой оригиналы. Чаще всего в руки историков попадают копии, причем снятые не прямо с оригиналов, а с более ранних копий. При переписке в документы вкрадываются различного рода искажения. Цель восстановительной критики состоит в очищении и восстановлении текстов» [Ланглуа, 2004, с.6].

В общем, резюмируя основную мысль данной классической книги по методологии истории, стоит отметить, что ввод исторического источника в научный оборот не может быть осуществлен без сверки всех копий источника и выявления ошибок и различий в разных копиях.

«Муизз ал Ансаб» имеет четыре списка источника:

1. Список Persan 67 из фонда Национальной библиотеки Франции. Как считает Ш.Вохидов (автор перевода 2006 года), данный список был в библиотеке Хусейна Байкары или его сына, наследника Бади аз-Замана. Последний в сентябре 1514 года в сопровождении османского султана Селима I из Табриза переехал в Стамбул, где в начале 1515 года в возрасте 58 лет скончался от чумы [Муизз ал Ансаб, 2006, с.9–10].

2. Лондонский список Og. 467 из Британской библиотеки. Поступил туда в сентябре 1868 года. Датируется первой половиной XIX века [Муизз ал Ансаб, 2006, с.11].

3. Список под номером 41 из Мусульманского Университета Алигарха.

4. Список под номером 42 из Мусульманского Университета Алигарха. По мнению Ш.Андо, данный список генетически восходит к списку 41 [Муизз ал Ансаб, 2006, с.12].

Ш.Вохидов считает, что три последних списка генетически восходят к первому списку: «Бади аз-Заман, убегая от шибанидов (1500–1508), некоторое время жил в Синде, то можно предположить, что с этого списка были изготовлены другие копии, впоследствии попавшие в Индию» [Муизз ал Ансаб, 2006, с.10].

Данный свой тезис Ш.Вохидов аргументирует следующим образом: «Подытоживая вышесказанное, можно утверждать, что парижский список является наиболее оригинальным и ценным с точки зрения близости к эпохе составления, к авторскому варианту и полноты. Это подтверждают и статистические данные. Сравнение количества лиц в двух самых полных списках «Муизз ал Ансаб», показывает превосходство парижского списка над остальными» [Муизз ал Ансаб, 2006, с.12].

Для наглядности приведем таблицу:

Ветвь	Persan 67	Алигарх 42
Ветвь Джучи	576	359
Ветвь Чагатая	404	367
Ветвь Угедя	201	188
Ветвь Толюя	283	266
Всего чингизидов	1464	1180
Ветвь Умар-шейха	215	142
Ветвь Джахангира	65	47
Ветвь Миран-шаха	213 (149)	541 ¹ (49)
Ветвь Шахруха	97	78
Всего Тимуридов	590	808

Интересным является тот факт, что по количеству потомков Угедя (188) и Толюя (266) список Алигарх 42 идентичен данным сочинения Рашид ад-Дина. В то же время сведений из списка Алигарх 42 по чагатаидам (367) и джучидам (359) больше, чем у Рашид ад-Дина (159 и 273 соответственно) [Муизз ал Ансаб, 2006, с.13].

Сам автор перевода писал: «К сожалению три списка нам были не доступны (доступен был лишь Парижский список). Составление критического текста на основе всех списков Муизз ал Ансаб остается делом будущего» [Муизз ал Ансаб, 2006, с.15]. Данное замечание снижает ценность данного перевода, ведь так и не были привлечены для сверки три других списка.

Для понимания нашей позиции стоит остановиться на источниках «Муизз ал Ансаб»:

На основе предположений З.В.Тогана и Ш.Андо Ш.Вохидов считает одним из источников для «Муизз ал Ансаб» сочинение Рашид ад-Дина [Муизз ал Ансаб, 2006, с.6].

Первоначально «Муизз ал Ансаб» был составлен в 20-х годах XV века при Шахрухе, но позже были дополнения, внесенные при позднем Шахрухе, Улугбеке, Абу Сеиде, Хусейне Байкаре и его сыне Бади аз-Замане [Муизз ал Ансаб, 2006, с.7].

Графически идею Ш.Вохидова о генеалогических связях между списками можно изобразить так:

Но тут сразу возникает вопрос: почему в индийских списках информации по многим ветвям гораздо меньше, чем в парижском списке, например, сведения о джучидах из списка Алигарх 42 составляет всего 62% списка джучидов из Парижского списка.

Конечно, можно предположить, что при переписи текста были отброшены некоторые джучиды, так как тимуридских историков не интересовали данные линии. Нам кажется, что дело заключается в другом.

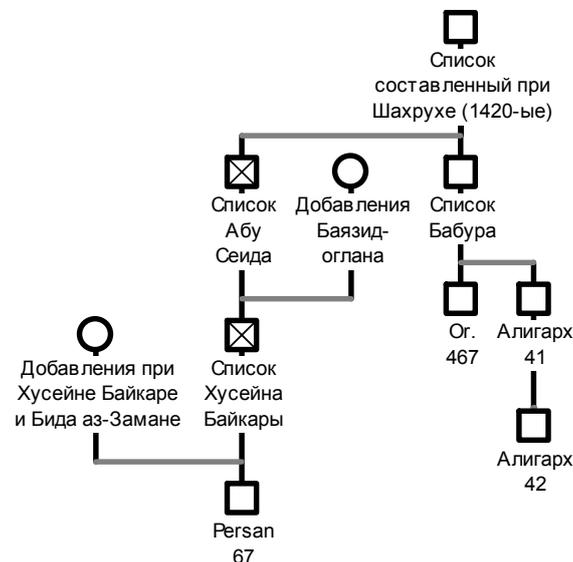
По нашему мнению, в эпоху Шахруха была создана генеалогическая схема тимуридов и чингизидов, которая была скопирована разными историками и попала в копии разным тимуридам, сыновьям и родственникам Шахруха. Одна из них попала предкам Бабура. Другая была у Улугбека. После смерти Улугбека Абу Сеид внес некоторые новые данные в таблицу, но это абсолютно не

¹ Вместе с потомками Бабура.

коснулось других списков «Муизз ал Ансаб», которые могли находиться у других тимуридов. Позже список Абу Сеида попал в руки Хусейна Байкары, которым он был также дополнен.

Например, по джучидам, скорее всего, данные были внесены при Абу Сеиде или Хусейне Байкаре. По нашему мнению, источником попадания генеалогий Тука-Тимуридов в парижский список «Муизз ал Ансаб» мог быть Султан-Баязид, сын Джамал ад-Дина, сына Таш-Тимур-хана, из потомства Тулек-Тимура, служивший тимуридам Абу Бекру, Султан-Ахмаду, сыну Абу Бекра, а также Хусейну Байкаре [Сабитов, 2011, с.131–132]. Скорее всего, он является тем последним человеком, который внес коррективы в генеалогии джучидов. Скорее всего, он был источником информации по потомкам Тулек-Тимура и Минкасара, сына Абая, сына Кай-Тимура, сына Тука-Тимура [Сабитов, 2010, с.243].

В то же время в другие списки «Муизз ал Ансаб», которые были еще написаны при Шахрухе, эти данные не попали, так как у их владельцев либо не было физической возможности для контакта с Баязидом и для ознакомления с его данными, либо не было желания возиться с генеалогиями джучидов. Косвенно данную точку зрения поддерживает тот факт, что количество потомков Толуя и Угедея у Рашид ад-Дина и в списке Алигарх 42 совпадает полностью. Видимо, в первоначальном списке «Муизз ал Ансаб» времен Шахруха были взяты данные по потомкам Угедея и Толуя либо из самого Рашид ад-Дина, либо из его первоначального источника. Позже в Парижский список были добавлены 13 потомков Угедея, и 17 потомков Толуя из других источников. В то время как в других списках таких добавлений не было произведено. Также можно предположить, что в первоначальном варианте «Муизз ал Ансаб» (20-ые годы XV века) по сравнению с Рашид ад-Дином были внесены данные по 86 джучидам и 208 чагатаидам. После Шахруха списки начали отличаться, так как прообраз парижского списка, по всей вероятности, был дополнен данными по 217 джучидам, 37 чагатаидам, 13 угедеидам и 17 толуидам. В целом, можно отметить, что данная гипотеза может быть проверена только после издания критического текста «Муизз ал Ансаб» на основе всех четырех списков сочинения (плюс возможное привлечение «альбома Байсункара» для критики происхождения). Таким образом, наша гипотеза о связи списков «Муизз ал Ансаб» графически выглядит так:

Безусловно, без издания критического текста «Муизз ал Ансаб» на основе четырех списков, данные по генеалогиям джучидов из Парижского списка «Муизз ал Ансаб» будут не полны и не точны.

Подводя итоги, хотелось бы заметить, что отличие в численности чингизидов и тимуридов в индийских и парижском списках «Муизз ал Ансаб» вызвано не плохой работой переписчиков, которые неполно отобразили информацию из Парижского списка в индийские списки (гипотеза Ш.Вохидова). Различие в количестве чингизидов и тимуридов вызвано тем фактом, что созданный в эпоху Шахруха труд был размножен в списках и каждый список имел свою отдельную судьбу. Парижский список получил дополнения при Абу Сеиде и Хусейне Байкаре, а также при Бади аз Замане. В то время как другой список не получил таких дополнений и впоследствии попал в Индию, где стал генетическим предком для рукописей Британского музея и Университета Алигарха.

Гипотеза о том, что индийские и британский список генетически восходят к Парижскому списку, не объясняет факт различий в численности чингизидов и тимуридов в разных списках.

Список источников и литературы

Ланглуа, 2004 – Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. М., 2004. – 305 с.

Муизз ал Ансаб – Муизз ал Ансаб. История Казахстана в персидских источниках. Т.3. Алматы. 2006. – 672 с.

Сабитов, 2010 – Сабитов Ж.М. Рецензия на новый перевод Муизз ал-Ансаб // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. Вып. 3. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2010. С.236–244.

Сабитов, 2011 – Сабитов Ж.М. Аргуны во владениях Тимуридов в 1450–1550-е гг. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань: Издательство Ихлас, 2011. С.128–133.

Ж.М. Сабитов

«МОГЫЙЗЗЕЛ-ЭНСАБ»: ТЫШКЫ ТӘНКҮЙТ

Ачкыч сүзләр: «Могыйззел-энсаб», Ючылыларның нәсел чылбырлары, чыганаclarны анализлау.

Аннотация. Бу мәкаләдә «Могыйззел-энсаб» исемле генеалогик хезмәтнең төрле күчәрмәләре арасындагы элементә ачыклана. 2006 елда Шадман Вахидов «Могыйззел-энсаб»ның Парижда саклана торган күчәрмәсе бу чыганаclarның төп нөсхәсенә иң якын булган текст дигән фараз әйтә. Аның фикеренчә, чыганаclarның бу копиясе сонрак Һиндстандагы ике һәм Британиядәге бер күчәрмәнең нигезен тәшкит иткән. Автор исә болай дип раслау дәрәс түгел, дигән нәтижәгә килә. Һиндстан һәм Британиядәге күчәрмәләр Шаһрох заманындагы «Могыйззел-энсаб»ның уртак бер күчәрмәсенә барып тоташа. Париж күчәрмәсенә Әбү Сәгыйдь һәм Хөсәен Байкара заманында өстәмәләр кертелә. Башка күчәрмәләрдә исә алар юк. Автор фикеренчә, Париж күчәрмәсе башка күчәрмәләр өчен мәгълүмат чыганаclar булмаган. «Могыйззел-энсаб» күчәрмәсенә Шаһрох заманындагы структурасын аныклау өчен барлык дүрт күчәрмә нигезендә чыганаclarның тәнкыйди басмасын хәзерләп чыгару сорала.

Zh.M. Sabitov

«MU'IZZ AL ANSAB»: RECONSTRUCTIVE CRITICISM

Keywords: «Mu'izz al Ansab», genealogy of dzhuchid, criticism of an origin, source study analysis.

Annotation. This article examines the question of the relationship between the different lists «Mu'izz al Ansab». In 2006 Shodmon Vohidov advanced version of what Parisian list «Mu'izz al Ansab» is the version that is closest to the original. From there he made a copy of the opinion, which later became the basis for the emergence of two Indian and British list. In our opinion, this statement is not true. 2 Indian and British list back to the main list «Mu'izz al Ansab» time Shahrukh. Paris has been added to the list of Abu Seid Hussein and Baikara, while in the other lists these supplements do not. Thus, the Paris list is not a source of information for the other lists. To understand the structure «Mu'izz al Ansab» time Shahrukh requires a critical edition of the text based on all four manuscripts.

Сабитов Жаксылык Муратович – доцент, PhD, Евразийский Национальный университет (Казахстан, Астана).

E-mail: babasan@yandex.ru

Сабитов Жаксылык Морат улы – Евразия милли университетының доценты, PhD (Казахстан, Астана).

Sabitov Zhaksylyk Muratovich – the associate professor, PhD, the Eurasian national university (Kazakhstan, Astana).

Историческое изыскание Свяжского городища

Ключевые слова: Круглая гора, разрядные книги, писцовые книги, Свяжский Троице-Сергиевский монастырь, генеральный геометрический план города Свяжска и его уезда, Кривое озерко долгое, Светлый ручей, подполковник Свечин.

Аннотация. В исторической науке по письменным источникам (летописям, разрядным и писцовым книгам) известен ойконим – Свяжское городище. Это городище отнесено к разряду археологических памятников притом, что местоположение его остается не выясненным. Существуют три версии его местонахождения: на месте острова-града Свяжск, с северной и с юго-западной от него стороны.

На основе скрупулезного комплексного рассмотрения писцовых книг, картографии и описания Свяжского уезда XVIII века (новый источник) автор выдвигает новую гипотезу местоположения Свяжского городища - в южной части плосковершинной горы, с южной стороны от бывшей деревни Куземкино.

Традиционно пристальное внимание исследователей отечественной археологии привлекали укрепленные археологические памятники – городища. На территории Татарстана их выявлено около полутора сотен. Некоторые городища – Булгарское, Билярское, Джукетауское, Кашанское, «Казанский кремль» – получили свои наименования от будущих городов, *на* или *рядом* с которыми те впоследствии образовались. Особенное место среди таких «городских» городищ занимает Свяжское городище. Его уникальность уже в том, что еще при Екатерине II жители Свяжска, уже тогда чувствуя тупиковость развития своего города, ходатайствовали о своем расселении на это городище. А загадочность – в неопределенности его местоположения. Происходит она во многом от того, что городище это известно лишь по письменным источникам – летописям, разрядным и писцовым книгам.

Настоящее аналитическое исследование проведено с целью максимальной, по возможности, локализации этого городища, позволяющей перейти к непосредственным полевым исследованиям.

Неопределенность местоположения Свяжского городища подпитана тем, что авторитетные исследователи местной истории, начиная с XIX века, высказывали разные точки зрения на данный предмет. А их две.

Первая – что городище это было на Круглой горе, где впоследствии поставлен Свяжск. Этой версии придерживались практически все крупные российские историки, начиная с Н.М.Карамзина. Вторая – что городище было с северной стороны Свяжска. Эту версию, базируясь на имевшейся в его распоряжении некоей рукописной карте XVIII столетия, выдвинул С.М.Шпилевский в своем фундаментальном труде [Шпилевский, 1877, с.489]. Современная историческая наука придерживается первой версии. Но, находясь под влиянием авторитета С.М.Шпилевского и не имея, надо полагать, иных веских аргументов по итогам проводимых в 1950 году раскопок в Свяжске и его окрестностях, – она называет данное место городища предположительным [Археологическая, 1985, с.14; Фахрутдинов, 1975, с.60, 167].

В качестве подверсии можно упомянуть так называемую Свяжскую стоянку, обнаруженную в 1950 году Казанской археологической экспедицией в 1750 м к юго-западу от Свяжска [Калинин, Халиков, 1954, с.60, 167; Археологическая, 1985, с.14]. Однако место ее приходится на низкие отметки поймы, где постановка городища – рядом с высокой Круглой горой – лишена смысла.

Для прояснения вопроса рассмотрим использованные предыдущими исследователями письменные источники и привлечем новые.

Русские летописи.

Никоновская, Львовская и другие летописи, повествующие о происхождении Свяжска, базируются на тексте Летописца начала царства: «Царь Шигалеи и князи Казанские великому князю место сказали, и благоверный царь на место приехал и божиим благоволением место полюбил, где быти граду и церквам святым стояти, **Круглую гору**» (Здесь и далее выделено мной. – С.С.). Это было в феврале 1550 года. И далее: «И умыслил государь город поставити **на Свяге на устье, на Круглой горе**, промеж Щучия озера и Свяги реки...» [ПСРЛ, т.29, с.58–60].

Царственная книга и другие летописи добавляют к этому: «И пришел царь и великий князь на Свягу и взехал на **Круглую гору**, и с ним мало от вой его, яко 30, и разсмотри величество горы тоя; и Бог...вложи в сердце его свет богоразумия по благодати Божии, **на той бы ему горе** поставити град Казанскаго для дела» [ПСРЛ, т.13, с.461].

Итак, летописи, а также «Книга степенная царского родословия» [ПСРЛ, т.21, с.641] говорят о планах постановки Свяжска **на Круглой горе**. Они нигде не упоминают Свяжское городище.

Эпическое сказание «Казанский летописец».

Оно с некоторыми изменениями в целом повторяет летописные сведения. Но при этом добавляет **существенную** для нашей темы информацию:

– что место на горе еще в 1546 году было а) безлюдное и б) непосещаемое («Черемисы, живуща неподалече от Свяжска града рекоша: «до поставления града за 5 лет, царю нашему того лета умершу [Сафа-Гирей. – С.С.], и **месту тому пусту суцу**... слышахом ту часто по Руски звонящее церковны звон;... **и послахом** [т.е. на разведку. – С.С.] неких юнош лехких, многожды, доскочиши до места того и видети, что есть бывающее» (ПСРЛ, т.19, с.64);

– что здешние чувашы, они же – «горная Черемиса», **жили далеко** отсюда: за лугом на засулицкой горе («**вдале же от луг, в гору, села Казанския стояху, в них же горная Черемиса живет**» [ПСРЛ, т.19, с.60]);

– что гора эта **давно заросла лесом** («и узре ту...гору высоко и место строино ... и подобно к поставлению града. Бе бо место, **и лес велик по нему же**» [ПСРЛ, т.19, с.60]). И потом: «овому же воиску, пешцем, повелеша (царь Шигалей и воеводы. – С.С.) на горе тои **сеши лес и место чисти-ти** на поставление града» [ПСРЛ, т.19, с.62].

Как видим, «Казанский летописец» также не упоминает о существовавшем когда-нибудь тут городище.

Разрядные книги.

В них-то впервые и появляется ойконим – Свяжское городище. Надо полагать, что именно разрядные книги стали причиной появления версии о местоположении Свяжского городища на Круглой горе. Причиной косвенной, поскольку впрямую они об этом не говорят. Рассмотрим их чуть подробнее.

События основания Свяжска переданы в двух текстах, соответствующих двум разновидностям огромного многообразия разрядных книг. Это – так называемые «разрядные книги с древнейшими записями» (ДРК) и «Государевы разряды» (ГР).

ДРК – более древние по происхождению и более подробные по содержанию. Установлено [Буганов, 1962, с.129, 149], что они содержат в своем составе летописную компиляцию, сокращенные выписки из летописей. Составлялись они по свежим следам событий, но были тексты их впоследствии подвергались переделкам.

ГР – официальный канонический документ власти с неизменным «государевым» текстом [Буганов, 1962, с.130, 141, 170]. Был результатом обработки ДРК и осмысления событий. Отличается большой краткостью, деловитостью, сухостью. Составители ГР производили тщательную работу по отбору сведений из ДРК и подлинных разрядных документов и, кроме того, приносили новые сведения и исправляли ошибки источников. Первый ГР [1556 г.] предположительно составлен при участии или под влиянием А.Ф.Адашева.

Что же говорят оба текста разрядных книг об основании Свяжска?

ДРК: «А города ставить на Свяге и вперед в городе быти отпустил государь воевод своих... И приказал им государь царь и великий князь город поставить **на Свяжском устье на Круглой Горе**, за двадцать верст от Казани» [Разрядная, 1977, с.399].

РК: «Того же 59 г. лета црь и великий князь приговорил поставити город **на Свяжском городище**, и посылал х Казани в судех Шигалея цря, а с ним бояр своих и воевод; и город тогды поставили» [Древнейшая, 1901, с.149].

Отчетливо видно, что результатом редакторской работы над РК стала замена слов «на Круглой горе» словами «на Свяжском городище». Почему? Возможны две версии:

а) составитель ГР посчитал, что слова «на Свяжском городище» более информативны, чем слова «на Круглой горе», считая, однако, и те и другие объясняющими одно и то же место. То есть – что Свяжское городище было на Круглой горе;

б) составитель ГР принципиально заменил слова «на Круглой горе» словами «на Свяжском городище», имея в виду, что это разные места. Такое мог сделать лишь абсолютно уверенный в своей правоте составитель, причем составитель, знавший, что он посягает на древний летописный сюжет с участием грозного царя. Алексей Федорович Адашев приятель государя и сын его приближенного, одного из двух первых Свяжских окольничих, – вполне подходит на эту роль.

Тогда получается, что для места будущего Свяжска царь Шигалей и казанские князья предлагали **не Круглую гору**, «заросшую – по словам автора «Казанского летописца» – великим лесом» и который надо не просто вырубать, но еще и выкорчевывать, а **Свяжское городище**.

Так, где же оно было?

Выясняется, что ответ на этот вопрос дает совместное рассмотрение писцовых книг, картографии и описание Свяжского уезда XVIII века.

Писцовые книги.

В различных писцовых книгах Свяжского уезда 1565–1567 гг. (а это – поместные, межевые, монастырские книги) неоднократно используется топоним Городище. По смыслу текстов речь там идет о двух или трех городищах. О третьем городище, я употребляю союз *или* поскольку в нескольких местах говорится не о каком-то конкретном городище, а только о находящихся между неким городищем и Свягой лугах. Но это никак не помогает в выяснении его местоположения.

Из двух же описываемых городищ одно находится далеко от Свяжска. В поместных писцовых книгах находим: «а поперег от клеревского большого лесу мимо городища до речки до шахяна на 6 верст...» [Книги, 1909в, с.109–110]¹. Это место приурочиваем к окрестностям села Клянчеево Камско-Устьинского района – между Кляревским лесом и речкой Большой Шак-Ян. В 1949 году в 2 км к югу от села были обнаружены фрагменты болгарской керамики, но само городище [не следует путать с Большекляринским городищем] до сих пор не найдено.

И, наконец, другое, интересующее нас сейчас городище располагалось непосредственно в окрестностях Свяжска. Другие писцовые книги – Межевые – сообщают, что не только луга, но и пастбища города Свяжска были рядом с землями некоего сельца Городище: «на праве земля и луги и болото и лес **Троицкаго Сергиева монастыря сельца Городища** по обе стороны дороги по первой враг по реку по Свягу а на леве земля и луги животинные выпуски и стрелецкие луги городские Свяжскаго города» [Книги, 1909б, с.130]. Конечно, речь здесь идет о городище не как об археологическом памятнике, а лишь как о сельце с таким названием. Однако название этого сельца совершенно недвусмысленно.

Итак, становится известно, что сельцо Городище было собственностью Свяжского Троице-Сергиевого монастыря, земли которого прилегали к городским землям Свяжска. Где же были земли этого монастыря?

Перебросим наше внимание на самую раннюю из достоверных карт этого района. Это – «Генеральный Геометрический план города Свяжска и его Уезда состоящему в Казанской губернии сочинен в Казанской Межевой Канторе в 1798 году» (илл. 1)*. Геометрические карты и планы составлялись в процессе проведения всей Российской империи генерального размежевания. Помимо ценной информации о топографии местности эти карты показывали границы земельно-имущественных комплексов, названия которых в нашем случае, к сожалению, не обозначены (илл. 2). Поэтому, например, многие выделенные на названном плане частные луга на свяжских «гривах» остаются неизвестными по принадлежности. Зато границы земель Свяжска, Петропавловской и Введенской слобод, Инвалидной команды, Медведкова и прочих населенных пунктов не вызывают сомнений.

Но как определить земли двух крупнейших здесь землевладельцев в XVI веке – Успенско-Богородицкого и Троице-Сергиевого монастырей?

Исчезнувшее со временем сельцо Городище было своего рода центральной усадьбой Троице-Сергиевого монастыря. Но может быть, какие-то другие, кроме него, поселения либо урочища сохранили свои названия? На помощь приходит третья писцовая книга. Это – Книга монастырских земель Свяжских монастырей. При описании земли Троице-Сергиевого монастыря она сообщает: «**Сельцо Городище** на Кривом озерку на долгом близко реки Свяги... Тогож сельца починки новые а поставлены **на Городищенской земле** с починком Притыкин а в нем крестьян Иванко Михайлов Куземко Степанов Ромашко Кондратов... Починок Новои пуст у Кривого озера а в нем...» [Книги, 1909а, с.121–122]. Оба починка – Притыкин и Новои – отсутствуют на древнейших картах. Но привлекает внимание имя одного из жителей починка Притыкина – Куземко. Ситуацию проясняет Г.И.Перетяткович. Им установлено, что починок Притыкин в конце XVI века стал деревней Куземкиной, а в XVII веке (опись 1652 г.) ее называли деревней Кузьминой, что был починок Притыкин на болоте [Перетяткович, 1882, с.8, 59 прим. 2].

¹ Под таким названием опубликован первый «Государев разряд» 1556 года, продолженный в одном из списков до 1565 года.

* См. илл. 1–8 к статье на цветной вклейке.

Но местоположение деревни Куземкиной, ликвидированной в 1956 году, нам хорошо известно по картам еще с XVIII века (илл. 3). Она располагалась по обеим сторонам дороги в Свяжск, на переправе через безымянный ручей. Следы этой переправы видны и сегодня – с южной стороны моста через протоку на подъезде к Свяжску. А раз так, то на Геометрической карте земли Троице-Сергиевого монастыря мы можем увидеть.

Но где на этих землях могло быть сельцо Городище?

Книги монастырских земель описывают его на «Кривом озерку на долгом близко реки Свяги» (илл. 4). Озерко с таким названием есть с северной стороны Свяжска. Вероятно, надписано оно и на карте XVIII века, бывшей в распоряжении Шпилевского. Это-то озерко и увело маститого историка, как он пишет, «на север от города, ближе к Волге». А вот Генеральный Геометрический план показывает в окрестностях Свяжска еще одно Кривое озерко, причем долгое по своему начертанию (илл. 5). А это озерко находится в 600 м на юг от бывшей деревни Куземкиной, то есть – с противоположной, юго-западной стороны от Свяжска.

Перетяткович полагал, что «при впадении Свяги в Волгу все пространство, за исключением Круглой горы, на которой стоит Свяжск, весной на огромное пространство заливается водою. Вероятно, так же считали и считают все исследователи края» [Перетяткович, 1877, с.237]. Это, однако, не так (илл. 6). Самое примечательное здесь то, что Кривое озерко течет в Свягу у подножья плосковершинной горы, с южной от деревни Куземкиной стороны. И эта гора при Кривом озере, как выясняется, даже несколько выше свяжской Круглой горы. На военной карте 1946 года ее пиковая отметка равна 86 м, тогда как у Свяжска – 78 м.

Эту-то гору и следует считать Городищенской (илл. 7).

Окончательно утвердиться в данной версии помогает «Описание...» сенатского подполковника Свечина, сделанное им во время командировки в Казанскую и соседние губернии в 1763–1764 гг.: «По разстаяни снегу и по вскрытии реки Волги от разлития вод около онаго города все [,] не только низкие луговые места [,] но и леса потопляет [, –] которое продолжается до половины июня [,] а иногда и до конца сего месяца [,] В сие время [–] вид моря [,] а гора [,] на которой сей город [–] островом представляется [,] находившия же под горои дома потопляет [,] от чего хотя не изовсех [,] но из многих скот и лошадей отсылают в безопасные места поблизости [–] вдругие жителствы [,] а сами обыватели живут на потолках и на вымостках [,] кои для сего случая нарочно делают [,]... Распространить же оное поселение по малости сей горы или острова никак не возможно [,] Я [,] любопытствуя з жителями [,] осем доволно говорил и вслучае необходимости о селени намерение их узнал [–] что находившагося выше изясненнаго Троицкого Свяжского монастыря [–] ныне Экономического правления [–] поблизости онаго города не больше двух верст (видно, что жители по старинке использовали все еще 1000-саженную версту, равную 2,16 км – С.С.) вверх по Свяге и Волге находится другой [,] **но гораздо более сего города высокое место или остров[,] называемое Старое Городище** [,] чтоб от великой тесноты [,] а потому и опасности [,] распространяя оной [,] на том селится позволено было [.]» [РГАДА, ф.248, оп.41, д.3419] (илл. 8).

Остается определить в какой части горы находилось сельцо Городище. В распоряжении Перетятковича были, вероятно, и другие писцовые книги, записи в которых нам полезны: «против сельца Городища за рекою за Свягою на **Светлом ручью** мельница Большое колесо ... да остров за **Светлым ручьем** в одну версту длины и полверсты поперек»; «к этой монастырской мельнице по обе стороны **светлого ручья** лугов...». Примечательно, что в то время это была единственная мельница во всех вотчинах Троицкого Свяжского монастыря. Светлый ручей обозначен на Генеральном Геометрическом плане как **Светлое озерко**. Оно расположено рядом с Кривым озерком и своим вектором направлено в сторону выступающего южного мыса этой «Городищенской» горы.

На этом-то мысу, контролирующем течение реки Свяги, по нашей версии и располагалось сельцо Городище, а еще ранее – поселение какой-то из археологических культур.

Ответ на вопрос: *какой?* – за пределами данного исследования.

Список источников и литературы

- Археологическая, 1985 – Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985.
Буганов, 1962 – Б у г а н о в В.И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. М., 1962.
Древнейшая, 1901 – Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
Калинин, Халиков – К а л и н и н Н.Ф., Х а л и к о в А.Х. Итоги археологических работ за 1945–1952 гг. // КФАН. Серия исторических наук. Казань, 1954.

Книги, 1909а – Книги монастырских земель Свяжских монастырей // Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань, 1909.

Книги, 1909б – Книги Свяжского уезда межевые письма и дозору (разъезду) ...лета 7073-го (1565) и 74-го году (1566) // Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань, 1909.

Книги, 1909в – Книги Свяжского уезда поместные письма и меры... лета 7073-го (1565) и лета 74-го (1566) в Свяжском уезде Государева Царя и великаго Князя села и пустоши, которые по Семенову писму Нарминскаго были дворовые лета 7071-го (1563) году // Список с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 г.). Казань, 1909.

Переглятович, 1877 – П е р е т я т к о в и ч Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877.

Переглятович, 1882 – П е р е т я т к о в и ч Г. Поволжье в XVII и начале XVIII века. (Очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.

ПСРЛ, т.13 – ПСРЛ. Т.13. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906.

ПСРЛ, т.19 – ПСРЛ. Т.19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903.

ПСРЛ, т.21 – ПСРЛ, Т.21 (вторая половина): Книга степенная царского родословия. Ч.2. СПб., 1913.

ПСРЛ, т.29 – ПСРЛ. Т.29: Летописец начала царства царя и великаго князя Ивана Васильевича. М., 1965.

Разрядная, 1977 – Разрядная книга 1475–1605 гг. Т.1. Ч.П. М., 1977.

РГАДА. Ф.248. Оп.41. Д.3419.

Фахрутдинов, 1975 – Ф а х р у т д и н о в Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии. Казань, 1975.

Шпилевский, 1877 – Ш п и л е в с к и й С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.

С.П. Саначин

ЗӨЯ ШӘҺӘРЧЕГЕ ТУРЫНДА ТАРИХИ ЭЗЛӘНУ

Ачкыч сүзләр: Түгәрәк тау, разряд кенәгәләре, жан исәбен алу кенәгәләре, Зөя Троице-Сергий монастыре, Зөя шәһәренең һәм өязенең генераль геометрик планы, Ерак Кыек күл, Якты чишмә, подполковник Свечин.

Аннотация. Тарих фәне язма чыганаclarында (ельязмаларда, разряд кенәгәләрендә, жан исәбен алу кенәгәләрендә) Зөя шәһәрчеге ойконимы билгеле. Бу шәһәрчек археологик истәлекләр исемлегенә кертелгән, ләкин аның урашкан урыны элегәчә билгеле түгел. Аның урыны хакында өч төрле фараз яшәп килә: хәзерге утрау-шәһәр Зөя урынында, яки аннан төньякта, яки көньяк-көнбатышта.

Жан исәбен алу кенәгәләрен, картагорафик материалларны һәм яңа чыганак – XVIII гасыр Зөя өязе тасвирламасындагы мәгълүматларны жентекләп өйрәнәп, автор Зөя шәһәрчеге урыны тигез башлы тауның көньяк өлешендә, элекке Куземкино авылыннан көньяктарак урнашкан булырга тиеш дигән фаразны дәлилди.

S.P. Sanachin

HISTORICAL RESEARCH OF THE SVIYAZHISKY ANCIENT SETTLEMENT

Keywords: Round mountain, digit books, pistsovy books, Sviyazhsky Trinity-Sergius monastery, General Geometrical city map of Sviyazhsk and its District, Curve ozerko long, Light stream, lieutenant colonel Svechin.

Annotation. In historical science on written sources (to chronicles, digit and pistsovy books) it is known for the oykony – the Sviyazhsky ancient settlement. This ancient settlement is carried to the category of archaeological monuments besides that its location remains not found out.

There are three versions of its location: on a place of the island hail of Sviyazhsk, with northern and from the southwest party from it.

On the basis of scrupulous joint consideration of pistsovy books, cartography and the description of the Sviyazhsky district of the XVIII century (a new source) the author makes a new hypothesis of location of the Sviyazhsky ancient settlement - in the southern part of the flat-topped mountain, from South side from Kuzemkina's former village.

Саначин Сергей Павлович – архитектор-градостроитель (г.Казань).

E-mail: sanachin.sp@gmail.com

Саначин Сергей Павел улы – шәһәр төзүче архитектор (Казан шәһәре).

Sanachin Sergey Pavlovich – architect-town-planner (Kazan).

Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни

Ключевые слова: Казанское ханство, казанская крепость, взятие Казани в 1552 г., ворота крепости и посада, тарасы, туры.

Аннотация. На основе нового прочтения и сопоставления летописей, мемуаров А.Курбского, писцовых книг Казани 1565–1568 гг., планов города XVIII в. автор делает вывод о том, что в 1552 г. казанцы защищали собственно крепостные стены и к этому времени защитниками были уничтожены посадские стены. В статье также представлена авторская реконструкция расположения и локализация башен казанской крепости.

Изучение топографии и фортификации Казани в момент падения Казанского юрта имеет давнюю историю. Первая из дошедших реконструкций появилась уже четверть тысячелетия назад. Одни из них имели только графический вид, другие сопровождались многостраничными разъяснениями. Иногда гипотезы вызывали горячие споры, вплоть до скандалов между сторонниками противоположных взглядов. И что здесь примечательно: все авторы пользовались практически одним и тем же весьма ограниченным массивом источников. Но, по-разному прочитывая их, приходили к различающимся итогам.

Не останавливаясь далее на анализе всех известных реконструкций – вид и содержание наиболее привлекавших внимание показали в своих статьях Ф.Ш.Хузина в «Гасырлар авазы» (май 1995) и А.Г.Ситдикова в сборнике статей «Казанское ханство: актуальные проблемы изучения» (Казань, 2002) – отмечу только, что чуть ли не единственным предметом внимания всех реконструкторов были трассировка стен укреплений Казани и положение в этих стенах ворот и башен. В чем же состояли принципиальные отличия этих реконструкций?

На ранних этапах реконструкций территория укреплений Казани представлялась очень значительной (**илл.1**). Трасса стен совпадала с трассой укреплений города в XVII веке, переходя на левую сторону Булака, а протяженность стен превышала 5,8 км. Но были и жесткие противники мнения о переходе стен за Булак.

В советское время утвердилась точка зрения об укреплении Казани, как считалось – крепости и посада, только с правой стороны Булака (**илл.2**). По этой версии укрепленная территория значительно сократилась, а протяженность стен составила порядка 5,1 км.

Тогда же появилась гипотеза об исключении из укрепленной части Казани Черноозерной впадины и района восточнее ее, а также о сдвиге южной границы с Рыбноярской долины до ул. Лобачевского (**илл.3**). Но и при таком сильном с востока на запад сужении укрепленной территории Казани сторонники этой гипотезы сосредоточивают главный фронт ее штурма 02.10.1553 года (стену с конкретными летописными воротами) вдалеке от ханской цитадели Царева двора – по линии ул. Лобачевского.

Версии о нераспространении посада Казани в первой половине XVI века восточнее Воскресенского увала придерживаюсь и я. На основании обнаруженного источника, в котором совершенно конкретно указана протяженность укрепления Казани в 1530 году в 3 версты и 350 сажен (ок. 3,95 км), а также трех точек, в которых археологически выявлены остатки этих укреплений, мною на Первых кремлевских чтениях (2008) представлен предполагаемый их контур [Саначин, 2010, с.147–160]. Но вот существовали ли эти укрепления во время осады и взятия Казани на рубеже 1552–53 годов? Полагаю, что нет.

Представляется, что доступный на сегодня массив источников¹ позволяет утверждать, что во всех описаниях последней осады и взятия Казани, составленных при жизни участников этого события, говорится о штурме **только укреплений городской крепости**.

Сомнение в наличии в этот момент каких-то еще укреплений порождает все те же, всеми используемые источники. Вот некоторые из вопросов:

¹ В данной работе не ставилась задача анализа всех источников по данной теме.

1) Как это ни странно, местные исследователи, на мой взгляд, преувеличивают военные способности нападавших и преуменьшают способности защищающихся. Например. Из ЦК известно, что наряд, башни и тарасы рубленные привезли с собой [ЦК, с.498], а «туры плести» [Повесть, с.17] начали 22 августа 1552 г. на месте. И за 1 ночь (с 25 на 26 августа) их поставили по Булаку, «*против пятницы в ночи...без бою здорово*» [ЦК, с.501]. Возможно ли такое сделать на протяжении почти 2 км (от Казанки до линии нынешних ул. Астрономической-Лобачевского), к тому же без боя (**илл.2**)? Думается, что нет.

2) То же самое по фронту Большого полка. Здесь была сделана большая крепость из больших туров – и также за 1 ночь: с 26 [там же, с.501] на 27 августа (27 числа государь уже послал М.Я.Морозова ставить здесь наряд [там же, с.503]). Возможно ли такое сделать по сильно пересеченной местности на протяжении более 1 км (от Булака до нынешней пл. Свободы) или по другим версиям – 750 м (от Булака до Черного озера)?

3) Поразительным выглядит одинаковое именование ворот крепости и ворот посада: (и там, и там: Царевы, Арские, Нагайские, Збойливые), хотя о таком дубляже не говорит ни один источник (**илл.1**). Наличие же одноименных Спасских ворот каменной крепости и деревянного острога впоследствии – что и сбивало исследователей, в частности, фундаментального Заринского [Заринский, 1884, с.74], объясняется фиксацией обоих концов главной улицы посада – Большой Спасской.

4) Чтобы как-то обосновать такой дубляж, выдвинута совершенно надуманная идея строительства самой первой в Казани церкви Нерукотворенного Спаса на месте, где стоял Иван Грозный: перед Царевыми воротами **посада** (!?) у современного памятника Бутлерову (из-за чего впоследствии ворота якобы были переименованы в Спасские), и затем переноса этой церкви в совершенно иное и отдаленное место, к существующим и сегодня Спасским воротам Кремля.

5) Если замкнут был не только посад, но и крепость, то какой смысл делать тяжелейшие подкопы для 2-х решающих проломов в отдаленной части посада и ставить уникальную «великую башню выше града» в районе пл. Свободы (или УНИКСа, или Ленинского сада)? Ну, проломили, ворвались, ведя тяжеленные бои, дошли до крепостных стен, что дальше? Как их преодолевать? Опять подкапывать и взрывать? Но об этом, об осаде второго рубежа, нигде в источниках нет и речи.

6) Удаленный разброс мест взрывов, решивших исход войны, в предыдущих реконструкциях (один – у Ленинского сада, другой – у пл. Тысячелетия, иногда называется и место Богоявленской церкви, надо полагать, из-за ее бытового названия в прошлом – церковь «У Проломных ворот») представляется абсолютно неразумным в военном отношении.

7) Почему государь, согласно ЦК, отзывал воеводу Воротынского с башни и стены, которую он и Плещеев-Басманов заняли 30 сентября, всего-то за два дня до конца войны? Ответа нет, если считать, что Воротынский занял отдаленную от цитадели башню посадских стен (у Ленинского сада): занял, так держись! При предлагаемой сейчас реконструкции ответ есть. Об этом чуть далее.

8) Бои за Казань начались с первого дня прихода армии Ивана Грозного (23.08) и велись непрерывно около 40 дней, причем часто с атаками со стороны защитников Казани. К штурму «*всем государь приказал готовится х третьему часу дни воскресения*», то есть – к 9 часам утра ² 2 октября 1553 года, и «*велел приступати, как...взорвет подкоп*» [ЦК, с.510]. Однако взрывы в подкопах произведены раньше: на восходе солнца [там же, с.511] (то есть в 6 утра. «*И тако великим звуком приступиша в первый час дни*» [Отрывок РЛ, с.312], то есть в 7 утра. «*Град же убо взял царь государь... в 5 час дни*» [Повесть, с.24].

Таким образом, бои **от начала штурма** длились всего 10 часов (10 часов называет и «История о Казанском царстве» [КИот, стлб.161]). При этом Курбский уточняет, что на захват стен со всех сторон и сечу в крепости **до Тезицкого рва** ушло «*четыре години и вящей*» [Курбский, 1986, с.252] – четыре часа или больше. Остальное время, включая «*полторы години*» [Там же, с.254] штурма Царева двора, ушло на последнюю часть битвы. Невозможно представить, чтобы за такое короткое время (около 5½ часа) был захвачен весь протяженный город с юга на север (от ул. Лобачевского до стен вдоль Казанки)! Да потом велись еще (около 4½ часов) бои у Царева двора и за Казанкой, вплоть до леса (в районе Гривки). Нельзя в такое поверить, потому как все источники говорят о жестоких боях во всех местах, три раза воеводы призывали государя прийти на помощь, а он все медлил, и те и другие «*на мног час стояще на копях, ни единым поступившим*» [ЦК, с.512], при этом нападавшим приходилось ходить даже по крышам домов.

² 9 часов утра соответствует «3-му дня по старинному счету часов, сохранившемуся и теперь на востоке» [см.: Богдановский, 1898, с.51–52].

9) Один из подкопов велся с десной (восточной стороны Арских ворот) от Поганого озера. Приурочивая Арские ворота к месту памятника Бутлерову, авторы реконструкций Поганым озером считают либо озеро, бывшее на месте Ленинского сада, либо Черное озеро. Оснований для этого нет никаких. Более того, составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» помещают в этом районе отнюдь не Поганое, а Белое озерко.

10) Если (согласно «Царственной книге») Сторожевой полк стоял в устье Булака и отвечал за Муралеевы ворота, а полк Левой руки стоял против и отвечал за Тюменские ворота (и те и другие ворота согласно «Списку с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» – кремлевские), то не остается полка, который бы контролировал огромный фронт укреплений вдоль Булака – от кремля до ул. Астрономической-Лобачевского (илл.2). Что не могло быть допустимо стратегически.

На этом, опуская частные моменты, такие, как, например, несоблюдение авторами реконструкций указанной в источниках последовательности расположения ворот, можно отвлечься от критики существующих гипотез и перейти к новой версии местоположения укреплений Казани. Она базируется исключительно только на описаниях взятия Казани, созданных в пределах 10 лет от этого события и помещенных в русских летописях, на свидетельствах полководца Курбского и других участников той войны, а также на материалах Писцовых книг г. Казани 1566–68 годов.

Главное и отправное положение выдвигаемой версии о состоянии оборонительных сооружений (стен, ворот, башен) Казани рубежа 1552–53 годов – это **наличие их только по периметру крепости и отсутствие вокруг посада**.

Первым намеком на такое состояние выглядит не совсем ясная фраза Курбского в момент начала движения войска Ивана Грозного из лугов к Казани: *Град же видехом аки пуст стояц, иже а ни человек, а ни глас человекь ни един отнуд слышашеся в нем* [Курбский, 1986, с.236]. Естественно думать, что под градом Курбский здесь подразумевал весь видимый издали город, а не только его цитадель: нельзя же полагать, что при пустой цитадели Курбский видел не пустой, а с людьми посад на Воскресенском увале.

Пожалуй, ситуацию недвусмысленно проясняет текст «История о Казанском царстве»: *«Казанцы же сведаше приход самого царя и пожгоша сами посады (все около града³) своя, и впряташася со всеми статками своими во град»* [КИот, стлб.115]. Авторы предыдущих реконструкций, вероятно, полагали, что речь здесь идет о посадах за Булаком, за Рыбнорядским рвом, но никак не о районе Воскресенского увала, который традиционно, вместе с территорией современного кремля, считается самим городом.

Представляется, что переход всех защитников Казани в хорошо укрепленную цитадель было совершенно правильным решением. На юрт шел грозный противник, оснащенный богатым арсеналом технических средств и тактических приемов, усвоенных прародителями от монголов, и вооруженный тяжелой артиллерией, заимствованной с запада. Против трехкратно превосходящего по численности противника легче сосредоточенно защищать меньшую по площади, по периметру, с меньшим числом ворот, но лучше прочих защищенную часть Казани, причем защищенную не простым острогом, а городнями. На каждый метр стен цитадели в этом случае приходится больше наличного орудия и других средств защиты, особенно запасных тарасов.

Отсутствие укреплений посада (посада на Воскресенском увале) подтверждается самой идеей осады и штурма города. Уже через неделю после прихода атакующие начали (31.08) осуществлять главное дело всей стратегии – подкопы (№3 и №4)⁴ под стены града для их пролома взрывами. Руководил работой «Размысл Немчин» [Отрывок РЛ, с.310], «родом литвин» [Повесть, с.19]. И ни в одном из источников не говорится о каких-либо боях на Воскресенском увале. А о том, что эти подкопы были под стены именно цитадели (ныне – кремля), а не посадских стен, отчетливо говорят источники. Рассмотрим их.

Подкоп №3.

Отрывок РЛ: *«Есть бо подкоп в дву местах: един подкоп под стену от Поганого озера на углу под стрелнею на десной стране у Арских ворот, идеже ныне Спасския ворота именуются и храм у них во граде поставиша святых мученик Киприяна и Устинии девицы»* [Отрывок РЛ, с.310].

Это сообщение, почти продублированное в КИ, совершенно четко указывает если не место, то зону расположения угловой стрельни у Арских ворот (илл.11*). Подкоп начинался у Поганого озе-

³ Добавлено в редакции рукописного сборника Императорской Публичной Библиотеки.

⁴ Два первых подкопа были: под водяной тайник у Муралеевых ворот (подрыв 04.09) и под тарасы перед «Царевыми воротами Арскими» (подрыв 30 сентября).

* См. илл. 11 на форзаце 1.

ра, которое было с десной стороны у Арских ворот. Писцовые книги указывают нам на три Поганых озера. Одно из них – Нижнее – исключаем, поскольку оно было против церкви Николая Зарайского и тогда в Отрывке РЛ конечной точкой подкопа назывались бы Збойливые ворота.

В «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» место другого Поганого озера выясняется по цепочке: «... Спаскою улицею от города с площади дворы **по левой стороне**» [ПК, с.116]. Это соответствует десной стороне Спаской башни по описанию из Отрывка РЛ. Шестым от крепости вдоль улицы следует «... двор князя Дмитрея княж Петрова сына Засекина... А от князь Дмитриева двора **налево в переулке**... (в этом переулке всего 1 двор) **Да ис переулка х Поганому озерку**... (в нем 5 дворов). **Да у другога Поганова ж озера**...» [Там же, с.117]. Очевидно, что Поганое озеро соответствует известному нам Банному озеру.

Таким образом, подкоп №3 для взрывного пролома укреплений города должен был вестись от Поганова (верхнего) озера, то есть Банного, и «с восточных страны, под глубокою ону стремнину от Арского поля» [КИот, стлб.139]. Завершался подкоп №3 под угловой башней крепости, в соседстве с ц. Киприана и Устинии. Последняя находилась **в крепости**, в районе здания манежа. Предполагать ее перенос в какой-то момент от гипотетических Арских ворот посада в крепость представляется – как и в случае со Спасской церковью – совершенно невозможным.

В этом месте можно высказать предположение, что последняя война пришла на незавершенную стадию фортификационных работ по продлению Черноозерской ложбины до Нижнего Поганого озера и Казанки. Создание неприступного, полностью замкнутого восточного склона крепости и посада могло бы отдалить слабый южный рубеж далеко на юг, до линии ул. Лобачевско-го/Астрономической. Не было бы необходимости уничтожать укрепления посада, Наоборот, их можно было бы усилить. И тогда для защиты Казани и юрта можно было бы привлечь гораздо большую численность людей, которая в реальности не могла развернуться в ограниченном пространстве крепости (т.н. проблема «лишних ртов»).

Подкоп №4.

«Отрывок Русской (Новгородской) летописи» гласит: «...а другой подкоп на углу же под стрелнею от Булака стрелбицо, по левую сторону [Арских ворот], **туто были Нагайския ворота**, ныне же зарешены от пеших людей» [Отрывок РЛ, с.310]. Почти аналогичный текст в КИ: «а другии подкоп на углу же, под стрелнею, от Булака стрелбица по левую страну [Арских ворот]. – **То были Нагайския ворота**, ныне же зарушены» [КИрм, стлб.433].

То, что эти Нагайские и Арские ворота были не где-то в укреплениях посада, а в стенах крепости, проясняет «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.»: «Внутри же города Казани меж городовых ворот Спаских и Сергиевских подле городовую стену против наугольные стрельни, **где был большой подкоп, монастырь Спаской**» [ПК, с.86].

Расположение южных укреплений не в районе улиц Астрономической и Пушкина, а в районе южной части нынешнего кремля подтверждает Курбский: «А з другую сторону, яже с Арского поля, откуда подкоп взорвало, и царь казанский з двором своим, **уступя аки в половину места, застоновился на Тезицком рве**» [Курбский, 1986, с.252].

Местоположение Тезицкого рва с северной стороны Консистории (а не с южной стороны Спасской башни) ныне, как кажется, уже не вызывает сомнений. Его отчетливо показывают составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.»:

– «Да архиепископу ж отмерили под конюшеннои двор пустово порозжево места...за мостом: **Дмитреевские улицы у Тезицкого врага на взгорке, меж мосту и годовальщиковых дворов, от Большие улицы к Дмитреевским воротам по правои стороне**» [ПК, с.103];

– «меж Воскресенских и Николских ворот от городовые стены через царев старои двор и от двора **Болюю улицею прямо мимо государев двор до Спаских ворот в длину...**, а поперег меж Преображенских и Николских ворот от городовые стены от круглые деревянные башни **по Тезицкому врагу до другие городовые деревянные стены до Дмитреевских ворот**...» [там же, с.60].

Видно, что Тезицкий ров пополам делил не Воскресенский и Кремлевский увалы вместе взятые, а только территорию нынешнего кремля (илл.2). Становится ясным, что царь казанский «уступил половину места» крепости, а не всего города.

Итак, проясняется естественная и эффективная стратегия штурма. Налицо очень четкая и оптимальная схема выбора мест решающих подкопов для двух практически одновременных взрывов 02.10.53 г. А именно: с обоих флангов главного (южного) фронта атаки по единственно равнинному подходу к крепости, в самой узкой части Кремлевско-Воскресенского увала и фактически напротив друг друга. В этой связи трудно понять: как могли практически все исследователи (в их

числе и военные инженеры!) предполагать места обоих, решивших исход всей кампании подрывов стен – причем произошедших всего за несколько часов до окончания долгой, изнурительной для обеих сторон осады, – не в обхват или на подступах к конечному пункту (Цареву двору), а в разнорядии: один рядом, а другой за 1 км от цели?

Более понятным становится и уход всех защитников в крепость, дабы не быть разделенными на две части в естественном месте атак – в тонкой шее крепости и посада.

Следующий вопрос настоящего исследования касается положения упоминаемых в источниках ворот, как мы выяснили – ворот крепости. Их количество – 9 – выводится из текста ЦК и напрямую подтверждается в КИ: «и едином часом мало трудни деветеры врата града изломииша» [КИот, стлб.154].

Сначала о последовательности ворот. Она (по часовой стрелке) следующая (в скобках приведены различия в написании и в наименовании одних и тех же ворот в разных источниках):

Таблица №1.

Ворота Казанской крепости во время осады 1552–1553 гг., их защитники и штурмовики

Полки и их воеводы, атакующие конкретные ворота	кол-во	Ворота крепости (с вариантами названий по разным источникам)	Предполагаемые главные капуджи
<i>Большой полк</i> князь Иван Федорович Мстисловской, князь Михаил Иванович Воротыньской. С ними: царь Шигалей, князь Юрей Андреевич Пенинский-Оболенской, князь Алексей Данилович Басманов-Плещеев, князь Петр Васильевич Морозов, казначей Фома (Петрович) Петров и др.	1	Царевы (Царевые Ар(ь)ские, Царские)	Царь Едигерь-Магмет ²
	2	Арские (Арские)	
	3	Аталыковы (Талыковы, Нагайские)	Чапкун князь (Отучев?), аталык ²
<i>Полк левой руки</i> князь Дмитрий Иванович Микулинской, князь Дмитрий Михайлович Плещеев.	4	Тюменские (Нагайские)	Аликей Нарыков князь или Дербышь князь ³
<i>Сторожевой полк</i> князь Василей Семенович Серебряной, князь Семен Васильевич Шереметев.	5	Муралеевы	Ширин-Муралей князь, Булатов сын ²
<i>Полк правой руки</i> князь Петр Михайлович Щенятев, князь Андрей Михайлович Курбьской.	6	Елбугины (Водяные, Нижайшие, Самые нижние, Царевы)	Аликей Нарыков князь или Дербышь князь ³
не атакованы	7	Крымские	Карамыш улан, Кудайгу уланов сын ¹
<i>Ертоул</i> князь Юрей Иванович Шемякин Пронской, князь Федор Иванович Трокуров.	8	Збойлевы (Збойли(о)вые, Нижние, Нагайские, Избойлевы)	Зейнеш князь Нагайской ¹
<i>Передовой полк</i> князь Иван Иванович (Турунтаи) Пронской, князь Дмитрий Иванович Хилков.	9	Кабатцкие (Кабатцкие, Кебековы)	Кебек князь Тюменской ²

Примечания:

1. Прямое указание Царственной книги.
2. Большая вероятность.
3. Гипотетически.

Тут может возникнуть сомнение в необходимости такого большого количества ворот всего лишь для крепости. Оно возникает из соображения, что ворота уменьшают защитные свойства крепости, и из видения их непременно башенными и сложными архитектурными сооружениями. Возражения здесь следующие:

В части необходимости. Судя по «Списку с писцовых книг по г.Казани с уездом 1566–1568 гг.» и археологическим исследованиям, сетка кварталов в крепости XVI века была более мелкой, чем ныне. Улиц и переулков было соответственно больше, что может предполагать и большее количество выходов из крепости. Например, в Аталыковы ворота могла вести улица, которая видна еще и в «Списке с писцовых книг...» как идущая параллельно Большой продольной улице крепости, вдоль западных стен. Там же показываются и «задние ворота» [ПК, с.102] государева двора, исчезнувшие еще до XVIII века.

В части обороноспособности. История осады крепостей показывает единичность случаев результативного штурма ворот. Как правило, они брались не штурмом, а хитростью. В те времена вообще оборона имела перевес над атакой. Но ворота у казанцев имели еще и эффективную систему защиты. Она предусматривала установку с их внешней стороны скобки тарасов – таких же, что стены и ворота, «великих срубов», засыпанных землею и камнями (илл.4). По сообщению так называемой «Царственной книге», у них «у всяких ворот за рвом тарасы великие, землю насыпаны» [ЦК, с.508]. Эти своего рода захабы в системе защиты каменных стен закрывали ворота от обстрела их стенобитным боем и могли при разрушении довольно оперативно чиниться или заменяться. Срубы, засыпанные землей, ставились и внутри крепости против пробитых в стене и воротах мест. Их можно считать первообразами будущих ретраншементов.

Постановка перед воротами скобок тарасов в деревянно-земляных укреплениях казанцев являлась своего рода интерпретацией системы древних каменных предворотных полукруглых стен – вэн чэн, применявшейся китайцами и принесенной в Поволжье монголами (илл.5). В китайской же традиции «расстояние между башнями было обычно 30–80 м, для гарантированного перекрытия этого расстояния стрелами с двух сторон» [Храпачевский, 2005, с.228].

Защитные тарасы просматриваются на ряде миниатюр «Лицевого летописного свода» как в Казани [ЛЛС–21, с.374, 376, 379, 380, 387–389], так и у острога Высокой горы [ЛЛС–21, с.361–364].

При осложнении ситуации казанцы, по сообщению «Истории Казанского царства», вообще запечатывали свои ворота: «И начаша Казанцы крепити град, и застениша вси врата граду камением и землею и запрошася...» [КИот, стлб.131]. Теперь уже вылазки из крепости и из-за тарасов осуществлялись под землей. Для этого казанцы: «рвы копающе под врата городицкие, и под стену и рыюще норы под тарасы» [ЦК, с.507–508]. Норы, в отличие ото рвов, вероятно, представляли собой наклонные выемки в грунте под чем-либо.

Изложенная система защиты ворот оказалась столь эффективной, что источники ни разу не говорят об их взятии в дни осады. Даже (06.09) «Арские ворота до основания збиша» [там же, с.506], но не захватили; те, вероятно, оказались заваленными. Только в штурм (02.10) «единем часом мало трудни деветеры врата града изломиша» [КИот, стлб.154].

И, наоборот, по воспоминаниям Курбского ощущается, что преодолевать ворота сначала нападавшим, а затем и защитникам было сложнее, чем стены. Так, воины Правой руки сначала заняли великую башню и только потом «из башни сметавшись во врата великие градные» [Курбский, 1986, с.250], то есть – Елбугины. А когда оказавшиеся среди нападавших «корыстовники» (мародеры), испугавшись натиска защитников, ударились в бегство из крепости, то «во врата многие не попали, но...через стену метался» [там же, с.252]. В свою очередь и последним защитникам Казани проще оказалось отступить не через Елбугины ворота, которые снаружи стерегли воины Правой руки, а через стену: «не поидоша...во врата, но абие поидоша с стены просто чрез Казань-реку» [там же, с.257].

Теперь о расположении ворот. Реконструкция их местоположения дается на плане Казанской крепости для облегчения представления. На самом же деле, будучи составленной на основе только

текстовых источников, она должна пониматься лишь как схема, правильность которой может быть установлена лишь с проведением археологических разведок на ее основе. Итак:

Тюменские ворота (илл.11).

Это те же ворота (или на том же месте), что и впоследствии Сергиевские: (составители «Списка с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» сообщают: «*Внутри же города у Тюменских ворот, что ныне Сергиевские ворота, церковь Сергия чудотворца да теплая церковь Живоначальные Троицы*» [ПК, с.85]).

Они были со стороны Булака («Отрывок Русской (Новгородской) летописи» сообщает: «*И обступиша град великою силою: и ... и от Булака, идеже стояла левая рука и сторожевой полк, идеже ныне именуется Сергиевские ворота и храм стоит у ворот внутри града во имя его; и тиш приступиша ко граду*» [Отрывок РЛ, с.310]).

Они были севернее Преображенских ворот. Авторы предыдущих реконструкций отождествляют Сергиевские ворота с Преображенскими. Это представляется неверным, поскольку в «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» упоминаются и те и другие ворота, **в одно и то же время.**

Затуманивает ситуацию другое, уже упомянутое сообщение в «Списке с писцовых книг по г. Казани...»: «*Внутри же города Казани меж городских ворот Спаских и Сергиевских подле городовую стену против наугольные стрельни, где был большой подкоп, монастырь Спаской*» [ПК, с.86]. Почему его составители, зная о Преображенских воротах, помещают Спасский монастырь между Спаскими и Сергиевскими воротами, а не между Спаскими и Преображенскими? Объяснением этому можно посчитать то, что в «Списке с писцовых книг по г. Казани ...» в данном случае под монастырем подразумевается как собственно монастырский двор, так и конюшенный двор Преображенского монастыря и с приписанным к монастырю «пространством порозжего пустого места меж тюрем» [там же, с.105–106]. А и те, и другие находились через переулок севернее собственно монастыря – между Преображенскими воротами и Пятигранной башней на планах XVIII века.

Исходя из изложенного, место Тюменских ворот должно быть севернее известных нам Преображенских ворот, **на ближайшем расстоянии** от церкви Сергия чудотворца. Таким местом является зона Пятигранной башни.

Муралеевы ворота (илл.11).

Их местоположение сообщает «Царственная книга»: «*тайник от Казани от реки у Муралеевых ворот ключ в берегу, а ходят к нему по подземелью*» [там же, с.506]. Одновременно с этим они должны быть в устьевой части Булака и быть ориентированными на него, поскольку именно в низовьях Булака их контролировал Сторожевой полк, а не полк Правой руки, отвечавший за стены вдоль Казанки. Описывая «разрядство» приступа, «Список с писцовых книг по г. Казани ...» сообщает: «*А в Муралеевы ворота (Государь велел приступати. – С.С.) воеводе Семену Васильевичю Шереметеву; а помогати боярину князю Василью Семеновичю Серебреному*» [там же, с.510], – обоим воеводам Сторожевого полка.

То, что Булак того времени протекал вблизи крепости, подтверждают и Курбский: «*под самое место течет и впадает под уголную вежу в Казан-реку*» [Курбский, 1986, с.236], и «История о Казанском царстве»: «*Булак река, в Казань реку под градом втекает*» [КИот, стлб.119]. Остатки долины старого Булака можно частично проследить на планах XVIII века.

Наконец, напрашивается вывод, что место их у Тайнишной башни – зачем бы иначе ее так называть? Но не у нынешней Тайницкой, которая ранее всегда именовалась Никольской, а у реальной – «Тайнишной проезжей башни» [Кунцевич, 1906, с.33] посада XVII века. Последняя же находилась на пересечении створов северной стены кремля и ул. Баумана – западнее нынешней Тайницкой башни.

Здесь стоит заметить, что и местные историки, и издатели открыток начала XX века называют Тайницким другой ключ, существовавший восточнее нынешней Тайницкой башни. Но это – ошибка. На планах Казани XVIII века он поименован просто – **ключ**, в отличие от ближайших к крепости ворот посада – **Тайнишных**. Это – один из ключей на склоне Казанки, который сначала образовал небольшой залив, а затем был превращен в благоустроенный родник. К тайному ключу защитников Казани он – сильно удаленный от Булака – не имеет никакого отношения. Наконец, не исключено, что под тайником подразумевался не сам ключ, а резервуар при нем. На это намекает Пи Лет: «*И стали копати...под ысток, где тайник водяной*» [Пи Лет, с.187].

4 сентября «внезапу от подкопу взорвало тайник ...и стена городная оплела и обрушилася», – сообщает Царственная книга [ЦК, с.506]. Курбский добавляет, что «*под вежу великую и под тайники подкопано, откуда они на вес град воду брали*» [Курбский, 1986, с.248]. Видно, что подкоп велся не к «ключу в берегу», а к началу «подземелья» у крепости. Вместе со стеной оплела (выгорела) и обрушилась «угловая вежа великая», под которую вел подкоп. С разрушением тайника, стен и башни здесь, должно быть, разрушился и кремлевский склон.

ЦК весьма сдержанно добавляет, что «*многое же воинство...на градных стены и в самый град скакаху*» [ЦК, с.506]. Отсутствие каких-либо еще сведений об этом участке осады вплоть до штурма 2 октября свидетельствует о том, что защитники сумели остановить прорвавшихся в брешь стены около этих ворот.

Взрыв тайника, надо полагать, не задел Муралеевы ворота, которые могли быть не вплотную к угловой башне. Вероятно, по этой причине и ввиду меньшего количества здесь трупов именно Муралеевы ворота были выбраны для въезда Ивана Грозного в Царев двор побежденной Казани. Предполагаемое место Муралеевых ворот видится по направлению к входу в Царев двор, недалеко от нынешней Северо-Западной круглой башни.

Елбугины ворота (илл.11).

Они располагались в месте примыкания Верхней восточной стены кремля к Северной башне [Подробнее об этом см.: Саначин, 2006, с.66–71]. Перестроенные в камне Елбугины ворота видны на «Чертеже казанском» (1690-е гг.) (илл.6). Видно, что «*перед враты*» – если смотреть с правого берега Казанки, где стоял полк Правой руки Курбского и Щенятева – стоит великая башня в полугоре между Казанкой и Царевым двором. Об этом поведал сам Курбский в воспоминаниях [Курбский, 1986, с.250].

Збоилевы ворота (илл.11).

«*В городе ж у Збоиловых ворот, что ныне Дмитриевские ворота*», – весьма определенно говорит «Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» [ПК, с.82]. «Отрывок Русской (Новгородской) летописи» делает уточнение: «*Збойливые ворота, ныне же зарушены*» [Отрывок РЛ, с.313]. Как и Елбугины ворота, они находились в Верхней восточной стене (илл.6). «Зарушены» были, надо полагать, в связи с расширением территории кремля посредством строительства Нижней восточной стены и упразднением Верхней восточной стены. Перестроенные в камне тоже безбашенные Збойлевые ворота также видны на «Чертеже Казанском». Не исключено, что охранная башня (или башни) стояла сбоку, поскольку положение этих ворот приходится на (или вплотную) Тезицкий ров.

Безбашенными Збоилевы ворота изображены и в «Лицевом летописном своде» [ЛЛС–21, с.383] (илл.7).

Крымские ворота (илл.11).

29.08 государь повелел Ертоулу и Передовому полку, которые отвечали за низинную часть приступа (между Казанкой и Воскресенским увалом, на котором дислоцировался Большой полк), туры ставить. «*И поставиша туры, от больших туров, что Князь Михайло ставил по Казань реку против Кабатицких ворот, да Избоилевых ворот, да и Крымских ворот, и Елбугиных ворот*», – с разъясняет последовательность положения ворот со стороны Арского поля «Царственная книга» [ЦК, с.504]. Из-за положения между Елбугиными и Збоилевыми воротами можно думать, что Крымские ворота были непосредственными воротами Царева двора. Поэтому они, вероятно, были наглухо закрыты казанцами, и мы лишь один раз встречаем в ЦК упоминание о вылазке 27 августа из них Карамыш улана, «*те же бе ворота ему приказаны*» [там же, с.503]. По этой причине и ввиду Нижнего Поганого озера под ними эти ворота не вошли в план решающего штурма.

Н.Калинин тоже предполагал наличие восточных ворот Царева двора, назвав их условно – Дворцовыми [Калинин, 1955, с.120, рис.5]. Не исключено, что эти ворота (если не весь Царев двор) построены крымцами при Сафе-Гирее или в правление Кошак-улана, бывшего начальника ханской гвардии. В любом случае факт защиты главной резиденции крымцами в 1550 году подтверждает «Александро-Невская летопись»: «*и приходили Чюваша Арская з боем на Крымцов...Пришли на царев двор, и Крымцы Кошак-улан с товарищи с ними билися и побили Чювашу*» [А-НЛ, с.163].

Любопытно, что в ряде миниатюр ЛЛС царев двор показывается в виде кольца. И именно из такого же кольцевого сооружения показывается выход Карамыш-улана из Крымских ворот [ЛЛС–21, с.315] (илл.8).

Кабакские ворота.

Они самые южные в Восточной стене крепости. Их положение неясно, никаких вылазок из них источники не показывают. Может быть, это те же ворота, что в КИот названы Кебековыми. В таком случае их защита была поручена «Кебеку-князю Томенскому» [ЦК, с.498] (Тюменскому).

Царевы, Ар(ь)ские и Аталыковы ворота (илл.11).

Это ворота со стороны «приступных мест», взятие которых было заботой Большого полка. ЦК показывает подкоп (№4) «*промежь Аталыковых ворот и Тюменских*» [там же, с.505]. Но мы уже выяснили, что этот подкоп был под наугольную стрельню и что Тюменские ворота обращены в сторону Булака, на запад. Отсюда следует, что Аталыковы ворота обращены на юг, то есть за углом от Тюменских. Вместе с Арскими и Царевыми воротами они стояли на «стремнине» (обрывистый ров), которой казанцы в фортификационных целях разрезали Кремлевско-Воскресенский увал. Царственная книга называет параметры этого рва: «*ров трех сажень поперег (6,48 м), а глубина рву семи сажень (15,12 м)*» [там же, с.508]. Столь значительные величины, причем совершенно совпадающие с габаритами южных же стен крепости (см. ниже), представляются ошибкой составителя ЦК.

Через этот ров у каждых ворот были мосты, облегчавшие проведение контратак.

КИ при описании места расположения Ивана Грозного тоже показывает Царевы, Арские и Аталыковы ворота как сгруппированные – «*противу троих врат Арских*» [КИот, стлб.117]. Таким образом, если соблюдать последовательность описаний в летописях, эта тройка Арских ворот располагалась в таком порядке (справа налево): Царевы – Арские – Аталыковы (илл.9).

Из ЦК следует, что Арские ворота и Арская башня – разные сооружения: туровая линия устроена «*против баиты Арские и Арских ворот*» [ЦК, с.508].

Для прояснения некоторых фортификационных моментов рассмотрим хронологически события, изложенные в ЦК и связанные с этими тремя башнями:

– 26 августа против стены с этими тремя воротами воевода Большого полка князь Михайло Иванович Воротынский поставил большую крепость – «*утвердиша туры, и землю насыпаша за 50 сажень (108 м) от города, от реки от Булака и по ворота, ...с приступных мест*» [там же, с.502]. Здесь, с Арской стороны, у казанцев была самая мощная стена «*в толстоту 7 сажень (15,12 м) и прекопана около ея стремнина велия, глубока*» [КИот, стлб.120]. Надо полагать, что стена эта была построена в два слоя городней. В остальных местах «*толщина же градная от рек от Казани и от Булака, трех сажень (6,48 м), и те бо места ратным неприступныи*» [там же, стлб.119];

– 27 августа сюда прикатили «большой наряд» (тяжелую артиллерию под началом М.Я.Морозова) и начали обстрел «*стенобитным боем и верхними пушками огненными (мортирами)*» [ЦК, с.503]. Отрывок РЛ называет стенобитные пушки – «Колцо» и «Ушатая» (с ядрами в 6 пудов) и, вероятно, мортиры – «Змей летячей» и «Змей свертной» [Отрывок РЛ, с.312]. Небезынтересно, что пушка «Ушатая» участвовала еще в Ливонской войне 1577 года⁵, а железные ядра, колеса и стан «Змея свертного» упомянуты в «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г.» [ПК, с.51, 57, 58] среди имущества «городового наряда» Казани. Возможно, что и другие перечисленные орудия «городового наряда» оставлены здесь со времени завоевания города – «Сокол», «Сокол свертный», «Львова голова» и «Грановитая»;

– 31 августа с западного и восточного флангов туровой линии начали вести подкопы под стены;

– К 6 сентября от непрерывной пальбы центральные «*Арские ворота до основания збиша*» [ЦК, с.506]. Но к концу месяца защитники «*ставя трубы против тех ворот, и пробитых мест и землю насыпаху*» [там же, с.509];

– Остальные двое ворот оставались целыми. Тогда около 17 сентября дьяк царя Иван Выродков у тур Воротынского, против Казани Царевых ворот, поставил засыпанную камнями и землей «*баишту ити сажень вверх, и вознесли на нее много наряду*» [там же, с.506], – «*выше града*» [КИрм, стлб.425]. «*Близу рва*», – уточняет Курбский [Курбский, 1986, с.248]. Обстрел с башни принес огромный урон казанцам;

– Между 25–30 сентября Воротынскому поручено было подвинуть туровую линию к «*их рву (глубиной 15, шириной 6,5 м) против баиты Арские и Арских ворот к тарасом против Царевых ворот...Князь Михайло туры по рву поставил, а до тарасов не придвинул*» [ЦК, с.508]. Данное сообщение ЦК показывает, что Арские ворота (как и Елбугины) были не башенными и что Царевые ворота оказались наилучшим образом укрепленными посредством великих тарасов между воротами и рвом;

⁵ Об этом сообщает П.Г. Заринский со ссылкой на Башмаковскую разрядную книгу [Заринский, 1877].

– 30 сентября был сделан подкоп под тарасы Царевых ворот и, взорвав их, утвердили туры по всему рву с заворотом до Тюменских ворот. Началась спонтанная, без общей команды, атака: зажгли стены, ворота и мосты и «*в башне утвердишася, и на стенах градуцких, и у Арских ворот*» [там же, с.509]. Это были воеводы Воротынский и Алексей Данилович Плещеев-Басманов, которые, заставившись крепкими щитами и турами, «*сидящее на граде два дни и две ночи, ожидая приступу*» [там же, с.509]. Столь длительное стояние во вражеской башне можно объяснить, помимо прочего, расположением этой башни между завалами, образовавшимися от разбитых Арских ворот и взорванных тарасов при Царевых воротах. Затем по приказу государя с большой неохотой воины отступили. Отступление, думается, было приказано не в связи с неготовностью других полков к штурму, как это объяснялось, а потому что тут, рядом, вскоре должно свершиться главное действие всей стратегии нападавших – взрыв подкопа. А на месте взрыва не должно быть не только людей, но и «*отволочен снаряд стенобитный*» [Отрывок РЛ, с.312]. Именно в пролом от этого взрыва приказано было идти Воротынскому и Плещееву-Басманову;

– 2 октября произведены взрывы в обоих главных фланговых подкопах, «*градская стена подкопом вырвана*» [ЦК, с.511].

Теперь остается выяснить положение южной приступной стены с тремя Арскими воротами. Источники о положении южных стен татарской Казани говорят при описании 3-го и 4-го подкопов (в порядке их взрывов). Вспомним еще раз сообщение из «Отрывка Русской (Новгородской) летописи», описывающего события, происходившие **не позднее 1553 года**, то есть – по горячим следам: «*Есть бо подкоп в дву местах: един подкоп под стену от Поганого озера на углу под стрелнею на десной стране у Арских ворот, идеже ныне Спасския ворота именуются и храм у них во граде поставиша святых мученик Киприяна и Устинии девицы; а другой подкоп на углу же под стрелнею от Булака стрелбищо, по левую сторону, туто были Нагайския ворота, ныне же зарешены от пеших людей*» [Отрывок РЛ, с.310].

Из этого следует (илл.11):

- что оба подкопа сделаны с двух сторон от центральных ворот южных стен крепости;
- что линия южных стен (как минимум с десной стороны от Арских ворот) проходила у церкви Киприана и Устинии;
- что и в 1553 году, после взятия Казани, за 12–15 лет до составления писцовых описаний южные стены еще оставались на старом месте, но Арские ворота переименованы в Спасские.

Положение южной линии стен у церкви Киприана и Устинии поддерживается и Данной Я.В.Безсонова игумену Казанского Троице-Сергиева монастыря Лариону (между 09.1553-08.1554) на двор в городе Казани у Спасских ворот возле церкви Киприана и Устиньи: «*дал...двор свой в Казани внутри городе у Спаских ворот, идучи в город направо, у Киприяна и Устиньи*» [Каштанов, с.24–25].

Оба изложенные указания на церковь Киприана и Устинии отодвигают южную линию крепостных стен на север относительно современной южной стены. Вероятно, именно этот южный фас стен упоминается в «Списке с писцовых книг по г. Казани ...»: «*Да в городе на Большой улице от Спаских ворот близко старые городовые стены церковь Киприяна и Устины*» [ПК, с.81]. И не исключено, что именно их, «*отступя 5 метров от Киприановской церкви*» на юг обнаружил в 1928 году археолог И.Бороздин, трактуя их в качестве «*первичной кремлевской (крепостной) стройки*» [Бороздин, с.38–39].

Расположение южных стен Казанской крепости во время осады – севернее ныне существующих – косвенно подтверждается местоположением другой церкви – Спасской. Так, ЦК показывает, что «*повеле благочестивый царь...церковь поставити повеле Нерукотворенный образ Господа нашего Иисуса Христа на том месте, где знамя царское стояло, во время взятия градского*» [ЦК, с.514] (илл.10). Речь идет о деревянной церкви, которую при перестройке в камне сделали надвратной. «Отрывок русской (Новгородской) летописи» уточняет: «*за городом, у Арских ворот*» [Отрывок РЛ, с.314]. «История о Казанском царстве» добавляет: «*и повеле царь, не двигши своя хоругви, около ея копати на месте том святую церковь, во имя нерукотворенного образа Господня – единым же днем поставлена бысть и освящена*»... «*за градом, на пожаре, противу врат градных, на торговище*» [КИот, стлб.170], «*в 5 день в среду*» [Повесть, с.24].

«*Не двигши своя хоругви*» – таким образом, по намерению царя, Спасская церковь должна стать своего рода памятником взятия Казани. И при расширении территории крепости на юг и начавшемся в 1556 году строительстве каменных стен псковскими мастерами во главе с государевым

дьяком А.Ф.Шершнем Билибиным⁶ надвратная каменная Спасская церковь непременно должна была встать на место деревянной. Расстояние между современной южной стеной и южной стеной, бывшей во время осады Казани – около 120 м. Оно соответствует верхней планке стрельбища (убойная сила стрелы в 50–120 м), что делало положение Ивана Грозного перед решающим штурмом относительно безопасным.

Наконец, перемещение после 1552 года южной стены крепости просматривается через первые поручения Ивана Грозного, которые, надо полагать, исполнялись, а также через начальную историю Спасо-Преображенского монастыря:

1) Первым делом по повелению государя первые Казанские воеводы А.Б.Горбатый-Шуйский и В.С.Серебряный-Оболенский исправили и надстроили старую Казанскую крепость: *«и стены градныя, и разбитыя и горелыя, государь наздати повеле»* [КИрм, стлб.470]. («Наздати», в отличие от «строити» – означало надстраивать, переделывать). Значит, первое время после взятия южные стены оставались на своем месте и были деревянными.

2) Весной 1553 года, также по повелению государя, стали строить каменную крепость, расширяя территорию на юг: *«И разрушенная места и паки повеле царь князь велики поровняти, и воставити, крепце заздати и боле старого прибавити града, и место разширити на здание каменного града и поча по весне того же лета строити каменный град и церкви в нем болюшие»* [КИот, стлб.169]. Но – только-то и начали, поскольку известно, что это расширение выполнили лишь в 1556⁷ – 1562⁸ годы. Ставшие ненужными старые стены, скорее всего, разобрали или использовали в новом месте.

3) Тогда же, еще до отъезда Ивана Грозного из Казани, были построены пять церквей – как прославление событий штурма города. Об этом скрупулезно рассказывает Ки. Сначала в описании перечисляются поставленные церкви **во граде** (Благовещенская, Воскресенская, Киприана и Устиний), затем следует церковь **за градом** (Спасская) и за ней: *«пятую же [церковь поставили – С.С.] великого чудотворца Николы монастырь общежител(ен)»* [КИот, стлб.170]. По тогдашнему характеру письма пятую церковь следует видеть тоже **за градом**.

Таким образом, пятой по счету стала деревянная церковь в монастыре – или Никольская, или в Никольском монастыре. Этот монастырь с приходом архимандрита Варсонофия в 1555 году переименован или слился с новым – Спасским монастырем. Устав последнего написан был *«у всемитовства Спага боголепнаго его преображения Господа Бога и Спага нашего Иисуса Христа, и великаго чудотворца Николы ратнаго, во общий монастырь»*⁹. И уже Варсонофием *«почет бысть монастырь строити, кельи и ограда, и всякое строение монастырское»* [Платон, 1782, с.4]. В перечислении объектов нет обеих церквей, которые уже существовали.

4) Из перечисленного следует, что если при составлении Писцовых книг территория Спасского монастыря была «внутри города», то до весны 1553 года она находилась «за градом».

В заключение нужно заметить, что татарские историки, настойчиво ищущие следы каменной крепости Казани рубежа 1552–53 годов, напрасно полагают, что каменные стены на тот исторический период совершеннее деревянных. Наоборот! Реально возможные в то время по толщине каменные стены разбивались тогдашними новейшими орудиями, тогда как в толстенных городнях, засыпанных камнями и землей, ядра застревали. Казанская крепость являлась неприступной твердыней. Сами защитники были уверены в ее неприступности. Они *«не бояхуся никого же, аще и вси царства околная совокупльшася восстанут и подвигнутся на них, крепок бо бе град их»* [КИот, стлб.120]. И на сей раз они *«мнящи тако отстоятися, яко и преже сего избываху многажды»* [там же, стлб.131].

И действительно, нападавшие били-били денно и ночью 40 дней по крепости *«и ни в чем же град не вредиша; но яко великая гора каменная твердо стояше град и неподвижимо... И недомыслихуся стенобитныи боицы, что сотворити граду»* [там же, стлб.133].

Тогда иностранные специалисты, бывшие в армии Ивана Грозного, предложили ему новые методы взятия крепостей, которые «преже нихто на Руси видал» – минные подкопы под стены

⁶ Видно из грамоты 15.12.1556 г. царя Ивана Грозного в Великий Новгород, обязывающей новгородские власти помочь псковским мастерам *«к весне, в Казани новой город Казань камен делати»* [Дополнения, 1846, №82, с.136].

⁷ Согласно записи из сборника Иосифо-Волоколамского монастыря №134 «Тогож 7063 лета начали города прибавляти в Казани; повели стену каменную» [Елисеев, 1847, с.66, прим.11]

⁸ Седов полагает годом окончания строительства нового каменного города 1562 год [см.: Седов, 1996, с.176].

⁹ Из приписки 1556 г. к Типику (уставу) монастыря [см.: Платон, 1782, с.3].

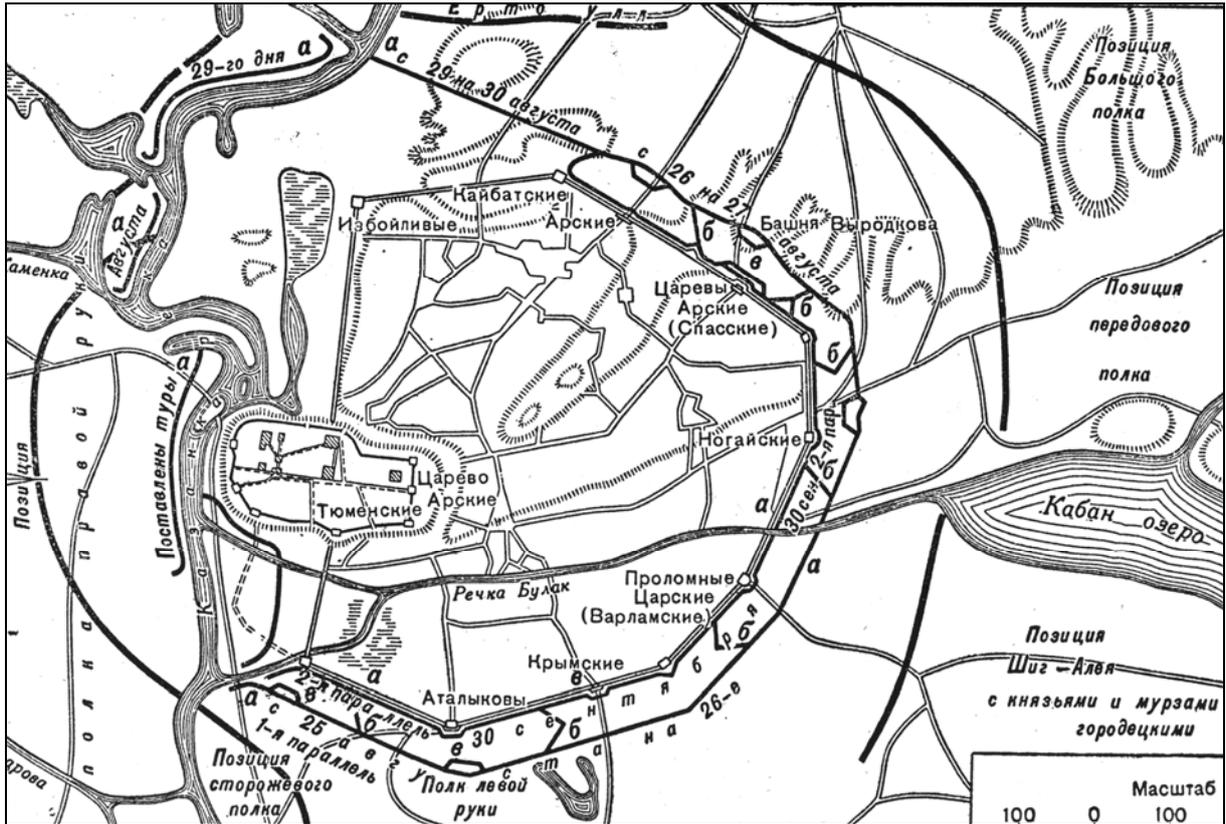
крепости. Они сделали вывод, что *«аще не тако, или гладом выстояти его: то и не возмется иначе ничем же град сей»* [там же, стлб.139]. И весьма устойчивым, и по сути – верным, стало заключение, что Иван Грозный Казань подкопом взял.

Конфигурация стен укреплений Казани на рубеже 1552–53 годов, безусловно запечатленная в бумагах призрачной библиотеки Ивана Грозного, конечно же, в нюансах отличалась от представленной в настоящей работе. Так, КИ прямо показывает, что град *«согражден в семь стен»* [там же, стлб.119], то есть – в семь прясел. Но принцип выдвигаемой гипотезы реконструкции, опирающийся исключительно на письменные источники, не позволяет выдвигать какие-либо соображения о поворотах прясел стен, кроме названных выше четырех.

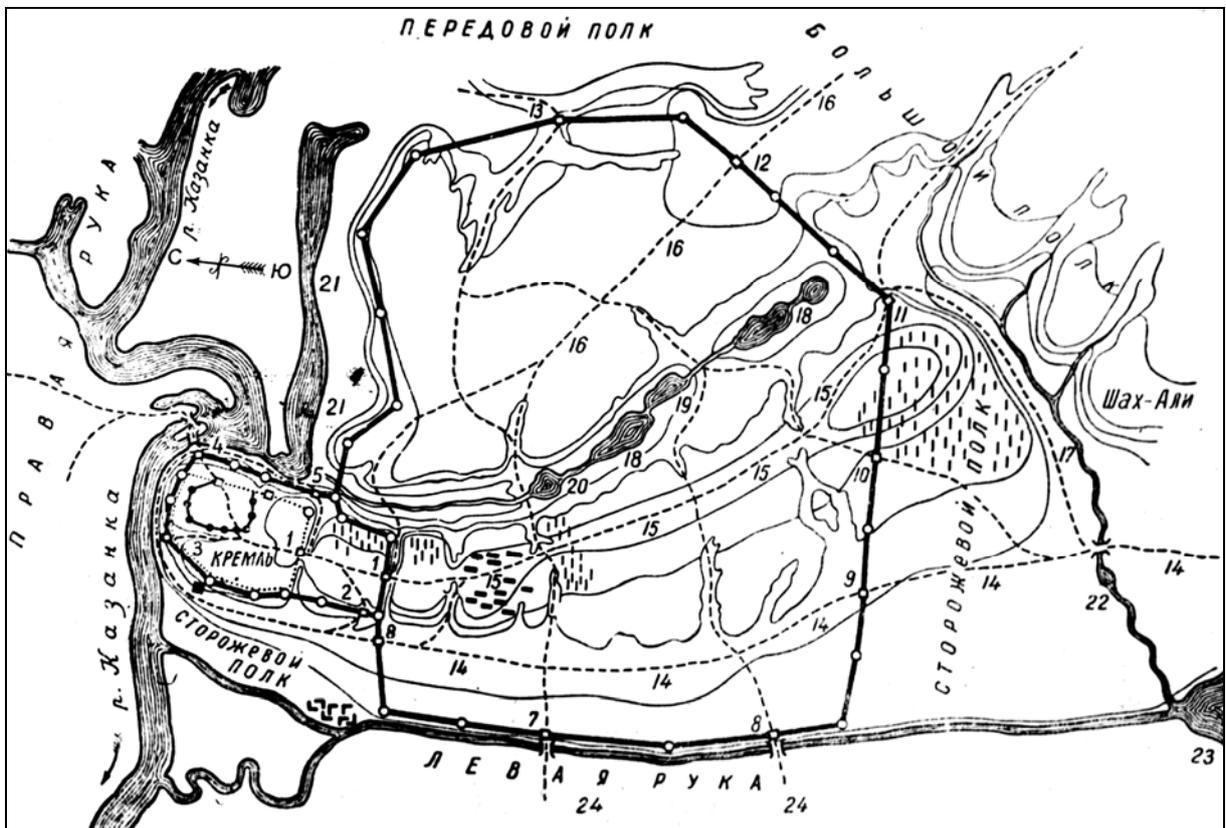
Предложенная схема реконструкции укреплений Казани на рубеже 1552–53 годов предлагает для использования в дальнейших, уже археологических исследованиях данного вопроса.

Список источников и литературы

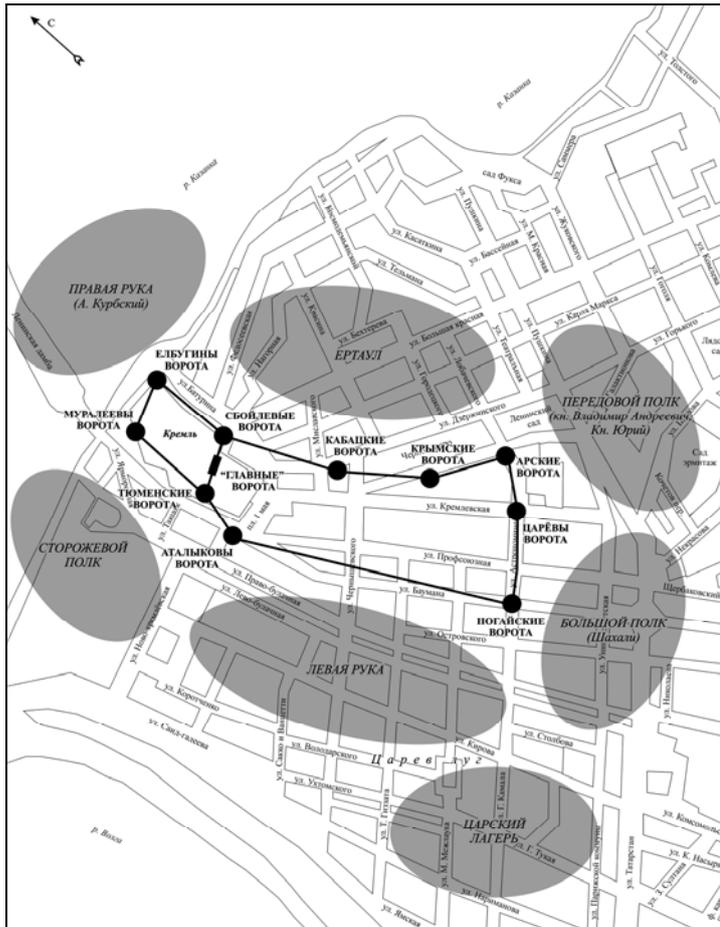
- А-НЛ – Александро-Невская летопись // ПСРЛ. Т.29. М., 1965.
- Богдановский, 1898 – Богдановский М.[А.] Инженерно-исторический очерк осады Казани 7060–7061 гг. СПб., 1898.
- Бороздин, 1929 – Бороздин И.Н. Археологические разведки в Кремле // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников ТССР. Вып. III. Казань, 1929.
- Дополнения, 1846 – Дополнения к Актам историческим, СПб., 1846. Т.1.
- Елисеев, 1847 – Елисеев Г.З. Жизнеописания святителей Гурия, Германа и Варсонофия, Казанских и Свяжских чудотворцев. Казань, 1847.
- Заринский, 1884 – Заринский П.Г. Топография города Казани в 1552 году, во время осады его русскими войсками // Труды Четвертого Археологического Съезда в России. Т.1. Казань, 1884.
- Заринский. 1877 – Заринский П.Г. Очерки древней Казани преимущественно XVI века. Казань, 1877.
- Калинин, 1955 – Калинин Н.Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году // Известия КФАН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1955. С.117–138.
- Каштанов, 1973 – Каштанов С.М. Возникновение русского землевладения в Казанском крае. (Документы) // Ученые записки Казанского гос. педагогического ин-та. Вып. 116. Казань, 1973. С.3–35.
- КИот – История о Казанском царстве (основной текст// ПСРЛ. Т.19. СПб., 1903.
- КИрм – История о Казанском царстве (список Румянцовского музея) // ПСРЛ. Т.19. СПб., 1903.
- Кунцевич, 1906 – Кунцевич Г.[З.] Описание города Казани (стен и башен), 1675 г. // ИОАИЭ. Т.22. Вып.1. Казань, 1906. С.22–33.
- Курбский, 1986 Курбский А.М. История о Великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси (втор. пол. XVI века). М., 1986.
- ЛЛС–21 – Лицевой летописный свод, т. Царственная книга, ок.1564 // Лицевой летописный свод XVI века. Русская летописная история. Книга 21 (1551–1553 гг.). М., 2011;
- Отрывок РЛ – Отрывок Русской (Новгородской) летописи с 1445 по 1553 гг. // ПСРЛ. Т.6. СПб., 1853.
- Пи Лет – Пискаревский летописец // ПСРЛ. Т.34. М., 1978.
- ПК – Список с писцовых книг по г. Казани с уездом 1566–1568 г. // Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов. Казань, 2006.
- Платон, 1782 – (Платон [Любарский]). Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств, 1782, Разные известия... // Приложение к «Православному Собеседнику» за 1868 год.
- Повесть – (Ангелов А.?) Повесть, како благочестивый царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси самодержец... врагов своих одоле и град Казань взял, между окт.1552 – сер.1553 // А.Н. Насонов. Новые источники по истории казанского «взятия» // Археографический ежегодник за 1960 год. М., 1962.
- Саначин, 2006 – Саначин С.П. «К вопросу реконструкции фортификации Казани 1550-х годов» // Казань в средние века и раннее новое время. Казань, 2006. С.66–71.
- Саначин, 2010 – Саначин С.П. Городские укрепления на территории Татарстана в описании XVIII века подполковника А.И. Свечина и гипотезы их местоположений // Первые Кремлевские чтения: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Региональные аспекты губернских реформ XVIII–XIX веков в России» (20–21.11.2008 г.). Казань, 2010. С.147–160.
- Седов, 1996 – Седов Вл.В. Псковская архитектура XVI века. М., 1996.
- Храпачевский, 2005 – Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2005.
- ЦК – Царственная книга, ок.1564 г. // ПСРЛ, т.13 (втор. пол.), 1906.

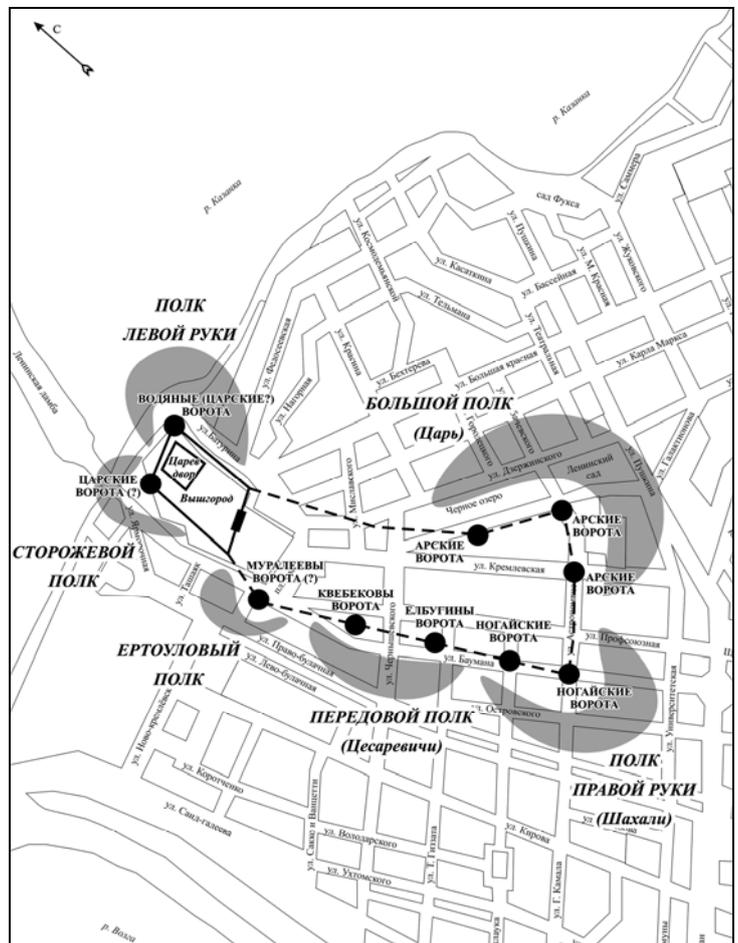
Илл. 1. Пример вариантов реконструкции укреплений Казани с посадскими стенами по обеим сторонам Булака.

Илл. 2. Пример вариантов реконструкции укреплений Казани с посадскими стенами, не переходящими в Забулачье.

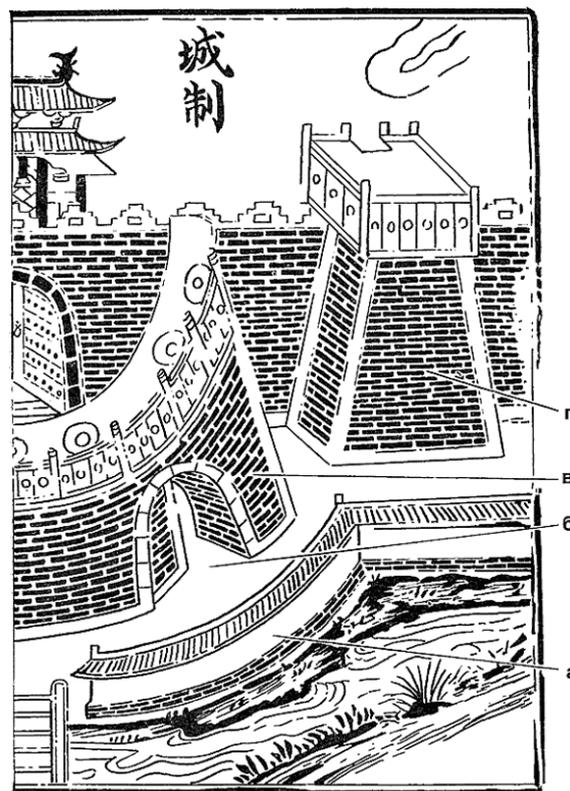

Илл. 3. Варианты реконструкции укреплений Казани с Черноозерской впадиной за пределами посадских стен (Ситдииков А.Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 204–205).

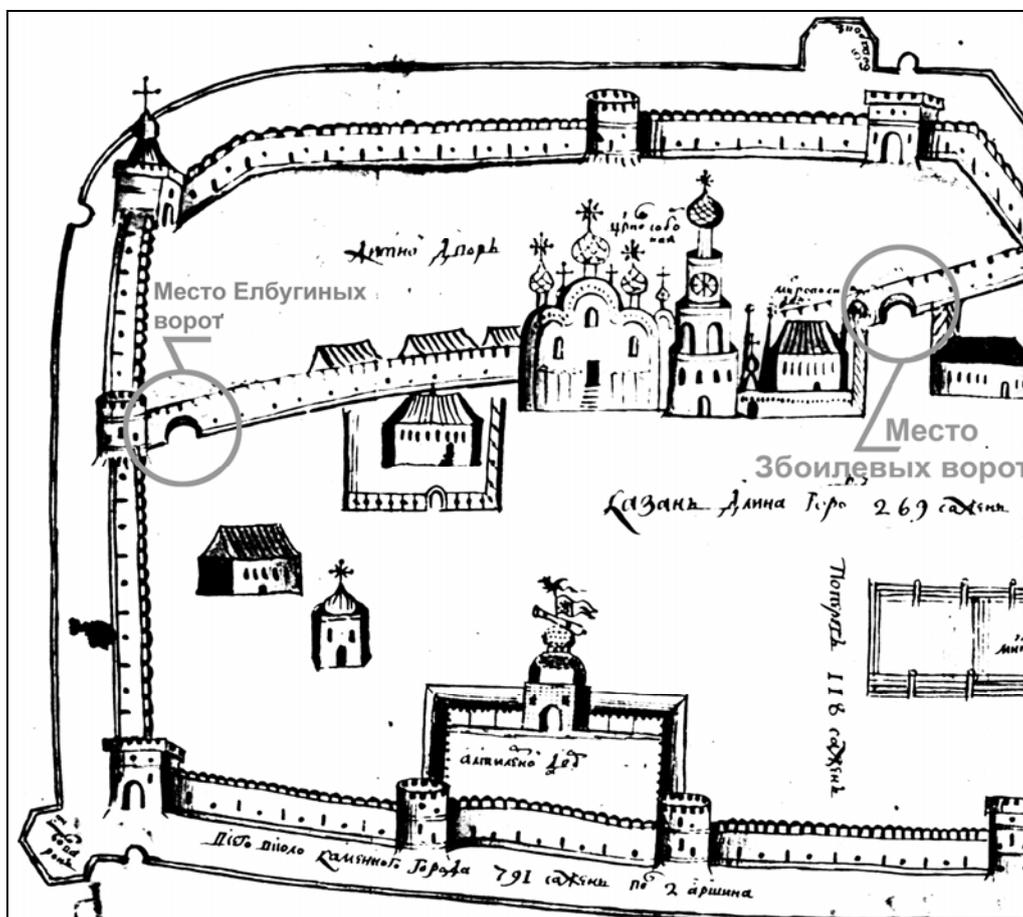

Илл. 4. Всякие ворота крепости были защищены великими тарасами, насыпанными землею (миниатюра Лицевого летописного свода).

Илл. 5. В – предворотная стена (взн чэн) в системе укреплений средневековой китайской городской стены.

Илл. 6. Ворота Казанской крепости 17 века на месте Елбугиных и Збоиловых ворот на «Чертеже Казанском».

Илл. 7. Збоилевые ворота на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 8. Крымские ворота на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 9. Тройка Арских ворот (Аталыковы, Арские, Царевы) на миниатюре Лицевого летописного свода.

Илл. 10. Закладка за рвом крепости Спасской церкви на миниатюре Лицевого летописного свода.

Экспликация к илл. 11.

№	Объекты защитников Казани		Объекты атакующей стороны и некоторые объекты после 1552 года
1	«Град» (крепость из городней)	№1	Подкоп под ход к тайнику
2	«Царевы ворота» с тарасами	№2	Подкоп под тарасы у Царевых ворот
3	«Арсские ворота» с тарасами	№3	Подкоп под «стрельню на углу» от Поганого озера
4	«Атальковы ворот» с тарасами	№4	Подкоп под «стрельню на углу» от Булака реки
5	«Тюменские ворота» с тарасами	А	Туровые линии
6	«Муралеевы ворота» с тарасами	Б	Крепость из «больших туров Воротынского»
7	«Елбугины ворота» с тарасами	В	«Большие туры», приближенные ко рву
8	«Крымские ворота» с тарасами	Г	«Спасские ворота и церковь»
9	«Збойлевы ворота» с тарасами	Д	«Киприана и Устинии церковь»
10	«Кабачкие ворота» с тарасами	Е	«Сергия чудотворца церковь»
11	«Великая вежа» (по Курбскому)	Ж	«Сергиевские ворота»
12	«Стрельня на углу» (2 шт.)	И	«Никольские (Тайницкие 19 в.) ворота»
13	«Арская башня»	К	«Дмитриевские ворота»
14	«Царев двор»	Л	«Город деревянный» (острог посада 17 в.)
15	«Мечеть Кулшериф» (в составе текке)	М	«Башня Тайнишная проезжая» (17 в.)
16	«Мечеть Муралеева» (дюрбе)	Н	«Спаский монастырь»
17	«Мечеть» (дюрбе)	П	«Конюшенный двор» Спасо-Преображенского монастыря
18	«Тезицкий ров»	Р	Ключ
19	«Ров града» («Ров немалый»)		
20	«Даирова баня»		
21	Подземный ход к «тайнику (резервуару) в берегу»		
22	«Угольная вежа» (по Курбскому)		
23	Внутренние тарасы		
24	Мосты и норы (4 шт.)		

С.П. Саначин

КАЗАН ЙОРТЫНЫҢ СОҢҒЫ КӨННӨРЕНДӘ АНЫҢ БАШКАЛАСЫ КИРМӘНЕНЕҢ НЫҒЫТМАЛАРЫ ТУРЫНДА ГИПОТЕЗА

Ачыкч сүзләр: Казан ханлыгы, казан кирмәне, Казанны 1552 елда алу, кирмән капкалары һәм башнялары, турлар, тараслар,

Аннотация. Автор, елъязмаларны, А.Кубский истәлекләрен, 1565–1567 елгы Казан шәһәре жан исәбен алу кенәгәләрен, XVIII гасыр шәһәр планнарын янча укып һәм анализлап, 1552 елны казанлылар фәкәт кирмән диварларын гына саклаганнар, һәм бу вакытка инде шәһәр диварлары юкка чыгарылган булган дигән нәтижә ясый. Мәкаләдә шулай ук авторның казан кирмәне башнялары урнашу реконструкциясе урын алган.

S.P. Sanachin

HYPOTHESIS OF FORTIFICATION OF THE CAPITAL OF THE KAZAN KHANATE ITS LAST DAYS

Keywords: The Kazan khanate, the Kazan fortress, capture of Kazan in 1552, gate of fortress and посад, Tarrasa, rounds.

Annotation. On the basis of new reading and a sopuspostavleniye of chronicles, A.Kurbsky's memoirs, pistovoy books of Kazan of 1565–1568, city maps of the XVIII century the author draws a conclusion that in 1552 citizens of Kazan protected actually fortifications and by this time defenders destroyed posadsky walls. Author's reconstruction of an arrangement and localization of towers of the Kazan fortress is also presented in article.

Саначин Сергей Павлович – архитектор-градостроитель (г.Казань).

E-mail: sanachin.sp@gmail.com

Саначин Сергей Павел улы – шәһәр төзүче архитектор (Казан шәһәре).

Sanachin Sergey Pavlovich – architect-town-planner (Kazan).

Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т.Разиным*

Ключевые слова: Крымское ханство, Войско Донское, переписка, войсковой архив, крымские ханы, атаман С.Т. Разин.

Аннотация. В статье рассмотрены малоизученные вопросы контактов атамана С.Т. Разина с крымскими ханами на рубеже 1660–1670-х гг. Проблема дипломатических контактов донских казаков и Крымского ханства представлена на фоне истории архива Войска Донского, истории войскового делопроизводства.

Проблематика статьи вписана в контекст актуальных тем, относящихся к прошлому донского казачества XVII в., недостаточно изученных наукой. Среди них назовем: документирование деятельности Войска Донского и формирование войскового архива, историю письменных сношений Войска Донского с соседними народами и с государствами – дипломатическими партнерами донских казаков; неконфронтационные отношения донского казачества с государствами Востока (на первом месте среди которых – Крымское ханство и Османская империя), дипломатическое искусство донских казаков и казачьих лидеров (атаманов). Обращение к истории дипломатических контактов Войска Донского с Гиреями и Османами крайне важно в связи с изучением явлений, влиявших на донское казачество, но развивавшихся вне конкретной политической и социальной системы России. Недостаток таких исследований ощущается и сегодня, порождая определенные историографические стереотипы. Наконец, речь идет об изучении информационного пространства XVII в. как сферы, формирующей представления о казаках далеко за пределами Донской земли.

Актуально, кроме того, связать развитие войскового делопроизводства с эволюцией социального устройства Войска Донского, его потестарных структур, а также с развитием на Дону тех форм фиксации действительности, которые, строго говоря, были не вполне характерны для правового сознания донских казаков XVI–XVII вв. Очевидно, что проблема выходит за пределы такого интересного вопроса как распространение письменности, грамотности и просвещения на Дону [Королев, 1999, с.92–113]. Не менее важно исследовать вопрос о письменной форме коммуникации казаков с разными участниками исторического процесса (включая процедуры создания, использования, хранения документов) как об источнике легитимации войсковой верхушки, закрепляющем за ней властные полномочия. Новая форма знания и фиксации событий на бумажной основе становится все более значимой, ее символический капитал очевиден – вероятно, в этой связи перспективно исследовать вопрос о формировании и возможной реконструкции войскового архива, об источниках его комплектования, а также об использовании войсковой делопроизводственной документации как формы самопрезентации Войска Донского. Историю войскового архива можно связать при этом с формированием круга профессионалов, участвовавших в его создании и обслуживании (войсковых дьяков [Куц, 2004; Рыблова, 2006, с.378–379]), войсковых структур и явлений, маркирующих их функции. Так, согласно свидетельству 1685 г.¹, в помещении *войсковой избы* хранились «...от польского короля к ним казаком и к Аюкаю тайше и в юрты к мурзам листы, а о чем, того де подлинно не доведася, потому что бывают де у них тайные круги с старшиною малыми людьми» [РГАДА, ф.111, оп.1, 1685 г., д.4, л.7]. Последующее разбирательство подтвердило переписку Войска Донского не только с польским королем Яном III Собеским и с его уполномоченными, но также с Войском Запорожским. Подчеркнем при этом – войсковая изба, являвшаяся главным центром, аккумулировавшим делопроизводственную документацию Войска Донского, была одновременно местом хранения *войскового архива*. При этом, безусловно, деятельность войскового дьяка и его помощников [Куц, 2009, с.217–218] была связана с властными полномочиями войскового круга в сфере создания документов, исходивших от Войска. Вопрос о роли войскового

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Проект №13-01-00173 «Южные границы России второй половины XVI – XVIII вв. и трансформация пограничных сообществ».

¹ Информантом Москвы выступил тогда Еремка Степанов, а источником его сведений – разговоры с донскими казаками.

дьяка в документирования деятельности Войска Донского далеко не праздный – даже если при тщательном изучении вопроса окажется, что текст войсковых отписок мог писаться в войсковом же кругу [Куц, 2009, с.211].

Письменная форма коммуникации со временем стала характеризовать османо-казачьи (азовско-донские) пограничные отношения, включая такой малоизученный аспект проблемы как «замирение» и «розмирение» сторон [Сень, 2009, с.77–79]. Даже после 1671 г. указанные акции – не редкость. Сроки, на период которых действовали соглашения подобного рода, были разными – до нескольких месяцев, вплоть до появления формулировки «безсрочно на сколько время они меж собой похотят». В войсковой отписке, привезенной в Москву зимовой казачьей станицей Л.Федорова (декабрь 1685 г.), сообщалось, в частности, что азовцы охотятся за казаками-гулебщиками. Причины «розмира» с турками виделись донцам в том, что «азовцы, за миром и за душами своими многие нам неправды чинили и обиды великие своим бездушием, и обманом казаков наших во многих местех многих людей побрали...» [РГАДА, ф.111, оп.1, 1685 г., д.11, л.2]. При описании подробностей, подчеркнем, донцы ссылались на *традицию* – прежние практики «замирения» с азовцами: «...им (казакам. – Д.С.) азовцы ниже донецково верхнева устья ездить не велят же, а в прежних... мирах ничего от них того нам не бывало. И в мировых наших того не писано, а у нас в тех местах звериные ухажьи и рыбные ловли...» [Там же, л.2]. Отметим деталь, ускользавшую часто от внимания специалистов – процедура очередного «замирения» сопровождалась *письменной* формой фиксации, будучи знаково (семиотически) маркированной обеими сторонами процесса.

Мы видим, что документально зафиксированные контакты казаков уместно исследовать в связи с расширением их «корреспондентской сети», отражающей, в свою очередь, политический кругозор донского казачества и, нередко, его международное положение. Анализ войсковой делопроизводственной документации, ориентированной не только на Москву, включает историю донского казачества в контекст международной жизни Европы [Махатка, 1958; Сень, 2011] и государств Востока, а также в сферу функционирования различных социальных сетей, имевших большое значение для Войска Донского. Обратим при этом внимание, что внешнеполитические отношения Войска Донского, облекавшиеся и в письменную форму, весьма беспокоили центральную российскую власть. Следовательно, подобные контакты можно исследовать в русле проблематики, связанной с историей подчинения донского казачества России и ликвидации его политической независимости.

Справедливо мнение А.П.Пронштейна, указавшего на связь таких явлений с проявлением самостоятельности со стороны казаков и после 1671 г. [Пронштейн, 1961, с.220]. Однако, несмотря на все старания Москвы, на новые удары по праву внешних сношений Войска Донского уже в начале XVIII в., донские казаки не очень-то спешили отказывать себе и дипломатическим партнерам, неугодным царю – Речи Посполитой, Азову, Крымскому ханству – в продолжении переписки [Пронштейн, с.220]. Ученый обратил внимание, что еще в 1718 г. крымский хан Сеадет (Саадет)-Гирей III направил Войску Донскому свой «лист», но его тут же переслали в Санкт-Петербург. Внесем определенное уточнение в хронологию завершающего этапа сношений Войска Донского с Крымским ханством, предложенную А.П. Пронштейном²: еще 14 января 1746 г. датировано письмо крымского хана Селим-Гирея II атаману Войска Донского Д. Ефремову, отосланное, как водится, в Санкт-Петербург [РГВИА, ф.20, оп.1/47, д.316, ч.1]. Отметим, что на это письмо Д. Ефремов ответил [Там же, л.8–8об.], а 16 февраля того же года написал хану другое письмо [Там же, л.187]. Переписка хана с атаманом имела место и позже; вступали потом в переписку с войсковым руководством и другие крымские ханы (Крым-Гирей). Похожая картина наблюдается в истории пограничного сотрудничества Войска Донского с администрацией османского Ачуева в 1740-е гг.³ Еще более тесные контакты, документально зафиксированные, характеризовали отношения верхушки Войска Донского с кубанскими сераскирами, причем переписка велась в обоих направлениях⁴.

² Ученый, с одной стороны, соотнес хронологию явления с 1713 г., с другой стороны, указал на 1718 г., когда крымской хан прислал от себя «лист» Д.Ефремову. При этом, безусловно, мы согласны с А.П.Пронштейном в том, что оценивать переписку Войска Донского с крымским двором *за разные периоды* нужно с учетом менявшегося статуса и положения Войска Донского. Конечно, о содержании такой переписки становилось известно в Санкт-Петербурге, что не могло не отражаться на построении текстов и на их содержании.

³ См. письмо ачуевского «оберегателя» Арсланбек-бия, назначенного на должность крымским ханом, атаману Д.Ефремову за январь 1746 г. [РГВИА, ф.20, оп.1/47, д.316, ч.1, л.7].

⁴ В частности, речь о переписке Д.Ефремова и кубанского сераскира Сеадет-Гирея за 1740-е гг. [Там же, л.105, 107–110, 143, 144, 145, 146а, 147]. В одном из документов Д.Ефремов упоминает о своих письмах друтому сераскиру, Селим-Гирею, а также Касаю-мурзе [Там же, л. 187].

Многолетние контакты Войска Донского и Крымского ханства за предыдущие, по отношению к событиям XVIII в., годы отразились в разных источниках. Представленная статья посвящена контактам (переписке) крымских ханов Адиль-Гирея и Селим-Гирея I⁵ с донским атаманом С.Т.Разиным и с его сподвижниками⁶. Связи Крыма и Войска Донского развивались во второй половине XVII в. под влиянием различных факторов, включая размах и географию народного движения под предводительством С.Т.Разина. Характерно, что крымско-казачьи отношения последней трети XVII в. оказались в значительной степени вынужденно актуализированы. Ещё в 1668 г. С.Т.Разин предполагал войти в сношения с крымским ханом Адиль-Гиреем через посредничество ногайского Исуп-мурзы. «Заинтересованный», вероятно, мятежным атаманом, этот знатный ногаец даже прибыл в Бахчисарай: «И хан де тому мурзе в прошенье войска не поверил, а говорил, что они изменники и *верить им не можно* (выделено нами. – Д.С.)» [Крестьянская война, т.IV, с.11]. По состоянию на осень 1668 г. (вероятно, ещё в ноябре) Исуп-мурза оставался в Крыму – свое окончательное решение хан не спешил выносить. Очевидно, перед нами – одно из самых первых известных специалистам свидетельств об установлении контактов между крымскими ханами и верхушкой Войска Донского. До описываемых событий, представляется, о подобных контактах на столь высоком уровне не могло быть и речи. Налицо инициативные действия о стороны С.Т.Разина по установлению контактов с крымским двором. А.В.Цюрюмов справедливо указал на сложный характер мотивации действий донского атамана, частично обусловленной сближением С.Т.Разина с калмыцким тайшой Мончаком [Цюрюмов, 2007, с.112].

В случае с перепиской конца 1660-х гг. инициатива действительно исходила от атамана С.Т.Разина, намеревавшегося обрести союзников в лице самых разных участников, включая Крым, Запорожскую Сечь, калмыков, гетмана Правобережной Украины П.Дорошенко и пр. Интересно при этом проанализировать каналы, формы коммуникации всех «антироссийских» союзников и корреспондентов атамана С.Т.Разина. Показательной предстает реакция крымского хана Адиль-Гирея – окрашенная тогда в *эмоционально-негативные тона*. Перекопский Бей-мурза подтвердил в том же 1668 г. возвращающемуся из Крыма в Москву гонцу И.Суздальцеву, что С.Т.Разин присылал в Крым «просить людей, чтоб ему зимою итти на Дон и весь Дон разорить» [Крестьянская война, т.IV, с.12]. По версии этого информанта московского гонца, в Крыму якобы было решено согласиться с предложением атамана и «итти зимою». Впрочем, мурза не уточнил, когда именно в Крыму случилась «Стенькина присылка». Безусловно, в ходе дальнейшего изучения вопроса может оказаться, что речь идет о разных событиях. Вместе с тем, характеризуя источники, можно полагать, что вряд ли Крым организовал тогда масштабную информационную провокацию, адресованную Москве. В словах, исходивших от крымской стороны, вряд ли целесообразно искать «потенциальный смысл», состоявший в намерении ханского двора дезинформировать российскую сторону.

Позже, летом 1670 г. [Крестьянская война, т.II, ч.1, с. 552], атаман С.Т. Разин не оставил попыток вступить в контакт с крымским ханом: «...и в Крым де от него, Стеньки, присылка, чаять, будет же» [Там же, с.34]⁷. Украинская исследовательница М.В.Кравец нашла и опубликовала до того неизвестное в науке письмо крымского хана Адиль-Гирея Степану Разину от 3 (13) августа 1670 г. Находка, по-нашему мнению, имеет принципиальное значение для развития научной дискуссии о формах и способах коммуникации Войска Донского с крымскими ханами в XVII в., не говоря уже о более масштабной проблеме – истории дипломатической деятельности повстанцев. Оригинал письма не сохранился. Написано оно было на польском языке⁸, перевод несохранившие-

⁵ Правление хана Адиль-Гирея: конец 1666 г./май 1671 г., хана Селим-Гирея I: май 1671 г./декабрь 1677 г. [Le Khanat de Crimée, 1978, p.365]. Ср. у В.Д.Смирнова: Адиль-Гирей: март 1666 г./май 1671 г., Селим-Гирей I: май 1671 г. / (декабрь – ?) 1677 г. [Мининков, 1998, с.412, 417, 421].

⁶ При формулировке названия статьи указанный факт сознательно опущен.

⁷ Составители сборника «Крестьянская война...» (Т.П. Ч.1) скептически отнеслись к данному известию, ссылаясь, в частности, на возможность двоякого прочтения аналогичного сообщения – см. текст на с.552 указанного тома. Между тем, здесь же, рядом со словами толмача П.Кучюмова, приводимыми в предыдущей сноске, находим: «Жилец Кузьма Коржавин про вора сказал *те ж речи* (выделено нами – Д.С.)». Вопрос о сношениях С.Т.Разина с ханским двором является частично решённым и, вместе с тем, перспективным.

⁸ Для канцелярских традиций Крымского ханства было характерно использование разных, в т.ч. славянских, языков, в сфере межгосударственной переписки. Правда, уже в середине XVII в. послания на польском языке воспринимались, скорее, как «исключения из правил («вопреки обычаю»). В роли писцов выступали пленные польские шляхтичи. Заверяли такие польские грамоты арабографичными печатями ханов» [Зайцев, 2010, с.22]. Как видим, еще в конце столетия практики составления посланий на польском языке имели место. Вместе с тем, отсутствуют сведения о печати хана Адиль-Гирея, удостоверявшей текст.

гося оригинала сделан служащими Посольского приказа в 1673 г.⁹ Именуя С.Т.Разина «шляхетным Стенкой славным»¹⁰, хан Адиль-Гирей указывал на «писание» атамана, подтверждая тем самым отправку с Дона в Бахчисарай, *как минимум*, одного письма. Но главное: «И аще ли есте с нами хотите быть в ссылке, тогда надобно, чтоб вы своих посланцов да Тахтарали Гаджи, моего слуги, посылали, которой там на границе блиско вас живет. Мы оному вручили есмы, чтоб сносился с нами» [Кравец, 1991, с.25]. Показательно, указывает М.В.Кравец, что Адиль-Гирей вспоминает о договоре повстанцев Б. Хмельницкого с крымским ханом Ислам-Гиреем III, считая возможным заключить подобный договор со С.Т.Разиным [Там же, с.23].

Но, как оказалось, попытки установить контакты путем переписки особого результата сторонам не принесли. Позиции несостоявшихся союзников существенно различались, причем обе стороны понимали значение такой коммуникации. *Незаключение* возможного союза Крыма и Войска Донского определялось, в числе других причин, историческим грузом их взаимного недоверия и конфронтации¹¹. Ситуация, скорее всего, не изменилась бы, даже если не видеть в морских ударах донских казаков лета 1670 г. урона крымским владениям [Крестьянская война, т. II, ч. 1, с.33]. Вместе с тем, неслучайно крымские послы в Москве Сефер-ага и Мустафа-ага 21 (11) октября 1670 г. уведомили дьяка Посольского приказа Я. Поздышева о готовности хана Адиль-Гирея, ссылаясь на текст его шертной грамоты, помочь царю Алексею Михайловичу в подавлении восстания: «И буде те воры не усмирятца, а поволит царское величество ханову величеству их усмирить, и ханово де величество усмирит их вскоре» [Крестьянская война, т. II, ч. 2, с.117].

О выступлении С.Т.Разина было хорошо известно при султанском дворе. Известия о том, что атаман изготовил множество судов и «хочет итить на Черное море к турским кра[ям]», полученные в Москве 11 марта 1671 г., вызвали едва ли не переполох в Османской империи. Оповещённый азовским Сулейманом-пашой, великий визирь «многие де турецкие города, при море будучие, приказал... укрепить и воинскими и всякими запасы пополнить» [Крестьянская война, т. IV, с.41]. Особо отметим опасения турок-османов, «чтоб казаки Озова не взяли, потому что крепко де Черное море Озовом, а естли де Азов доста[нетца] в руки казаком, и на Черное море и выгитить им будет нельзя...» [Крестьянская война, т. IV, с.42]. Мало кто обращал внимание на тот факт, что выступление С.Т.Разина вызвало соответствующую переписку между Бахчисараем и Стамбулом, что правитель Крыма «почасту» писал султану Мухаммеду IV о Разинском выступлении, что в Азов поступали сведения о действиях С.Т.Разина. В частности, на такой сюжет, относящийся к 1670 г., обратил внимание Н.А. Мининков [Мининков, 1998, с.424]. Известно также, что крымский хан Селим-Гирей I писал султану об установлении контактов с мусульманскими народами Поволжья, поддержавшими С.Т.Разина. Наконец, гетман Левобережной Украины И. Брюховецкий, предполагавший создание альянса антимосковских сил, обращался за помощью не только к С.Т.Разину, но также к крымскому хану Адиль-Гирею и к султану Мухаммеду IV [Кравец, 1991, с.22]. Известно, помимо прочего, о попытках С.Т.Разина завязать контакты с азовским пашей и с ногайскими мурзами [Крестьянская война, т. III, с.54]. В среднесрочной перспективе могут быть предложены дополнительные основания для актуализации вопроса о международном резонансе Разинского выступления, породившего отклики не только в Европе, но при дворах восточных правителей. Один из аспектов проблемы – распространявшаяся информация (включая слухи) о происхождении, внешнем виде и личных характеристиках С.Т.Разина.

Из статейного списка возвратившегося из Крыма подьячего Г. Михайлова (1671 г., апреля 16) становится известно об одном любопытном факте, а именно, о «метисном», возможно, происхождении мятежного атамана. Кто-то из крымских чиновников заявил, что крымскому хану Адиль-Гирею получил известие от азовского паши и от ногайских мурз, что «объявился с ваши стороны на Волге казак тума Стенька Разин и набрал де от многих самовольников русских людей и нагайцов» [Там же, с.54]. Правда, составители сборника, в котором опубликован документ, посчитали приведенное свидетельство хотя и интересным, но не вполне правдоподобным. Современный автор В.М.Соловьев также отмечает, что С.Т.Разин, по не вполне достоверным данным, известен был на Дону как «тума», т.е. сын русского и турчанки. В отличие от него ни старший брат, имя которо-

⁹ Ниже по тексту мы объясняем, почему перевод был сделан *именно* в 1673 г.

¹⁰ Такая форма обращения не столько поднимала статус адресата, сколько позволяла адресанту, крымскому хану, вступить в переписку с «неравным» дипломатическим партнером.

¹¹ Своеобразие ситуации состояло в том, что отношения Крымского ханства с Войском Запорожским развивались по иному сценарию, характеризовавшемуся большей степенью доверия, боевым содружеством, военными и военно-политическими союзами.

го нам неизвестно, ни младший, Фрол, нигде «тумой» не именуется. Быть может, задается вопросом В.М.Соловьев, Тимофей Разин привез из очередного похода приглянувшуюся ему пленницу и прижил с ней ребенка [Соловьев, 1994, с.41]? Косвенным подтверждением метисного происхождения С.Т.Разина, по В.М.Соловьеву, может служить тот факт, что предводитель крестьянской войны, возможно, по преувеличенным сведениям секретаря шведского посольства в Персии Э.Кемпфера, помимо русского, украинского и польского языков, свободно владел языками «тюркской группы»: турецким, татарским, калмыцким. Вместе с тем, «С.Разин, очевидно, от природы был полиглотом: предполагают, что он вполне сносно изъяснялся с калмыками и ногайцами, а также неплохо понимал фарси» [Там же, с.42].

Обратим внимание на следующий факт – крымский хан Адиль-Гирей предпринял попытку расширить контакты с повстанцами С.Т.Разина: свое письмо¹² он направил В.Усу, одному из ближайших соратников С.Т.Разина и Ф.Шелудяку (Шолудяку), атаману в Астрахани, активно поддерживавшему мятежного донского атамана. Письмо хана добралось до Астрахани и попало в руки «воровскому» войсковому подъячему Я.Ефремову. Этот свидетель, державший документ в руках, показал позже на допросе, что после изготовления списка (перевода?) с письма хана «то де крымское и его, Янкино, письма послали они к Стеньке Разину под Синбирск (таким образом, речь идет о событиях осени 1670 г.¹³, когда престол в Крыму занимал Адиль-Гирей – Д.С.)» [Крестьянская война, т.Ш, с.258]. Подчеркнем, что «с пытки» Я.Ефремов свои слова об указанной переписке подтвердил. Как оказалось в итоге, переписка крымского хана Адиль-Гирея с Войском Донским при атамане С.Т.Разине имела место – относить информацию о ней к сфере слухов и нереализованных замыслов сторон перевести свои отношения на новый уровень, конечно, нельзя.

Между тем связи ханского двора с донскими казаками получили новый импульс, новую обратную связь – уже после отрешения от власти Адиль-Гирея весной 1671 г. Показательным считаем намерение нового крымского хана Селим-Гирея I ударить в том же году «ему с Стенькою и с астраханскими и с нагайскими татарами и со всем Крымом... на Московское государство войною» [Крестьянская война, т.Ш, с.82]¹⁴. Обратим внимание на следующую деталь: в годы третьего своего правления¹⁵ именно Селим-Гирей I поддержал донских казаков-старообрядцев, перешедших в кубанские владения ханов в начале 1690-х гг. [Боук, 2001, с.25]. Считаем, что управленческие практики хана времен первого правления вполне могли тому способствовать. В 1688 г. перебежчик из османского Азова сообщал Войску Донскому о якобы имевшем место уходе крымского хана (тогда в Крыму правил именно Селим-Гирей I. – Д.С.) за Перекоп, из опасений лишиться престола по воле султана Сулеймана II. Перебежчик уточнял, что намерение хана состоит в том, чтобы «отложитца к Черкасскому или к Донским казаком (выделено нами. – Д.С.) и салтану турецкому чинить отмщение» [Дополнения, 1872, с.227–228]. Возможно, в данном случае до жителей Азова дошли известия о том, что в ответ на предложение из Стамбула выступить в венгерский поход хан ответил отказом, мотивируя «необходимостью заняться охраной собственных владений, которым угрожало вторжение ляхов и московцев» [Смирнов, 2005, с.434]. При султанском дворе были встревожены таким поведением хана – начались разговоры о претензиях хана Селим-Гирея I на самостоятельность.

Решив все же отправиться в Стамбул, хан выехал туда в январе 1689 г. – где его самым достойным образом принял султан Сулейман II. Направленность слухов о возможном укрывательстве хана-«мятежника» (у казаков на Дону) весьма интересна – невероятного в том турки-османы не находили. Таким образом, при анализе процессов, характеризующих развитие крымско-казачьих отношений, необходимо учитывать роль информационного пространства, включающего в себя область слухов, пересказов, передачу разведывательной и т.п. информации, как оказывается, влиявших на изменение коллективных и индивидуальных представлений населения Крымского ханства, донского казачества друг о друге.

В 1673 г. Москва озаботилась изъятием ханских «листов», ещё остававшихся *почему-то* в Войске и хранившихся, полагаем, в войсковой избе. Царской грамотой от 2 января 1673 г. Войску Донскому повелевалось прислать указанные «листы» с толмачом И.Кучюмовым, направляемым из Москвы на Дон [Крестьянская война, т.Ш, с.288]. В конце января того же года И.Кучюмов был заслушан

¹² В одной из своих публикаций мы допустили ошибку, посчитав, что писем, адресованных В.Усу и Ф.Шелудяку, было несколько [Сень, 2009, с.35].

¹³ Точнее, о событиях сентября-октября 1670 г.

¹⁴ Эти известия были получены в Посольском приказе 3 июня 1671 г., между тем как ханом Селим-Гирей I стал всего лишь за месяц до описываемых событий [Смирнов, 2005, с.417].

¹⁵ Октябрь 1692 г. – февраль 1699 г.

в казачьем кругу в Черкасске, после чего донские казаки «те листы хана крымского, что писал к Стеньке Разину, сыскав у себя в войску, отдали ему тотчас» [Там же, с.291]. Обращает на себя внимание та быстрота, с которой казаки приняли решение об отдаче писем, конечно, превосходно зная о месте их хранения. Немного времени, судя по всему, понадобилось на процедуру поиска писем в войсковом архиве. Анализировавшееся выше письмо хана Адиль-Гирея к С.Т.Разину вместе с другими «листами» было доставлено в Москву Иваном Кучюмовым 27 февраля 1673 г. [Кравец, 1991, с.25], а уже на следующий день его расспрашивали в Посольском приказе. Обращают на себя внимание детали всей этой истории, масштабы которой далеко выходят за рамки нереализованного союза (союзов) крымских ханов с мятежным атаманом. Оказалось, что информация о письмах была получена в Москве «стараниями» станичного атамана Ф.Минаева (будущего войскового атамана), между тем как Войско Донское возглавлял тогда К.Яковлев. Обращают на себя внимание следующие обстоятельства:

– актуализация информации о хранящихся в Войске «опасных» письмах носила инспирированный характер. Скорее всего, в действиях информатора – Ф.Минаева, участника Разинского выступления, «прославившегося» затем исключительной лояльностью Москве и ставшего войсковым атаманом, имелся определенный прагматический и политический расчет;

– участники событий, связанных с изъятием из Войска ханских «листов», говорили о них во множественном числе. Вероятно, имеет смысл возобновить поиски писем (копий) в российских архивах – прежде всего, в РГАДА. Стоит предположить, что таких писем, как минимум, имелось два. Авторство второго документа может быть приписано, прежде всего, хану Селим-Гирею I;

– укрывательство, по своей сути, атаманом К.Яковлевым ханских писем как важных уликов «воровства» не только С.Т.Разина, но, собственно говоря, и Войска Донского. При этом возникает вопрос, зачем Войску нужно было хранить столь «опасные» письма, сохранявшие для него определенное значение? Следовательно, войсковое руководство имело здесь свои резоны, вероятно, сознательно поддерживая опыт хранения в войсковом архиве документов, связанных с разными государствами и народами, переписка с которыми имела место.

Исход «разинщины» оказался знаменательным в следующем отношении – летние события 1671 г. привнесли в историю донского казачества *первую* для него присягу, по которой атаманы и казаки были приведены «к вере» сначала в Москве. Те же действия надлежало провести вскоре на Дону: полковник Г.Косагов и дьяк А.Богданов, получившие подробный наказ с текстом присяги, отбыли на Дон в июле 1671 г., как указывает С.И.Рябов. Направляясь на Дон во главе крупного отряда ратных людей, царские посланцы прибыли 24 августа, а 29 августа 1671 г. состоялась присяга¹⁶. Среди условий, выдвинутых Войску, содержащихся в тексте присяги, обращает на себя внимание следующее: «И в Крым (выделено нами. – Д.С.), и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в иные государства не отъехать, и из города и ис полков без указу великого государя и без отпуску не съехать, и города не здати, и в полках воевод не покинути, и с его государевыми недруги и со изменники не ссылатися» [Крестьянская война, т. III, с. 148].

Мы видим, что территория Крымского ханства стоит на *первом месте* среди возможных направлений «измены» донских казаков. О землях Османской империи речь не идет, хотя бегство казаков в османский Азов раньше имело место [Сень, 2010]. С.И.Рябов, не приводя аргументации, пишет, что такое «неупоминание» связано с компромиссным характером присяги [Рябов, 1992, с.81]. Тогда возникает вопрос – готова ли была Москва отказаться от контроля над интенсивными контактами казаков с османским Азовом? Маловероятно. «Странность» ситуации состоит здесь и в том, что в Москве было хорошо известно о многолетних практиках Войска Донского по «замирению» и «розмирению» с османским Азовом. При характеристике документа также отметим, что у нас нет пока свидетельств об уходе казаков в Крым, либо в ногайские владения Гиреев (Кубань) в 1660-е–1670-е гг. Вместе с тем, подозрения Москвы имеют под собой весомые основания – как было показано выше, Войско Донское и Крымское ханство хотя и медленно, но преодолевали взаимные предубеждения о возможности мирного и боевого сотрудничества. Показательно, что российская сторона, заставившая донских казаков присягнуть, пыталась предупредить впредь их «ссылки» с «государевыми недруги». Полагаем, что именно письменная форма таких «ссылок» беспокоила Москву прежде других.

При дальнейшем изучении темы следует обратиться к такому источнику информации о подобных связях, как слухи, распространившиеся в России, в Азове, в Крыму. Анализ слухов, скорее всего,

¹⁶ Об обстоятельствах принесения казаками присяги, некоторые ее оценки см. [Мининков, 2006, с.32–33].

выявит дополнительные сведения, связанные с перепиской правящих крымских ханов и казачьих войсковых элит. Мы относим слухи к информационному пространству менявшейся исторической ситуации, когда в конце XVII в. возможным стал переход группы донских казаков-старообрядцев на Кубань [Сень, 2011а; Усенко, 2000]. Без обращения к предпосылкам и причинам такого исключительного для отношений Крымского ханства и донского казачества явления, объяснить действия сторон было бы проблематично. Исследование неконфронтационных форм их коммуникации, включая переписку правящих ханов и войсковых элит, существенно расширяет наши представления о процессах, связанных с политической историей Войска Донского разинского и послеразинского времени¹⁷, с освоением донскими казаками Северного Кавказа на рубеже XVII–XVIII вв.

Список источников и литературы

Боук, 2001 – Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток (Oriens). 2001. №4. С.30–38.

Дополнения, 1872 – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографическою комиссиею. СПб., 1872. Т.12. – 423 с.

Зайцев, 2010 – Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV–XIX вв.: пути развития: рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2010. – 304 с.

Королев, 1999 – Королев В.Н. Донские казаки в XVII–XVIII вв.: походы, кругозор и просвещение // Проблемы источниковедения и отечественной истории. (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов на/Д., 1999. С.92–113.

Кравець, 1991 – Кравець М.В. Невідомий лист кримського хана Адиль-Гірея до Степана Разіна // Дослідження з історії Придніпров'я: соціальні відносини та суспільна думка: Збірник наукових праць. Дніпропетровськ, 1991. С.21–25.

Крестьянская война, т. II, ч. 1 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М. Изд-во АН СССР, 1957. Т. II. Ч. 1. – 665 с.

Крестьянская война, т. II ч. 2 – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. Ч. 2. – 243 с.

Крестьянская война, т. III – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док. / Сост. Е.А.Швецова, ред. проф. А.А.Новосельский. М. Изд-во АН СССР, 1962. Т. III. – 491 с.

Крестьянская война, т. IV – Крестьянская война под предводительством Степана Разина: Сб. док-в. / Сост. Е.А.Швецова, ред. – акад. Л.В.Черепнин, д.и.н. А.Г.Маньков. М.: Изд-во АН СССР, 1976. Т. IV (дополнительный). – 280 с.

Куц, 2004 – Куц О.Ю. Биографические сведения о донских атаманах, войсковых есаулах и войсковых дьяках второй трети XVII в. (1637–1667 гг.) // Очерки феодальной России / Ред. С.Н.Кистерев. М., 2004. Вып. 8. С. 122–164.

Куц, 2009 – Куц О.Ю. Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – 456 с.

Мининков, 1998 – Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов на/Д.: РГУ, 1998. – 512 с.

Мининков, 2006 – Мининков Н.А. Основы взаимоотношений Русского государства и донского казачества в XVI – начале XVIII вв. // Казачество России: прошлое и настоящее: Сб. науч. статей. Вып. 1. Ростов на/Д.: ЮНЦ РАН, 2006. С. 25–37.

Махатка, 1958 – Махатка О. Дипломатическая деятельность «Священной лиги» среди казачества и калмыков в 1683–1686 гг. // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и лит.-ры. Л., 1958. Вып. 3. С. 35–45.

Пронштейн, 1961 – Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов на / Д.: РГУ, 1961. – 375 с.

Рыблова, 2006 – Рыблова М.А. Донское братство: Казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX века. Волгоград: ВолГУ, 2006. – 240 с.

Рябов, 1992 – Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. Волгоград: ВГПИ, 1992. – 224 с.

РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 4.

РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. 1685 г. Д. 11.

РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 316. Ч. 1.

Сень, 2009 – Сень Д.В. Казачество Дона и Северо-Западного Кавказа в отношениях с мусульманскими государствами Причерноморья (вторая половина XVII в. – начало XVIII в.). Ростов на/Д.: ЮФУ, 2009. – 280 с.

Сень, 2010 – Сень Д.В. Казаки-перелеты // Родина. Российский иллюстрированный журнал. 2010. №3. С. 63–65.

¹⁷ Послеразинская эпоха или, точнее, последняя четверть XVII вв. – один из наименее изученных периодов в истории донского казачества. Достаточно часто указанное время получает освещение в связи с предысторией Булавинского выступления, что не мешает современному исследователю оценить эпоху как самостоятельный период в истории казачьего Дона, нуждающийся в отдельном монографическом изучении.

Сень, 2011 – Сень Д.В. Контакты Войска Донского с Речью Посполитой в 1680-е гг. // Воєна історія Наддніпрянщини та Донщини: Наук. сб.: Мат-ли. Всеукр. наук. військово-історичної конф. Київ, 2011. С.92–97.

Сень, 2011а – Сень Д.В. Из «вольных» казаков – в поданные крымских ханов: казачьи сообщества Дона и Кавказа в конце XVII – начале XVIII вв. // Восток (Oriens). М., 2011. №5. С.46–54.

Сень, 2011б – Сень Д.В. Казаки Крымского ханства: начальный этап складывания войсковой организации и освоения пространства (1690-е гг. – начало XVIII в.) // Тюркологический сборник 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье / Ред. кол. С.Г. Кляшторный и др. М., 2011. С.289–320.

Соловьев, 1994 – Соловьев В.М. Анатомия русского бунта: Степан Разин: мифы и реальность. М., 1994. – 252 с.

Смирнов, 2005 – Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века / Отв. ред. С.Ф.Орешкова. М.: Рубежи XXI, 2005. – 542 с.

Цюрюмов, 2007 – Цюрюмов А.В. Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений. Элиста: Джангар, 2007. 464 с.

Усенко, 2000 – Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. Тверь, 2000. Вып. 2. С.63–67.

Le Khanat de Crimée, 1978 – Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı / Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaiye, Chantal Lemerrier-Quellejeay. Paris, 1978. – 458 p.

Д.В. Сень

**КЫРЫМ ХАНЛЫГЫ ҺӘМ ДОН КАЗАК ГАСКӘРЕНЕҢ
ДИПЛОМАТИК МӨНӘСӘБӘТЛӘРЕ: ГӘРӘЙЛӘРНЕҢ
АТАМАН С.Т.РАЗИН БЕЛӘН ХАТ ЯЗЫШУЛАРЫ**

Ачыкч сүзләр: Кырым ханлыгы, Дон казак гаскәре, гаскәр архивы, хат язышу, кырым ханнары, атаман С.Т.Разин

Кыскача эчтәлек. Мәкаләдә атаман С.Т.Разинның 1660-1670 елларда кырым ханнары белән моңарчы аз йөрәнелгән контактлары яктыртыла. Дон казакларының Кырым ханлыгы белән дипломатик элемтәләре мәсьәләсе казак гаскәре архивы тарихы һәм гаскәрдәге рәсми кәгазьләр тутыру тарихы аша бирелә.

D.V. Sen

**DIPLOMATIC RELATIONS OF THE CRIMEAN KHANATE
AND ARMY DON: CORRESPONDENCE OF KHANS
OF A GIREY DYNASTY WITH ATAMAN S.T.RAZIN**

Keywords: Crimean Khanate, Army Don, correspondence, army archive, Crimean khans, ataman S.T.Razin.

Annotation. In article the low-studied questions of contacts of ataman S.T.Razin with the Crimean khans at a boundary of the 1660–1670th are considered. The problem of diplomatic contacts of the Don Cossacks and the Crimean khanate is presented against history of archive of Army Don, stories of army office-work.

Сень Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Южного федерального университета (г.Ростов-на-Дону).

E-mail: dsen1974@mail.ru

Сень Дмитрий Владимир улы – тарих фәннәре докторы, Көнъяк федераль университетының профессоры (Ростов-на-Дону шәһәре).

Sen Dmitry Vladimirovich – doctor of historical sciences, professor, the Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Карты С.У.Ремезова и записки Г.Ф.Миллера как источники по изучению системы расселения и численности сибирских татар

Ключевые слова: карты С.У.Ремезова, записки Г.Ф.Миллера, расселение, численность сибирских татар.

Аннотация. На основании анализа карт С.У.Ремезова, записок Г.Ф.Миллера и результатов археологических изысканий в статье анализируется система расселения народов Западной Сибири, выявляется территория проживания, охотничьи и хозяйственные территории, контактные зоны, где соприкасались люди разных конфессий, культуры и этнической принадлежности. Делается вывод о том, что места расположений татарских юрт первой трети XVIII кардинально не изменились сразу после прихода русских. Вытеснение татар с их земель коренных земель началось несколько позже.

Группа омских этнографов и археологов во главе с Н.А.Томиловым с 1991 года ведет работы по исследованию этнографо-археологических комплексов (ЭАК) народов Западной Сибири, изучая, главным образом, материалы тарских татар и русских старожилов, проживающих по берегам Иртыша и его притоков Оша и Тара преимущественно в Большереченском и Тарском районах Омской области. Результаты их исследований представлены большим количеством публикаций, библиография которых содержится в ряде обобщающих работ. [Корусенко, Тихонов, Томилов, 1998, с.263–271; Корусенко, Томилов, 2004, с.279–297; Корусенко, Томилов, 2009, с.313–347].

Объект исследований – ЭАК татар и русских Прииртышья – был выбран довольно удачно, поскольку для его изучения имелись археологические памятники нескольких групп тарских татар, причем о них помнило и знало современное население. Имелся и значительный корпус материалов этнографических, письменных, картографических, что и позволило плодотворно разрабатывать теоретико-методологические аспекты исследований, и вести полевые этнографо-археологические работы. Однако, вскоре стало ясно, что полученные результаты необходимо проверить на материалах других народов. ЭАК русских, изученные примерно в этом же районе, были интересны, но их было недостаточно. По нашему мнению, для успешного проведения работ на небольшой территории нужно изучать археологические памятники и сопрягающиеся с ними этнографические объекты, причем необходимо вести исследования в комплексе с другими науками. Поэтому в конце 1990 – начале 2000 годов район наших работ значительно расширился. Предварительные исследования показали возможность проведения масштабных этнографо-археологических работ в Знаменском районе Омской области по рекам Шиш и нижнему течению Оши (ЭАК татар) или в среднем течении Томи на участке между устьями рек Нижняя Терсь и Мунгат (ЭАК русских).

Тарские татары, о которых пойдет речь ниже, в составе которых ученые выделяют подгруппы аялы и туралы, относятся к татарам тоболо-иртышским, а те являются частью сибирских татар. Деревни тарских татар расположены по обоим берегам Иртыша и его притоков Тары, Уя, Оши в Большереченском, Знаменском, Муромцевском, Седельниковском, Тарском районах Омской области. Эту территорию называют Тарским Прииртышьем, показывая тем самым ее географическое положение и соотношение со Средним Прииртышьем, которое обычно соотносят или с территорией Омской области, или с бассейном Иртыша от границы Омской области и Павлодарского акимата до устья реки Тобол, т.е. с Омской и южной частью Тюменской областей.

По природно-географическим условиям территория проживания аялыных татар – северная лесостепь и подзона южной тайги, граница между которыми проходит по реке Тара. Однако можно вспомнить и о концепции внезональных ландшафтов. Тогда правильнее будет говорить, что деревни аялыных приурочены к поймам рек и прилегающим к ним участкам первой надпойменной террасы. Ширина поймы Иртыша достигает местами 18–20 км, Тары – 5–8 км, Уя и Оши – 3–5 км. Для этой территории характерны заливные луга, пойменные старичные озера, останцы коренной террасы (иногда их называют острова), мелкие речки, берущие начало как в пойме, так и на коренной террасе, но в этом случае длина рек редко бывает более 20–30 км. Преобладающая древесная растительность – березы и осины по низким местам, сосны – по возвышенностям, тальники – по бере-

гам рек и речек, а также озер. Пойменные участки весьма богаты рыбой, водоплавающими птицами, здесь находятся летние пастбища диких копытных, а также пастбища домашнего скота и сенокосы. На террасах есть много боровой дичи. Поэтому поймы и прилегающие к ним участки – самые богатые биомассой территории, которые были наиболее привлекательны для людей.

Тарские татары входили в состав Сибирского ханства и занимали его юго-восточную часть. Разного типа источники свидетельствуют, что политически и культурно они были тесно связаны с другими группами сибирских татар, входящих в состав ханства, а южные связи прослеживаются очень слабо. Конечно, среди археологических материалов встречаются, кроме изделий русских и западно-европейских, импорты из Средней Азии (ткани) и Китая (посуда). Но они могли попасть на изучаемую нами территорию не прямо, а опосредовано, скажем, через ярмарки в Таре.

Основой хозяйства татар XVII–XVIII веков считается земледелие, скотоводство, охота и рыбная ловля, т.е. традиционные, классические для позднего средневековья отрасли хозяйства. Но данные о наличии скота в хозяйстве, имеющиеся в «Дозорной книге...» [Корусенко, 2006, с.97–141], свидетельствуют, что скот был не во всех хозяйствах, причем чаще держали лошадей, а крупный и мелкий рогатый скот имелся в редких хозяйствах. Возможно, татары просто укрывали скот для того, чтобы не платить налоги? Например, некоторые хозяева, не имеющие скота, имели покосы. Пашню, чаще всего до 1 десятины, пахали немногие хозяева. В анализируемых источниках совершенно не говорится о рыболовстве, однако собранные А.Г.Селезевым материалы о современном рыболовстве в д. Чеплярово и д. Черталы свидетельствуют о том, что аялынды облавливали практически все водоемы. Не говорится в источниках ничего и о размерах охотничьего промысла. Важным источником доходов части аялынды была служба за хлебный и денежный оклад.

Во время полевых работ археологических раскопками были изучены татарские городища, поселения и могильники на берегах реки Тара у деревень Надеждинка (С.Ф.Татауров), Черталы (Б.В.Мельников, М.А.Корусенко), Бергамак (В.В.Михалев, С.Ф.Татауров, К.Н.Тихомиров, С.С.Тихонов), Окунево (В.И.Матющенко), Чеплярово (М.А.Корусенко). На реке Уй А.В.Матвеев проводил работы у деревень Кошкуль (совместно с В.В.Михалевым) и Крапивка. На татарских памятниках расположенных по берегам Иртыша работали В.А.Ерохин (д. Сеткуловка), С.С.Тихонов и С.Ф.Татауров (урочище Темеряк), Междуречье (А.В.Матвеев), Аргаист (К.Н.Тихомиров). Разведками были обследованы берега рек Шиш, Уй, Тара, Иртыш (С.Ф.Татауров, Л.В.Татаурова, С.С.Тихонов).

Этнографы более мобильны, чем археологи, и обследовали свыше 30 татарских деревень в уже названных ранее северных районах Омской области, собрав великолепные материалы. При подготовке научных работ исследователи (по преимуществу этнографы) изучали письменные источники, хранящиеся в архивах Москвы, Тобольска, Новосибирска, Омска, и, конечно, обращались к публикациям источников. Это позволило приступить к обобщению наработок по ЭАК сибирских татар, включающих в себя теоретико-методологические аспекты исследования, а также конкретные этнографо-археологические сюжеты, в том числе и систему расселения и демографию.

Система расселения и демография являются двумя направлениями при изучении ЭАК. Источниками для их изучения являются археологические, этнографические, картографические и письменные источники. Излишне говорить, что эти материалы отражают анализируемые направления частично, а их неполнота зависит от глубины рассматриваемого хронологического среза. Но, появившиеся в последние годы материалы и технологии значительно расширяют возможности исследователей в изучении рассматриваемых вопросов.

Представим, что система жизнеобеспечения – это комплекс мероприятий, направленных на создание и поддержание условий для нормальной жизни человека, или обеспечения его веществом, энергией и информацией, т.е. фактически это организация процесса взаимодействия «человек – среда». Поскольку сибирские аборигены умеют жить в не всегда благоприятных для жизни районах, логичен вывод – они сформировали великолепную систему жизнеобеспечения. Источниками для ее изучения могут быть археологические, этнографические, картографические, антропологические и другие данные. Есть великолепный пример решения ряда аспектов этой проблематики [Матвеева, Ларина, Берлина, Чikuнова, 2005].

Система расселения – один из факторов, может даже основной, функционирования системы жизнеобеспечения. От выбора удобной для проживания местности с богатыми ресурсами и добрыми соседями зависело само существование коллектива. Система расселения складывалась в течение долгого времени и была довольно консервативна. Она может быть изучена по археологическим, этнографическим, демографическим, картографическим материалам. Степень полноты ее

изучения самая малая при обращении к данным археологии, поскольку нет уверенности, что район исследован исчерпывающе и все памятники рассматриваемой эпохи выявлены. Однако прослеживаются некоторые закономерности системы расселения, связанные с особенностями территории,

Начнем с того, что Западная Сибирь была да и сейчас остается не самой благоприятной для проживания территорией. Низкие среднегодовые температуры, короткий вегетационный период, большая заболоченность, громадные расстояния при отсутствии удобных путей сообщений и ряд других факторов не способствовали формированию здесь большого числа жителей. По разным оценкам население Сибири до прихода русских составляло 200–300 тысяч человек. И это на площади около 3 млн. кв. километров. Сибирь была пустынной страной в сравнении, например, со Средней Азией, европейской частью России, не говоря уже о Западной Европе. Но и в ней были местности, где плотность населения была выше средней, а люди проживали постоянно: берега больших рек, нижнее течение их притоков. В глубинных районах тайги населения было намного меньше. Автор нашел этому подтверждение в этнографических [Тихонов, 1992; 1993а; 1997; Тихонов, Шаргородский, 1992], археологических [Тихонов, 1993б; 1993в; 1994; 1995] и письменных материалах [Борисенко, 1999; Тихонов, 2000, 2002а, 2002б]. Первые русские переселенцы занимали свободные участки вдоль берегов больших рек или селились на охотничьих и скотоводческих угодьях аборигенов.

Обратимся теперь к источникам и рассмотрим сначала карты С.У.Ремезова. Эти редкие издания стали доступны сейчас, во-первых, благодаря деятельности мецената А.Г.Елфимова, [Служебная чертежная книга, 2006; Хорографическая чертежная книга, 2011; Чертежная книга Сибири, 2003], во-вторых, людям, разместившим в сети Internet копии дореволюционных изданий этих чертежей.

Конечно, они не соответствуют современным канонам: разные участки карт изображены непропорционально, есть некоторая смещенность географических объектов, ориентация карт не на север, отсутствует градусная сетка и т.д. Это первоначально доставляет некоторые неудобства, но со временем, с получением опыта работы, на них перестаешь обращать внимание. Главное в картах С.У.Ремезова то, что они – великолепный источник по истории, географии, исторической географии Сибири. В них указаны речная сеть, места расположения населенных пунктов и дороги между ними, причем указано расстояние от одного до другого объекта в верстах, днях пути на лодках, «вьючным» ходом, или «зимним путем». С.У.Ремезов показал места промыслов на диких животных (соболя, бобра), месторождений полезных ископаемых, границы между группами населения. Его карты могут быть источником и для этнографо-археологических работ.

Если вспомнить, что первые научные географические съемки были проведены в Сибири только в 1740 годах, почти через 50 лет после работ С.У.Ремезова, то следует признать, что он опередил свое время. Результатом картографирования был «Атлас Российский...» [Атлас, 1745], на долгие годы ставший лучшим атласом в мире. Но, страница атласа, посвященная Сибири, менее подробна, нежели ремезовские данные.

Сопоставление этих и современных карт показывает, что многие объекты хорошо идентифицируются. Сошлюсь на опыт работы с ними коллег из Новосибирска [Катионов, 2002, с.82–85], Омска [Данченко, 2008, с.223–224; Матвеев, 2009, с.132–138; Матвеев, Яворская, 2003, с.147–162; Матвеев, Яворская, 2004, с.139–143], Тобольска [Белич, 2009, с.90–101; Белич, 2010, с.141–155], Тюмени [Матвеев, 2011а, с.87–90; Матвеев, 2011б, с.127–145; Матвеев, Аношко, 2012, с.275–281] и свой собственный [Тихонов, 2012а, с.291–293; Тихонов, 2012б, с.87–91; Тихонов, 2012в, с.638–642].

Рассмотрим несколько карт С.У.Ремезова. На рис. 1. изображена Сибирь и место расположения Тартарии.

Интересна карта тем, что по ней можно определить (и сопоставить с современным картографическим материалом) границы обитания народов Сибири, в том числе и татар, проживавших в среднем и отчасти в нижнем течении Иртыша и Барабинской степи. Привлекает внимание центральное положение Великой Тартарии и ее большие размеры по сравнению с другими образованиями народов Западной Сибири.

На рис. 2 показан фрагмент Аялынской волости с населенными пунктами русских и татар, по которой можно рассматривать их расселения.

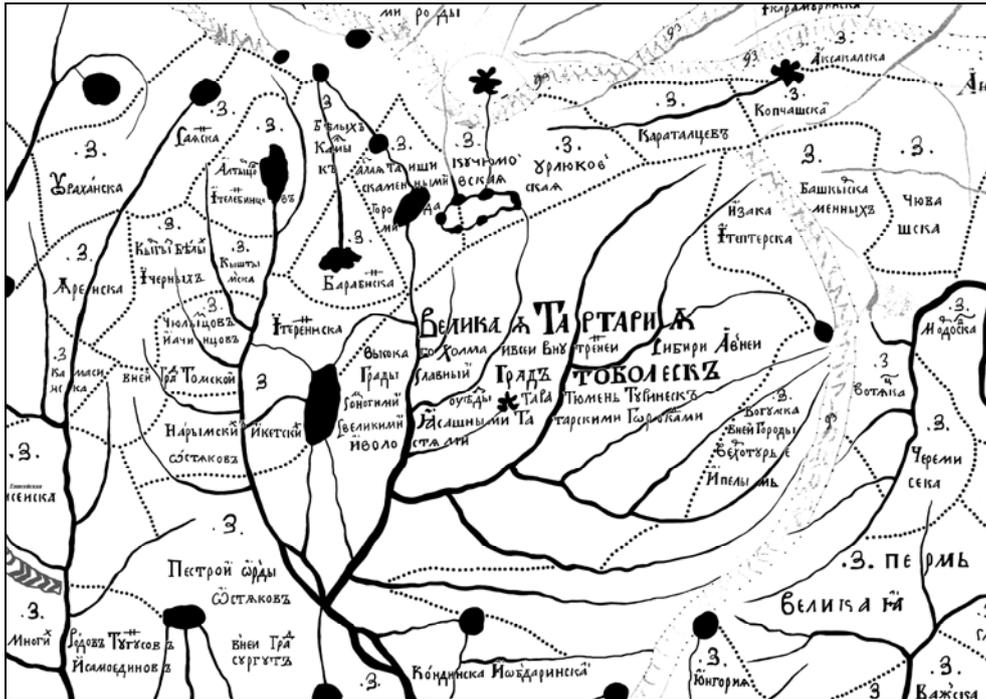

Рис. 1. Великая Тартария. Чертежная книга Сибири...

Рис. 2. Чертежная книга... Фрагмент листа аялынской волости.

Обозначены места проживания аялынец – это река Тара и участок Иртыша ниже ее Тары. Показаны юрты Шиштамацкие. По карте видно, что татары жили по правому берегу Иртыша от реки Тара до р. Шиш и по обоими берегам Иртыша ниже устья р. Шиш. Русские жили по левому берегу Иртыша, а порубежной рекой была Тара, южнее которой из-за опасности нападения калмыков никто не жил. Однако, эти территории были известны, так как обозначено Ямышевское соленое озеро и протока Иртыша – Белые воды (топоним сохранился). Надпись в устье Оми «Пристойно вновь быть городу край о самой степи калмыцкая» говорит о знании картографом этой местности. Если вспомнить, что хан Кучум ушел от русских на юг от Тары, то логичен вывод, что и татары эти места знали, но предпочитали там не селиться.

На листах «Чертежной книги Сибири...», показывающих города, представлен совершенно другой уровень детализации. В пример приведем «Чертеж земли Тарского города» (рис. 3). Очень подробно показан сам город и его ближайшие окрестности, место проживания бухарцев на р. Аркарка близ ее устья, татарские деревни на левом берегу Иртыша, русские деревни, места расположения часовен, караулов и т.д. Этот чертеж хорошо соотносится с современными крупномасштабными географическими картами, что позволяет вести поиски объектов, указанных на чертеже.

Карты «Хорографической книги ...» имеют совершенно другой характер. Участок Иртыша от города Тара до оз. Изюк (район современного пос. Знаменка) (рис. 4) показан очень подробно. Указаны не только реки, леса, дороги, но и старичные озера с вытекающими из них ручьями. На этих старицах расположены русские деревни, а татары занимали пойму правого берега Иртыша. Указанные С.У.Ремезовым татарские юрты в большинстве своем существуют и в наши дни, примерно в этих же местах.

На другом листе (рис. 5) показана местность по Иртышу выше устья Тары. Несколько татарских юрт расположено на правом берегу Иртыша. Самые южные юрты находятся в районе р. Сеткуловка. Юрты, расположенные по р. Кунлук (р. Колбуша по С.У. Ремезову) и на оз. Изюк, могли быть связаны по происхождению с юртами Инцисскими на Таре, у населения которых на оз.Изюк были рыболовные угодья и летние юрты.

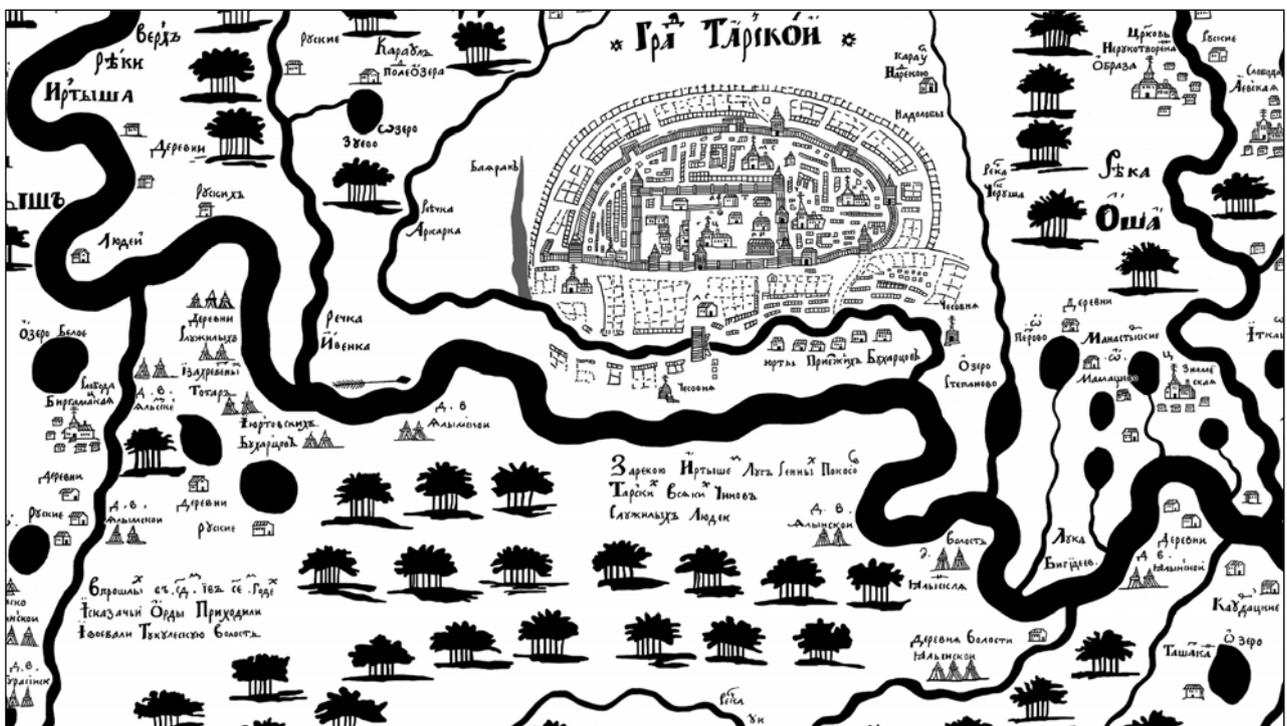

Рис. 3. Град Тарской и его окрестности. Чертежная книга Сибири... Фрагмент.

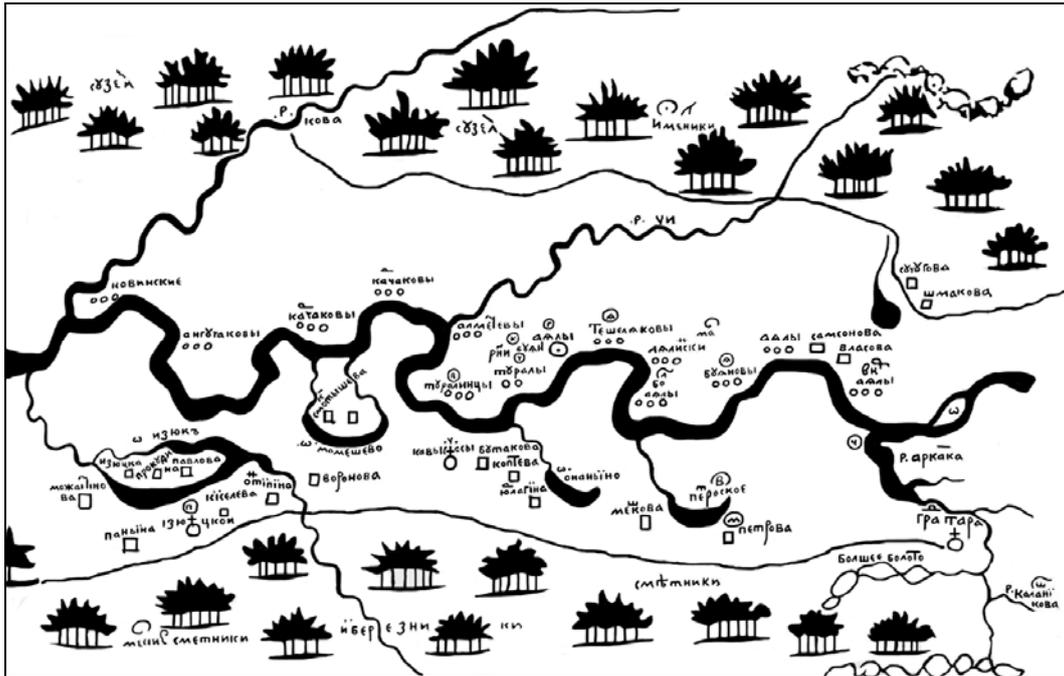

Рис. 4. Участок Иртыша от города Тары до оз. Изюк.

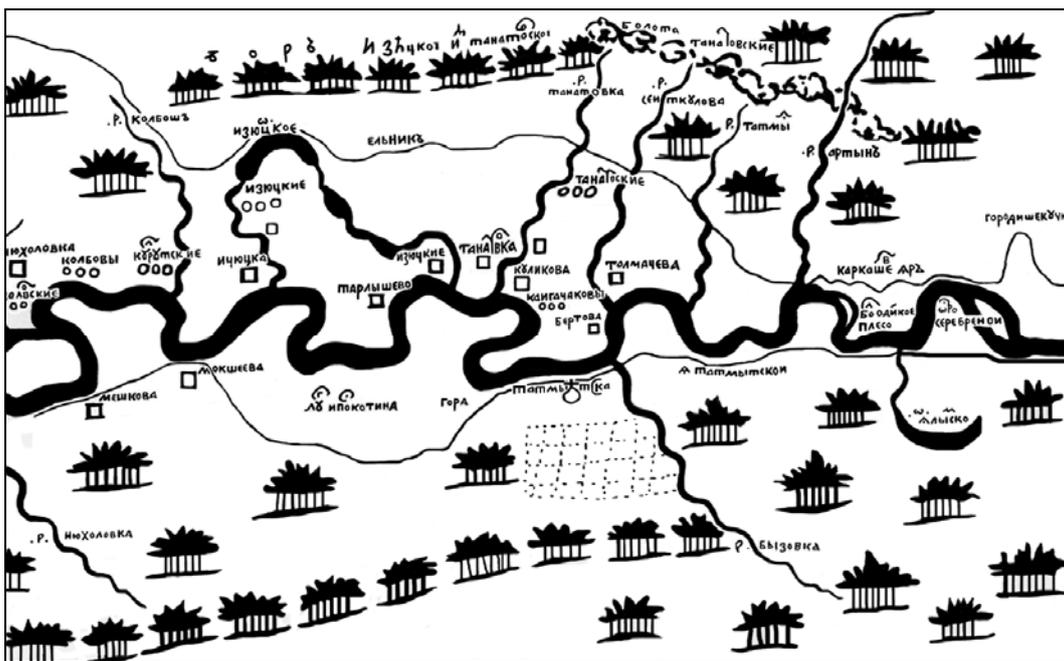

Рис. 5. Участок Иртыша выше устья Тары. Хорографическая книга...

Итак, карты С.У.Ремезова свидетельствуют, что на территории Западной Сибири имеется совокупность элементов ЭАК – система расселения, промысловые территории, пути сообщения, границы между разными группами населения (или волостями) в одной экологической нише – сочетание довольно редкое, если не сказать уникальное. Сопоставляя материалы письменные, картографические и археологические, можно довольно (в пределах нескольких сотен метров) точно на современной топоснове показать расселение аялынецев.

Система расселения следующая – проживание татар в бассейне Иртыша, Тобола, их притокам. Хорошо освоены пойменные участки больших сибирских рек и нижнее течение их крупных притоков, а глубинные таежные районы населения не имеют. Русские и татары проживали отдельными анклавами. Что касается археологических памятников, то совершенно очевидно, что они есть, поскольку в материалах конца XVII – начала XVIII веков говорится о том, что на этой территории

жили люди. Естественно, что после них остались и поселения, и могильники, а, возможно, и промысловые сооружения. Однако археологизированные остатки татарских поселений обнаружить бывает очень трудно, поскольку, к сожалению, не на всех поселениях тарских татар сформировался культурный слой, в чем у нас имелась неоднократная возможность убедиться в Юрт-Бергамаке, Киргапе и Айткулово, поэтому вещественных доказательств существования некоторых юрт не имеется.

Информативность ремезовских материалов значительно повышается, если их соотносить с записками Г.Ф.Миллера, которые тот вел во время научного путешествия по Сибири в первой трети XVIII века. Их подготовил к изданию А.Х.Элерт [Сибирь XVIII века, 1996]. Отрадно, что практически все населенные пункты, имевшиеся у С.У.Ремезова, отмечены и Г.Ф.Миллером. Однако, последний очень точно указывал не только наличие населенных пунктов, но и их местонахождение относительно устьев рек, крупных озер. Это дает возможность довольно точно нанести их на современные географические карты, тем более, что Федеральное агентство геодезии и картографии (Роскартография) начинает печатать карты в масштабе 1:100000 («километровки»), а карты других масштабов давно размещены в сети Internet.

В 1734–1740 годах году академик Г.Ф.Миллер совершил путешествие по Сибири. Он вел путевые записки, в которых подробно описал расположения всех населенных пунктов по берегам Иртыша, Оби, Енисея и других сибирских рек, указал местонахождение их притоков, озер, урочищ и т.д. Эти данные позволяют рассмотреть закономерности расселения народов Сибири, в том числе и сибирских татар и проанализировать имевшиеся тенденции в освоении территорий. К сожалению, на Иртыше с удалением от Тобольска, а особенно после прохождения г. Тары, полнота описаний уменьшается. Так, описание пути от Тобольска до Тары в используемом издании заняло около 14 страниц, от Тары до Омска – 6 страниц, от Омска до Семипалатинска – 2 страницы. Однако большая часть интересующих нас населенных пунктов располагается севернее Тары, а территория от Тары до Большеречья исследована нами в ходе археологических работ.

Описания академика Г.Ф. Миллера позволили локализовать указанные им населенные пункты с большой степенью достоверности. Он давал указания на местонахождение практически каждого населенного пункта от предыдущей деревни, от Иртыша, от его притоков, от пойменных озер, урочищ и т.д. Ориентиры, указывающие на расположение каждого населенного пункта, были сгруппированы и сопоставлены. Затем на крупномасштабной карте были найдены указанные Г.Ф. Миллером топонимы. Затем на карты наносили расположение русских деревень или татарских аулов.

Довольно точно указано, что к югу от устья Тары на левом берегу Иртыша к 1734 году появилось несколько татарских юрт. Вероятно, продвижение татар к югу за порубежную реку связано с исчезновением опасности набегов джунгар после постройки в среднем и верхнем течении Иртыша Омской, Семипалатинской, Усть-Каменогорской крепостей и укреплений в Железинке, Качирах, а также Горькой линии вдоль Камышловского лога. Отметим, однако, что новые юрты были устроены на землях севернее озера Изюк (район современной д. Евгацино, Большереченский район Омской области), бывших промысловыми угодьями татар во времена Кучума.

Итак, совместное использование чертежей С.У.Ремезова, записей Г.Ф.Миллера, современных крупномасштабных карт, а также сервисов GoogleEarth, Wikimapia, отчасти Яндекс-карты, позволяет довольно точно локализовать населенные пункты начала – первой трети XVIII века, и описать систему из расположения (точное местонахождение пункта, расстояние от него до других точек: рек, озер, или других природных объектов), а также дороги между ними.

Из карт С.У.Ремезова и записок Г.Ф.Миллера можно определить особенности первоначального расселения татар на Иртыше: заселены только правые берега Иртыша и Тары, значительные, гораздо большие расстояния от одних юрт до других (сравнимых с пешим дневным переходом), чем в иных районах расселения татар, большие расстояния между летними и зимними юртами (несколько километров, до 10–15, в то время как в районе Тобольска в это время расстояние между зимними и летними юртами могло быть всего полверсты), соответственно – большая площадь угодий. Это позволяют предполагать, что аялынды заняли слабо- или вообще незаселенные места. Занятие земель по Таре в этом случае может указывать на порубежную систему расселения, что может быть связано с необходимостью охранять южные рубежи Кучумова улуса в Прииртышье. По каким-то причинам аялынды не селились в это время на левом берегу Иртыша, где пойма с сенокосными угодьями была намного шире, чем правобережная. Возможно, это связано с наличием какой-то другой силы, которая контролировала торговый путь по левому берегу Иртыша?

Начиная от границ современной Омской области (Тарского уезда по административному делению XVIII в.) на обоих берегах Иртыша до устья р. Шиш проживали только татары. Они построили несколько крепостей. Расстояние между населенными пунктами татар около 15–20 км. Имеются крупные зимние аулы, вокруг которых формируются несколько летних. Вероятно, в данном случае население пришло на незанятую территорию и начало ее интенсивно осваивать. Видимо, здесь влияние русских было минимальным, и можно работать с однородным татарским культурным комплексом первой трети XVIII века.

К югу от устья р. Шиш располагались как русские, так и татарские населенные пункты. Русские селились по преимуществу на левом берегу Иртыша, а татары – на правом. Расстояние между деревнями и аулами от 3–5 до 15–20 км. Интересно, что русские и татарские селения иногда располагаются очень близко друг к другу. Вероятно, это связано, во-первых, с отсутствием большого количества удобных мест для расселения, во-вторых, с военной опасностью и возможными нападениями джунгар. Иногда русские поселялись в татарских аулах. Совместное проживание русских и татар в населенных пунктах, тяготение деревень к тракту позволяют предполагать более тесные, нежели в северных районах контакты русских и татар и, возможно, степень новаций здесь была более высокой, нежели в предыдущем районе.

Русские и татары селились у Иртыша. Причем много аулов и деревень располагались в пойме. Возможно, это связано с другим водным режимом Иртыша или иной всеобщей увлажненностью.

Говоря о перспективах изучения данной проблемы, можно предполагать, что выявление территорий, где число межэтнических контактов существенно варьировало, и изучение культуры населения, заселявших эти территории, может способствовать более полному исследованию современного культурного облика локальных групп населения. Бесспорно, что основа культурного облика современных сибирских народов формируется в эпоху средневековья и во многом зависит от природно-географической среды, системы расселения аборигенов, частоты и продолжительности их контактов между собой и с иноэтничными соседями.

Во-вторых, следует обратить внимание на систему расселения аборигенов Сибири и русских. Исследования археологов Омского государственного университета и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН в южнотаежных и лесостепных районах Омской области, а также анализ картографического материала и археологических карт Кемеровской, Курганской, Новосибирской, Томской, Тюменской областей позволяют предположить, что большая часть населения (до 70%) проживала в поймах рек Обь, Иртыш, Тобол и в низовьях их крупных притоков. Эту территорию можно рассматривать не как таежную, степную или тундровую зоны. Возможно, и, как мне кажется, более правильно, говорить об особой природно-географической зоне поймы больших рек. Для нее характерен особый гидрологический режим, т.е. регулярное затопление низкой поймы и периодически – высокой, специфический тип почв, своеобразный биоценоз, большое количество пойменных озер, березово-осиновые фракции растений. Пойму обрамляет зона ленточных боров.

Имеющиеся в нашем распоряжении археологические и этнографические материалы свидетельствуют, что вплоть до XIX века эта территория была наиболее притягательна для русских и аборигенов. Многие селения находились и находятся даже в наши дни в пойме. Их неоднократно заливало в половодье, но жители деревень не покидали эти места. Ситуация изменилась со строительством каскада ГЭС в верховьях Иртыша и вследствие этого изменением гидрологического режима реки.

Данные Г.Ф.Миллера содержат и сведения о числе хозяйств в русских деревнях, татарских юртах, угорских паулях. К сожалению, исследователь не указывал число человек в хозяйстве. Но число хозяйств в населенном пункте, в волости, в бассейне реки или на ее отдельном участке сосчитать по его данным нетрудно. Это позволит переходить к расчетам общей численности населения: мужчин, женщин и детей, применяя поправочные коэффициенты, а также сведения о половозрастной структуре населения в нормальной (без войн, болезней, голода и т.д.) ситуации.

Можно дополнить эти сведения архивными материалами, например, содержащимися в «Дозорной книге Тарского уезда», часть которой опубликована [Корусенка, 2006]. Ее составитель приводит сведения о пахотных и сенокосных угодьях татар на левом берегу Иртыша, об созданных заимках и деревнях в среднем течении р. Оша, фактически о расширении ареала обитания аялынецов за счет освоения территорий и угодий на левом, ранее не используемом берегу Иртыша. В общем, это обычная тенденция, связанная с тем, что пойма больших рек и прилегающие к ней участки богаче ресурсами и более благоприятны для жизни.

Что касается численности населения, то она устанавливается с большой точностью. Из материалов «Дозорной книги ...» 1701 года известна численность татар – плательщиков ясака, а также количество членов их семей и количество у них зависимых людей.

Итак, полученные при изучении материалов С.У.Ремезова и Г.Ф.Миллера данные позволяют изучать систему расселения народов Сибири, выявлять территории проживания, охотничьи и хозяйственные территории, контактные зоны, где соприкасались люди разных конфессий, культуры и этнической принадлежности. Численность населения может быть изучена по работам Г.Ф.Миллера и скоррелирована с другими материалами.

Список источников и литературы

Атлас, 1745 – Атлас российский, состоящий из девятнадцати специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями, сочиненной по правилам географическим и новейшим observations, с приложенною притом генеральною картою великой сея Империи / Старанием и трудами Императорской Академии наук. СПб: тип. Академии наук, 1745. – 18 с., 20 л. карт.

Белич, 2009 – Белич И.В. Чертеж «Кучюмово городище» С.У.Ремезова из «Хорографической чертежной книги» // Вестн. ТюмГУ. Сер. ист. наук. 2009. С.90–101.

Белич, 2010 – Белич И.В. Чертеж «Кучюмово Городище и Старая Сибирь» из «Хорографической чертежной книги» С.У.Ремезова. К 300-летию составления первого русского географического атласа Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. №1 (12). С.141–155 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный.

Борисенко, 1999 – Борисенко М.В. Состав дворов новых деревень Среднего Прииртышья (из истории Тевриза и Утьмы в XVIII – начале XIX вв.) // Известия ОГИКМузея. №7. Омск. 1999.

Данченко, 2008 – Данченко Е.М. К изучению Кызыл-Туры // Интеграция археологических и этнографических исследований. Новосибирск; Омск: Издательский дом «Наука», 2008. С.223–224.

Катионов, 2002 – Катионов О.Н. Обь-Иртышское междуречье на картах Сибири // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 5. Новосибирск: «Наука», 2002. С.82–85.

Корусенко, Тихонов, Томилов, 1998 – Корусенко М.А., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Список работы омских ученых по этноархеологической проблематике (1981–1995) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Новосибирск: «Наука», 1998. С.263–271.

Корусенко, Томилов, 2004 – Корусенко М.А., Томилов Н.А. Список работы омских ученых по этнографо-археологической проблематике (2001–2005) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Издательский дом «Наука», 2004. С.279–297.

Корусенко, Томилов, 2009 – Корусенко М.А., Томилов Н.А. Список работы омских ученых по этнографо-археологической проблематике (1996–2000) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Омск: Издательский дом «Наука», 2009. С.313–347.

Корусенко, 2006 – Корусенко С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюрского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках. Омск, 2006. – 218 с.

Матвеев, 2011а – Матвеев А.В. К историко-географической оценке вагайской версии гибели Ермака // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 4. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. С.87–90.

Матвеев, 2011б – Матвеев А.В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С.127–145.

Матвеев, Аношко, 2012 – Матвеев А.В., Аношко О.М. Ермакова перекоп на старинных картах и в материалах полевого историко-археологического обследования // Вестник Омского университета. 2012. №2. С.275–281.

Матвеев, 2009 – Матвеев А.В. Притарье и северо-западная Бараба в «Хорографической чертежной книге Сибири» С.У. Ремезова 1697–1711 годов // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 11. Омск, Издательский дом «Наука», 2009. С.132–138.

Матвеев, Яворская, 2003 – Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Территория современной Омской области на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У.Ремезова 1697–1711 // Известия ОГИКМ. Омск, 2003. С.147–162.

Матвеев, Яворская, 2004 – Матвеев А.В., Яворская Л.Я. Павлодарская область на листах «Хорографической чертежной книги Сибири С.У.Ремезова 1697–1711 Олкетану – Краеведение. Спец. Вып. Этноархеология: актуальные проблемы и перспективы развития. Павлодар. Вып. 3. 2004. С.139–143.

Матвеева, Ларина, Берлина, Чукунова, 2005 – Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю. Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири. Новосибирск. 2005. – 228 с.

Сибирь XVIII века, 1996 – Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, «Сибирский хронограф», 1996. – 312 с.

Служебная чертежная книга, 2006 – Служебная чертежная книга. Т. 1. Факсимильное издание рукописи Российской национальной библиотеки [б.м.] [б.и.], 2006. – 334 с.

Татуров, Тихонов, Томилов, 1997 – Татуров С.Ф., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Возможности использования археологических и этнографических материалов для реконструкции народных знаний населения Си-

бири XVII первой четверти XX в. // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 2. Новосибирск, 1997. С.19–26.

Тихонов, 1992 – Тихонов С.С. Хозяйство аборигенов Сибири в конце XIX – начале XX века // Экспериментальная археология. Вып. 2. Тобольск, 1992. С.119–124.

Тихонов, 1993а – Тихонов С.С. Аборигены Приобья и их расселение в конце XIX – начале XX веков // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. II. Омск, 1993. С.59–63.

Тихонов, 1993б – Тихонов С.С. Размещение памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Приобье // Проблемы этнической истории самодийских народов. Ч. I. Омск, 1993. С.41–45.

Тихонов, 1993в – Тихонов С.С. Размещение археологических памятников правобережья Иртыша Муромцевского района // Памятники истории и культуры Омской области: проблемы выявления, изучения и использования. Омск, 1993. С.66–68.

Тихонов, 1994 – Тихонов С.С. Распространение памятников эпохи поздней бронзы в Верхнем Приобье // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С.88–89.

Тихонов, 1995 – Тихонов С.С. Археологические, этнографические и письменные источники в изучении системы расселения народов Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. II. Омск, 1995. С.31–34.

Тихонов, 1997 – Тихонов С.С. Особенности заселения правых притоков Иртыша (Омь, Тара, Уй) // Четвертые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск, 1997. С.151–153.

Тихонов, 1997а – Тихонов С.С. Традиционные виды хозяйства аборигенов Нарымского края в начале XX в. // Исторический ежегодник. Омск, 1997. С.96–195.

Тихонов, Шаргородский, 1992 – Тихонов С.С., Шаргородский Л.Т. Материалы текущей статистики конца XIX – начала XX вв. как источник по хозяйству и быту аборигенов Нарымского Приобья // Проблемы методологии исторических наук. Омск, 1992. С.133–150.

Тихонов, 2000 – Тихонов С.С. Русские деревни XVIII века в Среднем Прииртышье и их сопоставление с описанием Г.Ф. Миллера // Русские старожилы. Тобольск-Омск, 2000. С.424–425.

Тихонов, 2002а – Тихонов С.С. Расположение поселенческих комплексов русских в Среднем Прииртышье в первой трети XVIII века и проблемы их изучения // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002. С.161–169.

Тихонов, 2002б – Тихонов С.С. Расселение татар Тобольского уезда во второй четверти XVIII века // Тюркские народы. Тобольск-Омск, 2002. С.237–239.

Тихонов, 2012а – Тихонов С.С. Контактные зоны и промысловые территории населения Нижнего Прииртышья (на примере материалов Г.Ф. Миллера 1740 года) // Человек и Север. Антропология, археология, экология. Вып. 2. Тюмень. Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН, 2012. С.291–293.

Тихонов, 2012б – Тихонов С.С. Выявление и этнографо-археологическое изучение контактных зон аборигенов Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. Издательство ИПОС СО РАН, 2012. №2 (17). С.87–91. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный.

Тихонов, 2012в – Тихонов С.С. Карты XVII – начала XVIII века как источник для этнографо-археологического изучения кочевников Центральной Азии // Монгол болон Байгал нуур орчмын сибирийн эртний соёл. 2-р дэвтэр. Улаанбаатар, МУИС Хэвлэх үйлдвэр. 2012. С.638–642.

Хорографическая чертежная книга, 2011 – Хорографическая чертежная книга Сибири С.У. Ремезова. Т. 1. Факсимильное издание Houghton library of the Harvard college Harvard university. Тобольск: [б.и.], 2011. – 350 с.

Чертежная книга Сибири, 2003 – Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. Т.1. Факсимильное издание. М.: [б.и.]. 2003. – 201 с.

С.С. Тихонов

С.У. РЕМЕЗОВ КАРТАЛАРЫ ҺӘМ Г.Ф. МИЛЛЕР ЯЗМАЛАРЫ СЕБЕР ТАТАРЛАРЫНЫҢ УРНАШЫП ЯШӘУ ҺӘМ САНАРЫН АЧЫКЛАУ БУЕНЧА ЧЫГАНАК БУЛАРАК

Ачкыч сүзләр: С.У.Ремезов карталары, Г.Ф.Миллер язмалары, себер татарларының урнашуы, саны.

Кыскача эчтәлек. Мәкаләдә, С.У.Ремезов карталарын, Г.Ф.Миллер язмаларын һәм археологик эзләнү нәтижеләрен өйрәнәп, Көнбатыш Себердә яшәүче халыкларның урнашып яшәү системасы анализлана, аларның яшәгән урыннары, аучылык һәм хужалык алып барган жирләре, төрле дин, мәданият һәм этник группа вәкилләрененң узара аралашу зоналары билгеләнә. Татар авылларының, төбәккә руслар килгәч тә, XVIII гасырның беренче өч дистә елында урнашу тәртибе элеккечә калуы хакында әйтелә. Татарларны тарихи яшәгән урыннарыннан кысып чыгару берәз соңрак тормышка ашырыла башлый, дигән нәтижә ясала.

S.S. Tikhonov

**REMEZOV'S CARDS AND G.F.MILLER'S NOTE AS SOURCES ON STUDYING
OF SYSTEM OF MOVING AND NUMBER OF THE SIBERIAN TATARS**

Keywords: S.U.Remezov's cards, G.F.Miller's note, moving, number of the Siberian Tatars.

Annotation. On the basis of the analysis of cards of S.U.Remezov, G.F.Miller's notes and results of archaeological researches in article the system of moving of the people of Western Siberia is analyzed, the accommodation territory, hunting and economic territories, contact zones where people of different faiths, culture and an ethnic origin adjoined comes to light. The conclusion that places of arrangements of the Tatar yurtas of the first third of XVIII cardinally did not change right after arrival of Russians is drawn. Replacement of Tatars began with their lands of radical lands a bit later.

Тихонов Сергей Семенович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Омского филиала Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г.Омск).

E-mail: tikhonov@omsu.ru

Тихонов Сергей Семен улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясендәге Себер бүлеге Археология һәм этнография институтының Омск филиалы өлкән гыйльми хезмәткәре (Омск шәһәре).

Tikhonov Sergey Semenovich – candidate of historical sciences, the senior research associate of the Omsk branch of Institute of archeology and ethnography of the Siberian office of the Russian Academy of Sciences (Omsk).

Двухглавый орел в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве*

Ключевые слова: образ, символ, двухглавый орел,

Аннотация. В статье на основе изучения археологических находок и архитектурных памятников повествуется о времени появления и ареале распространения образа двухглавого орла. Этот образ был впервые прослежен в хеттском монументально-декоративном искусстве в XIII в. до н.э., а затем в Египте, Шумере, Ассирии и др. Двухглавый орел получил распространение также и в христианской Европе в XII–XIII вв., где после крестовых походов он был принят как символ Священной Римской империи. В мусульманском искусстве образ двухглавого орла впервые отмечен в Кордовском халифате (Андалусия) в XI–XII вв. Получил распространение в Сельджукском государстве, на монетах ханов Золотой Орды XIV века, а также в Крымском ханстве.

Среди многообразных форм животного мира, представленных в исламском и татарском средневековом изобразительном искусстве, особое место занимают изображения фантастических существ, как правило, представляющих собою комбинации из частей тел различных животных, птиц, рыб и человека. Как правило, они сопровождаются мифическими легендами, в которых они наделяются особыми качествами и могуществом, олицетворяют собой какие-то высшие силы или явления природы. В их числе можно встретить также и многоглавые существа, причем порою их головы могут быть заимствованы у разных представителей животного мира. В образах фантастических существ часто заложена определенная смысловая символика, позволяющая трактовать их как некую могущественную силу, олицетворяющую собою некие сверхъестественные возможности, позволяющие покровительствовать целым народам и государствам. Именно такое восприятие и обеспечило некоторым из них поразительную жизнеспособность и долговечность буквально через тысячелетия, когда один и тот же образ эксплуатировался совершенно разными цивилизациями, прихотливыми путями передаваясь по эстафете от народа к народу, и впоследствии трактовался в политических целях с намеренным искажением смыслов и истории происхождения. Выявить объективную истину в таких случаях не представляется возможным, не затрагивая чьих-то интересов, и остается лишь констатировать различие позиций по этому вопросу.

Особый интерес для нас представляет образ двухглавого орла, имеющий непосредственное отношение как к тюрко-исламским цивилизациям, так и к татарской художественной и государственной культуре. Такие символы не могли носить случайный характер. Например, как отмечают исследователи, «если двухглавый орёл обычная геральдическая фигура, то подобная «двуглавость» должна наблюдаться и у других птиц. Но среди множества разных гербов (более 100000) можно встретить не более 10-ти с изображением двухглавых петухов, куриц, аистов и т.д.» [Панасенко].

Не вдаваясь в предысторию образа, который впервые прослежен в хеттском монументально-декоративном искусстве еще в XIII в. до н.э. [Панасенко] (а затем в Египте, Шумере, Ассирии и др.) (рис.1–1,2,6)*, отметим, что это весьма распространенный как в исламском искусстве Ближнего и Среднего Востока, так и конкретно в татарском искусстве сюжет, и, что особенно интересно, встречается у дунайских болгар времен правления Омуртаг Хана (814–831 гг.) в трактовке, очень близкой сельджукской [Hilmi]. Широко известны также изображения буддийской двуглавой птицы Гаруды (рис.1–5), проникшие в Среднюю Азию из Индии [Валеев, 2004]. Из близких нам культур похожие по стилистике (хотя и не двуглабые) изображения известны в искусстве печенегов (7–9 вв.) и европейских гуннов [Hilmi]. Кроме того, похожий символ (стилизованная двуглавая птица) встречался в балтийских и финно-угорских культурах Поволжья и в Сибири уже в III–II вв. до н.э. [Валеев, 2002, с.893] (рис.1–3, 4), что прямо наталкивает на мысль о неслучайности его появления и дальнейшего развития в средневековой культуре поволжских татар.

Двухглавый орел получил распространение также и в христианской Европе в XII–XIII вв., где после крестовых походов он был принят как символ Священной Римской империи и входивших в нее государств (рис.2–4, 5, 6) [Вилимбахов, 2004, с.9–10]. С середины XIV века такой орел упот-

* См. электронную версию статьи <http://nhalitov.ru/article/2012/04/23/dvuglavyy-oryol-v-islamskom-i-turko-tatarskom-srednevekovom-iskusstve>

* См. **рис. 1–13** к статье на цветной вклейке.

реблялся как родовой символ византийских императоров Палеологов [Там же, с.10] (рис.2–3) (но не как герб Византии!) [Двухглавый, Беляков]. У русских впервые отмечен на пулах Великого князя тверского Михаила Борисовича (1470 г.) (рис.2–7) и пулах Новгорода Великого в золотоордынской трактовке и позже (1497 г.) на печати Великого князя московского Ивана III в западноевропейской [Беляков] (или, как чаще утверждается, в византийской) трактовке (рис.2–8).

В мусульманском искусстве образ двухглавого орла впервые отмечен в Кордовском халифате (Андалусия) в XI–XII вв. на тканях [Two-headed] (рис.3). Андалусский орел стилизован в духе искусства Древних царств и держит в лапах крупных животных (в одном случае львов или барсов, в другом – ланей, в третьем – индюков и т.п.) [Там же]. Багдадский халифат использовал двухглавого орла на своих монетах с 1157 года¹ (рис.4–2), мамлюкские султаны Египта аз-Захир Бейбарс и ас-Саид Барака Хан – в XIII веке [Там же].

В том же XIII веке он стал одним из символов обширного *Сельджукского государства*, где его можно видеть в самых разнообразных воплощениях: на монетах [Türklügün], каменных рельефах городских ворот Коньи и Диярбакыра², на стенах мечетей, медресе³ и усыпальниц, бытовой и настенной керамике [Two-headed], торовитке и др. (рис.4–5). Сельджукские орлы ничего в лапах не держат. Можно также отметить наличие выраженного хохолка на голове, которого у андалусских и европейских орлов нет. Крылья развернуты и опущены вертикально вниз. Клюв приоткрыт или чаще закрыт. Хвост опущен вниз и развернут веером.

Изображения можно разделить по характеру стилизации на три группы:

1. Реалистичные (рис.5–1). Выполнялись в технике резьбы по камню⁴. Весьма точно воспроизводят внешний вид орла, точно передавая пропорции, оперение и другие детали внешности.

2. Слабо стилизованные (рис.5–2, 3, 4). Выполнялись в технике резьбы по камню⁵, штамповка и литые (монеты), роспись (керамика)⁶. Контур и пропорции орла передаются довольно точно, но проработка деталей отсутствует. Верхняя часть крыльев может быть стилизована под спираль или мотивы растительного орнамента. Хвост стилизуется под упрощенный мотив тюльпана (или напоминающий его). Грудь приобретает очертания щита, иногда декорируется упрощенным орнаментом.

3. Сильно стилизованные (рис.5–5, 6). Изображение приобретает вид условно проработанной фигуры орла в уплощенном контуре. Отдельные элементы теряют реалистичность, приобретают характер орнамента.

4. Орнаментальные (рис.5–7, 8, 9). При наибольшей степени стилизации орел может оказаться полностью стилизованным орнаментальным мотивом, узнаваемым лишь как знак или символ в силу многократной повторяемости в контексте художественной культуры. Это, в частности, говорит о широком распространении такого мотива, когда внешняя узнаваемость уже становится необязательной и изображение читается независимо от того, насколько оно близко воспроизводит оригинал.

Кроме того, орлов можно разделить на две подгруппы:

1. Без ошейника (браслета).

2. С ошейником (браслетом, ожерельем). Эта любопытная деталь присутствует на большей части изображений, начиная с самых ранних исламских образцов, и, вероятно, имеет какое-то особое символическое значение, поскольку устойчиво воспроизводится в разнообразных вариациях в течение последующих столетий. В реалистичных и слабо стилизованных изображениях ошейник имеет вид жесткого кольца, опоясывающего шею в районе ее раздвоения (рис.6–1, 2). При последующей стилизации кольцо приобретает вид браслета с загнутыми концами со стороны спины (рис.6–3, 5). При орнаментальном решении рисунка браслет и головы сплетаются в единую композицию, а концы браслета украшаются пальметтой (тюльпаном), образуя иногда подобие короны над головами⁷ (рис.6–4, 6, 7).

¹ Например, дирхем Имад эд-Дина Зенгри, атабека Синджара в Ираке, 1170–1197 гг. [см. Clericus, 1875, p. 93–101]; монета аль-Малика ас-Салиха Насир ад-Дин Махмуда, амира Хисн Кайфы, Харрана и Урфы (1232–1239 гг.) [Two-headed].

² Эпоха Алла эд-Дина Кейкубада (1219–1237 гг.).

³ Медресе Якутия в Эрзуруме (1310 г.), Улу джами в Дивриги (1228–1229 гг.).

⁴ Рельефное изображение с главных ворот Коньи. Эпоха Алла эд-Дина Кейкубада (1219–1237 гг.); медресе Якутия в Эрзуруме (1310 г.) и др.

⁵ Рельефы на некоторых башнях крепости Диярбакыр, Турция.

⁶ Керамические панели времен Алла эд-Дина Кейкубада. Восточная Турция, 1225 г.

⁷ Любопытно отметить, что появление византийского орла с тремя коронами в XIV веке довольно точно воспроизводит композицию сельджукского орнаментального орла, причем сам орел во всех деталях повторяет реалистическое изображение сельджукского орла. И та и другая версии появились у сельджуков на столетие раньше эмблемы Палеологов.

В XIII веке мы видим распространения этого образа также на Кавказе (в пределах Сельджукского государства: Армения⁸, Сванетия) [Пасенко, Двуглавый] и в Средней Азии (золотоордынское изображение) [Two-headed] (рис.7).

У татар двуглавый орел известен, прежде всего, по монетам XIV века из Старого и Нового Сарая, чеканенных ханами Узбеком и Джанибеком [Янина, 1960, с.210–221; Шельди, 2002; Исаков, 2007, с.30; Золотая Орда] (рис.8). Однако есть сведения и более ранних монетах хана Тохты (1291–1312 гг.) [Исаков, 2007, с.29], чеканки Ирбиля династии Худагуидов также с двуглавым орлом [Там же]. Известна так же подобная монета хана Тохтамыша конца XIV в. (775 г.х.) из Сарая Аль-Джедид (или Крыма) (рис.9–5) [Нумизматика] и анонимный пул из Гюлистана (766 г.х.) [Определение; Золотоордынские] (рис.9–4). Сохранилось изображение герба генуэзских князей крепости Мангуп в Крыму (XII–XV вв.) [Панасенко], в точности воспроизводящего один из вариантов сильно стилизованного сельджукского орла, что позволяет отнести его к мусульманским символам золотоордынского Крыма (рис.9–13). Все это говорит о неслучайности этого изображения в культуре Золотой Орды и требует какого-то объяснения. Интересны наблюдения и выводы Д.М.Исакова, проанализировавшего сообщение татарской исторической рукописи «Дефтер-и Чингис-наме» о том, что в числе клановых атрибутов Чингис-хана присутствовала «ике башлы кара кош» [Дэфтаре, 2000, б.18–21; Ivanics, 2000, р.55–60; Исаков, 2007, с.29] (двуглавая черная птица), которую он атрибутирует как двуглавого орла [Исаков, 2007, с.29]. Историк пришел к выводу о том, что приведенные данные «*позволяют искать и иные, чем ближневосточные, корни рассматриваемой проблемы*» [Там же].

Возможно, к подобным же явлениям следует отнести и пулы XV века с двуглавыми орлами, чеканенными в Твери [Чей орел] Дмитрове [Зайцев, 2004] и Новгороде [Поисковый] (рис.9–11,12). Орлы на этих монетах с татарскими названиями «пул» идентичны золотоордынским («денга», впрочем, тоже татарское слово: «тэнкэ» (в переводе – «чешуйка»). На новгородском орле, к тому же, отчетливо виден характерный сельджукский «ошейник» (рис.9–11).

Подробных изображений золотоордынского двуглавого орла пока, к сожалению, не сохранилось, и поэтому приходится довольствоваться изображениями на монетах. Тем не менее, их вполне достаточно, чтобы утверждать, что золотоордынский двуглавый орел в некоторых из версий является безусловным заимствованием сельджукского образа и вписывается в аналогичную же систему классификации.

Глядя на золотоордынские монеты, рождается ощущение, что за примитивной и условной формой передачи двуглавого орла на них скрывается всего лишь символ, реальный прототип которого был известен каждому (как, к примеру, образ Георгия Победоносца для жителей Московского государства, он и попал на московские монеты, причем в столь же примитивном облике). Как было сказано, подобное изображение украшало ворота городов Диярбакыра и Коньи, столицы Сельджукского государства в XIII веке (рис.10–1, 2, 3). Известно также, что на городских воротах Ор Капусы (Перекоп) было изображение совы [Крикун, 2001, с.142]⁹, а на Северных воротах Хан-Сарая в Бахчисарае (XV–XVIII вв.) и до настоящего времени сохранился рельеф в виде двух сплетенных драконов (рис.10). Оба эти мотива также распространены в орнаменте казанских татар, что может говорить об их золотоордынском или даже болгарском происхождении.

К сожалению, никаких фактических примеров применения двуглавого орла в средневековом татарском архитектурном орнаменте пока не имеется, однако следы его присутствия можно проследить на более позднем материале. В архитектурной резьбе деревянных домов Заказанья мотив двуглавого орла отнюдь не редкость, причем различные формы его в принципе совпадают с изображениями на золотоордынских монетах. Можно ли их считать интерпретацией изображений на раритетных монетах (что менее вероятно) или древней местной традицией, вопрос пока остается открытым. Многообразие форм этого сюжета в различных областях татарского декоративного искусства (деревянная резьба – рис.11, вышивка, ткачество, кожаная мозаика, гравировка по металлу – рис.12), а также изобретательность в способах стилизации образа (рис.13) говорят о неслучайности этого мотива в татар-

⁸ Скульптурные изображения двуглавого орла на церкви в селе Дсех (VII век) и на южном фасаде притвора церкви в монастыре Бардзракаш, 1259 г. (Лори. Армения). Оба изображения – родовые символы древнего армянского княжеского рода Мамиконян [Панасенко].

⁹ Наблюдение это было сделано XVII веке Н.Витсенем, который ошибочно трактовал его как символ мудрости. Однако по описаниям средневековых путешественников, сова являлась священным животным монголов, которые повсюду возили с собой в походах черную сову в клетке, говоря, что она в свое время спасла жизнь Чингиз-хану. Вспомним одно из «знамен Казанского кесаря», запечатленное Алярдом, где на желтом фоне мы опять видим ту же самую черную сову: «*Другой Татарский флаг, желтой с черной совою, у которой перси желтоваты*» [История].

ской художественной культуре и связи с какими-то глубинными формами духовной культуры¹⁰. Все это позволяет склониться ко второй версии: о средневековом, возможно, и более раннем происхождении этого мотива. Если вспомнить археологические находки с изображениями двуглавых птиц именно на территории будущего Булгарского государства и сопредельных ему территориях (Средняя Азия, Кавказ), а затем и поволжской части Улуса Джучи, населенной автохтонными племенами, которые активно смешивались с булгарами и татарами, нетрудно предположить, что этот образ был не чужд внутреннему миру жителей Поволжья и Урала и сохранялся в мифологии тюркских кочевников и финно-угров, и поэтому нашел благоприятную почву для возрождения в период Золотой Орды.

Так или иначе, двуглавый орел в татарском архитектурно-декоративном искусстве присутствовал, и композиционное место и значение его в структуре художественного оформления фасадов, хотя и в более позднее время, для нас понятно.

Список источников и литературы

Панасенко – Панасенко С.П. Появление двуглавого орла в России, Византии и Германии. Дополненная версия статьи опубликованной в журнале «Гербоведь» (№84. 2005 г.) – <http://goldarms.narod.ru/opus1.htm>

Emel ESİN, 1978 – Emel ESİN. Türk Kültürü El Kitabı SeriII, Cild 1/b Edebiyat Fak. Yayınları. İst. 1978.

Hilmi – Hilmi Özden. TÜRKLERDE KARTAL VE ÇİFT BAŞLI KARTAL TAMGASI. <http://www.eskisehirturkocagi.org/turklerde-kartal-ve-cift-basli-kartal-tamgasi/>

Валеев, 2002 – Валеев Ф.Х. Татарский народный орнамент. Казань: изд. Департаментом по поддержке малого и среднего предпринимательства, 2002.

Вилинбахов, 2004 – Вилинбахов Г.В. История Российского герба и флага. СПб., Филологический ф-т Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2004.

Двуглавый – Двуглавый орел в русской символике. Часть 1. – http://silaev-ag.ru/public/adel_1

Беляков – Беляков А.А. Еще раз о двуглавом орле. Трактровка символов, предлагаемых в качестве государственных. – http://www.ng.ru/ideas/2000-11-10/8_doubleheaded.html (10.11.2000)

Two-headed eagle – Two-headed eagle. – <http://www.hubert-herald.nl/TwoHeadedEagle.htm> (Updated 2011-10-10, © Hubert de Vries 2011-07-17).

Clericus, 1875 – Clericus, Ludwig A.: Zur Urgeschichte des Doppeladlers. In: Vierteljahrsschrift für Heraldik, Sphragistik und Genealogie. III Jahrgang. Berlin, 1875.

Türklüğün – Türklüğün hakimiyet sembolü: çift başlı kartal. – <http://www.yenidenergenekon.com/101-turklugun-hakimiyet-sembolu-cift-basli-kartal> (Yayın Tarihi 26 Ocak, 2008)

Янина, 1960 – Янина С.А. Джучидские монеты из раскопов и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1957 г. // МИА. №80. 1960. С.210–221.

Шельди, 2002 – Шельди Н.М. Булгаро-татарские монеты 13–15 вв. Казань, 2002.

Исхаков, 2007 – Исхаков Д.М. Клановая принадлежность «дома Чингис-хана» (Алтын Урука) и его атрибуты (постановка проблемы) // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Казань, 14–16 февраля 2007 г. Т.2. Серия «Археология евразийских степей». Вып.2. Казань: Институт истории АН РТ, 2007.

Золотая Орда – Золотая Орда, двуглавый орел на монетах хана Джанибека (XIV в.) – <http://my-gerb.com/cat.html?itemid=392> (www.my-gerb.com ©2009–2011)

Vasary, 2005 – István Vásáry. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365. Cambridge: Cambridge university press, 2005.

Нумизматика – Нумизматика. Восток дело тонкое. – <http://kladoiskateli.com/lofiversion/index.php/t4848.html> (Форум IP.Board © 2001–2012 IPS, Inc.)

Определение – Определение и оценка монет Золотой Орды. – <http://www.reviewdetector.ru/lofiversion/index.php?t131518.html> (Invision Power Board © 2001–2012 Invision Power Services, Inc.)

Золотоордынские – Золотоордынские монеты из собрания Археологического музея КГУ. – <http://old.kpfu.ru/archeol/zolmon.htm> (© 1995–2010 Казанский федеральный университет)

Появление – Появление двуглавого орла в России, Византии и Германии – Геральдический сайт Сергея Панасенко. – <http://goldarms.narod.ru/opus2.htm>

Дәфтәре, 2002 – Дәфтәре Чынгыз-нәма. Казан, 2000.

Ivanics, 2002 – Ivanics M., Usmanov M.A. Das Buch der Dschingis-Legende (Daftari Cingus-nama). 1. Szeged, 2002.

Чей орел – Чей орел на Российском гербе? (Главы из книги «Тысячелетие России: скелеты в шкафу»). – <http://www.fraza.ua/analitics/10.06.09/69581.html?cpage=4>

¹⁰ Интересно в данном контексте сопоставление с русским народным орнаментом, где мотив двуглавого орла, несмотря на его явную и усиленную пропаганду как символа российской государственности и монархии, особого распространения не получил и число интерпретаций его невелико. Ситуацию можно сравнить с символами советской власти, которые также воспроизводились в псевдонародных изделиях с презентационными целями и не могут считаться истинно народной традицией.

Зайцев, 2004 – Зайцев В.В. Материалы по русской нумизматике XV века. – Киев, Юнона монета, 2004. – <http://russianchange.narod.ru/coins/zaytsev/zaytsev.html> (Copyright © 2004, Василий Зайцев)

Поисковый – Поисковый клуб «Авантюрист». Аукцион монет. – <http://avanturist.info/forum/viewtopic.php?f=26&t=897> (© 2009 АвантюристЪ).

Крикун, 2001 – Крикун Ю.В. Памятники крымскотатарской архитектуры (13–20 столетия). – Симферополь: Таврида, 2001.

История – История гербов города Казани и городов Казанской губернии. – <http://kazadmin.narod.ru/gerbs/gerbs.html>

Н.Н. Халитова, Н.Х. Халитов

ИСЛАМ ҺӘМ ТӨРКИ-ТАТАР СӘНГАТЕНДӘ ИКЕ БАШЛЫ БӨРКЕТ ОБРАЗЫ

Ачкыч сүзләр: образ, символ, ике башлы бөркет.

Кыскача эчтәлек. Мәкаләдә археологик табышларны һәм архитектура истәлекләренә өйрәнү нигезендә ике башлы бөркет образының таралу вакыты һәм ареалы турында сөйләнә. Бу образ беренче тапкыр безнең эрага кадәр XIII гасырда хеттларның монументаль-декоратив сәнгатендә чагылыш тапкан, соңрак Мисырда, Шумерда, Ассириядә һәм башка төбәкләргә таралган. Ике башлы бөркет христиан Европасында XII–XIII гасырларда, тәре походларыннан соң, Изге Рим империясенә символы буларак кабул ителә. Ике башлы бөркет образы мөселман сәнгатендә беренчеләрдән булып XI–XII гасырларда Кордов халифәтендә (Андалусия) кулланыла. Ул шулай ук Сәлжүкләр дәүләтендә тарала, Алтын Урда ханнарының XIV гасырда сугылган төңкәләрендә һәм Кырым ханлыгында очрый.

N.N. Halitova, N.H. Halitov

TWO-HEADED EAGLE IN THE ISLAMIC AND TURKIC -TATAR MEDIEVAL ART

Keywords: image, symbol, two-headed eagle.

Annotation. In article on the basis of studying of archeological finds and architectural monuments the horde is narrated about time of emergence and an area of a distribution of an image two-headed eagle. This image was tracked for the first time in hettsky monumental and decorative art in the XIII century BC, and then in Egypt, Sumer, Assyria, etc. The two-headed eagle gained distribution as well in Christian Europe in the XII–XIII centuries where after crusades he was accepted as a symbol of the Sacred Roman Empire. In Muslim art the image of a two-headed eagle is noted for the first time in the Kordovsky caliphate (Andalusia) in the XI–XII centuries. Gained distribution the Seldzhuksky state, on coins of khans of the Golden Horde in XIV century, and also in the Crimean khanate.

Халит Нияз Хаджиевич – доктор архитектуры, главный научный сотрудник Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

E-mail: niaz_halit@rambler.ru

Халит Нияз Хажы улы – архитектура докторы, Ш.Мәржани исемендәге Тарих институтының баш өлкән хезмәткәре (Казан шәһәре).

Halit Niyaz Hadzhiyevich – doctor of architecture, the chief researcher of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Халитова Наилә Надировна – старший преподаватель Казанского государственного университета культуры и искусств (г.Казань).

E-mail: na-hal9@rambler.ru

Халитова Наилә Надыйр кызы – Казан дәүләт мәдәният һәм сәнгать университетының өлкән укытучысы (Казан шәһәре).

Halitova Nailya Nadyrovna – the senior teacher of the Kazan State University of Culture and Arts (Kazan).

Изображения оружия татарских и русских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи*

Ключевые слова: Ремезовская летопись, сибирский татарский комплекс вооружения, облик и одежда татарских и русских воинов.

Аннотация. В статье, на основании анализа миниатюр Ремезовской летописи, делается вывод о том, что на них в целом достоверно запечатлен сибирский татарский комплекс вооружения, однако не всегда достаточно точно передается внешний облик сибирских татарских воинов эпохи позднего средневековья.

Важными, информативными источниками по истории последних десятилетий существования Сибирского татарского ханства и последующего периода борьбы наследников хана Кучума за его восстановление, служат сибирские летописи, в которых достаточно подробно описаны исторические события, связанные с подготовкой и осуществлением похода в Сибирь казачьего отряда атамана Ермака и борьбой между российскими казаками и служилыми людьми и сибирскими татарскими воинами. Тексты этих летописей неоднократно издавались и становились объектом научного анализа в российском сибиреведении [Сибирские летописи, 2008, с. I–XXXI].

На основе содержащихся в них исторических свидетельств российскими историками, начиная с фундаментального научного труда по истории Сибири Г.Ф.Миллера, была восстановлена последовательность событий в истории Западной Сибири в течение периода с конца XVI – до второй половины XVII вв., когда продолжалась борьба за сохранение и восстановление Сибирского ханства [Миллер, 1999, с.185–293; Миллер, 2000, с.14–15, 32–41, 106–134]. Как было отмечено еще Г.Ф.Миллером, среди сибирских летописных сочинений особо выделяется Ремезовская летопись, которая сопровождается рисунками [Миллер, 1999, с.185]. Несколько рисунков из этой летописи были опубликованы в качестве иллюстраций к сочинению Г.Ф. Миллера по истории Сибири [Миллер, 1999, рис. 8–17]. В последние годы миниатюры Ремезовской летописи неоднократно переиздавались и анализировались современными исследователями [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006; Сибирские летописи, 2008, с.485–611]. Изучение и атрибутирование этих рисунков сделало их важным источником для оружейно-исторического анализа, несмотря на своеобразие исполнения изображений, характерное для миниатюрной живописи, и более позднее, по сравнению с произошедшими историческими событиями, время их создания.

Предпринятый ранее автором настоящей статьи опыт анализа изображений русских воинов и европейских военных специалистов, воевавших в составе российских отрядов казаков и служилых людей на территории Западной и Южной Сибири показал, что эти рисунки могут служить весьма ценным и достаточно информативным изобразительным источником по истории военного дела в Сибирском регионе в периоды позднего Средневековья и начала Нового времени [Худяков, 2011а, с.212–217; Борисенко, Худяков, 2011, с.293–298]. Однако, на миниатюрах Ремезовской летописи изображены не только русские воины. На них имеется немало изображений сибирских татарских воинов и исторических деятелей Сибирского татарского ханства, которые также могут быть объектом целенаправленного исторического исследования. Среди этих миниатюр привлекают внимание рисунки, иллюстрирующие известные по сибирским летописям военные столкновения между татарскими военными отрядами до появления русских, между воинами казачьего отряда под командованием атамана Ермака и татарскими воинами под руководством хана Кучума и других татарских военачальников, и боевые действия между русскими и сибирскими татарами после гибели казачьего атамана и прихода в Сибирь московских воевод в конце XVI века.

На одном из рисунков, передающим изображение столицы Сибирского ханства, города Кашлык, или Искер, изображен бой двух, сражающихся между собой, отрядов татарских воинов [Миллер, 1999, с.203]. Вероятно, воспроизведен один из эпизодов борьбы за ханский престол Сибирского юрта между Шейбанидами, во главе с ханом Кучумом, и Тайбугидами. Воины из обоих отрядов изображены верхом на взнузданных и оседланных лошадях, одетые в длиннополую верхнюю оде-

* Работа выполнена по гранту РГНФ № 10-01-00258а.

жду с осевым разрезом спереди, в островерхих шапках с оторочкой по нижнему краю. Большая часть из них вооружена копьями с длинными тонкими древками и удлинненно-ромбическими наконечниками. Среди копий имеются древки, изображенные без наконечников. Над одним из отрядов изображено знамя, которое представляет собой длинный узкий треугольный выпел. Один из всадников из этого отряда стреляет в противников из сложносоставного лука. Конный воин из противостоящего отряда, изображенный сидящим верхом на коне, который ориентирован в противоположную от противника сторону, так, словно он собирается покинуть поле боя, держит в правой руке, поднятой над головой, предмет, напоминающий пращу. Всадники из обоих отрядов, изображенные на переднем плане, воспроизведены сражающимися саблями с длинными слабоизогнутыми клинками. Они показаны в длиннополой верхней плечевой одежде и в коронах на головах. Вероятно, подобным образом создатель этой миниатюры хотел показать их принадлежность к числу претендентов на престол Сибирского ханства. На поле боя изображены павшие воины. В руках у одного из погибших показан лук со стрелой [Миллер, 1999, рис. 8] (рис. 1).

На другой миниатюре сибирские татарские воины изображены в противоборстве с русскими казаками в окрестностях стана атамана Ермака на р. Тагиле. В обеих сценах, передающих боевые столкновения, сибирские татарские воины изображены в пешем строю. Они показаны в головных уборах, напоминающих малахаи, и длиннополых зипунах с осевым разрезом спереди.

На нижнем рисунке, передающим бой на р. Тагиле, один из воинов изображен с обритой головой без головного убора. Другой татарский воин показан с невысокой сферической шапочкой на голове. В ходе боя татарские воины стреляют из луков, размахивают над головами саблями. На заднем плане у них воспроизведены копьё с удлинненно-ромбическими наконечниками. На переднем плане изображен воин, стоящий на одном колене с копьем в одной и саблей в другой руке. Среди татарских воинов показаны убитые, один из которых с саблей в руке поражен копьем. Противоборствующие русские воины показаны в сфероконических шлемах в кафтанах или зипунах с копьями, бердышем и саблями в руках. Некоторые из них стреляют из пищалей. Над одним из отрядов русских воинов, воспроизведенном на нижнем рисунке, развевается знамя с изображением ангела с нимбом над головой, крыльями за спиной и весами в руке [Миллер, 1999, рис. 11] (рис. 2).

Три эпизода боевых столкновений воспроизведены на рисунке, передающем поход отряда Ермака по р. Туре. Татарские воины показаны в высоких малахаях с широкими полями, или без головных уборов с обритыми головами, в кафтанах и длиннополых зипунах. В руках у них изображены копьё с удлинненно-ромбическими наконечниками, луки и стрелы, сабли. Над головами воинов воспроизведена праща и знамя на длинном древке с удлинненно-ромбическим наконечником и двумя длинными косицами. К поясу подвешены сабли в ножнах, налучье и колчан со стрелами. На переднем плане показаны убитые и раненые с копьем, луком и стрелой. Российские воины, принимающие участие в этом бою, изображены в европейских сферических шлемах и латах, стреляющими из пищалей, с копьями, бердышами, саблями в руках. В одном эпизоде над головами воинов воспроизведены знамена с изображением святого [Миллер, 1999, рис.13].

Рис. 1. Бой между отрядами татарских воинов под Кашлыком.

Рис. 2. Бой между татарскими и русскими воинами на р. Тагиле.

В сражении за город Чингида сибирские татарские воины изображены в малахаях или с обритой головой в кафтанах и зипунах с копьями, луками и стрелами и пращей в руках. Среди убитых лежат копья, сабли и праща. В составе российского военного отряда воспроизведены воины в европейской одежде и латах, иногда со щитами, в малахаях и кафтанах, стреляющими из пищалей на Атакующего противника копьями и саблями. Над головами воинов показано знамя с изображением святого [Дергачова-Скоп, Алексеев, 2006, илл.182]. В бою за город Карачин сибирские татарские воины изображены пешими в малахаях, кафтанах и зипунах с копьями и саблями в руках. Несколько убитых воинов лежит на земле. Воины из состава российского отряда изображены в европейской защитной одежде, шлемах и латах, стреляющими из пищалей, атакующих противника копьями, мечами и саблями [Дергачова-Скоп, Алексеев, 2006, с.157].

В миниатюрах Ремезовской летописи отражены и некоторые военно-исторические события, относящиеся к периоду присоединения лесостепных районов Западной Сибири после гибели атамана Ермака. На одной из иллюстраций отражен поход русского военного отряда, совершенный тарским воеводой И.Кольцовым-Масальским в 1591 г. на ставку хана Кучума на оз. Чиликуль в долине р. Ишим [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, илл.216]. На этой иллюстрации воспроизведены различные эпизоды этого похода, во время которого русские конные и пешие воины передвигаются по степи и перемещают свои пушки на конной или пешей тяге. Во время боя они обстреливают противника из орудий и пищалей. Вооружение и экипировка русских воинов, изображенных на этой миниатюре ранее были подвергнуты историческому анализу [Худяков, 2011б, с.256–257]. В первом эпизоде сибирские татарские воины изображены скачущими верхом на лошадях, стремящимися уйти от приближающегося российского войска. Во время боя татарские всадники пытаются атаковать отряд русских воинов И.Кольцова-Масальского в конном строю. Однако, они встречены огнем из пушек и пищалей, которым они могут противопоставить стрельбу из луков и атаку копьями. В третьем эпизоде победители покидают поле боя, уводя с собой пленных. Использование огнестрельного оружия и артиллерии давало ощутимое преимущество российскому войску.

В ходе этого боя сибирские татарские воины изображены стреляющими из лука, атакующими копьями и саблями. Над татарским отрядом развивается знамя с двумя косицами. Навстречу российскому отряду выпущено несколько стрел. Много убитых сибирских татарских воинов с оружием в руках и на поясе, лежит на земле. Татарские воины, принимавшие участие в этом бою, изображены в островерхих головных уборах или малахаях с оторочкой по нижнему краю, в кафтанах и длинных халатах, перетянутых поясами, в штанах и сапогах [Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006, илл. 216] (рис. 3).

Рис. 3. Бой русского военного отряда под командованием И.Кольцова-Масальского с татарским отрядом хана Кучума на оз. Чиликуль.

Если оценивать изображения оружия и воинского снаряжения сибирских татарских воинов, воспроизведенных на нескольких миниатюрах Ремезовской летописи, по степени их информативности и достоверности, то необходимо отметить, что художники, рисовавшие эти миниатюрные композиции, несомненно, пытались передать некоторые характерные особенности их вооружения и воинского снаряжения, отличавшиеся от оружия русских воинов. На всех миниатюрах, где изображены татарские воины, они показаны с холодным оружием дистанционного и ближнего боя; луками и стрелами,

копьями и саблями, изредка с пращами в руках. Нередко клинки показаны вложенными в ножны, подвешенными на поясе. В редких случаях на миниатюрах воспроизведено, характерное для этой исторической эпохи, кожаное налучье. На иллюстрации показан чехол для лука типичной для кочевников эпохи позднего средневековья дуговидной формы, повторяющее нижнюю часть лука с надежной тетивой. Знамена татарских воинов показаны треугольной формы с длинными косицами. Эти изображения свидетельствуют, что художники, иллюстрировавшие этот лицевой летописный свод, несомненно, знали какими видами оружия были вооружены сибирские татарские воины и другие тюркские и монгольские кочевники. Они могли передать характерные особенности сибирского татарского комплекса вооружения. Менее определенно и достоверно воспроизведена верхняя одежда, головные уборы и обувь сибирских татарских воинов. На многих миниатюрах их одежду довольно трудно отличить от одеяний русских воинов. Вероятно, это обусловлено временем создания рисунков в конце XVII в., когда потомки и наследники хана Кучума уже прекратили борьбу за восстановление Сибирского ханства. К этому времени Кучумовичи окончательно сошли с исторической арены в качестве самостоятельной политической силы. Поэтому особенности воинского костюма сибирских татар российским художникам, иллюстрировавшим Ремезовскую летопись, не были в должной мере известны. Из-за этого им не удалось достаточно точно воспроизвести на этих миниатюрных композициях. В этом отношении более достоверными можно считать рисунки некоторых татарских исторических деятелей. Создатели миниатюр изобразили некоторых сибирских татар с обритыми головами, или в невысоких сферических шапочках, напоминающих тюбетейки, в длиннополых шубах и халатах, что довольно точно передает их этнографический облик.

Однако, несмотря на то, что некоторые миниатюрные композиции передают внешний облик сибирских татарских воинов не всегда достаточно точно, иллюстрации Ремезовской летописи можно считать весьма важным и информативным иконографическим источником по военной истории Западной Сибири в эпоху позднего Средневековья и начала Нового времени

Список источников и литературы

Борисенко, Худяков, 2011 – Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Европейцы на военной службе в Сибири в конце XVI – первой половине XVII века (по изобразительным источникам) // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011. Т.10. Вып. 7: Археология и этнография. С.292–299.

Дергачева-Скоп, Алексеев, 2006 – Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. Ремезовская летопись. История Сибирская. Летопись Сибирская краткая кунгурская. Исследование. Текст и перевод. Тобольск: «Возрождение Тобольска», 2006. – 270 с.

Миллер, 1999 – Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., дополненное. М.: «Вост. лит-ра», 1999. Т.I. – 630 с.

Миллер, 2000 – Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., дополненное. М.: «Вост. лит-ра», 2000. Т.II. – 796 с.

Сибирские летописи, 2008 – Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань: Александрия, 2008. – 688 с.

Худяков, 2011а – Худяков Ю.С. Холодное оружие и защитный доспех в комплексе вооружения русских воинов в Сибири в XVI–XVII веках // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2011а. Т.10. Вып. 3: Археология и этнография. С.210–218.

Худяков, 2011б – Худяков Ю.С. Применение артиллерии отрядами русских казаков и служилых людей в военных действиях против тюркских и монгольских номадов в Западной и Южной Сибири в конце XVI – первой половине XVII века (по письменным и изобразительным источникам) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2011 года. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. Т.XVII. С.254–258.

Ю.С. Худяков

РЕМЕЗОВ ЕЛЪЯЗМАСЫ МИНИАТЮРАЛАРЫНДА ТАТАР ҺӘМ РУС ГАСКӘРИЛӘРЕНЕҢ СУГЫШ КОРАЛЛАРЫ

Ачкыч сүзләр: Ремезов елъязмасы, татар гаскәриләренең сугыш кораллары комплексы, татар һәм рус сугышчыларының кыяфәтләре һәм киёмнәре.

Кыскача эчтәлек. Мәкаләдә Ремезов елъязмасы миниатюраларын анализлап, гомумән алганда, аларда себер татар гаскәриләренең сугыш кораллары комплексы дәрәс чагылдырылган дигән, ләкин барлык очракларда да аларның тышкы кыяфәтләре һәм киёмнәре төгәл сәрәтләнми дигән нәтижә ясалган.

Yu.S. Khudyakov

**IMAGES OF THE WEAPON OF TATAR AND RUSSIAN SOLDIERS
ON MINIATURES OF THE REMEZOVSKY CHRONICLE**

Keywords: the Remezovsky chronicle, Siberian Tatar complex of arms, shape and clothes of the Tatar and Russian soldiers.

Annotation. On the basis of the analysis of illustrations of the Remezovsky chronicle in article the conclusion about that is drawn, in them as a whole the Siberian Tatar complex of arms is authentically imprinted, however appearance of the Siberian Tatar soldiers of an era of the late Middle Ages isn't always rather precisely transferred.

Худяков Юлий Сергеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск).

E-mail: khudjakov@mail.ru

Худяков Юлий Сергеевич – тарих фәннәре докторы, Россия Фәннәр академиясендәге Себер бүлеге Археология һәм этнография институтының баш гыйльми хезмәткәре (Новосибирск).

Khudyakov Yuliy Sergeyevich – doctor of historical sciences, the chief researcher of the Institute of archeology and ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science (Novosibirsk).

НАСЛЕДИЕ

УДК 93:7(47)

Заки Валиди Тоган

Исламско-тюркская культура в Казанском ханстве* (Отчет, направленный из Казани в 1550 году во времена Кануни)

Ключевые слова: казанско-московские отношения, казанская крепость, поход московских войск 1550 г., Шарифы, мусульманская культура в Казанском ханстве.

Аннотация. Работа посвящена публикации обнаруженного З.В.Тоганом в библиотеке Зейтиногуллары, недалеко от г. Кютахья, в одном из рукописных сборников произведения «Зафар-наме-и вилайет-и Казан», в котором описывается героическая оборона Казани от московского войска в 1550 г. В статье рассматривается культурная и этносоциальная ситуация в Среднем Поволжье в XIII – первой половине XVI в. По мнению З.В.Тогана, мусульманское население средневожского региона состояло из двух страт: мирных, «про-русски» настроенных потомков волжских булгар и воинственных, «антирусски» настроенных татар – потомков татаро-монгольских завоевателей. Автор статьи отмечает значительное влияние культуры государства Ильханов на культуру Среднего Поволжья и Крыма, причем, по мнению З.В.Тогана, из ильханских владений в Среднее Поволжье с конца XIII в. прибывали и татарские воины-гази для противостояния натиску «неверных». Эти воины и сопровождавшие их иногда суфийские шейхи являлись носителями высокой мусульманской культуры, которую приносили с собой на новое место жительства. Что касается Волжской Булгарии, то мусульманская культура в ней (а в период Золотой Орды и Казанского ханства – и среди потомков волжских булгар-мусульман), по мнению З.В.Тогана, была довольно слаба и не достигла больших успехов.

Доклад был прочитан в Турецком сообществе востоковедов 8.10.1964 г. Опубликовано: Zeki Velidi Togan. *Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü (Kanunî zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966. Vol. III. Parts 3–4. 1959–1960. S.179–204.*

Хотя ислам и начал распространяться среди волжских булгар в X веке, но до того, как в Золотой Орде, во времена Чингизидов, распространилась мощная хорезмская культура, мусульманство в Булгаре не имело широкого отклика. Теперь же, как понятно из изданных Г.Юсуповым трудов о булгарских надгробных камнях¹, мусульмане того времени писали на чувашском диалекте, который был языком древних булгар. Абу Хамид ал-Андалуси рассказывает о некоторых ученых, которые получили образование в Хорасане, в частности о Сулеймане б. Давуде Саксини (Сувари), чьи труды по исламу на арабском и персидском языках, хоть и дошли до наших дней, но это не является показателем того, что в Булгаре были внушительные труды, относящиеся к исламской культуре.

В период Золотой Орды, а особенно после 1300 года, Булгар и Казань, которая находилась севернее, становятся центрами распространения ислама, в тот же период древне-чувашский литературный тюркский становится разговорным языком Булгар немусульман, а на надгробных камнях начинают писать на среднеазиатском тюркском. Сюда приехали сеиды, которые позиционировали себя в качестве потомков Пророка, появились возглавляемые ими ханаки, т.е. текке*, имареты** открывались медресе и мектебе. Культура мечетей, медресе и бань, которая развивалась в Булгаре и Казани, находилась под полным влиянием хорезмской культуры, так же как и в городе Сарай, однако после того, как в Крыму и Казани поселился сын Ичкили Хасана, здесь посредством Крыма начало себя проявлять османское влияние. Однако, один вопрос постоянно напоминает о себе: в Казани наблюдалась активная пропаганда мусульманства, чего не было в древнем Булгаре, откуда это взялось? Возможно, сообщества, которые работали здесь во имя исламской культуры, состояли из переселившихся сюда из-за внутренних конфликтов в городе Сарай?

* *Перевод с турецкого Булата Ногманова.*

¹ Юсупов Г. Введение в булгаро-татарскую эпиграфику. М., Л., 1960.

* Ханака, текке – обитель дервишей. – Прим. ред.

** Имарет – благотворительное заведение. – Прим. ред.

В последнее время появились документы, проливающие свет на эту проблему. Российский ученый С.Шпилевский в своем труде под названием «Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии» собрал сведения от том, что на территории современной Казани в XIII веке в большом количестве проживали русские (стр. 70–76), и в 1298 году правитель по имени Казан для того, чтобы увековечить свое имя и свою славу, чуть севернее Казани, в местечке всем известном как «Старая Казань», построил мусульманский город, через 104 года, в 804 году хиджры (1402 г.н.э.), этот город был перенесен на территорию современной Казани и отстроен заново². Такие письменные труды как «Бейан-и дастан-и тарих», которые содержали в себе эти сведения и дошли до наших дней (в частности, труд немецкого профессора Фукса, изданный в 1817 году, в котором также упоминалось об этом событии), хоть и были прочтены мной, до настоящего времени не изданы. В этих произведениях упоминается, что первого хана Казани звали «Саин». Тюркским словом «саин» называли Чингизидов после их смерти, и это слово эквивалентно слову «азиз»*, т.е. не является именем. В Золотой Орде Бату хана называли «Саин». Впоследствии территории, которые получили название Казань, являлись его личными владениями и стали называться «юртом Саин-хана».

Русский ученый В.Семенов еще в 1836 году писал следующие строки в своих исследованиях по истории Казани: «город Казань впервые упоминается в русских летописях в 1370 году. В народе же называли ее «Саин Юрту» (Саинов Юрт) – это Бату хан («юрт», который в то время еще не был городом, а был чистым полем). Название Казань связано здесь с основанием города на этой территории. Возможно, это Казан-хан (1334–1346) из чагатайских ханов, о котором упоминает Абулгази Хан»³.

Название «Казан» или же «Газан» среди городов древнего Булгара не упоминается. Даже если и был город или поселение «Кашан», но оно находилось в совершенно другом месте к западу от Волги, на территории современного города Тетюши. Город «Газани» упоминается в записях, относящихся ко времени Тимура. Тимур в письме к своему анатолийскому союзнику, правителю Чемишкезека Ялману говорил о своем втором походе 1395 года против Токтамышша, что он, преследуя Токтамышша дошел до реки Итиль, после того, как повоевал с ним недалеко от города Булгар, Токтамышш сбежал в русскую провинцию, а Тимур со своим войском дошел до «Газни» (غزنی) или «Газани» и, отказавшись от преследования своего противника, который сбежал в русские земли, направился к реке Узи (т.е. Днепр), на территорию современной Украины. В книге «Меджмуа-и Муншеат», которая принадлежала покойному Мукримин Халиль бею, на листе 93б, а также в «Муншеат Меджмуасы», которая находится в Библиотеке Ашира Эфенди, в разделе 3, № 326 на листе 93а, эти события описаны следующим образом: «Мы преследовали Токтамышша до Булгарской границы и захватили племена, которые ему принадлежали, оттуда перешли в Газни, а оттуда пошли в направлении реки Узи». В Бурсе в Библиотеке Хараччиоглу в ячейке 1051 хранится прекраснейший экземпляр книги Ибн Араб шаха «Аджаиб ал-макдур». Она написана в 841 году по хиджре (1437 год) человеком по имени Али ибн Муса ал-Газани. Такой прекрасный текст просто не мог быть написан в древнем Булгаре. В тюркоязычных указах крымского хана Хаджи-Гирея и казанского хана Сахиб-Гирея (Türkiya+Mecmuasi, II, S.13) после «Эмиров» и «хакимов» этого государства упомянуты «садат-и изам» т.е. великие сеиды. А.Таймас, который обнаружил это, заметил, что в Золотой Орде сеиды не перечислялись наряду с правителями. Кроме того, в Казани, Азербайджане и Хорасане вместо арабского слова «рабат» использовали слово «бистэ», что означало пригород. В других городах Поволжья таких «бистэ» не было. Это наводит нас на мысль, что Казань испытала влияние культуры периода Ильханов. Такое влияние, по-видимому, в самом деле имело место. В библиотеке Хаджи Махмуда Эфенди, хранящейся в библиотеке Сулеймания в сборнике №3394 (л.62а), имеется запись об «Астраханском походе», который должен был состояться в 1568 году, в период правления Селима II, но не удался**. Запись гласит: «Этот поход был предпринят по следующим соображениям: в эпоху Чингизида Султана Махмуда Газана, общество татар, принявших ислам, воевало в этой местности и, избрав ее в качестве своей родины, стали известны как казанские татары. После того как Газанское государство было разрушено, оно перешло под управление неверных Москвы. Ныне к Высочайшему Порогу*** при были письма, в которых они призывают соединить две реки (Волгу и Дон). Здесь «Махмуд», это сын

² Шпилевский С. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 70–77.

* В турецком языке имеет значения «дорогой, святой, уважаемый». – Прим. ред.

³ Библиотека иностранных писателей о России / Труды В. Семенова. Отд. 1. Т. 1 [Путешествие в Тану Иосафата Барбаро, венецианского дворянина] / Пер. с итал. В.С. СПб., 1836. С.153–155.

** Османский поход на Астрахань был осуществлен в 1569 г. и закончился неудачей. – Прим. ред.

*** Высочайший Порог – обозначение дворца османского султана. – Прим. ред.

казанского хана Улуг Мухаммада, он же хан Махмудек, возможно перепутан с правителем Ильханов султаном Махмудом Газаном. Однако в записи сборника из библиотеки Хаджи Махмуда Эфенди есть такое объяснение, что сюда «были приведены и размещены мусульманские татарские войска для ведения войны». Такая запись не подходит для периода, когда жил сын Улуг Мухаммада, хан Махмудек. Возможно, Газан-хан в процессе активной деятельности по распространению ислама, когда, как отмечал Шпилевский, в XIII веке на границе с Золотой Ордой начало увеличиваться русское, христианское присутствие, основал крепость для поддержания сеидов, к которым трепетно относились «татарские воины» и вокруг этой крепости основал пригород «бистэ», сходный с теми, что были в его стране. Точно также мы видим, как этот Газан-хан после принятия ислама начинает свои действия по распространения ислама в области Ганьсу, которая находилась во владениях монгольского великого хана, старшей которого был Ханбалык (Пекин) в Центральной Азии. Это можно понять по записям Рашид ад-Дина⁴. Также из книги Рашид ад-Дина «Муншеат» (стр. 17) мы можем понять, что в период хана Газана город Балчемен (Балчман), который принадлежал ханам Золотой Орды и находился на Северном Кавказе близ современного города Владикавказа, тоже находился под влиянием Ильханов. Еще Ибн Баттута говорил о шейхе Руфай и дервишах из его окружения, который прибыл из Ирака в этот маджарский город, который находился на этой территории. Экземпляры произведений Рашид ад-Дина об исламской теологии, написанные в свое время в Тебризе, после того, как они были найдены в золотоордынском городе Сарай или в Крыму, поступили в столицы Османского государства. Об этом свидетельствуют экземпляры, найденные в нашей библиотеке. Из записей этого шейха становится ясно, что когда газии были направлены из Азербайджана на приграничные территории Золотой Орды для борьбы с неверными, с этими воинами определенное время на Кыпчакских степях находился сам шейх Сафийеддин Эрдебели*, который был современником хана Газана. С другой стороны, в результате этого в таких местах как Казань и Балчемен во времена хана Газана появились центры торговли, которые сильно поддерживались.

Анализ дошедших до нас письменных источников, показывает, что такие понятия как «диван» (ведомство по налогам и сборам) и «хэзинэ» (казна), учрежденные о времена Ильханского государства, были в таких местах как Казань и Крым понятиями, привнесенными извне, а не реалиями, развившимися в результате внутренней эволюции. Письма, которые были направлены правителем Казани ханом Улуг Мухаммадом в 1428 году султану Мураду II и крымским ханом Хаджи-Гиреем султану Мехмеду II в 1453 году были написаны самым высоким канцелярским слогом, который по своему изяществу сравним со слогом Тебриза и Герата. Эти документы, которые хранятся в музее Топкапы, были изданы профессором Акдесом Ниметом в 1940 году**. Плохой слог и неграмотные составление ярлыка правителя Казани хана Сахиб-Гирея от 1522 года, является показателем того, что культура, присущая Казани во времена правления Улуг Мухаммада, приходила сюда с юга (из Тебриза и Герата) лишь в качестве волн (Türkiyat Mecmuası, II, 19): слова

عن الآفات, خراجات, املاك, مقیمان, سادات مبارك, написаны как

مقمان, سادات, موبارك, الماك, قراجات, عن يلافات.

В Казань привозились музыканты и певцы из Герата, а также известно, что казанский хан Мухаммад-Эмин был поэтом, который писал стихи в гератском стиле⁵. К этому следует добавить замечательное произведение «Зафар-наме-и вилайет-и Казан», написанное в 1550 году на восточно-тюркском языке, автором которого является проживавший в Казани уроженец Астрахани, Мухаммад Шериф, писавший под псевдонимом Шерифи. Это произведение объемом в десять листов хранится в библиотеке Зейтиногуллары, что находится недалеко от Кютахьи, в местечке Тавшанлы, в сборнике № 2348, л. 60а–64б. Произведение, в котором описывается как казанцы, жертвуя всем, оборонялись от наступления войск Ивана Грозного в 1550 году и как, достойно отбив это нападение, заставили его отступить, датировано месяцем мухаррам 957 года хиджре (т.е. январем–февралем 1550 года). Оно написано на чагатайском языке, который был распространен в государствах Средней Азии и слогом, который был свойственен такой великой личности как Алишер Навои и был адресован

⁴ Джамии ат-таварих. Новый перевод на русский язык II. 1960. С. 209; текст из издания Е. Блоха (Лейдн 1911). С. 601.

* Предок основателя династии Сефидов шаха Исмаила I. – Прим. ред.

** См. Kurat, A.N. . Topkapı Sarayı Müzesi Avsivinde ki Altın Ordu, Kirim ve Türkistan Hanlarına ait Yırlık ve Be Bitikler. – İstanbul, 1940. – Прим. ред.

⁵ Yeni Türkistan. İstanbul, 1927. №2–3. S. 27–28.

правителю Османской империи, которого именовали как «Сахиб-и девлетлери». Это было сделано для того, чтобы привлечь внимание правителя Османской империи к событиям, которые происходили на этой территории. Мы можем полагать, что этим «Сахиб-и девлетлери» был султан Сулейман Кануни. Представляю вашему вниманию оригинал текста этого произведения:

(60 a) ظفر نامه ولایت قزان

ضایر صافیہ ارباب اولوالابصار و خواطر زاکیہ اصحاب ذوی الإعتبارغہ آفتاب طلمتاب
تیکین واضح و روشن ولایح و مبرهن تورور¹ کیم ولایت بلغار اقلیم سبمه (دین) یتینچی
اقلیم تورور، قرغہ منسوب ایرور یعنی قر پرورشیدا تورور علی ما هوالمذکور فی الکتب
الریاضی. و قتی بو ولایت بلغار، قطب شمالیغه کمال قریبیدین اواخر جوزا و اوایل سرطان دا
صلوات خمسہ نینک بیرسی نینک یعنی صلوة عشا نینک و قتی تیولماس زیراکیم شفق امامین²
قشیدا عبارندر حره دین، آ نینک غیبوتندین بورون راق. بو اوقات معلومه دا وقت صلوة

1. В тексте: نور.

2. Т.е. имамы Мухаммад и Юсуф.

فجر یعنی صبح صادق ظاهر بولور، اول سبب دین اول قومغه صلوة عشا واجب بولماس علی
ما هو المذکور فی کتب الفتاوی سیمما فی الکنز¹ والواقی² والکافی³.

و قتی بو ولایت بلغارنینک پایتختی بلده طیبیه محروسه دار الاسلام قزان حیت عن حوادث
الزمان اسلام ولایت لارندین⁴ یراق توشوب کفار سر حدیغه متصل تورور.

مصراع: همسایه بد مباد کس را

هیچ طرفدین انکا مدد و معاونت یتشماس مکر عنایت رب العالمین قرین و ملائکه لار
ناصرو مبین بولنای لار اول سبب دین بلده محروسه قزان شهرینک پادشاه لاری - کفار برلا
زمانه مقتضاسنجه مملکت رفاهی و کشایشی رعیت فراغتی و اسایشی اوچون مدارا برله آرادا
ایلچی بویلا⁵ یوروшоб کیلیش بارش قیلور ایردی لار

شعر:

اسایش دوکیتی تفسیر این دو حرفت : با دوستان مروت بادشمان مدارا.

ثانیا صاحب السیف والقلم منبع الجود والکرم مرحوم و مغفور ابو الغازی صفا کرای
بهادر خان قزان ولایتیغه پادشاه بولدی (60 b) ایرسا کفار برله دنیا دا دینی و آخرتدا ایوی⁶
باشقالیقیدین ان الارار لنی نعیم وان الفجار لنی جحیم یصلونها یوم الدین⁷ آیه کریمه و قاتلوا
المشرکین کافه⁸ أمرینا مأمور بولوب یجاهدون فی سبیل الله با موالهم و انفسهم⁹ مقتضی سنجه
بو حدیث نبوی و فی النزوة احدی الحسنيين¹⁰ : اِنَّمَا الظَّفَرُ وَالْغَنِيمَةُ وَإِنَّمَا الشَّهَادَةُ وَالْجَنَّةُ
مضمونیدین فرحناک

1. Произведение «Канз ад-дакаик» Хафиз ад-Дина Абу-л-Бараката ан-Насафи (ум. 1310). См. новое издание Кашф аз-зунун, II, 1315; C. Brockelmann, Geschichte der arabischen Literature, Sb. II, 265.

2. Произведение того же автора «Аль-Вафи фи-л-фуруг», (Кашф аз-зунун, II, 1997, C. Brockelmann, II, 265).

3. Подробное описание ранее упомянутого произведения «Ал-Вафи» того же автора, см. Кашф аз-зунун, 1378, 1997. Несмотря на то, что существует произведение Мухаммад ал-Хакима ал-Марвази под тем же названием, посвященное фикху (Brockelmann, Sb. I, 288, 638), упоминание Шерифи не относится к этому произведению, так как в произведении, подробно описанном Шамс ал-Аимма ас-Сарахси, не затронута тема намаза ясту в северных странах. Автором произведения «Ал-Кафи», о котором упоминает Шерифи, является Несефи и в этом произведении эта тема затронута. См. Шигабуддин Марджани, Назурат аль-хакк фи фардият иша ва лам ягиб аш-шафак, Казань 1870, с.120, 147.

4. В тексте: لاردين

5. На латинском – Bulius; на итальянском – bajulus; на османском – Bailo.

6. Т.е. рай и ад.

7. Коран = Q. LXXXII, 14.

8. Q. IX. 36.

9. Q. IX. 20.

10. Q. IX. 52 начало и конец (надпись арабской графикой), добавление автора или же использованного им источника.

بيت:

غزاة اهلينه عالما بو بر حسن لطافت بار ظفر تابسا غنيمت كر شهادت تابسا جنت بار
و بو خبر مصطفوى من رى فى سبيل الله تعالى سهما عدل له محررا والمنبل به كالراى
مضمونيدى نشأناك بولوب
قطعه:

كيمكه بر اوق آتسا مشرك لار بوزيكا دين اوچون
كوييا حق يوليدا بربنده آزاد ايلكاي

بو اجر دا برگا دور¹ هر كيم غزاة اميديدا
بر اوق آتيلغاي² ويا شمشير بنياد ايلكاي
و دخى بو حديث نبوى³ كيم رباط يوم و ليلة خير من صيام شهر و قيامه و ان جرى
عليه عمله الذى يعمله و اجرى عليه رزقه و امن من افسان معنى سن ملاحظه قلوب
قطعه:

بر كيجه كوندوز غزاة اميديله آط باغلاماق
يخشى دور بر آى توتوش صوم و كيجه اعمال دين
اولسا گر رزق و ثوابى تيكوسى دور قريدا⁴

اولسا امن اولغوسى دور فتنه دجال دين
الله تعالى حضرتيدى اجر جميل و ثواب جليل اومونوب عداوت بناسى نينك اساسى
توزوب آراداغى اتحاد و داد رشتهسى اوزوب مخالفت ابوابنى مفتوح و مراسلت ايشكىنى
مسدود قليب انا ظالم ان لم انتقم من الظالم تيو غزات و جهاد آطلارينه آطلانيب شمشير
قتال و آبدار و كافر كمش فى مبارك بيلينه بغلاب

شعر:

مرغ آبيان جوهر درياى تينغ او
(61 a) هر يك بروز مرکه ضياد صدهنك
جاهدوا فى سبيل الله با موالكم و انفسكم⁵ تيزكونى⁶ قولونا آليب آياغى سعى و طلب

1. В тексте: بركادوژ
2. В тексте: ايتلاکای
3. В тексте: قوی
4. Возможно: قبری—; такого рода ошибки были допущен жителем Турции, который составил сборник.
5. Q. IX, 41.
6. В тексте: تیزگوسنی

اوزانکوسينا سوقوب فَنَصَلَ اللهُ المَجاهدين على القاعدين¹ درجه سیدین امیدناک بولوب
ولا تحسبن الذين قتلوا في سبيل الله امواتا بل احيا عند ربهم² الآيه مضمون شريفيدین انواع
بهجت و سرور و اجناس مکرمت و حضور دست برب توعتی الملك من تشاء و تنزع الملك
من تشاء³ میدانیده ان الله يؤيد بنصره من يشاء⁴ علمینی کورتوب ایه کریمه کم من فئه
قليلة غلبت فئه كثيرة⁵ باذن الله تيو جنود مسعود اسلامی آلیب اول کفار بدگیش و
ضلالة اندیش کیم اولتک في ضلال مبین⁶ دورلار آلار اوستونا یوروب الاری قتل ایلیب
چایب سانسیر اسیرلار و ساغش سز غنیمت لار کتورور ایردی لار.

مدت مدیده و عهد بعید بو منوال اوزارته کچار ایردی. اتفاقا قضا و قدر منادی سی نینک
اینجا تگونوا یدرکم الموت ولو کنتم فی بروج مسیده⁷ دیکان نداسی حضرت خان نینک
مسامع شریف لاریفه یتشیب قل ان کنتم تفرون الموت فانه ملایکم⁸ صداسنی اشتیب خان
حضرتلری همان رضا بوینی قضا قولونا سونوب حق تعالی دین رحمت و مغفرت اومونوب انالله
وانا الیه راجعون⁹ تيو فاذا جاء اجلهم لا یستأخرون ساعة ولا یستقدمون¹⁰ مقتضی سینجه
تیریک لیک طور دین امید کسب حیات لیق تمنا سیدین انسا چکیب¹¹ کل نفس ذایقة الموت¹²
شریقینی کل من علیها فان¹³ زمیدا و سقامم ربهم¹⁴ ساقی قولون دین ایچیب دارغرور
دین سرای سرورغه رحلت قیلدی ایرسا ذلك تقدیر العزیز العلیم¹⁵
غزل:

آه و اوایلا اولوم دین تنداکی جان تترایور

(61 b) جان دین آریلماق بلادور تيو ابدان تترایور

1. Q. IV, 95.
2. Q. III, 169.
3. Q. III, 26.
4. Q. III, 13.
5. Q. II, 249.
6. Q. XXXIX, 22.
7. Q. IV, 78.
8. Q. LXII, 8 الموت الذي تفرون منه
9. Q. II, 156.
10. Q. VII, 34.
11. В тексте: انسا کچیب. Radloff, Wb. I, 748: әнсә; 1434: (казанский диалект) инсә = плечо.
12. Q. III, 185, и т.д.
13. Q. LV, 26.
14. Q. EXVI, 21.
15. Q. VI, 96.

بو اولوم دور بارجان¹، مغموم و محزون ایلاگان
 بو اولوم نینک خوفیدین چشمه حیوان تترایور
 ییر یوزیداکی اولوم نینک ضربتیدین خلق ارا
 کوکداکی یولدوزلار و شمس درخشان تترایور
 گه یوزین یرتیب قرارتیب گه قزاریب سارغایب
 که قاجیب پنهان بولوب هم ماه تابان تترایور
 دفع ایتیب بولماس اولومنی مال بیریب لشکر بیغیب
 بوسبیدین وهم ایتیب خان بلکه سلطان² تترایور
 کونکلونا توشکان دین اوترو مرگک وهمی ناگهان
 زلزله ایلاب بسی کوه ویابان تترایور
 ای شریفی مستعد بولماق کراک اولماس بورون
 یوقسه دیماکدین نه سود این تترایور آن تترایور
 کفار بو جاده گردون دین خوش حال بولوب بو واقعه دنیای دون دین سویونوب اول
 کافر بی دین و اول مشرک باکبروکین و اول مفسد روزکار و مفسن فلک رزنکار و ثانی
 اثنین شیاطین و پیشوای لشکر ملاعین ایبان³ بی ایمان فرعون صفت و نمرود هیئت برله اوزی
 بشلاب لشکر انبوه گران سنک بسیار وعسکر مکروه باتوب و تفنک بی شمار تخمیناً سکز یوز
 مینک لشکر برله الدین یقطعون ما أمر الله به ان یوصل ویفسدون فی الارض اولتک هم الحاسرون⁴
 دورلار کیلیب بلده محروسه قزان شهری نینک گردهاگردنی احاطه ایلاب محاصره قلیب قوندیلر
 لشکر کفار ازمورو ملخ کم نیستند نسل یا جوح اند و آدم نیستند
 غزل:
 عجب برجای عشرت دور جهانده بو قزان شهری
 مونینک تیک بولماغای عالمدا بردار الامان شهری
 قزان تیک شهر معموری تبولماس دنیادا هرکز
 قزان دین آش ایجادورلار نجاقلی⁵ بو جهان شهری
 بو برملکی ارور قلمیش ابا عن جدخان لاردین
 ارور بو ییر همیشه دنیادا خان ابن خان شهری

1. В тексте: Баржан
2. Т.е. османский падишах.
3. Т.е. Иван IV, Иван Грозный.
4. Q. XIII. 25.
5. «Ничаклы» (казанский диалект).

يېرىن يورتىن ساتىب¹ برماس آتاسى نىنك يىساقىنى²
 نچوك³ كىلگىلى اوشول ملعون، ايتماس دور بو ايبان شېرى⁴
 (62 a) شريفى كىتا بو يېردىن غزاة اميدى گر بولسا
 بوكوندىن سونك دىگىلى لار كىم بودر صاحب قزان شېرى.
 بردروازهده بو مملكت نىنك ستوى بو خلاق نىنك ره عمونى مرحوم پولاد بيك نىنك
 اوغلى ممالى بيك برله نور على ميرزا زىد^{5a} قدرها مردان جنك آزمايى و مرد افكن
 وجوانان دارا و اسكندر شكن لارنى يىغىب قاشيدا آليب تورور ايردى
 شعر:

مبارزلر تورور صبف صبف قاشيدا
 قويو بن تاج نصرتى باشيدا
 ايرور ميدان آرا هر برى بر شير
 اورورلار هر زمان دشمنغه شمشير
 تقى خان مورچاليداكى^{5a} دروازهده^{5b} بهادرلىق ميدانى نىنك صفدى دلاورلىك پىشەسى نىنك
 غضنفرى قوزىجاق اوغلان زىد⁶ اقتداره
 شعر:

كورسا كفار ايله هر كىم حرب ضرب ايا ميدا
 داىما اسلام شمشيرىن قوليدا استوار
 دىماكاي اول كيشى هر كىم عمرىدا بر كز تقى
 لافقى الآ على لاسيف الآ ذوالفقار⁶
 اول هم بولسا جوانان هنرپىشه و دلاوران صواب اندیشه لارنى قشيدا آليب تورور ايردى.
 تقى بردروازهده دلاورلار اهلى نىنك سرورى بهادرلىق معركهسى نىنك سكندرى آقى محمد
 اوغلان زىد عمره
 بيت:

ايرور زم ايچره جم رزم ايچره رسته
 بو يردىن بولاسون هيچ سايسى كم

1. В тексте: ساليب, возможно, имелось в виду отдавать в залог.
2. Т.е. русский царь Иван IV, налог «ясак», который выплачивался ханам Золотой Орды еще со времен его предков.
3. «Ничук» (как).
4. Т.е. это город Казань, а не город «Ивана» (русский).
- 5a. В тексте: مورچاليداكه
- 5b. Т.е. ворота под башней в стене крепости, где находились Сююмбике и его сын Утямыш-Гирей.
6. Т.е. Кузыхак оглан никогда не произносил слов «Самый отважный человек – это Али, а самый острый меч – это Зульфикар». Он имел в виду, что он гораздо отважнее, чем Али, а его меч гораздо острее, чем Зульфикар. Также и в дастане Кулунчак-Кузыхак.

شعر:

ای زنک گردن فرسش چرخ نیل رنگ
خورشید مهرگه بود درمیان زنک
هر کیم اوق آتسا لشکر کفار یوزیکا
دیماسن آتی اوق تیور کیم ایررور تفنک.

تقی بردروازده نسل سید المرسلین قطب الاقطاب سید آتا نپیرهسی مرحوم و مغفور سیدینک اوغلی قول محمد سید دام فضله باشلاب جوانان درویش شعار و صوفیان ریاضت آثارلاری یغیب آیه کریمه قل انی هدانی ربی الی صراط مستقیم دیناً قیماً ملة اراهم حنیفاً¹ مفهومیدین فرحناک و آیه شریفه ان الدین (62 b) عندالله الاسلام² معنیسی برله نشأناک بولوب حق سبحانه و تعالی درکاهیغه سیغینیب حضرت رسالت پناهی روحی باشلیغ جمیع انبیا و رسل ارواح لاریدین استغائه قلیب باباسی سید آتا قدس سره روحی دین هم اذا تحیرتم فی الامور فاستعینوا من اهل القبور³ مقتضیسنجه مددو معاونت استاب غزات آطیغه آطلائیب جنک اسبابخی مهیا قلیب کفار ساری یوزلانیب حاضر و ناظر بولوب تورور ایردی.

تقی بردروازده دارارایت واسکندر درایت رستم مثال و بهرام امثال باربولسون آتالیق

شعر:

الهی دنیادا اول بار بولسون همیشه فتح نصرت یار بولسون
بهادرلیق داهم بولسا کمی⁴ یوق بوکون تاپسا شهادت هم غمی یوق

اوز توابع ولواحق لاری برله تورور ایردی.

تقی بردروازده شهر بیکی بلنار ولایتی نینک حاکمی قره عیون السلاطین درة صدف العز و التمکین مدیر امور الممالک السلطانیه مقصّح ابواب الخزائن الخانیه سلالة الامرا بی بارص بیک زیل قدره نینک بهادرلیق غیرتی حرکت کاکلیب دلاورلیک یوراکی تبرانیب هر زمان دیر ایردی کیه

1. Q. VI, 161.

2. Q. III, 19.

3. Недостоверный хадис.

4. T.e. его недостаток и вина.

قطعه :

من نه آن باشم که روز جنگ بینی پشت من
آن منم کاندن میان خاک و خون بینی سری
هر که جنگ آرد بخون خویش بازی میکند
روز میدان آنکه بگریزد بخون لشکری.

بعض دلاوران نامدار و پاداران کام کار نارنجی¹ بیک و آی کلدی بیک و آق متای بیک
و جماعه حاجی لر نصرهم الله هر یرده کفار تبه کار هجوم قیلسالار اول یرکا اوزلارین
یتکوروب جان و دل برله مدد و معاونت بیرب کفار سیه کار برله محاربه و مقاتله قیلیب
کافرلری یقیب سونکولارین² سندریب غازیلیق (63 a) تشریفاتی برله مشرف ایردی لار.
القصة ایکی لشکر بری یریکا محاربه و مجادله و مقاتلهغه قرشو توردیله.

مثنوی :

درون صف دران صف برکشیدند
زماهی تابعه لشکر کشیدند

سپاه کوه پیکر فوج بر فوج
چنان در روی دریا موج بر موج

سراسر باستانها زره رستم
ز سر تا پای در آهن شده گم

گرفته هر طرف شیران جنگی
کان چاچی و تیر خذنگی

بر سیل تواتر ثابت و محقق بولوب ایردی کیم کفارینتک اشکریدا اون بر اوتلوغ
توب بار ایردی بر یخشی تویجی هم قاجیب کلیب ایکن ایردی اول توب لارینتک هر بر
اوتلوغ جادره سی³ تخمیناً قزان تاشیفه بتان⁴ بار ایردی اولوغ لیغی آط طوره سی⁵ چاقلی
ایردی اول یادره ایچیدا انواع طلسمات و اجناس تصرفات لار قیلیب ایردی لار کیم عقل

1. В тексте без точки. Героюм дастана будет Нарык бек, отец Чура батыра.

2. В тексте: سوکولارین

3. جادره или же يادره Radloff, Wb. III, 376 объясняет как казанское произношение русского слова «ядро».

4. Т.е. по казанской системе мер один батман (32 кг.).

5. Торба.

افلاطون حیران قالب فہم ارسطو متحیر و سرکردان بولغای ایردی. اول یادرہ لار تیشیدین¹ تمورل برلہ قورشاب یزلار² برلہ توقوب ایچیدہ نفت سید قیوب کوگردلار سالیب کیچکنہ توفاکچہ لار راست قیلیب ایچیندا تورت بش قور غاشیندین یادرہ لار سالیب مضبوط و مربوط و محکم و مستحکم قیلیب قرانکغو کیچہ لاردا کیم آتار ایردی لار دیکای ایردینکیز کیم کصیب منالما فیہ ظلمات ورعد و برق³ تیو.

تقی اول اوتلوغ یادرہ لاردین کیچہ لاردا سالیب چیقغان هواداغی اوچقون لارنی خیال میلغای ایردینکیز کیم کوکلارداکی کواکب ثابتات و سیارات لارنی پارچاسینی یرکا توشتی تیو. اول اوتلوغ یادرہ لار کیچہ لار شهر ایچیدا هر یرکا کیم توشار ایردی هیچ کیم ایرسانینک عرصہ سی یوق ایردی کیم آتینک یوینہ⁴ باروب سوندرگای.

بیت (b 63):

کرچه هر اوتنی کیلیب سوندرسا بولغای سوقیوب
 بویالیغ اوتنی کی ہم سو برلہ بولماس سوندروب
 اما بعض جوانان باجرات و دلاوران باهت المرء یطیر بهمتہ دکان تیک⁵ اوزلارین
 اول اوتقہ سمندر تیکین سالیب باستغانت ملک متعال واستشارت عقل فعال برلہ اول اونجی
 انداغ سوندرور ایردی لار کیم آتارو علامت لری قالماس ایردی.

شعر:

سوغه بالیق اوتقہ سمندر کراک
 ایش کونیدا مرد دلاور کراک

ایر کیشی کا همت اگر بولسایار

عاقبت الامر مرادین تبار

تقی دورت پیش هوایی توب لاری هم بار ایردی هر بر یادرہ تاشی بزکوه پاره ایردی هر وقت کیم اول توب لار آتیلور ایردی اول یادرہ تاشی قوه قسریه محرکه برلہ قوش تیکین اوچوب کالطیر یطیر بجناحه هواغه کیم چیغار ایردی وتری الجبال تحسبها جامده وهی تمرمر السحاب⁶ دایره افلاکده بر نقطه تیکین بولوب هوادا یعنی جو السهادا یوروب قوه

1. Т.е. снаружи, в тексте: ناشидин
2. «медь», (казанский говор).
3. Q. II, 19.
4. Т.е. «вблизи».
5. Т.е. как бы до чего-либо.
6. Q. XXVIII, 88.

قەرىيەسى توكان كان سونكرا ميل طييعى مى برله كيم توبان اينار ايردى باد صرصردين
تندراق قضا و قدر اوقيدىن تيزراق اينىب
شعر:

قضا چون زگردون فرو هيشت پر
همه زيركان كوركشتند و كر

هر پيركا توشسا ويرسل الصواعق فيصيب بها من يشاء¹ منطوقه سينجه اول ييرنى بوزوب يقيب
هفت طبقه زمين دين اوتار ايردى.
شعر:

زبالاچو سنكى زير آمدى زكاوزمين² بانك شير آمدى

بيت:

كويا آتى سَمَاكِ وايندى تا فَرَقِ سَمَكِ

ممکن ايرماس دورا بو ايش نينك مينكدا برو صفن ديمك
وساير ضرب زن لاركا وتوفتك لاركا حساب سان يوق ايردى بوتوب لارينك صاعقه آسمانى نينك
لهنناك آواز لاريفه خلایق و همناك بولوب وترى الناس صكارى وما هم بسكارى ولكن عذاب
الله لشديد³ (64 a) بربرنى تانيماس تيك بولوب ايردى لار لكل امرء منهم شان يفتيه⁴ يزلار
حيران و متحير بولور ايردك كيم حق سبحانه و تعالى بو كافر بى دين و مشرك باكبروكين كا
بو اساس دېديه و بو لشكر و عسكر بو حشمت و سلطنت برب بنده نوازليق قيلغاننا.
شعر:

سبحان من تحير فى ذاته سواه فهم خرد بكنه كالش نبوده راه

شعر:

اي كريمى كه از خزانه غيب گبرو ترسا وظيفه خوددارى
دوستا نرا كجا كنى محروم تو كه با دشمنان نظردارى⁵
القصة ايكي لشكر غرق آهنين بولوب بربريكا قرشوتوروب محاربه و مجادله كا مشغول بولدى لار
بيت:

ميان دو ديوار آهن بنا
يكي كوچه آموز شهر فنا

1. Q. XIII, 13.

2. Т.е. бык, который по легенде держит землю на своих рогах.

3. Q. XXII, 2.

4. Q. LXXX, 37.

5. Из Саади.

شعر:

در آمد دو لشکر بجنیش چو کوه
کز آن جنبش آمد جهان را ستوه

زغریده ناله کرنای
در افتاد وتب لرزه بردست و پای¹

اون کون انداغ اوروشلار بولدی کیم کوییا حشرو نشر ایردی.

مصراع:

آن² تیکین غوغا ایردی کوییا محشر

چکاچاک خنجر بگردون رسید
ز شهر قران خون بیججون رسید

بحمد الله والمنة و على نبيه الصلوة والتجيه توفيق الآمى و تأييد تا متناهى همطريق و
عناية رب العالمين قرين و ملائك ناصر و معين بولوب آية كريمه وهو يعلم اينما كنتم صدای
روح افزاسى مسلمان لارينىك مسامع لاريغه يتشيب آية كريمه ان ينصر كم الله فلا غالب لكم³
مقتضى سنجه و لقد نصر كم الله فى مواطن كثيره⁴ معنى سى صورت پذير بولوندى كفار
بدكيش و خطا انديش لارنى انداع قيردى لار كيم آتارو علامت لرى صحيفه روزكاردين محكوك
و مفكوك بولدى فقطع دابر القوم الذين ظلموا و الحمد لله رب العالمين⁵ قلعه نينك ايكي يازيسيدا
كفار سيمه كار انداغ اولوب⁶ طعمه سكان و لقمه كرك و خرسان بولوب ياتور ایردی لار
کیم (64 b) آياى بسارغه برچولا⁷ يرتابولماس ایردی. فترى القوم فيها صرعى كانهم اعجاز
نحل خاويه فهل ترى لهم من باقيه⁸.

شعر:

فتاده در آن بهن دشت درشت

سرنا تراشیده چون خار پشت

القصة مونونك تيك اوروشلار اون آلتى شبانه روز متصل لاینقطع بولدی. اون بشنجی

1. Из Фирдауси.

2. Также как и в 11-ой строке вместо турецкого указательного местоимения «о» использовано персидское «ан».

3. Q. XIII. 160.

4. Q. IX. 25.

5. Q. VI, 45.

6. В тексте: ادوب

7. Это слово встречается и в казанском, и в тюменском диалекте. Означает большой половник, сплетенный из ивовых прутьев. (Radloff, Wb. III, 2023: Schöpflüffel) на кашгарском «чуйле». Т.е. не было места даже для того, чтобы уместить половник.

8. Q. LXIX, 7.

كون لشكر كفار تبه كار مخذول و معزول و مردود و مقهور بولوب قايتى الحمد لله الذى
نصر عبده واعز جنده هزم و الا حزاب وحده.

بیت:

بخت و دولت بکاردانی نیست

جز بتأیید آسمانی نیست

قطعه:

ساقلامسه هرکیمی دوشمن دن خدای لم یزل

حاجت ایرماس دور انکا کیمک زره, عالی حصار

ساقلاماس بولسا تقی (یوق) بو ایکو دین منفعت

سقلاسا ممکن ایماس بر میلی کسماک¹ ذوالفقار

رجا و کبرم ارباب تحقیق لاردین و امید الطاف اصحاب توفیق لاردین اول توز کیم
هر محل بو «ظفرنامه» بو صاحب دولت لارینیک² منظور نظرلاری بولونسا بو فقیر کیم

معترف دور عجز و قصوری منتصف و منصف دور کناه و عصیانی برله آیتیک مرادیته
فاتحه با اخلاص دریغ قیلماغای لار رحمة الله عبداً قال آمینا.

وقعت هذه الواقعة في شهر محرم الحرام سنة سبع و خمسين و تسعمائة منى هذا الانشا
الغرا و مسود هذه الصحيفة البيضاء افقر العباد شريف حاجي ترخاني.

1. Должно быть кссон

2. Т.е. османскому султану (Кануни Сулейману) и его визирям.

История, описанная здесь, повествует о том, как Иван IV в 1550 году осадил Казань, однако, не добился успеха. Так как для русских это не было славным деянием, русские историки лишь коротко упоминают об этом событии, говоря, что «из-за начала таяния снегов, опасаясь, что, возможно, дороги будут затоплены, царь вернулся обратно» (Карамзин, издание 1892 года, VII, 75; Соловьев, издательство Общ. Польза, VI, 65–66). Мне, во время публикации тюркской и татарской истории, Казань, 1912, стр. 231 и Хади Атласи, во время публикации Истории Казани, 224–236, Сююнбике, стр. 20–25, в виду того, что нашими единственными источниками были русские летописи и записи, не было известно о героической защите города, о котором повествует Шерифи. Иван IV начал осаду 13 февраля, в результате одиннадцати дневных боев 25 февраля, он вместе со своим войском покинул Казань. А Шерифи свидетельствует о том, что после шестнадцати дневной осады, на семнадцатый день, Иван снял осаду. К тому же значительная часть войск начала осаду еще в первых числах февраля. Шерифи ограничился лишь упоминанием о том, что это событие имело место быть в 957 году в месяце мухаррам. Это соответствует промежутку между 20 и 18 февраля 1550-го года. Хан Сафа-Гирей умер в марте 1549 года, его место занял трехлетний сын Утямыш-Гирей, регентом стала его мать Сююнбике, де-факто правительство было в руках Кузычак оглана. Желание Ивана захватить Казань, было продиктовано ослаблением ханства по причине смерти Сафа-Гирея. Об этом, также как и Шерифи, упоминают и русские источники.

Говорится, что было шесть ворот в городских стенах Казани, в других источниках они перечислены как Ханские (Царские) ворота, Аталыковы ворота, Тюменские ворота, Кабацкие, Муралеевы ворота и Крымские ворота. К тому же упоминается о Сбойлевых и Елабушных воротах, которые, возможно, были открыты не для всех.

Шерифи упоминает о том, что защита города была сосредоточена на городских воротах, он также приводит описание командиров защитников города.

Первыми упоминаются ворота, защитой которых руководили сын покойного Полад бека Мамай бек и Нурали мирза. В русских источниках этот Полад бек упоминается вместе с «сыновьями Расова» (Хади Атласи, с. 222). Из сыновей этого господина по имени Расов, т.е. Рас (Раст), упомя-

нут Йолбарс-бей (Атласи, с. 212). А Нурали Мирза он из ногайских мирз, имя которого в русских источниках записано как Муралы (Атласи, стр. 226). «Ворота Муралы» наверняка связаны с этой личностью.

То, что Шерифи называет «Хан Мюрчели», в русских источниках значителся как «Ханские ворота». За этими воротами располагались хан, т.е. Сююмбике и ее сын Утямыш-Гирей, войска на этой части возглавлял человек по имени Кузычак-оглан. В русских источниках значителся как «Кощак улан». «Улан», т. е. «оглан» означает «принц» из рода ханов. Наряду с успешной организацией защиты Казани среди казанского народа (булгар-чуваши) преимущественно обладали сторонники русских. А принцы, мирзы и их свита (татары), прибывшая из Крыма и Ногайской Орды, были яркими противниками русских. В результате крымцы и ногайцы были вынуждены покинуть Казань. Однако принц Кузычак-оглан и Барболсын-оглан после того, как проиграли в битве с чувашами, которые поддерживали русских, были взяты в плен, направлены в Москву и впоследствии казнены.

Эти битвы были героическими, и Кузычак, и сын Нарыха Чура-батыр стали героями дастана. В дастане этот оглан упоминается под именем «Кулунчак-батыр». Известны стихотворения, повествующие о его взволнованном выезде с Чурой из Крыма для спасения Казани от русских; о поэтических соревнованиях; о выдаче замуж младшей сестры Чуры Ай-Сулу за Кулунчака; о том, как Чура, находясь в Казани, один раз отправляет Кулунчака в Крым; о том, как жена Чуры и эта девушка хитростью заставляют его приехать в Крым; о том, как «Кара Дуван» – казначей хана – радуется, когда пополняется казна «хана»; о том, как радуются Кулунчак и Чура батыр возможности биться до крови, если враг придет к городским воротам (См.: Мухаммед Османов. Ногайская хрестоматия. Петербург 1883. С. 24, 28; Березин. Турецкая хрестоматия, II, Казань, 1862. С. 56, и т.д.). Шерифи ставит Кулунчак оглана в один ряд с Халифом Али.

Защитой третьих ворот руководил Ак Мухаммад оглан, в русских источниках он упомянут вместе Кузычак огланом и их сыновьями (Атласи, с.239). Их сыновья были направлены казанцами в Москву в качестве заложников вместе с Сююмбике.

Кул-Мухаммад-сеид, который руководил защитой четвертых ворот, также значителся в русских источниках (Атласи, стр. 245). Его дед «Сеид Ата» был родственником Ахмеда Ясави и умер в 1310 году в Хорезме (см.: Köprülü Fuad, İlk Mutasavvifler, 105–7; Z.V. Togan, Türkiyat Mecmuası, II, 224). Шерифи описывает этого сеида как человека, который «руководя молодыми дервишами и суфиями» отважно бился против неверных. Для нас важным моментом является то, что казанские сеиды наряду с Ясавийскими шейхами, проживавшими на территории Сырдарьи, вместе со своими учениками участвовали в защите Казани в качестве воинов «гази». Это означает, что традиция защищать Казань, как «исламский город», продолжается еще со времен хана Газана.

Барболсын аталык, который руководил защитой пятых ворот, упомянут в русских источниках как «Барболсын-оглан» (Атласи, с.235). Он, скорее всего, был воспитателем юного хана Утямыш-Гирея. Шерифи описывает его как человека, не придающего значения славе и чинам, и ставит его в один ряд с такими великими героями, как Дара, Александр, Рустам и Бахрам Гур.

Защита шестых ворот была сосредоточена в руках Бибарс-бека. В русских источниках он упомянут как «Бибарс Ростов» (Атласи, Сююмбике, стр. 23). Скорее всего, его отец был беом по имени «Раст», в связи с этим старая крепость Азов была переименована русскими в «Ростов». Русские источники также гласят о том, что Бибарс-бек в 1551 году вместе муллой Кул Шерифом были направлены в Москву в качестве послов. Из описания Шерифи становится ясным, что он был беком города Казани (т.е. градоначальником), а также правителем Булгарской области и казначеем казанского хана.

Шерифи также упоминает о резервных силах во время защиты Казани, которыми руководили Нарых-бек, Ай-Кельди-бек и Ак-Матай-бек. Когда воинам требовалась какая-либо помощь, эту помощь оказывали именно они. Турецкий переписчик, который включил произведение Шерифи в свой сборник, некоторые имена и слова прочел неправильно. Написание имени *ناریخ* как *ناریخی* наверняка является ошибочным. В русских источниках «Нарых», упомянут как отец героя дастана «Чура батыр», «Чура Нарыкович». Но Чура не упомянут в этих войнах. Из-за того, что у него испортились отношения с Сафа-Гиреем, он был вынужден бежать в Ногайскую Орду, где позже был убит Сафа-Гиреем (Атласи, стр. 201). Ай-Келди-бек, о котором упоминает Шерифи (Атласи, Сююмбике, стр. 23), и Ай-Келди-абыз, который, согласно русским источникам, был членом посольской делегации во главе с принцем Худайкул-огланом, направленной казанцами в Москву в 1551 году, это один и тот же человек.

Шерифи полагал, что после победы в феврале 1550 года независимость Казани была обеспечена. Крымские полководцы, такие как Кузычак-оглан и Барболсын-оглан, настаивали на том, что нельзя обманываться временным успехом и следует готовиться к более серьезной войне. Однако, по причине того, что в двадцатитысячный полк, который они собрали, входило мало казанцев, и чуваша, проживающие за городом, воевали с крымцами и ногайцами, открыто поддерживая Москву, все приготовления по защите города оказались впустую. После того, как Кузычак-оглан и Барболсын-оглан с пятитысячным войском покинули Казань, защита города осуществлялась совместными действиями муджахидов из Крыма, Ногайской Орды и т.д. Но эти силы уже не были столь же крупными как в начале 1550 года, когда они заставили Ивана IV отступить с позором. В результате в 1552 году русские с еще большим количеством немецких пушек и с 50000 «служилых татар» организуют новый поход на Казань и 2 октября захватили город.

Стилистика письма Шерифи в некоторых местах отражает казанский и тюменский диалект татарского языка (бирге, тотош, тизгин, аш ичэ, чаклы, ничаклы, йиткириб, йиз, йэрдэ, учур, түшти, су койуб сундерү, түкэнгэн, түбэн, үтер, кырды, аяк басарга бир чола йер табылмас). Это свидетельствует о том, что еще в начале XIV века местные казанцы разговаривали на болгарском языке, а по мере того, как в городе увеличивалось количество «мусульманского населения», татарский язык стал языком всеобщего общения. Т.е. современный «казанский татарский язык» был распространен до такой степени, что мог оказывать влияние на поэтический литературный язык времен Шерифи. Кроме того, в письме Шерифи чувствуется и османское влияние, которое конечно, было принесено крымцами. В общем, язык Шерифи – это язык в стиле Алишера Навои, т.е. «благородный чагатайский» литературный язык. Очевидно, что стихи, написанные простым тюркским языком в стиле Ясави и подписанные псевдонимом «Кул Шериф» или же, просто «Шериф» не принадлежат Шерифи. В рукописных и печатных изданиях книги «Бакырган» содержится до 36 од, (касыд) подписанных этим псевдонимом. Известно кем являлся Мухаммад Кул Шериф или же просто Шериф. О себе он оставил следующие строки «Если вы спросите, из какого я рода, то вам отвечу, что я Узбек, сын Яфеса». Это был один из шейхов Ясави по имени Мухаммад ал-Хусейни – астраханец из Бухары, который жил во времена хана Абдулазиза и умер в 1190 году по хиджре (1697 г. н.э.). Его произведение «Худжат аз-закирин», написанное на смеси фарси и турецкого, а также его сборник «Диван-и Шерифи», который написан на фарси и на турецком, хранится в библиотеке Али Эмири в разделе Рашид Эфенди под номером 372. Однако в антологии «Диван-и хикмет» Ахмеда Ясави (Стамбул, издание 1882 года, с.255, повторно с.264) среди суфийских стихотворений, написанных простым турецким языком, содержится один «хикмет», состоящий из 18 полустиший (мисва) подписанный псевдонимом «Шерифи». Язык, в отличие от языка другого «Кул Шерифа», более правильный и содержит элементы казанско-татарского диалекта (например, туйган, суйген, уткэдинг, чюрюр, тилмирир). Возможно, это стихотворение принадлежит нашему «Мухаммад-Шерифу Хаджитархани». Шерифи мог писать стихотворения на фарси, он хорошо знал труды Фирдауси и был хорошо осведомлен об иранской классической литературе, у него правильный арабский, цитаты из Корана тоже уместны. Он сведущ в математике и применяет термин «харакат-и касрия» из области физики. В произведении говорится о том, в северных странах летом из-за белых ночей время намаза ясту не наступает, поэтому этот намаз пропускается. Эта острая проблема была поднята и в XIX веке, но во времена Шерифи она была также решена согласно взглядам Хафиз ад-Дина Несефи.

В своем труде по тюркской истории, изданной в 1912 году, когда приводил сведения о Булгарах на основании источников (стр. 198), я писал, что это люди далекие от войны, торговцы, придерживающиеся слова «склоненную голову меч не берет». Они воевали с русскими не для того, чтобы распространять ислам, а только в оборонительных целях. А Шерифи (строки 20–55) описывает казанцев как воинствующий народ, который со стародавних времен, и особенно во времена хана Сафа-Гирея, совершал вылазки против русских и получал огромное наслаждение от сбора дани и пленных и от войны за веру – джихад. Итальянец Павел Иовий в своем труде 1526 года описывает казанцев как очень миролюбивый народ, который стремится жить в мире с русскими; однако в записях немецкого посла Герберштейна, принадлежащих тем же годам, говорится, что чуваша призывались в татарскую армию в виде стрелков; так же он говорит, что казанские татары в полной мере обладали политическими и военными элементами, их воины в сравнении с другими татарами Золотой Орды были более передовыми и вели оседлый образ жизни. В сборнике 3394 Хаджи Махмуда Эфенди, в котором содержатся османские сведения, относящиеся к «Астраханскому паходу», «казанские татары» описаны как политический и «активно-мусульманский» элемент. Они

сумели ввести Османское государство в большую политику против русских и для этой цели поддерживали османцев в деле включения под османское влияние территории Каспийского моря путем объединения берегов Гиляна и Табаристана, т.е. Волги и Дона. Каждая из этих двух противоречащих друг другу записей верна. «Миролюбивыми» были коренные жители государства, т.е. «булгары», а «воинствующими газиями» были «татары», принявшие ислам во времена Чингизидов, которые и основали город Казань. Полное собрание надписей надгробных камней, изданное на сегодняшний день, так же наглядно показывает тот факт, что на территории Казани и Булгара мусульманское сообщество состояло из двух групп. Часть надписей, которые были до середины XIV века⁶ написаны на болгарском (чувашском) языке куфийской графикой на поверхности простых камней. Даже могильные камни «татар», женившихся на болгар, и вышедших замуж «туркменских» девушек, тоже написаны подобным образом (Юсупов, табл. 7 и 41). Другие надписи являются настоящими произведениями искусства, написанные на восточно-тюркском языке арабским насхом или сульсом, наподобие хорасанских и азербайджанских надписей, которые, которые встречались в период Ильханов и Тимуридов. Это произведения «татар». Из этого становится понятно, что слово «татар», как это было и в Анатолии в османский период, не употребляется в значении «монгол». Это слово пришло с востока вместе каракитаями и Чингизидами и означает восточные тюрки. Стихотворения Шерифи, также как и надписи, доводят до нас слова и определения, которые раскрывают самобытность этого диалекта. Один из прекрасных экземпляров такого рода надписей сохранился до наших дней, он был найден на кладбище Старой Казани и датирован 900/1494 годом (Юсупов, табл. 54). В своих ранних трудах (Тюркско-татарская история, 1912, с.181 и Введение, с.64) я ошибочно полагал, что имя татар было дано казанцам под русским влиянием. Османские источники дали мне возможность исправить эти и другие мои ошибки. Ввиду того, что это был самый активный элемент, поддержавший войну Казани против русских, еще в середине XVI века среди османов название «казанские татары» применялось вместо «булгар».

Сборник номер 2348, кроме произведения Шерифи, содержит также произведения, как комментарии Ламии «к Гулистану», и персидско-тюркский словарь. В некоторых местах этого сборника есть упоминания, что оно было написано в 970 году в месяцах Джемазиульэввелль и Джемазиульахир, что соответствует 1563 году. В таком случае, получается, что произведение Шерифи было включено лишь через 13 лет со времени его написания в 1550 году. Важность этого произведения заключается не только в том, что это экземпляр восточно-тюркской литературы, который был создан на средней Волге, а в том, что оно является свидетельством того, что защита Казани была не только движением местного значения, а общим движением воинов Крыма, Астрахани, Ногайской орды и Присырдарьинских земель. И в то же время ей придается значение продолжения мер, предпринимающихся с начала XIV века против усиления христианского элемента на западе Золотой Орды. Это движение способствовало распространению мусульманской тюркской культуры на территории средней Волги, которую развивали Чингизиды и Тимуриды в Тебризе и Герате. Дастан о Чура-батыре описывает идею этой «войны» следующими строками: «разрушить монастыри продвигающихся неверных, на их месте построить белые мечети и именем Аллаха возглашать оттуда азан». В результате не только «чувашские корабельщики» Волги, но и «черемисские стрелки», проживавшие на территории от Вятки до Нижнего Новгорода, как указывал Герберштейн, стали мусульманами. После завоевания Казани они уведомили турецкое правительство о том, что в случае, если те хотят освободить Казань, то они готовы помочь и направить 66000 воинов. Казанские татары опередили хивинских и бухарских ханов⁷, предложив Османскому государству, построить Волга-Донской канал. Правители хивы и Бухары выступили с тем же предложением лишь после захвата Астрахани и закрытия дорог. Казанские воины, вдохновленные антирусской политикой султана Сулеймана Кануни, которую он начал в 1535 году, бежали в Крым или на Урал после того, как были разбиты русскими после захвата Казани в 1552 году попытка и восстания 1555 года. В 1563 году попытка прорытия Волго-Донского канала и Астраханский поход провалились*. После смерти Девлет-Гирея в 1572** году место «воинствующих татар» заняла группа выращенных под русским началом в Касимове «служилых татар», которые стали активной силой рядом с русскими. Все эти большие изменений наглядно проявились в периоды башкирских восстаний XVII–

⁶ Последняя надпись на болгарском, которая у нас есть, датирована 756/1355 годом.

⁷ Halil İnalçık, Belleten XII 339–73.

* Астраханский поход османов и попытка соединения каналом Дона и Волги были предприняты в 1569 г. – Прим. ред.

** Девлет-Гирей I умер в 1577 г. – Прим. ред.

XVIII век. «Священная война», начавшаяся в Казани в 1298 году вместе со строительством города, с полной мощью продолжалось полтора века, вплоть до 1550 года.

P.S.

То, что в письмах Тимура город Казань и его области обозначены как «Газани» и в османских документах обозначены как «Газанийе» с помощью арабского окончания принадлежности явно указывают нам на то, что эти земли были отнесены к человеку по имени «Газан». Хотя в сборнике Хаджи Махмуда Эфенди под номером 3394 и не упоминается о том, что Газан хан отправлял войска в Булгар, зато там говорится, что «во времена Махмуд Газан хана» одно «сообщество» из мусульманских татар было направлено в страну, которая была известна как Казань, для ведения «священной войны», и что они, обретя здесь «родину», «стали известны, как казанские татары». Они и другие «воины», пришедшие сюда извне, привнесли с собой иранскую культуру и терминологию, которая была принята тюрками, проживающими на территории Азербайджана и Хорасана. Доказательством этому служат понятия и традиции, используемые казанцами, которые не встречаются у соседних татар, ногайцев, башкир и казахов. Кроме понятия «бистэ», о котором мы говорили выше, встречаются и другие понятия, которые вошли даже в русские источники, как примеры казанского татарского языка⁸ такие как «белиш», на персидском «балиш», означает подушку – понятие, относящееся к кухне; от «муллы» к «муллазаде», от «шейха» к «шейхзаде», от «сеида» к «сеидзаде» – понятия, относящиеся к общественной сфере. Немецкий посол барон Герберштейн⁹, который давал информацию о Казани в 1526 году, пишет о глубоком уважении, которое оказывали сеидам: ханы выходили им на встречу и целовали руку сеиду, который сидел верхом на коне, беи целовали поводья коня, прочие знатные люди целовал его ногу, а простой люд целовал либо подол его платья, либо его коня. Это является показателем чрезвычайного почитания сеидов, которое под влиянием шиизма зародилось в Азербайджане во времена Ильханов Газана и Ульжайту.

Несомненно, в XII веке большинство населения Булгарского государства составляли болгары. В XIV веке это положение изменилось. Когда северный Булгар стал собственной страной Бату (Саин)-хана здесь поселилось большое количество татар, так как старшая жена этого хана Боракчин-хатун, согласно Рашид-ад-Дину, была из многочисленного племени «Алчи татар», которое имело до 70 родов. Эта женщина и ее род, который носил ханский титул, были основным костяком. Как видно, болгары-мусульмане были верны делу распространения ислама среди внуков Бату-хана. Внук Бату Токтагу-хан, оставаясь верным шаманистским традициям, был мусульманином, так же как и его мать Улджайту-Хатун, которая принадлежала к мусульманскому роду Кунград¹⁰. Его сын и наследник Ильбасар был очень религиозным мусульманином¹¹. Племянник Токтагу и отец великого Узбек-хана Тогрулча тоже был правоверным мусульманином¹². Визири Тогтагу, а затем и Узбек хана Кунградские беи Салчудай-кюреган и Кутлук-Тимур-Кюреган тоже были мусульманами. Разумеется, они с радостью восприняли тот факт, что Газан-хан направил их на «родину», в северный Булгар, для оказания помощи в распространении и пропаганде ислама. Татары, пришедшие в «Страну Саин-хана» извне присоединились к племенам наподобие Алчи татар, которые поселились здесь ранее, и высшее сословие болгар-мусульман постепенно приняло их язык.

Известно, что казанско-татарский язык и «тюменский татарский» Западной Сибири были очень близки друг другу в XVI веке. Среди татар, проживающих на северных территориях, были более или менее развиты сельская жизнь и земледелие. Утямыш-хаджи называл проживавших на Уральской стороне «Мангытскими деревнями». Видно, что на казанцев оказывала влияние болгарская культура, а на тюменцев – найманская¹³. Татар Анатолии Хафиз-и Абру называл «Карататарскими туркменами»¹⁴. Безусловно, они разговаривали не на монгольском, а на восточно-тюркском

⁸ Полное Собрание Русских Летописей, XIX, 319.

⁹ *Regum Moscoviticarum Commentarii*, а 862, в русском издании с.146.

¹⁰ Murad Remzi, *Talfiq*, I, с.500–501.

¹¹ Там же, I, с.590, 502.

¹² Natanzi, *Tarixi Muini*, Тегеранская печать, с.82.

¹³ О «Стране Тайбуга» в Тюмени, кроме Утямыш-хаджи, упоминают и русские источники. Есть доказательства того, что этот Тайбуга был найманским ханом, направленным Чингизом на север (Вельяминов-Зернов, *Касимовские цари*, II, с.386–92, сведения собранные Строгановыми). Здешные места еще в XVII веке указывались на картах как «Страна найманов» (Sven Hedin, *Southern Tibet*, I, табл. 26, VII, табл.17).

¹⁴ Рукопись Британского музея, 1577, лист 326.

языке¹⁵. Были также «Алакчинские татары». Есть косвенные свидетельства взаимовлияния развития у казанских татар восточно-тюркской литературы и развития у тюменских татар тимуридами художественного искусства¹⁶. Их связи с Бухарой продолжались и после XVI века, они стали центрами пропаганды ислама и были такие группы, которые собирались каждую неделю и читали «Месневи-Мевляна»¹⁷.

Зәки Вәлиди Тоган

КАЗАН ХАНЛЫГЫНДА ТӨРКИ ИСЛАМ МӘДӘНИЯТЕ

(Кануни заманында 1550нче елда Казаннан жибәрелгән бер хәбәр хаты)

Ачыкч сүзләр: Казан-Мәскәү мөнәсәбәтләре, казан кирмәне, Мәскәү гаскәренен 1550 нче елгы походы, Шәрифиде, Казан ханлыгында мөселман мәдәнияте.

Кыскача эчтәлек. Мәкалә З.В.Тоган тарафыннан Кютахъя шәһәре янындагы Зәйтин угыллары китапханәсендә сакланучы бер кулъязмалар жыентыгына теркәлгән «Зафәнамә-и вилайәт-и Казан» әсәренә багышлана. Анда 1550 елда Казанны Мәскәү гаскәрләреннән батырларча саклау сүрәтләнә. Хезмәттә XIII гасырда – XVI гасырның беренче яртысында Урта Идел буендагы мәдәни һәм этносотталь торыш карала. З.В.Тоган фикеренчә, Урта Идел буенда яшәүче мөселманнар ике катламнан (страта) торганнар: «урьск яклы» Идел буе болгарлары варислары һәм сугышчан, «урьска каршы» булган, татарлардан – татар-монгол яулап алучыларның дөвамчыларыннан. Мәкалә авторы Урта Идел буе һәм Кырым мәдәниятенә Илханнар дөүләте мәдәнияте зур йогынты ясауны билгеләп үтә. Аның фикеренчә, татар газиләре илханнар биләмәләреннән, XIII гасырның ахырыннан башлап, кәферләреннән басымына каршы тору өчен Урта Идел буена килгәннәр. Бу гаскәриләр һәм кайвакыт аларны озап килүче суфи шәехләре, югары мөселман мәдәнияте вәкилләре буларак, яңа яшәу урынына бу югары мәдәнияте таратканнар. З.В.Тоган фикеренчә, Идел буе Болгар дөүләтендә (Алтын Урда һәм Казан ханлыгы чорында – Идел буе болгар-мөселманнары дөвамчылары арасында) мөселман мәдәнияте шактый дәрәжәдә чикләнгән һәм зур уңышларга ирешмәгән була.

Доклад Төркия көнчыгышны йөрәнүчеләр жәмгыятендә 1964 елның 8 октябрәндә укылган. Басылып чага: Zeki Velidi Togan. Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü (Kanunî zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966. Vol. III. Parts 3–4. 1959–1960. S.179–204.

Zeki Velidi Togan

ISLAMIC CULTURE IN THE KHANAT OF KAZAN

(The report directed from Kazan in 1550 at the time of Kanuni)

Keywords: Kazan – Moscow relations, the Kazan fortress, campaign of the Moscow armies of 1550, Sharifiy, Muslim culture in the Kazan khanate.

Annotation*. In the Mecmua N.3394 (61a) of Hacı Mahmud Efendi Library (Süleymaniye) is preserved an one page record about the «Astarkhan Campaign» of Selim II in the year 1568. This record informs us that a group of the Tatars converted to Islam at the time of the Ilkhanid Sultan Mahmud Ghazan Khan proceeded to the country (on the Wolga) to combat the infedels (ghazä). They were also active after the fall of the «Kingdom Ghazanî» (davlat-i ghazāniye), corresponded with the Ottoman rulers and caused them to establish a canal between the Ten (Don) and Atil (Wolga). It was said, that such an undertaking would very useful for the suply of the (Ottoman) troops in Demir-Kapı (Derbend) and Shirvan and to increase the Ottoman power on the shores of the Sea of Gilan and Tabaristan. The town Kazan was, according to the later reports, in 1298 (thus during the reign time of Ghazan Khan) by a Khan named Ghazan on the place of «Eski Kazan» and after 104 years (i.e. 1402) was removed to Kazan, the capital of the Khanat. According to Tatar and Russian sources the basin of the Kazan River was the (summer) residence (yurt) of Batu (Sayın) Khan. The grandsons of Batu, Toqtagu, the son of this ilbasar, and the brother Toğrulca were Muslims. Ghazan Khan obviously was interested in the strengthening of the preaching of Islam in this country as he was in northwestern provincs of China in Kansu and Tanagut, the prince of the land, of Aeende, the Muslim grandson of Kubilay. The main strength of Batu were the Alçi-Taras, the tribe of his grand Khatun Buraqçin. The «Müslim

¹⁵ Z.V. Togan, Giriş, 258, 663, 433, эта тема гораздо лучше рассмотрена в исследовании «Татарские надгробные камни», которое проводилось в Узун Йайла. Подробнее о языке Алакчин Татар см.: Central Asiatic Journal VII, 66.

¹⁶ İslâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi, I, 1954, s. 84.

¹⁷ Murad Remzi, Telfiq, II 433.

* Аннотация на англ. яз. взята из текста публикации: Zeki Velidi Togan. Kazan Hanlığında İslâm Türk Kültürü (Kanunî zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslâm Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966. Vol. III. Parts 3–4. 1959–1960. S.202–204.

Tatars» of Ghazan Khan had perhaps joined with these Alçi Taras, the court guards of the grandsons of Buraçın-Khatun.

The Mecmua N. 2548 in the Zeytinoğlu-Library in Tavshanlı (near Kutahya) contains a 10 pages report of the Kazanian poet Sherifî (Hacı Muhammed Sharif Hacıtürkhanî) to Ottoman rulers about the successful defence of Kazan in February 1550 against the Tsar Ivan IV. The language of this «zafername» is an excellent Çagatay, namely in the style of Alishir Nevayî, but contains dispersed words, idioms and phrases in the local «Kazan-Tatar» dialect, which was, like the language of «Tümen Tatars» of western Siberia and the Qaraand Aqtatars of Asia Minor of the 14th century eastern Turkish.

Together with the Tatars in the Khanat and in the town of Kazan itself lived the Muslim Bulgar-Çuvashes, in the 13th century, being certainly the majority of the population. Till the midst of 14th century the inscriptions of the unpolished «Bulgar-tombstones» were in Bulgarian Çuvash language written in arabic, kufi. After the year 756h/1355 we see the Muslim tombstones written exclusively in eastern Turkish. These «Tatar tombstone» are well polished in Irak or Khorasan Muslim tombstone style and carefully written in naskh or thlulth, sometimes only in Arabic language. The Bulgar and Çuvash played passive role in the fights against the Russians. The «Kazan-Tatars» appear on the contrary as a political element, as religious soldiers (ghazi's), who assumed the Islamic traditions of the combat against the infidels, like the Ghazi's on the Byzantine-Frontiers (thughur) of Islam. Contrary to other Tatars, the Kazan-Tatars had more words borrowed from persian in the field of urbanism («bista» for Arabic rabḍ, suburb), culinary art, («beliş», Perisan baliş, biggest rice cake) agriculture and administration. They had more respect for the Seyyids, the descendants of the Prophet as described by Baron Herberstein in the year 1526. Such elements of Perisan culture were brought to the northern regions of Bulgar certainly by the Muslim Ghazi's and other propagandists of Islam. The Seyyids mentioned by Sharifi were originally from Khorozm. Sherfi's literary language is the most important witness of the cultural influence of Herat in Kazan, the country which was in 13th century, as related by A. Shpilevsky, exposed to the great danger of being occupied by the Russian pioneer colonists.

The report was read in the Turkish community of orientalis of 8.10.1964. It is published: Zeki Velidi Togan. Kazan Hanl ığı nda İslâm Türk Kültürü (Kanunî zamanında 1550 de Kazandan gönderilen bir rapor) // İslâm of Tetkikleri Enstitüsü Dergisi. İstanbul, 1966. Vol. III. Parts 3–4. 1959–1960. S.179–204.

Тоган Валиди Ахмадзак (1890–1970) – политический деятель, лидер башкирского национально-освободительного движения (в 1917–1920 гг.); востоковед-тюрколог, доктор философии (1935 г.), с 1923 г. – в эмиграции, с 1925 г. – гражданин Турции и преподаватель, профессор Стамбульского университета, с 1953 г. – руководитель Института исламских исследований при Стамбульском университете.

Тоган Вәлиди Әхмәтзәки (1890–1970) – сәясәт эшлекчәсе, 1917–1920 елларда башкорт милли-азатлык хәрәкәтә житәкчәсе, көнчыгышны өйрәнүчә тюрколог, фәлсәфә фәннәре докторы (1935 ел), 1923 елдан – эмиграциядә, 1925 елдан – Төркия гражданыны һәм Стамбул университеты укытучысы, профессоры, 1953 елдан – Стамбул университеты каршындагы Исламны йөрәнү институты житәкчәсе.

Togan Validi Akhmadzaki (1890–1970) – the politician, the leader of the Bashkir national liberation movement (in 1917–1920); the orientalist-tyurkolog, the doctor of philosophy (1935), since 1923 – in emigration, since 1925 – the citizen of Turkey and the teacher, the professor of the Istanbul university, since 1953 – the head of Institute of Islamic researches at the Istanbul university.

УДК 94(47)"16"

ПАДЕНИЕ КАЗАНИ 1552 Г.: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ. ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

В 2012 году исполнилось 460 лет завоеванию Казани. Отдел средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ и редакция журнала «Чын мирас» по случаю этого общественно-политического события, сыгравшего важную роль в становлении Российского государства и имевшего историческое значение в судьбе татарского народа, обратились к ученым с тремя вопросами.

- 1. Какие причины, на Ваш взгляд, предопределили победу Московского государства над Казанским и другими средневековыми тюрко-татарскими государствами?**
- 2. Какие мифы и несоответствующие историческим фактам суждения существуют сегодня по поводу казанско-московских отношений первой половины XVI века?**
- 3. Если оценивать прошедшие исторические события с высоты начала XXI века, какими потерями и приобретениями ознаменовалась для татар и для России ликвидация татарской национальной государственности?**

Ниже приводим ответы на вопросы ведущих специалистов по татарско-русским отношениям этой эпохи.

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (г.Москва).

Ответ на 1-й вопрос.

Главными факторами мне представляются следующие. Во-первых, большие, по сравнению с татарскими ханствами, материальные возможности Московского государства как результат активной внутренней колонизации в XIV–XV вв.; земледельческого освоения обширных территорий; умелого распределения общественного продукта путем сочетания централизованного управления и поместной системы; демографически благоприятной обстановки из-за длительного перерыва в больших войнах. Ресурсы Московии многократно возросли после присоединения Иваном III обширной и богатой Новгородской земли.

Во-вторых, военный перевес Московского государства. В XVI в., благодаря обширному импорту ногайских лошадей, появилась возможность превратить дворянское ополчение в конное войско, способное совершать далекие походы. Кроме того, с середины XV в. в состав русских вооруженных сил вливались многочисленные отряды служилых татар, также привыкших сражаться верхом. Хотя комплекс вооружения русских и татар немногим различался, но с середины XVI в. царские войска все более активно использовали возможности огнестрельного оружия.

В-третьих, татарские ханства были раздираемы конфликтами и противоречиями, что не позволяло (несмотря на неоднократные попытки) создать долговременный и прочный единый фронт против московской экспансии. В итоге каждое ханство противостояло России в одиночку.

В целом геополитическая ситуация в этой части Евразии, по моему мнению, иллюстрирует укрепление русской государственности и уход с исторической арены государственности ордынской. Ведь все «постордынские» государства представляли собой наследные образования Улуса Джучи. Там, где имелась возможность опереться на стабильную экономическую систему и внешнюю поддержку, ханства превращались в относительно устойчивые государственные структуры: Крым с его опорой на международную торговлю и османский патронат; Казань со старой болгарской цивилизационной основой и контролем над средним участком Волжского торгового пути; в какой-то мере Астрахань как бывший ханский домен и одна из наиболее урбанизированных в прошлом областей Джучиева улуса. Те политические образования, которые были вынуждены опираться в основном на

кочевую экономику (Большая и Ногайская Орды, Казахское ханство), постепенно угасали, дробились, утрачивали централизованное управление и, в конце концов, становились жертвами более могущественных соседей. Что касается Сибирского юрта, то он изначально являлся малоразвитой, малонаселенной, небогатой ресурсами отдаленной периферией Улуса Джучи. Но это же обстоятельство – удаленность от центров геополитических конфликтов – позволило ему довольно долго вести самостоятельное существование. При столкновении с любым сильным противником он был обречен.

Ответ на 2-й вопрос.

Главным мифом мне представляется насаждаемое российской аудитории мнение об агрессивности казанцев по отношению к Руси. Бесспорно, между двумя государствами происходили военные столкновения. Но они вовсе не являлись результатом постоянных татарских набегов. После распада Золотой Орды Москва и Казань по объективной необходимости, по логике исторического развития вступили в борьбу за первенство на востоке Восточной Европы (на западе Восточной Европы такую же, но гораздо более ожесточенную и кровавую борьбу Московское государство вело с Великим княжеством Литовским). В целом массовое представление о средневековых казанских татарах, к сожалению, пока сводится к стереотипу дикой кочевой «орды», терзавшей мирное русское население. Поэтому крайне необходимой остается задача популяризации исторического прошлого татар (как и в целом неславянского населения России).

Почекаев Роман Юлианович, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

Ответ на 1-й вопрос.

Я бы отнес к числу таких причин, во-первых, конечно, существенный перевес Москвы над Казанью в ресурсах – территориальных, материальных, людских. Московское великое княжество (с 1547 г. – царство) на протяжении веков, еще с золотоордынского периода, перенимало многие татарские традиции в сфере управления, финансов, организации армии и пр., т. е. хорошо знало тактику своего противника (тем более, что в московских войсках татар было едва ли не больше, чем в казанских!). Казанские же власти в гораздо меньшей степени имели возможность изучить сильные стороны московской государственности и военного дела, поэтому изначально находились в более слабом положении.

Во-вторых, причиной победы Москвы стало несколько обособленное положение Казанского ханства по отношению к другим как татарским, так и мусульманским государствам – Крыму, Астрахани, тем более – к Бухарскому ханству и Османской империи, которые из-за этого не могли бы оказать оперативную поддержку своим родичам и единоверцам в случае военной угрозы.

Наконец, в-третьих, побеждает тот, кто наступает, а к середине XVI в. наступающей стороной была именно Москва, начавшая активную экспансию на Восток, тогда как Казань заняла чисто оборонительную позицию, всячески стараясь сохранить то, что имела, постепенно утрачивая и это.

Ответ на 2-й вопрос.

Мифы стали возникать, наверное, еще до присоединения Казани с целью его обоснования. На сегодняшний день можно выделить два направления мифов. Первое – идеологическое, более характерное для российской (и советской) историографии русско-казанских отношений. Безусловно, нельзя согласиться с позиционированием Казанского ханства как паразитического образования на границах России, целью которого были исключительно набег на русские территории, их разорение и захват пленных: конечно же, Казанское ханство было полноценным государством с собственными государственными, правовыми, культурными традициями, равноправным (на некоторых этапах своей истории) участником международных отношений. Соответственно, и говорить о причине его завоевания исключительно с целью устранения угрозы безопасности русских границ, не приходится. Формировались такие мифы в научном сообществе путем либо односторонней трактовки фактов, либо замалчивания некоторых.

Другое направление мифов, более характерное сегодня, к сожалению, для современной татарской научной и в особенности научно-популярной литературы, также носит идеологический характер и подается как патриотическое направление, однако в реальности это – ложно понимаемый патриотизм. Вместо того, чтобы довести до населения Татарстана реальные факты, такие авторы делают ставку на незнание читателями истории и ориентируют свои труды исключительно на тех, кто не знаком с прошлым своей Родины по источникам и исследовательским работам. Например,

некоторые авторы пытаются убедить читателей в том, что никакого завоевания татарских государств (в частности, Казанского ханства) в 1552 г. не было: мол, на картах XVII в. еще присутствуют Казанское царство, Астраханское царство, Сибирское царство, следовательно, в это время они еще существовали наравне с Московским государством. Подобное утверждение, безусловно, приятно для тех слоев татарского населения, которые хотели бы видеть свое прошлое исключительно как великое, однако не выдерживает никакой критики в глазах тех, кто хотя бы немного знает историю России: Казанское царство, как известно, с момента присоединения Казани и до начала XVIII в. являлось особой административной единицей в составе Московского государства, а титул «царей Казанских» носили именно русские цари и российские императоры.

Ответ на 3-й вопрос.

Если говорить о негативных последствиях присоединения Казанского ханства к Московскому государству для татарской стороны, то, конечно, самое негативное из них – утрата официальной независимости, или, как сегодня принято говорить, государственного суверенитета. Формально ханство лишилось и собственных самостоятельных органов управления, и законодательства, в какой-то мере произошли и социальные сдвиги – изменения в статусе определенных слоев общества и пр. Однако, если говорить о фактической ситуации, то суверенитет ханства в последние десятилетия до присоединения и так был уже в значительной степени поколеблен: ханство в течение 1480–1540-х гг. признавало то фактическую зависимость от московских великих князей, то от крымских ханов как монархов-сюзеренов (когда на казанском троне находились представители младшей ветви крымского правящего дома Гиреев), а в 1520-е гг. даже шли переговоры о признании сюзеренитета султана Османской империи.

Поэтому, если говорить о положительных для татар последствиях присоединения к Московскому царству, то, как ни парадоксально, но в качестве такового можно назвать некое упорядочение социального и политико-правового статуса населения: при постоянных потрясениях из-за прихода к власти то промосковских, то прокрымских правителей то одни, то другие казанские роды и сословия постоянно меняли свой статус. В составе Московского царства они, пусть даже понизившись в статусе, заняли вполне определенное место в сословной иерархии, а многие представители татарских родов, как известно, вошли в состав российской аристократии и делали значительную карьеру в сановной, военной и гражданской службе. В Поволжье в течение веков сохранялись отдельные традиции времен Казанского ханства (и даже золотоордынского времени) – элементы «чингизидского» права: еще в XVIII в. существовали такие административные единицы как даруги («дороги»), использовался старинный институт тарханства, в качестве налога взимался ясак и пр. Таким образом, говорить о том, что все политико-правовые традиции эпохи Казанского ханства после завоевания были сразу и безвозвратно вытеснены московскими государственными и правовыми институтами, конечно же, нельзя.

Для Москвы же присоединение Казанского ханства, безусловно, имело немало последствий. Во-первых, была ликвидирована угроза, что враги России смогут использовать государство в Поволжье как опорную базу для организации набегов на русские земли (военно-политический аспект). Во-вторых, официальное присоединение богатого и стратегически важного региона способствовало значительному развитию торговых маршрутов и новых торговых центров на пути из Центральной России на Восток (экономический аспект). Наконец, в-третьих, присоединение к своей территории не просто крупного региона, но и целого независимого (пусть даже в значительной степени номинального) государства существенно повышало престиж московских монархов. Ряд европейских исследователей, занимающихся историей России (например, Э. Каррер д'Анкосс), полагают, что говорить о России как империи можно уже начиная с 1552 г. – присоединения Казани, и они не так уж неправы: включение в свой состав целого иностранного государства существенно возвышало московских царей, поначалу формально имевших статус, равный тем же казанским ханам. Установив сюзеренитет над иностранным ханством, московские цари *de facto* заявили об имперских амбициях.

Вместе с тем, присоединение Казанского ханства не повлекло исключительно положительные последствия и для самого Московского царства. Во-первых, его результатом стало затяжное противостояние с Крымом и позднее Османской империей, которые использовали независимость Казанского ханства как средство дипломатического (а на некоторых этапах и военного) давления на московские власти. Рискну предположить даже, что сохранение за «Казанским царством» особого статуса в составе Московского государства вплоть до начала XVIII в. стало своего рода страховкой московских властей в случае складывания неблагоприятной политической ситуации, чтобы (в слу-

чае крайней необходимости) можно было вернуть независимость Казани без значительной утраты международного авторитета самой Москвы.

Гилязов Искандер Аязович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением татароведения и тюркологии, заведующий кафедрой истории татарского народа Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань).

Ответ на 1-й вопрос.

Основная причина, думаю, всем понятна, и она очень проста – это отсутствие единства, сплоченности как в татарской верхушке Казанского ханства, так и в отношениях Казани с другими татарскими государствами той эпохи. Не могли они найти общего языка друг с другом, никак не могли договориться, порой, по достаточно простым вопросам. К тому же, Московское государство, которое само во многом продолжало традиции Золотой Орды, как оказалось, очень умело построило свою внешнюю политику, очень тонко ее вела и сумела вбить клин в отношения внутри казанского общества и между постзолотоордынскими татарскими ханствами. Разве мало было тех людей в самом Казанском ханстве, которые оказывали немалые услуги Московскому государству? А сколько татар приняло участие в походе Ивана Грозного на Казань? В подавлении восстаний после 1552 г.? В таких ситуациях часто получается, что многие просто не видят дальше собственного носа, им важен сиюминутный успех, богатство, титулы и т.п. Отсутствие единства вообще – это застарелая, давняя болезнь нашей истории... Она и сегодня среди татар процветает пышным цветом, эта традиция, увы, живуча. Какое-то чванство, эгоистичное стремление выпятить только себя, никого не замечая вокруг, перетянуть на себя одеяло – «я, только я!» – буквально интуитивно мелькает в голове такая мысль... И что более всего страшно и чревато весьма мрачными последствиями – такое наблюдается даже в ситуациях, когда речь идет о судьбе татарского языка и культуры. Вспомните самые разные дискуссии последнего времени по вопросам, они ставили во главу угла очень злободневные проблемы, но все опять сводилось к жарким, горячим, «принципиальным» спорам... только друг с другом... Неужели история ничему нас не учит? Похоже, что так...

Ответ на 2-й вопрос.

Как известно, историю пишут победители. Поэтому вся официальная история России, написанная с русоцентристской позиции, полна самыми разнообразными небывлицами и мифами о татарах. Причем, это характерно и для школьных учебников, которые, казалось бы, должны ставить во главу угла воспитание толерантности. Основной стереотип, конечно, связан с оценками русско-татарских отношений в средние века, и в XVI в. в частности. Все представляется очень просто – Москва вела созидательную политику, являлась исключительно мирным государством, но вот не повезло ей с соседями, все как на подбор оказались «агрессивными, дикими, варварскими» и жили только одной мечтой – как бы отхватить от Москвы кусок, подчинить или хотя бы ограбить. Казанское ханство всегда «прекрасно» подходило под такую роль. Спросите сегодня у любого русского человека, даже не очень разбирающегося в средневековой истории, как они себе представляют Казанское ханство? Абсолютное большинство, я уверен, даст примерно такую характеристику. Но ведь это выдумки! Это очень часто связано с тем, что реалии и характеристики сегодняшнего мира, современных международных отношений мы автоматически и бездумно переносим в прошлое. Нельзя так делать! Война, как ни относиться к ней, для средних веков являлась нормальным элементом международной политики. Отношения Москвы и Казани – это результат международной политической конкуренции, которая сложилась в эпоху Золотой Орды, и в этой конкуренции не было агрессоров и не было «миролюбивых». Были только более сильные и более слабые в военном и политическом отношениях игроки. И в результате Московское государство вышло в этой непростой ситуации победителем. Только с такой точки зрения, без лишней истерики с обеих сторон надо сегодня оценивать отношения Казани и Москвы в XVI в.

Ответ на 3-й вопрос.

Потерь, конечно, намного больше. И эти потери я бы оценил как чрезвычайные, судьбоносные. Самая главная потеря – исчезновение традиции государственности. Думаю, что каждый согласится с тем, что для народа, который обладал государственностью, это весьма трагичная и ощутимая утрата. Здесь ведь важно то, что татары потеряли свою ведущую роль в политической, экономической, культурной сферах, перешли на второй план в новой политической ситуации, они в условиях Московского государства стали подчиненным этносом. Согласитесь, что это должно было в корне поменять и поменять политическое «настроение», даже мироощущение татар.

Еще одна важная потеря для татар, которая, как ни посмотри, имеет свои отрицательные последствия вплоть до сегодняшнего дня – это исчезновение после 1552 г. татарской городской структуры. Всем понятно, какую роль играет город в жизни любого народа, любого общества. Это центр экономической, политической, культурной жизни, эта связующая все общество структура. Хочешь не хочешь, возможности городского жителя в разных сферах жизни куда более широки, чем у жителя деревни. И исторический прогресс в городе куда более заметен. А татары свою городскую структуру, полноценную городскую традицию после 1552 г. утратили полностью, только вдумаясь – полностью! Они остались народом с ограниченными возможностями для развития, проживая в абсолютном большинстве в сельских поселениях. К тому же вспомним – из стратегических соображений татары были изгнаны с берегов крупных рек, с больших сухопутных трасс. Татары оказались в разобранном, раздробленном состоянии. К сожалению, даже по истечении веков, мы и в новых условиях не смогли восстановить национальную среду в городе. И до сегодняшнего дня, прямо скажем, взаимоотношения между городом и деревней у татар нельзя назвать взаимоуважительными, взаимопользовными. Город считает деревню косной и отсталой, деревня считает город высокомерным и оторванным от национальных корней.

Еще одну потерю хочу упомянуть. После 1552 г. татары постепенно потеряли свою самую грамотную, самую организованную прослойку – феодалов-землевладельцев, которые в тех условиях полностью определяли экономический, политический, культурный прогресс народа. Татары к началу XVIII в. в социальном отношении представляли собой почти исключительно крестьянскую, земледельческую массу. А той силы, которая опираясь на свои материальные возможности, на свои знания и единство, могла бы повести вперед, прежде всего, в плане развития культуры и интеллекта, ее не стало. Это был жестокий кризис. Пример из этой же сферы: если взять ситуацию начала XX в. – татары формируются как нация, у них снова, пусть и с трудом, появляется новая прослойка общества – богатые предприниматели, купцы. Вспомним, какой толчок это дало развитию татарской культуры и общественной мысли – политические партии, газеты, журналы, книги, школы, театр, благотворительность... Тогдашние богатые люди понимали, насколько важна для нации культура и образование, и многие из них оказали неоценимую, безвозмездную помощь школам, газетам, журналам, отдельным личностям. Это же была эпоха татарского Ренессанса! Сегодня нам не хватает таких «богатых татар»... Богатые-то есть, но какая польза от них татарской культуре, просвещению, языку, литературе? Чему-то нас учит история?

Бахтин Александр Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

Ответ на 1-й вопрос.

Победы Московского царства над Казанским ханством и другими тюрко-татарскими государствами во второй половине XVI в. объясняются комплексом экономических, военных и политических причин.

В военном противостоянии немаловажное значение имеет военно-экономический потенциал. В этом Московское государство обладало существенным превосходством. В ханстве проживало 500–600 тыс. жителей и они могли выставить до 60 тыс. воинов. Население России составляло от 5 до 7 млн., и вооружённые силы доходили до 200 тыс. Большими были материальные ресурсы. Структура ханской армии была устаревшей. Она комплектовалась из присоединенных к немногочисленной ханской гвардии отрядов феодалов и ополчений крестьян. В отличие от русского войска, в котором существовало единоначалие, хан непосредственно не управлял всем войском, это он делал через военачальников, которые не всегда подчинялись верховному командованию. Татарские отряды часто действовали самостоятельно, лишь придерживаясь общей стратегии. При набегах это позволяло мобильно и неуязвимо действовать на оперативном пространстве, но в обороне и крупных сражениях затрудняло взаимодействие. У казанцев имелась превосходная конница и отработанная веками тактика ее применения, но русское дворянское ополчение давно переняло лучшее из вооружения, экипировки и тактики татар. Была даже пословица: «Не учи сына боярского с татарами биться». В пехоте русские имели численное и качественное превосходство. Несомненным преимуществом обладал русский речной флот. Если в XV в. татарский флот ещё пытался противостоять, то в последствии татары уклонялись от сражений на воде. Казанский летописец писал по этому поводу, что русские под Казанью в 1552 г. от татарского и черемисского флота жили «не брежахуся – не умеют бо с русью на воде битися». По этой причине казанцы не могли использовать водные

преграды, в то время как русские успешно перебрасывали по рекам подкрепления и блокировали части ханства.

Холодное вооружение сторон в целом соответствовало времени, но у русских было явное превосходство в огнестрельном оружии. Даже если не останавливаться на дискуссии о наличии собственного пушечного производства в Казани и степени его применения однозначно можно сказать, что его было мало и практика применения не находилась на должном уровне. Хань неоднократно просили прислать им пушки из Крыма, артиллерия использовалась только при обороне Казани, других случаев не зафиксировано. Татары недооценили огнестрельное оружие. Привычный лук на первых порах во многом превосходил несовершенные пищали и пушки. Они сложно и долго заряжались, вообще не стреляли в сырую погоду, но обладали дальностью, точностью и убойной силой. Так, прибытие всего 50 стрельцов на помощь промосковскому ногайскому князю Исмаилу изменило ход междоусобной войны в его пользу. В инженерном отношении русские использовали европейские и свои достижения (гуляй-города, подкопы, тарасы и туры).

Русская дипломатия везде переигрывала татар, расстраивала их союзы и сама вербовала себе сторонников из числа противников. В ходе боёв за Казань татарам пришлось на помощь лишь немногочисленным ногайцам и луговые марийцы, в то время как на русской стороне сражались тысячи татар, мордва, чуваша и горные марийцы. У казанцев не было внутреннего единства. Столкновение интересов иностранных государств и внутренние противоречия ослабляли страну. Отсутствие единства, невозможность тюрко-татар договориться между собой перед усиливающейся мощью России стали основной причиной их поражения.

Татарские войны имели лучшую, чем средний русский воин выучку. Защищая Казань, они сражались смело и отчаянно. Для русских покорение Казани было всенародным делом продолжения войны с Золотой Ордой и обеспечения безопасности от беспокойного соседства. Всё это придало драматизм русско-казанским войнам.

Ответ на 2-й вопрос.

Если оставить в стороне публицистику и околону научную литературу, где крайне много разного рода фантазий, то можно сказать, что среди учёных есть расхождения по проблемам времени и приемственности образования ханства, определения причин завоевания Казани. Не всегда справедливы крайние оценки некоторых исторических деятелей, например, Шах-Али как предателя. Это трагическая фигура, мечущаяся между русским царем, которому он верно служил, и татарским миром, которому принадлежал по рождению. Свой среди чужих – чужой среди своих.

Уже сто лет неверно идентифицируется имя последнего претендента на ханский престол. С лёгкой руки М.Г.Худякова его стали именовать Али-Акрамом, ногайским царевичем и братом Сююмбеки. В действительности в летописях царевича называют Ахполбеом. Али, не являясь Чингизидом, царевичем быть не мог, и прожил он на пару лет дольше, чем убитый черемисами Ахполбей. От растиражированных в литературе ошибок избавиться бывает крайне сложно.

Ответ на 3-й вопрос.

Ясно, что изначальные последствия присоединения Поволжья не были положительными ни для местных народов, ни для русских. Татары потеряли свою государственность, их культуре, экономике был нанесён серьёзный удар. Много людей погибло или было выведено из края. Русские понесли тоже большие потери и вынуждены были затрачивать громадные материальные и военные ресурсы для удержания и интеграции завоеваний на востоке. Всю вторую половину XVI в. там происходили восстания.

Только с конца века стали ощущаться положительные последствия присоединения. Прекратились многовековые междоусобные войны и иностранные вторжения. Установление мира способствовало развитию экономики, росту численности населения. Русские не были привилегированным народом в России, государство строилось на классово-конфессиональной (православной) основе, что позволяло татарам и иным нерусским народам адаптироваться, а в случае принятия православия даже занять высокое положение в российском обществе.

Другой альтернативы у Казанского ханства и соседей не было. Даже если бы Иван Грозный не стал завоевывать Казань, это произошло бы при его приемниках. Сами татары из-за противоречий и противодействия России объединиться не могли, а реальной силы в Восточной Европе, способной помешать Москве, не существовало.

Татары и русские это два соседа, которые долго выясняли отношения – ругались и сотрудничали, дрались и рондились. В конце концов, поняли, что предстоит долго жить в одной стране и лучше делать это мирно и добрососедски – по-родственному.

Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (г.Москва).

Ответ на 1-й вопрос.

Основная причина, о которой, кстати, писали и классики татарской исторической науки – Шигабутдин Марджани, Хусейн Фаизханов, Хади Атласи, Газиз Губайдуллин, – это раскол внутри казанской элиты. Именно раскол на партии и группировки предопределил падение ханства. Хотя были и другие причины – объективное экономическое и военное превосходство Москвы.

Ответ на 2-й вопрос.

Полагаю, что главный миф – представление об исключительной враждебности этих отношений, односторонней агрессивности Казанского ханства. Как следствие, – миф о турецкой угрозе и московско-османском соперничестве в Поволжье. Последний миф медленно, но уходит из историографии. Первый очень живуч, хотя очевидно, что военное противостояние двух государств не было обусловлено исключительной агрессивностью только какого-то одного из них.

Ответ на 3-й вопрос.

В потере национальной государственности сложно найти положительные моменты. Однако, если пофантазировать и предположить на минуту, что независимое Казанское ханство просуществовало бы до конца XVIII в. (подобно Казахскому) или конца XIX в. (как ханства Средней Азии), а низовья Волги были бы при этом в руках русских, то несомненно вплоть до этого времени Казань была бы полностью изолирована Российской империей от остального исламского мира, не говоря уже о европейских странах. Сложно представить себе все негативные последствия такой культурной изоляции. Московское завоевание включило Казань в сложный имперский организм, но все же не оторвало окончательно ни от исламского Востока, ни христианского Запада (последний даже приблизило). Второй «положительный» для татар и «отрицательный» для русских момент – ответственность за чингизидское наследие. Это чингизидское имперское ярмо стало с 1550-х годов исключительно российской проблемой, а татары избежали участи нации-стоителя империи, избежав тем самым и разнообразных, связанных с этим обвинений.

Галлям Рашит Габдельфатович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

Ответ на 1-й вопрос.

В числе причин можно назвать объективные и субъективные, затрагивающие области идеологии, политической, социально-экономической, общественной жизни средневековых тюрко-татарских государств, их военного и военно-тактического искусства.

Золотая Орда, хотя и держала в своем подчинении большие и малые русские княжества, регулярно взимая с них дань, тем не менее, она не ставила своей целью завоевание и колонизацию их земель. При желании, она легко смогло бы осуществить подобную политику. Наоборот, в документах зафиксированы случаи, когда правители Золотой Орды, внимая жалобам русских князей, запрещали своим бекам и мурзам обосновываться, возводить поселения на их территориях. Постзолотоордынские татарские ханства также не имели намерений завоевывать и осваивать владения русских княжеств.

Как показывают исторические исследования, средневековым тюрко-татарским государствам, в отличие, скажем, от русского государства XV–XVII вв., была свойственна большая степень толерантности. Это – уникальный исторический феномен, опыт, достойный специального изучения.

Постзолотоордынские тюрко-татарские ханства, конечно же, не обладали мощью и величием Золотой Орды. Между тем, Московское княжество постепенно расширяло свои владения и усиливалось.

Кроме того, благодаря умелой внешней дипломатии русского государства, к середине XVI в. Казанское ханство в определенной степени было обречено на международную изоляцию. Поскольку часть родовой знати Ногайской Ордой к тому времени подпала под сильное влияние русского царя, то отношения ханства с южным соседом были не слишком благонадежными.

Сибирское ханство на востоке и Астраханское ханство на Нижней Волге, будучи достаточно слабыми государственными образованиями, находящимися в географическом отдалении от Казанского ханства, не могли оказать ему сколько-нибудь серьезную помощь.

Главный покровитель татарских ханств – могущественная Османская империя – тогда вела нескончаемые войны с Ираном и другими соседними государствами и народами и не была заинтересована в обострении отношений с Московским государством.

Крымское ханство тогда также было занято решением своих внутри- и внешнеполитических проблем. К тому же оно находилось под протекторатом Османской Турции и действовало в фарватере ее внешней политики.

В результате, в 1552–1557 годах Казанское ханство, как государство тюрко-татар, всех народов Среднего Поволжья и Предуралья, пало и прекратило свое существование. В этой связи, уместна татарская поговорка: «аерылганны – аю, бүленгәнне – бүре ашар» (т.е. отделившегося съест медведь, отколовшегося – волк).

Ряд причин нижезрелости тюрко-татарских ханств средневековья нужно искать и в их внутрисполитической, социально-общественной жизни. И в те периоды представителям высших социальных сословий, аристократической знати тюрко-татарских государств, вершавшим судьбы страны и народа, были свойственны междоусобицы, кланово-племенная, местническая, межпартийная разобщенность, отсутствие единства в делах и поступках, взаимная неприязнь и вражда (отсюда и шутливое выражение: «там, где два татарина – три партии»). Ради объективности следует заметить, что такого рода явления были характерны и для других государств средневековья, в т.ч. для политической жизни русских княжеств, Московского государства.

Единый патриотический порыв у казанцев наблюдался лишь на самом последнем этапе завоевания Казани и Казанского ханства русским войском, с того момента, когда летом-осенью 1552 г. войско Ивана Грозного уже осадило крепостные стены и события начали принимать трагическую окраску. Защищая отечество, защитники Казани, народы ханства проявили чудеса отваги и храбрости, запечатленные в анналах истории. Но было уже поздно...

Ханы были ограничены государственным советом («диваном»), состоявшим из знатных сановников государства, кроме того, в Казанском ханстве и съездом (курултаем) всей Казанской земли, созываемым в экстренных случаях (по вопросам войны и мира и т.д.). Верховным правителям ханства приходилось учитывать интересы родо-племенной знати, вассальных правителей – беков и мурз – на местах, которые (как, например, летописные Арские князья или же правители Чаллынского городка с округой в бассейне р. Шумбут в Казанском ханстве), имея собственное войско, пользовались автономией от центральной ханской власти, ощутимо влияли на политику государства.

Из ошибки казанцев военно-тактического характера в «Казанской войне» 1549–1557 годов большим просчетом считаю допущение возведения русскими в 1551 г. крепости Свияжск в опасной близости от Казани.

Ответ на 2-й вопрос.

Падение Казанского ханства в исторической литературе нашло неоднозначное толкование и оценку. Русские историки XVIII – начала XX веков, исходя из имперской концепции, как правило, освещали это событие с пафосом, в официозном и торжественном тонах, в духе государственной, православной историографии, оценивая как безусловно «прогрессивное явление». В советский период оно вначале оценивалось как «абсолютное зло», затем – как «меньшее зло», а позднее – вновь стало характеризоваться как «прогрессивное явление».

К сожалению, эта же тенденция доминирует и в современных учебниках по истории России, имеющих гриф Министерства образования и науки РФ. По имперской традиции, заложенной ещё в екатерининское время, в них Казанское ханство представлено неким аморфным, полуварварским, агрессивным государством в Среднем Поволжье, «осколком Золотой Орды», которого непременно требовалось завоевать и уничтожить. В различной подаче, неустанно повторяется пространственный, весьма спорный и циничный тезис о том, что завоевание Казанского ханства русским государством для последнего, оказывается, имело... оборонительный характер.

В большинстве современных учебников по истории России о завоевании земель бывшего Казанского ханства, других тюрко-татарских государств позднего средневековья упоминается лишь вскользь. При этом неадекватно большое внимание и значение придается так называемой Ливонской войне. На самом деле, этот локальный, кратковременный военный конфликт не имел такого большого значения ни для одной из противоборствующих сторон, его результаты были весьма незначительными.

Эту тенденцию можно рассматривать как очередную попытку подтасовки отечественной истории, где народам Российской Федерации, в особенности тюркским народам, сыгравшим, без

преувеличения, государствообразующую роль в истории России, отводится место на ее обочине. Федеративный характер России в современных учебниках и учебных пособиях не учитывается. Мы, по сути, сегодня имеем лишь историю имперского, унитарного русского государства, и то, мягко говоря, несколько искаженную.

Что касается завоевания русским государством Казанского ханства, то, как известно, международные правовые акты захват земель соседних государств силовым путём трактуют как акт военной агрессии. И историческая давность события не умаляет значения этой оценки.

Здесь также уместен вопрос: может ли, в принципе, быть прогрессивным явлением сам факт завоевания одними странами, народами других? Очевидно, что нет, ибо войны всегда приносят лишь разрушения, голод, опустошение, культурную и духовную нищету. Предугадать же ход истории в перспективе невозможно. Для любого народа наличие национальной государственности служит гарантом развития его материальной и духовной культуры. Соответственно, ее отсутствие или же утеря лишает его такого гаранта.

В цивилизованном мире, в странах развитой демократии выработана своя методика освещения и трактовки событий, явлений, получивших в исторической литературе разное, порой противоположное, толкование. В ее основе лежат общечеловеческие принципы гуманизма – соблюдение прав народов, мира во всем мире, объективность, покаяние государств, народов-победителей перед покоренными народами и т.д. И строительство, в нынешних условиях, демократической, подлинно федеративной России явилось бы наглядным примером соблюдения этих гуманистических принципов.

Ответ на 3-й вопрос.

Утрата национальной государственности и независимости, безусловно, трагедия для любого народа. В одном из средневековых источников говорится о том, что после падения Казани татары в культурном отношении деградировали, гораздо меньше стало среди них знатных, образованных и ученых людей. Повсеместное разрушение мечетей и медресе, разграбление и уничтожение материальных богатств, истребление большей части благородного сословия, его социальное низложение, последующие национальные, социальные притеснения привели к данному положению, оскудению национального достояния в целом.

В национальной истории татар началась эпоха выживания, дальнейшего существования в качестве покорённого народа. На протяжении долгих столетий татары оказались обреченными пребывать в положении малоправного народа, переживать национальное и религиозное угнетение.

В результате более чем двухвековой государственной политики насильственного крещения татар-мусульман в православную веру в среде татарского народа образовалась этноконфессиональная группа татар-кряшен. Их историческая судьба также оказалась нелегкой.

Однако и в столь суровых условиях народ нашел в себе силы сохранить свой язык, культуру и религию, мало-помалу приспособившись к реалиям жизни русского государства, постепенно освоиться в условиях Российской империи.

Если рассматривать итоги завоевания Казанского ханства, других позднесредневековых тюрко-татарских государств, в рамках сравнительно короткого исторического отрезка времени, так сказать, под микроскопическим взглядом, то действительно, казалось бы, в первое время его выигранные моменты для Московской Руси налицо. В результате этих завоеваний границы Московского государства значительно раздвинулись, оно получило новые земли, торговые пути, значительно расширившие его экономические возможности. Вместе с тем, русское государство превратилось в полноценное царство, одновременно укрепилось его международное положение. Однако, став обладателем необъятных территориальных владений, Россия, прочно встала на экстенсивный путь развития. Вдобавок приобрела национальные, религиозные проблемы, оказавшиеся впоследствии весьма актуальными.

Татарский народ, не утратив вечной тяги к знаниям и просвещению, и поныне шагает в ногу со временем. Стремится беречь и приумножить вековые традиции государственности, сохранить свой язык, культуру и религию. У такого народа есть будущее.

Маслюженко Денис Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Культурология», заместитель декана исторического факультета Курганского государственного университета (г.Курган).

Ответ на 1-й вопрос.

Анализ этих причин в отношении каждого отдельного средневекового тюрко-татарского государства позднего средневековья с очевидностью требует значительного по объему исследования. Как мне кажется, все их с определенной степенью упрощения можно свести к трем: экономическим, политико-идеологическим и военным. К первым относится явное экономическое преимущество растущих оседлых государств, оказание ими прямого давления на периферию и в значительной степени невозможность изменений в этой сфере в среде рядового населения Степи в широком смысле этого понятия. Ориентация на модели предыдущего времени, которые на протяжении почти двух тысяч лет создавали условия для доминирования кочевых или связанных с ними происхождением государств, явно не работала в изменяющихся условиях мира накануне нового времени. Вторая группа причин связана с отсутствием единства как внутри отдельных тюрко-татарских государств, так и между ними, несмотря на наличие общей исламской идеологии. Это особенно часто проявлялось именно в наиболее кризисные периоды столкновений с соседними государствами, которые казалось бы, должны провоцировать внутреннюю интеграцию. Возможно, как это показал в одной из своих работ В.В.Трепавлов относительно Сибирского юрта, это было связано с потерей «царственного фарра» Чингизидами. Ведь именно генеалогическая общность династий во многих тюрко-татарских государствах уже могла стать причиной для появления общей антимосковской позиции. Вместо этого Чингизиды погрязли в выяснении династийных отношений и подавлении периодических сепаратистских движений. С военной точки зрения следует помнить, что давление на эти государства оказывала не только Московия, но и приток кочевников из степей Монголии. Тюрко-татарские государства оказались зажаты между «молотом» и «наковальной». При этом использование огнестрельного оружия в долгосрочной перспективе кардинально изменило положение степных войск на мировом театре военных действий. Их скорость передвижения и возможности стрельбы из лука внезапно перестали обеспечивать доминирующее положение на поле боя. В этом отношении правы С.Ф.Татауров и А.В.Матвеев, которые на примере сибирских войск показали, что татарские воины, даже будучи знакомы с возможностями пороха, просто не могли или не успели заставить себя измениться.

Ответ на 2-й вопрос.

Скорее всего, при ответе на этот вопрос правильным будет отметить ряд малоисследованных и уже в силу это дискуссионных вопросов. Как мне кажется, рассматривать казанско-московские отношения необходимо только в контексте всех линий внешней политики, центром которой была Казань. При этом мы до сих пор слабо представляем себе роль сибирского фактора в истории этого периода, степень взаимной заинтересованности сибирской и казанской элиты. Значительное число событий в истории Тюменского и Сибирского юрта напрямую увязываются с казанским направлением политики. Если же абстрагироваться от такого широкого взгляда, то одним из главных мифов является распространенная точка зрения о крайней агрессивности как казанцев, так и иных тюрко-татарских групп этого времени по отношению к русскому населению. В конце эпохи средневековья для большинства государств активная внешняя политика была неотъемлемой частью идеологии и поддержания централизма.

Ответ на 3-й вопрос.

Для России подчинение тюрко-татарских государств стало неотъемлемым этапом в создании собственной государственности, построенной на особой административной и экономической модели управления многонациональными регионами, расположенными на колоссальных по протяженности территориях. Подчинение государств Поволжья стало условием (а не причиной или предпосылкой, как иногда следует из историографии) дальнейшего продвижения в Сибирь, во многом создавшей богатство Московии. Одновременно с этим в первые годы после присоединения Москва вынуждена была вести войну на несколько фронтов как в Европе (Ливонская война), так и ликвидируя внутренние восстания, что в значительной мере ударило по ее экономическим возможностям и в долгосрочной перспективе стало одной из причин значительного отличия российского и европейского пути развития. Для татарских государств объективно оценить это явление гораздо сложнее, поскольку мы рискуем либо повторить явно идеологические построения национальной историографии, либо должны будем отдать должное жанру «альтернативной истории». Как мне кажется, утрата национального суверенитета в любом случае является значительным ударом для гордости и самосознания этниче-

ской группы. К тому же необходимо признать, что она сопровождалась ущемлением прав местных религиозных общин, особенно мусульманских, и, возможно, прямым притеснением населения. Наверное, татарско-московские отношения XVI века – это один из тех уроков отечественной истории, о которых не нужно забывать в современных условиях.

Саначин Сергей Павлович, архитектор-градостроитель (г.Казань).

Ответ на 1-й вопрос.

1) Московское государство всесторонне и основательнейшим образом подготовилось к победе, а Казань подготовилась всего лишь «как всегда». Допущение Свияжска и невозможность восстановления посадских стен – огромная военная беспечность.

2) Раздробленные ранее русские княжества смогли объединиться в одно государство. Задуманного объединения татарских юртов (Крымского, Казанского, Астраханского, Ногайского) в единый мусульманский юрт не произошло.

3) Москва стала могущественной военной державой. Казань оставалась своего рода автономией, что доказывает с одной стороны – просьба к державной Турции стать ее юртом, с другой – относительная малочисленность защитников в 1552–1553 годах.

4) Ни один из татарских юртов не оказал братской помощи Казанскому юрту. Пируэт Давлет-Гирея в 1552 году под Тулой оказался, по меньшей мере, трусливым. А астраханцы и ногаи оказали помощь не всеми своими юртами, а лишь отдельными отрядами. Политическая мысль Крымского юрта была слабой, о чем свидетельствует взятие Давлет-Гиреем Москвы в 1571 году, запоздалое взятие.

5) Могущественный опекун татарских юртов – Турция не вмешалась в московско-казанскую войну. Даже не прислала артиллерию, конников и пищальников, чем она не раз помогала, можно сказать, своему Крымскому юрту. Этому способствовала умная московская дипломатия и правильно выбранное время, когда Турция была занята своими военными проблемами.

6) Казанский юрт был расколот на враждебные части – на сторонников Москвы и на сторонников Крыма. Периодически происходили восстания и свержения ханов.

7) В Казани не было своего династического хана. Вероятнее всего, не было и своего явного военного лидера. Фактически все в XVI веке были наемниками. Отсюда, например, попытка в 1545 году Сафа-Гирея взятия не Москвы, а Казани, а затем и взятие ее со второй попытки, в 1546 году.

8) В какой-то мере татарскую Отечественную войну 1552–1553 годов можно считать гражданско-отечественной. За это говорит участие в московитских войсках касимовских татар Шигаляя, городецких татар Ак-сеита Черевсеева и населения Горной стороны Казанского юрта.

Ответ на 2-й вопрос.

1) Если не забираться глубже XVI века, не забираться в историю вообще взаимоотношений Москвы и Казани и даже Руси и Орды, то нужно признать, что в этом веке Казанская земля была юртом Москвы, на который московские государи сажали угодных им ханов. О не суверенности Казани говорит и факт объявления Сахиб-Гиреем в 1524 году Казанской земли юртом Сулеймана I, что означало выход из протектората Москвы.

2) Историческим фактам не соответствует общепризнанная реконструкция осады, защиты и взятия Казани в 1552–1553 годах.

3) Суждения, противоречащие ответам на вопрос №1. Вообще термин «ханство» представляется неправомерным применительно к Казанскому юрту. Хань были приглашаемыми, выбираемыми, в XVI веке «импортными», даже марионеточными.

4) Пожалуй, главным мифом является аксиома об объективной необходимости народов воевать с соседями. В нашем случае войны нужны были не русскому или татарскому народу, а мирским и церковным властям и элите этих народов.

Ответ на 3-й вопрос.

Для России главным приобретением стали, выросший военно-политический авторитет в мире и новые земли, начавшие расширяться с этого момента вплоть до Тихого океана. К потерям следует отнести чувство вины за необычный, роковой исход привычных и частых войн Москвы с Казанью, – не всеми, впрочем, пока испытываемое.

Сама ликвидация государственности и стала главной потерей для татар. О приобретениях говорить безнравственно. И не корректно, поскольку мы не можем судить о путях развития обоих народов, не произошли события рубежа 1552–1553 годов.

Сегодня в подавляющем большинстве русские и татары сосуществуют дружно. Это происходит, похоже, на генетическом уже уровне, не зависимо от усилий раскольников с обеих сторон и независимо от самовосхвалений мирских и религиозных лидеров на сей счет. Но 460-летняя вина русских и рана татар, вероятно, долго еще будут давать о себе знать. Возврата к геополитическому состоянию на 1550 год, полагаю, не желают ни русские, ни татары. Притушить вину и рану может, думаю, Покаяние со стороны русских. Оно могло бы быть выражено, например, в инициировании финансирования и реализации правительством России памятника защитникам Казани в 1552–1553 годах.

Давлетшин Гамирзян Миргазьянович, доктор исторических наук, профессор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань).

Ответ на 2-й вопрос.

В историографии имперской России и Советского Союза завоевание Московским государством Казанского ханства оправдывается защитой от набегов войск ханства. В период, когда господствовала коммунистическая идеология, для советских историков основным был тезис Ф.Энгельса о том, что «Господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Изд. 2-е, т.27, с.241). Историография данного вопроса хорошо представлена в известной монографии С.Х.Алишева «Исторические судьбы народов Среднего Поволжья XVI – начало XIX в.» (М.: «Наука», 1990. С.8–20). Из этого следует, что в довоенный период все же преобладающими по этому вопросу были труды, основанные на тезисе В.И.Ленина «Россия – тюрьма народов». Постановлением жюри правительственной комиссии в 1937 году было заявлено о том, что завоевание Московского государства чужих территории было «наименьшим злом». Однако и это не удовлетворило советских историков. В 1951 году в журнале «Вопросы истории» было опубликовано письмо в редакцию академика М.В.Нечкиной «К вопросу о формуле «наименьшее зло», суть которого сводилась к прогрессивному значению присоединения. В ходе дискуссии после этой публикации утвердилась «истина» о том, что присоединение к России для всех народов было не «злом», а, напротив, благом. Дальше в исторических трудах слово «завоевание» заменялось «присоединением», а «зло» превратилось в «безусловную прогрессивность».

Ответ на 3-й вопрос.

Во-первых, татарский народ потерял свою национальную государственность. В современных российских реалиях отсутствие своего национального государства ставит под угрозу существование татарского народа как этноса, сохранение его культуры и языка. Потеря государственности лишила татар механизма сохранения как этноса.

Во-вторых, татарский народ потерял свою городскую культуру. Он превратился почти целиком в сельское население. Предки современных татар славились в мире своими городами. Тюрко-татарские города были не только политическими, экономическими, но и религиозными, культурными, архитектурными центрами. Высокая профессиональная культура и сейчас, и тысячи лет тому назад может существовать и развиваться только в городах. После русского завоевания оказались в застое национальная музыка, художественная культура, наука и т.д., затем они вообще пришли в упадок.

В-третьих, в Отечественную войну татарского народа 1552–1557 годов за возрождение своей национальной государственности возглавили представители высшего слоя татарского общества. Поэтому завоеватели стремились в первую очередь ослабить или уничтожить их. В средние века элита выполняла роль руководителя, организатора страны, народа, его «головы». Татарское население страны лишилось этой «головы». Народ превратился в толпу. Кроме того, именно высший слой общества был социальным заказчиком и наиболее способной частью народа в освоении, понимании произведений высокой профессиональной культуры. Однако письменная профессиональная культура татар не исчезла окончательно. Причина тому – наличие мощной, в том числе исламской, традиции. Татарское духовенство стремилось сохранить систему просвещения, образования.

Народ без исторической памяти – не народ. Без этого внутреннего стержня легко лишить человека национального духа, превратить его в раба. Поэтому колонизаторы, прежде всего, уничтожают исторические произведения, исторические документы, разрушают исторические памятники завоеванного народа.

Посмотрим лишь названия сохранившихся памятников в современном Болгарском историко-архитектурном заповеднике: «Четырехугольник» (Джами мечеть), «Черная палата» («Красная, Белая

палаты» (общественные бани), «Черная палата» (пристанище – ханака странствующих дервишей), «Греческая палата» (армянская церковь). Или рядом «Иерусалимский овраг», «Британское, Голландское озёра».

В средние века татарам категорически запрещалось заниматься торговлей, металлургией, кузнечным, ювелирным делом, строительством из камня, кирпича и т.д. Железный топор татарин вынужден был покупать, заранее получив письменное разрешение на это из русской конторы. Когда инструмент приходил в негодность, чтобы купить новый топор, был обязан сначала сдать старый топор в той же конторе. Для народа, который в прошлом славился во всем мире своими достижениями в металлургии (часто повторяем, что наши предки первыми в Европе умели добыть чугун (XIV век)), в каменном градостроительстве, такие запреты были большим позором и ущемлением их прав.

Сегодня, некоторые товарищи, пытаясь оправдать русские завоевания, заявляют, что в пределах Русского государства татары объединились. Наоборот, на мой взгляд, это завоевание усилило разобщенность татарского мира. Во время завоевания Казанского ханства Москва успешно применяла коварный принцип «разделяй и властвуй». В компактно расселенные татарами регионы из центра Российского государства переселяли русских крестьян, порой осуществляли принудительное переселение многонациональное коренное населения Среднего Поволжья. Политика насильственного крещения второй половины XVI – XVII вв. привело к формированию новой этноконфессиональной группы – предков современных крещенных татар.

Но все же разве нет никакого положительного последствие так называемого присоединения татар к Московскому государству? Сам термин «завоевание» противоречит этому. Татарский народ принял и сейчас усваивает многие достижения высокой русской культуры. Однако этот естественный процесс не должен идти за счет забвения национальной истории татар, их ассимиляции.

* * *

1552 ЕЛДА КАЗАН АЛЫНУ: ЮГАЛТУЛАР ҺӘМ ТАБЫШЛАР. СОРАУЛАРГА ЖАВАПЛАР.

2012 елны Казан алынуга 460 ел тулды. ТР Фәннәр академиясенең Ш.Мәржани исемдәге Тарих институты урта гасырлар тарихы бүлгегә һәм «Чын мирас» журналы редакциясе Россия дәүләренең үсешендә мөһим роль уйнаган һәм татар халкының язмышында зур тарихи әһәмияткә ия булган бу ижтимагый-сәяси вакыйга уңаеннан галимнәргә өч сорау белән мөрәжәгать иттеләр.

1. Мәскәү белән мөнәсәбәтләрдә Казан һәм башка урта гасыр татар-төрки дәүләтләренен жинелү сәбәпләре нинди дип саныйсыз?

2. Бүген XVI гасырның беренче яртысындагы Казан-Мәскәү мөнәсәбәтләре хакында нинди чынбарлыкка туры килмәгән фикерләр, мифлар яшәп килә?

3. XXI гасыр башы ераклыгынан караганда, татарның урта гасыр милли дәүләтчелеге юкка чыгу татар халкына һәм Россия өчен нинди югалтулар, табышлар алып килде?

Бу бүлектә ул чор татар-рус мөнәсәбәтләре бунча әйдәп баручы белгечләрнен сорауларга җаваплары бирелә.

FALLING OF KAZAN 1552: LOSSES AND ACQUISITIONS. ANSWERS TO QUESTIONS

In 2012 460 years to falling of Kazan were executed. Department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan and editorial office of the «Chyn Miras» magazine on the occasion of this political event which was playing an important role in formation of the Russian state and having historical value in destiny of the Tatar people, addressed to scientists with three questions.

1. What reasons, in your opinion, predetermined a victory of the Moscow state over Kazan and other medieval turkic-tatar states?

2. What myths and judgments inappropriate to historic facts exist today concerning the Kazan and Moscow relations of the first half of the XVI century?

3. If to estimate passed historical events from height of the beginning of the XXI century, what losses and acquisitions elimination of the Tatar national statehood was marked for Tatars and for Russia?

Answers to questions of leading experts are provided in the section on the Tatar-Russian relations of this era.

* * *

Трепавлов Вадим Винцерович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва).

E-mail: trepavlov@mtu-net.ru

Трепавлов Вадим Винцер улы – тарих фәннәре докторы, Россия Фәннәр академиясе Россия тарихы институтының баш гыйльми хезмәткәре, Россия халыклары тарихын һәм этник мөнәсәбәтләренә өйрәнү үзәге житәкчесе (Мәскәү шәһәре).

Trepavlov Vadim Vintserovich – doctor of historical sciences, chief researcher of Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences, head of the Center of history of the people of Russia and interethnic relations (Moscow).

Почекаев Роман Юлианович – кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории права и государства Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург).

E-mail: ropot@mail.ru

Почекаев Роман Юлианович – юридик фәннәр кандидаты, доцент, «Икътисад югары мәктәбе» милли тикшеренү университетындагы Санкт-Петербург филиалы хокук һәм дәүләт теориясе һәм тарихы кафедрасының мөдире (Санкт-Петербург шәһәре).

Pochekaev Roman Yulianovich – candidate of jurisprudence, associate professor, department chair of the theory and history of the right and state of the St. Petersburg branch of National research university «The Higher School of Economy» (St. Petersburg).

Гилязов Искандер Аязович – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделением татароведения и тюркологии, заведующий кафедрой истории татарского народа Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г. Казань).

E-mail: iskander.Gilyazov@ksu.ru

Гыйләжев Искәндәр Аяз улы – тарих фәннәре докторы, профессор, Казан (Идел буе) федераль университетындагы Тарих институты татароведение һәм тюркология бүлегенә мөдире, татар тарихы кафедрасы мөдире (Казан шәһәре).

Gilyazov Iskander Ayazovich – doctor of historical sciences, the professor managing office of a tatarovedeniye and a tyurkologiya, the head of the department of history of the Tatar people of the Kazan (Volga) federal university (Kazan).

Бахтин Александр Геннадьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола).

E-mail: Abachtin@mail.ru

Бахтин Александр Геннадий улы – тарих фәннәре докторы, Мари дәүләт университеты Ватан тарихы кафедрасының профессоры (Йошкар-Ола шәһәре)

Bakhtin Alexander Gennadevich – doctor of historical sciences, professor of chair of national history of the Mari state university (Ioshkar Ola).

Зайцев Илья Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (г. Москва).

E-mail: zaytsev@ivran.ru

Зайцев Илья Владимир улы – тарих фәннәре кандидаты, Россия Фәннәр академиясе Көнчыгышны өйрәнү институтының әйдәп баручы гыйльми хезмәткәре (Мәскәү шәһәре).

Zaytsev Ilya Vladimirovich – doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of oriental studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow).

Галлям Рашит Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г. Казань).

E-mail: r.gallam@mail.ru

Галләм Рашит Габделфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар тарихы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashit Gabdelfartovich – candidate of historical sciences, the senior research associate of department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Культурология», зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета (г.Курган).

E-mail: denmas13@yandex.ru

Маслюженко Денис Николай улы– тарих фәннәре кандидаты, доцент, Курган дәүләт университеты «Культурология» кафедрасының мөдире һәм тарих факультетының декан урынбасары (Курган шәһәре)

Maslyuzhenko Denis Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor, head of the department «Cultural science», deputy dean of the department of history of the Kurgan state university (Kurgan).

Саначин Сергей Павлович – архитектор-градостроитель (г.Казань).

E-mail: sanachin.sp@gmail.com

Саначин Сергей Павел улы – шәһәр төзүче архитектор (Казан шәһәре).

Sanachin Sergey Pavlovich – architect-town-planner (Kazan).

Давлетшин Гамирзян Миргазьянович – доктор исторических наук, профессор Института истории Казанского (Приволжского) федерального университета (г.Казань).

E-mail: g.davletshah@mail.ru

Давлетшин Гамиржан Миргажан улы – тарих фәннәре докторы, Казан (Идел буе) федераль университетындагы Тарих институтының профессоры (Казан шәһәре).

Davletshin Gamirzyan Mirgazyanovich – doctor of historical sciences, professor of the Institute of history of the Kazan (Volga) federal university (Kazan).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

УДК 93(=1-82)

А.В. Беляков

Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года

Ключевые слова: Московское государство XVI–XVII вв., мордва, служилые татары, бортники, Восточная Мещера, бортные ужожи, писцовые книги.

Аннотация. Писцовые материалы Мещерского края начала XVII в. не часто становились предметом исследования. Как следствие возникают определенные сложности с восстановлением исторических реалий этого региона данного периода. Исследование так называемой писцовой книги мордовских сел Кадомского уезда 1629/30 г. позволяет по-новому взглянуть на многие процессы, проходившие в Восточной Мещере XVI–XVII вв. В частности известия, содержащиеся в ней позволяют по возможности более полно выделить все категории лиц проживавших в регионе, проследить особенности владения бортными ужожами, проанализировать изменения в численности отдельных категорий населения, узнать о новых фактах из истории событий Смутного времени на кадомской и прилегающих к ней землях.

Писцовые материалы Мещерского края XVII в. не часто становились предметом исследования [5; 6; 9; 11; 22]. Как следствие, возникают определенные сложности с восстановлением исторических реалий этого и предшествующих периодов. Что приводит, подчас, к серьезным историческим заблуждениям основанных почти исключительно на предположениях или неоправданных экстраполяциях [8; 16]. Это особенно ярко подчеркивает значение изучения и публикации писцовых материалов по исследуемой территории.

В РГАДА в фонде Поместного приказа в комплексе писцовых, дозорных и переписных книг хранится писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го года (1629/30) [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 6466]. Она представляет собой рукопись в четвертку на 224 листах написанную на бумаге скорописью 1620–1630-х гг. одним почерком. Нумерация листов двойная. На л. I заголовок XVIII в.: «По Кадому книга описи мордовским дворам и бортным ужожем 138-го году № 28». На лл. 1–192 по правому полю по центру помещена скрепа: ди – ак – Фе – дор – Опра – кси – н. При этом, судя по скрепе, как минимум один лист в начале книги утрачен. На л. 192 полностью помещено имя Федор. На лл. 194–224 по нижнему полю скрепа: воевода Левонтей Яковлевич Высоцкий руку приложил. При этом каждый раз на листе помещено от нескольких букв до двух слов имени. Переплет кожаный, XVIII века. Утрачено несколько листов в начале и конце книги. В действительности мы имеем 4 книги в одном переплете: 1) Дозорная книга мордовских сел Кадомского уезда 1614 г. (л. 1–60); 2) Книга оброчная бортничья Кадомского уезда 1614 г. (л. 61–82); 3) Книга мордовским оброчным вотчинам, бортным ужожем 1614 г. (л. 82 об.–192); 4) Книга новоприбылым мордовским дворам Кадомского уезда 1629 г. (л. 193–224 об.). Следует рассмотреть данные книги по отдельности.

Дозорная книга мордовских сел Кадомского уезда 1614 г. содержит список мордовских дворов, скомпонованных по белякам (податным единицам в основе которых, возможно следует видеть разросшиеся патриархальные семьи или же, что более точно, роды) и населенным пунктам. Она также содержит информацию о размере, качестве и состоянии пашни, наличии сенных покосов и рыбных ловель, размере верхового медвяного и куничного оброка, а также ясачных денег. Судя по книге, в беляке Малая Чепчера находилось 1 мордовское поселение (д. Мелсетева). В Еректинском беляке отмечено 6 мордовских поселений (дд. Станарова, Родская, Каляива, Нороватово, Коломасово, Виртъяново). Помимо этого пустая деревня Чюдожская и пустошь, что была деревня Крутое. В Чепчерянском беляке 11 населенных пунктов (дд. Баева, Дудникова, Вичкидеева,

Кураева, Большие Пинизлеи, Малые Пинизлеи, Новоселки, Широмадова, Шокша, Анамасова, Тянгущева), а также пустая деревня Налдяново, пустошь, что была деревня Урузаново, пустошь, что была деревня на речке Мелевлеи. В Тялдемском (Талдемский) беляке 9 населенных пунктов (дд. Пашатово, Шапкино, Подлясово, Селище, Парамзина, Анаива, Жеравкина, Каргашина, ½ с. Авдалова). В Белобородом беляке зафиксированы только бортные ужожи. Всего отмечено 246 пашенных и 36 беспашенных (бобыльских дворов), а также 60 пустых дворов и 8 дворовых мест. При этом запустение началось еще до событий Смутного времени. Так в одном месте отмечается, что пашня лесом поросла «в кол и в жердь, и в бревно» (л. 57об.). В 1607/8 г. отмечено 120 вытей «в живущем» и 18, 25 «в пусте». В 1614 г. в «живущем» отмечено уже только 101,75 выти а «в пусте» 79,625 (?) выти (л. 55).

Хотя события Смуты, безусловно, оказали серьезное воздействие на регион. Так отмечены полностью сожженные деревни (дд. Анамасово, Пашатово) отстраивающиеся заново (л. 34, 39). Отдельные деревни оказались полностью заброшены. В подавляющем большинстве деревень отмечено общее сокращение населения и пашни. Лишь в отдельных случаях численность населения и размеры пашни возрастают (дд. Анаива, Жеравкина).

Здесь же следует отметить следы участия кадомской мордвы в Ливонских войнах XVI в. К ним, безусловно, следует отнести упоминание бобылей из мордовских отпущенников с указанием их национальности – немец (немчин, немка) (л. 4, 45, 214 об.). Интересно упоминание в мордовских деревнях как дворовладельцев неких «русаков» (русский?) [18, с. 258] (л. 12 об., 13, 25 об., 31 об., 35 об., 36, 43 об.). Также имеются единичные упоминания ногайцев (л. 92 об.), татар (л. 48 об., 208), латышей (л. 46 об.). Процесс христианизации мордвы еще не стал массовым. По книге известен только один пример (л. 217 об.).

Мордовское население упоминаемых беляков в XVI в. жаловалось «в княжение» тем или иным татарским мирзам. Это первоначально подразумевало право суда над подведомственным населением, сбор ясака и получение доходов с кабаков и таможен. С Чепчерского беляка в 1-й половине XVI в. ясак собирали князя Мансыревы, во 2-й половине XVI – начале XVII в., по-видимому, – князя Аганины, находящиеся в прямом родстве с Мансыревыми [1]. В данной писцовой книге следов этого не обнаружено. Судя по чему пожалование в 1609 г. князя Ишмамета Девлеткилдеева Аганина от имени Лжедмитрия II уже было анахронизмом.

Оброчная бортничья книга Кадомского уезда 1614 г. содержит описание вотчин бортных ужожев бортников уезда по станам (Лухомский, Сысверский, Саватемский, Котелинский). В конце книги отмечены изменения произошедшие после 1614 г. Бортники представляли собой особую группу податного населения региона. В частности это подчеркивалось тем, что пошлины с верхового меда отличались от мордовских. В Книге полоцкого похода 1563 г. отдельно отмечено 178 мещерских бортников [10, л. 37об. с. 43]. Это первое их документальное упоминание. Среди них должны были находиться и кадомские. Известны они и позднее [15, л. 582. с. 464]. В 1614 г. отмечено 42 бортника, при этом 35 из них значатся как живущие за русскими и татарскими помещиками, а также русскими крестьянами. Что обозначало «живут за», окупное холопство или же только проживание в их дворах? Как живущие своими дворами отмечены только семь. Данный факт, однако, не мешал бортникам приобретать новые вотчины (л. 80 об.). Скорее всего, данный факт следует рассматривать, как попытку избежать несения полковой службы. Немаловажно и то, что среди бортников отмечены только русские имена. Также следует подчеркнуть, что здесь не отмечено ни одной выморочной вотчины. Остается открытым вопрос о том, когда в регионе появилась данная группа населения, а также всегда ли она состояла из православных.

Книга мордовским оброчным вотчинам, бортным ужожеям 1614 г. содержит описание вотчин бортных ужожев мордвы Кадомского уезда. При этом особо отмечены имена и владения умершей и не оставившей наследников ко времени создания писцовой книги мордвы. В ряде случаев указывается место их гибели (Нижний Новгород, Калуга, Алатырь, Арзамас, Болхов, Шацк). Эти сведения позволяют достаточно полно восстановить картину участия кадомцев в событиях Смутного времени. Они неоднократно меняли свою позицию и переходили из лагеря в лагерь [21]. Можно предположить, что кадомцы принимали непосредственное участие в арзамаских событиях [2; 17, с. 58–83; 12, № 200 с. 338–342].

Интересными являются упоминания о смене собственников тех или иных бортных ужожев. В книге зафиксировано семь датированных случаев покупки мордвою вотчин бортных ужожев. Самый ранний из них отмечен под 1550 г. Данный процесс активизировался в конце XVI в., последний случай зафиксирован в 1610/11 г. (лл. 158, 159, 159 об., 161 об., 171, 191) Другие архивные ис-

точные также отмечают довольно активное движение земельной собственности (бортных ухажеев) в соседнем Темниковском уезде в эпоху Смутного времени [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. № 129. Л. 2–4; № 90. Л. 4].

Не менее интересным является упоминание в источнике неких «вяжмивских (важенские) земцев» обладавших явно мордовскими именами (л. 148, 159 об.). В источниках земцами иногда называли новгородских своеземцев – мелких землевладельцев известных на рубеже XV–XVI вв. представляющих собой колонистов последних лет новгородской независимости, самостоятельно разрабатывавших незаселенные пространства и получившие их в вотчины, которые были сохранены московскими чиновниками. По своему статусу они находились между крестьянами и мелкими детьми боярскими [19, с. 185; 20, с. 319–332]. В таком случае мы можем предположить, что в Восточной Мещере достаточно рано из мордовских общинников стали выделяться служилые государевы люди. Однако их наименование «важенские» вновь отсылает нас к региону Новгорода. Там известна река Вага, приток Северной Двины. Однако известны и другие определения слова вага – шест, коромысло, поперечный брус, лань, самка северного оленя. Можно предположить, что человек, проводивший описание земель, зафиксировал некое необычное явление, которое он попытался описать в известных ему терминах новгородской земли. Также можно допустить, что «земцы» – это служилая мордва.

Первоначально в регионе по преимуществу (или же исключительно) проживало мордовское население. У мордвы по разным документам известны князья, служилые и несслужилые мирзы, сотские, тарханы и рядовые общинники. Однако в рассматриваемом нами регионе документально подобное деление проследить пока не удалось. Хотя это несколько не означает, что его не было. На настоящий момент известно только одно упоминание сотского [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1443. Л. 112]. Если исходить из версии Д.М. Исакова о военной организации Казанского ханства, под мордовскими сотскими могут скрываться мордовские князья. Это также можно рассматривать как основной элемент военной организации мордвы [8, с. 65–66]. Однако документе на который мы ссылаемся содержит только информацию о форме организации налогообложения. Статус мордвы установить довольно проблематично. Нам известно, что она не являлась зависимым населением. Мордовские земли не раздавались в поместья, что мы можем наблюдать, к примеру, в Нижегородском уезде [14, с. 47–56]. Но однозначно относить их к служилым людям, как часть мордвы в Алатырском уезде, именуемая мордовскими служилыми мирзами и наделяется поместьями [13, с. 18, 83, 107, 108, 129–131], мы также не имеем права. Скорее их следует отнести к черносошным крестьянам, из общей массы которой постепенно стали выделяться служилые государевы люди. Мордва платила в пользу государства куничные, ясашные деньги, медвяной оброк и посыпной хлеб. За право охоты и рыбной ловли платили особые деньги. В XVII в. известны случаи массового перевода части мордвы в восточные уезды с наделением их поместьями. Так в 1652/53 г. 33 мордвина Кадомского уезда были переведены в Керенский уезд, где им дали по 20 чети в поле каждому. При этом вся переведенная морда называется тарханами и служит в рейтарах [РГАДА. Ф. 1167. Оп. 1. Д. 1438].

Таким образом, статус мордвы Восточной Мещеры обладал значительными особенностями, истоки которых следует искать в прошлом региона. Долгое время существовавший приграничный статус прицненских и примокшских земель способствовал тому, что все его население (или же значительная его часть) в той или иной степени становилось служилым [4].

Встречается в источнике и еще одна категория служилых людей известных по источникам XVI в. – литва. В Кадомском уезде это только бобыли (л. 29 об., 42 об.) под которыми, скорее всего, следует видеть мордовских отпущенников, пленников захваченных в Ливонские войны, то в Шацком уезде (л. 156.) это, судя по всему, те же пленные, по каким то причинам включенные в состав служилого сословия Русского государства и размещенные (испомещенные) в восточных ее уездах (в том числе в Казанском и Чебоксарском). Документы отмечают отдельно пешую и конную Литву. При этом зафиксировано их использование только в восточном направлении [3]. В Мещере литва, скорее всего, владела и бортными ухажеев (л. 143 об., 156, 177.). Однако чуть ниже встречается странное сочитание «мордвин литвин» (л. 156.).

Не вполне понятны определения имеющие этногеографический характер, такие как русская (л. 143 об.), ногайская (л. 149, 155 об., 178, 186), польская сторона (л. 143 об., 161, 170). Под польской стороной следует видеть указание на Дикое Поле (от Дикого Поля, или же от Поля). Русская сторона, скорее всего, указывало на компактное проживание по соседству представителей данного этноса. Но об относительно массовом проживании в регионе ногаев нам ничего неизвестно.

Следует отметить, что бортные ужожи кадомской мордвы могли выходить за пределы Кадомского уезда. К тому же для их привязки на местности требовалось указание иных населенных пунктов, принадлежавших мордве Темниковского уезда, русским и татарским помещикам. В настоящее время данные объекты находятся на территории Рязанской, Нижегородской, возможно, Владимирской областей и Республики Мордовии. Благодаря сведениям данной писцовой книги история отдельных населенных пунктов несколько удревняется [7].

Отдельно отмечаются бортные ужожи на момент создания книги попавшие в разряд выморочных вотчин. По существующим правилам они поступали в царскую собственность и могли быть переданы иным людям. Однако на 1614 г. зафиксированы только случаи передачи пашни, ее на оброк брали татары.

Книга новоприбылым мордовским дворам Кадомского уезда 1629 г. содержит список вновь появившихся мордовских дворов между 1614 и 1629 г. а также размеры положенных выплат (медвяной и куничной оброк, ясачные деньги, посыпной хлеб, в ряде случаев оброк за рыбную ловлю). Всего отмечено 92 пашенных и 8 бобыльских дворов. При этом следует отметить, что книга сохранилась не полностью. На отсутствующих листах, скорее всего, содержалась информация по новоприбылым дворам дд. Мелсетева, Шокша, Шапкина, Анаива, Жеравкина, Каргашина, половины с. Авдалова. Помимо этого вновь была заселена ранее заброшенная деревня Рузанова (Урузанова) а также Сокаев починок, возможно и иные. Таким образом, окончательные цифры должны быть увеличены на 30–50%. Но даже эти цифры говорят о серьезном экономическом росте в регионе за 15 лет.

* * *

Таким образом, писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда является ценным источником по истории региона рубежа XVI–XVII вв. Позволяющая более детально воссоздать историю данного края. К тому же однозначно можно утверждать, что содержащиеся в источнике данные помогают приоткрыть более ранние страницы его истории. Большой интерес для исследователей могут представлять приводимые в книге знамена бортников и морды используемые ими в бортных ужожах. Их анализ, возможно, поможет в дальнейшем разобраться с внутренней организацией (или же самоорганизацией) местной мордвы, а также проследить движение бортных ужожев в прошлом. По первоначальному анализу знамен можно предположить, что когда-то в отдельном беляке имелось одно общее знамя, на основе которого путем введения дополнительных элементов, со временем стали образовываться иные. Это могло начаться в период распада большой патриархальной семьи на более мелкие и в результате дальнейших их взаимодействий друг с другом, в первую очередь экономических (дальнейшие дробления, покупки-продажи, отдача в приданное). Но для этого требуются дополнительные исследования. Данная книга также представляет определенный интерес для реконструкции татарского землевладения в регионе.

Список источников и литературы

1. Антонов А.В. Акты служивых татар 1525 – 1609 гг. // РД. Вып. 7. М. 2001. С. 219–232.
2. Антонов А.В. К начальной истории нижегородского ополчения // РД. М., Вып. 6. 2000. С. 196–240.
3. Анхимюк Ю.В. Росписи казанского зимнего похода в Разрядной книге ОР РНБ. Q.IV. 53 // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб., 2007. С. 180–188.
4. Беляков А.В. «Невидимки» русской армии XVI века [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. – 2013. – Специальный выпуск. I. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. – Ч. I. Статьи. Вып. II. – С. 159–178 (<http://www.milhist.info/2013/03/12/belyakov>).
5. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Ч. 3. СПб., 1866.
6. Дубинская Л.Г. Социально-экономическое положение крестьян во второй половине XVII века: (По материалам Мещерского края): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1967.
7. Инжеватов И.К. Топонимический словарь Мордовской АССР. Саранск, 1987.
8. Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам нового времени. Казань, 1998.
9. Книга письма и меры 1671 году И. Путятина: Материалы генеральной переписи мордвы Алатырского уезда. Саранск, 1979.
10. Книга полоцкого похода 1563 г. СПб., 2004.
11. Копии с Шатской писцовой книги Федора Чоботова 131 года о владениях Великой старицы инокини Марфы Ивановны в Верхоценской волости. // Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1893. Вып. 37. Отд. III. С. 37–147.

12. Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века. 1601–1608: Сб. документов. М., 2003.
13. Писцовая книга татарским поместьям Алатырского уезда 1624–1626 годов. М.; Н.Новгород, 2012.
14. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–21 гг. М., 1983.
15. Разрядная книга 1475–1505 гг. М., 1982. Т. II. Ч. 3.
16. Рахимзянов Б.Р. Административно-политическая и этносоциальная структура Мещерского юрта // История народов России в исследованиях и документах. М., 2007. Вып. 2. С. 235–265.
17. Сенюткин С.Б. История татар нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (Историческая судьба мишарей Нижегородского края). М.; Н.Новгород, 2009.
18. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 22. М., 1997.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 23. М., 1996.
20. Селин А.А. Генеалогическая и историко-географическая заметка о своеземцах // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 319–332.
21. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.
22. Тэйро Э. Дозорная книга Темниковского уезда 1613/1614 года. Опыт изучения. // Архив русской истории. М., 2007. С. 78–97.

По Кадому книга описи мордовским дворам и бор[т]ным ухозяями 138-го году.

(л. 1) [Б]еле[к] Мала[я Чепче]ра

(Дрв) Мелсетева на речке на Варахлее: (в) Ятманза Чиндяев, (в) Татан Чиндяев, (в) Кежай Шичеватово, (в) Рускей Дечкедеев, (в) Кирдян Вечконапин, (в) Лопай Ашаев, (в) Кечай Кабаев, (в) Парават Кемаев, (в) Комай Бозаев; да бобыльских дворов: (в) Датяй Крантушев, (в) Савка Малцов; да двор пустой мардовской. И всего живущих мордовских девять дворов, да два двора бобыльских. Обоего одиннадцать дворов. А людей в них тож. Пашни паханые // (л. 1 об.) сер[едней] земли с пу[стошами]]ат чети с осьминою. А доброю землею с наддачею девяносто чети, да перелогу тое ж земли двенатцать чети с осьминою. А доброю землею с наддачею десять чети. И обоего, пашни паханые и перелогу средние земли сто двадцать пять чети, а доброю землею с наддачею сто чети в поле, а в дву потому ж. В живущем пол-пяты выти, а впусе полвыти. Сена нет. Лес бортной их же мордовская вотчина. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. // (л. 2) 3 бобыльских дворов оброку шесть алтын четыре деньги, по гривне з двора.

С тое ж мелсетевские мордвы, с их вотчин, з бортных ухозяев, по их скаске верхового оброку четыре пуда с четью меду. Да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег рубль. Да за две куницы двадцать шесть алтын четыре деньги. Да пошлин с куницы по денге.

Тое ж мелсетевские деревни мертвые мордвы восьм человек. Имена той мертвой мордве и их выморочные вотчины бортной ухозяи // (л. 2 об.) ^{1*} знамяны писаны в мордовских в вотчинных в бортных книгах. По скаске мелсетевские мордвы та мертвая мордва платила посопного хлеба четь с четвериком ржи, овса тож. Верхового оброку три пуда без чети пуда меду. Пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег рубль. За полторы куницы дватцать алтын, пошлин полторы денги.

Да подле той мордовской мелсетевской пашни (пус), что была деревня Поляна. // (л. 3) По выпросу мурз и татар лежит впусе, не владеет ею никто. А по дозору нынешняго 122-го году той пустоши перелогом средние земли сорок чети, да лесом поросли тритцать чети. А доброю землею с наддачею перелогу и лесом поросли пятьдесят шеть чети в поле, а в дву потому ж. Да той ж пустоши поросло большим лесом дватцать пять десятин в поле, а в дву потому ж. И та пустошь дана на распашку из денежного обоку деревни Коламасовы мордве Чювашу Тепишеву с товариши. А оброку им платить на Москве в Казанской // (л. 3 об.) и в Мещерской Дворец з году на год по рублю. Пошлин по десяти денег. Первой оброк заплатити им на Рождество Христово нынешняго 122-го году. А порука по нем иво ж товариши деревни Мелсетевы мордва Атманза Чиндяев с товарищи.

Еректинской бяляк

(Дрв) Станарова на речке на Сендоре. А в ней (в) Колузьянко Мелсапин, (в) Душеват Мелсатов, (в) Кежанко Марев, (в) Бокай Мелсетев, (в) Мамыш Мелжин, // (л. 4) Малеш Мелзин, (в) Богданко Мелзин, (в) Таркай Дмитриев, (в) Дурнайко Далгаев, (в) Дурай Болдаев, (в) Учан Тяпин, (в) Шангишь Аргавин, (в) Тотуш Параватов, (в) Шигай Параватов, (в) Нухта Пароватов, (в) Манайко То-

¹ * ¹ в рукописи припись по верхнему полю на лл. 2 об. – 3 со значительной утратой текста. Читается: С ... е мордовския. – А.Б.

тин, (в) Сабай Резватов, (в) Одюшь Малмазеев, (в) Дечай Тотин, (д) Айняк Нороватов, (д) Сайгашка Якунин. Да в той же деревне двory бобыльские: (в) вдова Пилса Чынвасова, (в) Ивашко Немчин, отпущеник Мелсапин, (в) Немчин Демка, отпущеник мордвина Якуни, (в) вдова // (л. 4 об.) Пилюшка, (в) Бобача. Да пустых два двора. И всего в деревне в Станурове пашенных мордовских дватцать один двор, да не пашенных пять дворов. Обоего дватцать шесть дворов. А людей в них тож. Пашни паханые, середние земли, сто семдесят пять чети, а доброю землею с наддачею сто сорок чети. Да перелогу то же земли семдесят пять чети. А доброю землею с наддачею шестьдесят чети. И обоего, пашни паханые и перелогу середние земли, двесте пятьдесят чети. А доброю землею с наддачею // (л. 5) двесте чети в поле, а в дву потому ж.

Тое же Стануровские деревни у мордвы у Алея да у Дечая Тотиных, да у Тениша Резоватого, полянка Болидая да Душинкая полянка Чюрнюкожа, да у Колузянка Мелсапина полянка Кадышева. А в тех во всех трех полянках перелогом середние земли тритцать одна четь с полуосминою. А доброю землею с наддачею дватцать пять чети в поле, а в дву потому ж. В живущем семь вытей. А впусе и с полянками четыре выти с четью выти. Сена // (л. 5 об.) у всей деревни по речке по Сендоре и около поль, и по врагом сто пятьдесят копен. Позади той деревни лес большой черной. Да у Дечая ж Тотина с товарищи на реке на Ваду на Уморе, по обе стороны дороги, с усть Вомора, до черново лесу сена четыреста копен.

Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброку шестнатцать алтын четыре денги, по гривне з двора. // (л. 6) С то же Стануровские мордвы, оприч Маканка Тотина с товарищи, шти человек, с их вотчин, з бортных ухожеев, по их скаске верхового медвеного оброку четыре пуда пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын пять денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре денги, да пошлин с куницы по денге.

А Мака Тотин с товарищи, шесть человек, верховой оброк и ясачные, и куничные денги платят в Темников. А сколько каких // (л. 6 об.) доходов, того не сказали. Тое же деревни с мордвы с Мамыша Мелзина с товарищи да деревни Каляивы з Дурнанка Чиндясова с товарищи оброку с реки з Глушицы за рыбную ловлю восьм алтын две денги. С Мамаша ж Мелзина с товарищи да деревни Пороватова с Редки Рызодеива с товарищи оброку за две тони с озера Пичерок да с озера Шатбеи, по их скаске с озера Пичерок з дву тонь за рыбную ловлю дватцать шесть алтын, а с озера Шатбеи за рыбную ловлю // (л. 7) пятнатцать алтын.

Тое же деревни Стануровы с мордвы с Дечанка Тотина да с Собака Резоватого с товарищи реки Ваду да усть Ташти з заводи по их скаске за рыбную ловлю восьм алтын две денги. С Дечанка ж да с Собанка с товарищи вниз по реке по Ваду до Севекса оброку за заводи с Лапушура да Мосера по их скаске за рыбную ловлю пятнатцать алтын.

Тое же Стануровские деревни мертвые мордвы, шесть человек, имена // (л. 7 об.) той мертвой мордведе и их выморочная вотчина, бортной ухожей, знамены писаны в мордовских в вотчинных в бортных книгах. По их скаске, Стануродские мордвы, та мертвая мордва платила посопного хлеба четь с осьминою без полчетверика ржи, овса тож. Верхового оброку пуд с четью меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег девять алтын две денги. За пол куницы две гривны, // (л. 8) пошлин полденги.

(Дрв) Каляива, возле большого болота, да (поч) Момолаевской на речке на Селдоре, под большим лесом. А тот починок выставили каляевская ж мордва на свою ж пашню. А в деревне в Каляиве (в) Баишь Алексов, (в) Дурнай Чиндяев, (в) Уешь Кирдяпшев, (в) Кошай Поряев, (в) Малкай Олексеев, (в) Ларя Пуряев, (в) Умай Лопаев, (в) Уданар Дашев, (д) Кожняк Остаев. Да мордовских же семь дворов пустых. А в починке в Момолаевском // (л. 8 об.) (в) Нородат Мамышев, (в) Налдяй Момолаев, (в) Кечан Такаев. И всего в деревне в Каляиве да в починке Момолаеве живущих двенатцать дворов мордовских, а людей в них тож. Пашни паханые середние земли сто дватцать пять чети, а доброю землею, с наддачею, сто чети. Да перелогу ж то же земли сто одна четь. Да лесом поросли дватцать четыре чети. А доброю землею с наддачею, перелогу и лесом поросли сто чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом // (л. 9) поросли середние земли двесте пятьдесят чети, а доброю землею, с наддачею, двесте чети в поле, а в дву потому ж. В живущем пять вытей. А впусе – пять же вытей. Сена около поль шестьсот копен.

У той же деревни Каляивы, подле кичимеровских поль, пашенного лесу в длину треть версты а поперек полдесятины, вопче села Кичимерова, что за Васильем Полтевым.

Посопного хлеба с мордвы // (л. 9 об.) деревни Каляивы и починка Момолаевского з живущих с выти по две чети ржи, овса тож.

Тое ж деревни и починка с мордовских вотчин, з бортных ухожеев верхового оброку, по их скаске, пуд меду, да пошлин пять денег. Ясачных денег пятнатцать алтын. За пол куницы шесть алтын четыре денги, да пошлин полденги.

Тое ж деревни Каляивы с мордвы с Нолдяйка Момолаива да с Паравата Мамышева, // (л. 10) с их особой вотчины, по их скаске оброку полпуда меду, пошлин пол-трети денги.

Тое ж деревни Каляивы мертвые мордвы восемь человек. Имена той мертвой мордве и их выморочная вотчина, бортной ухожей, з знамены писано в мордовских в вотчинных бортных книгах. По их скаске, деревни Коляивы мордвы, та мертвая мордва платил посопного хлеба осмину ржи, овса тож. // (л. 10 об.) Верхового оброку тритцать гривенок меду, да пошлин четыре денги. Ясачных денег десять алтын. За четь куницы три алтына две денги, да пошлин полденги.

(Дрв) Нороватово, на реке на Мокше. А в ней (в) Шичедяй Оманов, (в) Пятуня Учаев, (в) Кижедей Шичоговов, (в) Федор Рызыдеев, (в) Селдай Селдушев, (в) Кирдяпшь Ашасев, (д) Налдуш, (д) бобылиха вдова Ардай Налетовская жена. // (л. 11) Да в той же деревне мордовских же девять дворов пустых да место дворовое мордовское. И всего живущих пашенных семь дворов мордовских, да двор бобыльской. Обоего - восемь дворов, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, пятьдесят чети, да перелогу тое ж земли тритцать две чети с осьминою, да лесом поросли дватцать чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом поросли добрые земли сто две чети с осьминою в поле, а в дву потому ж. В живущем // (л. 11 об.) две выти с полувытью. А впусе две ж выти с полувытью и пол чети выти. Сена на реке на Мокше и по врагом, и около поль двесте копен. Лес большой по реке по Мокше.

Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобыльского двора оброку три алтына две денги.

Тое ж деревни Нороватовы с мордвы, по их скаске, с их вотчин, з бортных ухожеев, Еректинского беляка верхового оброку // (л. 12) три пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясаку тритцать алтын. Да за куницу бес чети куницы десять алтын, да пошлин с куницы денга.

Тое ж Нороватовы деревни мертвые мордвы восемь человек. Имена той мертвой мордве и их выморочная вотчина, бортной ухожей, з знамены писано в мордовских в вотчинных в бортных книгах. По скаске деревни Нороватово мордвы, та мертвая мордва платила посопного хлеба четь с осминою // (л. 12 об.) без полчетверика ржи, овса тож. Верхового оброку три пуда меду, пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать пять алтын. За куницу четыре гривны, пошлин с куницы денга.

(Дрв) Коломасово, на речке на Телемелеи. А в ней мордовские дворы: (в) Будилко Кичемаев, (в) Учай Кежаев, (в) Худяй Шичкин, (в) Чюдаш Тенишев, (в) Колдюш Тенишев, (в) русак Жданков // (л. 13) Парфенов, (в) русак же Васка Григорьев. Да в той же деревне двор пуст мордовской. И всего семь дворов живущих, а людей в них тож. Пашни паханые, средние земли, пятьдесят шесть чети с полуосминою. А доброю землею, с наддачею, сорок пять чети, да перелогу тое ж земли сорок чети, да лесом поросли десять чети. А доброю землею с наддачею, перелогом и лесом поросли сорок чети. И обоего пашни паханые и перелогу средние земли сто шесть чети с полуосьминою. А доброю землею // (л. 13 об.) с наддачею восемьдесят пять чети в поле, а в дву потому ж. В живущем две выти с четью выти. А впусе две выти. Сена на Шишаиве полянке шестьдесят копен. Лесу нет. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож.

С тое ж деревни Коломасовы, да с мордвы деревни Мелсетевы, с их вотчин, з бортных ухожеев Еректинского беляка верхового оброку пол-пята пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег // (л. 14) сорок алтын. Да за полторы куницы дватцать алтын, да пошлин полторы денги.

Тое ж деревни Коломасовы со все мордвы, с их вотчин, з бортного ухожей, да тое ж деревни Коломасовы с мордвы с Максая Мокшова с товарищи и с Чювашевою братьею с их вотчины, з бортных ухожеев, Еректинского беляка верхового медвеного оброку семь пуд меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег шестьдесят алтын. Да за три куницы // (л. 14 об.) сорок алтын, пошлин с куницы по денге.

С тое ж коломасовские мордвы, с Чюваша Тенишева с товарищи, да деревни Мелсетевы, с Атманзы Чиндяива с товарищи, оброку с Куштапинского озера с Кривово и с Глухих озера, и с падучих речек по их скаске два рубли з гривною.

Тое ж деревни Коломасовы мертвые мордвы шесть человек. Имена той мертвой мордве и их // (л. 15) выморочные вотчины, бортные ухожей, знамены писаны в мордовских вотчинных в бортных книгах. По скаске коломасовские мордвы, та мертвая мордва платили посопного хлеба четь с

получетвериком ржи, овса то ж. Верхового оброку два пуда без чети меду, пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать пять алтын. За куницу четыре гривны, пошлин с куницы денга.

(Дрв) Виртьяново на речке // (л. 15 об.) на Ишкинзе. А в ней: (в) Кажай Виртьянов, (в) Тараско Парушев, (в) Партя Кимелсеев, (в) Ермазя Качемасов. Да два двора пустых. И всего живущих четыре двора мордовских, а людей в них тож. Пашни паханые добрые земли тритцать пять чети, да перелогу тое же земли пятнатцать чети, да лесом поросли десять чети. И обоего пашни паханые и перелогу, и лесом поросли добрые земли шездесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем две выти // (л. 16) без чети выти, а впусе выть с четью выти. Сена по речке по Ишкинзе и около поль двесте семдесят копен. Лес большой бортной.

Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. С тое ж мордвы деревни Виртьяновы, с их вотчин, з бортных ухोजеев, Еректинсково беляка верхового оброку пуд меду, да пошлин пять денег. Да за пол куницы шесть алтын четыре денги, да пошлин полденги. Ясачных // (л. 16 об.) денег четыре гривны.

Тое ж Виртьяновы деревни мертвые мордвы шесть человек. Имена той мертвой мордвы и их выморочные вотчины, бортны ухोजеи, знамены писаны в мордовских в вотчинных книгах. По скаске Виртьяновы деревни мордвы, та мертвая мордва платила посопного хлеба три полуосмины ржи, овса тож. // (л. 17) Верхового оброку полтора пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег пятнатцать алтын. За пол куницы две гривны, пошлин пол денги.

И всего Еректинсково беляка верхового медвеного оброку по мордовской скаске дватцать один пуд пятнатцать гривенок меду. Да пошлин с меду семнатцать алтын три денги, с пуда по пяти денег. Ясачных денег пять рублев двенатцать алтын три денги. // (л. 17 об.) За восемь куниц с четью куницею три рубли десять алтын, за куницу по тринацать алтын по две денги, да пошлин с куниц пол-девять денег, с куницы по деньге. За рыбную ловлю четыре рубли девять алтын две денги. З бобыльских дворов оброку дватцать алтын, з двора по три алтына по две денги.

А впусе того беляка верхового оброку восемь пуд с четью пудом // (л. 18) меду, пошлин шесть алтын пол-шесть денги, с пуда по пяти денег. Ясачных денег два рубли семнатцать алтын четыре денги. За три куницы с четью куницею рубль десять алтын, пошлин пол-четверты денги, с куницы по деньге.

Чепчерянской беляк

(Дрв) Баева, на речке на Мокше. А в ней: (в) Ертуш Писяшев, (в) Лопай Парушев, (в) Богданко Орземасов, (в) вдова Адакша, Парамзина жена, (в) Ходяк Парушев. // (л. 18 об.) И всего мордовских живущих пять дворов, а людей в них тож. Три двора пустых, да место дворовое. Пашни паханые, добрые земли, дватцать пять чети, да перелогу тое ж земли семдесят чети, да лесом поросли дватцать пять чети. И обоего пашни паханые и перелогу, и лесом поросли оборте земли сто дватцать чети в поле, а в дву потому ж. В живущем выть с четью выти. А впусе пять вытей без чети выти. Сена за Мокшею сто дватцать копен. Да под деревнею на лугу сто тритцать копен. Лес большой по реке по Мо// (л. 19)кше.

Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож.

С тое ж Баевские мордвы, с их вотчин верхового оброку пол-третья пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег одинатцать алтын. За пол куницы две гривны, пошлин полденги.

С тое ж Баевские мордвы, с Лопака Парушева с товарищи, за рыбную ловлю, что под их деревнею по реке по Мокше // (л. 19 об.) от Тенгушевского перевозу да Доснаротововкого крутово врага вершин по обе стороны реки Мокши на версту, по их скаске оброку десять алтын.

Тое ж деревни Баивы мертвые мордвы три человека. Имена их и их выморочные вотчины, бортные ухोजеи, знамены писаны в мордовских вотчинных в бортных книгах. По скаске тое ж Баевские мордвы, та мертвая мордва платила посопного хлеба четь ржи, // (л. 20) овса тож. Верхового оброку два пуда без чети меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег десять алтын. За пол куницы две гривны, пошлин полденги.

(Дрв) Вилкидеива. А вней: (в) Жданко Иденяпин, (в) Налемас Саушев, (в) Уразман Учетаев, (в) Аразяпа Худяков. И всего четыре двора, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, тритцать чети, да перелогу тое ж земли тритцать же чети. И обоего, // (л. 20 об.) пашни паханые и перелогу добрые земли, шездесят чети в одном поле, а в дву потому же. В живущем полторы выти. А впусе полторы ж выти. Сена около поль и по врашком шездесят копен. Лесу нет. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. Верховой медвеной оброк и ясачные и куничные денги списаны з деревней Дудкиновою.

(Дрв) Дудниково, на речке на Че// (л. 21)мале. А в ней: (в) Кечат Нухнулов, (в) Сычей Шева-тов, да два двора пустых мордовских. Пашни паханые, средние земли, двенадцать чети с осминою, а доброю землею с наддачею десять чети, да перелогу тое ж земли тринадцать чети без полуосмины, да лесом поросли шесть чети. А доброю землею с наддачею перелогу и лесом поросли пятнадцать чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом поросли, тридцать одна четь с полуосминою. А доброю землею с наддачею дватцать пять чети в поле, а в дву потому ж. В живу// (л. 21 об.)щем полвыти. А в пусе выть без чети выти. Сена около поль и по речке по Чемалой пятьдесят копен. Лес большой по болоту. Посопного хлеба четь ржи, овса тоже.

С тое ж Дудниковские мордвы да с Вичкидеивские мордвы, что писана выше сево, с их вотчин, з бортных ухожеев, верхового оброку два пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег восемь алтын. // (л. 22) За куницу четыре гривны, пошлин с куницы денга.

Тех же обоих деревень мертвые мордвы, деревни Вичкидеивы четыре человека, а деревни Дудниковы два человека. А имена их и их выморочные вотчины, бортные ужожи, знамены писаны в мордовских вотчинных в бортных книгах. По скаске тех обоих деревень мордвы та мертвая мордва платили посопного хлеба четь с осминою // (л. 22 об.) ржи, овса тож. Верхового оброку три пуда без полчети пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег десять алтын. За куницу с четью куницею шесть алтын четыре деньги, да пошлин полторы деньги.

(Дрв) что был починок Кураев, на речке на Варжамалеи: (в) Кичемас Мелчеватов, (в) Митка Мелчеватов, (в) Парамза Далманов, (в) Пятуня Кирдяпшин, (в) Сыскей Кичевов, (в) Ачка Чермоватово, // (л. 23) (в) Клишко бобыль, (д) бобылиха, вдова, Далгапа Рушевкая жена, (м) дворовое мордовское. И всего живущих шесть дворов мордовских, да два двора бобыльских. Обоего восемь дворов, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, пятьдесят пять чети, да перелогу тое ж земли дватцать чети. И обоего, пашни паханые и перелогу добрые земли, семьдесят пять чети в поле, а в дву потому же. В живущем три выти без чети выти. А впусе выть. Сена по заполью восьмьдесят копен. Лесу пашенного // (л. 23 об.) по реке по Мокше в длину на версту, поперек то же. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброку шесть алтын четыре деньги, з двора по гривне. С тое ж с кураивские мордвы с их вотчины, з бортного ужожи, верхового медвяного оброку пол-третья пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег десять алтын. За пол куницы две гривны, да пошлин // (л. 24) полденги.

С тое ж Кураевские мордвы, с Жечемаса Мелчеватово с товарищи, за рыбную ловлю с озера с Кураевского по исток Яви речке до перевозу, а от перевозу на низ до Яверки, по правую сторону Мокши. Да с озера Сынебеши. А на том озере островок. По их скаске оброку четыре гривны.

Тое ж деревни Кураевские пять человек мертвые мордвы. А имена той мертвой мордвы и их вы выморочные вотчины, бортные // (л. 24 об.) ужожи, знамены писаны в мордовских в вотчинных в бортных книгах. По скаске кураевские мордвы, та мертвая мордва платили посопного хлеба четь с осминою без полчетверика ржи, овса тож. Верхового оброку три пуда меду без чети, пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег девять алтын. За куницу без чети десять алтын, пошлин денга.

(Дрв) Большие Пинзилей, на реке на Пинзилейке: (в) Кидяр Момолаев, (в) Парадей Кон// (л. 25)баров, (в) Сычадей Конбаров, (в) Корнос Кафтаев, (в) Сатай Кежаев, (в) Ивашко Арземасов, (в) бобыль Чиндян Кежаев, да семь дворов пустых мордовских. И всего живущих мордовских пашенных шесть дворов, да двор бобыльской. Обоего семь дворов, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, пятьдесят чети, да перелогу тое ж земли сто чет. И обоего, пашни паханые и перелогу добрые земли, сто пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем две выти с полувытью. А впусе пять вытей. Сена около пашни сто копен. Лесу пашенного пять десятин. // (л. 25 об.) Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобыльского двора оброку три алтына две денги. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны з деревнею Малыми Пинзилей да з деревнею Новоселками.

(Дрв) Малые Пинзилей, на той же речке Пинзилейке: (в) Видис Пимин, (в) русак Истомка Ильин, (д) Серукей Дечковатого, (в) Парадей Иванов; да бобыльских дворов: (в) вдова Орда // (л. 26) Малкина жена, (в) вдова Некай Кадышевская жена; да два двора пустых мордовских. И всего живущих мордовских пашенных четыре двора, да бобыльских два двора, обоего шесть дворов, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, тридцать чети, да перелогу тое ж земли семдесят чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, сто чети в поле, а в дву потому ж. В живущем полторы выти, а впусе три выти с полувытью. Сена около пашни восьмьдесят копен. Посопного хлеба з живущих // (л. 26 об.) с выти по две чети ржи, овса тоже. З бобыльских дворов шесть алтын четыре

деньги, з двора по гривне. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны в деревне с Новоселками.

(Дрв) Новоселки у Тростяного болота: (в) Отюш Акманов, (в) Ягилда Сыроватов, (в) Кечюш Четаев, (в) Отяп Вечковатов, (в) бобыль Пятуня Малачкин, двор пуст мордовской. И всего живущих мордовских // (л. 27) пашенных четыре двора, да двор бобыльской, обоего пять дворов, а людей в них тож. Пашни паханные, добрые земли, тритцать чети, да перелогу тое ж земли пятьдесят чети. И обоего, пашни паханные и перелогу, добрые земли восемьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем полторы выти, а впусе две выти с полувутью. Сена около пашни и к реке к Мокше сто копен. Лес большой по реке по Мокше. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. // (л. 27 об.) З бобыльского двора оброку три алтына две денги. Тое ж деревни Новоселок да деревни Больших Пинзелей, да деревни Малых Пинзелей с мордвы со всех трех деревень с их вотчин, з бортных ухожеев, верхового оброку пять пуд меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать алтын. За куницу четыре гривны, пошлин денга.

Да деревни Больших Пинзелей с мордвы с Порудейка Канбаро// (л. 28) ва да с племянника его с Чиндяса Кежаева, да с Сыча Пороватова с особен с их вончины, з бортного ухोजеи, верхового медвяного оброку четь пуда меду, да пошлин полторы денги.

Да з Больших же Пинзелей с мордвы, с Кидеря Момолаива да с Ытя Кежаева с особые их вотчины, з бортново ухोजея, верхового оброка по их скаске полпуда меду, да пошлин пол-треть денги.

Да деревни Новоселок с мордвы, з Гутки Тумаива з братьею, с особеные // (л. 28 об.) вотчины, з бортново ухोजеи, верхового медвяного оброку, по их скаске, пять гривенок меду.

Тех же обеих Пинзелей и Новоселок с мордвы за рыбную ловлю с реки с Мокши, по их скаске, оброку дватцать три алтына две денги.

Тех же всех трех деревень мертвые морды Больших Пинзелей пять человек, да Малых Пинзелей четыре человека, да Новоселок три человеки. А имена их и их вотчины, знамян писаны в мордовских в вотчинных книгах. По скаске всех трех // (л. 29) деревень мордвы, та мертвая мордва платили посопного хлеба три чети с полуосминою ржи, овса тоже. Верхового оброку пять пуд без чети пуда, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег девятнатцать алтын. За куницу четыре гривны, пошлин с куницы денга.

(Дрв) Широмасова, на речке на Симеле: (в) Кижан Чиндяпин, (в) Агушь Параев, (в) Канбур Худяков, (в) Далгуш Сакаев, (в) Тота Молачкеив, (в) Отюш Кирдяпин, (в) Чебак Киняпин, (в) Видяш Нагаев, (в) Комай // (л. 29 об.) Селвышев, (в) Кулузьян Видяев; да бобыльских дворов: (в) вдова Налева мордвинова жена Тотарова, (в) Жданко Карпов, литвин; да шесть дворов пустых мордовских. И всего живущих мордовских пашенных десять дворов, да два двора бобыльских. Обоего двенатцать дворов, людей в них тож. Пашни паханные, добрые земли, семдесят чети, да перелогу тое ж земли восемьдесят чети. И обоего, пашни паханные и перелогу добрые земли, сто пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем три выти с полувутью, а впусе четыре выти. // (л. 30) Сена по реке по Симелейке и около поль двесте копен. Лес большой. Посопного хлеба з живущих по две чети ржи, овса тоже. З бобыльских дворов оброку шесть алтын четыре денги, з двора по гривне.

Тое ж деревни Широмасовы с мордвы за рыбную ловлю, что по реке по Мокше. От их деревни на берегу Ямище, а от Ямища до Гремячка, а Гремячка от ключа река Мокша, обе стороны, их до Сермоза, а от Сермоза до Крюченского болота, левая сторона их, а правая деревни // (л. 30 об.) Стануровы мордвы. По их скаске оброку семнатцать алтын две денги. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под деревнею Шокшею.

Тое ж деревни Широмасовы десять человек мертвые мордвы. Имена той мертвой мордвы и их выморочные вотчины, бортные ухोजеи, знамяны писаны в мордовских в вотчинных в бортных книгах. По скаске широмасовские мордвы, та мертвая мордва платили посопного хлеба восемь чети с полуосминою ржи, овса тож. // (л. 31) Верхового оброку восемь пуд с четью пудом меду, пошлин с пуда по пяти денег. За три куницы без чети рубль три алтына две денги, пошлин три денги. Ясачных денег дватцать шесть алтын четыре денги.

(Дрв) Шокша, на реке на Мокше: (в) Богдашко Олексов, (в) Федька Акчюрин, (в) Митя Московов, (в) Налдюш Атюшев, (в) Акамай Парушев, (в) Тарка Вещеватого, (в) Мардемас Атюшев, (в) Мирян Акчюрин, (в) Чекай Ибакаев, (в) Кулушка Баев, ставитца вновь, (в) бобыль // (л. 31 об.) Назарко Григорьев, русак, да три двора мордовских пустых. И всего живущих мордовских пашенных одинатцать дворов, да двор бобыльской, а людей в них тож. Пашни паханные, добрые земли, вос-

мьдесят пять чети, да перелогу тое же земли сорок пять чети, да лесом поросли дватцать чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом поросли добрые земли, сто пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем четыре выти с четью выти, а впусе три выти с четью выти. Сена по реке по Леплее вверх по обе // (л. 32) стороны по дороге, да от их деревни вниз по речке по Шакше, по правой стороне, до татарского рубежа в деревни Бегишевы семьсот копен. Лес большой Черной. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобыльского двора оброку три алтына две денги.

Тое ж деревни Шокши да деревни Широмазовы с мордвы, по их мордовской скаске, с их вотчины, что под деревнею под Пургосовою, да с той ж мордвы обоих деревень // (л. 32 об.) с особных вотчин деревни Шокши с вотчины по речен по Ведяже, да с вотчины. что по реке по Ворнаве от устья речки Чавлеи, да с вотчины ж от устья речки Шкинзы; а с широмазовские мордвы с особные вотчины, что от реки от Сармы от Большие Арземаские дороги верхового оброку восемь пуд пятнатцать гривенок меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег тритцать два алтына три денги. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре денги, да пошлин с куницы по деньге. //

(л. 33) С шокшинские ж мордвы, з Богданка Олексова с товарыщи, за рыбную ловлю, что под деревнею Широмазовою по обе стороны реки Мокши, да с них же, с Шокшинские и с Виромасовские мордвы за рыбную ж ловлю с озера Кривого, по их скаске, оброк пять алтын.

Тое ж деревни Шокши восемь человек мертвые мордвы. А имена той мертвой мордве, по скаске шокшинские мордвы, и их вотчины, бортные ужожеи, знамяны писаны в мордовских в вотчинных в бортных // (л. 33 об.) книгах под живущими бортными вотчинив в Чепчерянском беляке. А посопного хлеба та мертвая мордва платила четь с четвериком ржи, овса тож. Верхового оброку своих вотчин, з бортных ужожеев, два пуда с четью меду, да пошлин с пуда меду по пяти денег. Ясачных денег одиннатцать алтын. За пол куницы с получетью куницею восемь алтын две денги, пошлин полденги.

(Дрв) Анамасова на Селмокже вершине // (л. 34) у реки у Мокши, под ними ж речка Сатис, а впала в реку в Мокшу. А в той деревне дворы в межеусобе выжжены. А селятца мордва ново: (в) Отюшь Анамасов, (в) Собак Кирдясов, (в) Арземай Типчеев, да два двора пустых. И всего живущих три двора, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые земли, дватцать чети, да перелогу тое ж земли семнатцать чети, да лесом поросли двенатцать чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом поросли добрые земли, пятьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем выть, а впусе полторы выти. Сена по реке по Мокше // (л. 34 об.) триста копен. Около их лес большой бортной, их вотчинной. Посопного хлеба две чети ржи, овса тоже. С тое ж Анамасовские мордвы. с их з бортной вотчины, верхового оброку два пуда меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег восемь алтын две денги. За пол куницы две гривны, да пошлин полденги.

С тое ж с Анамасовские мордвы, // (л. 35) с Антюша Анамасова с товарыщи, за рыбную ловлю с реки с Мокши, что под их деревнею, по их скаске, оброку шесть алтын четыре денги.

Тое ж деревни Анамасовы пять человек мертвые мордвы. А имена той мертвой мордве и их выморочные вотчины, бортные ужожеи, знамены писаны в мордовских в вотчинных в бортных книгах в Чепчерянском беляке. По скаске Анамасовские мордвы, та мертвая мордва платила посопного хлеба четь ржи, овса тоже. // (л. 35 об.) Верхового оброку полтора пуда меду, пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег пять алтын. За четь куницы три алтына две денги, пошлин полденги.

(Дрв) Тянгушева, на речке на Ведяже, под нею ж река Мокша. А в ней: (в) Келдяш Паркин, (в) Учан Пороватов, (в) Килдя Ярчетаев, (в) Посничко Адеркеев, русак, (в) Ондрюшка Третьяков, русак же, (в) Учай Дечкенапин, (в) Отяп Налетаев, (в) Парамза Чиняев, (в) Чиндяз Зарапин, (в) Охтай Налдянов, (в) Отяй Парксин, // (л. 36) (в) Томай Рузманов, (в) Богдан Четаев, (в) Баиш Момолаев; да бобыльских: (в) вдова Коршкея, Уразаевская жена, (в) вдова руская Дарья. И всего живущих пашенных четырнатцать дворов, да два двора бобыльских. Обоего шестнатцать дворов, а людей в них тоже. В той же деревне мордовских же десять дворов пустых. Пашни паханые, добрые земли, девяносто чети, да перелогу тое ж земли сто семьдесят чети, да лесом поросли сорок чети. И обоего, пашни паханые и перелогу, и лесом поросли, триста четей в поле, а в дву потому же. // (л. 36 об.) В живущем пол-пяты выти, а впусе десять вытей с полувутью. Сена около поль шестьдесят копен, да от деревни вверх по речке по Ведяже, по левой стороне, по Вечкевеевский мост и по болотам сто пятьдесят копен, да меж ярового поля остров в длину на версту, поперек тоже. Посопного хлеба з живущих по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброку шесть алтын четыре денги, по гривне з двора. С тое ж денгушевские мордвы, // (л. 37) с их вотчины, з бортного ужожея, верхового оброку шесть пуд с полупудом меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать

алтын. За полторы куницы дватцать алтын, да пошлин полторы деньги. С тое ж тенгушевские мордвы с реки Мокши, за рыбную ловлю, по их скаске, оброку дватцать алтын.

^{2*} С Матислейского мордвина, с Козяка Досаева с его вотчины, з бортного ухожея, что на речке на Матизлейке, по его по его, Козякове, скаске // (л. 37 об.) верхового оброку пуд меду, да пошлин пять денег. А отдал был тот Козяков бортной ухожей в Кадоме Федор Дементьев на оброк арземаской мордве деревни Стряновы Васке Иванову да Богдашку Киргинину ис полупуда меду по их челобитью.

Тое ж деревни Тянгушевы тринацать человек мертвые мордвы. А имена той мертвой мордве и их выморочные вотчины, знамяны писаны в бортных книгах в Чепчерянском беляке. По скаске тенгушевские мордвы та мертвая // (л. 38) мордва платила посопного хлеба четыре чети с осминою и с четвериком ржи, овса тож. Верхового оброку шесть пуд меду, да пошлин с пуда по пяти денег. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре денги, пошлин с куницы по денге. Ясачных денег полтину.

И всего в Чепчерянском беляке по мордовской скаске верхового оброку тритцать один пуд без чети пуда меду, да пошлин дватцать пять алтын три деньги, с пуда по пяти денег. Ясачных денег три рубли девять алтын пять денег. // (л. 38 об.) За семь куниц два рубли дватцать шесть алтын четыре денги, да пошлин с куниц семь денег, с куницы по денге. За рыбную ловлю четыре рубли три алтына две деньги. З бобыльских с оиднатцати дворов оброку рубль три алтына две деньги, з двора по гривне.

А впусе верхового оброку тритцать пуд пять гривенок меду. Ясачных денег три рубли семь алтын две деньги. За девять куниц с пол четью куницею три рубли дватцать один алтын четью // (л. 39)ре денги, за куницу по тринацать алтын по две денги, да пошлин пол-десяты денги, с куницы по денге.

Тюлдемской беляк

(Дрв) Пошатова, на враге на Верешлеевской вершине у пруда. А в той деревне дворы мордовские в межбусобье выжжены. А селятца мордва ново: (в) Ломака Шиндяпин, (в) Петяня Снадеев, (в) Видяс Сергидеев, (в) Кеняпа Лемясов, (в) Катяня Марясев, (в) Емакай Кумашев, (в) Момай Посаев, (в) Арземас Акшасев, (в) Потап Шиндяпин, (в) Емаш // (л. 39 об.) Котясов, (в) Худяк Жданов, (в) Кечат Чарпин, (в) Беляй Видясев, (в) Алмакай Семенов, (в) Милован Мидясов; да на другой стороне врага: (в) Козембай Ияшев, (в) Розней Ияшев, (в) Пахмут Арданапин, (в) Анцыфорка Юрьев; да бобыльских дворов: (в) пастух Тренка, (в) Шаркай Енгозин, (в) Митька Исаков, (в) пуст мордовской, да четыре места дворовых мордовских. И всего живущих мордовских пашенных девятнатцать дворов, да три двора бобыльских. Обоего дватцать два двора, а людей в них тож. Пашни паханые, добрые // (л. 40) земли, шестьдесят чети, да перелогу тое ж земли сто сорок чети. И обоего, пашни паханые и перелогу добрые земли, двесте чети в поле, а в дву потому ж. В живущем три выти, а впусе семь вытей. Сена у всей деревни по речке по Лисе от Кадомского мосту вверх по левой стороне до Маминаова острова и на суходоле, и за Якшеивскими покосы к Маминаову острову, да на вражке на Печалотке триста пятьдесят копен, да на большом поле против загонов по врагом сто дватцать пять копен. Лесу нет. Посопного хлеба з живущих по две чети // (л. 40 об.) ржи, овса тож. З бобылей оброку десять алтын, з двора по гривне.

Тое ж Пошатовые деревни с мордвы, с Потапа Шиндяпина да з Белянка Видясева, з бортных ухожеев по реке по Ваду, по обе стороны Лаимззяивы с липятами, да с Альшева липяга, по оброчной грамоте прошлого 102-го году за приписью дьяка Дружины Петелина, оброку три пуда меду, да пошлин два алтына три деньги, с пуда по пяти денег. А з достальные мордвы деревни Пошатовы верховой медвяной оброк // (л. 41) и ясачные, и куничные деньги писаны под селом Авдаловым с мордвою деревни Шапкины и иных деревень.

По скаске деревни Пошатовы мордвы, Ломаки Шиндяпина с товарищи, что де тое ж деревни мордва Сенка Дмитриев, Томак да Коромыш Киреивы сошли в Олатырской уезд. Да Мурадейко Нежеив, а тот в Темниковский уезд. А ходят меж двор. Да в межеусобье же сошли безвесно тое ж деревни Пошатовы мордвы Богдашко да Разгилдейко Караивы, Митюшь да Бурнашь Нантаивы, Емаш да Сивиндюк Мусорины, Ишбулат да Ишмамет Чюраивы. // (л. 41 об.) Да мертвые мордвы: Намас Темрагозин, Сидиндюк Дураков, Ишмак Исаков, Чинай да Ишбулат Теркеивы, Неверко Налин. А стой де со всей мордвы было посопного хлеба восемь чети ржи, овса тож.

(Дрв) Шапкино, на речке на Лисе. А в ней четыре двора мордовских: (в) Богдашко Авкеманов, (д) брат его, Соломако Авкеманов, (в) Иваняй Чюркин, (в) брат иво, Кочюпа Чюркин. Пашни паха-

* ² на правом поле: писано под Новоселками. – А.Б.

ные, доброе земли, дватцать пять чети, перелогом дватцать чети в поле, а в дву потому ж. В живущем выть с четю выти. // (л. 42) А впусе выть же. Сена на большом поле, против пашни, по врагом семдесят копен. Лесу нет. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под селом Авдаловым.

(Дрв) Подлясово, на реке на Ваду. А в ней пашенных осемнатцать дворов мордовских: (в) Мелситко Тонтонев, (в) Петеня Челмодеев, (в) Пурумда Ширдавин, (в) Богдашко Захаров, (в) Беляйко Мирякин, (в) Видяка Бебишев, (в) Иляс Видякин, (в) Милушь Мелситев, (в) Петапа Сухово, // (л. 42 об.) (в) Пороват Куштанин, (в) Дячак Олмасов, (в) Кердеват Пурунзин, (в) Нос Широатов, (в) Веденя Пакшетасов, (в) Малышь Велмисеев, (в) Куштапа Алемесов, (в) Кирдеян Пурунзин, (в) Семейка Окшасев, (в) бобыль литвин Филипко. Пашни паханые, добрые земли, восемьдесят чети, да перелогом сто сорок чети в поле, а в дву потому ж. В живущем четыре выти. А впусе семь вытей. Сена подле болота и по болоту, и меж пашни, и по врагом, и по долинам, и около поль пятьсот копен. Круг поль лес большой черной. // (л. 43) Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобыльского двора оброку три алтына две денги. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под селом Овдаловым.

Деревня Селища, на реке на Ваду. А в ней пашенных мордовских девятнатцать дворов: (в) Анай Алсяпин, (в) Богдашко Пороватов, (в) Нос Мамин, (в) Тенган Кечеватов, (в) Вечкения Палимасов, (в) Петеня Армазин, (в) Сайтап Пакумаев, (в) Шиндяпа Беляев, (в) Невер Кирдяпин, // (л. 43 об.) (в) Мусурай Анамасов, (в) Худяк Ардашев, (в) Кечат Богданов, (в) Бябя Нороватов, (в) Чарушь Кичаулов, (в) Полат Илясов, (в) Полат Кенарсов, (в) Терхан Кенердясов, (в) Дяча Керденянов, (в) Делмис Кечанов; двory бобыльские: (в) русак Сенька; (в) вдова Няна Веденкова, да место дворовое мордовское. Пашни паханые, добрые земли, двесте чети, перелогу дватцать чети в поле, а в дву потому ж. В живущем десять вытей. В пусе выть. Сена по реке по Ваду сто копен. А лес той деревни Сельще писан под деревнею Ана// (л. 44)евою. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тоже. З бобылей оброку шесть алтын четыре денги, з двора по гривне. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под селом Авдаловым.

(Дрв) Парамзина, у озера. А в ней пашенных мордовских тритцать дворов: (в) Бябя Сухово, (в) Янча Мелсетев, (в) Лапушка Сухово, (в) Невер Пахмусов, (в) Люпа Пороватов, // (л. 44) (в) Кафтка Полатов, (в) Тороват Иванов, (в) Видяс Куштапин, (в) Шамня Позняков, (в) Момалай Васильив, (в) Невер Кежеватов, (в) Арманза Иванин, (в) Сухой Полатов, (в) Отмас Куманин, (в) Витасай Танов, (в) Учас Нелтенеv, (в) Копос Пахмусов, (в) Шиндяк Опосов, (в) Парамза Кузьмин, (в) Кежеват Носин, (в) Видяс Сухово, (в) Мухтыла Михалев, (в) Степан Сухово, (в) Аманза Кечемасов, (в) Шиняй Кичемасов, (в) Кечат Полачинов, (в) Кирдяп Овтин, (в) Келгинь Сементяев, (в) Пошапай Беляев, (в) Келгенеv племянник Пятка // (л. 45) Ушаков; да четыре двора бобыльских: (в) Чюркай Позняков, (в) вдова немка, (в) Кердяс Авкеманов, (в) Миркай Позняков. Пашни паханые, добрые земли, триста чети в поле, а в дву потому ж. Сена у всей деревни по реке по Ваду и по болотом, и около поль пятьсот копен. А лес писан под деревнею Онаевою. В живущем пятнатцать вытей. Посопного хлеба с выти по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброку тринацать алтын две денги, з двора по гривне. // (л. 45 об.)

Тое ж деревни мордвы, Шинки Кичемасова да Копоска Пахмусова, Вячкя Атанова, Бяби Сухово, Лапушки Сухово, в вотчинном в бортном лесу деревни Подлясовы мордвы новорозчисные их пашни паханые, добрые земли, сто чети в поле, а в дву потому ж. В живущем пять вытей. Посопного хлеба с выти по две чети ржи, овса тож. А та новорозчисная пашня преж сего в вытях не была. И оброк с той пашни мордва не платили. Владели безоброчно.

Да у всей же Парамзиновской мордвы // (л. 46) около деревни Порамзины у дворов новорозчисной пашни паханые, середней земли, сто двитцать пять чети. А доброю землею с наддачею сто чети в поле, а в дву потому ж. А с тое новорозчисные пашни по оброчной Ивана Чеадаива прошлого 111-го году платили оброку и с пошлинами рубль. А вперед им с той своей новорозчисной пашни оброку платити на Москве в Казанской и в Мещерской дворец з году на год по два рубли с полтиною, да пошлин четыре алтына з деньгою, // (л. 46 об.) с рубля по десяти денег. А верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под селом Авдаловым.

(Дрв) Анаива, на реке на Ваду. А в ней пашенных восемь дворов мордовских: (в) Невер Гарвасов, (в) Иляс Пурнин, (в) Собай Пурнин, (в) Сряпа Пурнин, (в) Учас Сергудеев, (в) Канкута Пороватов, (в) Пиня Кажанин, (в) Кинардак Пинятин; да четыре двора бобыльских: (в) Кешка Трemasов, (в) Ардашь латыш, (в) Худяк Саинин, (в) вдова Учай; да двор // (л. 47) пуст мордовской. Пашни паханые, добрые земли, шестьдесят чети, перелогом сорок пять чети в поле, а в дву потому ж. В

живущем три выти, а впусе две выти с четью выти. Сена у всей деревне на реке на Ваду сто копен. Посопного хлеба з живущих по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброку тринадцат алтын, две денги, со двора по три алтына по две денги. А верховой медвеной оброк и ясачные, и куничные денги писаны под селом Авдаловым.

Тое ж деревни Анаивы у мордвина // (л. 47 об.) Халяса Пурнина за подем са Снуровским. на речке на Санклее пашни паханые, добрые земли, пять чети в поле, а в дву потому ж. Поземного оброку с той пашни тринадцат гривенок меду, да пошлин две денги.

Да тое ж деревни Анаивы да деревни Порамзины, да деревни Селища межа пашней лесу, что около поль от засечново от заповедного лесу ниже Каргашины деревни от реки от Ваду, от устья, от Шлея реки вверх по Ошлее речки, по лево стороне тое речки до верхов, // (л. 48) а от верховья речки Шлеи да на верховье речки Локшлея, а от верховья речки Локшлея до усть, по левой же стороне впала в речку в Парчю, а от усть на низ по речке по Парче впала в реку Ваду. А в тех урочищах всех трех деревень лесу пашенного в длину десять верст, а поперек четверсты версты. А позади тех урочищ лес большой до дикого поля.

Пол села Авдалова, на реке на Ваду. А в нем пашенных одинатцать дворов: // (л. 48 об.) (в) татарин Артуган Исеев; да мордовских: (в) Очап Полатов, (в) Богдашко Вячин, (в) Кечата Кордюков, (в) Пятуня Вирясев; (в) Енгозя Кудашев; (в) Токана Евгостеев, (в) Лопыря Резоватов, (в) Мелсыт Чюркин, (в) Кежеват Резоватов, (в) Иляс Резоватов. Пашни паханые, добрые земли, семдесят пять чети, да перелогом сорок пять чети а поле, а в дву потому ж. В живущем четыре выти без чети. А впусе две выти с четью выти. Сена за их подем по речке по Вадукужи триста копен. Лес большой. // (л. 49) Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож.

С мордвы того ж полусельца да деревни Шапкины, да деревни Полясовы, да деревни Селища, да деревни Парамзины, да деревни Онаивы, да с их сливщиков, темниковские мордвы деревни Ардашевы, по их скаске, верхового медвяного оброку Тялмеского беляка платят семдесят пуд меду, да пошлин рубль и дватцать пять алтын, с пуда по пяти денег. Ясачных денег девятнатцать рублей. // (л. 49 об.) За девятнатцать куниц семь рублей и дватцать алтын, да пошлин три алтына з денгою, с куницы по денге. А отписей у них в оброке нет. А по деревня[м], что с которой деревни всяких оброков платят порознь, не сказали. А сливщики их, темниковская мордва деревни Ардашевы, к справке не бывали.

(Дрв) мордовская Каргашина, на реке на Ваду. А в ней пашенных мордовских тринадцат дворов: (в) Шинка Беляев, (в) Жила Явкеманов, (в) Дечкена Пакестонов, (в) Угай Шинкин, // (л. 50) (в) Шийдяпа Беляев, (в) Богдашко Пятово, (в) Парсеп Карамышев, (в) Бибишь Пятово, (в) Кичемас Петенин, (в) Петрушка Шычеватово, (в) Худяк Позняков, (в) Полат Петров, (в) Собай Петров; да два двора бобыльских: (в) Кечетай Остяпов, (в) Ерземай Пятово. Да в той ж деревне Каргашине деревни Жеревкины мордвин (в) Учешат Атин, а пашня в него в деревне в Жеравкине. А в деревне Каргашине пашни у него нет. Пашни паханые, средние земли, сто дватцать пять чети, а доброю землею с наддачею сто чети, да перелогу сто тритцать одна четь с полуосминою. А доброю землею с наддачею // (л. 50 об.) сто пять чети в поле, а в дву потому ж. В живущем пять вытей, а впусе пять вытей с четью. Сена у всей деревни за рекою за Вадом, против их деревни по реке по Ваду на дву полянках восьмьдесят копен. Лес большой черной. Посопного хлеба з живущих с выти по две чети ржи, овса тож. З бобылей оброка шесть алтын четыре денги, по гривне з двора. А про верховой медвяной оброк и про ясачные, и про куничные денги, и про всякие доходы писано под деревнею Жеравкиною.

Жеребей (дрв) Жеравкины, // (л. 51) на речке на Вадокужи. А в ней мордовских пашенных двенатцать дворов: (в) Кегас Вечконзин, (в) Бебиша Кичемасов, (в) Шемака Лопшанов, (в) Ромашко Кечеватов, (в) Кичемас Пороватов, (в) Вечкена Пайдашев, (в) Кумортка Учеватов, (в) Безгра Павенкензин, (в) Петяня Кичемасов, (в) Колемаско Коштонапин, (в) Иляс Вирясов, (в) Велмес Кечатов, (в) бобыль Сенка Сухово. Пашни паханые, добрые земли, восьмьдесят чети в поле, а в дву потому ж. В живущем четыре выти. И с тою мордовскою пашнею что живет // (л. 51 об.) Жеравкинской мордвин в деревне в Каргашине. Посопного хлеба с выти по две чети ржи, овса тож. З бобыльского двора оброку три алтына две денги.

Тое ж Жеравкинские мордвы за тое ж их пашнею к черному лесу новоросчисные пашни паханые, добрые земли, шездесят чети в поле, а в дву потому ж. А с тое новоросчисные пашни платили оброку по мордовской скаске по десять алтын по три денги. А вперед им с той своей новароз // (л. 52) чисной пашни оброку платити на Москве в Казанской и в Мещерской Дворец з году на год

по два рубли по тринадцать алтын и по две денги, да пошлин четыре алтына з деньгою, с рубля по десять денег.

По скаске тое же деревни Жеравкины да деревня Каргашина мордвы, Шинки Беляева да Кочемаса Пороватова с товарищи, верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные деньги платят в Шатцком девятнадцать пуд с четью меду, да пошлин шестнадцать алтын, с пуда по пяти денег. Ясачных денег три рубли и дватцать // (л. 52 об.) восемь алтин две денги. За десять куниц с пол куницею и с пол четью куницею три рубли и дватцать восемь алтын две денги, за куницу по тринадцати алтын по две денги, да пошлин десять денег, с куницы по денге. За бобровые гоны и со вспудов и перевесей два рубли дватцать пять алтын.

А шацкие дозорщики Федор Загрязской с товарищи х Кадомским дозорщиком писали, что они тое мордвы Шинки Беляева с товары// (л. 53) щи и их вотчины, бортные ужожеи, медвяной оброк весь сполна почему им платити вперед в государеву казну написали у себя в книги.

Белобородого беляка

С Селищинского мордвина, с Носы Широлатого с товарищи, с их вотчин, з бортных ужожеев Белобородого беляка верхового оброку два пуда меду, да пошлин десять денег, с ³рубля^{-3*} по пяти денег.

С Парамзинского мордвина, с Невера Пахму// (л. 53 об.) сова с товарищи, з бортного ужожея, что на диком поле. на речке Буртасе, дватцать пять гривенок меду, да пошлин три денги.

С села Авдалова, с Пятки Вирясева, с его вотчины, з бортного ужожея, на диком поле, на речке на Вороне, на Сенбоура липяг. Да деревни Порамзины, с Килгена Семенова сына Авкеманова да с его племянника с Пятки Ушакова Сенбоура да рубеж Пачелма доверху а другую сторону Шуберка. Оброку с тех ужожеев пуд меду, да пошлин пять денег. //

(л. 54) И всего Белобородого беляка верхового оброку три пуда дватцать пять гривенок меду, да пошлин два алтына пол-шесть денги, с пуда по пяти денег.

И всего в Кадомском уезде живущих мордовских пол села да дватцать четыре деревни, да жеребей деревни, да починок. А в них ⁴мордовских^{-4*} пашенных двесте шездесят четыре двора, да безпашенных бобыльских тритцать шесть дворов, а людей в них тож. Да пустых шездесят дворов, восемь мест дворовых. Пашни паханные, добрые земли и середние земли, доброю землею с наддачею две тысячи // (л. 54 об.) тритцать пять чети, да перелогом и лесом поросли тысяча пятьсот девяносто две чети с осминою. И обоого, пашни и перелогу, и лесом поросли добрые и середние земли доброю землею с наддачею три тысячи шездесот дватцать семь чети с осминою в поле, а в дву потому ж. В живущем сто две выти без чети выти, а впусе семдесят девять вытей с полувытью и с получетью выти опрышенной новорозчисные пашни, да пустоши поляны, что у тои ж мордвы на оброке. // (л. 55) Посопного хлеба з живущих вытей двесте три чети с осминою ржи, овса тож, с выти по две чети ржи, овса тож. Провозных денег тритцать рублей семнатцать алтын три денги, с чети по два алтына по три денги.

А в отписи прошлого, 116-го году, за приписью дьяка Олексея Шапилова, какову положили Кадомская мордва, написано: Взято с мордовских сел и з деревень со ста з дватцати вытей с посопного хлеба провозных денег дватцать четыре рубли. И реред отписью по дозору нынешняго 122-го году было из живущего впусе осмнатцать вытей // (л. 55 об.) с четью выти. Посопного хлеба тех убылых вытей убыло ржи тритцать шесть чети с осминою ржи, овса тож.

С мордвы же по оброчным грамотам, по их мордовской скаске, всех беляков, оприч мордвы деревни Каргашины да деревни Жеравкины, верхового оброку сто тритцать три пуда меду, да пошлин три рубли десять алтын пять денег, с пуда по пяти денег. Ясачных денег дватцать восемь рублей дватцать два алтына две денги. За тритцать за шесть куниц с четью // (л. 56) куницею четырнатцать рублей с полтиною, пошлин с куниц шесть алтын с полуденгою, с куницы по денге. За рыбную ловлю восемь рублей двенатцать алтын четыре денги. А в оброке отписей у себя мордва не сказала. З бобыльских с тритцати со шести дворов оброку три рубли дватцать алтын, со двора по три алтына по две денги.

А мордва деревни Каргашины да деревни Жеравкины верховой оброк и ясачные, и куничные деньги платят в Шацкой. //

(л. 56 об.) Оброк с мордовских пашен

С пашни, что за полем Саснуровским с пяти чети поземного медвяного оброку тринадцать гривенок меду, да пошлин две денги.

* ³⁻³ так в рукописи. – А.Б.

* ⁴⁻⁴ в рукописи над строкой. – А.Б.

С Васки Микитина, живет в Новинках за Евгостеем мурзою Тенебяковым, оброку по его скаске, четь пуда меду. Знамена $\overset{\wedge}{\text{E}}$ E Васкины.

С Ывашка Тулина, живет на Полянках за Васильем Вышеславцовым, // (л. 62) по его скаске, полпуда меду. Знамяна Ива E V шковы.

С Сунбулинка Невежина, живет в деревне Котове за Васильем Горским, по его скаске, оброку пол пуда меду. Знамяна $\overset{\circ}{\text{E}}$ V Сунбулковы.

С Ыванка Яковлева, живет в Котове деревне за Васильем Горским, по его скаске, оброку полпуда. Знамя V Иванково.

С Неустройка Назарова, живет в Котове за Васильем Горским, по его скаске, оброку четь пуда. Знамя Неустро E йково. //

(л. 62 об.) С Микифорка Вельякина, живет в Котове за Васильем Горским, по его скаске полпуда меду. Знамена V V Микофорковы.

С Ортемка Иванова, живет в селе в Токмакове за Иваном Волынским, оброку по его скаске, четь пуда меду. Знамена Ортемко E E вы.

З бортников с Васки Микитина, живет на Новиках за Евгостей мурзою Тенебяковым, да с Микифорка Вельякина, живет в Котове за Васильем Горским, с пустовые Грузинские вотчины, что вверх // (л. 63) по реке по Еремше, по оброчной Дмитрея Жеринского прошлого 119-го году, оброку полпуда меду. Знамена Васки E V но да Микифорково.

Да они ж, все бортники, платили пошлин с меду с пуда по пол-семе денги, да за две куницы дватцать шесть алтын четыре денги, да пошлин с куницы по денге.

А бортников, сотцкого Федьки Максимова с товарищи, вотчина, бортной ухожей Сверстурской, да ухожей Выранаманской, да ухожей Дянской. А рубеж от Николы // (л. 63 об.) Чюдотворца с Лисы по речке по Бончаровке, да на вершину на Илинскую, да с Ылинской на Токмаковскую вершину, а с Токмаковской вершины на верх Отарковской вершины, от Отарковской вершины на угольную яму, да с угольной ямы на мшарное болота, да с мшарново болота на середнею на Свестурскую вершину, да на низ по Свестуру, правая сторона Еремских бортников, а левая сторона Точинских бортников, да вверх по Малой Еремше правая сторона // (л. 64) да с верх Малой Еремши на проток на дорогу на Тотиней, да наверх Малой Вячки, да на низ по Вячке, до устья, да с устья Малой Вячки по Большой Вяне вверх, да с Вяны на Медвежью вершину, да на старую межу, на грани со всеми ловскими бортники на речку на Шуквал, с Шуквала вверх по Еремше, да с верх Еремши на верх Мердуши, да на Кнежую вершину, да на верхи на Миндигурские, да на низ по Миндигуру, да в речку Еремшу, да на речку на Маленсу, да на Житковскую вершину, // (л. 64 об.) да на Шапкинскую вершину, да на Будаево, да на верхи на Матчинские, да с тех Матчинских верхов на протур да на Лемники, на Святой вяз, да на низ по вершинке по речке Маныловке, да по Ниолу Чюдотворца на Лису. А знамена той вотчины писаны выше всего под бортничьи имяны.

Того ж Лухомского стану бортники Агейко Лукин, живет в деревне на Выжуре за Данилом Окининым, Семейка Павлов да Микита Григорьев, живут в сельцев Чарыкове за Левонтъем // (л. 65) за Чарыковым, Сысойко Олексеев, живет в деревне в Олешине за Васильем за Казариновым, Дружинка Костянтинов да Конанко Иванов, живут в деревне Торопове за Сюнчалеем мурзою за Енаковым, Лукъянко Васильив, живет в деревне Темирава за сыном боярским за Лукъяном за Поспеловым.

А вотчина, бортной ухожей, тех бортников Нушитинкой земли от Даниловой деревни Окинина по Онгилов дуб, по Горелоя болота под Игумнову на Лису, // (л. 65 об.) да под Светлое болото, да по верх по Свернские верхи, да на Борки, поперек большого болота, да по верх Верораву, да на низ по озеру Оруву, да по озеро Пашорху, да на низ по речке по Саватомке, да по озеро по Оксен, да по Веорушу по озеро, да за Оку за реку по Ушеперя, по заводе, да по подол по Олховой, да по Аеревее, по верх завоя, да межи Оки и Мокши, и по ямкам, да через Мокшу, вверх по Мокше, по исток по Сюзирке, да вверх Мокши Ерхувской ухожеи, да по Паново озеро, // (л. 66) да с Панова озера через Мокшу реку по Перевее, по Сунмецы, от Перевея пошел дол до озера до Боброва, да от озера от Боброва дол пошел в болото в Ольховое, Ольховым болотам прямо на дол, да по тальник, да с тальника Ольховое ж болото, да с Ольхового болота на дол, да на Ишрейскую дорогу до Чердару дол пошел в Мушу, да от Мушу на Сиверское поле, да через поле на Ниолу? да на реку на Мокшу.

Да в том же ухожеи сенных покосов чертежов на речке на Саватемке, по перевея, по Силу // (л. 66 об.) тши на низ, по Саватемке по переволуку, да на Зеренаву Рукцеву по красной дуб, да по

подол по Дероушу да Саватемке речке в Муратове луки у озера у Глубоково чертеж, да чертеж у Моншина берегу на Бояренцы, да чертеж у Круглово озера у перевея, да четреж по конец борку Сохорниково. А с того воего бортного ухожея и со всех угодей платят верхового оброку пять пуд меду, да пошлин спуда по полу-семь деньги, да за две куницы дватцать шесть алтын четыре день- ги, да пошлин с куницы // (л. 67) по деньге.

А знамена у тех бортников:

знамя Агейково;

знамя Сенкино;

знамя Микит кино;

знамя Сыко йково;

знамя Дружин кино;

знамя Конан ково;

знамя Лукъ янково. //

(л. 67 об.) Того ж Лухомсково стану бортников Володимерова крестьянина Вешнякова деревни Пенков Гаврилка Сергеева, да Булгакова крестьянина Слепцова Борсуковых Ямов Богданка Климентьива, да Чюраива крестьянина Мамлеива Иванко Васильива деревни Терентьевы вотчина, бортной ухожей на Токари да на деревню Совино, до Совинской вершины, на Кулаеву дорогу, да на речку Пайсуру, по Чарыковский бор, правая сторона их, а левая Чарыковская, да от Чарыков // (л. 68) бору прямо через лес на большой бор на Куитцкой с судеревщиками славсинскими бортники, а межа с котельницкими бортниками Токарева болота, з болота прямо через бор на реку на Мокшу, да на них по Мокше до озера по обе стороны, а межа за рекою Кошебеевою, да на Ценское устье, да на Понково, да с Понкова на Перекопаново, да на низ по Мокше, их правая сторона, да на Тихую Мокшу, да в Тихой Мокше лука их за рекою, да на низ по Мокше до озера Содовникова, // (л. 68 об.) да с озера на Прорву, да на низ по Мокше, правая сторона их до Датони до Поперно, а на низ по Мокше по обе стороны по Муцу, а с Муцы на Мокшу, на Кулунчаково, судеревщики в том же ухожею чарыковской с орхипския, да на борок, да з борку на Торговец, с Торговца на вершину на Ляхову, а с Ляхова на ту ж деревню Теренину.

Знамя Гаври ково. А с того знамени Гаврилко платит оброку три пуда без чети меду, да пошлин с пуда по полу-семи // (л. 69) деньги.

Знамя Богда ново. А с того знамени Богдашко платит верхового оброку два пуда с четью меду, да пошлин с пуда по полу-осме денги.

Знамя Иванково. А с того знамени два пуда меду, пошлин с пуда по полу-семе деньги.

Да они ж все три платили за две куницы дватцать шесть алтын четыре денги, да пошлин с куницы по денге.

И всего Лухомсково стану с их вотчин // (л. 69 об.) верхового оброку семнатцать пуд меду, да пошлин осмнатцать алтын пол-треть деньги. За шесть куниц два рубли тринацать алтын две денги. Закуницу по четыре гривны, да пошлин с куниц шесть денег, с куницы по денги.

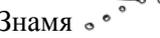
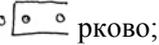
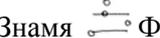
Стан Сысверской

Никитинские бортники Гриша Степанов да Неверко Степанов сын Вырон с товарищи. Неверко, живет в Кадоме // (л. 70) на посаде, а Гришка в деревне Третьякове. А вотчина их, бортной ухожей, с рыбными ловлями, с реки и с озера, и з глухими болоты, и с падучими речками, со вспуды и с перевесы, и со всеми угоды от Пошитовского озера по Сумеяж по болото, по правой стороне, а от Сумеяж от болота через Гнатъевское поле, по правой стороне, да по Сумерской вражек, да со вражка по Мачалишную тропку, по заду Ланова двора Рогожина, да по Мачальшную речку, да на речку на Коверку, да вверх по речке по Коверке, // (л. 70 об.) по Пичкальскую чашу, да от Пичкальские чашчи по Красную речку, да на низ по Красной речке, правая сторона их, а левая сторона мордовская, по речку по Сухую Ковру, да на низ по речке по Ковре, да на перевесе на Ямное, да на конец до ⁶⁻⁶ Веретеи, да на Кривой вспуд, по правоя сторона, а левая мордовская, да с Криво- во вспуда на низ по реке по Ваду, да Польсково Сеевексу, да с Польского Сеевексу по тальник, правая сторона их, а левая мордовская, да от тальника по Останин вспуд, // (л. 71) да с Останина вспуда по истоку Панежели, вверх по Калчливое озеро, да по Носов борок, да по борку, по Моховое болотцо, их сторона правая, а левая мордовская, да от Мохового болотца по княж Енгиладееву

* ⁶⁻⁶ в рукописи читается неуверенно. – А.Б.

вотчину Бедишевского, по Черменской борок, да от Черменского борку по реку по Мокшу, по Черменскую заводь правая сторона их, а левая татарская, да от Черменской заводи вверх по реке по Мокше, по правой стороне, по Великой омут, да от Великово омуту через реку Мокшу по Вешней перевея на Кулуберлиенак, // (л. 71 об.) да с Колуберелника, да на Носову Верхомет, да с Носовы Верхомете по Малую Узку, по кателенских бортников сумеж, да от Малые Узки вдоль по Большой Узке по речку по Железенку, по лавситцких бортников сумеж, правая сторона их, а левая лавситцких, да от речки Железенки вверх по Исеру по Мещерскому, да на болото на Хмелник, да на Сидорову поляну, левая сторона труфоновских бортников, а правая сторона их, да с Сидоровой поляны на Ельцы, да на речку на Матчу, да с речки Матчи по Княжей // (л. 72) остров, правая сторона их, а левая княжоя, да с Княжево Острова по Еремчинской мост, да от Яромчинского мосту на низ, по речке по Лисе, по Кадомской мост, да от мосту по князь Иванов починок, да от князь Иванова починка по Чорную речку, их сторона, едучи в город правая, а левая коломасовские мордвы, да от Черной речки по Средней мост Екшуевской, да на Беловское озеро, на нижней конец, да вверх по Беловскому озеру, по правой стороне, по Давыдовской источник, да по Никольской чертеж, и з Давыдовскою заводью, да з Давыдовские заводи // (л. 72 об.) и с Никольских чертежов вверх по реке по Мокше, по Шатовское ж озеро, правая сторона их, а левая коломасовские мордвы. А с той своей вотчины, по их скаске, платили верхового оброку семь пуд с полупудом меду, да пошлин с пуда по полу-семи деньги. Да за полторы куницы дватцать алтын, пошлин полторы деньги.

Да теж никитинские бортники с Ысверского стану платят с вод оброку с реки с Мокши и с рек, и озер, и с истоков, и с падучих речек, и з глухих болот, и со вспудов // (л. 73) и с перевесей, что в той их бортной вотчине, четырнатцать рублев дватцать пять алтын, да пошлин дватцать четыре алтына пол-четверты деньги. Да за поледную ловлю четыре рубли и дватцать один алтын с полденгою. Да за поледную за дворцовую ловлю два рубли. Да с реки с Мокши от Таракирса источника, от Баниша с левые стороны до Кривого озера, да с Кривого озера с левые стороны, да с реки с Еремши по обе стороны по Кадомской мост с Пургусовы деревни у бортников, что была // (л. 73. об.) на оброке у Микитки Пелекшова с товарищи, и Микитка умер, а ныне та рыбная ловля за Микиткины товарищи, за Неверком Выровым с товарищи. По их скаске, оброку за рыбную и за бобровую ловлю, и за поленую два рубли два алтына три деньги.

Знамя Гришкино;
 Знамя Неве рково;
 Знамя Федькино. //

(л. 74) Стан Саватемской

Бортники Федка Голдобин да Гришка Елизаев Неклюдов, живут в деревне в Казаринове за Казариновыми детьми Шмакова. Михалка Васильев сын Даулин, да Шестак Федоров, а живут в селе Токмакове за Иваном Волынским. Замятня Власов да Офонка Семенов, живут в деревне Вышуре за Данилом Окиным. Семейка Ульянов, живет в Темниковском уезде в деревне Чюрине за Тербердеем мурзою за Мамлеивы. Федка Фомин да Ивашко Ермолов, да Куземка Богданов сын Ковезина, // (л. 74 об.) живут в Темниковском уезде в деревне Рукаве. Онашка Романов, живет в Михайлове. А вотчина их, бортной ухожей, от Николы Чюдотворца с речки Лисы, да на речку на Маныловку, да с Маныловки на речку на Суренку, да с Суренки на Услово Сумежья, и с Усково с Умежья да на Данилову деревню на Вышур, а Вышера вверх по вершине, да на речку на Вераул, да Нешетинской ухожей, пошел меж той вершины и речки Углом, да по речке по Вераулу на низ Гремячей Калодез, да по речке на низ по Вераулу // (л. 75) на Малую Шорожку и на Большую Шорху, на низ по речке по Снилушке, правая сторона саватемских бортников, а левая чарыковских бортников. А санные покосы от озера от Шерхина на низ по речке по Гнилушке, правая сторона бортники покосы, с озера и с перевеи, и речка Саватемка, и со всеми бортничьи угоды, да с речки из Гнилушки на озеро на Оксени, да на сухие дубки на перевея, да на озеро на Верауш, да через Оки реки на олех, а за Окою рекою ухожей с санных покосы и з бортничьи, да с ольку на Добротольной исток, да через Оки // (л. 75 об.) реки на Красной борок, от куморских бортников правая сторона, да через озеро Шулерхи, да вверх по речке по Ункоуру, с сверху Ункоуру по Красной остров, и с Красново острова по Глухим Раменьям на Малую Веремшу, а с Малой Еремши на Большую Еремшу, правая сторона от еремшских бортников, по устье по Свестур, да вверх по Свестуру на Фрола на Великого, да по вершине вверх мимо Федора Великого, да по нижнюю по ^{7*} Симанову дороге, конец осиннику на мшарное болота, а со мшарнова // (л. 76) болота на Агарсковские во-

* ⁷ в рукописи зачеркнуто: сине. – А.Б.

ротца, а с огарковских воротец на Козмудемьяна, да на Ильинской враг, правая сторона на того ж Николу Великого на речку на Лису.

Да в той ж их вотчине Точянской ухожей: перевесья Шириково да на проток на Тонцынской, да на речку на Сторожевую, да вверх речки Сторожевой, да по бор по Верхней, левая сторона тоцынская, а правая сторона их, саватемских бортников, да на речку на Сюр и на низ по Сюру. // (л. 76 об.) А тот Тоцынской ухожей ходят саватемские же бортники Степанко Федоров Болдобин, да Гриша Елизарьев сын Неклюдов, да Ивашь Ермолов сын Михеев, да Семейка Ульянов Михеев, а судерев той вотчине тоцынские и никитинские бортники.

Да в той ж их Саватемские вотчины, Нешетинской ухожей, ходят бортники Ивашко Ермолов да Сенка Ульянов сын Михеев.

Саватемские ж бортники Гришка // (л. 77) Неклюдов, Михалко Ваулин, ходят в вотчину Симоновской ухожей. А судерев з Душтуою Васильевым Максимова, да с Васкою Микитиным сыном Кудичким, да Микифором Дмитриевым сыном Зинова. А платят те саватемские со всех тех ухожеев с Тонцытовой и с Нешитинсково, и с Симановского в один слив в Саватемской стан девятнадцать пуд меду, да пошлин с пуда по полу-семе деньги. За семь куниц два рубли дватцать шесть алтын четыре деньги, за куницу по четыре гривны, да пошлин с куницы // (л. 77 об.) по деньге.

А знамяна тех бортников:

знамя Степаново;

знамя Гри шино;

знамя Михал кино;

знамя Ше стаково;

знамя Замятки но;

знамя Семенкино; //

(л. 78) знамя Офо нкино;

знамя Фе дянково;

знамя Иванка Ермолина;

знамя Кузем кино;

знамя Она шкино;

в Тонцынском ухожей знамя Степа ново;

знамя Гри шино;

знамя Иванково; //

(л. 78 об.) знамя Семе йкино;

В Нешетинском ухожей знамя Иванко во да Семейкино;

в Симановском ухожей знамя Гришино;

знамя Михалково. //

(л. 79) Стан Котелинской

Бортники Ивашко Гаврилов, Покитка Нечаев, Исачко Вихляев, живут в деревне Котельне за князем Брюшеем. Степанко Неверов, Онофрейко Китов, живут в деревне Чермных за Уразаем мурзою. А вотчина, бортной ухожей, на Нулозиво да на Паршаков угол, да на Муткина исток, а ему исток да по Малую Узку, да по Великой омут, да на низ по Мокше на Раменской стороне по вражку с Улажея по Выпов стан, по татарское Сумежье, да на Изуя, и вверх по Узую по Уздедя// (л. 79 об.) тову пожно мордовскую по рубеж, да по речку по Вязвужерву.

Бортника Степанка Неверова бортной ухожей его круг деревни Чермных с Емикеем мурзою Корклячевым и со всею братьею и племянники, ходит с ними судерев с рамене и зборами.

Того ж Котелинского стану бортник Онофрейко Китов, ходит вотчину судерев Сысверского стану з бортники з Гришею Степановым да Неверком Выровым и с их братьею в Пушенском и в Ровензен// (л. 80)ском ухожее и з борами и с рамени, куды тот Гришка да Неверко ходили. А тот Онофрейко туды жа ходил. А знамена у них в той вчине:

знамя Иванково;

знамя Покидино;

знамя Исайково;

знамя Степанково;

знамя Онофрейково. //

(л. 80 об.) 126-го декабря в 30 день по помете дияка Богда Губина велено на бортнике на Онофрейке Китове вновь имати с купленные вотчины, что он купил у кадомских татар у Богданка з Братьею Черминского ухोजея третье знамя, орлов хвост, оброку на год по полупуда меду. А знамя .

А оброку с той вотчины, по их скаске, десять пуд меду, да пошлин с пуда по пол-сем денги. Да за две куницы дватцать шесть алтын четыре деньги, да пошлин с куницы по денге. //

(л. 81) И всего з борникв всех станов с их вотчин верхового оброку пятьдесят три пуда с полупудом меду, пошлин рубль дватцать пять алтын четыре деньги, с пуда по полу семе денги. За шестнатцат куниц с полукуницею шесть рублей дватцать алтын, за куницу по тринатцать алтын по две денги, да пошлин два алтына четыре денги, с куницы по денге.

Да с вод оброку и со вспудов, и с перевесей, и за поледную, и за бобровую ловлю дватцать три рубли и пятнатцать алтын две денги, да пошлин дватцать четыре // (л. 81 об.) алтына полчетверты денги.

С Володимерова крестьянина Вешнякова с села Пенков, з Гаврилка Сергеива с товарищи с пикурские ватати оброку и за поледную ловлю одинатцать рублей и тринатцать алтын две денги.

Дан на оброк кадомцу сыну боярскому Роману Здешнево сыну Жасово (пус) починок Неверовской на Лихой Тремце перелогом середние земи четыре чети, лесом поросли две чети в поле, а в дву потому ж. А оброку ему с того починка платить // (л. 82) в Казанской и в Мещерской дворец на год по пять алтын, с чети по пяти денег. Первой оброк заплатить ему на Рождество Христово 123-го году. А вперед платить з году на год беспереводно на тот же срок. А порука по нем кадомцы дети боярские Роман Титов сын да Лаврентей Ломакин сын Жуковы. А тот починок лежит впусе в поместье и на оброк никому не отдан.//

(л. 82 об.) **Книги мордовским оброчрым вотчинам, бортным ухोजеем. А с тех с мордовских з бортных ухожеев верховой медвяной оброк и ясачные, и куничные денги по модrowsкой скаске писано имянно по беляком, в их же в мордовских книгах под их деревнями с посопным хлебом.**

Беляк Малая Чепчера

(Дрв) Мелсетевы все деревни вотчины, бортные ухोजей, от усть Пупукалея вверх по речке по Варнаве, по левой стороне до Пинзилейского рубежа, а от Пи// (л. 83) нзийского рубежа до Велетемского верху, а от Велетемского верху вверх до Пукалейского верху, да на низ по Пукалею, по левой стороне Вергамлейской ухोजей до устья Пукалея, по левой стороне. Знамя Уруткея Дечиндеива, два пояса да три рубежа.

Тое ж Мелсетевы деревни Пиргонова Вечконапина з братьею и с тварыщи вотчина, бортной ухोजей, от верхов речки от Танстынгея на низ, по правой стороне до Выли речки, а от Выли на низ, по правой ж стороне, до Марслейского // (л. 83 об.) устья, да вверх по Марслее, по правой же стороне до Саласлейского верху, по правой стороне по Ровнеде, да от Саласлейского верху на большое болото, а от большого болота, по правой стороне вверх к Тастынгею. Знамя Пургоново Вечконапина, два пояса да четыре рубежа. А ходят по тому знамяни мордва всею деревнею.

Тое ж все деревни Мелсетевы вотчина, бортной ухोजей, с усть Кевлея вверх, по левой стороне, через Лом до Сомовского верху, а от Сомов// (л. 84) ского верху на низ, по левой стороне, до Пукалейского устья, да по Пукалею вверх, по левой стороне, а от Пукалеского верху до Кузманского верху, да от Кузманского верху на низ по Кузману, по левой стороне до усть Кузману. А знамя в той вотчине Тотая Чиндяива, два пояса да четыре рубежи.

По скаске тое ж деревни Мелсетевы мордвы выморочные вотчины, бортные ухोजей, того ж беляка Малые Чепчары с ними ж судерев. А та мордва вымерла после писцов // (л. 84 об.) и в Смутное время, а иные побиты. А те их бортные ухोजей лежат впусе, не владеет ими ни хто. А мертвой морде имена: Кежай Шуватов, вымер совсем, Видман Логаев, Худяк Кечюшев, Сыскай Лопаев Чиндов, Четаев Череват Урманзин, Митька Киндяпин, вымерли совсем, Москай Четаев, убит на Алатаре, а после иво от роду не осталось. А по которым знамянам те мертвая мордва в своих вотчинах ходили и их знамяна:

знамя Видманово;

знамя Чиндяново // (л. 85) ;
знамя Миткино.

Беляк Еректинской

Деревни Станоровы вотчины, бортные ухोजей, все деревни. Вотчина Южская по речке по Юже вверх от деревни, по правую сторону тое ж речки до верховья, а от верховья тое речки через Швару да на верх Каснеби, а от верховья речки Каснеби на низ по Каснебе, да возле Уморовского бору по черной лес пна усть Кафиво, да на верх Кафево, по правой // (л. 85 об.) стороне, да под Козебердееву тропку, через Вадовскую дорогу, да на низ по Ковре по правой стороне по Уланову поместье Рогожина, а от Улана на Сосновое болотцо, через Городцкую дорогу по Акбердеевскому полю, с Акбердеивы деревни под Старую Кадому, а от Старые Кадомы по тежке к Пургосову, да по реке по Мокше, по правой стороне до усть Узги, по та места все деревни вотчине рубеж.

Тое ж Станоровы деревни мордвы // (л. 86) Вечая Тотина да Одуша Ахмазеива, да Собая Резваватово, да Учая Отыпаева, да Тотуша Пороватова особая их вотчина от тое ж речки Южги, от Средние вершины по вершину, да по Катараслее речки на низ, по правую сторону, по Ондрееву стежку, а от Ондреевы стежки по обе стороны речки Катараслеи, с левую сторону по Чистой бор да Тасти речки, да по Тасте речке на низ ходит один Учай, а вверх, по правой стороне ходят Вечай да Тотушь, да Одушь, да Собай до вершины тое речки Тасте, // (л. 86 об.) а от вершин поворотитца назад Тотуш Пороват. и ходит один по речке по Тасти на низ, по правой стороне до вершины Яулея, поперек Сухие Тасти, а от Сухие Тасти по Косхосаву, а от Косхосавы верха Васер, на низ верха Васера, по правую сторону до устья Васеру, от устья Васеру до Старицы речки, а от Старицы до Паракпыженги, Парайпокинже болото, по Юново озеро, а им в том озере половина, а озера по источку до Козьи поляны, да через бор // (л. 87) Алгенсково по гриве, по берег Бораи на луг, до Андоверки болота, а от Андоверки болота до ветлушки, а от ветлушки до усть Сивекси, по реке по Ваду вверх, а поперек реки Ваду на лужки, а от лужков на веретею Коровайну, а от Коровайны вверх по речке по Ковре, по правую сторону, около бору Якунина, да к той же Ковре, а от Ковры до вершины Селдоря. А в тех их Станоровские мордвы в вотчин знамяна по которым оне ходят:

знамя Мелсяпино;
знамя Шичаево; //
(л. 87 об.) знамя Торка ево;
знамя Та тушево;
знамя Собаево з братьею.

По скаске тое ж дереви Станоровы выморочные вочины бортные ухोजей того ж Еректинского беляка с ними ж судерев. А та мордва вымерла после писцов и в Сутное время, а иные в межеусобье побиты. А вотчины их, бортные хожей, лежат впусе, не владеет ими ни хто. А мертвой мордве имена: Богдашко Кочеев, Савка Мучкаев, Нороватко Бражник, Лапша // (л. 88) Вачаев, Куашко Соксеватов, побиты все в Смутное время под Нижним и под Шатцким; Комайко Карин, вымер совсем. А по которым знаменам те мордва в своих вотчинах в бортных ухожеех ходили их знамяна:

знамя Богдашка Кочеева;

знамя Савки Мучкаива;
намя Лапши Вачасева.

Того ж Еректинского беляка деревни Каляивы вотчина, бортной ухожей, все деревни Евляйская: по речке по Евле, на низ, да поверх Тасти речки, по правую сторону // (л. 88 об.) об рубеж с Паркою, с темниковским мордвином, да по верховье речки Евлеи.

Тое ж Каляевские дереви мордвы Налдянка Момолаива да Нородатко Момышева особная вотчина, бортной ухожей, того ж Еректинского беляка Отсысаевских: край Ангильсково бору, по левой стороне вверх, едучи на Захаров стан, а от Захарова стану на Юново, а от Юново по большому болоту, левая сторона, да на борок Пичи, левая сторона, а от борок Пичи // (л. 89) на усть Авасюр да вверхпо Авасюру, левая ж сторона, да от Васеру на Кокксавинской бор, а судеревщики с ними колемасовская мордва Будяй Кичемаев да станоровской мордвин Вяча Тотин. а по которому знамяни те мордва в той своей вотчине в бортном ухожее ходят: и их знамя .

Каляивские ж мордвы Дурнайка Чидясова да Поровата Мамышева с товарищи вотчина, бортной ухожей, тово ж Еректинского беляка от усть Узги да вниз по Мокше реке, до усть Шокши в

остров, на обе стороны, // (л. 89 об.) да вниз Мокши на Кизимерки, по проточину на исток, да на большую ветлу, да на Белое озеро, что под Заулками, да на Вереск, да на Гремячей, да вниз по Мокше, на Глубокой исток, по левой стороне, да на Глушицу, по левой ж стороне, да на Банище, а от Банища, от Кривово озера на Акбердеиву деревню, да через Городную дорогу на Уланову деревню поверх Ковры, да на Кабердеиву трапу, через Вадовскую дорогу, да поверх Кафьиво, по левую сторону, да на Узру Голову, да на верх Мерлея, // (л. 90) да на верх Юзовы, да на низ, по левую сторону по Ожову, да на Узгу реку, а от верху на Сионвирь. А в той их вотчине знамя $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\vee}}$ все деревни Каляевы по которому оне ходят.

По скаске тое ж деревни Каляивы мордвы выморочные вотчины бортные ужожи того ж Еректинского беляка, с ними же судерев. А та де мордва вымерла после писцов и в Смутное время, а иные в межеусобье побиты. А вотчины их, бортные ужожи, лежат в пустее, не владеет ими никто. А той мертвой мордве // (л. 90 об.) имена: Копай Чиндясов, Ондрикай Селушев, Байка Такаев, те все побиты, а жены их и дети померли после их; да Кудашко Чиндясов, да Кудюшь Пураев, Вордонапа Пураев, Кудюшь Москов, Плачкай Пураев, вымерли совсем, после их жен и детей не осталось. А по которым знамям та мертвая мордва в своих вотчинах ходили:

знамяна $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\vee}}$ Ордапено;

зна $\overset{\circ}{\underset{\circ}{\vee}}$ мя Кудашево.

Деревни Нороватовы вотчина, // (л. 91) бортной ужожей, от реки от Мокши на Ирзяпяч, правая сторона, нороватовская, да на Поиварю Начаева, с той вари на ядучи правая сторона нороватовская, сияучей поперек Деги, да на Пиченжей, ⁴от Пиченжея⁴ на Печкин болото, да на большое болото, да поперек Узги, да на Тулуварю на Ужову на низ, по Ужове правая сторона нороватовская, а от Узги на низ по Мокше, правая сторона нороватовская до Троекурова перевозу через реку Мокшу, да на Старую // (л. 91 об.) Мокшу, да по старой Мокше, правая сторона нороватовская, да на тот же Троекуров перевоз до Кураевского рубежа, а от Кураивского рубежа на низ Мерделея, да через Шокшу на Кармылей, а от Кармылеи через поле по широмазовской рубежь, а от Широмазовского рубежа на враг на Сермалеи до шекшинского рубежа.

Знамя $\overset{\circ}{\circ}$ Федки Розыдеива з братьею.

Знамя $\overset{\circ}{\circ}$ Пятуни Учаива // (л. 92) з братьями.

По скаске тое ж Нороватовские деревни мордвы выморочные вотчины бортные ужожи того ж Еректинского беляка с ними ж судерев. А та мордва вымерла после писцов и в Смутное время, а иные межеусобье побиты. А вотчины их, бортные ужожи, лежат впусе, не владеет ими никто. А мертвой мордве имена: Тумай Сычев, убит на службе под Шатцким, а от роду ево нет; Пороват Мелсетев, вымер // (л. 92 об.) совсем; Инемай Пороватов, вымер совсем же; Налдян Мыштуин, убит на службе под Болховым, Булат Тотарапин, убит под Колугою, от роду иво нет; Чебушь Позняков, вымер совсем; Соктяс Розыдеев, убит на польской стороже; нагаец Порушь Авдалов, вымер совсем. А по которым знаменам та мордва в своих вотчинах в бортных ужожеех ходили, и те знамена:

зна \circ мя Тумаево;

да Поро \circ \circ ватово да Товодай Немеиво;

знамя \circ Булатово;

да Суктя \circ сово да Налдяно[во] //

(л. 93) знамя \circ \circ Порушово да Чебушево.

Тово же Еректинского беляка деревни Коломасовы да деревни Мелсетевы вотчины, бортные ужожи, обоих деревень от рубежа деревни Татарские Пургосовы, что за их татарским полем до каляивсково вотчин ново рубежа по полю, а от каляивсково рубежа под деревню, под Крутой Враг, что на Сумерском озере, а от деревни к реке к Мокше на Прорву, // (л. 93 об.) а от Прорвы за Мокшу, а из за Мокши от берегу до Давыдова лугу, а от Давыдова лугу до Кадомские дороги, а по дороге к речке к Лисе, а по речке по Лисе вверх до Камаловы деревни татарские, правая сторона их, а от Камаловы деревни до врага Мордовски, а от Мордовски врага до Дьякские лесные дороги, да по той по Дьяконской дороге до вершины Медуши речки. А ходят в той вотчине обоих деревень судерев, а в тех их // (л. 94) Коломасовские и Мелсетевские деревни мордвы вотчинах в бортных ужо-

жеех знамена по которым оне ходят судерев: знамя всей деревни Коломасовы; знамя всей деревни Мелсетевы.

Коломасовы все деревни вотчины, бортной ухожей, тово ж Еректинского беляка от Вулских верхов, от Ямиша, от Медвежьи Головы да на нис по Выле, по обе стороны, до Тастынгеевских устьяв, да вверх по Тастынгею, по правой // (л. 94 об.) стороне, до Тастынгеевского борку, да по тому по Тастынгеевскому борку по Большой проток, а от Большого протоку по Стари, до Азязынгери, а от Азязынгери до Евлейских верхов, до пинилзейсково рубежа, да на низ по речке по Евлейке, до речки до Велетемки, а от речки от Велетемки вверх по обе стороны до мелсетевского рубежа, а от Велетемских верхов до Большого Лому, до Ямиша, до Межвежьи Головы.// (л. 95) А в тех их, Коломасовские деревни мордвы, в вочинах знамяна по которым оне ходят: знамя всей деревни Коломасовские, знамя тое же Коломасовские деревни мордвина знамя Чюваша Тенишева с товарищи.

Коломасовские ж деревни мордвы Моская Мокшова да Чюваша Тенишева с товарищи, особная их вотчина, бортной ухожей, тово же Еректинсково беляка от красной осины вверх по речке по Еремше, по обе стороны // (л. 95 об.) до Ичюши речки, а от Релаши вверх по Ичюше речки, по обе стороны до верховья Ичюшенки речки, а от Ичюшенских верхов ⁴до Мирдюшенских⁴, да на низ по Мирдюше речке, по правой сторне до Кунупотму, а от Кунопотмы до Ляksamских верхов, а от Ляksamских верхов до Чочора, а от Чочора до Дьяконского бору. А судеревщик с ними в той вотчине новонские бортники да князь Ишмамет княж Девлеткилдей з братьею. А в той их вотчине, в бортном ухожее, знамя // (л. 96) по которому оне ходят: знамя Чюваша Тенишева с товарищи дуга с тремя рубежи.

Тово ж Чюваша Тенишева з братьею особная вотчина, бортной ухожей, тово ж Еректинского беляка Вацкая на реке на Ваду: от рыбные ватаги, от Быстрица вверх, по левой стороне по князь Чотов бор Аганина, а от князя Чотова бору вверх по Сухой Тасти, по правой стороне, до верховья Сухие Тасти, по Вячковатовской борок, а от Вячковатовского борку ко Васюру да на низ // (л. 96 об.) по Васюру, по правой стороне до реки до Ваду, да на низ по реке ⁵по⁵ Алямово, по правой стороне, а от Олямова на низ по Ваду, по обе стороны, по Конжеи, а от Поконжея на низ же по Ваду по обе же стороны, да с Анских до Верхнево. А судеревщики с ними в той их вотчине князь Ишмамет княж Девлеткелдеев з братьею да станоровская мордва Моткай да Вяча Тотины з братьею. А в той вотчине, в бортном ухожее, знамя по которому оне ходят: // (л. 97) знамя Чюваша Тенишева з братьею, пояс поперег дуба с шестью рубежи.

Коломасовские деревни мордвы Учая Кежеива з братьею особная вотчина, бортной ухожей, Варнавской, тово ж Еректинского беляка на речке на Варнаве: о речки от Варнавы, от Черленово яру по суходол, да с суходолу на Пензелеевскую вершину, да на низ по речке по Пензелейке, по правой стороне до Кевлеивские вершины, да вверх по Кевлею, по правой стороне // (л. 97 об.) к Большому Лому, а от Большого Лома к Лоновонелею, да на низ к Лоновонелея, по правой стороне к той ж речке к Варнаве, к Черенному яру. А судеревщик с ними в той вотчине в бортном ухожее пинзильской мордвин Курнос Кафтаев. А порубешики с ними в той ж вотчине Новоселской мордвин Пяташка Молачкин да Пинзильской мордвин Отяп Ромоданов. А в той вотчине в бортном ухожее знамя по которому оне ходят: знамя Учая Кежаева з братьею, дуга // (л. 98) с тремя рубежи.

По скаске тое ж дерени Коломасовы мордвы выморочные вотчины, бортные ухожей, тово ж Еректинсково беляка с ними ж судерев. А та де мордва вымерла после писцов и в Смутное вемя, а иные побиты в межеусобье. А вотчины их бортные ухожей лежат в пустее, не влавеет ими ништо. А тем мертвой морве имяна: Вечкидей Тарханов, Лопай Болдачев, Полат Овресеv, Налдяй Видяев, вымерли совсем, а иные // (л. 98 об.) побиты в Смутное время. А по которым знаменам та мордва в своих вочинах, в бортных ухожеех, ходили, и их знамена:

знамя Тумая Видяива;

зна мя Атюшева;

зна мя Полата Овресева.

Того ж Еректинского беляка деревни Виртьяновы вотчину, бортной ухожей, от речки от Четмы да до Уль Чадмы, судерев Кадомского уезда с мордвою деревни Шокши да пустые деревни Матийзлее, да Арзе // (л. 99) маского уезда с мордвою деревни Кечексановы, да деревни Сыресовы. Да их же вотчина на низ Сармы, по левой стороне, через княж Кудашеву вотчину Килдеярова, а от

княж Кудашевы вотчины Килдеярова по той ж Сарме, по обе стороны до усть Малые Сармы, а от усть Малые Сармы по Большой Сарме, по левую сторону на низ, да до Селмакши, да вверх Селмакши, рубеж с сатинскою мордвою и с ономасовскою, да до Моложьпичо, рубеж с арзамаскою // (л. 99 об.) мордвою, с пичюжскою, и с Кадомскою с тянгушевскою, да оне же виртьюяновская мордва. И ходят от Дивеевского поля, от оврага от Шикшилея, вверх Шикшилея, а рубеж с сурскою мордвою. А судеревшики с ними в тое вотчине, в бортном ухожее, мансыревские мурзы Тансара да Янсара Илышевы да Альшев мурза княж Дивеев з братьею и с племянники, да с князь Кудашем княж Богдановым, да Бакеивы дети з братьею и с племянники, // (л. 100) да Тербердей мурза з братьею и с плеянники. А в тех их Виртьяновские деревни мордвы в вотчинах знамяна по которым оне ходят: знамя Тараска \circ \circ Пирушева, знамя Ермозы Кичемасова \circ \circ з братом. Ходят по тем знамянам всею деревнею.

По скаске тое ж деревни Виртьяновы мордвы выморочные вотчины, бортные ухожеи, тово ж Еректинсково беляка с ними ж с Виртьновскою мордвою судерев. А та де мордва вымерла // (л. 100 об.) после писцов и в Смутное время, а иные побиты в межеусобья. А вотчины их, бортные ухожеи, лежат впусе, не владеет ими никто. А тем мертвой мордве имена: Пороват Кокимелсеев, Кирдяно Чотов, Паромза Кимелсеев, Федка Кечюшов, побиты все под Нижним и под Арзамасом; да Тренка Учотов, да Откамай Кечюшов, вымерли совсем. А по которым знаменам те мордва в своих вотчинах, в бортных ухожеех, ходили и их знамя: // (л. 101) знамя Поровата \circ \circ \circ Кимелсеива, знамя Окмая \circ \circ Кечюшева.

Беляк Чепчерянской

Деревни Баивы вотчинные бортные ухожеи от нороватовского рубежа: Налютешевское усадище а от Налютешевсково усадища через Большую Кадомскую дорогу на дуб на долг сук, а от дуба на Семелейку речку, а от Семелея речки на Роштановское гумнище да на Дудниковскую дорогу, да от Дудниковские дороги на низ вершины // (л. 101 об.) на мосток на Салтан да на тенгушевской рубеж до Мокши реки, через Мокшу на Четырки, да на ручейки, да на Селивари, да на Вирней, а от Вирней на Санжижей на исток, а от стоку через Телемерки на речку на Олховку, а от Олховки на Пиявочное озеро, а от Пиявочново озера на Мелсетевскую дорогу на Узги, а от Узгина на Едугуз, а от ⁶дее⁶ Узги на Пичювирь, а от Пичювирь на речку на Тасть на низ, по правой стороне, да вверх по Которослей, // (л. 102) правая сторона от Ондрейвы деревни Баивская, а левая сторона стануровске мордвы, а от Каторослейские вершины на Южу на речку на Синдомвирь, а от Синдомвирь на низ речки Южовы на Сисинь Чеменову, да через Узгу на Печкунболу на Пичинже, правая сторона баевских, левая станоровских, а от Пичинжеи по Явинеи да на мост к реке, да на Мокшу на Крутой важек.

Тое ж деревни Баивы вотчина по Явлею // (л. 102 об.) врагу через Кременское поле на Варашлеи и на Пузинское поле, да на Смолину деревню через Большую дорогу на Камкину деревню, а с Камкины деревни вверх по Сатись речке до перевозу, по Такеев рубеж на Арху речку, на вершину, да на низ по Арге на Сатис, а чрез Сатис на Кохлеи, а от Кохлея на Илитем Кожуван, тот же Явлей враг. А знамена в той вотчне: $\text{—} \text{—} \circ \text{!} \text{!} //$

(л. 103) По скаске баевские мордвы вотчины, бортные ухожеи, того ж Чепчерянсково беляка выморочные же с ними судерев, вымерли в Смутное время после писцов. А вотчины их бортные ухожеи лежат в пуст, не владеет ими никто. А той мертвой мордве имена: Нолеватко Тяшев, Митюшка Тозин, Тонушь Кирдюшев, вымерли совсем. А по которым знаменам та мертвая мордва в вотчина своих ходили: знамя \int у всех одно.

Тово ж Чепчерянсково беляка деревни Вечкидевской да // (л. 103 об.) деревни Дудниковской вотчины, бортные ухожеи, обеих деревень мордвы Налимакса Аюшева да Кечензанки Нуфтулова, да Рузманка Четаева з братьею и с племянники: от речки от Ведяжи по речке по Явлотке вверх, правая сторона, да через рамень на Удосвелим, да на низ по врагу от Узвелимея правая сторона их, вечкидевская да дудниковская, а левая тенгушевской мордвы, да на // (л. 104) врагу, да от Чкилеи верх по Ичкилею да селища, правая сторона вечкедеевской и дудниковской мордвы, селища Становое, вотчинная поляна, а левая сторона тянгушевской мордвы, да от Ичкилея через рамень сток шинским рубежем до Инелея, а от Инелея через рамень до Мортлея, сток Шинским рубежем, да через рамень да Умакслей с мелсетевски рубежем, да через рамень на верх Ведяжи, да на низ // (л. 104 об.) речки Ведяжи, с пинизлейскою мордвою порубежь; а судерев с шокшинскою мордвою до Отенинских мурз, рубеж по старым межам да на Починское поле по старым рубежам, а от

Починсково поля по старым же рубежам вверх на Помлейка с татарскими рубежами, правая сторона их, вечкидеевских да дудинских, а левая атенинских мурз до Чимилей, правая сторона их же, вечкедеевских и дудников// (л. 105)ских, а левая татарская да Счемелея, поперек с татарским рубежом, левая татарская, а правая их, да на Отенинское поле по берег, по старым руежем до речки до Ведяжи на мост, на низ, по обе стороны от моста на Нурдакуламалей через Башкирское поле на Ильшев дуб, да против Чатырки на реку на Мокшу, да вврх по Мокше до Кадомичи, левая сторона их, вечкевеевских и дудниковских, а правая тенгушевских, // (л. 105 об.) да по Кадомичи вверх, левая сторона их, а правая сторона тенгушевские мордвы, да на Медвежье талник по старым рубежам, левая вечкедеевских и дудниковских, а правая пинизлейские мордвы, да на Чистое болото, правая пинзилеевских, а левая их, да под Обашево на болото, по конец Киреевского острова, через Булаковское поле до Вежи, под князя Кудаша.

Тех же обоих деревень Вечкидеев// (л. 106)ские и Дудниковские мордвы Жданка Веденяпина да Уразманка Четаива з братьею и с племянники особная вотчина, бортной ухोजей, тово же Чепчерянского беляка: на речку Моркилеи, по конец, да на них Морсклеи, правая сторона их, вочкидеевских и дудниковских, а левая пинизейские мордвы, до Мелсетевского рубежа по старым рубежам до Уля, правая сторона их, мордовская, а левая Земетцкая да Нагорделею по старым рубежам. // (л. 106 об.) Да тех же деревень Налимакса Саюшева бортной ухोजей на Кузалеи, судерев с виртьяновскою мордвою, да Урузманка Четаива, да Жданка Девеняпина бортной ухोजей от Плышева рубежа по Куфтаралейке, правая сторона их, мордовская, а левая Ильшева, по старым рубежом, а от Ильшева рубежа на пичигужинской рубеж, правая сторона их, вечкевеевских и дудниковских, а левая пичюжинская, // (л. 107) до Лявботмы, до Явилей, вверх Явилей, да по Мралей, а от Мралей на Сизимтоном, а от Сизимтоном на Явапотму, а от Явапатмы да Чердакпанды, а от Черакпанды до Чюванореи, станоровским рубежом, да через речку Вечкинзу правая сторона их вечкидеевские и дудниковские мордвы, а левая станоровской мордвы ^{8*} до речки до Кафтырея, до Теплою стану с станоровским рубежом, до Уксмара, а от Уксмара по старым рубежам // (л. 107 об.) да по ономазовской рубеж, удеревев куды ономазовский руеж, а им, вечкидеевски да дудниковским туды ж до Сармы, да по Сарме вверх по обе стороны до Большой дороги, да от Сармы до Сехни по старым рубежам. А в тех их Вечкидеевские и Дудниковские деревни мордвы в вотчинах в бортных ухोजеях знамяна по которым оне ходят:

знамя Рузманово з братьею;

знамя Налимаса Саюшева з братьею;

// (л. 108) знамя Кичанзы Муфтолова з братьею.

По скаске вечкидеевской мордвы вотчины, бортные ухोजей, того ж Чепчерянского беляка выморочные, с ними ж судерев, а та де мордва вымерла после писцов и в Смутное время. А вотчины их бортные ухोजей лежат впусе, не владеет ими ништо. А тем мертвой мордве вичкидеевской имена: Отянко Череватов, Кочкорко Веденяпин, Кожай Серенов, Тешняс Московов, вымерли // (л. 108 об.) совсем. А по которым знаменам те мордва вечкидеевские в своих вотчинах, в бортных ухोजеех ходили, и изнамена выморочные:

знамя Отя Отичеварова;

знамя Кочкорово , знамя Ево;

знамя Тештесево .

По скаске деревни Дудниковы мордвы выморочные вотчины, бортные ухोजей, тово ж Чепчерянскв беляка с ними ж судерев. А вочии их бортные ухोजее лежат // (л. 109) впусе. А та мордва вымерла после писцов в Смутное время, а иные побиты в межеусобье. А вотчины их, бортные ухोजей, лежат впусе, не владеет ими ништо. А тем мертвой мордве дудниковским имена: Паромза Нечаев, Сергейка Селмаев, Кежайко Окстаев, вымерли совсем и побиты в Смутное время. А по которым знамяна те мордва в своих вотчинах, в бортных ухोजеех, ходили и их знамена: выморочное знамя Парамзино, знамя выморочное // (л. 109 об.) Сергейково да Кожанково.

Тово ж Чепчерянского беляка деревни Кураива Починка вотчина, бортной ухोजей отхожей вотчины: от нораватовского рубежа поверх Юзги, правая сторона, а от Узги речки на Тестю вверх, правая сторона, а в Тестю речку впала речка Яулей, а от Яулей подле Тотьянки речки, а у Татьянки речки по Катаралей вверх, а от Катаралей по Чулдоман // (л. 110) бор, а от Чюлдиман бору подле

* ⁸ в рукописи зачеркнуто: до речки. – А.Б.

Ошпичи, а от Ошпичи по речке по Юже на низ, до тех мест по тем речкам, правая сторона их, кураивские мордвы вотчина, бортные ужожи. Да к их же деревне остров Сююндомер, а по тому острову у них бортные ужожи. Да у них же вотчина с князь Кудашем: рубеж с виртыянского рубежа, а от виртыянского рубежа на Максар, а от Максаря по Кенергу на низ, а от Канярги на Улчат, а от Улчата на Челатму, а от Челатмы по шокшенскому // (л. 110 об.) рубежу; а до тех мест левая сторона с норватовскими ж мордвою, их вотчины бортному ужожею рубеж от Керензы, а от Керензы на Чирыбанды, а от Чирыбанды на Татарскую на Кадомсую дорогу, а от дороги до Ишитлеива верху да до Чемдопумра, а от Чепдопумора до Шибановы дороги по то урочище, правая сторона стануровские и норватовская, а от Шибановы дороги до Сараутавы вершины, а от Сараутовы вершины до Тамбалея, // (л. 111) а от Тумакалея на Пушту, а от Пушты до усть Пазеут, а от усть Пазеута на Наулекс, а от Улекса в Пушту речку, а от Пушты в Окорнички, а от Корнички до ономасовского рубежа, а от ономасовского рубежа по Сухую Пушту, да на низад на Куренжу. А тех их Караивы деревни мордвы в вотчинах, в борных ужожеех, знамяна по которым оне ходят: знамя Дмитриево да Кичемасово, да Сыскетево ; знамя Парамзено з братьею Кураевских. // (л. 111 об.)

По скаске ж тое ж деревни Кураива мордвы, выморачные вотчины бортные ужожи тово ж Чепчерянского беляка с ними ж с Кураивскою мордвою судерев. А та мордва вымерла после писцов и в Смутное время, а иные побиты в межеусобье. А вотчины их, бортные ужожи, лежат впусе, не владеет ими ништо. А той мертвой мордве имяна: Агушка Анков, Налкай Кечов, Долгушь Кечов, Кирдемаско Мелсаев да Порушко, вымерли и побиты в Смутные годы. А по которым // (л. 112) знаменамта мертвая мордва в своих вотчинах, в борных ужожеех, ходили, и их знамена: знамя Агушево, знамя выморочное   Кермесово.

Тово ж Чепчерянского беляка деревни Больших Пинизлей да деревни Малых Пинизлей, да деревни Новоселок мордвы вотчины бортные ужожи всех трех деревень: от урочища от Кадомского да верх по Мокше реке, левая сторона их, и с Прорвою, что на тянгу // (л. 112 об.) шевской стороне, а правая тянгушевских до Тямги, а от Тямги на черной лес, межы Суморова бору до Иватемского, порубежно со князем Кудашем з братьею и с племянники, да з Буркашем мурзою и с ыво братьею ж и племянники, да через Зимнюю дорогу на болото, да черным лесом до Волом к Стежке, да через Стежку с пичюженскою мордвою порубежно, а от пичюженсково рубежа, до Казлеива верх на Сухой бор да на Родмабигей // (л. 113) да на Лованелейской верх, да на Кевлейской верх на речку, а от Кевлейского верху речки на низ по Кевлеи, да на Кузномо, а от Кузнома на Леплейской верх, да на Ямище, а от Ямища на Чистое болото, а от Чистова болота на Мурдышинской верх, да на Вишкилейской верх, а от Вишкилея на Сухоборец, а от Сухоборцы порубежно к викидеивской мордве, да к речке Ведяже, а от Ведяже речке по обе стороны к облезовскому порубежью, а от Облезовского рубежа порубежно на низ // (л. 113 об.) по речке по Ведяже, а по Ведяже по обе стороны до Пискова верху, а от Пискова верху через Ведяжу меж Облезовской поляны да по конец поля, а к большому полю через черной лес, да через поле по дороге по конец Киреевского поля к Святому острову да Кабашеву на болото, да лугом к Чистому болоту на Межвежей тальник, к тому ж х Кадомичю истоку к Мокше.

А в тех их двоих Пинзелей // (л. 114) да деревни Новоселок мордвы в вотчинах, бортных ужожеех, знамяна по которым оне ходят судерев:

знамя Сетя Кежаева да Сычевея, да Парадея Конбаровых;

знамя Кедрово с племянником с Курносем;

знамя Порудея Иванова з братьею;

знамя Кечашево;

знамя Сетя Кежаива да Сычадея, да Порадейка Конбаровых;

знамя Байгилды Сыреватово и всее деревни Новоселок. //

(л. 114 об.) Пинзелейские ж деревни мордвы Больших Пинзелей Порудейка Канбарова да племянника его, Чиндяса Кежаива да Сычай Пороватова особная их вотчина, бортной ужожей, тово ж Чепчерянского беляка: в речку в Велетму впал вражек Чападалеив верх, по Чаподалею по правой стороне, да на Пустой бор, и через тово Пустово бору, да через вражек Мяндре об рубеж с арземаским мордвином с Кутяем Вечкомасовым, да на Пустой ж бор, об рубеж с мелсетевскою мордвою // (л. 115) с Рускеем Вечкидеевым, по правой стороне, да на низ вражек Семурлей, по правой ж стороне, по рубеж с колумасовскою мордвою Чювашем Тенишевым, по Сюмураю да по речке по Велетме, по обе стороны на низ из речки из Велетмы вражек, да через дороги до верху Тостянгея,

да через бор об рубежь с мелсетевскою мордвою, до верхи вражек Марлеи вершины, по правой стороне до верху до Коскилея и на низ по Коскилею, по правой стороне // (л. 115 об.) и падет в речку в Велетму, да промеж их вотчин вотчина Ичеловских мурз, да с речки ж с Велетьмы вышел вражек Сочканавлей, по вражку вверх, по правой стороне да вверх, да через бор по рубеж, по правой стороне с вечкидеевскою мордвою, да вражек Вязовка на низ, по правой стороне впал в ту ж речку Велетьму, и вверх по Велетьме, по правой стороне до вражка до Онкилея. А судеревщики с ними в той вотчине Кечюшь Четаев, новоселковский мордвин, // (л. 116) да Ивашко Арземасов промеж Ичаловских мурз. А в той их в Породейкове да в Чиндясове, да в Сычаеве вотчине, бортном ухोजее, знамя по которому оне ходят: знамя во всех вотчинах.

Деревни Больших же Пинзелей мордвы Кедеря Момолаива да Сытея Кежаева особная их вотчина, бортной их ухोजей, тово ж Чепчерянсково беляка Сарьменская на речке на Сарме: от Череватовского рубежа // (л. 116 об.) вверх по речке по Сарме, по обе стороны, по вражек по Лукштоков, да вверх по вражку, по Кештоксе, левая сторона пинизлеевская, а правая череватовской мордвы, да не доходя Лукштокских верхов, да через Кукштокс порубежно с офтудеевскою мордвою по стари, да через вражек Пекшелейку, порубежно с атемасовскою мордвою, да через вражек через Кянергу до Откаргамурамкужа х Кужингею по трете враг, // (л. 117) да вверх по врагу, по левой стороне до офтудеевского рубежа, а от офтудеевского рубежа да на Сарму, да через Сарму, порубежно с Тотосем, да к Саметцкому верху, а от Саметцкого верху порубежно с мелсетевскою мордвою, да на Казгарской ухोजей, судерев с Парамзою с Чиняивым да с Серьшкеем Вечковатовым, а ходят тот Парамза да Серьшкой с ними в том ухोजей по стари, да от мелсетевского рубежа по Кевлейской верх, а от Кевлейского верху // (л. 117 об.) через Ломкинелейской верхуша на низ по Янелею, левая сторона их, пинзелейская, а правая сторона тянгушевская. А ходят оне, Кедярь да Сютяй, в той вотчине с устья Инелея с тенгушевскою мордвою по стари. А в той их вотчине, в бортном ухोजее, знамя по которому оне ходят: знамя Кедерево да Сетяиво , да судеревщиков их знамя Серьшкея Дечкватого , ход[ят] на Казгаре. //

(л. 118) Деревни Новоселок мордвы Гутки Тумаева з братьею особная их вотчина, бортной ухोजей, тово ж Чепчерянсково беляка Нушаматизлей, судерев с аномасовскою мордвою, куды ходят аномасовская мордва, туды ходят оне з братьею по тем же рубежам. А знамя в том ухोजее Гудки з братьею, где отцы их хаживали , туды ходят и оне.

По скаске деревни Больших Пинзелей мордвы выморочные вотчины, бортные ухोजей, // (л. 118 об.) тово ж Чепчерянсково беляка с ними ж судерев. А та де мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухोजей, лежат впусе. А тем мертвой мордве имена: Михалко Чювашев, Кулкул Кмельзин, Сенка Валамаев, Худяк Отюшин, Велдюшка Жаев, вымерли совсем, а иные побиты в Смутное время, и жены их и дети вымерли, после их роду не стало. //

(л. 119) Да деревни Малых Пинизлей мордвы по скаске, выморочные вотчины, бортные ухोजей, тово ж Чепчерянсково беляка с ними ж судерев. А та де мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухोजей, лежат впусе. А тем мертвой мордве имена: Параватко Иванов, Петрон Чюбаков, Кежай Иванов, Кажай Кистанов, вымерли совсем, а иные побиты в Смутное время, и после их жен и детей не осталось. //

(л. 119 об.) Да деревни Новоселок мордвы по скаске выморочные вотчины, бортные ухोजей, тово ж Чепчерянсково беляка, с ними ж судерев. А та де их деревни мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухोजей, лежат впусе. А тем мертвой мордве имена: Кеча Пиргонов, Партетур Скеев, Череват Кадышев.

А по которым знаменам // (л. 120) в своих Пиизлей и деревни Новоселок мордва которые вымерли, и по своим знаменам те мордва в своих вотчинах в бортных ухोजеех ходили и их знамена:

знамя выморочное Миляево да Кулчюково, да Сенкино;

знамя выморочное же Кежаево да Петроково, да Пороватово;

знамя выморочное ж Череватово да Торштаиво .

Тово ж Чепчерянсково беляка деревни Широмазовские // (л. 120 об.) и дереви Шокши вотчина, бортной ухोजей, обоих деревень мордвы и всякие угодыя под татарскою деревнею под Пугозовскою: серед Пугозовсково поля ямища, а от ямища до усть Кривово озера, а ис тово озера исток впал в Мокшу, а от Ыстока за Мокшу, а за Мокшею урочища на берегу Мокши Даргом, а то де урочище смежно станоровскою мордвою и с веренкинскими и зазульковскими татарами, а от орочи-

ща // (л. 121) от Мокшен в Доргома на Гремячко на ключ, а от Гремячков до Верексленские горы и по горе да татарские деревни до Звягины, а от Звягины по болото по Ирдамешь, левая сторона от рек от Мокши их, широмасовская и шокшинская, а правая сторона татарская, а от болота по Зимней дороге по Станоровской до Сермоза до ямы, левая сторона их, широмасовская да шокшинская, а правая Станоровская, а от Сермоза от ямы // (л. 121 об.) до усть Шокши, а от усть Шокши вверх по Мокше реке, левая сторона их до кручи по Кураивской рубеж, а от кручи за рекою за Мокшею по лесу по болотом по Яверекс, а от болота от Яверекс по большое болото по Мучево, а от Мучева болота к Шокше реке, да через Шокшу на Яученгу, а Яученги по полю по Куликовскому до Вальной межи, которая Воловая межа промеж Куликовского поля // (л. 122) и Широмасовского, да по дороге к Ширмасову до речки до Калмашки, а по Калмашке речке на низ до реки Шокши, а та речка Калмашка впадала в Шокшу, да через Шокшу, да вверх по Шокше, до усть речки Серьмотки, а та речка впадала в Шокшу з другую сторону от Куликова, да по речке по Серьмотке вверх до вершины тое речки, по рубеж мордовский х деревни Чювашские и Нороватовские до усть речки Явкилеевки, левая сторона их, // (л. 122 об.) широмасовская да шокшинская, а правая мордовских же деревень Чювашские и Нороватовские, а от усть речки Ячкилейки по Секселей речке, вверх тое речки до вершины, левая сторона их, широмасовская да шокшинская, а правая сторона дудниковские мордвы, а от вершины тое речки Сенкилейки по раманье до верховья речки Маршлейки, а от верховья речки Маршлейки до верхов реки Шокши, да через // (л. 123) вершину Шокши реки до мелсетевского рубежа, а от мелсетевского рубежа до верхов речки Лепожейки до Яученги болота, а от Яученги болота до Сосново болота, а от Сосново болота по красную липу, а красная липа на Пургосовском поле, а от красные липы через Пургосовское поле к тому ж ямцу что писано выше сего в начале.

Да Шокшинские ж деревни мордвы Марьдемаса Атюшина з братьею да Федки Акчюрина // (л. 123 об.) з братьею все деревни особная вотчина, бортной ухожей, тово ж Чепчерянсково беляка по речке по Ведяже: от урочища от рубежа вверх по речке по Ведяже, по обе стороны, до усть речки Чюмалеи, а та речка Чюмалей впадала в речку в Ведяжу, а по Чюмалей речке вверх тое речки до вершины, до пинизлейского рубежа, левая сторона их, шокшинские деревни, а правая сторона пинизлейских. //

(л. 124) Да их же деревни Шокшинские мордвы вотчина, бортной ухожей, за речкою за Варнавою от усть речки Чавлеи вверх, правая сторона их, широмасовских, а левая пинизейских, по берегу Варнавы реки по стари до усть речки Лованалеи, а та речка впадала в Варнаву, да по речке по Лованалеи до Лому, правая сторона их, а левая сторона ^{9*} пинизлейская да коломасовская, Истоминской ухожей Русакова, жил в Коломасове, а та была // (л. 124 об.) вотчина иво особная, а продал тое вотчину пинизлейским мордве, а ныне владеет тою вотчиною деревни Больших Пинизлей мордвин Сетяй Кежаев, а от Лому вверх Миявля речки до верховья, а от верховья на низ до устья, а от устья тое речки на низ по Сарме до устья Кудемолея речки, правая сторона реки Сармы их, шокшинские мордвы, а левая арземаские мордвы, а от устья Кудмалея речки вверх по реке // (л. 125) Скутмалей до верховья речки, правая сторона их, а левая пинизлейских, от верховья тое речки, а от верховья тое речки до Ромоданова бору, да через бор до вершины речки Чавлеи, а от вершины тое речки Чавлеи на низ, правая сторона их, шокшинская, а левая пинизлейская, а та речка Чавлейка впадала в Варнаву.

Тое ж деревни Шокшинские вотчина, бортной ухожей, от устья речки Ишкинзы вверх // (л. 125 об.) до Сикимгонова, а от Сикимгонова до Череватовы деревни Арземасково уезда, а по обе стороны речки да через речку Ишкинзу по раменью до князь Кудашевы деревни до Ковреса по кавреской рубеж и по кураивской.

Да деревни Широмасовские мордвы особная вотчина, бортной ухожей, все деревни того ж Чепчерянсково беляка: от реки от Сармы от Большие от Ерземаские дороги на низ, по Сарме, до княж Кудашевы // (л. 126) дашев рубежа, по обе стороны их, Широмасовские деревни и Анамасовские, и пустых деревень Надьяновских и Милевлейских, а от князь Кудашева рубежа по ево ж князь Кудашеву поляну по Кичкиналу, а от полянки по Явлейскую вершину, а от Явлейские вершины до Алекшановские вершины до врага, а от Такштановского врага до речки до Клелеи, да вверх Клелея речки до Большие до Арземаские дороги. А в тех их обоих деревень Шокшинские // (л. 126 об.) и Широмасовские деревни во всех вотчинах, в бортных ухожеех, знамена по которым оне ходят:

знамя Татамаса Ушкеива з братьею;

* ⁹ в рукописи зачеркнуто: их. – А.Б.

знамя Агуша Параива з братьею;
 знамя Чебака з братьею⁴;
 знамя Федя Октюрина з братьею;
 знамя Мурдемаса Отюшева з братьею.

По скаске Шокшинские деревни мордвы их деревни выморочные вотчины, бортные ужожи, тово ж Чепчерянского // (л. 127) беляка, те выморочные вотчины с ними ж судерев. А те де их деревни мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вочины их, бортные ужожи, лежат впусе. А тем мертвой мордве имяна: Кечайко Саскаев, Камайка Овмаев, Торкай Дува-тов, Губай Чиндясов, Кабай Алешин, Кирдяпшь Таркаев, Паршкой Такдасев, Ореско Рузаев, а же-ны де их и дети вымерли ж, а иные побиты в Смутное время. А по которым знаменам // (л. 127 об.) те мордва, которые померли, в своих вотчинах, в бортных ужожех, и их знамяна:

знамя выморочное Кочаево;
 знамя Тенгаево;
 знамя Торка иво.

По скаске ж Широмазовские деревни мордвы, их деревни мордвы вотчины, бортные ужожи, выморочные тово ж Чепчерянского беляка, а судерев те выморочные вотчины с их вотчинами. А те их деревни мордва после писцов вымерли, а иные побиты // (л. 128) в Смутные время. А вотчины их, бортные ужожи, лежат впусе. Не владеет ими никто. А тем мервой мордве имена: Ошманко Отека-ев, Беляйко Еремшкеев, Богдан Татаров, Кудинко Чебышев, Лняско Шапкин, Одманко Киченатин, Русинко Кирдяпин, Мелсапко Ермоватов, Васка Мачасов, Караулко Пораев. А по которым знаменам те мордва, которые померли, в своих вотчинах, бортных ужожех, ходили, и их знамяна: //

(л. 128 об.) знамя выморочное Ушмаево;
 знамя выморочное Русиново;
 знамя выморочное Васки но;
 знамя выморочное ж Овманово.

Тово ж Чепчерянского беляка деревни Аномасовские мордвы вотчина, бортной ужожей, по реке по Мокше: от суходолу правая сторона темниковские мордвы, а левая сторона их аномасов-ская, по исток под кривую липу, по по лужу, // (л. 129) да на тросник, а от тросника на Сухую Пушту, левая сторона их, аномасовская, а правая сторона станоровская мордвы, а от Сухие Пушты на Сатист речку, по обе стороны их луги и лес, да по Керензе по истоку, левая сторона их же, ано-масовских, а правая станоровских, а от Керензи до пустые деревни Миевлеи, а от деревни Миевлеи на Офтобрелей, а от Офты на Сехны, а от Сехны по вершину Паклелеи, а от Клелеи Большою // (л. 129 об.) дорогою по болотцо, по обе стороны дороги виртьяновские мордвы, да попереки Селмя-куши полянки, да к Большой к Арземаской дороге, к Сарме, к броду, обе стороны их, аномасов-ских, до озера Пичиркатово, озера половина их, аномасовских, а другая половина мансыревских мурз, а от озера на верх Узги на полянку на Кичкиналу, да к Мокше ж к суходолу, рубежи с княж Кудашем.

Да их же, деревни // (л. 130) Аномасовы, вотчина, бортной ужожей, от Кодорской дороге да на Колрзлеи речки, да вверх Карзлея речки, по обе стороны их, да на Пичикарду на Сухую да по Кол-четому, да на Ромавбичи, правая сторона их, аномасовских, а ходят оне судерев с мордвиним з Гу-деком Тумаивым з братьею, а левая сторона пинизлейские морды, да на Молотезлеи, не доходя пус-тые деревни Матизлеи, по раменье, да по тое Кодорскую дорогу.

Да их же вотчина в Арземаском // (л. 130 об.) уезде Серенерское ужоже: да на Тодулею, да на Лапешлей, да на Мокшенгу, да на Озане, да на Белую Мокшенгу. А в той их вотчине, в бортном ужоже, знамя, по которому оне ходят: знамя Орземя Отингеева с товарищи всее деревни.

По скаске тое ж Аномасовские деревни мордвы вотчины, бортные ужожи, выморочные тово ж Чепчерянского беляка, а судерев те вотчины // (л. 131) с их вотчинами. А тех выморочны вотчин их деревни мордва вымерли после писцов, а иные в Смутные годы побиты. А вотчины их, бортные ужожи, лежат впусе, не владеет ими никто. А тем мертвой мордве имяна: Тештей Мелсоватов, Меньшичко Лапин, Анцка Тотарапин, Келдюшь Коналетев, а жеы де их и дети вымерли ж, а иные побиты в Смутное время. А по которым знамянам в своих вотчинах, в бортных ужожех, те мордва

ходили и их знамена: // (л. 131. об.) знамя выморочное Меньшиково , знамя выморочное Тештесево .

Тово ж Чепчерчнсково беляка деревни Тянгушевы мордвы вотчины, бортные ужожи, Отяпы Налетева да Охта Налдяново с товарищи всее деревни: от Мокши от реки кругом Баевы деревни по орешник до Нороватовского татарсково кладбища, по мордовское по Чювашское усадище, а от Чювашского усадища на Нороватовскую сечю, а от Нороватовские // (л. 132) сечи на верховье на речку на Семелей, а от речки от Семилей от верховья на враг на Ячкилеи, правая сторона врага на низ их, тенгушевская, а левая нороватовская, а ото врага от Ячкилея на Палчкуды, а от Палчкуды по отенинской рубеж, по враг по Евлатков, а от оврага от Евлатка к рече к Ведяжу по мост, что под их деревнею, а от мосту Нурдогомелей через поле по гору на олешник к реке к Мокше к берегу, а на берегу на Мокше долина, что суды волочат, да за Мокшу, правая // (л. 132 об.) сторона реки Мокши их, Тянгушевских, до Валгатенгура до Анбарища, и с Томанисково а от Онбарища за реку за Мокшу, а за Мокшею по берегу правая сторона их, тянгушевская, вверх Мокши, да за Мокшу ⁴ за перевоз ⁴ обе стороны их, тянгушевских, а на речке на Мокше остров Лохтоксан, а в реке рыбная ловля бутакавских мурз, а на острову бортные деревья, а от острова вверх по Мокше реке, правая сторона берега их, тенгушевские, против Круглово, а от Круглово // (л. 133) лова за реку за Мокшу на Кадомец остров, а на острову дубье бортное, а от острова от Кадомца за Мокшу, вверх по Мокше правая сторона их, тенгушевская, до Столбища, а от Столбища вверх по Мокше Коломасово озеро, а из озера исток в Мокшу, а от истока вверх по Мокше на Кодоват на озеро, а от озера темниковских татар Еняка Тиняива с товарищи, а около тово озера их бортная вотчина, а от озера по олешник по надорожной перехресток // (л. 133. об.) Нагайские и Темниковские зимние дороги, а от перекрестка по олешнику, а от олешника по вражек по Есерьпи, а от овражка через Темниковскую дорогу на Вежгопре, а от Вежгопра на Мурынги болото, на Узги болото, да по Езеузги, по Перегтестева, правая сторона их, тянгушевских, а левая сторона темниковские морвы Чебаевские деревни, а от Ювозги на Вошпичи, а от Вошпичи на Ондреевскую дорогу, // (л. 134) а от Ондреевские дороги по вершину вражка Катаракслей, а от Катаракслей на низ Южовы вершины, а от Южовы ⁴ вершины ⁴ на Сендомивирь, на Чистое рамень, ⁴ а от Чистого раменя ⁴ на низ Южова врага, а от Южова на Туловаря болото, ⁴ а от Туловаря болото ⁴ на бор на Мерделей, а от Мерделей через Темниковскую дорогу на враг на Ольховку, а от того врага от Ольховки на низ Вежги, правая сторона их, тянгушевских, а левая сторона баевских, а от Вежги на Сандижей, на Вирьнерь на вражек, // (л. 134 об.) а от Вернеря на Евыкал, а от Евыкаля на Селеваре болото за реку за Мокшу, на Баевской перевоз, ходят все по старине.

Да тое ж Тянгушевские деревни мордвы Отяпы Налетева да Учая Ечконапина, да Чиндяса Азарапина особная их вотчина, бортной ужожей, товож Чепчерчянского беляка: от Троксузналги по ельник, а от Троксузналги по ельник же. По Тележную дорогу, правая сторона их, тянгушевская, а левая сторона // (л. 135) виртыяновские мордвы, да на враг на Сатемлей вершину, а от Сатемлей вершины поперек раменя, а рубеж у них той вотчине с княж Кудашевскою вотчиною и з бутакавскими мурзами да с виртыяновскою мордовою, а от раменя по врагу на речку на Ишкинзу, на Борисово поле, на Медвежей камень, да назад через Шкинзу на Каштараз речку, на низ, а от Конштараз к Троксузналге.

Да Отяпы же Налетева // (л. 135 об.) да Учая Вечконапина особная вотчина двоих их тово ж Чепчерчянского беляка: от Миявлей речки вверх речки Сармы по обе стороны до устьи Нелея Старово, да вверх Инилея до казгарского до рубежа, да на вершину на Миявлей и на низ Миявлей до усть Миявлей, правая сторона шокшинские мордвы, а левая сторона их, Отяпина да Учайва. А в тех их вотчинах, в бортных ужожеех, знамена по кото // (л. 136) рым оне ходят всею деревнею:

знамя Отяпы Налетева;

знамя Офтая Налдянова;

знамя Отая Паркина;

знамена особные: знамя Отяпина, знамя Учя ево.

Тое ж деревни Тянгушевы Парамзы Чиняива особная вотчина Татарской ужожей тово ж Чепчерчянского беляка: от Пикшилея через Кянергу да по Третьей враг, да вверх по Третьему врагу, по левой стороне до афтодеевсково // (л. 136 об.) рубежа, на речку на Сарму, да через Сарму по рубежна с Тотосем, а от Тотосева рубежа к Саметцкому верху, а от Саметцково верха порубежна с мелсетевскою мордовою, а о мелсетевского рубежа х Кевлейскому верху, а от Кевлесково верха х

Кинелейскому верху, а от Кинелейского верха да Корзыанской дороги, левая сторона иво, Паромзина, а правая сторона пинизлейсково мордвина Кедереваца, через // (л. 137) Сарму на враг на Кинперделей, да перелещи через враг вверх по вагу, по правой стороне, да на тот же Пикшелей. А в той вотчине, в бортном ухожее, знамя иво Паромзино по которому он ходит: , вилы с тремя рубежи.

По скаске тое ж Тянгушевские деревни мордвы, их деревни выморочные вотчины, бортные ухожеи, тово ж Чепчерянсково беляка. И се выморочные вотчины с ними ж судерев. А тех де // (л. 137 об.) вотчин их деревни мордва после писцов вымерли, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухожеи, лежат впусе. А тем мертвой мордве имена: Кеченапа Нуштанов, Пиняй Кистанов, Нагай Вечконапин, Ушманко Кунев, Анаманко Кузоватов, Кажайко Кудеярев, Селмоватко Кошкин, Ирменза Чиндясов, Кижедейко Учাপин, Кожайко Полатов, Болтайко Ефаров, Семенейко Мокшов, Сескай Чемаев, // (л. 138) а жены де их и дети вымерли ж, а иные побиты в Смутное время. А по которым знамянам те морда которые померли в своих втчинах, в бортных ухожеех, ходили и их знамена:

знамя Кежманово;
 знамя Кеченапи но;
 знамя Пиняево;
 знамя Начаево .

Тово ж Чепчряского беляка за мордвином за матизлейским за Козяном Зясова з братом вотчина, бортной ухожей, // (л. 138 об.) на речке на Митизлейке: на низ до Сармы речки, по обе стороны, на речке на Сарме заводь, а от заводи вверх по Сарме до Зимней дорог, левая сторона, а от Зимней дороге до раменья, а от Судалея на низ под Угудалею, по левой стороне, до Сармы, да вверх по Сарме, по обе стороны до Миевлей. Тое же вотчины Козтарка от Сармы до Улчавме речки, от Учавмы речки до Венкинзы, а по Вечкинзе по обе стороны вверх // (л. 139) до Силевки, где отец их хаживал туды, и они. Знамя в том ухожее //

(л. 139 об.) Беляк Тялденской

Деревни Пошатовы мордвы Соломаска Авкеманова з братьею вотчина, бортные ухожеи, на речке на Ваду: а с ряду скрай нижней рубежь Шочкунгужей, а от Шочкунгужей на Памажиньжей, а от Памажиньжей через раменье на речку на Ньюдеву, по обе стороны, по Идовской дороге к полю идучи до Сюмаленские верхи, а от Сюмаленкие вершины на Киты, // (л. 140) а от Киты через поле до Ваду, да через Ваду верхней рубеж с Ламзадимским беляем, от Ваду Итленская речка вверх, а от Итленской речки до речки до Матлея через ее по вершину по Матлейскою, через дороги да вершины Сунсленская, а через Сонксля по вершине вверх, а от Сунсленской вершины вершина Ковыляй, да через Пенкирлатки, Ошленским верхом, левая сторона на низ до Ваду, с Казненским об рубеж да на Ваду, // (л. 140 об.) на речке Кивзедовской ухожей липяг по обе стороны речки Ваду, вверх по Ваду, нижней рубеж речки Керенова, а верхней рубежь речка Калмалина, да на речке ж на Ваду липяг на Катасе, вверх по Ваду, по обе стороны, да по речке по Мокшелинкисе до верху, да от Мокшелинки к речке х Котлу, да верх по речке по Котлу, да липяг на Кунезвере, об рубеж с тмиковскою мордвою, да Шамола// (л. 141)ткава на низ, левая сторона до Нерломовы речки, а на ней липяг Ковакапаура, через Аштагзы, по обе стороны речки Нерломовы, вверх до Серковы, да по верх речки Сярьковы, по обе стороны Норламовы речки липягами и з дубравами, от Верхнерламамом х Табаура, на низ по Каргелею, левая сторона их, Авкемана з братьею, а правая сторона Пинемасова, да на низ до усть речки Ваду да Тялдемской липяг з дубровами // (л. 141 об.) и с липяжками, и с полем, вверх по речке по Кереносе, да на Сузимбауа, а от Сузимбаура на Калмадеим да на Кертеню, да от Кертени на Стряшлима, а от Стряшлима на Ломбаура, да на верхи на Шелдоимски и на низ по Шелдоисе, по обе стороны, на низ правая сторона дороги, да по дороге то обе стороны, да на низ по Рябсторон, по обе стоны, а от Порябсторон вверх, правая сторона опрышнин Кастьян// (л. 142)терга у Соломаса з братьею сумес с Емикеем мурзою Корклячевым. Да у Келемала ж з братьею собинная вотчина Шуркишама: средней враг по рубеж с Видясем Сергидеевы на Котлежъ, да на речке ж на Вороне Нявяжлев, верхней рубеж с Кеняпою Лемясевым, с пошатовским мордвином, а нижней рубеж по Ратксенской исток. Да оприченно липяг на Инекоске. А в той их Саламаскове Алкеманова з братьею в вотчине, в бортном // (л. 142 об.) ухожее, знамя по которому оне ходят: знамя Соломасово з братьею.

Да Пошатомские ж деревни мордвы Беляйка Видясова да племянника иво Худяна Жанина особная вотчина, бортной ухोजей, тово Тялдемсково беляка Иляздявинской по реке по ^{10*} вверх по обе стороны, нижней рубеж по Ушарюкиню да по исток з Большово Гаю, а исток // (л. 143) Тележница к Оносовой Веретее, опришникка их и ништо не мешаецца, да сумеж с темниковскими татарыи и с мордвою, со многими людьми липяг Телмалибоура, а рубеж с Чербаком же Мурзою Куникеивым. Да липяг Скалбаура, да с ними ж сумес липяжок Ковереня да Имакапаура по рубеж с ценскою мордвою с Карниными да по Тялдемской дороге. А знамя в тех их вотчинах, бортных ухожеех, по которым ходят:

знамя Белянка $\circ \circ \circ \circ$ Видя// (л. 143 об.)сева шесть рубежов;

знамя $\circ \circ$ Худячка Жданина.

Того ж Толдемского беляка деревни Пошатвы мордвы Беляйка Видясева с товарищи особная вотчина, бортной ухोजей, на реке на Вороне: Литвинской ухोजей Медвежей Обдирик, ухोजей Арземаской, нижней рубеж с польской стороны поперек по Иласкоперской стороны, а с русской стороны по обод берег ся обрушил, // (л. 144) а вверх по речке по Вороне, по обе стороны с лугом и з дубровами, а верхней рубеж по Михалеву заводь. А знамя в той вотчине в бортном ухожее по которому оне ходят: знамя Беляйка Видясева $\circ \times \circ$ с товарищи.

Да деревни Пошатовы ж мордвы Ломаки Шиндяпина з братьею особная ж вотчина, бортной ухोजей, да с ними ж деревни Журавкины ходят мордва Кумортка Учеватов з братьею // (л. 144 об.) тово ж Тялдемского беляка на реке на Ваду: по врагу, нижней рубеж да на Большую Патьму, да с Потьмы на Лакинской верх с княжими об рубеж, на низ по речке по Лаке, по правой стороне, мимо Накилидим, с Калидима на село Баринскую Речку по Большой Водоточине вверх, с Корниными об рубеж, да по перещипу полям, да на речку на Чевгарь на низ по речке, правая сторона по реке по Ваду по Чевгарьское устье, да на реку // (л. 145.) на Ваду по обе стороны с лугом, и с полем, и с падучими речками.

Да пошатовское ж мордвы Кеняпы Лемесева с племянники, да иво ж, Ломаки Шиндяпина з братьею, вотчина, бортной ухोजей, на Ваду: Течине на Чююше, по обе стороны, верхней рубеж с шуриною мордвою, а нижней рубеж с Санганapoю Кумаивым, дуброва с липягами. Да у них же Афтамбаура да Сембаура на вершинке на Лаке, по рубеж с Корнеивыми. Да у них же на вершинках на Чевтар// (л. 145 об.)ских дубровках да тово ж ухोजея на Тюштянове поляне на вершине дубровка Тюрекячко, об рубеж с Кажницами, с темниковскою мордвою. А в тех в обоих вотчинах, в бортных ухожеех знамена:

знамя Ломаки $\times \circ$ Шиндяпина з братьею и с товарищи;

знамя Куморко $\circ \circ$ Учеватова з братьею.

Того ж Тялдемсково беляка деревни Пошатовы ж мордвы Ломаки ж Шиндяпина да Кечета Черпина вотчина, бортной // (л. 146) ухोजей, особная на Тютянове поле Инепоура липяжок. Того ж ухोजея на речке на Лете Вечетембоура, вверх по Летеву, по левой руке. Того ж ухोजея Куюскапаура об рубеж с Ышмаметем Тохтамышевым, да по Большой враг, верхней рубеж, а нижней рубеж с ценскою мордвою, и с тальники и з дубровками. А в той их особной вотчине, в бортном ухожее, знамена:

знамя Ломаки Шиндяпина $\times \circ$;

знамя \times Кечатово.

Тое ж деревни Пошатовы мордвы // (л. 146 об.) Тялдемсково ж беляка Кеняпы Лемесева с племянники вотчина, бортной ухोजей: по речке по Каргелей, да верх по Ваду, по левой стороне, да по Мокшелыке по Кежаев вроз, верхней рубеж, с липяжками и з дубровками судерев и об рубеж с темниковскою мордвою с Онасем и с Лапынею, нижней рубеж с Емикей мурзою Карклычевым. Да у них же на речке на Тегневе липяжок, нижней рубеж с Ломакою Шиндяпиным, а судерев с Неверком с Ыскап[...] // (л. 147) да с Октуганом Болкаивым: под обе стороны Идовской дороги липяжки Ордмас да Вижамзра, судерев с Октуганом Боткаевым да с Ыльясом с Порниным, да за речкою за Тюрею липяжок об рубеж левекими с темниковскою мордвою да с Октуганом Боткаивым. Да у них бород Котуров об рубеж с Похмусом Ордапаниным. Да у них же особная вотчина, бортной ухोजей, от Вадовских верхов по Большой дороге, левая сторона по Толковское верхи, на низ по речке по

* ¹⁰ в рукописи не читается. – А.Б.

Толкеве, да вверх Идимгу, // (л. 147 об.) да Скире верхи. А в той их вотчине, в бортном ухоее, знамя: Кеняпы Лемесева.

Да у нево ж, у Кеняпы Лемесева с племянники, особная вотчина, бортной ухожей, тово ж Тялдемсково беляка на реке на Вороне Вирявирь: верхней рубеж с Кечапою Богдановым, об рубеж речка Окалайсе, да вверх по речке по Калайсе, по левой стороне, да на низ по Вороне речки, по обе стороны з дубровками и с липяжками, а нижней // (л. 148) рубеж с Вяжмивскими земцами об рубеж. А в той их вотчине, в бортном ухоее, знамя Кеняпы Леме сева.

Да у них же, у Княпы с племяннии, особная ж вотчина, бортной ухожей, тово ж Тялденсково беляка на речке на Ваду, а от Ваду в Высокую Веретею, а от Веретеи на Тастина озеро, в верхней конец, нижней рубеж, а судеревщик с Собаеи Резоватовым да с Дячею Тотиним, вверх // (л. 148 об.) по реке по Ваду, левая сторона, покаместа вода взливает, а от Тастенсково озера на Васюру, а по Васюру вверх, правая сторона. А в той вотчине, в бортном ухоее, Кеняпы Лемесева знамя с племянники.

Вотчина бортной ухожей Селищенские деревни мордвы Торкая да Полата Кирендясевых детей по речке по Шочкеляе, по обе стороны вершины, да на речке на Чанбаре, верхней рубеж // (л. 149) Ярахтебя ногайская сторона, да с русские стоны Асамазав и с лугами, и липягами опришлина их, Торхана да Полата, обрубежщик Кичемас Армензин да Пахмус Ордапапин, да от Самазав на Кудовиритцкой бор, да с Кудовиринсково бору на Сюмеки бор, да на Сазгерню, а с Салазгерня их опришлина, Торханова да Полатова, до Сюмаки бору на Полаксерку на озеро, да по озеру на низ до Ченбура, да от устья от Палоксерки на низ по Ченбуру до устья до Ченбар// (л. 149 об.)ского до Вороны, да от устья от Ченбарского на низ по Вороне, по левой стороне по Нагайской луг Перфора, пришлина их, Тархаева да Полатва, да от Перфорая до Сурины до речки, а по Суреней по обе стороны до вершины, до Суходолик, до Марайкечки, а обрубежщики с ним Каяшев да Сухобден Поратовы. А знамена у них в тех вотчинах: знамя Торхтаново, знамя Паро ватово.//

(л. 150) Кадомские вадовские мордвы деревни Порамзины Келгени Семенова да Паравата Иванина, да Анаивы деревни Неверка Тырвасова з братьею вотчины, бортные ухожеи Тялдемсково беляка: на диком поле по речке по Керсе вверх по правой стороне, порубежники с Емикеем мурзою Карклячевым, да липяг Сиипуру с тальниками и з борками, об рубеж с пошетовскою мордвою с Лапынею Чюркиным, да липяжок Кярьгена. Да их же вотчина бортной ухожей // (л. 150 об.) на речке на Шелвасе, верхней рубеж Келдуиюня верхи, по обе стороны, да вниз по Шеваксу, правая сторона, с лугами и з дубровками, да по Килучянчки до Учлукал, да по Карамаслатке, да на Усмакяску, а Усмакячи вверх по правой стороне, до вершины до речки Каураксы об рубеж с Учюватом с Ыкетевым, да по Каурасу вверх, правая сторона, порубежщик с Ыскетем с Ардашевым. Опришенная вотчина до Тумакалида, бор// (л. 151)тной ж ухожей Вададимской на речке на Толкове, а от Толковы речки до речки до Солонги, рубеж с цненскою мордвою с Митянею с Кичемиревым, да на Кудакалею по речке по Ломове, по обе стороны на низ, нижней рубеж до речки до Чепчелеи, да по речке по Чапчелеи вверх, по левой стороне, а от Чапчелея до полянки Азаранзяву, судеревщик с Кечапою да с Овманзою Ошатовым, да липяг Нарьдимской ухожей, около их поля, с липягами и з дубровами до Кунадим// (л. 151 об.) и с малыми липяжками, судеревщики с ними Потой Вирясев, до Севемя на речке на Пачелме, да липяжек Краселга на речке на Вороне, да липяг Пачелми, а об рубеж с виревенскими, да Воронской луг по обе стороны на Илязим, а нижней рубеж с Пузенками, да за рекою за Вороною, липяг Нерьщов, судерев с Пятым Вирясевым, да по Малой Мерьщовке вверх, по левой стороне до Пятивра, а от Пятивора на низ по речке по Вороне до Килда// (л. 152)паура да Нуштавамы, а от Нуштаваумы на Варашку, а от Варашки вниз по речке по Вороне и с полем, и с липяжнами.

Да у Келгени ж да у Поровата особная вотчина липяжок Кярга да Козиная дуброва с тальниками, об рубеж з Бябею с Нороватовым, да липяжок Шувняр, да липяг Луднопоура, да на речке на Парце за ними ж, за Пороватом да за Келгенею, борок Густатов Пераменем верхней рубеж Ломшелея, // (л. 152 об.) да до Парчемсково устья с лугом, а нижней рубеж сверху Иревелея. Да с ними ж пошатовсково мордвина Еманая Кумашева вотчина на Лудборе да на Тялдеме и с липягами, да на Нардоме, да на Пачелмена речке на Вороне, да луг Воронской по обе стороны. А в тех их вотчинах, в бортных ухожеех, знамя Кумашева сына.

Да Келгени ж, да Пороватово, да Неверово особная их вотчина, бортной ухожей, Саснуровской на реке // (л. 153) на Ваду: нижней рубеж Луксеарки да вверх по Сузелей, а от Сузелея до вершины до Вединской, а от Веденской до Пичкижлей, а от Пичкинжлей речки до Ваду, от Карга-

шинской до рубежа вниз по реке по Ваду, по обе стороны, и с тальником, и з борами, и з селниками, и с рыбною ловлею, а судеревщик с ними Видяй Куштапин, куды ходит Видяй в которых вотчинах, а оне, Келгена с товарищи, ходят с ним же месте в тех вотчинах во всех // (л. 153 об.) за зверями с Лосиным станом и с медведем, и с лисицою, и з зайцом, и со всяким зверем. А в тех их вотчинах, в бортных ухоеех, знамяна:

знамя Неве рово;

знамя Поровата Иванина ;

знамя Келге нино.

Тое ж Парамзины деревни мордвы Видяса Сухово да Невера Пахмусова, да Поскута Пороватова, да деревни Анаевы мордвина Пиняка // (л. 154) Киняжепина, да Пиня Теркеива кадомсково татарина вотчина, борной Шинкиленской ухожей, тово же Тядемсково беляка: усть Крадоморги, а от усть Крадоморги по Сырти до речки до Ольховки до Шнамюской ухожей липяг по обе стороны Буртасу, да до устья до Буртасу, да Ноксазги, а до Ксазги тюевских татар Жилы да Ишмаметя Тохташевых, а им мордве до Ноксазги дела нет, да липяг Орывской верхней // (л. 154 об.) рубеж Вязовка, да по речку Пинизер, да по речке Пинизере, по обе стороны, з дубровами, да по верх Ветреску по тальником, да по прислону Буртаской¹¹-ворее у них буртаской^{11*} бортной ухожей, да вверх по Каруню до Мочабаура с лугом по обе стороны, да липяг Квакапауре, да Шичкилянской лес, порубежно с Митянею с Кичемиревым, да с Кечапоу з Богдановым. А в тех их вотчинах, в бортных ухоеех, знамена по которым // (л. 155) оне ходят:

знамя Видяса Сухово, вилы с черырма рубежи;

знамя Неверка Пахмусова, вилы ж с четырьмя рубежи;

знамя Коскута Пороватова, четыре рубежи;

знамя Чиняя Теркеива, дуга с четырьмя рубежи;

знамя Пинякино вилы с тремя рубежи.

Тое ж Паромзины деревни мордвина Кафтки Полатова вотчина, бортной ухожей, Тядемсково ж беляка за речкою // (л. 155 об.) за Пцелюю от нагайской стороны Вададимской лес, а судеревщички с ними Патап Шиндяпин з братьею да Келгена Семенов з братьею, да Шатцкого уезда Василей Месницов, да за речкою за Ломовым от нагайской же стороны Текорня липяг, бортной ухожей, а судеревщички с ними те ж Потапко с товарищи, да за Ломовым же ево ж бортной ухожей Инярземской липяг, да за речкой Вороною от нагайской стороны бортной ухожей Варашка // (л. 156) липяг, в том ухоеее судеревщички с ними Потапко ж да Келгена з братьею, да темниковская мордва Анка Акешасев, да Шатцкого уезда литвин Коуша Деев з братьею, да за речкою за вороною ж бортной ухожей Кевгудпоура да Шиньгепеньбоура липяг, да ухожей Кунадема липяг, а судеревщички в тех ухоеех Потапко ж да Келгена з братьею, да темниковской мордвин Анка Ошасев з братьею, да Шатцкого уезда мордвин литвин Коуша Деев // (л. 156 об.) з ратьею. Да бортной ухожей иво ж Кафтки Пачкарга липяг с малыми липяжками и з дубровками, и со всяким угодьем, а судеревщички с ним, с Кафкою, Потапко ж да Пелгена з братьею. А в тех ево Кафткиных вотчинах, в бортных ухоеех, знамя ево , Кафкино.

Да иво ж, Потапка Шиндяпина вотчина на речке на Тенетердакса по Большой дороги на праве, об рубеж с Кеняпою. Да за ним же за Потапком // (л. 157) Шиндяпиным да за Момолайком Видясевым, да за Мялкою Тохтаниным вотчина, Нардемской бортной ухожей, Вадыдим, да Текурня сумесь с Келгенею Семеновым, да липяг Нарядим з дубровками и с липяжками, что к нему пристали, да Кунудим, да Кукстапоура, да за Вороною Варашка, а ходят Варашке с ценскою мордвою. Да их же вотчина Киндепоура до Суракакячка дубровка, да за Вороною липяжок Пуштавайма, да липяжек Исерма, // (л. 157 об.) да липяжок Евга, да Паура, да Шинзапаура, да липяжок Шиндипетмепаура, да Шиволгампетеваря липяжок. А ходят с ними в тех вотчинах Кумортка Учоватов. За ними ж липяг Нерчов, судерев с тем же с Куморткою. А в тех вотчинах:

Знамя Потапково;

знамя Момола йково;

знамя Мямяле скино.

* ¹¹⁻¹¹ в рукописи над строкой, читается неуверенно. – А.Б.

Тое ж деревни Парамзины за мордвином за Видяском Сухово вотчина, // (л. 158) бортной ухोजей, на речке на Буртасе на Ширкили липяг. А знамена в той вотчине орлов хвост с четырьмя рубежи. А владеют вотчиною липягом по купчей, что он купил Шатцкого уезда деревни Гламазовы у мордвина у Качеватка Анамасова 119-го году.

Деревни Пошатовы за мордвою за Жданком да за Седым Авкемановыми, да за Беляйком Видясовым, да за Юркою Арданапиным вотчина, бор// (л. 158 об.)тной ухोजей, на реке на Ваду, по обе стороны на Кизедом Веляземе верхней рубеж с верх Вержевского ухोजее по рубеж с Шиндяпою с Адатовым да з Беляем с Момолаивым, а верхней рубежа на низ по обе стороны Ваду до Аркясовского ухोजея, нижней рубеж с Нороватом с Ковсевым да с Налетом с Кечатовым сыном Красные Мошни. А знамя в вой вотчине , пять рубежев. А владеют по купе ж, что они купили у Покая // (л. 159) да у Ломакая, да у Бигилдея Чимниных 98-го году.

За мордвином за Шинятою Саватовым жеребей вотчины, бортного ухोजея, Алышев липяг по Талдемской дороге, по обе стороны. А знамя в том жеребью . А в рубеж верхней конец с Акбердеем Тотарином, а нижней со князем Янглычем з Бедишевым. А владеет он тем жеребьем по своей купчей, что он купил у Невера мурзы Тенеупина 82-го году. //

(л. 159 об.) За Шиндяпою Саватовым з детьми вотчина, бортной ухोजей, по реке по Ваду, по обе стороны на Еламзеву до Темрепура, да с Калмепура до Кодорочья. А знамя в той вотчине , шесть рубежев. От между врхний рубеж с верх Важенскими земцами з Беляем с Момолаевым да с Черпою Нолимасовым, да с Умеско Жданею с Овкемановым, да з Беляем с Видясевым, а нижней рубеж с аркедовскими с Чюркою Пуресевым да с Паро// (л. 160)ваттом с Ковтасевым, а в сторону рубеж с Куникеем мурзою Бинеивым. А владеют оне по своей купчей. Что они купили у темниковского татарина у Покая Семенова в деревни Починополонья 98-го году.

За пошатовскою мордвою, за Ломакою да за Потапкою Шиндяпиными, бортной ухोजей Алышев липяг на поле, идучи по правой стороне, з дубровою и с тальниками, об рубеж с темниковскими татары с Козеем Озбердеевым, да по другой стороне // (л. 160 об.) дороги липяжок Орбаура, об рубеж с Уразаем Янглычевым да с Шемикеем Карклячевым, да тово ж Алишева липяга урывок, да липяжок на Шуране, об рубеж с вадовским татаринном с Янгозою, а с нижнево когца с мурзами с Емикеем да с Уразаем, да за ними же на диком поле к Вороны на нагайской дороги липяг Авнапуру з дубровою и с тальниками, и з гаем.

За Ломакаем з братьею бортной Кизиков // (л. 161) ухोजей с лугом и с раменьем, и з бором по обе стороны по реке по Ваду, и с липягами Темирбоура, и с Килбаура, к полю идучи по Тямской дороге, да на левой стороне липяжок Коверня, по обе стороны дороги, судеревшики с шатцкими татары с Корнеевым и з Байшем. А в тех ухожеех знамя Ломакино з братьею , знамя Ломаки но.

За ними ж вотчина, бортной ухोजей, на речке на Вороне, с польскую сторону, и по обе // (л. 161 об.) стороны липяг Авчюповра. А замена в той вотчине: , , . А владеют тою вотчиною по купчей, что они купили у пошатовских татар у Чмакая да у Чимака Кумашевых 112-м году.

За вадовским мордвином, за Шинкою Беляевым з братьею и з детьми, вотчина, бортной ухोजей, Тялдемского беляка на Верхней Сасне и да на Буртосе, да на Оргове, з дубровами и с лепягами, и с полем, и с тальниками. Знамя в том // (л. 162) ухोजеи курья лапа с пятью рубежи.

Деревни Селища за мордвином, за Бябею Нороватовым, да деревни Равкины за Кечасом Вечкинзиным вотчина, бортной ухोजей, на речке на Ваду, по обе стороны, Арсядуской, нижней рубеж по Шонкозгужи, от Шонкозгужи на Помажнжей, через раменье на Ньюдеву на речку, по обе стороны по Идовской дороге к полю идучи до Сюмаленские вершины на Киту, да через // (л. 162 об.) поле по Ваду, да через Ваду, верхней рубеж с Ламзадемским з беляем, а от Ваду Итляские речки вверх, а от Итляской речки до речки до Матлея, через по вершину по Мартленскую, через дороги до вершины Сукленские, через Суклей по вершине вверх, да через Ковыляй, да через Пенкирлайки Ошлеитцким верхам, на низ левая сторона до Ваду, с Казненским об рубеж.

Да ухोजей Тялдемской липяг з дубровами и с липежками, и с полем вверх // (л. 163) по речке по Кереносе да на Сузимбаура, от Сузимбаура на Калмадимей, да на Кергеню, от Кергени на Стряшлима, от Стряшлима на Ламбаура, да на верхи на Шелдемские и на низ по Шелдеисе, по обе стороны, а на низ одна правая сторона до дороги, и по дороге, по обе стороны, да на низ по Рябеспорог, по обе стороны от Рябеспорог вверх, правая сторона, да липяг на Кузнедере об рубеж с темниковскою мордвою, да Шамолатка одна на низ, левая сторона до Нолормов речка, // (л. 163 об.) липяг на ней Кавакапаура, да от Кавакапаура через Ашманзы, по обе стороны Норломова вверх до

Сярковы, правая сторона и з дубровами, и с полями, и с малыми липяжками, да Бябин липежок Шотонза опришникка. Знамя Бябино, знамя Кецасево.

За вадовским мордвином деревни Овдаловы за Кежеватом да за Лопырем Резоватовыми, да деревни Селища за Вечконапою // (л. 164) Налимасовым вотчина, бортной ухोजей, на Версайсе, да на речке на Келевлеине, и по верх Келевлеины рубеж с Кечапою Богдановым. В том же ухोजею Варсяисунские липяги Макспоура, да Пригонбоура и с малыми липяжками, и з дубровами, и с полями. Да на Бургасе и Непоура с поромзинскою мордвою судерев, да липяжки опричнныя Ялгоня Досермабоура з дубровами и с полями, а Павярсаском ухोजей, рубежчик с каляевскою мордвою, // (л. 164 об.) с Видясем Сухово. А знамена в тех ухोजеех:

знамя Кежеватово ; пояс да семь рубежов;

знамя Лопырево ;

знамя Вечконапина Лимасова.

За Кежеватом же да за Лопырем вотчина, бортной ухोजей на Ореве по обе стороны Ореива, нижней рубеж по Нижней Вязовке, вверх по Ореве, по обе стороны с липягами и з дубровами, и с речками, и с кочками. Да бортной // (л. 165) ухोजей на речке на Вороне по обе стороны на Полдрембола, а нижней рубеж с тотары с ценскими с Ыванчою Козюковым. Да на той ж на Вороне на низу, на Болакее лес и с речками, и с лугами, и с озера, и с истоки, да липяжок, у створ Ива, до и Бургасу, да вверх по Бургасу три липяжки, да по речки по Трупаю з дубровами и с плями. За ними ж бортной ухोजей на речке по Ваду, по обе стороны, а рубеж с Шинкою з Беляивым, а з другой стороны с Петенею Кичемасовым, с речками // (л. 165 об.) и с озера, и с истоки. Да ухोजей Ались да Келматрь, лес и бор порубеж с котельницкими бортники, а з другой стороны по Шатцкою по Большую дорогу, да на краю на Парце по обе стороны, с речками и с полями, и с лесом об рубеж с Пороватом Кичемасовым, а з другую сторону Мялски Тохтанина.

За вадовским мордвином деревни Селища за Онаем Мелсапиным вотчина, бортной ухोजей, по речке по Ваду, вверх до Кешане, по правой стороне, // (л. 166) да вверх по Парце, левая сторона, где ходил Иван Тиляев. За ним же бортной ухोजей на Шонкиляе, судерев с Видясем Сухово. За ним же особой борок на Шонкелее, на речке на Вороне Кечембоура Куняжлеева липяжок на Ужеве, вверх по Ужеву по обе стороны з дубровками, да на низ по Уж, едучи к Елучанке, да Айсамозав вверх по Ченбарупо обе стороны, а судерев с ценскою мордвою, да об рубеж с Выревыми по Старую Зимницу з дубровами и с лугами, а нижней // (л. 166 об.) рубеж по полю в Частых тальниках об рубеж Полаткин Ардасев. За ним же бортной ухोजей на Максепоура, да на Шафтиляе, об рубеж по обе стороны Ченбарцар с Выревыми. За ним же на речке на Кенбарце бортной ухोजей, нижней

рубеж знамя Она ево, об рубеж ценским бортником с Офонкою, да вверх по Ченбурцу по Рфера, по обе стороны з дубровами и с лугами. Да на речке на Вороне Серапаураня, да борок, да ухोजей на другой // (л. 167) стороне речки Вороны, туто ж ходит Кежеват Поуре, да на борок, да на Чюмок бор. Да ухोजей на Кяжатверь, да борок, да вверх по Вороне по обе стороны вверх с липягами и з дубровами, да на Вороне ж на реке липяг. Ухोजей на Шдав вверх по пойме по обе стороны до верху с липягами и з дубровами. И со всяким угодьем. Да от Малой Кяргяни за ним ж ухोजей на

Сярдапире з дубровами и с тальниками. А знамя у них в тех ухोजеех: знамя Анае во. //

(л. 167 об.) За мордвином за Богдашком Вячиным з братьею вотчина, бортной ухोजей, на Ваду на речке в Овдаове. Нижней рубеж з Шиндовым з Беляивым, а верхней рубеж с Носырем Памшевым, по обе стороны Ваду с озера и с перевесьем, на Ценской дороге на право, судерев с вадовским татаринном с Янгозою Кудашевым да с мордвином с Лопырем Резоватовым, покаместа старинная их вотчина на речке на Парце на Мургосяду, нижней рубеж // (л. 168) с Кичемасом Пораватовым по Суксоворенское устье, вверх по Суксовору, по их старям, куды их стари, да вверх по Парце, по обе стороны, да по Кячке, по обе стороны и с полем, и з дубровами, на Салазкярге, судерев с Копосом Похмусовым пока места Тюрикуштани на стари, а их по теж места на Шураче, а судерев с Козенбаем Ияшевым з братьею, поверх Шелдейся с Пурембаура, об рубеж с Мелсяпою с Овмановым, да по верх Кянярги Куртунбаура, по рубеж с Толдемом // (л. 168 об.) с Пороватовым Иваниным, да на низ по Кянере по обе стороны полем на три дуба, а от трех дубов на Чуюшквал, об рубеж с Ломакою Шиндяпиным да с Кечатомс Черниным, да на Кудакупаура по рубеж с Кулапою з Дениным. Знамя Енгозино; знамя Богданово ; знамя Козенбаево.

Кадомского уезда воводские мордвы деревни Селища Вельмися Кечетова з братьею // (л. 169) вотчина, ухोजей Санснуровский, а рубеж тому ухोजею с котелнискими бортники, а з другую сто-

роны рубеж томуш ужожею деревни Каргашины мордва. Да бортной ужожей за Вадам, нижней рубеж от поля Совар до Парцы, да вверх по Парце от Водовской стороны до Ереварки, а от Ереварки да Поромзинские деревни, а с Поромзины деревне до волок смарки бортному ужожеи Сметищенской, а приспяты да Икечета рубеж и до Идовкая дорога, а другой рубеж от поля речка // (л. 169 об.) Чюушь з бором и с полянами. Бортной ж ужожей Краинской, рубеж от Самасляй Тележная дорога к полю, а от тое Тележной дороги на дуброву на Сижюктукал, да возле Макапоура по дуброву, да на вершинах на Малые тальники, да на Итлея на низ по Итлея и з болотами, да Мартлея, да вверх по Мартлею по Ушляю, рубеж с Чюрушем да з Бябю, на Суксляную, да вверх по Суксляе, да Пичлатки, да вверх по Пичилатке, рубеж с Онаем да с Мучурою, // (л. 170) да с Пичилатки на Самасляю Анраенском ужожее, ходит с ним мордвин Пятка Вирысов з братьею. Да у Пятки ужожей на Кяргяне, а рубежь ему ужожею с пошатовским мордвином с Потапом Шиндяпным. Да у Пяты ж бортной ужожей на Курямбаура с племянником, на Кирьгиляй, а на верх рубеж с пошатовскою мордвою от польской стороны от лесу, а с мокшанской стороны рубеж с Емикеем мурзою Карклячевым. Да у Пяты з братьеми, да у Вельмися з братьеми ж // (л. 170 об.) ужожей вотчинка на Ломове под Куляю, вверх на Вергалнуру, а другой рубеж по другую сторону на Чапчала, а от Вады Демезаламов да Паскарги, а рубеж Паскарги с ценскою мордвою, а от Паскарги на Кунадем Воронской ужожей вверх Вороны на Вирыкши, а от Варакши за Вороной на Потмусеру, да на Яряунбяр, да на Нешу, нижней рубежь тово ж ужожея на Нешу, а с Нешю до Вороны, а с Вороны на Симбоур, нижней рубеж от Сибоуры на // (л. 171) речку на Почалму, да вверх по речке по Пачалме да Кудыдемя. Да в том же ужожее у нево ж, у Пяты, оприченной липяг Сенбоура. А оброк с тех своих ужожеев с вотчин государю платят в Тялдемской беляк. Знамя Вельмисево , шесть рубежов. Знамя Пятки Бирясова. А владеет Вельмис Кечатов тем бортным ужожеем по купчей деда своего Кумарчки Кирткина промежь реки Ваду да реки Парчи. Знамя , что знамя дед ево купил у Откамера // (л. 171 об.) Демясова 59-го году.

За пошатовскою мордвою, за Полатком Морясевым с племянники, бортной ужожей на речке на Ваду на Казнеме, нижней рубеж с Лопшатоном, а вершней рубеж Арскяву, по обе стороны Ваду з дубровками и с липяжками. Опришенка за ними ж на речке на Лундаме в поль идучи левая сторона по дороге, за речкою за Лундою липяжок Лудбоура, судерев с вадовскою мордвою с Келгенею Семеновым. // (л. 172) У них же на Талдеме ужожей с липяжками ж и з дубровами об рубежь с Емикее мурзою Корклячевым. У них же на Норломских верхах у Сошенки с тальниками. Знамя Пола това. Да за Лумдалом липяжок на Пинтанде об рубеж с ценскою мордвою.

За мордвою Селищенские деревни за Вичюю Кирдяниным, за Печаватком Ашеватовым да за Богданком Енговатовым Ведемской бортной ужожей вдоль вверх по Котлу, правая сторона до Стяйна, а за Станею // (л. 172 об.) добровка, да вверх по Стяйне до Сичеуля, а от Сичеуля до Кулатка, а от Кудалатка до Смежной дороги, обрубешщик Полат Беляев, а судеревщик Саня Дурашев да Каталя Ивдолов, по Тележной дороге до Шанкинской Канапея ужожей на низ по речке до Водаля, по правой стороне до Тележной дороге, а судерев с Кечапою Богдановым. За ними ж ужожей Сядомской, Ав скромсяду Лемак Вышенским верхам, а в том Сядумском ужожее судеревщик Пахмус Овданапин, // (л. 173) мешаецца по орешнику на низ по Вышене, правая сторона, да липяг Сяналны, да липяг Мускабаура до Ардамаса, а от Ардамаса до Ежизбоура, ходит в тех же ужожеях шатцкого уезда тотарин, а другая сторона у Шелея Давыдина, обрубешщики кожлепцы Рузман Пароватов. Тое ж вотчины на Вороне на речке верхней рубежь Па Ире, да вверх по Ире, да на низ по Вороне, нижней рубеж поля к яру к Вороне, обрубешщик ценской мордвин Одманза, да на другой стороны // (л. 173 об.) Вороны исток Крутоярина, пошла вдоль по Оржеве по водопоймищу на Шпуас раменья Оржеват княжих, да по речке по Оржовке по обе стороны з дубровами и с тальниками до Царева перевозу и с полем, и с лугом, да исток из озера Выше впал в речку в Ворону в верхней, рубешники и Микита Коящев. Знамя Кечета Ошеватова, знамя Богдана Енго ватова.

Да ужожей Насуровской Вячи // (л. 174) Кирдянин з братьею, куды мешаецца Невер Сыскапин да Видяс Сухово. А они там же мешаютьца повально. Знамя .

Деревни Селища Шиндяпа Беляев ходит бортной ужожей вотчину на Ваду на речке по обе стороны на Канздубе, нижней рубеж с Шемякою с Лопшатоновым, а верхней рубежь з Бябею с Нароватовым, с лесом и с липягами, куды Сантана Падаонай ходит. Знамя Шиндя пино. // (л. 174 об.)

Да Шидяпа ж ходит в вотчину, бортной ухोजей, Кярдиской липяг на Лакинском верху, правая сторона, с липягами и с тальниками, и з дуровами, а нижней рубежь с Ломакою Шиндяпиным, куда ходил Корнил. Знамя Шиндяпино , орлов хвост, пять рубежей

Кадомсково уезда увадовской морвы деревни Селища у Кечапы Богданова з братьею вотчина, бортной ухोजей, на Вадовских верхах на Вадуваме, // (л. 175) порубеж с шичкимяненскими с Видясем Суховым, а з другую сторону с Пузенками, об рубеж по верх Нарлянские, вниз по Ваду, по Тележной дороге, от Пузенковых к Велдевские, с Велдевскими об рубеж, к полю, к Вышенским верхам по речке по Выше, вниз с липяжками с и тальниками от поля, левая сторона, а правая сторона с Елдевским да с Пахмусовым Орданапиным, да с речки с Выше, с низу вопчей липяг, судерев с Челеевыми с Лопырем с Селевым, да с того вопчего липяга Куфткома, // (л. 175 об.) об рубеж с Путадеем Армензиным, от Купфтамы к Евлею, усть Варманы, от Кевлея прямо через лес по осиннику, от осинника по Вярсанские верхи, с Селеивыми обрубежь с Лопырем, от Вярсанских верхов к Вададимским верхам. Да у них же бортной ухोजей на реке на Вороне а на Алижному, нижней рубеж по Калаксе, вверх по Калаксу з дубровами и с липягами, правая сторона их от Калакса, к Пурговинским верхам, об рубеж с Кирдяном // (л. 176) Енговатовым, да верхней рубеж Вороны, с Овмазанскими судерев, по обе стороны Вороны, поле дикое против их рубежев. Да у Кечапы ж з братьею опришенная вотчина Козяку ж з дубровками, да ухोजей с Наиснуровской с Ылясом Пурниным судерев. А знамя в тех ухोजеех: знамя Кечепы Богданова з братьею.

Вотчина бортной ухोजей Пахмуса Арданапина, пошатовца, да Невера Кирдя // (л. 176 об.) пина, селищесково мордвитина, да Малышева Вильмисева, да Куштапы Лемесева, подлясовцов, бортной ухोजей у них на диком поле на Сявидиме, а рубеж проток Кяргине, порубежники темниковская мордва Рузмай Кечапин з братьею, до речки до Ваду, вверх по Ваду, по обе стороны, а как не станет врагу, пошла Тележница, и вышла Тележница на Казякожу, порубежники им Вечеманей Шваков да Шиша Касызякин внук, а туды пошло Чистое // (л. 177) до Тюрюские вершины на Казачей дороге, от Никитинской вершинки по Летевской вершинке, вверх Секлевы липяжки, а верхней рубеж з Жилою да с Ышмаметем с Тохташевыми детьми. Да на речке на Волове липяг Пучадудяжберней да Овтунгал, нижней рубежь по Чегодаев брод, да вверх по Ломову, левая сторона, верхней рубеж по Чкедомишкосу половина по Шалкенс, да по Мишкальскую, а порубежники Пурснов Кушемасов да литвин Ушедеев з братьею. Да на речке на Кидяе нижней // (л. 177 об.) рубеж от Цырниря, вверх по Кивде, правая сторона, а кругом чистое поле. Да за речкою за Кивдою по речке Етмишке вверх, правая сторона, да на Чанбарскую вершину на низ, по Ченбарской вершине, правая сторона на Ваде, вверх по Мияре, по обе стороны, по рубеж по липяг по Кердак, да вверх по Андюлемне по большое поле, а верхней рубеж Сухой Звенковский липяг Лишнакаламе, с ними мешаецца Емаш Вячин. Да на речке жь на Чанборе верхней рубеж // (л. 178) Ольховая вершина на низ по Ченбауру, по обе стороны Исяскиняр, нижней рубеж по Нагайской брод, а порубежники с ними Торхан да Полай Кириндесевы дети. Да на речке на Вороне, нижней рубеж ото Ржякского ухोजея с ногайской стороны переполья, а с русской стороны по одпад обрушился берег, да порубежники ценские мурзы Бирдишь мурза Янаев да Уз мурза Васильев, да вверх по Вороне, по обе стороны, до верхнево рубежа, а верхней рубеж те же мурзы. Да у Пахмуса около Коло // (л. 178 об.) масова с Учаем с Кежайвым да с Чювашем Тенишевым, да с их з братьею, где они ходят, а ему тот же оброк дают с тово ухोजея с ними ж вместе. А знамя у них одно, а ходят по отметам: знамя Пахмусово.

Вотчина оприченная Невера Кирдяпиа да Малыша Велмисева, да Куштапы Лемесева на Мечпане, а рубежники с одное стороны Рузман Кечапин з братьею. // (л. 179) Да у них же ухोजей на Тюштяновском поле по Тяневда, а порубежик Окштас Пороватов, а з другую сторону тот же Рузман, а в нижнем рубеже Ломака Шиндяпин да и вся Снуровойкирусяснара, где Иляс Паршин да Видяс Сухов ходят, а им тут же. Знамя Неверово, знамя Малышево .

Да ухोजей оприченной Малышева Вельмесева по Ваду реке да по речке по Парце, а в рубеж верхней // (л. 179 об.) по Сузелей, а нижней рубеж по устья речки Парцу. А знамя в том ухोजее, Малыш ходит, орлов хвост А от Сузелея пошел к Парце да по Ревелей, да подле Парцы речки поженка на десять копен.

У жеравкинсково мордина у Комортки у Чюватова да пошатовской Видяс Сергидеев, да Сергей Шеркаев, Шиндяпа Беляев, бортной ухोजей на речке на Етмисе по Тулотвинское устье, да вверх по Тулутве, // (л. 180) по врагу, да на Панжилинские вершины, а где Тулутвинские вершины не стал, по старым гранем и по тесам, да на Большую Потью, да через Потью Шумпобаура, да на

Шувардомовскую вершину, да на низ Шуварды, по обе стороны да Шувардомсково устья, верхней рубеж на низ по Етмису, по обе стороны и с лугом, и с полем и со всяким угодьем, и с вершинами, а нижней рубеж, где Тулужской враг Воетми падет, по рубеж с Чоракою с Тотасом. У них же липяжки // (л. 180 об.) Чанбой з дубровками на речке на Варте, липяжек Крандаски, по верх Кранаски Кувакина липяжок, на другой стороне Вартеа, липяжка Виндрабоура, да возле тово ж липяжок Мерендуксе с полем и с тальниками, об рубеж и судеревщики с ценскою мордвою с Вышевеем. У них же бортной ухожей на Цне на речке, верхней рубеж с Мутясевыми, об рубеж по Урбулу, по обе стороны Цны с Истоки и с озера на низ // (л. 181) по Большой затон, з Большого затону на борок на Кранденские Крандаскина Потовирь, с Потворня на Шинежей, с Шинежнея на речку на Кашмат, с речки Кашмат вверх, на левую сторону с Ломаижцахи об рубеж, да на озерко на Кошпряс, вверх Коштряского устья на Ламаис, да вверх по Лимаису, правая сторона, на Цнашаманурпал. Да у Видяса ж, Сергидея, у Шиндяпы Беляива, да у Сергея Шеркаива бортной ухожей на Плюенбору, нижней рубеж по речке по Мокшеленксе, да вверх // (л. 181 об.) по Мокшеленксе, правая сторона, судерев с узненками з Богданом Авкимановым и с ево братьею, да вверх по Мокшеленке, с ними ж судерев, да в верхней рубеж с ними ж об рубеж, на низ по Котлу, по правой стороне, об рубеж з Богданом с Овкемановым с товарищи, да по той ж речке, по Котлу, на низ, на реку на Ваду, да вниз реки Ваду, правая сторона тово ж урывка на Выше на речке Пиляванбаура, нижней рубеж с ценскими по бором, // (л. 182) да вверх по Большому врагу, по обе стороны, по Казачье дороге на обе стороны, об рубеж с Похмусом Орданапиным, с вершками и с тальниками, и з дубровками, а з другой стороны об рубеж к Вышенской черни с Уздеватовыми детьми. У Видяса Сергидеева бортной ухожей на Тюшнянове поле, дубровка Калгуру с тальниками и с вершинками на речке на Теневе, об рубеж с Кеняпою Лемесевым, а з другую сторону об рубеж с Епокташевными. У селищенского // (л. 182 об.) мордвина, у Шиндяпы Беляива, бортной ухожей на Сядадумском, Котуров борок. Да товож урывок на Летевских верхах, в четырех местах липяжки об рубеж с Пахмусом Орданапиным. А замя у них у всех в том бортном ухожее:

знамя Се ргуши Серкаива;

знамя того ж Сергу шино;

знамя Кумор тчно;

знамя Видя; //

(л. 183) знамя Шиндя пино;

знамя Петени Армензина с тою ж мордвою.

Кадомсково ж уезда даводского мордвина деревни Селища Оная Мелсапина вотчина, бортной ухожей, на Зендубенской на речке на ⁴Ваду⁴, по обе стороны Ваду, нижней рубеж Шиняй, а от Шиняй х Кадомской дороге, правая сторона, до Мартлея на Лутьдамнуру, да вверх по Лумдом// (л. 183 об.)нору, правая сторона, да через Лумданор на Пичипанду, а рубежики с ними ценская мордва, да Чюушем липягов Танбаура. Да у него ж два липяжка с Линянална, а ценская мордва в нем с ним не мешаютца.

Да на Лсямакяргу, а от Сямакярги на Тележницу, а от Тележнецы на Отчаду, а от Чады опять на Тележницу, а от Тележницы на Пичилатку на Большую, а от Пичилатки // (л. 184) Чалатки Большие на Ковыляю да на речку на Ускужу, а та речка впадает в Ваду повыше Тонготужи, а полянка Шонкогужи и з борком, а в той полянке и в борку мешаютца с ним ценская мордва, да от тое же поляны от верхние стороны, от краю против поляны да Нюдева до речки, правая его сторона, до Идорские дороги, вверх по Нюдеву от Идорские дороги, по правой ж стороне до Шуварлея, по Онштай, а Онпокшая // (л. 184 об.) Пичиморга, да на речку на Лястему, да на Морстяс, а Морстяс па верх Ваду, да через Ваду да Якшини. Да в том же кругу речка Сычизмикугожа, да за Вадом борок Казнабичка, мешаютца сним в том цеской мордвин Пороват Идимов да Ивана Авкеманов, куды они ходят, а ему, Онаю, туды ж ходить. А оброк государю платить с того ухожее в Тядемской беляк с всею братьею вместе. Знамя Онаево сумежное с ценскою мрдвою, // (л. 185) знамя Онаево в том же ухожее его вновь .

У Мялски Тохтанина на верх Чюуша да на речке на Ваду, где Ломака Шиндяпин ходит з братьею, а Мялске ходить тут же, да на Тюшнянове поле к Непоура да Нечетембаура, да на Кудуара, судерев с Ломакою Шинпядиным. А оброк идет с того ухожее с Пошатовскою мордвою. А знамя в том ухожее .

Вотчина на бортной ухोजей водовского // (л. 185 об.) мордвина деревни Селища Петени Армензина на Пайдере вверх по Ваду до усть Котла, и вверх по Котлу, левая сторона, сумещик ему в тех вотчинах Деда Беляев, куды он ходит, Петеню туды ж. Да ухोजей по Ваду ж на Тотманпичине с Невером порубещик, правая сторона их. Да у тово ж ухोजей на Летевских верхах на Лепнапоуре, а рубежик им Пахмус Ардонапин. А мешаетца с ним тот же Деда Беляев, и с тальнтки, и з дубровками. В том же ухожее на Пилемосоуре з Дедею ж сумес, // (л. 186) да на Казнюбуд на реку з Дедею ж сумес, куды Деда мешаетца ходит, Петеню туды ж.

За мордвою ж деревни Селища за Торкаем да за Полатом Кирдяевыми по речке по Шечкеляе, по обе стороны вершины, да на речке на Чанбаре, верхней рубеж Ярях, наганская сторона, а русскую сторону Асамазов с лугами и с липягами, а пришли им Таркаю и Полату обрубещик Кичемас Армонзин да Пахмус Ардонапин, // (л. 186 об.) да от усть Измазов на Кудоверской бор, а с Кудоверского бору на Сюмаки бор да на Салазгерне, а Салазгерня опришнина Торкаива да Полаткова, да Сюмаки бору, да по Лускерпу на озеро, да по озеру на низ до Ченбару да усть от Палоксерки на низ по Ченбару, а от устья до Ченбарского до Вороны, а от устья от Ченбарского на низ по Вороне по левой стороне по Нагайсой луг Перфарой, опришненной их, Таркаев да Полатов, а от Перфороя до Сурины речки, а по // (л. 187) речке по Сурина по обе стороны и до вершины до Суховолен да Моразкасский, обрубещики с ними Милюта Кушаев да Сухобзвен Пороватов.

Белобородой беляк

За подлясовским мордвином за Носою Шереватовым бортной ухोजей на реке на Ваду, по обе стороны, нижней рубеж по Яводские а верхней рубеж по Дакшене, на Сосновое болото, обрубещики // (л. 187 об.) с онаевскою мордвою, да по Ку[...] да по усть Коскеляе, а обрубещики с вингинцами, да по речке по Парце вверх идучи, правая сторона, да по Еровалее, правая сторона до усть, обрубещики с порамзинскою мордвою, да поверх Чюралева, да по Сузья с тою ж мордвою обрубещики. Да за Носою ж Шереватовым бортной ухोजей промеж Мизбаура да промеж Баура дубровка, обрубещики Ивляим Баурев, Чата Кичимерем, // (л. 188) а орубещики по Ребаура Мелсапа, темниковской мордвин. А знамя в том ухожее Но сино.

За Видяском да за Неверком, да за Китом Пороватовым с Аснуровскою ухोजей с Ваду с реки от Шлеи, по левой стороне, вверх по Шлею, да вверх Ивревелей, да на низ по Ивревелею, по левой стороне, до речки до Парцы, да на из по речке по Парце, по левой стороне, до устья Парцы, да от устья Парцы // (л. 188 об.)нского вверх по реке по Ваду, по левой стороне да Таштаводу, да по Таштаводу вверх, по левой стороне до Вярйшей, да от Вярйшей по Мадакулея вверх до из[...], а порубежно с ними мешчерские бортники, да с овдаловскою мордвою, с Кежеватом Резоватовым, да с коргошинскою мордвою, с Петрушею с Чюватовым. А знамя в той вотчине ходят те ж.

За парамзинскою мордвою за Копоском Неверовым // (л. 189) бортной ухोजей Окшасевской на речке на Парце па Тезмекудышема, нижней рубеж, а порубещики с левой стороны подлясовская мордва Кирдеват Парунзин с товарищи, да поперек с Авакужи, да по Локолей речки обрубещики тот же Кирдеват з братьею, а от поля порубещики темниковские мурзы, а от речки от Парцы в верхней рубеж Няргезпанда, порубещик Лемес Петенин, да по правой стороне обрубещик Жила Тохташев да Мьялка Тохтанин з братьею, да Салазгернь. // (л. 189 об.) Да у них же бортной ухोजей Садырфафт да Ваймес з дубровами и с тальниками, обрубещики Мьялса Тохтанин з братьею. За ними же бортной ухोजей Резнакяе з дубровами и с тальниками, судерев с Тюрею Куштаниным. За ними ж бортной ухोजей Окшасевской, осопной, Пяшекал, об рубеж с темниковскими татары с Енадеревыми детьми, вверх речки Сезалки. Да у них же бортной ухोजей Озяйские верхи, Ведигал да Оцюкечке, // (л. 190) Ватокомаз, Кячкэй з дубровами, Озяйские верхи и с тальник. Да Вирячкина по Юзле особная вотчина. Да на том же Озясе Вирявичкячки да Петеван Кячин, судерев с темниковскою мордвою. А знамя в том ухожее: знамя Копа сово да Неверково, Кешесевском ухोजей, знамя Ро модана Собина.

За Ивашком Сухово да за Мелцатою Калимасовым, да за Илясом Пурниным, да за Не// (л. 190 об.)вером Пахмусовым, да за Сегидейком Кичемасовым, да за Позняком Сухово вотчина, бортной ухोजей, на речке на Ореве, по обе стороны липяг, речки Ореве, а речка сквозь прошла, верхей рубеж тово ухोजей озеро с Полатевым сыном с Чюркою. За ними ж Енбаеревской ухोजей да Ивановской Якшекшеивых на речке на Бурта[се], нижей рубеж по речке по Ноксе, по обе стороны Буртаса липяг Шнямаспоурава, липяг Ковакапаура да Ме// (л. 191) мячапаура на речке на Буртасе с лугом, з Буртавки по обе стороны, а верхней рубеж по Маймуровых детей. А знамяна в той вотчине, в Орловском липяге усть Оривксум липяге и в Янбирейском ухोजей одно: орлов хвост с

пятью рубежи , да Иванеивское знамя, шесть рубежей , орлов же хвост. А владеют они теми бортными ужожей по купчей. Что купили у Булая мурзы Ясбирева да у сына его у Сыдея мурзы в прошлом 102-м году. //

(л. 191 об.) За анаивским мордвином за Илясом Пурниным да за Пинякою Кежениным бортной ужожей Соснуровской, верхней рубеж на вершине на Узге, да на низ от бору по вершине по Узги, правая сторона. Да в том же Соснуровском ужожей опришника, да на низ Узги по вершинки, рубежик с ними Носа Волгутов, а рубеж с ними от Бузежа вершинка да раменье Сосново болото в их жеребью на рубеже, да от Соснового болота // (л. 192) Турхлеенская вершинка, от вершины с левой стороны к тому жь бору. Знамя Илясова , знамя Пи някино.

Правил Ивашко Переносов да Федор Опраксин //

(л. 193)* 138-го году ноября в 17 день по отписки ис Кадома воиводы Левонтья Высоцкого присланы книги новоприбылых мордовским двором. И с сех книг в Денежном столе Богдану дана роспись. А отписка о том и государев указ в Розрядном столе у подьячево у Федора Мотякина с ыными делы. //

(л. 194) 138-го году по государеве царевице и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоте книга при воиводе при Левонтье Яковлевиче Высоцком. А в ней записаны имена с оклады кадомской новоприбылой мордва, которых мордва прибыли после писца Степана Торбеива, поселились и живут себе дворами ныне от отца и брат от // (л. 194 об.) брата, и племянник от дяди. А оброк и денежные всякие государевы подоти и посопной хлеб положен на них по роспросу и по скаске отцов и братья, и дяди их и их выборных людей.

Деревни Новоселак и Пинизлей

(в) Момай Откоманов, медвеннова обро// (л. 195) ку плотить ему полпуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной ловли 5 денег, посопного хлеба четь с полуосьминою ржи и овса.

(в) Поляй Сыреватов, медвеннова оброку плотить ему четь пуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной ловли 5 денег, посопного хлеба четь с полуосьминою ржи // (л. 195 об.) и овса.

(в) Меньшик Четаев, медвяного оброку плотить ему четь пуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса.

(в) Нороват Пороватов, медвяного оброку платить ему полпуда меду // (л. 196) ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной овли 5 денег, посопнова хлеба четь с осьминою ржи и овса.

(в) Селемен Порштяев, медвяного оброку плотить ему четверть пуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса. //

(л. 196 об.) (в) Сувко Кичемасов, медвяного оброку плотить ему полпуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба чет с полуасьминою ржи и овса.

(в) Переда Кобаев, медвяного оброку плотить ему четь пуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, // (л. 197) с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса.

(в) Очакур Носев, медвянова оброку плотить ему полпуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса. //

(л. 197 об.) (в) Нуфта Иванов, медвяного оброку плотить ему полпуда меду, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса.

(в) Юря Поромзин, медвянова оброку плотить ему полпуда, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови // (л. 198) 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса.

(в) Богдашко Митин, медвянова оброку четь пуда, ясоку 11 денег, в куницу 10 денег, с рыбной лови 5 денег, посопнова хлеба четь с полуасьминою ржи и овса.

Деревни Широмазовы

(в) Божен Кичемасов, медвянова // (л. 198 об.) оброку плотить ему полпуда, ясоку 3 алтына 2 денги, в куницу тож, с рыбной лови 4 алтына, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

Деревни Баивы

(в) Кошай Худеков, медвеннова оброку платить ему пуд, ясоку 3 алтына 2 денги, в куницу 2 алтына 1 денга, // (л. 199) с рыбной ловли 2 алтына 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) Инатей Богданов, плотить ему медвеннова оброку полпуда, ясоку 3 алтына 2 денги, в куницу 2 алтына 1 денга, с рыбной ловли 2 алтына 3 денги, посопнова хлеба четверть с четвериком // (л. 199 об.) ржи и овса.

* На лл. 192 об., 193 об. записи отсутствуют. – А.В.

(в) Воргудай Лопает, медвянова оброку плотити ему полпуда, ясоку 3 алтына 2 денги, в куницу 2 алтына 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса, с рыбной ловли 2 алтына 3 денги.

(в) Кудюшь Богданов, медвенова оброку потить ему полпуда, ясоку 3 алтына // (л. 200) 2 денги, в куницу 2 алтына 1 денга, с рыбной ловли 2 алтынв 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

Деревни Дудниковы

(в) Невер Нечаев, медвянова оброку плотить ему четь пуда, ясоку 6 денег, в куницу тож, посопнова хле // (л. 200 об.) ба полосмины с четвериком ржи и овса тож.

(в) Орземас Есин, медвенова оброку плотит ему полпуда, ясоку 6 денег, в куницу тож, посопнова хлеба поласмины с четвериком ржи, а овса тожа.

(в) Пятой Октяев, медвяного обро // (л. 201) ку плотить ему четь пуда, ясоку 6 денег, в куницу тож, посопнова хлеба поласмины с четвериком ржи, а овса тожа.

(в) Гутка Селяев, медвянова оброку плотить ему четь пуда, ясаку 6 денег, в куницу тожа, посопнова хлеба полосмины с четвериком // (л. 201 об.) ржи, а овса тожа.

Деревни Нороватовы

(в) Пятой Чиндясов, медвяного оброку плотить ему четь пуда, ясоку 10 денег, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 9 денег, посопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Дечай Чиндясов, медвенова оброку // (л. 202) плотить ему полпуда, ясоку 10 денег, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 9 денег, посопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Ермоват Мишитин, медвенова оброку плотить ему четь пуда, ясоку 10 денег, в куницу восемь денег, воденова оброку 9 денег, посопнова хлеба четь ржи // (л. 202 об.) и овса.

(в) Комай Познеков, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку 10 денег, в куницу 8 денег, воденова оброку 9 денег, посопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Терушь Пинемасов, медвенова оброку плотить ему четь пуда, ясоку // (л. 203) 10 денег, в куницу 8 денег, воденова оброку 9 денег, посопнова хлеба четь ржи и овса.

Деревни Коломасовы

(в) Чюдяй Тенишев, медвенова оброку платить ему полпуда 4 гривенки, ясоку пять алтын 1 денга, в куницу 2 алтына 2 денги, посопнова хлеба асьмина с четвери// (л. 203 об.)ком ржи и овса.

(в) Ермоват Худеков, медвянова оброку платить ему полпуда четыря гривенки, ясоку 5 алтын 1 денга, в куницу 2 алтына 2 денги, посопнова хлеба асмина с четвериком ржи и овса.

Деревни Кураивы

(в) Нолдяш Дмитриев, медвенова // (л. 204) оброку плотить ему полпуда, ясоку 2 алтына, в куницу 2 алтына 4 денги, с рыбной ловли 2 алтына 2 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) Собай Кичемасов, медвенова оброку плотить ему пуд, ясоку 2 гривны, в куницу 3 алтына 4 денги, с рыбной ловли 2 алтына 2 денги, // (л. 204 об.) посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) Велдяпа Ашасев, медвяново оброку плотить ему 15 гривенок, ясоку 2 алтына, в куницу тожа, с рыбной ловли 2 алтына 2 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

Деревни Коляивы

(в) Байня Мамолеев, медвенова // (л. 205) оброку плотить ему пуд 8 гривенок, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, воденова оброку 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) ЯушьМолкаев, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, воденова оброку 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи // (л. 205 об.) и овса.

(в) бобыль Нолеват Добаев, плоить ему бабыльская гривна.

(в) Дряпка Сычкин, медвянова оброку плотить ему 8 гривенок, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, воденова оброку 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) Учут Лосяев, медвенова оброку плотить // (л. 206) ему 8 гривенок, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

(в) Велдюш Учаев, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, воденова оброку 3 денги, посопнова хлеба асмина с получетве// (л. 206 об.)риком ржи и овса.

(в) Айгилдя Байшев, медвенова оброку платить ему полпуда, ясоку 2 алтына, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 3 денги, посопнова хлеба четь с четвериком ржи и овса.

Деревни Виртяновы

(в) Сычей Богданов, медвянова оброку // (л. 207) платить ему 14 гривенок, ясоку 3 атына 4 денги с по 1 денги, в куницу 2 алтына 3 денги, посопнова хлеба четь с поллучвериком ржи и овса.

(в) Боженко Жаев, медвенова оброку платить ему 14 гривенок, ясоку 3 алтына пол 5 денги, в куницу 2 алтына // (л. 207 об.) 3 денги, пасопнова хлеба четверть с поллучвериком ржи и овса.

Деревни Пошатовы

(в) Панчюра Урознеев, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку и в куницу 13 алтын 2 денги, посопнова хлеба осьмина ржи, а овса тож.

(в) Пятко Боляев, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку и в куницу 6 алтын 4 денги, // (л. 208) посопнова хлеба асьмина ржи и овса.

(в) Мельсит Жданин, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку и в куницу 13 алтын 2 денги, посопнова хлеба асьмина ржи, а овса тожь.

(в) Бабьль тотарин Енбулатко Булатов, платить ему бабьльскоя гривна. //

(л. 208 об.) Деревни Вечкидеивы

(в) Мирдемас Вотин, медвенова оброку платить ему четь пуда, ясоку 2 алтна 2 денги, в куницу тожа, посопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Селимен Межаков, медвенова оброку плотить ему четь пуда меду, ясоку 2 алтына 2 денги, в куницу тожа, по// (л. 209) сопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Бобьль Костяно Ондреев, Кечюшев отпущеник, плотить ему бобьльскоя гривна.

Деревни Станоровы

(в) Судак Овмаев, медвянова оброку плотить ему 18 гривенок, ясаку десять денег, в куницу тожа, // (л. 209 об.) с рыбной ловли 10 денег, посопнова хлеба 3 четверика ржи и овса.

(в) Москай Дураев, медвенова оброку плотить ему четь пуда, ясаку 3 денги, в куницу тож, с рыбной ловли 2 денги, посопнова хлеба три полуасьмины ржи и овса.

(в) Пороват Комарев, медвенова // (л. 210) оброку плотить ему четь пуда, ясаку 6 денег, в куницу тожь, с рыбной ловли 2 денги, посопнова хлеба 3 полуасьмины ржи и овса.

(в) Норай Адушев, медвянова оброку плотить ему четь пуда, ясаку 4 алтына, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 6 денег, посопнова хлеба 3 полуасьмины // (л. 210 об.) ржи и овса.

(в) Баиш Воргудинов, медвенова оброку плотить ему 4 гривенки, ясаку 5 денег, в куницу 10 денег, с рыбной ловли 2 денги, посопнова хлеба 3 полусьмины ржи и овса.

(в) Дявка Резаватов, медвянова оброку плотить ему четь пуда, ясо // (л. 211) ку 6 денег, в куницу 8 денег, с рыбной ловли 8 денег.

(в) Бобьль Москичко Борисов, отпущеник Мелсова Пороватова, платить ему бабьльскоя гривна.

(в) Чикашь Дураив, плотить ему бабьльскоя гривна, что за ним пашни нет и никаким // (л. 211 об.) угодем не владеет.

Деревни Рузановы

(в) Нолит Дураев, медвянова оброку плотить ему 3 гривенки, ясоку 3 денги, в куницу тож, посопнова хлеба асьмина ржи и овса.

(в) Олексей Чиндясов, медвенова оброку плотить ему полпуда, ясоку // (л. 212) 2 алтына, в куницу 2 алтына, посопнова хлеба 3 полуасьмины ржи и овса.

(в) Солтан Мелсапин, медвянова оброку плотить ему четь пуда, ясоку и в куницу 2 алтына, посопнова хлеба асьмина ржи и овса. //

(л. 212 об.) Деревни Анамасовы

(в) Сычей Откомаев, медвянова оброку плотить ему 19 гривенок с полугривенкою, ясоку 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег, посопнова хлеба осьмина сполуасьминою ржи и овса. //

(л. 213) (в) Мирдемас Чиндясов, медвянова оброку плотить ему 19 гривенок с полугривенкою, ясоку 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег, посопнова хлеба осьмина с полуасьминою ржи и овса.

(в) Кулай Тотарапин, медвенова оброку плотить ему 9 гривенок с полугри// (л. 213 об.) венкою, ясоку 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег, посопнова хлеба асьмина с полуасьминою ржи и овса.

(в) Кичай Видяев, медвянова оброку платить ему 9 гривенок с полугривенкою, ясоку 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег, // (л. 214) посопнова хлеба осьмина с полуасьминою ржи и овса.

(в) Судай Откомаев, медвенена оброку платить ему 19 гривенок с полугривенкою, ясак 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег, посопнова хлеба асьмина с полуасьминою ржи и овса. //

(л. 214 об.) (в) Кожай Нолитов, медвенена оброку патить ему 9 гривенок с полугривнкою, ясоку 2 алтына 1 денга, в куницу 7 денег, с рыбной ловли 8 денег. Посопнова хлеба асьмина с полуасьминою ржи и овса.

(в) Бабыль, Онторка Яборашева отпущенник, немчин Анюшка, платить // (л. 215) ему бабыльскоя гривна.

Деревни Тенгушевы

(в) Биговат Череватов, медвенена оброку платить ему 16 гривенок, ясоку 2 алтына 4 денги, в куницу 3 алтына, с рыбной ловли 10 денег, посопнова хлеба четь ржи, авса тожь. //

(л. 215 об.) (в) Байбулат Шаткеев, медвянова оброку плотить ему полпуда, ясоку 2 алтына, в куницу тож, с рыбной ловли 5 денег, посопнова хлеба четь с осьминою ржи и овса.

(в) Саюшь Рузманов, медвянова оброку платить ему полпуда, ясоку 2 гривны, в куницу 2 алтына, с рыбной // (л. 216) ловли 5 денег, посопнова хлеба четверть с осминою ржи и овса.

(в) Тереш Худеков, медвенена оброку платить 12 гривенок, ясоку 2 алтына, в куницу тож, с рыбной ловли 5 денег, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Неудача Атешев, медвенена обро// (л. 216 об.) ку плотить ему 15 гривенок, ясоку 2 алтына 2 денги, в куницу 2 алтына, с рыноной ловли 5 денег, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Чипуш Афтаев, медвенена оброку платить ему 12 гривенок, ясаку 2 алтына, в куницу тож, с рыбной ловли 5 денег, посопнова хлеба четь с осми// (л. 217)ною ржи и овса.

(в) Бобыль Торхайко Афтаев, плаить ему бабыльскоя гивна.

(в) Ешяй Отяпин, медвенена оброку плотить ему полпуда, ясау 2 алтына, в куницу тож, с рыбной ловли 5 денег, посопнова хлеба четверть с осминою ржи и овса. //

(л. 217 об.) (в) Кожай Полатов, медвенена оброку плотить ему четь пуда, ясоку 2 алтына, в куницу тож, с рыбной ловли пять денег, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Бабыль новокрещен Неверко Семенеив, платить ему оброку бабыльскоя гривна. //

(л. 218) Починка Сокаива

(в) Венковат Лютюшев, медвенена оброку плотить ему 15 гривенок, ясаку десеть денег, в кунице тожа, с рыбной ловли 2 алтына, земленова оброку с пашни 12 алтын, посопнова хлеба асьмина с четвериком ржи и овса. //

(л. 218 об.) (в) Велдюш Буралгин, медвенена оброку платить ему 15 гривенок, ясоку 10 денег, в куницу тож, с рыбной ловли 2 алтына, земленова оброку с пашни 12 алтын, посопнова хлеба осьмина с четвериком ржи и овса.

Деревни Подлясово

(в) Пара Тохтанин, медвенена оброку // (л. 219) поласьмины ржи, а овса тожа.

(в) Собай Кирдеватов, медвенена оброку плотить ему пуд, ясоку 2 гривны, в куницу гривна, посопнова хлеба полосьмины ржи, а овса тож.

(в) Пургас Кирдеватов, медвенена оброку плотить пуд, ясоку 2 гривны, в куницу гривна, посопнова хлеба // (л. 219 об.) поласьмины ржи, а овса тож.

(в) Пороват Куштанин, медвенена оброку плотить ему пуд, ясоку и в куницу 2 гривны, посопнова хлеба асьмина ржи, а овса тож.

(в) Тохта Овкеманов, медвенена оброку полпуда, ясоку и в куницу 2 гривны, посопнова хлеба осьмина // (л. 220) ржи, а овса тож.

(в) Шиндяпа Видякин, медвенена оброку платить ему и ясаку, и в куницу деньгами 16 алтын 2 денги, посопнова хлеба асьмина ржи, а овса тожа.

(в) Куняй Армезин, медвенена оброку платить ему за мед и за ясак, и за ку// (л. 220 об.) ницу деньгами 7 алтын 2 денги, а пашни за ним нет.

(в) Борай Армензин, платить ему за медвеной оброк и за ясак, и в куницу деньгами 7 алтын 2 денги.

(в) Бобыль Микулка Кирдаватов, отпущеник Пурзина, плотить ему бобыльскоя гривна. //

(л. 221) (в) Идюшка Куштанин, медвенена оброку плотить ему 12 гривенок, ясоку и в куницу 4 алтына, посопнова хлеба асьмину ржи и авса.

(в) Полат Сухов, медвенена оброку платить ему деньгами за мед и за ясак, и в куницу 2 гривны, посоп// (л. 221 об.) нова хлеба асьмиа ржи и овса.

(в) Беляй Илясов, медвеннова оброку платить ему пуд, ясоку 8 денег, в куницу тож, посопнова хлеба полосмины ржи, а овса тож.

Деревни Селища

(в) Богдашко Собин, медвеннова обро// (л. 222) ку плотить ему пуд, ясоку и в куницу 2 гривны, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Кичемас Неверов, медвеннова оброку платить ему пуд, ясоку и в куницу 8 алтын 2 денги, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Куштанапа Сыреновин, медвено// (л. 222 об.) ва оброку плотить ему 2 пуда, ясоку и в куницу 16 алтын 4 денги, посопнова хлеба четь с осминою ржи и овса.

(в) Порапа Анаев, медвеннова оброку плотить ему 2 пуда, ясаку и в куницу 16 алтын 4 денги, посопнова хлеба четверть с осминою // (л. 223) ржи и овса.

Деревни Поромзины

(в) Куштомас Кирденов, медвеннова оброку платить ему полтора пуда, ясоку и в куницу 8 алтын 2 денги, посопнова хлеба четь ржи и овса.

(в) Кичемас Одокин, медвеннова оброку плотить ему пуд, ясоку и в ку// (л. 223 об.) ницу 16 денег алтын 4 денги, посопнова хлеба четь ржи и овса тож.

(в) Козел Одонин, медвеннова оброку плотить ему пуд, ясоку и в куницу 16 алтын 4 денги, посопнова хлеба четь ржи и овса тож.

(в) Нечай Одопин, медвеннова оброку // (л. 224) платить ему пуд, ясоку и в куницу 16 алтын 4 денги, посопнова хлеба четь ржи, а овса тож.

(в) Иш мурза Беляев, медвеннова оброку платить ему пуд, ясоку и в куницу 16 алтын 4 денги, посопнова хлеба четь ржи, а овса тож.

(в) Ромаданка Собин, платить ему медве// (л. 224 об.) нова оброку пуд, ясоку и в куницу 16 алтын, 4 денги, посопнова хлеба четь ржи, а овса тож.

(в) Беляй Носин, медвеннова оброку платить ему пуд, ясоку 4 алтына, в куницу тож, посопнова хлеба четь ржи, а овса тож.

(в) Дечай Кечапин, медвеннова об...

РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 6466.

Примечания

¹ в рукописи припись по верхнему полю на лл. 2 об. – 3 со значительной утратой текста. Читается: С ... е мордовския.

² на правом поле: писано под Новоселками.

³⁻³ так в рукописи.

⁴⁻⁴ в рукописи над строкой.

⁵⁻⁵ в рукописи повторено дважды.

⁶⁻⁶ в рукописи читается неуверенно.

⁷ в рукописи зачеркнуто: сине.

⁸ в рукописи зачеркнуто: до речки.

⁹ в рукописи зачеркнуто: их.

¹⁰ в рукописи не читается.

¹¹⁻¹¹ в рукописи над строкой, читается неуверенно.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Авдалов Порушь – 176

Авкеманов (Овкеманов) Богдашко – 165, 193

Авкеманов (Овкеманов) Тохта – 198

Авкеманов Жданка – 189

Авкеманов Иваня – 193

Авкеманов Кердяс – 166

Авкеманов Седой – 189

Авкеманов Соломако – 165, 185

Адакша – 161

Адатов Шиндяпа – 189

Адеркеев Посничко – 164

Адушев Норай – 197

Азарапин Чиндяс – 184

Акешасев Анка – 188

Акманов Отюш – 163

Акчюрин Мирян – 163

Акчюрин Федька – 163, 182

Акшасев Арземас – 165

Алексов Баишь – 159

Алемесов Куштанапа – 166

Алешин Кабай – 183

Алкеманова Саламаско – 185

- Алсяпин Филипко Анай – 166
 Альшев мурза князь Дивеев – 178
 Анаев Порапа – 199
 Анамасов Качеватка – 189
 Анамасов Мусурай – 166
 Анамасов Отюшь – 164
 Анамасова Антюша – 164
 Анков Агушка – 180
 Анюшка – 198
 Аргавин Шангишь – 158
 Арданапин Пахмус – 165, 192, 189, 192, 194
 Ардасев Полатка – 190
 Ардашев Худяк – 166
 Ардашев Ыскетей – 187
 Ардашь – 166
 Ардонапин Пахмус – 194
 Арземасов Ивашко – 162, 181
 Армазин Петеня – 166
 Армезин Куняй – 198
 Армензин Борай – 198
 Армензин Кичемас – 187
 Армензин Петеня – 193, 194
 Армензин Путадей – 192
 Армонзин Кичемас – 194
 Атанов Вячкей – 166
 Атешев Неудача – 198
 Атин Учешат – 167
 Атюш – 177
 Атюшев Мардемас – 163
 Атюшев Налдюш – 163
 Атюшин Марьдемас – 182
 Афтаев Торхайко – 198
 Афтаев Чипуш – 198
 Ахмазеив Одуш – 175
 Ашаев Лопай – 158
 Ашасев Велдяпа – 196
 Ашасев Кирдяпшь – 160
 Ашеватов Печаватко – 191
 Аюшев Налимакса – 178
- Б**
- Баев Кулушка – 163
 Байш – 189
 Баишев Айгилдя – 196
 Бакеивы дети – 178
 Баурев Ивляим – 194
 Бебишев Видяка – 166
 Бедишев Янглыч – 189
 Беляев Дея – 194
 Беляев Иш мирза – 199
 Беляев Полат – 191
 Беляев Пошапай – 166
 Беляев Шиндяпа – 166, 167, 191, 192, 193
 Беляев Шинка – 167, 168, 189
 Бинеив Куникей мирза – 189
 Бирдишь мирза – 192
 Бирясов Пятка – 191
 Бобача – 159
 Богданов Инатей – 195
 Богданов Кечап – 166, 187, 188, 190, 191, 192
 Богданов Кудаш, мирза – 178
 Богданов Кудюшь – 196
 Богданов Куземка – 172
- Богданов Сычей – 197
 Бозаев Комай – 158
 Болдаев Дурай – 158
 Болдачев Лопай – 177
 Болкаив Октуган – 186
 Боляев Пятко – 197
 Борисов Москитко – 197
 Бражник Нороватко – 175
 Брюшей князь – 173
 Булатов Енбулатко – 197
 Буралгин Велдюш – 198
- В**
- Ваймес Садырфафт – 194
 Валамаев Сенка – 181
 Варашка Вороной – 188
 Васильев Уз мирза – 192
 Васильев Душут – 169, 173
 Васильев Иванко – 171
 Васильев Лукьянко – 170, 171
 Васильев Момалай – 166
 Ваулин Михалко – 173
 Вачаев Лапша – 175
 Ведекова Няна вдова – 166
 Веденяпин Жданка – 179
 Веденяпин Кочкорко – 179
 Велмисеев Мальшь – 166, 192
 Вельякин Микифорка – 170
 Велязем Кизед – 189
 Велякин Микифорка – 170
 Вечкидеев Рускей – 180
 Вечкинзин Кечас (Кецас) – 189, 190
 Вечковатов Отып – 163
 Вечковатов Серьшкой – 181
 Вечкомасов Кутяй – 180
 Вечконапин Кирдян – 158
 Вечконапин Нагай – 185
 Вечконапин Пиргонов – 174
 Вечконапин Учай – 184
 Вечконзин Кегас – 167
 Вешняков Владимир – 174
 Вещеватый Тарка – 163
 Видяев Кичай – 197
 Видяев Кулузян – 163
 Видяев Налдяй – 177
 Видяев Тумай – 177
 Видякин Иляс – 166
 Видякин Шиндяпа – 198
 Видясев Белаяй – 165, 186, 189
 Видясев Момолайко – 188
 Вильмисев Мальшев – 192
 Виртьянов Кажай – 161
 Вирявичкячки Озясе – 194
 Вирясев Потой – 187
 Вирясев Пята (Пятуня) – 167, 168, 187, 191
 Вирясов Иляс – 167
 Вихляев Исачко – 173, 174
 Власов Замятня – 172, 173
 Волгутов Носа – 195
 Волынский Иван – 169, 170, 172
 Воргудинов Байш – 197
 Вотин Мирдемас – 197
 Выров Неверко – 172, 173

- Высоцкий Левонтей – 195
 Вышенски Лемак – 191
 Вышеславцов Василий – 170
 Вячин Богдашко – 167, 190
- Г**
- Гаврилов Ивашко – 173
 Голдобин Федка – 172
 Григорьев Васка – 160
 Григорьев Микита – 170, 171
 Григорьев Назарко – 163
 Губин Богда – 174
- Д**
- Давыдин Шелей – 191
 Далгаев Дурнайко – 158
 Далманов Парамза – 162
 Дарья – 164
 Даулин Михалка Васильев – 172
 Дашев Уданар – 159
 Девлеткилдей Ишмамет – 177
 Деев Коуша – 188
 Дементьев Федор – 165
 Демка – 159
 Демясов Откамер – 191
 Денин Кулапа – 190
 Дечиндеив Уруткей – 174
 Дечкедеев Рускей – 158
 Дечкенапин Учай – 164
 Дечковатов Серыпкей (Серукей) – 162, 181
 Дмитриев Нолдыш – 196
 Дмитриев Сенка – 165
 Дмитриев Таркай – 158
 Дмитриев Микифор – 173
 Дмитрий – 180
 Добаев Нолеват – 196
 Досаев Козьяк – 165
 Досермабоур Ялгоня – 190
 Дуватов Торкай – 183
 Дураев Москай – 197
 Дураев Нолит – 197
 Дураив Чикашь – 197
 Дураков Сидиндюк – 165
 Дурашев Саня – 191
- Е**
- Евгостеев Токана – 167
 Елизарьев Гриша – 173
 Емаш Вячин – 192
 Емикей, мирза – 189
 Енаков Сюнчалей мирза – 170
 Енговатов Богдан – 191
 Енговатов Кирдян – 192
 Енгоза – 190
 Енгозин Шаркай – 165
 Еремшкеев Беляйко – 183
 Ермоватов Мелсапко – 183
 Ермолин Иван – 171, 173
 Ермолов Ивашко – 172, 173
 Есин Орземас – 196
 Ефаров Болтайко – 185
 Ечконапин Учай – 184
- Ж**
- Жаев Боженко – 197
 Жаев Велдюшка – 181
- Жанин Худян – 186
 Жданин Мельсит – 197
 Жданин Умеско – 189
 Жданин Худячка – 186
 Жданов Худяк – 165
 Жеринский Дмитрий – 170
- З**
- Загрязской Федор – 168
 Зарапин Чиндяз – 164
 Захаров Богдашко – 166
 Здешнев Роман – 174
 Зясов Козьян – 185
- И**
- Ибакаев Чекай – 163
 Иванин Арманза – 166
 Иванин Пароват – 187, 188, 190
 Иванов Васка – 165
 Иванов Кежай – 181
 Иванов Конанко, бортник – 170, 171
 Иванов Нуфта – 195
 Иванов Ортемка – 169, 170
 Иванов Параватко – 181
 Иванов Парадей (Порудей) – 162, 180
 Иванов Тороват – 166
 Ивдолов Каталя – 191
 Иденяпин Жданко – 161
 Идимов Пороват – 193
 Илин Нечайка – 169
 Ильин Истомка – 162
 Илясов Беляй – 199
 Илясов Полат – 166
 Исаков Ишмак – 165
 Исаков Митька – 165
 Исеев Артуган – 167
 Ияшев Козембай – 165, 190
 Ияшев Розней – 165
- К**
- Кабаев Кечай – 158
 Кадышев Череват – 181
 Кадышева Некая – 162
 Кажанин Пиня – 166
 Казаринов Василий – 170
 Калимасов Мелцато – 194
 Канбаров Порудейка – 162, 163, 180
 Канбаров Сычадей – 162
 Караив Богдашко – 165
 Караив Разгилдейко – 165
 Карамышев Парсеп – 167
 Карин Комайко – 175
 Карклячев Емикей мирза – 191
 Карклячев Шемикей – 189
 Каркльчев Емикей мурза – 186
 Карпов Жданко – 163
 Касызякин Шиша – 192
 Кафтаев Корнос – 162, 177
 Качемасов Ермязя – 161
 Кежаев Сетяй (Сатай) – 162, 180, 181, 182
 Кежаев Учай – 160
 Кежаев Учай – 177, 192
 Кежаев Чиндьян (Чиндяс) – 162, 163, 180
 Кежаев Ытяй – 163
 Кежеватов Невер – 166

- Кеженин Пиняко – 195
 Кежман – 185
 Кемаев Парават – 158
 Кенарсов Полат – 166
 Кенердясов Терхан – 166
 Керденянов Дяча – 166
 Кермес – 180
 Кечанов Делмис – 166
 Кечапин Дечай – 199
 Кечапин Рузмай – 192
 Кечатов Вельмис – 167, 190, 191
 Кечатов Налет – 189
 Кечаш – 180
 Кечеватов Ромашко – 167
 Кечеватов Тенган – 166
 Кечемасов Аманза – 166
 Кечов Долгушь – 180
 Кечов Налкай – 180
 Кечошо Федка – 178
 Кечюш – 197
 Кечюшев Окмай – 178
 Кечюшев Худяк – 174
 Кимелсеев Паромза – 178
 Кимелсеев Партя – 161
 Кимелсеив Пороват – 178
 Киндяпин Митька – 174, 175
 Киняжепин Пиняк – 188, 195
 Киняпин Чебак – 163, 183
 Киргинин Богдашка – 165
 Кирдаватов Микулка – 198
 Кирдеватов Пургас – 198
 Кирдеватов Собай – 198
 Кирденов Куштомас – 199
 Кирдюшев Тонушь – 178
 Кирдяев Полат – 194
 Кирдяев Торкай – 194
 Кирдянин Вичюй – 191
 Кирдяпин Невер – 166, 192
 Кирдяпин Отюш – 163
 Кирдяпин Русинко – 183
 Кирдяпшев Уешь – 159
 Кирдяпшин Пятуня – 162
 Кирдясов Собак – 164
 Киреив Коромыш – 165
 Киреив Томак – 165
 Кирендясев Полат – 187
 Кирендясев Торкай (Торхтан) – 187
 Кириндесев Полай – 192
 Кирткин Кумарчка – 191
 Кистанов Кажай – 181
 Кистанов Пиняй – 185
 Китов Онофрейко – 173, 174
 Кичаулов Чарушь – 166
 Кичевов Сыскей – 162
 Кичемаев Будилко – 160
 Кичемаев Будяй – 175
 Кичемас – 180
 Кичемасов Бебиша – 167
 Кичемасов Божен – 195
 Кичемасов Ермоза – 178
 Кичемасов Петеней – 190
 Кичемасов Петяня – 167
 Кичемасов Сегидейко – 194
 Кичемасов Собай – 196
 Кичемасов Шинка – 166
 Кичемиров Митяней – 187, 188
 Киченатин Одманко (Овманко) – 183
 Кичимер Чата – 194
 Климентьев Богдан – 171
 Климентьев Богданка – 171
 Климко – 162
 Кмельзин Кулкул – 181
 Кобаев Переда – 195
 Ковезин Куземка Богданов сын – 173
 Ковсев Нороват – 189
 Ковтасев Пароватт – 189
 Козюков Ыванчо – 190
 Кокимелсеев Пороват – 178
 Комарев Пороват – 197
 Коналетев Келдюшь – 183
 Конбаров Парадей – 162, 180
 Конбаров Сычадей (Сычевей) – 162, 180
 Кордюков Кечата – 167
 Корклячев Емикей, мирза – 185, 191
 Корнеев – 189
 Корнил – 192
 Коршкея – 164
 Костянтинов Дружинка – 170, 171
 Котясов Емаш – 165
 Кочеев Богдашко – 175
 Кошкин Селмоватко – 185
 Коштонапин Колемаско – 167
 Крантушев Датяй – 158
 Кудаш, князь – 182
 Кудашев Енгозя – 167, 190
 Кудеярев Кажайко – 185
 Кузоватов Анаманко – 185
 Кузьмин Парамза – 166
 Кулчюк – 181
 Куманин Отмас – 166
 Кумашев Емакай (Чимакай) – 165, 187, 189
 Кунев Ушманко – 185
 Куникеив Мурза – 186
 Куняжлеев Кечембоур – 190
 Курнос – 180
 Кушаев Милюта – 194
 Кушемасов Пурснов – 192
 Куштанин Идюшка – 198
 Куштанин Пороват – 166, 198
 Куштапин Видяй – 188
 Куштапин Видяс – 166
 Кячин Петеван – 194
- Л**
- Лапин Меньшичко – 183, 184
 Лемесев Кеняпа – 186, 187, 193
 Лемесев Куштапа – 192
 Лемясевы Кеняп – 165, 185
 Лимасов Вечконапин – 190
 Логаев Видман – 174
 Ломакин Лаврентей – 174
 Лопаев Воргудяй – 196
 Лопаев Сыскай – 174
 Лопаев Умай – 159
 Лопшанов Шемака – 167

Лосяев Учут – 196
 Лукин Агейко – 170
 Лютюшев Венковат – 198

М

Максимов Федка – 169, 170
 Малачкин Пятуня – 163
 Малкина Орды вдова – 162
 Малмазеев Одюшь – 159
 Малцов Савка – 158
 Мамин Нос – 166
 Мамолеев Байня – 196
 Мамышев Нородат – 159
 Мамышев Парават – 160, 175
 Марев Кежанко – 158
 Марясев Катяня – 165
 Мачасов Васка – 183
 Межаков Селимен – 197
 Мелжин Мамыш – 158
 Мелзин Богданко – 158
 Мелзин Малеш (Мамаш?) – 158, 159
 Мелсаев Кирдемаско – 180
 Мелсапа – 159
 Мелсапа Ребаура – 194
 Мелсапин Колузьянка – 158, 159
 Мелсапин Онай – 190
 Мелсапин Онай – 193
 Мелсапин Солтан – 197
 Мелсатов Душеват – 158
 Мелсетев Бокай – 158
 Мелсетев Пороват – 176
 Мелсетев Янча – 166
 Мелситев Милушь – 166
 Мелсоватов Тештей – 183, 184
 Мелсяпа – 175
 Мелчеватов Кичемас (Жечемас) – 162
 Мелчеватов Митка – 162
 Месницов Василей – 188
 Мидясов Милован – 165
 Микитин Васка – 170, 173
 Миляй – 181
 Мирякин Беляйко – 166
 Митин Богдашко – 195
 Михалев Мухтыла – 166
 Михеев Иван Ермолов – 173
 Михеев Семейка Ульянов – 172, 173
 Мишитин Ермоват – 196
 Мокшов Максай – 160, 177
 Мокшов Семенейко – 185
 Молачкин Пятышка – 177
 Молкаев Яушь – 196
 Момолаев Баиш – 164
 Момолаев Налдяй – 159
 Момолай – 188
 Момолаив Беляй – 189
 Момолаив Кедер – 162, 163, 180, 181
 Момолаив Нолдяйка – 160, 175
 Момышев Нородатко – 175
 Морясев Полатко – 191
 Москов Кудюшь – 176
 Московов Митя – 163
 Московов Тешняс – 179
 Мотякин Федор – 195

Мусорин Емашь – 165
 Мусорин Сивиндюк – 165
 Муфтолов Кичанза – 179
 Мучкаев Савка – 175
 Мышутин Налдян – 176
 Мьялеска – 188

Н

Нагаев Видяш – 163
 Назаров Неустройка – 170
 Налдуш – 160
 Налдянов Офтай (Охта) – 164, 184
 Налева Тотара вдова – 163
 Налетев Отыя – 164, 184
 Налетова Ардая вдова – 160
 Налимасов Вечконапо – 190
 Налин Неверко – 165
 Нантаив Бурнашь – 165
 Нантаив Митюшь – 165
 Нароватов Бябей – 191
 Начаев Поивар – 176
 Нежежин Сунбулинка – 170
 Неверков Кешесевско – 194
 Неверов Кичемас – 199
 Неверов Копоск (Копас) – 194
 Неверов Степанка – 173, 174
 Нежив Мурадейко – 165
 Неклюдов Гришка – 172, 173
 Нелтнев Учас – 166
 Немеиво Товодай – 176
 Немчин Ивашко – 159
 Нечаев Невер – 196
 Нечаев Паромза – 179
 Нечаев Покитка – 173, 174
 Никола Чудотворец – 170, 172
 Нолимасов Черпо – 189
 Нолитов Кожай – 198
 Нороватов Айняк – 159
 Нороватов Бябей – 166, 187, 189, 190
 Носев Очакур – 195
 Носин Беляй – 199
 Носин Кежеват – 166
 Нуфтулов Кечензанка – 178
 Нухнулов Кечат – 162
 Нуштанов Кеченапа – 185

О

Овданапин Пахмус – 191
 Овмаев Камайка – 183
 Овмаев Судак – 197
 Овманов Мелсяпа – 190
 Овресево Полат – 177, 187
 Овтин Кирдяп – 166
 Одманза – 191
 Одокин Кичемас – 199
 Одонин Козел – 199
 Одопин Нечай – 199
 Озбердеев Козей – 189
 Окинин Данил – 170, 172
 Окстаев Кежайко – 179
 Октюрин Федя – 183
 Октяев Пятой – 196
 Окшасев Семейка – 166
 Олексеев Малкай – 159

Олексеев Сысойко – 170
 Олексов Богданка – 163, 164
 Олмасов Дячак – 166
 Оманов Шичедяй – 160
 Ондреев Костянко – 197
 Опосов Шиндяк – 166
 Орданапин Пахмус – 186, 187, 192, 193
 Ордап – 176
 Орземасов Богданко – 161
 Остаев Кожняк – 159
 Остяпов Кечетай – 167
 Отекаев Ошманко (Ушманко) – 183
 Отингеев Орземай – 183
 Отичеваров Отяй – 179
 Откамаив Кечюшко – 178
 Откомаев Судай – 198
 Откомаев Сычей – 197
 Откоманов Момай – 195
 Отюшев Мурдемас – 183
 Отюшин Худяк – 181
 Отыпаев Учай – 175
 Отыпин Ешяй – 198
 Очап Полатов – 167
 Ошасев Анка – 188
 Ошатов Овманза – 187
 Ошеватов Кечет – 191

II

Павенкензин Безгра – 167
 Павлов Семейка – 170
 Падаонай Сантана – 191
 Пайдашев Вечкена – 167
 Пакестонов Дечкена – 167
 Пакумаев Сайтап – 166
 Пакшетасов Веденя – 166
 Палимасов Вечкена – 166
 Памшев Носыр – 190
 Параватов Тотуш – 158
 Параватов Шигай – 158
 Параев Агушь – 163, 183
 Парамза – 180
 Парамзина жена – 161
 Паркин (Парксин) Отай – 164, 184
 Паркин Келдяш – 164
 Пароватов Нухта – 158
 Пароватов Рузман – 191
 Парунзин Кирдеват – 194
 Парушев Акамай – 163
 Парушев Лопай – 161
 Парушев Тараско – 161
 Парушев Ходяк – 161
 Паршин Иляс – 192
 Пахмусов Копос – 166, 190
 Пахмусов Невер – 166, 168, 188, 194
 Пачкарга Кафтки – 188
 Пелекшов Микитка – 172
 Переносов Ивашко – 195
 Петелин Дружина – 165
 Петенин Кичемас – 167
 Петенин Лемес – 194
 Петров Полат – 167
 Петров Собай – 167
 Петрок – 181

Пилюшка – 159
 Пимин Видис – 162
 Пинемасов Терушь – 196
 Пинятин Кинардак – 166
 Пиргонов Кеча (Кежай) – 181
 Пирушев Тараска – 178
 Писяшев Ертуш – 161
 Познеков Комай – 196
 Позняков Миркай – 166
 Позняков Худяк – 167
 Позняков Чебушь – 176
 Позняков Чюркай – 166
 Позняков Шамня – 166
 Полатов Чюрка – 194
 Полатов Кафтка – 166, 188
 Полатов Кожай – 185, 198
 Полатов Сухой – 166
 Полачинов Кечап – 166
 Полтев Василей – 159
 Пораватов Кичемас – 190
 Пораев Караулко – 183
 Порнин Ыльяс – 186
 Пороват – 181
 Пороватов Богдашко – 166
 Пороватов Видяс – 194
 Пороватов Инемай – 176
 Пороватов Канкута – 166
 Пороватов Каяш – 187
 Пороватов Кит – 194
 Пороватов Кичемас – 167, 168
 Пороватов Коскута – 188
 Пороватов Люпа – 166
 Пороватов Мелсо – 197
 Пороватов Нороват – 195
 Пороватов Окштас – 192
 Пороватов Поскут – 188
 Пороватов Сухобден – 187, 194
 Пороватов Сыч (Сычай) – 163, 180
 Пороватов Тотуш – 175
 Пороватов Учан – 164
 Поромзин Юря – 195
 Порушко – 180
 Порштяев Селемен – 195
 Порьяев Кошай – 159
 Посаев Момай – 165
 Пospelов Лукьян – 170
 Пураев Кудюшь – 176
 Пураев Плачкай – 176
 Пуресев Чюрко – 189
 Пурза – 198
 Пурнин Иляс (Ыляс) – 166, 194, 192, 195
 Пурнин Собай – 166
 Пурнин Сряпа – 166
 Пурнин Халяс – 167
 Пурунзин Кердеват – 166
 Пуряев Вордонапа – 176
 Пуряев Ларя – 159
 Пятово Бибишь – 167
 Пятово Богдашко – 167
 Пятово Ерземай – 167

Р

Резаватов Дявка – 197

- Резватов Сабай – 159, 175
 Резоватов Иляс – 167
 Резоватов Кежеват – 167, 190, 194
 Резоватов Лопыр – 167, 190
 Резоватов Собай – 159, 175, 187
 Резоватов Тениш – 159
 Розыдеев Соктяс – 176
 Розыдеив Федка – 176
 Романов Онашка – 172, 173
 Ромоданов Отып – 177
 Рузаев Ореско – 183
 Рузманов Саюшь – 198
 Рузманов Томай – 164
 Русин – 183
 Рушевкого Долгапы вдова – 162
 Рызодеев Редка – 159
 Рызыдеев Федор – 160
- С**
- Саватов Шиндяпа – 189
 Саинин Худяк – 166
 Сакаев Далгуш – 163
 Саскаев Кечайко – 183
 Саушев (Саюшев) Налемас – 161, 179
 Селвышев Комай – 163
 Селдушев Селдай – 160
 Селмаев Сергейка – 179
 Селушев Ондрикай – 176
 Селяев Гутка – 196
 Семенеив Неверко – 198
 Семенов Алмакай – 165
 Семенов Келгена – 168, 187, 188, 191
 Семенов Офонка – 172, 173
 Семенов Покай – 189
 Сементяев Келгинь – 166
 Сенка – 171, 181
 Сенька – 166
 Сергеев Гаврилка – 171, 174
 Сергидеев Видяс – 165, 185, 192, 193
 Сергудеев Учас – 166
 Серенов Кожай – 179
 Серкаив Сергуш – 193
 Скеев Партетур – 181
 Слепцов Булгак – 171
 Снадеев Пегяня – 165
 Собин Богдашко – 199
 Собин Ромодан – 194, 199
 Соксеватов Куашко – 175
 Старов Нелей – 184
 Степанов Гриша – 171 – 173
 Степанов Неверко – 171
 Сухов Бябя – 166
 Сухов Видяс – 166, 188, 189, 190, 191, 192
 Сухов Полат – 198
 Сухово Бяби – 166
 Сухово Ивашко – 194
 Сухово Лапушка – 166
 Сухово Петапа – 166
 Сухово Позняком – 194
 Сухово Сенка – 167
 Сухово Степан – 166
 Сыдей мирза – 195
 Сыкойко – 171
- Сыреватов Байгилда – 180
 Сыреватов Поляй – 195
 Сыреновин Куштанана – 199
 Сыроватов Ягилда – 163
 Сыскапин Невер – 191
 Сыскетей – 180
 Сычев Тумай – 176
 Сычкин Дряпка – 196
 Сютяй – 181
- Т**
- Такаев Байка – 176
 Такаев Кечан – 159
 Такдасев Паршкой – 183
 Танов Витасай – 166
 Тансар Ильшев – 178
 Тарвасов Невер – 166
 Таркаев Кирдяпшь – 183
 Тарханов Вечкидей – 177
 Татаров Богдан – 183
 Темрагозин Намас – 165
 Тенгай – 183
 Тенебяков Евгостей мирза – 170
 Тенеупин Невера мирза – 189
 Тенишев Колдюш – 160
 Тенишев Чюваш – 158, 160, 177, 180, 192
 Тенишев Чюдяй – 196
 Теребердей мирза – 178
 Теркеив Ишбулат – 165
 Теркеив Чинай – 165, 158
 Терькеив Пиняй – 188
 Тилыев Иван – 190
 Типчеев Арземай – 164
 Титов Роман – 174
 Тозин Митюшка – 178
 Тонтонев Мелситко – 166
 Торбеив Степан – 195
 Торкай – 175
 Торштай – 181
 Тотарапин Анцка – 183
 Тотарапин Булат – 176
 Тотарапин Кулай – 197
 Тотарин Акбердей – 189
 Тотас Чорака – 193
 Тотин Алей – 159
 Тотин Вяча – 175, 177
 Тотин Дечай – 159, 187
 Тотин Мака – 159
 Тотин Маканка (Манайка) – 158, 159
 Тотин Моткай – 158, 159 177
 Тохтамышев Ышмамет – 186
 Тохтанин Мялко – 188, 190, 193, 194
 Тохтанин Пара – 198
 Тохташев Жила – 194
 Тохташев Ишмамет (Ышмамет) – 188, 192
 Тохташева Терегула Собаива дети – 169
 Тремасов Кешка – 166
 Тренка – 165
 Третьяков Ондрюшка – 164
 Тулин Ывашка – 170
 Тумаев Гутка – 163, 181
 Тырвасов Неверка – 187, 188
 Тюрей Куштаниным – 194

Тяпин Учан – 158

Тяшев Нолеватко – 178

У

Ураза (Уразай) мирза – 173, 189

Уразаевская жена – 164

Урознеев Панчюра – 197

Учаев Велдюш – 196

Учаев Пятуня – 160, 176

Учай – 166

Учапин Кижедейко – 185

Учеватов Кумортка – 167, 186, 188

Учетаев Уразман – 161

Учотов Тренка – 178

Ушаков Пятка – 166, 168

Ушедеев – 192

Ушкеив Татамаса – 182

Ф

Федор Опраксин – 195

Федоров Степанко – 173

Федоров Шестак – 172, 173

Федоровича Михаил – 195

Федька – 172

Фомин Федка – 172, 173

Х

Худеков Ермоват – 196

Худеков Кошай – 195

Худеков Тереш – 198

Худяков Аразяпа – 161

Худяков Канбур – 163

Ч

Чарпин Кечат – 165

Чарыков Левонтей – 170

Чеадаев Иван – 169

Чеадаив Иван – 166

Чебышев Кудинко – 183

Челеев Лопыр – 192

Челеев Селев – 192

Челмодеев Петеня – 166

Чемаев Сескай – 185

Череватов Биговат – 198

Череватов Отянко – 179

Черминский Богдан – 174

Чермоватов Ачка – 162

Чернин Кечат (Кечет) – 186, 190

Четаев Богдан – 164

Четаев Кечюшь – 163, 181

Четаев Меньшик – 195

Четаев Москай – 174

Четаев Рузманка – 178

Четаев Череват – 174

Четаив Уразманка (Рузманка) – 179

Чидясов Дурнайка – 175

Чимнин Бигилдей – 189

Чимнин Бигилдей – 189

Чимнин Ломакай – 189

Чимнин Ломакай – 189

Чимнин Покай – 189

Чиндов Сыскай Лопаев – 175

Чиндяев Дурнай – 159

Чиндяев Татан – 158

Чиндяив Атманза (Ятманза) – 158, 160

Чиндяив Тотай – 174

Чиндяпин Кижан – 163

Чиндясов Губай – 183

Чиндясов Дечай – 196

Чиндясов Дурнанка – 159

Чиндясов Ирменза – 185

Чиндясов Копай – 176

Чиндясов Кудашко – 176

Чиндясов Мирдемас – 197

Чиндясов Олексей – 197

Чиндясов Пятой – 196

Чиняев Парамза – 164, 181, 184

Чинясова Пилсы вдова – 159

Чотов Кирдянко – 178

Чюбаков Петрон – 181

Чюватов Комортка – 192, 193

Чюватов Петрушей – 194

Чювашев Михалко – 181

Чюраив Ишбулат – 165

Чюраив Ишмамет – 165

Чюраив Мамлей – 171

Чюркин Иваняй – 165

Чюркин Кочюпа – 165

Чюркин Лапыня – 186

Чюркин Лапыня – 187

Чюркин Мелсыт – 167

Ш

Шапилов Олексей – 168

Шапкин Лняско – 183

Шаткеев Байбулат – 198

Шваков Вечеманей – 192

Шеватов Сычей – 162

Шереватов Носа – 194

Шеркаев Сергей – 192, 193

Шиндавин Пурумда – 166

Шиндяпин Видя – 193

Шиндяпин Ломака – 165, 186, 189, 190, 192, 193

Шиндяпин Потап (Патап) – 165., 188, 189, 191

Шинкин Угай – 167

Широватов Нос – 166, 168

Шичай – 175

Шичеватов Кежай – 158

Шичкин Худяй – 160

Шичоговов Кижедей – 160

Шмакова Казарина дети – 172

Шуватов Кежай – 174

Шычеватово Петрушка – 167

Ы

Ыскап[] Неверко – 186

Ю

Юрко – 189

Юрьев Анцыфорка – 165

Я

Яборашева Онторка – 198

Явкеманов Жила – 167

Яковлев Ыванка – 170

Якунин Сайгашка – 159

Якуня – 159

Янаев мирза – 192

Янглычев Уразай – 189

Янсар Илышев – 178

Ярчетаев Килдя – 164

Ясбирев Булай мирза – 195

Таблица № 1.

Новоприбылые мордовские дворы в 1629/30 г.

Населенный пункт	Новых дворов		Ясак (руб.)	Куничные деньги (руб.)	За рыбную ловлю (руб.)	Посопный хлеб (четей)	Медвяной оброк (пуд)
	всего	бобыльских					
Новоселки и Пинизлеи	11	–	0,605	0,55	0,275	13,75	4,25
Широмасова	1	–	0,09	0,09	0,12	1,125	0,5
Баива	4	–	0,4	0,27	0,3	4,5	2,5
Дудниково	4	–	0,12	0,12	–	1,5	1,25
Нороватово	5	–	0,25	0,2	0,225	5	1,75
Коломасово	2	–	0,31	0,14	–	1,25	1,2
Кураиво	3	–	0,32	0,28	0,21	3,375	1,1875
Коляиво	7	1*	0,36	0,24	0,09	6,75	2,9
Виртьяново	2	–	0,225	0,15	–	2,125	0,7
Пошатово	4	1	1	–	–	1,5	1,5
Вечкидеиво	3	1	0,14	0,14	–	0,5	0,5
Станорово	8	2	0,27	0,225	0,15	3,375	1,55
Рузаново	3	–	0,135	0,135	–	1,5	0,825
Анамасово	7	1	0,39	0,21	0,24	4,5	2,175
Тенгушево	10	2	0,62	0,51	0,225	11,5	3,125
Сокаив починок	2	–	0,1	0,1	0,12	1,25	0,75
Подясово**	12	1	–	–	–	–	4,8
Селища	4	–	1,45	–	–	6	6
Поромзино**	8	–	2,99	–	–	7	7,5

* С бобыля по-«прежнему» полагалось податей 10 копеек в год.

** Неполные данные.

Таблица № 2.

Дворовладение и землевладение кадомской мордвы в 1614 г.

Населенный пункт	Дворов				Земли (чети)				Земли (чети)		Вытей		сена (копен)	мертвой мордвы
	пашенных	бобыльских	всего (дворы)	пустых (дворовые места)	пашня паханная (средней + доброй)	перелог (средней + доброй)	лесом поросло (средней + доброй)	всего	доброй	средней	в живых	в пуге		
беляк Малая Чепчера														
Мелсетева	9	2	11	1	–	–	–	225	125	100	4,5	0,5	–	8
Поляна (пуст)	–	–	–	–	–	40+?	30+ (25+?)	161	91	70	–	–	–	–
Итого:	9	2	11	1	–	40	30	386	216	170	4,5	0,5	–	8
Еректинский беляк														
Станарово	21	5	26	2	175+140	75+60	–	450	200	250	7	4,25	550	6
Родкина	–	–	–	–	–	31+25	–	56	25	31	–	–	–	6
Каляива п.л.	9	–	12	7	125+100	101	24	350	100 ¹	250	5	–	600	8
Момолаевский поч.	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Нороватово	7	1	8	9 (1)	0+50	0+32	0+20	102	102	–	2,5	2,625?	200	8
Коломасово	7	–	7	1	56+45	40+?	10+?	191	85	106	2,25	2	–	6
Виртьяново	4	–	4	–	0+35	0+15	0+10	60	60	–	1,75	1,25	270	6
Чюдожская	–	–	–	4 (8)	–	0+60	0+90	150	150	–	–	–	–	–
Крутое	–	–	–	–	–	0+160	0+40	200	200	–	–	–	–	–
Итого:	51	6	57	23(9)	356+370	247+352	34+160	1559	922	637	6,5	5,875	1070	20
Чепчерянской беляк														
Баева	5	–	5	3 (1)	0+25	0+70	0+25	120	120	–	1,25	4,75	250	3
Вичкидеива	4	–	4	–	0+30	0+30	–	60	60	–	1,5	1,5	60	4
Дудниково	2	–	2	2	12+10	13+?	6+?	56	25	31	0,5	0,75	50	2
Кураева	6	2	8	(1)	0+55	0+20	–	75 ³	75	–	2,75	1	80	5

Большие Пинзилей	6	1	7	7	0+50	0+100	–	150 ²	150	–	2,5	5	100	5
Малье Пинзилей	4	2	6	2	0+30	0+70	–	100	100	–	1,5	3,5	80	4
Новоселки	4	1	5	1	0+30	0+50	–	80	80	–	1,5	2,5	100	3
Широмасова	10	2	12	6	0+70	0+80	–	150	150	–	3,5	4	200	10
Шокша	11	1	12	3	0+85	0+45	20	150	150	–	4,25	3,25	700	8
Анамасова	3	–	3	2	0+20	0+17	0+12	49 ⁴	49	–	1	1,5	300	5
Тянгушева	14	2	16	10	0+90	0+170	0+40	300	300	–	4,5	10,5	210 ⁵	13
Надянова	–	–	–	4	–	0+40	0+10	50	50	–	–	–	60	–
Урузанова	–	–	–	–	–	0+190	0+10	200	200	–	–	–	–	–
Мелевля	–	–	–	–	–	0+60	–	60	60	–	–	–	–	–
Итого:	69	11	80	40	12+495	13+942	26+97	1600	1569	31	24,75	38,2	2190	62
Талдемской беляк														
Пашатова	19	3	22	1 (4)	0+60	0+140	–	200	200	–	3	7	475	6 ⁶
Шапкино	4	–	4	–	0+25	0+20	–	45	45	–	1,25	1	70	
Подлясово	17	1	18	–	0+80	0+140	–	220	220	–	4	7	500	
Селище	19	2	21	(1)	0+200	0+20	–	220	220	–	10	1	100	
Парамзина	13	4	17	–	125+300+100 ⁷	–	–	300+100	300+100	125	15+5	–	500	
Анаива	8	4	12	1	0+60+5 ⁸	0+45	–	105+5	105+5	–	3	2,25	100	
Авдалово (с)	11	–	11	–	0+75	0+45	–	120	120	–	3,75	2,25	300	
Каргашина	14	2	16	–	125+100	131+105	–	361	156	205	5	5,25	80	
Жеравкина	12	1	13	–	0+80+60 ⁹	–	–	80+60	80+60	–	4	–	–	
Итого:	117	17	134	2 (5)	250+980+165	131+515	–	1651+165	1446+165	330	46+5	25,75	2125	6
Белобородский беляк														
–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего:	246	36	282	60(8)	618+1845+165	431+1809	90+257	5196+165	4153+165	998	101,75	79,625	5385	96

¹ В писцовой книге 200 четей.

² а также квадратная верста пашенного леса.

³ а также лесу пашенного 5 десятин.

⁴ В писцовой книге 50 четей.

⁵ да меж ярового поля остров, квадратная верста.

⁶ 4 человека сошли в Алаторский и Темниковсий уезды, 8 человек ходят меж дворов.

⁷ 100 чети новорасчищенные, 125 чети на оброке.

⁸ 5 четей на оброке, да пашенного леса 2,5 квадратной версты.

⁹ 60 четей новорасчищенные на оброке.

Таблица № 3.

Натуральные и денежные повинности кадомской мордвы в 1614 г.*

Населенный пункт	За куниц						Ясак (руб.)		Медвяной оброк				За рыбную ловлю (руб.)	Посопной хлеб (четы ржи и овса)		Бобыльский оброк (руб.)
	Ж.**			М.***			Ж.	М.	Ж.		М.			Ж.	М.	
	куниц (шт.)	оброк (руб.)	пошлина (руб.)	куниц (шт.)	оброк (руб.)	пошлина (руб.)			мед (пул)	пошлина (руб.)	мед (пул)	пошлина (руб.)				
беляк Малая Чепчера																
Мелсетева	2	0,8	0,01	1,5	0,6	0,0075	1	1	4,25	–	2,75	–	–	9	2,5	0,2
Еректинский беляк																
Станарова	2	0,8	0,01	–	–	–	0,625	–	–	–	–	–	1,88	14	8,5	0,5
Родкино	–	–	–	0,5	0,2	0,0025	–	0,28	–	–	–	–	–	–	1,375	–
Каляива	0,5	0,2	0,0025	0,25	0,1	0,0025	0,45	0,3	–	–	–	–	–	10	0,5	–
Нооватово	0,75	0,3	0,005	1	0,4	0,005	0,9	0,75	–	–	–	–	–	5	1,375	0,1
Коломасово	4,5	1,8	0,0225	1	0,4	0,005	3	0,75	–	–	1,75	–	1,1	4	1,0625	–
Виртьяново	0,5	0,2	0,0025	0,5	0,2	0,005	0,4	0,45	1	0,025	1,5	–	–	3,5	0,75	–
Итого:	8,25	3,3	0,0425	3,25	1,3	0,0175 (0,02)	5,375	2,53	21 п. 15 гр.	0,525	8,25	0,275	4,28	36,5	15,3125	0,6
Чепчерянский беляк																
Баева	0,5	0,2	0,0025	0,5	0,2	0,0025	0,33	0,3	2,5	–	1,75	–	0,3	2,5	1	–
Винкидеева	1	0,4	0,005	1,25	0,2	0,0075	0,24	0,3	2	0,05	2,875	–	–	3	1,0625	–
Дудниково	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,5	–	–
Кураева	0,5	0,2	0,0025	0,75	0,3	0,005	0,3	0,27	1,5	–	2,75	–	0,4	7,5	1,375	0,2
Большие Пинзилей	1	0,4	0,005	1	0,4	0,005	0,60	0,57	5+0,75 и 5 гр.	0,125+0,025	4,75	–	0,7	5	3,25	0,1

Малые Пинзели														3		0,2
Новоселки														3		0,1
Широмасова	2	0,8	0,01	2,75	1,1	0,015	0,975	0,8	8 и 15		8,25	–	0,52	7	8,25	0,2
Шокша				0,625	0,25	0,0025		0,33	гр.		2,25	–	0,15	8,5	1,125	0,1
Анамасова	0,5	0,2	0,0025	0,25	0,4	0,0025	0,25	0,15	2	0,05	1,5	–	0,2	2	1	–
Тянгусева	1,5	0,6	0,075	2	0,8	0,01	0,6	0,5	6,5		6	0,15	0,6	9	4,625	0,2
Итого:	7	2,8	0,035	9,125	3,65	0,0475	3,295	3,22	30,75	0,765	30	0,75	4,1	51	20,3125	1,1
Тюдемский бяк (Тядемский)																
Пашатова	–	–	–	–	–	–	–	–	3	0,075	–	–	–	6	8	0,3
Шапкина	19	7,6	0,095	–	–	–	19	–	70	1,75	–	–	–	2,5	–	–
Подлясова				–	–	–		–			–	–	–	8	–	0,1
Селище				–	–	–		–			–	–	–	20	–	0,2
Парамзина				–	–	–		–			–	–	–	40	–	0,4
Анаивы				–	–	–		–			–	–	–	6	–	0,4
Авдалово с.				–	–	–		–			–	–	–	7,5	–	–
Каргашина	10,625	3,85	0,05	–	–	–	3,85	–	19,25	0,48	–	–	–	10	–	0,2
Жеравкина				–	–	–		–			–	–	–	8	–	0,1
Итого:	29,625	11,45	0,145	–	–	–	22,85	–	92,25	2,305	–	–	–	108	8	1,7
Белобородский бяк																
Селище	–	–	–	–	–	–	–	–	2	0,05	–	–	–	–	–	–
Парамзина	–	–	–	–	–	–	–	–	25 гр.	0,015	–	–	–	–	–	–
Авдалово?	–	–	–	–	–	–	–	–	1	0,025	–	–	–	–	–	–
Итого:	–	–	–	–	–	–	–	–	3 п. 25 гр.	0,085	–	–	–	–	–	–
Всего:	46,875	18,35	0,2325	13,875	5,55	0,075	32,52	6,75	154,25	2,39	38,25	1,025	8,38	203,25	46,125	3,6

* Следует отметить, что в ряде случаев в книге приводятся итоговые данные, не подтверждаемые подсчетами. За основу при составлении таблицы взяты подсчеты писцов.

** Ж. Мордва выявленная в наличии.

*** М. Мордва умершая и беглая.

Таблица № 4.

Бортники Кадомского уезда в 1614 г.

Где живут	За кем живут	Бортников (чел.)	Оброк с вод (руб.)	Пошлин (руб.)	Медвяной оброк		За куницу		
					мед (пуд)	пошлин (руб.)	куница	оброк (руб.)	пошлин (руб.)
Лухомский стан									
Токмаково с.	Иван Волынский	3	–	–	1,25	–	2	0,8	0,01
Глинково с.	Емней м. к. Никеев	1	–	–	0,5	–			
Новинки	Олмакай м. Тереберде-ев, Евгостя м. Тенебяков	1	–	–	0,25	–			
Палянки	Василий Вышеславцев	1	–	–	0,5	–			
Котово д.	Василий Горский	5	–	–	1,75 (0,5)	–			
Выжура д.	Данила Окинин	1	–	–	5	–	2	0,8	0,01
Чарьково с-цо.	Левонтий Чарьков	2	–	–					
Олешина д.	Василий Казарин	1	–	–					
Торопов од.	Сюнчалей м. Енаков	2	–	–					
Темирево д.	Лукьян Поспелов с.б.	1	–	–					
Пенки д.	Владимир Вешняков кр.	1	11,4	–	2,75	–	2	0,8	0,01
	Булгак Слепцов Борсуков кр.	1			2,25				
	Чюрай Мамлеев кр.	1			2				
Итого:		22	11,4	–	17	0,555	6	2,4	0,03
Сысверский стан									
Кадом, на посаде	–	1	18,825	0,7275	7,5	–	1,5	0,6	0,0075
Третьякова д.	–	1							
Итого:		2	18,825	0,7275	7,5	–	1,5	0,6	0,0075

Стандемский стан (Саватемский?)									
Казариново д.	Казариновы дети Шмаковы	2	–	–	19	–	7	2,8	0,035
Токмаково с.	Иван Волынский	2	–	–					
Вышура д. (Чюрина д.)	Теребердей м. Мамлеив	2	–	–					
Рукава д., Темн. у.	–	3	–	–					
Михайлов	–	1	–	–					
Итого:		10	–	–	19	–	7	2,8	0,035
Котелинский стан									
Котелино д.	кн. Бришей	3	–	–	–	–	–	–	–
Чермных д.	Уразай м.	2	–	–	–	–	–	–	–
Итого:		5	–	–	10	–	2	0,8	0,01
Всего:		39	23,46	0,735	53,5	1,77	16,5	6,6	0,0825

м. – мирза; к. – князь; кр. – крестьянин

А.В. Беляков

КАДОМ ӨЯЗЕ МОРДВА АВЫЛЛАРЫНЫҢ 138 НЧЕ (1629/30) ЕЛГЫ ЖАН ИСӘБЕН АЛУ КЕНӘГӘСЕ

Ачык сүзләр: XVI–XVII гасырларда Мәскәү дәүләте, мукшылар, йомышлы татарлар, чолыкчылар (кыргый умартачылык белән шөгыйльләнүчеләр), Көнчыгыш Мещера, чолыкчылык (кыргый умартачылык) биләмәләре, жан исәбен алу кенәгәләре.

Кыскача эчтәлек. XVII гасыр Мещера төбәге жан исәбен алу кенәгәләре бик сирәк кенә өйрәнү предметы булдылар. Нәтижә буларак, бу төбәктәге ул заман вакыйгаларын яктыртуда билгеле кыенлыктар килеп чыкты. Кадом өязе мордва авылларының 138 нче (1629/30) елгы жан исәбен алу кенәгәсен йөрәнү Көнчыгыш Мещерада XVI–XVII гасырлардагы күп процессларга яңача карарга мөмкинлек бирә. Шул исәптән, анда теркәлгән мәгълүматлар төбәктә көн күрүчеләрнең барлык категорияләрен мөмкин кадәр тулырак билгеләргә, чолыкчылык (кыргый умартачылык) биләмәләренә хужа булу үзенчәлекләрен күзәтергә, аерым категория кешеләренә саннары үзгәрешен анализларга, ил тарихының Болганчык чорында (Смута) Кадом төбәге һәм әйләнә-тирәдәге жирләр тарихы белән бәйле яңа фактларны ачыкларга мөмкинлек бирә.

A.V. Belyakov

PISTSOVY BOOK OF THE MORDOVIAN VILLAGES OF THE KADOMSKY DISTRICT OF THE 138th (1629/30) YEARS

Keywords: Moscow state of the XVI–XVII centuries, mordva, sluzhily tatars, bortnik, East Meshchera, bortny uhozhei, pistsovy books.

Annotation. Pistsovy materials of Meshchersky edge of the beginning of the XVII century not often became an object of research. As a result there are certain difficulties with restoration of historical realities of this region of this period. Research of the so-called pistsovy book of the Mordovian villages of the Kadomsky district of 1629/30 allows to look at many processes which were taking place in East Meshchera on the XVI–XVII centuries in a new way. In particular the news containing in it allow to allocate more fully whenever possible all categories of persons living in the region, to track features of possession bortny uhozhei, to analyse changes in the number of separate categories of the population, to learn about the new facts from history of events of the Time of Troubles on kadomsky and lands adjoining to it.

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории Московского государственного университета путей сообщения, Рязанский филиал (г.Рязань).

E-mail: feb@ru.ru, belafeb@gmail.com

Беляков Андрей Василий улы – тарих фәннәре кандидаты, Мәскәү дәүләт юллар университетының Рязан филиалындагы фәлсәфә, социология һәм тарих кафедрасы доценты (Рязан шәһәре).

Belyakov Andrey Vasilyevich – candidate of historical sciences, associate professor, the department of philosophy, sociology and history of the Moscow state railway university, Ryazan branch (Ryazan).

НОВЫЕ КНИГИ

УДК 930.23(47)

М.В. Мусеев

Портрет корпорации Чингизидов в России (рецензия на: *Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с. Тираж 1000 экз.)*)

Ключевые слова: Чингизиды, служилые царевичи, восточная политика.

Аннотация. В статье рассмотрена монография А.В. Белякова, посвященная процессу инкорпорации Чингизидов в состав русской знати. Отмечены несомненные достоинства исследования, новые трактовки событий, но и указаны спорные моменты в истории Чингизидов в России. В целом, по мнению автора рецензии, исследование А.В. Белякова имеет несомненное высокое научное значение и стимулирует дальнейший исследовательский поиск в данной проблематике.

Выход в свет монографии рязанского исследователя Андрея Васильевича Белякова «Чингисиды в России XV–XVII веков» подвел своеобразный итог под более чем десятилетним усилиям автора книги и многих других историков, направленным на изучение этой чрезвычайно важной и вместе с тем сложной проблемы отечественной истории. Когда анализируешь историографию данной темы, то всегда недосягаемой вершиной возвышается четырехтомная монография В.В.Вельяминова-Зернова «Исследование о касимовских царях и царевичах», изданная в 1863 – 1887 годах, которая служит своего рода эталоном для всех последующих работ. И, к сожалению, очень часто планка, заданная этим классическим трудом, так и не бывает преодолена. Причин этому много, наиболее острой является «источниковый голод», о котором нередко пишут историки, изучающие проблему «служилые татары в России» (см. например, рецензируемое издание, с.40). Существует известная иллюзия, что все источники по этой теме давно выявлены и опубликованы, что иногда приводит к отказу от дополнительных архивных разысканий¹. Вторая проблема, также связана с характером источников, данные которых нередко лапидарны, и картина, реконструированная с их помощью весьма мозаична, что вызывает к новым методическим подходам не только для исследования, но и построения исследовательского текста. Мне, как читателю, было любопытно посмотреть, как Андрей Васильевич минует эти научные Сциллу и Харибду, и, надо сказать, автору это удалось вполне. Регулярные занятия в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА) позволили А.В.Белякову выявить многочисленные документы, многие из которых были до того неизвестны. Введение в научный оборот новых материалов, безусловно, обогатило и рецензируемое исследование, и нашу науку в целом. Также, вполне успешно, автор разрешил и вторую из означенных сложностей, избрав жанр просопографического исследования, в котором анализ жизни и деятельности различных Чингизидов логично приводит к созданию необходимых обобщений. Все это позволило А.В.Белякову решить такие вопросы, как статус Чингизидов в России, их службы, генеалогические связи и, что не менее важно, что такое «Касимовское царство».

Заметным достижением А.В.Белякова является выделение персонального состава Чингизидов в России XV–XVII веков. По данным автора их насчитывалось 189 человек: 135 мужчин и 54 женщины. При этом в большинстве случаев они выезжали (попадали в плен) – 101 человек, тогда как родившиеся в России составляли меньшую группу – 88 человек (с.81). Для абсолютного большинства служилых Чингизидов автор провел работу по установлению их жизненного пути, служб, имущественного положения, что делает эту выборку весьма репрезентативной для обобщающего исследования.

¹ См.: Рахимзянов Б.Р. Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009. С.9.

Интересны наблюдения автора и о крещениях выезжих Чингизидах. По мнению исследователя, эта практика реализовывалась неравномерно. В начале XVI века в России стремились крестить всех царевичей, но затем началась политика крещений на «добровольной основе». В XVII веке постепенно перешли к насильственной христианизации, что, в целом, было связано с резким снижением статуса этой служилой корпорации.

Изучение брачных отношений служилых Чингизидов позволило сделать интересное наблюдение о наличии в России целенаправленной брачной политики по отношению к этой служилой категории вплоть до XVII века (с.111, 115). Кроме этого, подобное исследование позволило решить ряд генеалогических проблем и сделать ряд интересных наблюдений о характере обыденной жизни знатных степных эмигрантов. Автор отмечает единственный случай брака служилого Чингизида (это был Мурад-Гирей) на женщине из соседнего государства и объясняет это особым статусом Гиреев в России (с.99). Впрочем, есть еще упоминание сватовства в мае 1508 г. некоего Абдул-Хайра к сестре касимовского царевича, вероятно Джаная, оставленного русской стороной без внимания².

Исследование придворных служб, проведенное А.В.Беляковым, показало глубокую вовлеченность Чингизидов в придворную жизнь Кремля. В данной сфере деятельности автор выявил следующую эволюцию. Первоначально в придворных церемониях принимали участие только крещенные Чингизиды, с середины XVI столетия – встречаются и мусульмане. Во второй четверти XVII века об этой практике «забывают», но возвращаются после 1654 года. Впрочем, после смерти Алексея Михайловича придворные службы царевичей сходят на нет (с.120, 125, 128–129). Несомненно, что активное «использование» в придворном церемониале выезжих Чингизидов при Алексее Михайловиче связано с амбициями «Тишайшего» царя. Весьма интересны наблюдения А.В.Белякова над случаями участия царевичей в религиозных церемониях. Так, анализируя факты их присутствия на Вербное воскресенье, автор предложил, что «тем самым московские государи символически как бы повторяли отдельные эпизоды земной жизни Христа, в данном случае – приход волхвов (восточных царей) к новорожденному Спасителю» (с.124). Интерпретация, конечно, не бесспорная (что осознает и сам автор), но небезыңтересная.

Одной из «изюминок» рецензируемой книги, на мой взгляд, является раздел, посвященный частной жизни Чингизидов в России, в котором автор продемонстрировал филигранное владение источниками. Без сомнения, эта работа позволила сделать излагаемый исследователем материал «живым», объемным.

Весьма интересны наблюдения автора над составом и организацией двора служилых Чингизидов в России. А.В.Беляков вполне аргументировано отвел гипотезу Д.М.Исхакова о двухкрыльевом строении военного отряда касимовских царей, причем, царев двор формировался из татар, проживавших в Подлипкинском (Царицынском) стане, а сеитов полк – в Ахматове стане³. Суть рассуждений автора рецензируемой книги состоит в том, что выявленный им актовый материал противоречит этому суждению и «строгое распределение представителей той или иной корпорации не прослеживается» (с.177). Впервые разделение на Сеитов и Царев полки фиксируется в 1554 г. и связано оно с историей формирования касимовской корпорации служилых татар. Так, городецкие (сеитов полк) татары представляли собой потомков тех, кто выехал в Россию еще в XV веке (с.177). Царев полк – другое название Шигалеевы татары – это те, кто входил в состав двора эмигрировавшего из степей Шейх-Аулияра и его сына Шах-Али (с.180). В целом, А.В.Белякову удалось восстановить эволюцию дворов служилых Чингизидов за два столетия. Если в начале их рассматривали как существенный компонент военной силы Русского государства, то постепенно это значение начало снижаться, а во второй половине XVII века «дворы представителей «золотого рода» сравнялись с положением дворов московской православной знати» (с.258).

Крайне важным для исследования всего комплекса проблем темы «служилые татары в России» является анализ такого феномена как «Касимовское царство». Известно, что ряд историков предполагает, что это реально существовавшее образование, имевшее некоторое время независимость, границы, административное устройство. Однако как убедительно показал А.В.Беляков, все это не более чем «кабинетное образование». Изучение исторической географии Мещеры позволило сделать автору принципиально важные выводы. Во-первых, административным центром края изначально являлся не Касимов, а Мещера, она же Елатьма. Около 1566/67–1570 гг., в связи со

² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С.71–72.

³ См.: Исхаков Д.М. О внутреннем делении Касимовских татар и его истоках // Восток-Запад: Диалог культуры Евразии. Казань, 2001. Вып. 2. С.289–298.

строительством засечной черты, административный центр переносится в Шацк. Существенным моментом является, что Мещера и Шацк имели разное подчинение. Первая ведалась в приказе Казанского дворца, а второй – во Владимирской чети. Епархиальная граница также делила территорию предполагаемого «царства» на две части. Учитывая эти и другие факты, автор отвергает наличие границ особого Касимовского царства и ограничивает его касимовским посадом, некоторыми земельными участками в самом городе и поместьями самого «касимовского царя». Источники не дают оснований говорить и о существенном наборе административных функций у «царя». Так, например, поземельные споры татар Касимовского уезда разбирал касимовский воевода. В целом, в рецензируемой монографии убедительно доказана эфемерность «Касимовского царства», которое появилось, пользуясь словами А.В.Белякова, «на кончике пера» некоторых историков.

Автору удалось выявить этапы инкорпорации служилых Чингизидов в российское служилое сословие, которая завершилась в 1718 г. заменой титула «царевич» на «князь». Таким образом, историку удалось создать своего рода полотно, на котором скрупулезно, поэтапно воссоздана жизнь представителей «золотого рода» на своей новой Родине. Большинство наблюдений и выводов автора строго аргументировано, что является сильной стороной рецензируемой монографии.

В целом, исследование А.В.Белякова производит более чем благоприятное впечатление, но, естественно, оно не безгрешно. С некоторыми суждениями и определениями автора сложно согласиться. Так, на мой взгляд, неубедительно предложенное автором разграничение служилых Чингизидов по территориальным династиям. Во-первых, в случае с изучаемым объектом сложно говорить о каких-либо династиях. Так, например, фигурирует «самаркандская династия» из одного представителя и его дочери. Что важно эти «династии» редко имели более 2-х колен, проживавших в России (2-я колена – Казанская, Хивинская династии). Сложно говорить и о какой-либо непрерывности в жизни этих «династий». Территориальное определение тоже не удовлетворяет. Так, на мой взгляд, неверно говорить о казанской или астраханской династии по той причине, что не все царевичи были изначально связаны с этими городами. К примеру, Касим и Ягуп попали в Русское государство из «Черкас», а не Казани. В целом, предложенные автором территориальные династии – очень условное определение, и, наверное, правильнее было бы пользоваться обыкновенным генеалогическим приемом группирования родов по общему предку. Так же использование дефиниции «династия» создает у читателя представление о некоей непрерывности в их жизнедеятельности, однако, как показано в рецензируемой книге, это далеко не так. По большому счету о династии с определенными оговорками можно говорить лишь в случае с Кучумовичами.

Рассуждения о роли левирата в постзолотоордынском обществе автора занимают существенное место (с.98), однако тезис о легитимирующем значении этой брачной практики в деле престолонаследия все-таки представляется не вполне убедительным. С одной стороны, в пользу этого говорят факты, проанализированные в книге (с. 91–104), с другой стороны, остается вопрос: насколько действенным в реальной политике в условиях полигамии был этот обычай. И если да, то на каком основании определяли главную кандидатуру из всех жен для передачи власти. Также сомнительно, что московские власти при «посажении» касимовского царя вдавались в подробности генеалогии его жен. Все-таки, мне думается, что левират служил больше для сохранения средств существования вдовы и баланса сил среди татарской элиты, мирных отношений с соседями. В частности, это видно на примере браков казанских ханов на ногайских аристократках. Так, Мухаммад-Эмин женат на дочери ногайского бия Мусы, а после смерти в русском плену своего сводного брата Илгана (Али) – на его жене, дочери брата Мусы – Ямгурчи, Каракуш. Говорить о каком-либо легитимирующем характере этого брака причин нет, так как жених и без того был казанским ханом. Брак Сафа-Гирея на вдове хана Джан-Али – Сююмбике тоже базировался не на желании узаконить свою власть над Казанью, а на внешнеполитических расчетах. В целом, сделанные замечания констатируют сложность изучаемой проблемы и необходимость проведения специальных исследований брачной политики в постзолотоордынском мире. Сама же гипотеза, предложенная автором, не лишена известного изящества, но все же переводить ее в разряд объясняющих теорий мы бы не спешили.

Определенные возражения вызывает утверждение о большой заинтересованности в XV – начале XVI столетий в военной составляющей дворов представителей «золотого рода» (с.165, 257). Учитывая, имеющиеся у нас данные, численность этих дворов не представляется сколь-нибудь значительной (так, и сам автор пишет о нескольких сотнях как о максимуме). Информация о военных действиях фиксирует использование татарских отрядов в операциях, имеющих ограниченное тактическое значение («диверсионные» рейды, конная разведка). Следовательно, в военной структуре Русского государства XV–XVII веков дворы служилых Чингизидов никогда не играли сколь-

нибудь значительной роли. Само же это утверждение А.В.Белякова можно рассматривать как дань сложившейся историографической традиции. Такое же возражение вызывает утверждение, что «в России имелся собственный взгляд на восточную титулатуру, который несколько отличался от укоренившегося в славянских землях» (с.168). Во-первых, не ясно о каких славянских землях здесь пишет автор (Корона Польская?). Во-вторых, автор пишет в связи с этими рассуждениями, что иногда мирза по статусу мог быть выше бека (в книге – князя) и в пример приводит положение ногайских Эдегеивичей (с.168–169). Однако здесь не проблема отличающегося взгляда Москвы на восточные титулы, а учитывание реального статуса различных татарских элей и родов. Как это уже выяснено в историографии, статус тех или иных родоплеменных групп не был стабильным. Красноречивый пример – это статус киятов, в XIV веке очень влиятельной группировки, но позднее утерявшей свои позиции. Так же были и вовсе маловлиятельные эли, главы которых были беками (князьями), но, естественно, уступавшие в «честности» мирзам, потомкам Эдиге, которые у себя в Ногайской Орде, как раз управляли различными элями.

Анализируя состав двора, А.В.Беляков не ставит вопрос о наличии у служилых Чингизидов канцелярии. Автор отмечает лишь одного дьяка в 1563 г., причем русского. Однако это не говорит об отсутствии у касимовских «царей» своих канцеляристов. Дело в том, что хафизы (в книге – абызы), о которых историк пишет почти только как о чтецах Корана, в русских источниках того времени очень часто определяются как «дьяки»⁴, так что определенные административные функции они исполняли и задолго до начала XVIII века (с.172, прим. 35). В целом можно предположить наличие у касимовских Чингизидов своей (скорее всего небольшой) канцелярии, впрочем, это наблюдение не свидетельствует об исключительности Касимова, так как наличие канцелярии у крупных вотчинников вполне логичное явление.

В целом если говорить о внутренней структуре дворов выезжих Чингизидов, то стоит отметить, что их содержание не было попыткой «перенести на русскую землю привычные реалии», а первоначально именно этими реалиями они и являлась. Дело в том, что А.В.Беляков рассматривает дворы как факт сложившийся уже в Русском государстве, но чаще всего в XV–XVI веках Чингизиды эмигрировали со своими дворами, уже сформировавшимися на Родине. Та информация, что у нас есть по этому вопросу, показывает значительное совпадение состава (конечно не по именного, а, если так можно высказаться, по чиновного) дворов степных ханов и султанов с их эмигрировавшими «коллегами». Ясно, что с течением времени такое явление становится все более искусственным, но все же показательно, что чаще всего двор того или иного царевича-эмигранта состоял из тех людей с кем он выехал.

Завершая рецензию, хотелось бы отметить, что А.В.Беляков проделал значительную работу. Объем данных, проанализированных автором впечатляет. Что важно, это исследование актуализирует перед наукой ряд вопросов, в частности, об истории брачной политики в постзолотоордынском мире, о проблемах интеграции представителей различных народов и конфессий в единое Русское государство, роли в этом процессе эмиграции и другие. Среди этих проблем хочется назвать и компаративистское исследование института служилых татар на материалах истории Великого княжества Литовского, Турции и т.д. Благо материал для подобных штудий в последнее время заметно увеличился. В целом, хотелось бы отметить, что сделанные замечания ни в коей мере не умаляют высокой оценки труда Андрея Васильевича Белякова.

М.В. Моисеев

РОССИЯДЭ ЧЫНГЫЗЫЙЛАР КОРПОРАЦИЯСЕ ПОРТРЕТЫ

(А.В. Беляковның «Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование»

(«XV–XVII гасырларда Чынгызылар Рәсәйдә: просопографик өйрәнү».

Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 б. Тиражы – 1000 данә) исемле китабына бәяләмә)

Ачкыч сүзләр: Чынгызылар, йомышлы хан нәселе вәкилләре, Россиянең көнчыгыш сәясәте.

Кыскача эчтәлек. Мәкалә А.В.Беляковның Чынгызыларның рус аксәякләр катламына инкорпорациясенә багышланган китабына бәяләмә булып тора. Анда монографиянең өстенлекле яклары, авторның ва-

⁴ Например, именно так характеризует русский посланник в Ногайской Орде Елизарий Мальцев хафиза, посланного к нему Юнусом б. Юсуфом: «да дьяка своего Еналея абыза». См.: Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой (1551–1561 гг.). Публикация текста / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов. Казань, 2006. С.246.

кыйгаларны яңача бәяләүе билгеләп үтелә, шул ук вакытта Россиядә Чыңгызыйларның тарихын яктыртуда бәхәсле моментлар булуы турында да әйтелә. Бәяләмәнең авторы А.В.Беляковның хезмәте һичшиксез югары фәнни әһәмияткә ия һәм бу проблематика бунча яңа фәнни эзләнүләргә этәргеч бирә, дигән нәтижә ясы.

M.V. Moiseyev

PORTRAIT OF GENGHISID CORPORATION IN RUSSIA

(the review on: *Belyakov A.V. Chingisidi v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* (Genghisids in Russia in the XV–XVII centuries: prosopographic research). Ryazan: «Ryazan. Mip», 2011. – 512 pp. Circulation is 1000 copies)

Keywords: Genghisids, sluzhily tsarevitches, east policy.

Annotation. In this article A.V. Belyakov's monograph devoted to process of incorporation of Genghisids in structure of the Russian nobility is considered. Undoubted advantages of the research, new treatments of events are noted, but also disputed issues in the history of Genghisids in Russia are specified. As a whole, according to the reviewer, A.V. Belyakov's research has undoubted high scientific value and stimulates further research in this subject.

Моисеев Максим Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, философии и культурологии Московского государственного гуманитарного университета им. М.А.Шолохова (г.Москва).

E-mail: maksi-moisee@yandex.ru

Моисеев Максим Владимир улы – тарих фәннәре кандидаты, М.А. Шолохов исемендәге Мәскәү дәүләт гуманитар университеты тарих, фәлсәфә, культурология кафедрасының өлкән укытучысы (Мәскәү шәһәре).

Moiseyev Maksim Vladimirovich – candidate of historical sciences, the senior teacher of chair of history, philosophy and cultural science, M.A.Sholokhov Moscow State University for the Humanities (Moscow).

УДК 930.23(571)

Д.Н. Маслюженко

Сибирское ханство: опыт историко-археологического анализа (рецензия на: *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.)

Ключевые слова: Кучум, Сибирское ханство, Абдаллах II, Бухарское ханство.

Аннотация. Статья посвящена обзору монографии А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории», являющейся интересным опытом историко-археологического исследования. В рецензии анализируются основные взгляды авторов на проблемы становления Сибирского ханства, в частности на процесс влияния Бухарского ханства, а также показываются некоторые ошибочные трактовки этого процесса.

В 2012 году вышло две новые монографии, посвященные истории Сибирского ханства. Это работа В.В.Трепавлова «Сибирский юрт после Ермака» [Трепавлов, 2012] и указанная в названии рецензии книга А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова. В первой из них, построенной на значительном комплексе малоизвестных архивных источников из фондов РГАДА, истории Сибирского ханства при Кучуме посвящено только две первые главы, в то время как все остальные «отданы» Кучумовичам. В отличие от нее во второй работе анализируется именно деятельность хана Кучума. При этом она представляет редкий пример удачного синтеза археологических и исторических источников, потенциально способного изменить точки зрения на многие проблемы сибирской истории XVI века. До сих пор в историографии существовало только одно подобное исследование – это книга

В.И.Соболева «История Сибирских ханств (по археологическим материалам)» [Соболев, 2008], представляющая собой кандидатскую диссертацию автора, изданную уже после его смерти.

В связи с явной неординарностью и редкостью исследований, основанных на синтезе разнородных источников и представляющих новые археологические материалы по западносибирской археологии позднего средневековья, нам кажется необходимым проанализировать ряд выводов, к которым пришли авторы книги. А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров хорошо известны среди специалистов как по работам в области археологии и этнографии, так и по изданным в последнее время статьям, посвященным административной структуре, определению границ, внешней политике, торговле, специфике военного дела Сибирского ханства Кучума.

Во введении авторы изложили свое видение основных проблем в изучении Сибирского ханства, ставших основой для написания книги. Они отмечают, что «... с каждой изданной монографией историкам становилось очевидно, что без расширения источниковой базы переход на более высокий уровень исследований сибирской государственности невозможен. Выход из сложившейся ситуации видится в привлечении исследователями новых видов источников» (с.6). Под последними авторы подразумевают результаты археологических исследований.

Первая глава состоит из 7 разделов.

В разделе 1.1 выявлены основные этапы изучения военного дела Сибирского ханства в отечественной исторической науке, делая значительный уклон в сторону археологической литературы по этой теме. В целом представленный очерк историографии охватил все исследования, хотя бы косвенно затрагивающие эту проблематику. Значительного внимания заслуживает вклад авторов в археологическое изучение памятников сибирских татар.

Второй раздел посвящен войне и политике в истории Сибирского ханства и является единственной частью книги, построенной преимущественно на письменных источниках. В силу научных интересов автора рецензии на этой главе необходимо остановится подробнее. Авторы исходят из давно отстаиваемой ими идеи о доминирующем влиянии Бухарского ханства во главе с Абдаллахом II в создании ханства Кучума. Для Бухары появление союзного государства было «удачным ходом в борьбе против казахов» (с.33), использованным в дальнейшем и против Москвы (с.44). Именно противостояние исламского мира Средней Азии с центром в Бухаре и христианского Московского царства при периодическом вмешательстве казахов, по мнению авторов, предопределило весь ход сибирской истории второй половины XVI века. При этом Сибирское ханство стало для бухарских светских и духовных лидеров «разменной монетой, которая отсрочила приход Московского царства в Среднюю Азию и гибель Бухары почти на 300 лет» (с.53).

Сама по себе идея активного вмешательства Абдаллаха II и суфийских шейхов Средней Азии в сибирские дела имеет давние корни в отечественной историографии. При этом в большинстве работ (Г.Ф.Миллер, С.В.Бахрушин, Х.З.Зияев) она анализируется лишь в общих чертах. Несколько более подробный характер носит историография исламизации Сибири при братьях Ахмед-Гирее и Кучуме (Д.М.Исхаков, А.К.Бустанов и другие). В работе А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова влияние Бухары на Сибирь доведено до абсолютного и всеобъемлющего. При этом авторы указывают, что «возможно ... именно там (в Бухаре. – Д.М.) строились планы всех антирусских восстаний и военных выступлений, которые охватили юг и юго-восток Русского царства в 1571–1572 и последующих годах» (с.34).

В связи с этим постараемся кратко изложить позицию авторов по этому вопросу, соблюдая хронологический порядок (с.33–48).

Итак, по мнению авторов, захват Москвой Казани и Астрахани в 1550-х гг. и начавшиеся гонения на мусульман привели к миграции последних в среднеазиатские города и осознанию духовных лидеров последних возможности продолжения русских походов в восточном направлении. При этом потенциальными союзниками Москвы были лидеры «Ногайских и Казахских Орд». Именно после астраханского похода султан Абдаллах сформировал «сильный военный отряд под руководством Кучума», который проник на территорию Тюменского княжества (sic) и разорил юрты местных жителей, дойдя практически до столицы. Впечатляющая демонстрация военной силы стала причиной посольства Едигера в Москву в поиске военной помощи. Вскоре после этого Абдаллах получил полную поддержку мусульманской элиты в разгроме Сибирского княжества Тайбугидов и наказании Едигера, «предавшего идеи ислама». В результате в 1563 году в ходе нового похода Кучума, организованного бухарским лидером, был захвачен Искер. При этом «смена правящей династии... была положительно воспринята Московским царством, поскольку Кучум стал исправно слать в Москву дань», в отличие от его предшественников. Несколько последующих лет характеризуются внутрен-

ней борьбой в ханстве, поскольку «Тайбугиды, несмотря на военный разгром, продолжали владеть местными ресурсами...». Источником военной силы для Кучума были вожди родовых подразделений Ногайских и Казахских орд, переселявшиеся в Сибирь по приглашению хана. С этим же, видимо, были связаны и внутренние реформы Кучума. Обострение отношений с Москвой было связано с убийством казахским ханом Шигаем брата Кучума Ахмед-Гирея, что рассматривалось как прямой вызов Бухаре. После того, как «в 1572 году послы Сибирского ханства наблюдали разорение Москвы крымским ханом», Кучум прекратил выплату дани, начались походы на Пермь, многочисленные восстания во владениях Строгановых, а также исламизация Сибири. В том же году, «вероятно, по согласованию с Абдаллах-султаном» Маметкул перебил русское посольство Третьяка Чубукова к казахскому хану Хакк-Назару. Несмотря на упоминание лишь одного похода Маметкула в русских источниках, авторы считают, что они осуществлялись регулярно, нагнетая обстановку на границах Московского царства. Это было воспринято как «пощечина» Ивану IV от бывшего вассала и привело к переориентации Москвы на восточное направление, что впоследствии стимулировало покорение Сибири. При этом и в период 1584–1598 гг. за плечами Кучума была военная, политическая и материальная мощь Бухары.

В общих чертах такова, по мнению А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова, концепция создания и первых лет существования Сибирского ханства. В ней, несомненно, есть рациональное зерно, она способна объяснить ряд малоизученных моментов в истории этого государства, однако нам бы хотелось обратить внимание на некоторые хронологические нестыковки, отчасти объяснимые восприятием авторами рецензируемой работы концепции красноярского публициста Д.Н.Верхотурова «Покорение Сибири: мифы и реальность» [Верхотуров, 2005].

Прежде всего, в известных нам письменных источниках нет даже косвенной информации об участии султана Абдаллаха в формировании отряда Кучума*. На тот момент будущий бухарский лидер был лишь одним из многих среднеазиатских Шейбанидов, претендовавших на власть среди узбекских племен. К тому сам султан правил только небольшим городом Кермином на юге Узбекистана и вряд ли имел силы для организации столь масштабных акций. Вызывает сомнение сама возможность построения им столь глобальных планов в отношении отдаленных северных территорий. Причем, по данным В.В.Бартольда, в 963/1555–1556 гг. султан был вынужден бежать из своих наследственных владений. Лишь в 1557 году, спустя год после смерти лидера узбеков хана Науруз-Ахмеда, при поддержке суфийских шейхов Абдаллах захватил Бухару, а в 1561 году сумел провозгласить своего отца Искандера верховным ханом всех узбеков. На протяжении всех 1570-х гг. он вел ожесточенные войны с другими представителями династии Шейбанидов [Бартольд, 1964, с.487–488].

Источники связывают Кучума в период до сибирского похода либо с ногайскими территориями (скорее всего, Алтыулами во главе с Шихмамаевичами), либо с «Казачьей Ордой» (казахами). Причем, по мнению В.В.Трепавлова, Алтыулы некоторое время кочевали вместе с казахами Хакк-Назара. Лишь отец Кучума Муртаза, по данным Г.Ф.Миллера, именовался «ханом Большой Бухары», хотя его владения до сих пор не идентифицированы и, видимо, не имели большого значения среди прочих земель среднеазиатских Шейбанидов. Междоусобные войны среди них могли подтолкнуть его к попытке возврата юрта, который с определенной долей условности можно назвать наследственным. Условность заключалась в том, что собственно Шибаниды, похоже, никогда не правили на Иртыше, поскольку их родовой юрт располагалась к западу от этой реки.

Тем более, ни один источник не подтверждает поход Кучума в Сибирь в 1554 году. Нам уже приходилось ранее писать, что обращение сибирского бека Едигера (кстати, еще раз обращу внимание на то, что ханом он никогда не был и не мог быть в силу происхождения) в январе 1555 года к Ивану IV, скорее всего, связано с инерцией на аналогичные действия ногайского бия Исмаила. Он был одним из крупнейших степных союзников Москвы и при этом тестем Едигера. Летописная фраза «... чтобы... взял за себя по свое имя, и от сторон от всех заступил, и дань на них свою положил, и дорогу своего прислал, кому дань собирает...» не отражает реальной внешней опасности, а скорее является частью ритуала признания вассалитета. К тому же эта цитата известна нам в передаче русских летописцев, при этом А.К.Бустанов уже отмечал различные противоречия даже при

* Выбранный формат рецензии на книгу не позволяет нам продублировать здесь ссылки на все имеющиеся письменные источники. Их более подробный анализ проведен в ряде наших статей [Маслюженко, 2008, с.118–137; Маслюженко, Рябинина, 2009, с.97–111; Маслюженко, 2010, с.9–21]. Ссылки в квадратных скобках проставлены только на работы, которые стали нам известны или вышли уже после публикаций указанных выше статей. В тексте рецензии в круглых скобках идут ссылки на страницы из рецензируемой книги.

переводе ханских писем на русский язык, что приводило к искажению формуляра в угоду московской идеологии [Бустанов, 2011, с.34 и далее]. Следует учитывать и позицию В.В.Трепавлова о том, что в условиях постзолотоордынской государственности бек не рассматривался как самостоятельный правитель, и должен был получить ярлык на княжение от верховного правителя, в качестве которого после захвата Казани мог выступать русский царь.

Вопрос о реальной причине этого обращения именно в 1555 году, видимо, не может быть решен однозначно в силу отсутствия надежной источниковой базы. Рискну предположить, что в данном случае мы недооцениваем роль Шибанидов в событиях на юге Сибири во второй четверти XV века. Хотя после массовых миграций начала века их возможности здесь резко уменьшились, но поддержка ногаев и наличие здесь т.н. «шибанских татар» говорит о сохранении ими части владений. В конце концов, до сих пор никто не смог предложить логичного объяснения тому, почему Шибаниды, например Мамук-хан, после убийства своего лидера Ибрахима Тайбугидами не стали мстить, а сконцентрировались на казанском направлении. Быть может прав А.К.Бустанов, который считает, что Тайбугиды могли быть беклярибеками Сибирского юрта [Бустанов, 2011, с.34]. Продолжая эту мысль и с учетом высказываний В.В.Трепавлова о специфике власти беков [Трепавлов, 2009, с.386], можно предположить, что их сюзеренами могли быть лишь Шибаниды (Муртаза?). В таком случае и Сибирское княжество нет резона рассматривать как полностью независимое государство, а скорее как форму распространения власти Шибанидов на восточные земли, расположенные за пределами бывшего улуса Шибана.

В таком случае именно обращение Едигера в Москву, связанное с влиянием на него Исмаила, и спровоцировало начало военных действий против Искера. Только прибывший в ноябре 1557 года в Москву сибирский посол Боянда привез письмо, в котором говорится «что их воевал Шибанский царевич и людей поймал многих». И даже при этом сибирский даруга Дмитрий Куров «сказывал, что им было возможно сполна дань прислати, да не похотели», то есть реальный ущерб этого похода был минимален.

Таким образом, имеющиеся письменные источники позволяют нарисовать абсолютно иную картину причин похода Шибанидов, причем сам Кучум упоминается лишь в 1560-х гг. Следует признать, что у нас нет информации о событиях в Сибири в самом конце 1550-х – начале 1560-х гг. В это время в ногайских степях продолжался конфликт между Исмаилом и его сторонниками и Шихмамаевичами, которые окончательно уходят за Яик. К тому же в 1558 году Москва вступает в долгую и кровопролитную Ливонскую войну, что привело к уменьшению значения восточного вопроса в русской международной политике. В 1563 году в Москве было одновременно три посольства из Сибири – от хана Муртазы, его сына Ахмед-Гирея и бека Едигера. В конце лета – начале осени 1563 года в Искере к власти приходят Шибаниды в лице Кучума. Причем официальная Никоновская летопись отмечает, что «сибирские люди... дани государевым данщиком давати не учили и взяли к себе на Сибирь царевича». Кстати, именно в 1563 году Шихмамаевичи вместе с ташкентским правителем Бабой б. Бараком напали на владения Исмаила [Трепавлов, 2011, с.83]. Таким образом, роль Абдаллаха II и суфийской элиты в этих событиях мало заметна, в гораздо большей степени видны противоречия внутри ногайской верхушки, в том числе и по московскому вопросу, заложником которых стал Едигер и его окружение.

Обратим внимание на то, что данные о вооруженном захвате Искера исходят из различных версий Сибирских летописей, которые в рассказах о дорусском прошлом во многом ориентируются на то, что мы бы условно называли «Тайбугидской легендой». Данная легенда отражала идеологию династии и призвана была подчеркнуть роль этого княжеского рода в Сибирском юрте, легитимность их политических прав. Заподозрить в подобном московских летописцев, в особенности связанных с Казенным приказом [подробнее об этом: Клосс, 1980, с.196], чрезвычайно сложно. Таким образом, нет резона настаивать на сугубо военном характере прихода к власти Кучума в Искере, скорее речь шла о возвращении ханов на престол, только произошедшем не в утратившей значение Чинги-Туре, а в Искере, и смене из-за промосковских действий Едигера клановой принадлежности местного беклярибека. В связи с этим обратим внимание, что, если сын Едигера оказался при московском дворе, то сын Бекбулата был отослан в Бухару. Очевидно, что при открытой междинастической борьбе нахождение в Бухаре прямого конкурента было невозможным, если не рассматривать его как аманата.

Все это позволяет по-иному взглянуть и на вопрос о взаимоотношениях с местной сибирской элитой. Мы уже писали о том, что длительное исчезновение Кучума и его родственников с международной ареной по непонятной причине в историографии традиционно связывается с их попытками

подавления внутреннего сопротивления в ханстве. По подобному пути идут и авторы рецензируемой работы, добавляя к этому, что Кучум в эти годы платил дань в Москву.

Отсутствие информации в источниках не позволяет нам однозначно высказаться по этому вопросу, хотя у нас есть косвенная информация о нападениях Муртазы на русские владения в 1564–1565 гг. Видимо, после этого он и его старший сын Ахмед-Гирей уходят обратно в Бухару, оставляя Кучума в Искере. Вообще на данный момент любые высказывания о специфике политики и внутреннего устройства Сибирского ханства в первые, годы его существования имеют «гадательный» характер и строятся скорее на историографической традиции, исходящей от С.В.Бахрушина и З.Я.Бояршиновой. При этом на наш взгляд, очевидно, что факт приглашения хана на престол однозначно говорит о наличии у него значительной внутренней поддержки. К ней, видимо, относились и представители «Тайбугина юрта», поскольку грамота царя Федора Ивановича Кучуму от 1597 года говорит о них: «на которых люди тебе была большая надежда» [Трепавлов, 2011, с.74]. Можно говорить и о наличии при Кучуме достаточно больших отрядов ногаев, причем их размер по мере усиления брачных связей с мангытской элитой должно было увеличиваться. Преобладание ногаев подчеркивается и характерной фразой из устной легенды о Кучуме, записанной Н.Ф.Катановым: «Пока он (т.е. Кучум – Д.М.) рос, народом его управлял султан Ногай». Однако происхождение иных племен, особенно отстаиваемая авторами на основании популярной работы М.Абдирова версия их казахского происхождения, требует гораздо более тщательного анализа, который должен абстрагироваться от некоторых «достижений» национальной историографии. Так, например, происхождение племени табын с большой долей вероятности можно связать с улусом Шибана, то есть в XVI веке оно было местным для территории юго-западной Сибири [Этнокультурная история, 2012, с.26–35]. По всей видимости, при дальнейшей работе в этом направлении можно будет найти истоки и других племен из «шибанских татар» или узбеков. Перспективными видятся поиски связи между племенами Сибирского ханства с упоминаемыми в составе кочевых узбеков хана Абу-л-Хайра, который одним из первых использовал Чинги-Туру как ханскую столицу.

Только гипотетически, с учетом хорошо аргументированной версии А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова, можно предположить, что уже в эти годы началось расширение границ Сибирского ханства. Лишь в 1569 году Кучум впервые отправил первое посольство в Москву, что привело к дальнейшим переговорам о подписании шертной грамоты между правителями. Причины обращения в Москву могут быть связаны с изменениями в политике казахов во главе с ханом Хакк-Назаром, который разгромил ближайших союзников Кучума ногаев. Однако дальнейшие отношения с Москвой были прекращены как по причине сокрушительных для Москвы результатов крымского похода 1571 (!) года, так и в связи с вмешательством в 1572 году в сибирские дела бухарских родственников хана (вплоть до соправления Кучума и Ахмед-Гирея в 1574–1578 гг.) при поддержке суфийских шейхов. Именно с этого момента сибирско-московские отношения начинают ухудшаться и характеризуются периодическими походами, при этом Москва в условиях европейских проблем старалась дистанцироваться от этих вопросов, переложив все на плечи промышленников Строгановых. На первое место выходят и экономические противоречия, в том числе борьба за контроль над пушной торговлей. Это позволяет в большей степени согласиться с авторской реконструкцией последующих событий.

Как мне кажется, предложенные здесь размышления показывают, что при всей своей логичности версия прихода Кучума к власти по А.В.Матвееву и С.Ф.Татаурову требует некоторой корректировки. Прежде всего, это должно коснуться признания меньшей роли в этих и последующих событиях бухарского хана Абдаллаха II, чье поддержки мы не наблюдаем ни в период 1550–1560-х гг., ни тем более в событиях 1580–1590-х гг. Напротив, необходимо признать более значительную роль ногаев, особенно из семьи Шихмамаевичей, в истории Сибирского юрта этого времени. В связи с этим обращу внимание на одну мысль В.В.Трепавлова, который указывает, что в татарской исторической традиции среди владений, подчинявшихся хану Абдаллаху II, Сибирь не значится [Трепавлов, 2012, с.45].

Завершая характеристику этого раздела, отмечу еще два имеющих исторических заблуждения. Во-первых, это касается разгрома Маметкулом, племянником Кучума, в июле 1573 года московского посольства в «Казатцкую орду» во главе с Третьяком Чубуковым. Считается, что это посольство могло вести грамоту Хакк-Назару о совместных действиях против сибирского хана. Однако реального текста грамоты нам обнаружить не удалось, он неизвестен и по летописным источникам. К тому же Москва в переписке с ногаями отмечала, что постоянных контактов с Хакк-Назаром у нее не было. Разгром посольства носил случайный характер, оно просто оказалось на

пути похода Маметкула. Во-вторых, в литературе неоднократно встречается упоминание о переговорах Искера с Крымом, в том числе и по вопросам предоставления последним артиллерии против русских войск. Автор также использовал эту любопытную информацию из работы В.Д.Назарова. Однако в марте 2012 года на конференции по тюрко-татарским государствам в Казани в устной беседе с автором рецензии известный московский специалист по истории Крымского ханства А.В.Виноградов указал на то, что текста соответствующего документа в РГАДА обнаружить не удалось. Несомненно, разгром крымским войском Москвы в 1571 году спровоцировал рост антимосковских настроений среди многих тюркоязычных групп, но не все восстания при этом режиссировались Крымом, Бухарой или Искером. Может быть отсутствие единого сценария антимосковской борьбы и стало одной из причин поражения татарской государственности.

Раздел 1.3 посвящен одному из наиболее актуальных вопросов – выявлению границ Сибирского ханства. Авторы провели значительные по объему картографические и археологические работы по их выявлению. В данном случае конкретизация границ и ее укрепление городками позволяет действительно по-иному взглянуть на политику Кучума. Особенно импонирует позиция А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова о том, что «сибирские правители... намеренно дистанцировались от кочевого мира и стали создавать государство по подобию Казанского или Бухарского ханства» (с.55). Несомненно, это задает новое направление в исследовании сибирской истории позднего средневековья.

В разделе 1.4 рассмотрены вопросы этнического состава и численности населения Сибирского ханства. Омская этнографическая школа Н.А.Томилова имеет давний и заслуженно признанный опыт работы в этом направлении, в том числе и в этноархеологических исследованиях. Чрезвычайно интересен авторский анализ проблемы этнической интерпретации населения тех городков, которые известны в письменных источниках как татарские, но при археологическом изучении они определялись как «нетатарские». А.В.Матвеев и С.Ф.Татауров убедительно показали, что в условиях полиэтничности и активных торговых связей сибирского населения большинство предметов их материальной культуры не может выступать этническими маркерами. В качестве такового авторы предлагают рассматривать керамические комплексы, с чем мы полностью согласны. Любопытно, что близкая по орнаментации керамика под условным названием «позднебакальская» известна и на р.Исеть, где в XV–XVI вв. проживали значительные группы тюменских татар. Возможно, ее концентрация на некоторых городищах может характеризовать их как племенные центры.

В разделе 1.5 подведены итоги работ над выявлением городов и пограничных городков Сибирского ханства, некоторые из которых были раскопаны непосредственно авторами. Укрепленные населенные пункты удалось разделить на военно-административные центры и форпосты (пограничные военно-оборонительные пункты). Рассмотренные материалы позволяют говорить о достаточно продуманной концепции государственного строительства в Сибирском юрте. Однако всех очевидных плюсов интерпретации археологических материалов возникают некоторые вопросы критического отношения к собственно историческому материалу.

Прежде всего, это относится к характерному для многих последних работ преувеличению роли в сибирской истории Кызыл-Туры. Этот город напрямую связан с «Тайбугидской легендой» и степенью доверия авторов к ней. В имеющихся письменных источниках (за пределами Сибирских летописей) упоминаются как центры владений лишь Чинги-Тура и Искер. Возможно, загадка Кызыл-Туры будет разрешена после публикации материалов ее раскопок Е.М.Данченко. Обратим внимание на частое использование авторами по отношению к представителям династии Тайбугидов термина «хан», на которые они никогда не претендовали и не могли претендовать в силу происхождения, при этом шибанид Хаджи-Мухаммад, один из основных противников Абу-л-Хайрхана, по неизвестной нам причине назван Тайбугидом (с.95–98). Проблема использования политической терминологии по отношению к истории сибирской государственности становится все более очевидной и, видимо, требует публикации отдельной работы в виде энциклопедического словаря.

Раздел 1.6 посвящен административно-территориальному устройству Сибирского ханства, которое авторы считают «становым хребтом государства». При этом они исходили из необходимости учитывать местную специфику на фоне общепринятых постзолотоордынских черт. Авторы приходят к справедливому, на наш взгляд, выводу. «При отсутствии единого принципа административно-территориального деления и всех сложностей во взаимоотношениях с местной родовой знатью практически вся территория государства была под контролем хана и его чиновников. Собранные налоги позволяли Кучуму содержать армию, достаточную для защиты своих границ и для ведения военных компаний на сопредельных и даже весьма удаленных территориях. Работоспособность и

эффективность системы управления Сибирского ханства признала и русская администрация...» (с.137).

В разделе 1.7 рассмотрены основные пути сообщения Сибирского ханства. Этому вопросу придается особое значение, поскольку авторы считают, что «само возникновение средневековых государственных образований в Тоболо-Иртышской лесостепи во многом было связано с задачами международной торговли и складыванием транзитных межрегиональных торговых путей». Реконструкция главных путей сообщения стало основой для вывода о том, что во второй половине XVI века Сибирское ханство являлось местом пересечения трансевразийских торговых путей и местных путей сообщения, по которым шли караваны и военные отряды. В Сибирском ханстве в 1570–1580-х гг. существовала государственная система сухопутных коммуникаций (с.150).

Глава 2 состоит из трех разделов: 2.1 посвящен армии сибирского хана Кучума, в 2.2 выявлен комплекс вооружения воина Сибирского ханства, 2.3 посвящен оборонительной системе ханства. В совокупности они представляют первый в историографии Сибирского ханства опыт реконструкции всех сторон военного дела этого позднесредневекового государства. Весьма импонирует точка зрения авторов, выраженная в заключение книги, о том, что ханство обладало достаточно мощной и мобильной профессиональной гвардией, действия которой не всегда успешно поддерживали союзные войска и ополчения. Слабость их военной выучки и вооружения особенно проявилось в борьбе с Ермаком. Наверное, одним из самых любопытных выводов авторов является то, что «одной из решающих причин поражения сибирского войска стала его неспособность использования огнестрельного оружия. К этому оказалась не готова военная организация Сибирского ханства, основанная на традиционной тактике действия конных отрядов; армия Сибирского ханства оказалась не способной к революционным преобразованиям в структуре войска, комплектования оружия и боеприпасов» (с.224). Подобный вывод объясняет некоторые причины поражения Кучума и потери им ханства. При этом он выгодно отличается от традиционного взгляда на татарских воинов Сибирского ханства как на людей, незнакомых с практикой применения огнестрельного орудия и напуганных его использованием казаками.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, среди которых особый интерес имеют сведенные воедино планы укрепленных центров Сибирского ханства, которые сами по себе являются источниками для реконструкции оборонительных систем этих городков.

Несмотря на указанные выше замечания относительно правомерности некоторых исторических трактовок, книга А.В.Матвеева и С.Ф.Татаурова является значительным вкладом в дело изучения Сибирского ханства в частности и сибирской тюрко-татарской государственности в целом. Надеюсь, что этому исследованию уготована долгая научная жизнь, которая откроет дорогу археологическому изучению позднесредневековой истории тюрко-татарских групп Западной Сибири.

Список источников и литературы

Бартольд, 1964 – Бартольд В.В. Абдулла б. Искендер // Сочинения. Т.2. Ч.II. М.: Наука, 1964. С.487–488.

Бустанов, 2011 – Бустанов А.К. Деньги и письма сибирских ханов. Опыт источниковедческого исследования. Saarbrücken, 2011. – 60 с.

Верхотуров, 2005 – Верхотуров Д.Н. Покорение Сибири: мифы и реальность. М.: Олма-пресс, 2005. – 351 с.

Клосс, 1980 – Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М.: Наука, 1980. – 312 с.

Маслюженко, 2008 – Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2008. – 168 с.

Маслюженко, Рябинина, 2009 – Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Реставрация Шибанидов в Сибири и правление Кучум хана во второй половине XVI века // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.1. Казань, 2009. С.97–111.

Маслюженко, 2010 – Маслюженко Д.Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизация генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып.2. Казань, 2010. С.9–21.

Соболев, 2008 – Соболев В.И. История Сибирских ханств (по археологическим материалам). Новосибирск: Наука, 2008. – 356 с.

Трепавлов, 2009 – Трепавлов В.В. Родоначальники Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культуры тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Вост. лит., 2009. С.370–395.

Трепавлов, 2011 – Трепавлов В.В. Тюркские народы средневековой Евразии. Избранные труды. Казань: ООО «Фолиант», 2011. – 252 с.

Трепавлов, 2012 – Трепавлов В.В. Сибирский юрт после Ермака. М.: Вост. лит, 2012. – 231 с.
 Этнокультурная история, 2012 – Этнокультурная история населения Сафакулевского района (с древнейших времен до начала XX века) / под ред. Д.Н.Маслюженко. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2012. – 102 с.

Д.Н. Маслюженко

СЕБЕР ХАНЛЫГЫ: ТАРИХИ-АРХЕОЛОГИК АНАЛИЗ ТӘЖРИБӘСЕ
 (А.В.Матвеев һәм С.Ф.Татауровның «Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории» («Себер ханлығы: хәрби-сәяси тарих аспектлары».
 Казан: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 б.) исемле китабына бәяләмә)

Ачкыч сүзләр: Күчем, Себер ханлығы, Абдуллаһ II, Бохара ханлығы.

Кыскача этгәлек. Мәкалә А.В.Матвеевның и С.Ф.Татауровның «Себер ханлығы: тарихның хәрби-сәяси аспектлары» исемле кызыклы тарихи-археологик өйрәнү үрнәге булган китабына күзәтү рәвешендә язылган. Бәяләмәдә авторларның Себер ханлығы оешу мәсьәләсенә карашлары, шул исәптән бу вакыйгаларга Бохара ханлығы йогынтысы, анализлана. Бу процесс хакында авторларның кайбер ялгыш фикерләре турында да әйтелә.

D.N. Maslyuzhenko

THE SIBERIAN KHANATE: EXPERIENCE OF HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL ANALYSIS
 (the review on: *Matveev A.V., Tataurov S.F. Sibirskoe khanstvo: voenno-politicheskie aspekti istorii* (The Siberian khanate: military-political aspects of history).
 Kazan: Publishing house «Fan» of AS RT, 2012. – 260 pp.)

Keywords: Kuchum, the Siberian khanate, Abdallakh II, the Bukhara khanate.

Annotation. Article is devoted to the review of the monograph of A.V.Matveev and S.F.Tataurov «The Siberian khanate: military-political aspects of history» being a useful experience of historical and archaeological research. In the review the main views of authors of problems of formation of the Siberian khanate, in particular on process influence of the Bukhara khanate are analyzed, and also shows some wrong treatments of this process.

Маслюженко Денис Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Культурология», зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета (г.Курган).

E-mail: denmas13@yandex.ru

Маслюженко Денис Николай улы – тарих фәннәре кандидаты, доцент, Курган дәүләт университеты «Культурология» кафедрасының мәдире һәм тарих факультетының декан урынбасары (Курган шәһәре)

Maslyuzhenko Denis Nikolaevich – candidate of historical sciences, associate professor, head of the department «Cultural science», deputy dean of the department of history of the Kurgan state university (Kurgan).

УДК 930.23(47)

Р.Г. Галлям

Непревзойденный труд по социально-экономической истории Казанского ханства

(рецензия на: Мухамедьяров Ш.Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.).

Казань: Изд-во «Ихлас», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 276 с. Тираж 300 экз.)

Ключевые слова: Казанское ханство, социально-экономическое развитие, феодальное развитие, политический строй ханства.

Аннотация. В обзоре монографии известного татарского историка Ш.Ф.Мухамедьярова «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)», которая является рукописью его кандидатской диссертации, защищенной в 1951 г., повествуется о структуре книги, ее новизне и вкладе ученого в изучение социально-экономических процессов в ханстве.

Предлагаемая вниманию читателей книга является изданной рукописью научной монографии известного ученого-историка и тюрколога Шамиля Фатыховича Мухамедьярова (1923–2005)⁵ «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)». Она была успешно защищена в 1951 г. в г. Москве, в Институте истории АН СССР в качестве диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Несмотря на все последующие изыскания в области изучения истории Казанского ханства, данное классическое сочинение Ш.Ф. Мухамедьярова, наряду с популярными «Очерками по истории Казанского ханства» М.Г. Худякова, и поныне остается одной из фундаментальных работ для понимания сложных процессов, проистекавших в этом позднесредневековом тюрко-татарском государстве. Учитывая возрастающий интерес к истории средневековых тюрко-татарских государств, интенсификацию разработки проблем их истории, этот труд Ш.Ф. Мухамедьярова, посвященный истории государственного образования народов Среднего Поволжья XV – первой половины XVI вв., по сей день не потерял своей актуальности.

Издание подготовлено к публикации отделом средневековой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ совместно с Национальным центром археологических исследований.

Говоря о рукописи нового издания, следует отметить, что трудные послевоенные 1946–1950 годы, в условиях которых начал свою научную жизнедеятельность автор данной классической монографии – молодой исследователь Ш.Ф. Мухамедьяров, не были простыми в развитии отечественной исторической науки. После известного постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 года, специальных его пленумов, разработка проблем истории Золотой Орды и «ее осколков» – татарских ханств XV – третьей четверти XVIII вв., в том числе и Казанского ханства, была фактически приостановлена. Нарушившие «табу» исследователи, вслед за такими известными учеными-историками, исследователями проблематики, как Х. Атласи, Г.С. Губайдуллин, М.Г. Худяков и др., реально рисковали оказаться во всепоглощающих жерновах сталинских репрессий, отмененных лишь после 1953 г., вслед за кончиной «великого вождя всех народов» И.В. Сталина.

В этот чрезвычайно сложный период, под научным руководством известного ученого-историка, академика М.Н. Тихомирова и была подготовлена кандидатская диссертация Ш.Ф. Мухамедьярова. В этой связи некоторые идеологические пассажи автора, прежде всего, во «Введении» его исследования, декларируемый им классовый подход к изучению исторических процессов, всецело господствовавший тогда в отечественной историографии, как и попытку критической оценки «буржуазной историографии» истории Казанского ханства с точки зрения марксистско-ленинской догматики, следует воспринимать как дань сталинской эпохе, общественно-политическим реалиям того времени. Учитывая современное состояние исторической науки, некоторые выводы автора могут показаться и устаревшими. Помимо того, имеющиеся изъяны и недомолвки в области примечаний, пробелы на месте ряда терминов на марийском, удмуртском языках, арабско-графических понятий на старотатарском языке, свидетельствующее о том, что исследование осталось недооформленным в техническом плане. Однако круг рассмотренных и изученных в нем злободневных проблем истории Казанского ханства столь велик и значим, содержание же его настолько богато разнообразным фактическим материалом, что вышеуказанные недостатки, обусловленные, прежде всего, самой эпохой, не умаляют достоинств этого сочинения. Оно, в известной мере, опровергает бытующее мнение о том, что в связи с выходом в свет известного постановления ЦК ВКП(б) от 8 сентября 1944 года научная разработка проблем истории Золотой Орды, постзолотоордынских татарских государств в стране была прекращена. Исследование Ш.Ф. Му-

⁵ См. о Ш.Ф. Мухамедьярове: Татар энциклопедиясенәң шәхесләре исемлегә. Казан: ТФАНең Татар энциклопедиясе институты, 1997. – 169 б.; Татарский энциклопедический словарь. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 1999. С. 377–378; Кто есть кто в татарской общине Москвы. М.: ПИА «Арбат», 2001. С. 101; Мелуа А.Н. Российская академия естественных наук. М.-СПб.: Изд-во «Гуманистика», 2002. С. 681–682; Хамидуллин Б. Доброта аксакала // Республика Татарстан. 1998. 24 июня; Бәдретдинов Х.Ф. Мең тамырлы нигез хақы // Зеленодольский регион: проблемы истории и культуры. Сб. статей серии «Восток – Запад: диалог культур и цивилизаций Евразии». Казань: Gumanitayga, 2003. С. 234–250; Бурханов А.А. От редактора // Культурные традиции Евразии. Сб. научных трудов серии «Восток – Запад: диалог культур Евразии». Вып. 4. Казань: «Фән», 2004. С. 8–11; Хамидуллин Б.Л. По следам Михаила Худякова («Забытый» труд середины XX столетия по истории Казанского ханства) // Там же. С. 13–24; Бурханов А.А. Памяти Ш.Ф. Мухамедьярова // Эхо веков. 2005. № 2. С. 27; Бурханов А.А. Ш.Ф. Мухамедьяров // Мәгариф. 2005. № 9 (835). С. 32–33; Татарская энциклопедия: В 6 т. Т. 4: М–П. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2008. С. 307; Исхаков С.М. Ш.Ф. Мухамедьяров // Ислам в Москве. Энциклопедический словарь. Нижний Новгород, 2008. С. 172–173.

хамедьярова является ярким свидетельством тому, что добросовестные ученые продолжали изучать обозначенную историческую проблематику в весьма непростых условиях сталинской эпохи

Исследование Ш.Ф. Мухамедьярова учитывает достижения исторической науки того времени. В нем отражены такие малоизученные, дискуссионные вопросы истории Казанского ханства, как проблема его образования, социально-политический строй государства, высшие и местные органы власти и управления, хозяйственно-экономическая жизнь и т.д. Работа состоит из шести основных глав: I. Источники; II. Хозяйство Казанского ханства; III. Феодалное землевладение; IV. Положение крестьянства; V. Ремесло и торговля в Казанском ханстве; VI. Государственный строй Казанского ханства. В свою очередь, главы подразделены на тематические части (параграфы).

Приложения монографии включают: оригинал и русский перевод текста известного ярлыка казанского хана Сахибгирея от 1523 г., карты «Булгарские археологические памятники X–XIII веков в пределах современной Татарии» (форзац 1) со списком селений с болгарскими памятниками, «Распространение булгаро-татарских надгробных памятников на территории ТАССР (1949 г.)» (форзац 2) со списком населенных пунктов, «Казанское ханство и его соседи», «Карту центральной части Казанского ханства» со списком населенных пунктов, графический рисунок старинного сабана-плуга из бывшего Чувашского краеведческого музея (г. Чебоксары),

В своем исследовании автор широко привлекает разрозненные свидетельства эпохи, содержащиеся в русских летописях, путевых записках современников, булгаро-татарской эпиграфике XV–XVI вв., также обнаруживает их в источниках более позднего происхождения – писцовых книгах Среднего Поволжья второй половины XVI – начала XVII вв. Используются исторические источники, неизвестные науке ко времени издания «Очерков...» М.Г. Худякова. Часть из них в научный оборот введена самим Ш.Ф. Мухамедьяровым. В их числе, например, текст ярлыка казанского хана Сахибгирея от 1523 г., обнаруженного в 1925 г. в с. Мамалай Сабинского района Татарстана. В совокупности с материалами специализированных источниковедческих сборников и большого количества многообразной исторической и справочной литературы, это позволило ему значительно продвинуть представления современников о Казанском ханстве как о позднесредневековом государстве татар и других коренных народов Поволжья, о постзолотоордынских тюрко-татарских государствах в целом.

Исследование Ш.Ф. Мухамедьярова ставит своей целью показать не только наличие социально-политических или социально-вассальных, зависимых (по выражению самого автора, «феодалных») отношений в Казанском ханстве, но и вскрыть, по мере возможности, их специфику. Автор предпринял попытку изучить состояние производительных сил как одной из сторон способа производства в татарском позднесредневековом обществе. При этом особое внимание он уделит развитию сельскохозяйственного производства, т.к. тогда сельское хозяйство выступало базисом экономической мощи государства. Кроме того, Ш.Ф. Мухамедьяров поставил задачу изучения совокупности производственных отношений, в которые вступают люди в общественном производстве своей жизни, как другой стороны способа производства. Совокупность производственных отношений людей в средневековом татарском обществе рассматривается автором как экономическая структура общества, как его базис. В центре внимания автора вопросы государственного строя ханства, система его жизнедеятельности.

В целом, этот труд представляет собой попытку обобщения того вклада, который внесли казанские татары и другие народности Среднего Поволжья в развитие государственности, материальную, культурную и духовную сокровищницу народов России на определенном этапе своего развития. Этот опыт стал достоянием мировой истории, культуры и цивилизации. Поэтому вполне обоснованно говорить о гражданском и научном подвиге Ш.Ф. Мухамедьярова и о его таланте и смелости как ученого, равно как и его научного руководителя, академика М.Н. Тихомирова, которого Ш.Ф. Мухамедьяров почитал до конца своих дней. В этой связи, издание воспринимается и как своеобразный документ истории развития советской науки.

К сожалению, судьба рукописной монографии Ш.Ф. Мухамедьярова оказалась столь же многосложной, как и судьба самого автора, путь к ее изданию – долгим. Труд Ш.Ф. Мухамедьярова доселе оставался неизданным, соответственно, малодоступным для широкого круга исследователей и почитателей истории Казанского ханства. Это выявило определенные издержки в последующей разработке проблем истории этого средневекового государства, а также других тюрко-татарских постзолотоордынских государственных образований, как и в целом средневекового прошлого Поволжья и Приуралья.

Практика показывает, что достичь исследовательского уровня изучения проблем истории ханства, достигнутых в свое время М.Г. Худяковым и Ш.Ф. Мухамедьяровым, в современных условиях пока не удастся. Сочинения указанных авторов до сих пор остаются одними из наиболее востребованных и цитируемых в научном мире исследований по истории Казанского ханства. В большинстве разработок последних лет, зачастую базирующихся на выдающихся работах тех же авторов – М.Г. Худякова и Ш.Ф. Мухамедьярова, как правило, дело ограничивается обобщением, переосмыслением имеющейся историографии, либо смелыми, порою сомнительными гипотезами, не имеющими должного источникового подтверждения. В силу ряда причин (прежде всего, из-за нехватки письменных источников), многие проблемы истории Казанского ханства и поныне остаются малоизученными, дискуссионными.

Данная книга призвана инициировать дальнейшую интенсификацию разработки проблем истории Казанского ханства, как и других постзолотоордынских тюрко-татарских государств позднего средневековья, более углубленное изучение его прошлого. Заключая, отметим, что новое издание достойно быть в ряду настольных книг не только для ученых-историков, занимающихся разработкой проблем истории Казанского ханства, других тюрко-татарских государств позднего средневековья, но и большого круга исследователей и почитателей страниц отечественной истории в целом, в частности, истории татарского народа, других народов Поволжья и Приуралья.

Р.Г. Галләм

КАЗАН ХАНЛЫГЫНЫҢ СОЦИАЛ-ИКЪТИСАДЫЙ ТАРИХЫ БУЕНЧА ТИҢЕ БУЛМАГАН ХЕЗМӘТ

(Ш.Ф. Мөхәммәдъяровның «Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.)» («Казан ханлығының социал-икътисадый һәм дәүләт төзелеше (XV гасыр – XVI гасырның беренче яртысы»)). Казан: изд-во «Ихлас», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 276 б. Тиражи – 300 данә) исемле китабына бәяләмә)

Ачкыч сүзләр: Казан ханлығы, социал-икътисадый үсеш, феодал мөнәсәбәтләр, ханлыкның сәясәт төзелеше.

Кыскача эчтәлек. Язмада күренекле татар тарихчысы Ш.Ф. Мөхәммәдъяровның «Казан ханлығының социал-икътисадый һәм дәүләт төзелеше (XV гасыр – XVI гасырның беренче яртысы)» исемне монографиясенә, галимнең 1951 елда якланган кандидатлык диссертациясе текстына, кыскача бәяләмә бирелә. Китапның структурасы, фәнни яналыгы, галимнең ханлыктагы социал-икътисадый барышны өйрәнүгә керткән өлеше турында әйтелә.

R.G. Gallyam

UNSURPASSED WORK ON SOCIAL AND ECONOMIC HISTORY OF THE KAZAN KHANATE

(the review on: *Mukhamedyarov Sh.F. Social'no-ekonomicheskij i gosudarstvennyj stroj Kazanskogo hanstva (XV – pervaja polovina XVI vv.)* (Social-economic and state system of the Kazan khanate (XV – the first half of the XVI centuries). Kazan: publishing house «Ikhlas», Sh.Marjani Institute of History of AS RT, 2012. – 276 pp.)

Keywords: the Kazan khanate, social-economic development, feudal development, political system of the khanate.

Abstract. The review of the monograph of the famous tatar historian Sh.F. Muhamedyarov «Social-economic and state system of the Kazan khanate (XV – the first half of the XVI centuries)», which is the manuscript of his candidate dissertation defended in 1951, focuses on the structure of the book, its novelty and the contribution of the scientist to the study of social and economic processes in the khanate.

Галләм Рашит Габдельфартович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела средневековой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (г.Казань).

E-mail: r.gallam@mail.ru

Галләм Рәшит Габделфәрт улы – тарих фәннәре кандидаты, Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты урта гасырлар тарихы бүлегенә өлкән фәнни хезмәткәре (Казан шәһәре).

Gallyam Rashit Gabdelfartovich – candidate of historical sciences, the senior research associate of department of medieval history of Sh.Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan).

Содержание

<i>Загидуллин И.К.</i> Предисловие	3
<i>Аксанов А.В.</i> Покорение Казани глазами русских летописцев: герменевтический анализ известий	5
<i>Вашири И.</i> Крымское ханство и Великая Орда (1440–1500 годы). Борьба за первенство	11
<i>Моисеев М.В.</i> Политическая борьба казанской знати: историография и русские источники	20
<i>Мустакимов И.А.</i> Еще раз о казанском ярлыке хана Сахиб-Гирея	31
<i>Мустакимов И.А.</i> Арабографичные нарративные источники по истории тюрко-татарских государств XV–XVIII вв.	48
<i>Парунин А.В.</i> Русские летописи как источник по истории Тюменского ханства	57
<i>Сабитов Ж.М.</i> «Муизз ал Ансаб»: восстановительная критика	64
<i>Саначин С.П.</i> Историческое изыскание Свяжского городища	68
<i>Саначин С.П.</i> Гипотеза фортификации столицы Казанского юрта в его последние дни	73
<i>Сень Д.В.</i> Дипломатические отношения Крымского ханства и Войска Донского: переписка Гиреев с атаманом С.Т. Разиным	90
<i>Тихонов С.С.</i> Карты С.У.Ремезова и записки Г.Ф.Миллера как источники по изучению системы расселения и численности сибирских татар	98
<i>Халитов Н.Х., Халитова Н.Н.</i> Двухглавый орёл в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве	109
<i>Худяков Ю.С.</i> Изображения оружия татарских и русских воинов на миниатюрах Ремезовской летописи	114

НАСЛЕДИЕ

<i>Тоган З.В.</i> Исламско-тюркская культура в Казанском ханстве	119
--	-----

ПАДЕНИЕ КАЗАНИ 1552 г.: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

В.В. Трепавлов	139
Р.Ю. Почекаев	140
И.А. Гилязов	142
А.Г. Бахтин	143
И.В. Зайцев	145
Р.Г. Галлям	145
Д.Н. Маслюженко	148
С.П. Саначин	149
Г.М. Давлетшин	150

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

<i>Беляков А.В.</i> Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года	154
---	-----

НОВЫЕ КНИГИ

- Моисеев М.В.** Портрет корпорации Чингизидов в России
(Рецензия на: *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с. Тираж 1000 экз.)211
- Маслюженко Д.Н.** Сибирское ханство: опыт историко-археологического анализа
(рецензия на: *Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.)215
- Галлям Р.Г.** Непревзойденный труд по социально-экономической истории Казанского ханства
(рецензия на: *Мухамедьяров Ш.Ф.* Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV – первая половина XVI вв.). Редколлегия: Р.С.Хакимов, И.К.Загидуллин, А.Г.Ситдииков, Р.Г.Галлям (сост. и отв. ред.), С.М.Исхаков, А.А.Бурханов, Л.Ф.Байбулатова. Казань: Изд-во «Ихлас», Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2012. – 276 с. Тираж 300 экз.)222

Средневековые тюрко-татарские государства

Выпуск 5

Научное издание

Оригинал-макет – *Л.М.Зигангареева*

Подписано в печать 16.09.2013 г. Формат 60×84 ¹/₈

Усл. печ. листов 28,5 Тираж 500 экз.

Отпечатано в множительном центре

Института истории АН РТ

г. Казань, Кремль, подъезд 5

Тел. (843) 292–95–68, 292–18–09

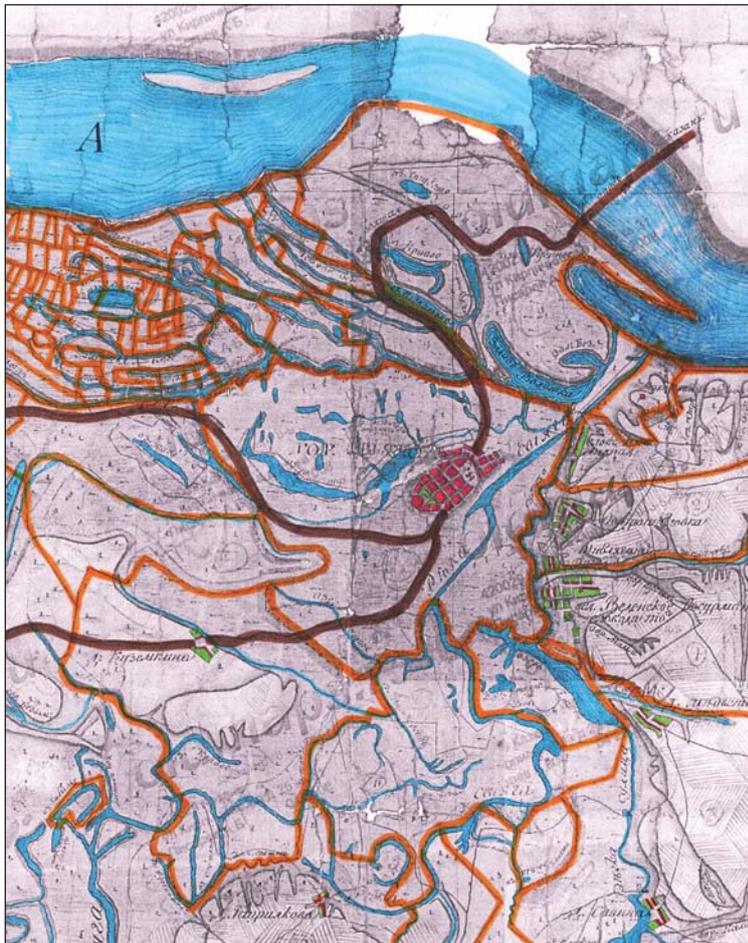
Сайт

Института истории
Академии наук РТ

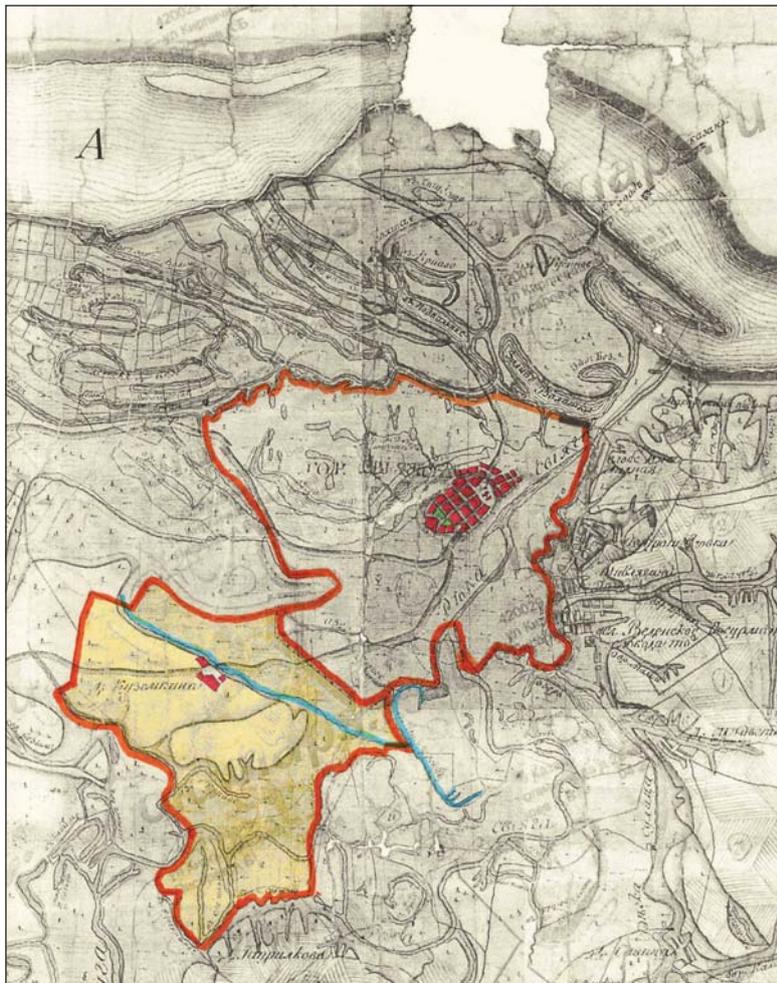
www.tataroved.ru

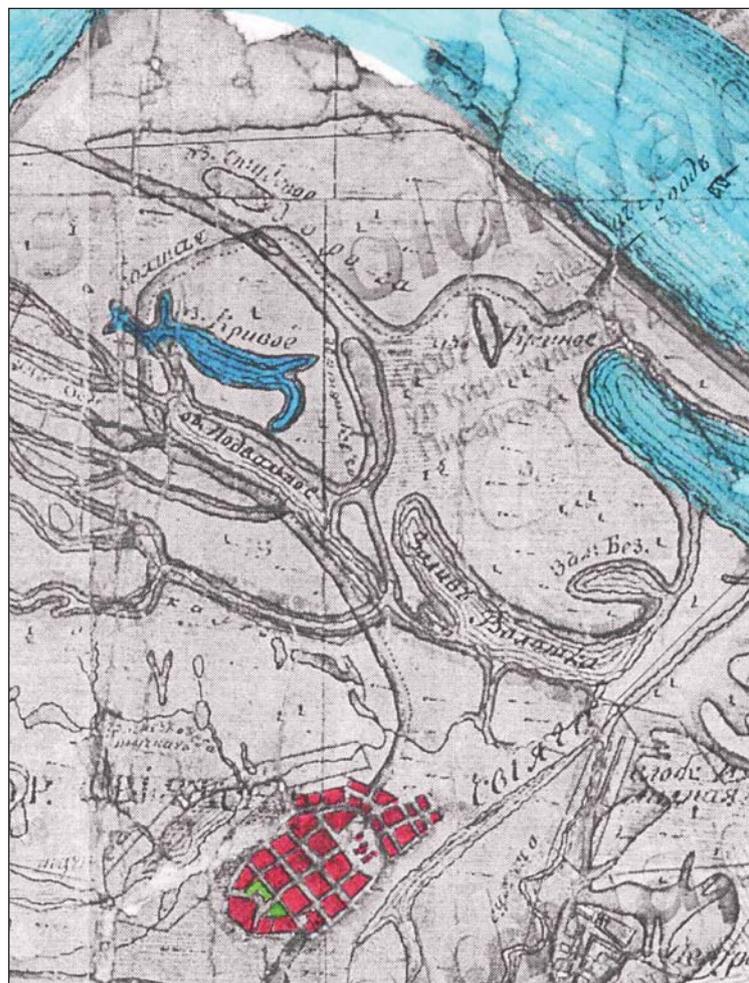
Илл. 1. Генеральный Геометрический план города Свяжска и его Уезда состоящему в Казанской губернии сочинен в Казанской Межевой Канторе в 1798 году.

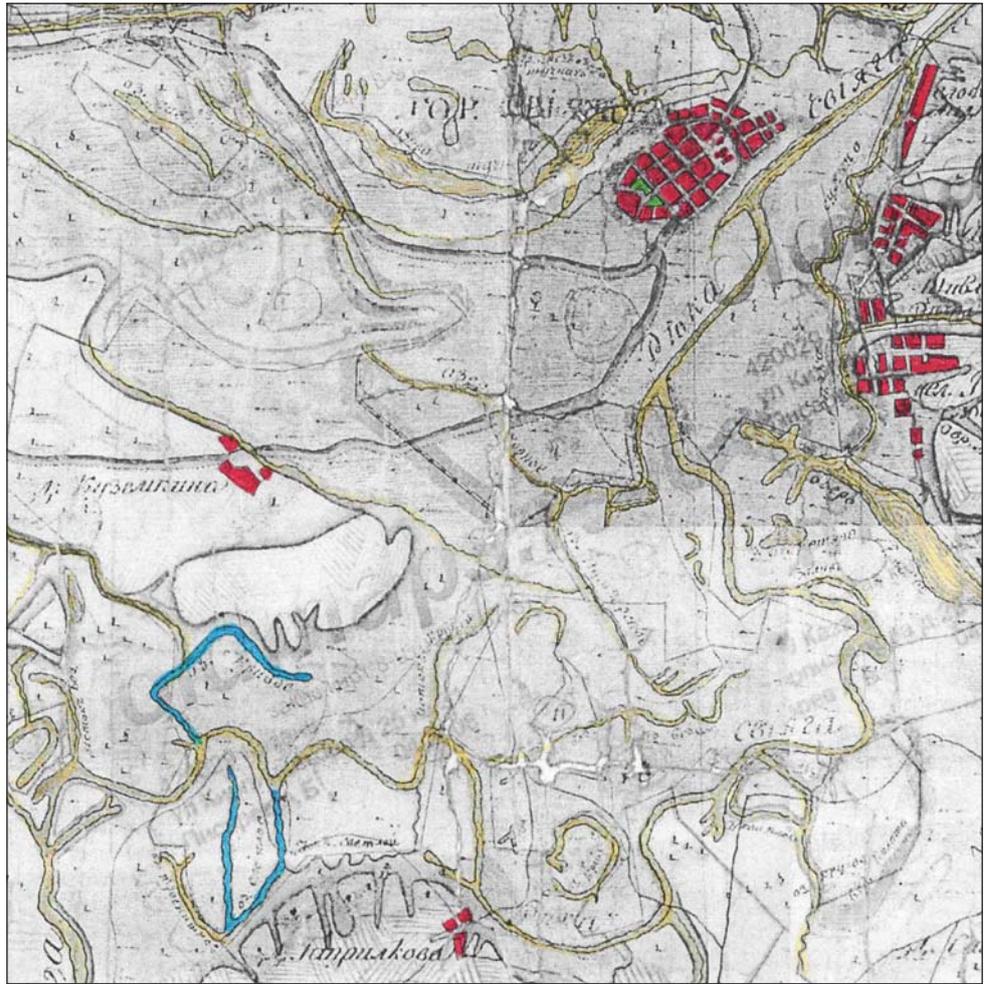
Илл. 2.

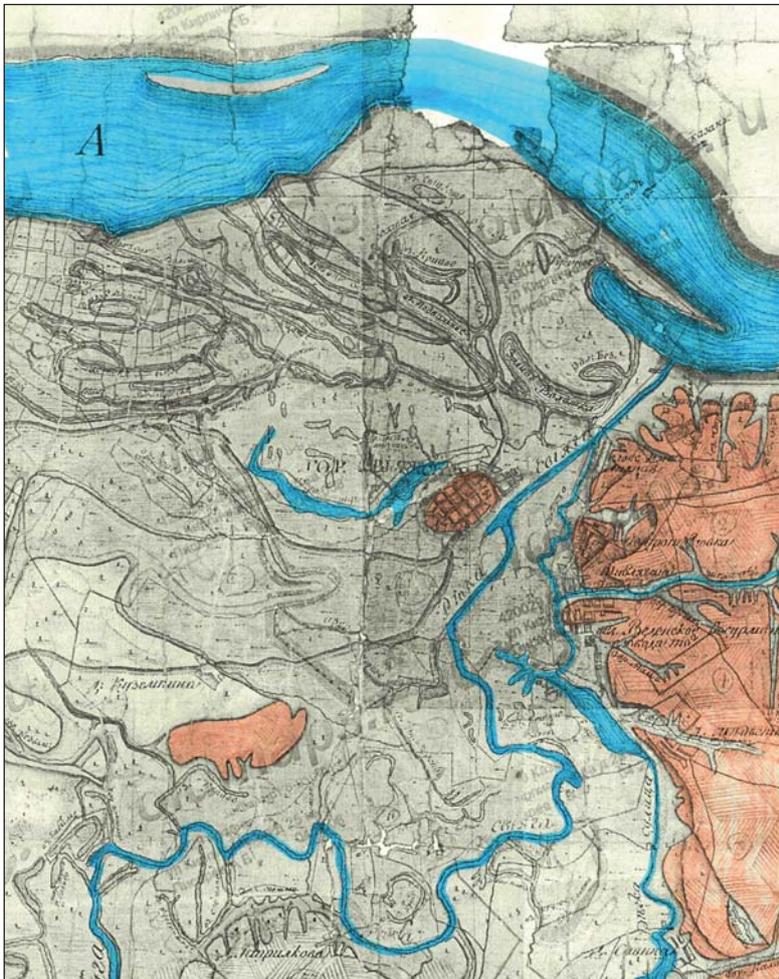
Илл. 3. Местоположение дер. Куземкиной на карте XVIII века.

Илл. 4.

Илл. 5.

Илл. 6.

Илл. 7. Горишченская гора.

Илл. 8.

К статье *Халитов Н.Х., Халитова Н.Н. Двухглавый орёл в исламском и тюрко-татарском средневековом искусстве*

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

Рис. 4.

Рис. 5.

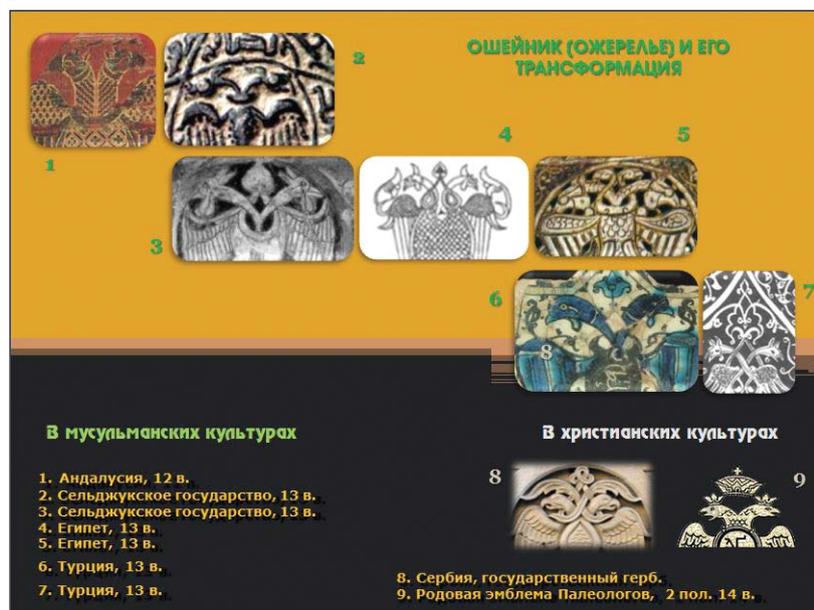

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

Рис. 12.

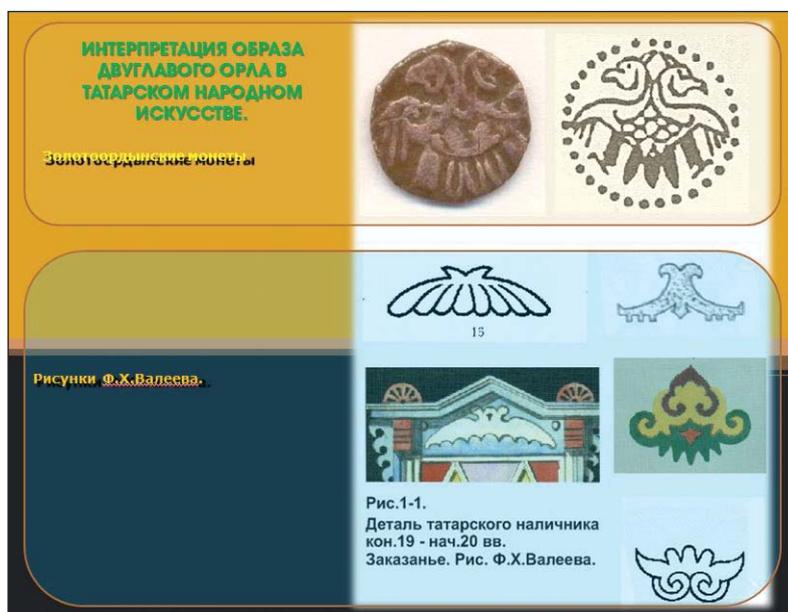

Рис. 13.